ПРАВО И ПРАКТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ НИИ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА И КУБАНСКОЙ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ - М.: НИИ ИЭП, 2021. - №4. - 265 с.

Главный редактор: Шахкелдов Фридрих Григорьевич – доктор юридических наук, доцент.

Редакционная коллегия

Андриановская Ирина Ивановна - доктор юридических наук, профессор;
Астафьева Ольга Николаевна – доктор философских наук, профессор,
Бочкарева Екатерина Александровна - доктор юридических наук, профессор;
Баркова, Элеонора Владиленовна – доктор философских наук, профессор;
Выпханова Галина Викторовна – доктор юридических наук, профессор;
Гайдамашко Игорь Вячеславович – академик РАО, доктор психологических наук, профессор;
Горлова Ирина Ивановна – доктор философских наук, профессор;
Го Сяоли – доктор филологических наук, профессор;
Дашин Алексей Викторович – доктор юридических наук, профессор;
Дмитренко Андрей Петрович – доктор юридических наук, профессор;
Епифанов Александр Егорович – доктор юридических наук, профессор;
Жаворонкова Наталья Григорьевна – доктор юридических наук, профессор;
Жеребцов Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор;
Залиханов Михаил Чоккаевич – академик РАН, доктор географических наук, профессор;
Иншакова Агнесса Олеговна – доктор юридических наук, профессор;
Камышанский Владимир Павлович – доктор юридических наук, профессор;
Карев Борис Анатольевич – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО;
Кибильник Алексей Григорьевич – доктор юридических наук, профессор;
Курдюк Петр Михайлович – доктор юридических наук, профессор;
Леванова Елена Александровна – доктор педагогических наук, профессор;
Лозовский Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор;
Ломов Станислав Петрович – академик РАО и РАХ, доктор педагогических наук, профессор;
Меретуков Гайса Мосович – доктор юридических наук, профессор;
Мирошник Светлана Валентиновна – доктор юридических наук, профессор;
Ображиев Константин Викторович – доктор юридических наук, доцент;
Овсянникова Татьяна Анатольевна – доктор философских наук, профессор;
Попова Юлия Александровна – доктор юридических наук, профессор;
Рыжаков Михаил Викторович – академик РАО, доктор педагогических наук, профессор;
Садохин Александр Петрович – доктор культурологии, профессор;
Сапфирова Аполлинария Александровна – доктор юридических наук, профессор;
Снигирёва Ирина Олеговна – доктор юридических наук, профессор;
Соловей Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор;
Турицын Игорь Викторович – доктор исторических наук, профессор.
Фендоглу Хасан Тахсин – доктор юридических наук, профессор;
Шадже Азамат Мухамчериевич – доктор юридических наук, профессор.

Адрес редакции: 119192, Москва, Мичуринский проспект 16, к.267. Тел. +7 (495) 227-24-13. E-mail: info@helri.com; pip@helri.com; Сайт: www.helri.com
ISSN 2411-2275 © «Право и практика»; Авторы публикаций.

LAW AND PRACTICE

SCIENTIFIC JOURNAL OF HISTORY, ECONOMICS AND LAW RESEARCH INSTITUTE AND OF KUBAN COLLEGIUM OF ADVOCATES OF THE BAR OF KRASNODAR REGION. - M.: HELRI, 2021. - № 4. - 265 p.

Editor-in-chief:
Shahkeldov, Friedrich G. - Doctor of Law, Associate Professor.
Board of editors:
Andrianovskaya, Irina I. - Doctor of Law, Professor;
Astafieva, Olga N. – Doctor of Philosophy, Professor;
Bochkareva, Ekaterina A. - Doctor of Law, Professor;
Barkova, Eleonora V. – Doctor of Philosophy, Professor;
Vypkhanova, Galina V. - Doctor of Law, Professor;
Gaidamashko, Igor V. – Doctor of Psychology, Professor, the Corresponding Member of the Russian Academy of Education;
Gorlova, Irina I. – Doctor of Philosophy, Professor;
Go Syaoli – Doctor of Philology, Professor;
Dashin, Alexey V. - Doctor of Law, Professor;
Dmitrenko, Andrey P. – Doctor of Law, Professor;
Epifanov, Alexander E. – Doctor of Law, Professor;
Zhavoronkova, Natalya G. - Doctor of Law, Professor;
Zherebtsov, Alexey N. - Doctor of Law, Professor;
Zalikhanov, Mikhail Ch. – Doctor of Geography, Professor, the Academician of the Russian Academy of Sciences;
Inshakova, Agnessa O. - Doctor of Law, Professor;
Kamyshansky, Vladimir P. - Doctor of Law, Professor;
Karev, Boris A. – Doctor of Pedagogics, Professor;
Kibilnik, Aleksey G. - Doctor of Law, Professor;
Kurdyuk, Petr M. - Doctor of Law, Professor;
Levanova, Elena A. – Doctor of Pedagogics, Professor;
Lozovsky, Denis N. - Doctor of Law, Professor;
Lomov, Stanislav P. – Doctor of Pedagogy, Professor, the Academician of the Russian Academy of Education, the Academician of the Russian Academy of Arts;
Meretukov, Gaysa M. – Doctor of Law, Professor;
Miroshnik, Svetlana V. - Doctor of Law, Professor;
Obrazhiev, Constantin V., – Doctor of Law, Associate Professor;
Ovsyannikova, Tatiana A., – Doctor of Philosophy, Professor;
Popova, Julia A. - Doctor of Law, Professor;
Ryzhakov, Mikhail V. – Doctor of Pedagogy, Professor, the Academician of the Russian Academy of Education;
Sadokhine Alexander P. – Doctor of Cultural Studies, Professor;
Sapfirova, Apollinaria A. - Doctor of Law, Professor;
Snigiryova, Irina O. – Doctor of Law, Professor;
Solovey, Yuri P. - Doctor of Law, Professor;
Turitsyn, Igor V. – Doctor of History, Professor;
Fendogli, Hasan Tahsin – Doctor of Law, Professor;
Shadzhe, Azamat M. - Doctor of Law, Professor.
ISSN 2411-2275 © «Law and practice»; Authors of the publications

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРАВО

МИХАЙЛОВ А.М. АНГЛИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ПОНЯТИЯ ПРАВА И ЮРИСПРУДЕНЦИИ В УЧЕНИЯХ У. МАРКБИ И Ш. АМОСА **5**

МАМЫЧЕВ А.Ю., МОРДОВЦЕВ А.Ю., АПОЛЬСКИЙ Е.А. СТРАТЕГИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В «ДОЦИФРОВОМ» ФОРМАТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ **13**

КУЗЫЧЕНКО В.С. ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ИВАНА ИЛЬИНА **20**

СИМОНЯН К.Р. ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В МЕНТАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ **24**

ЕПИФАНОВ А.Е., МОХОВ А.Ю. СТАДИИ ДЕФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ) **30**

РЯБЧЕНКО А.Г., ФЕДОРЕНКО С.А. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XVI – XVII ВВ. И СУБЪЕКТЫ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ **35**

ЗЛЫДЕНКО Д.С., РЯБЧЕНКО А.Г. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ **39**

ПЛОТНИКОВА А.В. ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ТОРГОВЛИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА **46**

АСОЯНЦ К.А., КИСЕЛЕВА А.В., ЧЕРКАСОВ Ю.Ю. К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ **50**

УПОРОВ И.В., ТАМАЗОВА А.Д., ГОЛУБИХИНА Н.В. ПРАВОВАЯ ОХРАНА КОНСТИТУЦИИ И ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ **54**

СВЕЧНИКОВА В.В. ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД **60**

ФАЛАЛЕЕВА И.Н., ГАВРИЛОВА В.Д. ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ – НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ **65**

СМОРЧКОВА Л.Н. ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА **71**

ИВАНОВА Н.А., АБЕЗИН Д.А. К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЛУЖАЩИМ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ТРУДОВОГО ИЛИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА **76**

ЭФРИКЯН Р.А., ГОЛУБИХИНА Н.В., БЕСКОРОВАЙНАЯ Е.С. НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАЗРАБОТКЕ И УТВЕРЖДЕНИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ **79**

ЭФРИКЯН Р.А., ВЛАСЕНКО Е.Е. ПАССАЖИРСКИЙ ТРАНСПОРТ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ **83**

ШАХКЕЛДОВ Ф.Г. СТАТЬЯ УК «ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ»: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ **89**

АЮПОВА Г.Ш. ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИЛИ СБЫТА ИМУЩЕСТВА, ЗАВЕДОМО ДОБЫТОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ **92**

КЛЮЕВ А.А., ЭФРИКЯН Р.А. СОРАЗМЕРНОСТЬ ПРИЧИНЕННОГО ВРЕДА, КАК УСЛОВИЕ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ **99**

АКИМОЧКИН В.И. НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ **103**
СОКОЛОВА О.В., СТЕПАНОВА И.Б. СУДЕБНЫЙ ШТРАФ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦЕЛЕЙ И ОСНОВАНИЯ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ **107**
ХОМУТОВ С.В. О НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ **113**
ЧЕРМЕНЁВА С.С., ЧХВИМИАНИ Э.Ж., ЛУНКАШУ Ю.В. ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРОВЕРКА И ЕЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА **117**
КУЛИК Н.В., ТАРАСОВА Ю.И. К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ И ПРАВЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ НА ИНФОРМАЦИЮ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛУШАНИЯ **121**
НАЗАРОВ С.Н. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГАРАНТИИ БЕСПРИСТРАСТНОСТИ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ **125**
НАРЯДЧИКОВ В.Н. ПРОИЗВОДСТВО ОСМОТРА МЕСТНОСТИ, ПОМЕЩЕНИЙ И ИНЫХ ОБЪЕКТОВ КАК СПОСОБ СОБИРАНИЯ АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ **128**
ТАРАСОВА Ю.И. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКЛЮЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛУШАНИИ **132**
СОЛОВЯНЕНКО Н.И. ЮРИДИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ДОВЕРЕННЫЕ УСЛУГИ В ЦИФРОВОЙ БИЗНЕС-СРЕДЕ **138**
ЗАПОЛЬСКИЙ С.В., СМОРЧКОВА Л.Н. ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАНТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ НАУКИ **144**
ПАРОНЯН К.М. ПРЕДЕЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ **149**
ВИЛЬДАНОВА М.М. ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ **154**
ЛИЗИКОВА М.С. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ АТОМНЫХ ЭНЕРГОТЕХНОЛОГИЙ **161**
ФИЛИППОВ Р.В. СОРАЗМЕРНОЕ УМЕНЬШЕНИЕ УСТАНОВЛЕННОЙ ЗА РАБОТУ ЦЕНЫ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЗАКАЗЧИКА ПО ДОГОВОРУ СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ: КОММЕНТАРИЙ К ПОСТАНОВЛЕНИЮ АРБИТРАЖНОГО СУДА ЦЕНТРАЛЬНОГО ОКРУГА ОТ 03.07.2020 № Ф10-2540/2020 ПО ДЕЛУ № А14-3397/2019 **167**
ПУГАЧЕВА А.С. ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ **175**
ОНОПРИЕНКО О.Ф. О РЕЦЕПЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ И ГАРМОНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СЕЛЕКЦИОННЫХ ДОСТИЖЕНИЯХ **182**
ПУГАЧЕВА А.С., АСКАРОВА Н.И. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ЭКОСИСТЕМУ УНИВЕРСИТЕТА **190**
ШЕРЕМЕТЬЕВА Н.В. НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОБСТВЕННИКОВ МИКРОДОЛЕЙ В ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ **197**
ЛАПТЕВ Д.А. МОТИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОСТИ И ЕЕ КАДАСТРОВОЙ ОЦЕНКИ **201**
ЕМЕЛЬЯНОВ А.С. ПРЕОДОЛЕНИЕ УЯЗВИМОСТИ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ И НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ **205**
ШАПСУГОВА М.Д. КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ЧАСТНОМУ ПРАВУ В РОССИИ **209**

КОРШАКОВА К.В., ДОЛЯ М.А. О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ **214**
ДОЛЯ М.А. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА МЕДИАТОРА **218**
НОВИКОВА Н.В. СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА К ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРИФИРМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ РАБОТНИКОВ **222**
АУБАКИРОВА И.У. РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: Орлова Е.Е. Гармонизация правового регулирования занятости населения государств-участников СНГ в контексте евразийской перспективы: монография. – Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО "ТГТУ", 2021. – 252 с. **230**

ФИЛОСОФИЯ

РАУ, И. ИСТИНА И ЗАБЛУЖДЕНИЕ, ПРАВДА И ЛОЖЬ: ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ **234**
ПОПОВ В.Б. ПОСТНЕКЛАССИКА: ПОИСК НОВЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СИНТЕЗОВ **242**
ФОМЕНКО М.В., МАРМАЗОВА Т.И., ХИЖНАЯ А.В. ВЛИЯНИЕ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО АРХЕТИПА НА ФОРМИРОВАНИЯ АПОКАЛИПТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ **246**
ГАГАЕВ П.А., ОСЬМУШИНА А.А., ГАГАЕВ А.А. О КОНКУРЕНЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ **252**
КОСТИН П.А. ФИЛОСОФИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИЙ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ **256**

ПЕДАГОГИКА

КАЗАРЯН Ш.Е., ГРИГОРЯН А.Э. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКУ **262**

УДК 340.12 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-5-13

МИХАЙЛОВ А.М.

АНГЛИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ПОНЯТИЯ ПРАВА И ЮРИСПРУДЕНЦИИ В УЧЕНИЯХ У. МАРКБИ И Ш. АМОСА[1]

Ключевые слова: юридический позитивизм, аналитическая юриспруденция, позитивное право, философия права, юридическая наука.

Статья посвящена раскрытию понимания права и юриспруденции в учениях двух значимых представителей британского юридического позитивизма II половины XIX столетия – Уильяма Маркби и Шелдона Амоса. В работе изучаются ключевые понятия классического юридического позитивизма («политическое общество», «право», «позитивный закон», «суверенитет»), производится их анализ и сопоставление с командной концепцией права Д. Остина, общими идейными установками традиции английского юридического позитивизма. В статье демонстрируется, что учения британских правоведов направлены на раскрытие специально-юридической перспективы в понимании общеправовых понятий и области юриспруденции.

MIKHAILOV, A.M.

ENGLISH LEGAL POSITIVISM IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: CONCEPTS OF LAW AND JURISPRUDENCE IN THE DOCTRINES OF W. MARKBY AND S. AMOS

Key words: legal positivism, analytical jurisprudence, positive law, philosophy of law, legal science

The article is devoted to the analysis of the understanding of law and jurisprudence in the teachings of two significant representatives of British legal positivism of the second half of the 19th century - William Markby and Sheldon Amos. The article studies the key concepts of classical legal positivism ("political society", "law", "positive law", "sovereignty"), analyses them and compares them with the Austininan command theory of law and general ideas of the tradition of English legal positivism. The article demonstrates that the teachings of British legal scholars are aimed at disclosing a special legal perspective in the understanding of general legal concepts and the province of jurisprudence.

Английский юридический позитивизм второй половины XIX столетия остается крайне слабо исследованным в российском правоведении. Даже авторы диссертационных работ, посвященных юридическому позитивизму, как типу понимания права, излагают сначала ключевые идеи философско-правового учения И. Бентама, затем переходят к характеристике командной концепции права Д. Остина, после чего останавливаются лишь на критических аргументах центральной фигуры английского неопозитивизма XX столетия Г. Харта. Как в советском, так и в современном российском правоведении правовые учения У. Маркби, Ш. Амоса, Т. Холланда, Дж. Салмонда не получили даже относительно развернутого описания.

Достаточно распространенной является позиция, согласно которой концепции раннего английского юридического позитивизма вплоть до 1961 г. – года опубликования «Понятия права» Г. Харта – не претерпевали существенных изменений и с позиции общетеоретического анализа правопонимания не несли в себе никаких принципиальных новаций. Однако такая точка зрения далеко не бесспорна. При внимательном изучении учений английских юспозитивистов II половины XIX столетия обнаруживается целый ряд новых идей, которые всецело не укладываются в командную концепцию права Д. Остина.

Невозможно спорить с тем, что полноценная историческая реконструкция эволюции английского юридического позитивизма XIX столетия выступает необходимым условием выстраивания общей теоретической модели англо-американского юридического позитивизма. Существующий в российском правоведении *status quo*, при котором английская правовая мысль в отношении направления юридического позитивизма имеет более чем столетний разрыв «от Остина до Харта», вряд ли возможно характеризовать как оправданный. Данная статья посвящена раскрытию понимания права и юриспруденции в учениях двух значимых представителей британского юридического позитивизма II половины XIX столетия – Уильяма Маркби и Шелдона Амоса.

Во второй половине XIX столетия командная концепция права Дж. Остина становится едва ли не господствующей в профессиональном правосознании английских юристов [1, с. 52]. Целый ряд правоведов, в числе которых У. Маркби, Ш. Амос, Т. Э. Холланд, Дж. Салмонд, У. Браун, Г. Кэмпбелл в качестве основания для формирования собственных учений о праве и юриспруденции берут ведущие понятия командной концепции права основоположника аналитической юриспруденции.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00914 «Проект позитивизма сегодня: историческая траектория, проблемное поле и система юридического позитивизма в англо-американской традиции».

Разделительный тезис, строго отграничивающий право существующее от права должного, понимание природы права, как разновидности команд, ограничение объекта изучения юридической науки позитивным правом – и во второй половине XIX столетия являлись определяющими для организации профессионального юридического мышления в Англии.

Одним из значимых представителей английского юридического позитивизма II половины XIX столетия являлся сэр *Уильям Маркби (1829 – 1914)*, получивший образование в Оксфорде (1846), сдавший экзамен на барристера (1850) и назначенный в 1866 г. судьей Высокого суда правосудия в Калькутте, где через 5 лет нахождения в должности он завершил свой труд «Элементы права, рассмотренные в отношении к принципам общей юриспруденции» (1871).

У. Маркби общим признаком, присутствующим в различных значениях термина «право», считает идею регулярной последовательности событий, регулируемых правилом, берущим свое начало в какой-либо силе, условии или институте, от которых зависит такая последовательность [2, с. 1].

Понятие права в надлежащем значении для юриста выступает, по мнению британского правоведа, составной частью понятия политического сообщества, отличительным признаком которого является абсолютная власть одного лица или группы лиц отдавать приказы подвластным. И хотя данный признак Маркби атрибутирует не только государству, но и некоторым формам организации семьи, вместе с тем именно его британский правовед считает характерной чертой политического сообщества [2, с. 2].

Описанная структура политического сообщества была впервые концептуализирована в английской политико-правовой мысли в учении Т. Гоббса, которого сам Маркби признает, наряду с И. Бентамом, предшественником аналитической юриспруденции [2, с. 4]. Именно Гоббс рассматривал государство как «вертикальное» отношение между сувереном, носителем верховной власти, и массой (*multitude*), которая, в силу общественного договора, обязана безусловно подчиняться приказам суверена [3, с. 119]. Как для Т. Гоббса, так и для Д. Остина и У. Маркби в основании права лежит феномен суверенной власти правителя и привычка повиновения ее приказам со стороны подвластных. «Под политическим обществом, - пишет *У. Маркби,* – я подразумеваю нацию, которая привыкла подчиняться суверенной власти. Если нация отказывается от повиновения или подчиняется какой-либо иной власти, она либо перестает быть политическим обществом, либо же меняется суверенная власть» [2, с. 6]. Поэтому и само понятие права «в надлежащем значении термина» рассматривается британским правоведом как атрибут (элемент) политического сообщества.

Однако если автор «Левиафана», следуя в русле античной традиции, раскрывает целевую причину такой организации политического сообщества, то английские юспозитивисты II половины XIX столетия уже исключают из предмета общей юриспруденции рассмотрение его ценностно-целевых оснований. Так, например, У. Маркби считает, что для целей общей юриспруденции нет необходимости в развернутом анализе понятия политического сообщества [2, с. 1]. В этом вопросе Маркби следует позиции родоначальника аналитической юриспруденции Дж. Остина, который установил, что «вопрос о происхождении и основании государства в действительности не является юридическим вопросом вообще, и что настоящая область юриспруденции — это выяснение того, что является правом, а не того, как или почему это является или стало таковым» [2, с. 16-17].

Можно видеть, что английский юридический позитивизм XIX столетия остается верным «ограничительному» тезису Дж. Остина, исходящему из строгого установления надлежащего юридического значения базовых правовых понятий, позволяющих провести точные границы профессиональной области юриспруденции. Одной из таких границ, проставляемых английским юспозитивизмом, является исключение из предмета общей юриспруденции вопроса об исторических и аксиологических основаниях государства. В связи с этим следует признать обоснованность позиции Г. Харта, который указывал, что в англо-американской литературе термин «позитивизм» связывается, *inter alia*, с важностью анализа смысла правовых понятий самого по себе, независимо от исторических, социологических и критических исследований правовых институтов [4, с. 264].

Маркби хотя и утверждает, что историческое исследование происхождения политического сообщества позволяет составить точное представление о многих понятиях, с которыми приходится

иметь дело юристу [2, с. 17], вместе с тем подчеркивает, что вопрос об основаниях и происхождении политического сообщества не является напрямую связанным с пониманием природы суверенитета как верховной власти. Так, несмотря на то, что У. Блэкстоун и И. Бентам кардинально расходились в своих позициях относительно основания политического сообщества, оба английских мыслителя признавали абсолютный характер суверенитета [2, с. 17].

Понятие политического сообщества, конституируемое вертикальным отношением между сувереном и подвластными, выступает той «точкой опоры», на которой строится общее понятие права в концепциях английского юридического позитивизма II половины XIX столетия. Поскольку право в надлежащем юридическом значении является элементом политического сообщества, постольку оно рассматривается Маркби в качестве разновидности команды, издаваемой правителями политического сообщества для его членов. Правовая природа команды, таким образом, определяется ее происхождением от суверена политического сообщества. Здесь вновь можно видеть тесную связь с определением Гоббса закона как приказа, исходящего исключительно от суверена, и обращенного к подданным [3, с. 182].

Абсолютный характер суверенитета, его неограниченность законом, подчеркивает Маркби, напрямую не связана с демократическим (свободным) или деспотическим режимом: «Мы обычно говорим об одних правительствах как о свободных, а о других - как о деспотических, и было бы глупо отрицать, что данная терминология имеет существенное значение, но она не сводится к тому, что полномочия, которыми наделено одно из них, в совокупности являются менее существенными, чем полномочия, которыми наделено другое» [2, с. 7]. По мнению британского правоведа, деспотический или демократический характер режима связан не с объемом властных полномочий и характером суверенитета, а со способом распределения власти, источником ее титула, частоты изменений положения между правителями и управляемыми, ответственности правителей и права подданного на публичное обсуждение актов власти [2, с. 7]. Иными словами, Маркби утверждает абсолютный, не ограниченный законом характер суверенитета как деспотической, так и демократической власти. Тем самым британский правовед отрицает непосредственную связь между абсолютным характером суверенитета и автократией, что, как известно, являлось одним из наиболее распространенных аргументов, высказанных во второй половине XX столетия против концепции юридического позитивизма представителями концепций «возрожденного» юснатурализма и либертарно-юридической теории права.

Раскрывая видообразующие признаки права как команды суверена, Маркби акцентирует внимание на его *принудительном* и *общем* характере. Издаваемые правителями политического сообщества уведомления в форме приказов Маркби не включает в понятие права в надлежащем значении. Помимо этого, из понятия права исключаются и персонифицированные (адресные) команды суверена. Команды, издаваемые органами правосудия, английский юрист, следуя концепции Д. Остина, рассматривает как последствия общих команд – законов [2, с. 3].

Британский правовед следует за основоположником аналитической юриспруденции и в последовательном разграничении права сущего и права должного. Термины «божественный закон», «закон природы», «моральный закон», по мнению Маркби, являются лишь выражениями идеи того, что должно быть, в то время как позитивный закон – есть действительное право, с которым единственно и должен иметь дело юрист. В отличие от законодателя, функции которого носят этический характер, поскольку «важнейший вопрос для него заключается в том, что должно быть», для юриста главенствующим вопросом всегда является то, что уже есть, и на этом он останавливается, за исключением случаев, когда повеления суверенной власти неопределенны или неясны» [2, с. 6]. При этом британский правовед указывает, что неизбежная вовлеченность как законодателя, так и юриста в споры этического характера, не является следствием смешения границ между понятиями права и морали [2, с. 5].

Легко заметить, что в следовании разделительному тезису Маркби являлся верным последователем учения Дж. Остина, который в серии лекций «Определение предмета юриспруденции» указывал: «Существование права – это одно дело, его достоинства и недостатки – другое. Существует ли право или не существует – это одно исследование, соответствует или не соответствует какому-либо принятому стандарту – другое» [5, с. 234]. Таким образом, понятие права в надлежащем значении определяется Маркби как «общая совокупность правил, которые

правители политического общества адресуют членам этого общества и которым последние по общему правилу подчиняются» [2, с. 3].

Поскольку подлинное понятие права производно от понятий политического сообщества, абсолютного суверенитета и команды, постольку Маркби отрицает саму возможность противоречий между различными видами права: «Если бы такое противоречие между законами, исходящими от различных властей, существовало, то оно, несомненно, противостояло бы тем идеям политического общества и абсолютного суверенитета, из которых мы вывели наше определение права» [2, с. 5]. По мнению Маркби, само признание в качестве действительных законов природы, божественных или моральных законов, на которых основывается концепция неотъемлемых прав и свобод человека, предполагает признание власти более высокой, чем суверен [2, с. 10-11]. Такое предположение не только противоречит ранее определенному понятию политического сообщества, но и выходит за область профессиональной юриспруденции. «Юрист, как таковой, – указывает У. Маркби, – должен иметь дело только с явными или молчаливыми повелениями суверенной власти; этот закон, навязываемый определенной властью определенным лицам, Остин называет позитивным законом» [2, с. 5].

Британский юрист специально подчеркивает то обстоятельство, что сформулированное понятие права является строго юридическим и не вторгается в область религиозной, моральной или политической теории. Представление о праве как общей принудительной команде суверена одинаково верно «для индусов, магометан и христиан; для подданного монархии и гражданина республики», поскольку оно лишь очерчивает «поле деятельности для юриста и оставляет нетронутой сферу политики и религии для государственного деятеля и религиозного служителя» [2, с. 6].

Можно заметить, что через учения английских юспозитивистов XIX столетия красной нитью проходит идея необходимости строго юридического установления объемов общеправовых понятий. Как Д. Остин, так и У. Маркби раскрывают общее понятие такого права, с которым работает в своей профессиональной деятельности юрист. Такая методологическая установка не была характерна для господствовавшей в XVIII столетии школы естественного права, поскольку ее представители неизменно основывали свои правовые учения на общефилософских идеях о природе человека, разуме, обществе в целом, не проводили строгих границ между сферами права, этики, политики и религии. Допустимо утверждать, что философия позитивного права, излагаемая в учениях английских юспозитивистов XIX столетия, носит ярко выраженный профессиональный характер, обеспечивает фундамент понятийного аппарата юристов.

Одной из значимых фигур в направлении английского юридического позитивизма II половины XIX столетия являлся *Шелдон Амос* (1835 – 1886), получивший образование в Кембридже, в 1862 г. ставший барристером, преподававший с 1872 г. конституционное право и историю в Лондонском университете. Его классические труды «Систематическое изложение науки юриспруденции» (1872) и «Наука права» (1874) внесли существенный вклад в развитие идей аналитической юриспруденции в такой степени, что некоторые авторы рассматривают *Ш. Амоса* в качестве связующего звена между основоположниками аналитической школы права (И. Бентам, Д. Остин) и последующим поколением английских правоведов-позитивистского направления (Т. Холланд, Д. Салмонд) [6, с. 181].

Описание Ш. Амосом сферы науки юриспруденции начинается с определения предмета ее изучения. Английский юрист указывает, что в структуре каждого гражданского общества имеются необходимые и формальные факты, которые определяются и контролируются действиями государства, конституцией человеческой природы и материального мира [7, с. 1]. Именно такие факты изучает юриспруденция как наука. При этом в понимании науки Ш. Амос исходит из гносеологической модели естествознания, поскольку утверждает, что наука «занимается определенной последовательностью фактов, которые, в рамках накопленного опыта, неизменны в любое время и в любом месте» [7, с. 1]. Британский правовед определяет науку как «организованную систему постоянных и неизменных фактов, упорядоченных с тем, чтобы наглядно показать их неизменное соотношение друг с другом и с самой системой» [7, с. 16]. Амос специально акцентирует то, что концепция подлинной науки требует привести изучаемые факты в точное и определенное соответствие с другими фактами, т.е. установить неизменные причинные связи между ними [7, с. 16].

Можно видеть, что признаками науки в понимании Амоса выступает эмпирическое основание, нацеленность на выявление закономерностей, системность. Данные признаки позволяет утверждать, что понимание научности знания в учении Амоса в целом укладывается в традицию научного позитивизма XIX столетия.

Применительно к юридической науке такие постоянные и универсальные факты возникают в связи с правом, определяемым как комплекс правил, санкционированных суверенной политической властью. Тесная взаимосвязь между моделью научного исследования в естественных науках и понятием науки, из которого исходит Ш. Амос, видится в том, что предмет изучения носит *эмпирический* характер и концентрируется на *неизменных*, присутствующих во всех обществах фактах. При этом британский правовед в русле традиции научного позитивизма утверждает, что факты, относящиеся к жизни человека как социального существа, представляют собой наиболее сложную категорию фактов, поскольку включают в себя и предопределяют все другие факты [7, с. 16].

Амос подчеркивает то обстоятельство, что практически невозможно созерцать право как полностью автономное социальное явление, абстрагированное от бесконечного числа других социальных явлений. Право является самым могущественным плодом действия социальной силы, реагирует на другие социальные силы и «напрямую определяется любой сильной волной и многочисленными более слабыми волнами, мыслью и чувствами которых в конкретный период времени управляется общество» [7, с. 18]. Соответственно, наука юриспруденции, изучая акты, появляющиеся в связи с взаимодействием права с любыми другими фактами, тесно связана с целым рядом наук, таких как экономика, политические науки, история, социальная этика. При раскрытии признаков таких понятий, как «лицо», «действие», «приказ», «воля» юридическая наука обращается к психологической науке, а при характеристике событий, подразумеваемыми такими понятиями, как «рождение», «смерть», «мышечная работа», «язык», «время», «пространство» – изучает наработки физических наук [7, с. 29].

Профессиональной задачей юриспруденции и юристов, по мнению английского правоведа, является определение, оценка и классификация влияний различных социальных фактов на право. Причем изучение степени и способа их воздействия на право в каждой отдельно взятой стране, большее влияние на те или иные виды права Амос относит к предметным областям истории, статистики, моральной философии, тогда как юристы обеспечивают эти науки инструментами проведения подобных исследований, «помогают им очистить поле исследования от материалов, не относящихся к делу, предостерегают их от возможного смешения частного и временного с всеобщим и вечным, учат их, как освоить наиболее важные элементы истинной природы права и как на время отстраниться от всех моральных и политических суждений в отношении правосудия, целесообразности права и возможности достижения им своих целей» [7 , с. 19].

Заметим, что британский юрист видит предназначение науки юриспруденции в раскрытии постоянных и неизменных элементов права, способности строго отграничить специально-юридические представления о праве, его цели, правосудии от политических и этических. Здесь вновь проявляется общая установка английского юридического позитивизма XIX столетия – утвердить профессиональный юридический способ отношения к правовой реальности, отграничить его от иных социальных фактов и неюридических представлений. Ш. Амос исходит из общей посылки юридического позитивизма, согласно которой право сводится к праву позитивному и рассматривается как атрибут существующих в обществе публичных властеотношений. Английский правовед утверждает, что «существование любого публичного управления (правительства), пусть даже самого безыскусного и примитивного, предполагает существование права, равно как и существование права предполагает существование правительства» [7, с. 2]. Тем самым Амос ставит существование права в зависимость от наличия двух категорий лиц в обществе – тех, кто разрабатывает и устанавливает законы, с одной стороны, и тех, на кого направлено действие законов, и кто подвергается наказанию со стороны первой категории в случае их нарушения [7, с. 2].

Структура политического сообщества в понимании Д. Остина и У. Маркби остается практически неизменной и в учении Ш. Амоса, с той лишь незначительной разницей, что вместо типичного для раннего юспозитивизма термина «суверен» при описании первой категории лиц используется фраза «разработчики и установители законов».

Постоянные и неизменные факты, составляющие предмет изучения науки юриспруденции, производны от отношения между законодателями и адресатами законов. К таким фактам Амос относит те неизбежные последствия, которые предусмотрены каждым законом как следствия акта предполагаемого нарушения. Английский юрист выделяет четыре вида таких следствий: во-первых, утверждение законодателя, что действие, на которое поступила жалоба, является запрещенным законом; во-вторых, утверждение о моральной ответственности, лежащей на правонарушителе или концепция умышленного нарушения закона; в-третьих, более или менее формальное судебное решение; в-четвертых, наказание со стороны законодателя или создание нового закона, обеспечивающего аналогичный результат.

Таким образом, в целом модель законодательного регулирования, из которой исходит Амос, не претерпела качественных изменений со времен аналитической юриспруденции Остина. Процесс правового опосредования общественных отношений носит *централизованный* характер, обусловлен базовым отношением между установителем закона и его адресатами. Во-вторых, акцентируется *охранительный* аспект правового регулирования – установление законодательного запрета, моральная упречность противозаконного акта, вынесение судебного решения и последующее наказание правонарушителя. В описываемых Амосом неизбежных следствиях отношений между установителями и адресатами законов нет места управомочивающим и диспозитивным нормам; модель правового регулирования носит ярко выраженный охранительный характер.

Одной из основных задач юридической науки Амос считает выяснение неизбежных стадий как следствий установления одной категорией лиц для другой общего предписания, обеспеченного правовой санкцией. Юриспруденция призвана сделать очевидными эти стадии и привести их в ясную систему. Осуществляя эту задачу, юриспруденция поможет законодателю устанавливать законы в соответствии с данными стадиями. При этом Амос специально подчеркивает, что предполагаемое противоправное деяние в действительности может являться таковым только в том случае, если оно логически включено в систему деяний, запрещенных посредством общего понятия приказа [7, с. 4].

Чтобы раскрыть предмет юридической науки Ш. Амос обращается к теоретическому анализу права собственности и приходит к выводу, что независимо от конкретных законодательных изменений в основе правового института собственности лежат постоянные юридические факты, к которым относятся сами собственники, имущество, находящееся в собственности, правовой титул, подтверждение наличия права собственности к моменту начала его осуществления, владение. В задачи юриспруденции как науки и входит «выделение и классификация подобных различий, исследуемых как совокупность существенных фактов, вытекающих из более общего факта - самого существования права собственности - и не зависимых от отдельно взятых нормативно-правовых предписаний, из которых состоит система законодательства конкретной страны» [7, с. 6]. Поскольку юриспруденция как наука изучает постоянные юридические факты, присутствующие в любом позитивном праве, приводит в отчетливую форму общеправовые понятия, постольку она является подлинной наукой [7, с. 4].

Практическое значение юридической науки состоит, по мнению британского правоведа, в обнаружении пробелов и изъянов в существующей системе права, указании способов их восполнения и исправления. Амос оговаривается, что вопрос политической целесообразности того или иного способа восполнения пробелов не входит в профессиональную компетентность юристов. «Юристы спокойно стоят в стороне, свободные от спешки и предубеждения, от необходимости поощрять какой-либо политический проект, каким бы благотворным он ни был, и от необходимости присягать на верность какому-либо из существующих государственных органов по той простой причине, что последний ценен и уважаем на протяжении длительного времени» [7, с. 8].

В задачи юридической науки входит установление круга правовых вопросов, которые неизбежно возникают при наличии определенного института. Юристы должны выяснить, содержит ли действующая система права соответствующие правовые положения, позволяющие ответить на указанный круг правовых вопросов. В случае пробела в системе права юристы изучают способы восполнения и их непременные последствия [7, с. 8].

Британский правовед считал юриспруденцию развивающейся наукой, поскольку ее целью является установление и классификация всех последовательностей фактов, создаваемых посредством взаимодействия факта права со всеми другими фактами человеческой жизни, а изменение моральных соображений, расширение и усложнение социальных отношений приводят и к постоянному расширению и обогащению тех материалов, с которыми работает юридическая наука [7, с. 9].

В целом, Ш. Амос следует весьма характерной для науки XIX столетия эволюционистской установке, согласно которой общество постоянно пребывает в развитии социальных привычек, совершенствовании моральных требований, расширении и усложнении ситуаций, с которыми неразрывно связано право. В любой период времени на содержание юридической науки оказывает влияние развитие правовых систем разных государств.

В частности, вклад немецкой исторической школы права, учения Г. Мэйна британский правовед видит в том, что историко-правовые исследования позволяют осмыслить новые юридические понятия «по мере того как они постепенно становятся общеизвестными благодаря законодательной деятельности, происходящей в соответствии с более возвышенными моральными требованиями растущих обществ» [7, с. 11].

Так, например, изменение социальных привычек и моральных устоев привело к большему акцентированию в законодательном регулировании индивидуального, нежели семейно-коллективного, права собственности, а также психологических, а не механических и формальных элементов договора. «Физическое лицо с его непередаваемой и неотделимой моральной ответственностью стало с тех пор тем целым, от которого должны были начаться все дальнейшие концепции правоотношений, и правильный анализ таких психологических свойств, состояний и привычек, как намерение, небрежность, мотив, мошенничество, ошибка, злой умысел и т.п. становится основным направлением юридического исследования» [7, с. 12].

По мнению Амоса, развитие моральных принципов и организации промышленной жизни общества обусловливает развитие позитивного права, которое, в свою очередь, определяет тот круг материалов, с которым работает юридическая наука. Последняя, по мнению английского юриста, имеет комплексный характер, поскольку зависит от нескольких видов фактов. К универсальным фактам, которые присутствуют в любом уголке земного шара, Амос относит рождение, смерть, различия пола и возраста, психического и телесного здоровья и силы, языка, физического роста, времени, мест и то непредсказуемое совпадение событий, подразумеваемое под словом «случайность» [7, с. 12].

Когда общество делает первый шаг на пути к цивилизации, появляется вторая категория фактов – правительство, позитивное право, брак, право собственности и элементарные договоры [7, с. 12-13]. Третья категория фактов формируется в обществах, которые делают существенный моральный и промышленный прогресс. В нее Амос включает право справедливости с целым рядом «широких, гибких и современных принципов» [7, с. 13]. Следующей стадией в эволюции общества и его правовой системы Амос считает формирование прямого и осознанного механизма – законодательства. Профессиональное разделение труда, появление специальной юридической деятельности по изучению и применению права британский правовед связывает с устойчивым состоянием общества, а важнейшей функцией юристов как профессии – вслед за немецкой исторической школой права – он считает приспособление позитивного права к потребностям нации [7, с. 13].

Помимо этого, любая серьезная трансформация действующей правовой системы предполагает складывание профессионального сообщества юристов. Нахождение и определение точного и стабильного понятийного аппарата является необходимым условием для взаимопонимания как между судьями и адвокатами, так и внутри адвокатской среды. Цель установления устойчивых правовых понятий «превращает изучение права в сложное логическое упражнение» [7, с. 14].

Вместе с тем выработка устойчивого понятийного аппарата профессиональной юриспруденции является не только исключительно логической процедурой, но и приводит к тому, что правовая система отделяется от обыденного языка и общеизвестных форм социального взаимодействия. Чем более развитой в этом отношении является правовая система, тем больше она открыта трансформативным изменениям. Так, Амос утверждал, что революционные меры,

которые по отношению английскому праву предлагал Бентам и которые в определенной мере были осуществлены после него, стали «возможными лишь в том четком и изолированном состоянии, в котором правовая система Англии противостояла всем другим учреждениям в стране – моральным, религиозным и политическим» [7, с. 15]. По мнению британского правоведа, несомненное преимущество компактной системы права, поддерживаемой узким профессиональным сообществом, состоит в том, что она способна оказывать сопротивление любым неразумным изменениям и становится значительно более автономной по отношению к изменению морали.

Это приводит Амоса к выводу о том, что в настоящий период главным инструментом развития правовой системы выступает юридическая профессия, которая и поставляет материал для исследования юридической науке. В более широком контексте развитие юридической науки обусловлено взаимодействием позитивного права с вышеуказанными фактами человеческой жизни. Промежуточными механизмами реагирования позитивного права на изменение фактов человеческой жизни Амос считает судебное толкование, которому способствуют, помимо всего прочего, правовые фикции, суды справедливости, развитие юридической профессии и непосредственная законодательная деятельность [7, с. 15].

В полном соответствии с командной теорией права Ш. Амос определяет закон как вид приказа, исходящий от уполномоченного представителя власти и направленный на контроль действий людей в определенном сообществе [7, с. 25].

Основной классификацией законов британский правовед считает их разделение на основании качества (характера) лиц, на действия которых закон распространяет свои немедленные последствия. К первой категории законов Амос относит законы, распространяющие свои последствия на лиц, их устанавливающих. К числу таковых правовед относит законы о государственной измене, налоговые законы и законы о судопроизводстве [7, с. 25]. Выделение такого вида законов позволяет утверждать, что в учении Амоса положение установителей закона не является «пре-юридическим», как на том настаивает И.Н. Грязин [8, с. 42], а носит правовой характер, поскольку регулируется законами, которые обязывают и самого установителя закона. Второй вид законов образуют законы, адресаты которых строго определены в самом законе. К таковым Амос относит законы о роскоши и некоторые санитарные законы. Адресат третьего вида законов носит групповой характер. В данную категорию включаются законы, регулирующие институт собственности, договорные правоотношения, законы, налагающие наказание за определенные виды преступлений. Четвертый вид законов адресован неопределенному числу лиц. Такими законами, по мнению Амоса, являются законы, запрещающие мошенничество, введение в заблуждение, нарушение общественного порядка, призыв к мятежу, массовые беспорядки и заговоры всех видов [7, с. 25-26].

Можно видеть, что Ш. Амос поддерживает идею Остина о том, что закон имеет природу властной команды, направленную на регулирование поведения определенных адресатов, по характеру и объему которых британский правовед и строит свою классификацию. Вместе с тем включение в данную классификацию законов, имеющих персонифицированных адресатов, как представляется, идет вразрез с пониманием права как общей команды в концепции основателя аналитической юриспруденции.

Подлинная функция юриста, по мнению Амоса, состоит в разработке трех групп вопросов, в которые вмещаются все проявления права, существующие в обществе. Первую группу вопросов образуют вопросы исторического развития права, природы его источников, изучение действенных способов установления законов, способов их толкования. Во вторую группу включаются теоретические вопросы, связанные с раскрытием сущностных составляющих каждого закона – понятия «лица», «действия», «приказа», «контроля», «политического сообщества». Третья область деятельности юриста состоит в логическом упорядочении, классификации разнообразного материала системы положительного права. По мнению Амоса, самым подходящим способом является тот, который служит двум целям – дает полное определение права и раскрывает социальное предназначение как целенаправленного, так и спонтанного правотворчества [7, с. 27-28]. «Следовательно – заключает Амос, – не существует более простого и естественного способа распределения материалов всевозможных правовых систем, чем исследование отличительных черт всех действий, потенциально попадающих в сферу контроля законодателя» [7, с. 29].

Литература и источники

1. Salmond J. W. Jurisprudence or the Theory of the Law. L., 1902.
2. Markby W. Elements of law, considered with reference to principles of general jurisprudence. Oxford, 1871.
3. Гоббс Т. Левиафан. М., 2001.
4. Харт Г. Понятие права. СПб., 2007.
5. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined, Being the First Part of a Series Lectures on Jurisprudence, or the Philosophy of Positive law. L., 1861.
6. Frame A. Salmond. Southern Jurist. Wellington, 1995.
7. Amos Sh. A systematic view of the science of jurisprudence. L., 1872.
8. Грязин И. Текст права. Таллин, 1983.

References and Sources

1. Salmond J. W. Jurisprudence or the Theory of the Law. L., 1902.
2. Markby W. Elements of law, considered with reference to principles of general jurisprudence. Oxford, 1871.
3. Gobbs T. Leviafan. M., 2001.
4. Hart G. Ponyatie prava. SPb., 2007.
5. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined, Being the First Part of a Series Lectures on Jurisprudence, or the Philosophy of Positive law. L., 1861.
6. Frame A. Salmond. Southern Jurist. Wellington, 1995.
7. Amos Sh. A systematic view of the science of jurisprudence. L., 1872.
8. Gryazin I. Tekst prava. Tallin, 1983.

МИХАЙЛОВ АНТОН МИХАЙЛОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения Московского государственного института международных отношений (antonmikhailov@hotmail.com)
MIKHAILOV, ANTON M. – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law of the Moscow State Institute of International Relations (antonmikhailov@hotmail.com).

УДК 342.3 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-13-20

МАМЫЧЕВ А.Ю., МОРДОВЦЕВ А.Ю., АПОЛЬСКИЙ Е.А. СТРАТЕГИЯ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В «ДОЦИФРОВОМ» ФОРМАТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ[2]

Ключевые слова: государственная власть**,** политическое манипулирование, политическое сознание, правосознание, политическое поведение, массы, властные отношения, властные элиты, методология, «доцифровое» политическое пространство, политические идеи, политические процессы.

В статье рассмотрены сущностные и функциональные аспекты стратегии властных отношений в контексте эволюции институтов политического манипулирования в условиях традиционного (доцифрового) пространства. Авторы обращают внимание на различные модели политического моделирования и их влияние на конструирование властных отношений, которые рассмотрены в единстве теоретического, исторического и программно-технологического измерений. В работе показана тесная сопряженность исследования политического манипулирования с развитием идей в области правового, философского, политологического осмысления социальной сферы. Особое внимание уделено специфики и технологиям политического манипулирования в «доцифровом» социально-политическом и правовом поле, что важно в плане определения вектора дальнейших («цифровых») стратегических изменений взаимодействия власти и гражданского общества, государства и личности.

MAMYCHEV, A.Yu., MORDOVTSEV, A.Yu., APOLSKI, E.A.
STRATEGY OF POWER RELATIONS IN THE «PRE-DIGITAL» FORMAT OF POLITICAL MANIPULATION

Key words: state power, political manipulation, political consciousness, legal consciousness, political behavior, masses, power relations, power elites, methodology, "pre-digital" political space, political ideas, political processes.

The article considers the essential and functional aspects of the strategy of power relations in the context of the evolution of the institutions of political manipulation in the conditions of the traditional (pre-digital) space. The authors draw attention to various models of political modeling and their influence on the construction of power relations, which are considered in the unity of theoretical, historical and program-technological dimensions. The work shows a close connection between the study of political manipulation and the development of ideas in the field of legal, philosophical, political science understanding of the social sphere. Particular attention is paid to the specifics and technologies of political manipulation in the "pre-digital" socio-political and legal field, which is important in terms of defining the vector of further ("digital") strategic changes in the interaction between government and civil society, the state and the individual.

Конечно, в современной гуманитарии сложно найти категорию, в отношении содержания и смысла которой сложилось бы некая единая, универсальная трактовка. Теоретический, методологический и, в определенной мере, идеологический монизм, свойственный советскому периоду развития науки ушел в прошлое, хотя, следует признать, что в его рамках и были получены весьма солидные наработки, используемые (возможно, с определенными оговорками) исследователями и сегодня. Более того, стоит отметить и то обстоятельство, что в рамках

[2] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21–011-31175 «Цифровизация властной коммуникации и политических отношений в современной России: основные траектории, акторы и модели».

различных гуманитарных дисциплин уже в постсоветскую эпоху имеет место дискуссия о концептуально допустимых пределах теоретико-методологического многообразия в познании различных социальных (правовых, исторических и др.) феноменов.

Например, можно вспомнить имеющую место в современном правоведении дискуссию относительно эвристической целесообразности и, вообще, концептуальной «корректности» вовлечения в юридические исследования методологических конструкций герменевтики, феноменологии, структурализма и постструктурализма и т.п. Ряд авторов весьма скептически относятся к такого рода теоретическим «изыскам», считают их крайне сомнительными и малопродуктивными «нетрадиционными» методами, которые только порождают своего рода «юридические химеры», уводят от адекватного понимания предметной области и никак не способствуют решению тех задач, которые имеют место в конкретной науке [1, с. 31].

В целом, конечно, вряд ли стоит соглашаться с подобного рода позициями, хотя, можно все же признать некоторое увлечение стремительно «ворвавшимися» в отечественное научно-исследовательское пространство философскими учениями и соответствующими им методологемами, которые, при их не всегда добросовестном использовании, действительно, приводят к отвлеченным теоретическим и практическим «пустышкам», правда, хорошо «прикрытым» новыми или по крайней мере еще малоизвестными широкому научному сообществу терминами (в силу их относительно недавнего заимствования чаще всего из западного философского и научного дискурса).

В этом плане, не является исключением и понятие «манипулирования», в отношении которого имеют место и привычные (традиционные или классические) наработки и новые подходы, широко используемые методологию в той или иной мере востребованных и оправдавших себя зарубежных философских (антропологических, юридических и иных) школ. В целом же, можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что несмотря на имеющуюся традицию в понимании манипулирования и манипуляции, на сегодняшний день преждевременно говорить о некоем концептуально оформленном решении проблемы манипулирования [2, с. 87].

Поэтому, различные этимологически концептуальные интерпретации этого понятия не только существуют, но и наращиваются: в сферу юридической, социально-философской и психологической рефлексии попадают все новые и новые «пласты» манипулирования поведением человека и общества, что, разумеется, влечет и использование разнообразных по своему содержанию и разновекторных познавательных методик. Последнее, конечно же, обусловлено сложной и далеко неоднозначной социально ситуацией в России первой четверти XXI, теми процессами, которые возникают в системе властных отношений, элитогенезе, государственном управлении и местном самоуправлении, электоральном поле и др. и требуют многомерного понимания и соответствующих оценок.

Справедливо в этом плане отмечает Н.О. Королев, говоря, что диалог общества и власти в настоящее время осложняется на фоне протестных движений, неприятия значимых реформ (пенсионная, медицинская и др.), снижения рейтингов доверия к представителям элиты [2, с. 87].

Именно в рамках социальной конфликтогенности и рискогенности актуализируются вопросы, связанные с манипулированием, его методами и способами противодействия, результатами. Кроме этого, сложно спорить и с тем, что расширение цифровой среды, появление новых форм «цифровизации» разных областей общественной жизни, вовлечение в нее населения всей России и иных государств, новая волна информационной глобализации, широкие, практически неограниченные (несмотря даже на только формирующуюся систему законодательного регулирования в этой сфере) возможности контроля частной жизни человека (вынужденно живущего в информационно-цифровом поле), ее различных проявлений со стороны как государственных, так и других структур все более и более обостряют проблему манипулирования, которая уже давно перестала иметь исключительно научно-познавательное или философское (т.к. речь здесь все же идет о «сознании» человека или «массовом сознании», что, как известно, всегда привлекало внимание философов, а позже психологов и психиатров) значение и в национальной и международной системе отношений приобрело ярко выраженное практическое «прочтение».

Если же суммировать и несколько обобщить взгляды на процесс сближения общей категории «манипуляции» и ее разновидности – управленческих манипуляций, то можно определить две основные позиции. В рамках первой из них в процессе эволюции понятия «манипуляция» возникали новые формы и способы манипулирования массами. С этих позиций показывается, что общефилософские истоки возникновения этой категории восходят еще к временам европейской античности, когда мыслители (Платон, Аристотель, Цицерон), правда, еще на интуитивном (возможно, даже созерцательном) уровне выделяли и описывали сложные процессы манипулирования (естественно, еще не используя этот термин), определяли их значение при осуществлении властных отношений, для формирования и развития идеологий.

Можно вспомнить хотя бы известные предложения Платона по внедрению в общественное сознания населения его «идеального государства» необходимых для существования этой, тогда еще умозрительной модели власти ценностей, мировоззренческих установок, связанных с легитимностью, по сути своей, «кастового» деления социума, позже Цицерон отмечал важность «привития» населению Римской империи идеи о «вечности» и «величии» Рима, о единственной в мире «идеальной» (но уже реализованной в механизме государства) гармонии трех властных центров (монархического, аристократического и народного) и т.п. В настоящее время сформировалось такое понимание манипуляции, когда под ней принято считать различные акты влияния или управления массами людей либо отдельными индивидами [3, с. 132-138] (западная трактовка), а также управления людьми в качестве объектов [4]. Выделим также и такой аспект, в рамках которого манипулировать – значит подделывать, подтасовывать факты с определенной целью [5, с. 176].

Представляется, таким образом, что манипуляция является атрибутом любой системы властных отношений, отличаясь при этом способами и результатами. Поэтому утверждается, что история понятийного наполнения термина «манипуляция» уходит в глубокую древность, ибо манипулирование «старо», как человек и общество, более того, по мнению ряда авторов, оно даже является «выражением инстинктивной потребности человека» [6, с. 17].

И как некая инстинктивная потребность, манипулирование есть своего рода технология «обманного видения», алгоритм создания механизмов давления на поведение отдельных лиц, социальных (возрастных, профессиональных и др.) групп, страт и т.д. Такой в целом негативный образ, однако, нельзя понимать однозначно, но следует воспринимать диалектически, поскольку кроме отрицательных аспектов можно видеть и положительные (например, управление влиянием на систему общества, создание условий для предсказуемости поведения основных элементов этой системы и пр.). При этом важно понимать, что граница между позитивным и негативным манипулированием весьма условна и часто неуловима [7, с. 22-23].

Действительно, было бы некорректно приписывать манипулированию исключительно негативный контекст его толкования, такой подход, очевидно, обедняет научные представления об этом явлении, уводит от ряда его важных аксиологических и практических аспектов, да в историческом измерении манипулирования подобная «однобокость» вряд ли может быть верифицирована (как в российском, так и зарубежном цивилизационных пространствах).

Обращаясь же к наиболее часто встречающимся в специальной литературе позициям российских исследователей по этому вопросу, можно увидеть очевидный оценочный «перекос»: властные элиты не могут существовать без в той или иной степени развитого механизма манипулирования, т.е. оно всегда тотально, неизбежно и в нем задействованы (кроме непосредственно властных структур) в определенном плане гуманитарное научное познание (философия, правоведение, история и иные отрасли) и религиозные институты (например, РПЦ, чья роль в определенные исторические периоды была весьма и весьма ощутима в отечественном манипулятивном поле), искусство (здесь, в частности, стоит, согласиться с В.И. Лениным об особой роли кино в период «социалистического строительства, да и отношение И.В. Сталина к театральному искусству в контексте усиления, оптимизации манипулятивного механизма в общественной жизни СССР также хорошо известно), а в конце XIX-начале XX вв. на первое место выходят СМИ, в конце XX в. – цифровые технологии, роботизированные системы, при этом, чаще всего, утверждается, что манипуляции имеют исключительно негативный характер [8, 9, 10], а потому требуют дополнительных правовых оценок.

Вторая парадигма понимания наоборот, считает, что институт манипулирования сравнительно молодой, связан с процессами усложнения общественных отношений к двадцатому столетию [11]. Действительно, управление уже в XX в. окончательно становится одной из самых действенных и наглядных областей жизни социума, поэтому в ней достаточно явно и ярко проявился феномен «массовости», «толпы» (вспомним, здесь античный термин «охлократия»). Именно сложные и далеко не всегда линейные процессы актуализировали роль и важность феномена «манипулирования» в социальной организации (весомую роль в обосновании данной позиции сыграли труды Х. Ортега-и-Гассета) [12]. В таком эвристическом контексте известный в дискурсе вопрос о соотношении двух близких, но не идентичных понятий - «политическое манипулирование» и «манипулирование сознанием», – конечно, не снимается, но его теоретико-методологическая острота заметно уменьшается.

Дело в том, что даже в первом приближении становится понятно, что категория «политическое манипулирование» заметно шире по своему логическому объему, т.к. включает в себя не только «манипулирование сознанием» (прежде всего, конечно, «массовым», т.к. индивидуальное сознание в этой области общественных отношений далеко не так важно и интересно для властных элит), но и поведением, что, в целом, и следует признать неким искомым результатом манипулирования. Однако разные философские (от Канта, Гегеля, Маркса и далее) и сложившиеся на их основе социально-психологические и даже медицинские подходы к феномену «сознания» содержат вывод о том, что сознание само по себе «неуловимо» и может быть «сообщено» во вне исключительно через поведенческие акты, т.е. действия субъектов – носителей этого сознания, если, разумеется, не входить в многообразие религиозно-мистических учений и признавать, например, «созерцание» в качестве особого проявления «чистого» сознания индивида. В этом плане, для некоторых познавательных операций следует различать два эти понятия, но в большинстве случаев никакие отдельные скрупулезные изучения здесь не имеют ни теоретического, ни практического смысла.

Интересна в этом плане мысль Х. Ортега-и-Гассета, который подчеркивал, что необходимость манипуляций возрастает в эпоху широкого развития демократических институтов (западное пространство XX в.), когда именно массы претендуют на (непосредственное или опосредованное) руководство государством, стремятся к установлению действенного правого механизма контроля за властвующими элитами (здесь явный конфликт желаний и отсутствия надлежащего опыта их реализации [12, с. 27]. Похожую мысль высказал и К. Шмитт. По его мнению, манипуляция в современном социуме неизбежна в принципе, она вытекает из закономерностей прогрессивного развития современного общества [13, с. 215].

Как видим, в этой парадигме важным моментом выступает не только то, что манипулирование как объект научного и философского осмысления – это явление сравнительно недавнее, но и внимание здесь уже акцентируется не на внешних эффектах манипуляции – технологиях, способах создания иллюзий, неких искаженных представлений, в отношение тех или иных реалий, а на внутреннем состоянии и мышлении самого объекта манипулирования, его когнитивной составляющей, деятельностной и эмоциональной сферах. В этом контексте неслучайно появился, например, предложенный Р. Борецким тезис о том, что управление именно иррациональной областью необходимо считать манипуляцией. Как следствие, – этот институт направлен на снижение конфликтогенности в обществе [14, с. 32]. Сюда же отнесем и высказывание Г. Франка о том, что манипулирование есть тайное психическое воздействие на массовое народное сознание [8, с. 127]. Здесь вряд ли стоит соглашаться с такого рода «иррационализацией» манипулирования. Однако по своей направленности и содержанию эти выводы в полной мере укладываются в выделенную нами вторую позицию.

Обобщающим же для этих подходов и мнений является понимание манипулирования, предложенная В. Бессоновым, согласного которому манипулирование суть не «внешние эффекты манипуляции», технологии, направленные на создание этих самых иллюзий или искаженных представлений в отношение каких-либо процессов, событий, явлений, но особое внутреннее состояние и мышление объекта манипулирования, осуществляемого ненасильственным образом [6, с. 98].

В настоящее время имеет место и иная тенденция в осмыслении манипулирования, а именно, когда любое идеологическое противоборство трактуется в качестве своеобразной формы

«манипулятивной игры». В этом контексте, например, П. Лайнбарджер отмечает, что в современной действительности манипуляции в сфере управления фактически заменяют собой некоторые известные ранее институты (войны, легитимное насилие и т.д.), маскируясь под традиционные символы и ценности («Церковь», «Родина», «Отчизна» и др.).

Наконец, отметим и важность разграничения манипулирования и информационного экстремизма. Если первое явление часто трудно зафиксировать (квалифицировать), то второе – явление более явное, с которым государство борется с помощью уголовно-правовых механизмов [15, с. 65-66]. Очевидно, поэтому, что противодействие и защита от манипулирования должны основываться на каких-либо иных (духовных, образовательных) элементах.

Конкретизируя указанные здесь позиции, проводя их теоретико-методологическую деконструкцию следует выделить три (диалектически связанных) основных измерения исследования сущности и проявлений манипулирования в современном дискурсе:

1) теоретическое (концептуальное), в рамках которой и в одной, и в иной позиции идет поиск сущностных аспектов манипулятивной деятельности, возникают вопросы и дискуссии в отношении признаков и принципов этого явления;

2) историческое, предполагающее изучение традиционных и модернизационных форм и способов воздействия на сознание масс, отдельных социальных групп, страт и т.п. в ходе исторической эволюции, трансформации разных национальных систем управления, а также мирового пространства. Здесь еще крайне мало исследований, хотя, например, в отношении специфики манипулирования сложившейся в России в период правления Ивана IV, патриарха Никона, Петра I, В.И. Ленина, И.В. Сталина, представителей постсоветских (либеральных и иных) властных элит необходимы отдельные, возможно, и междисциплинарные исследования;

3) технологическое (практико-прикладное), в котором выделяют и оценивают с позиции эффективности способы манипулирования сознанием и поведением населения государства (от Н. Макиавелли до современных «цифровых» и «роботезированных» манипулятивных конструкций). В частности, здесь имеет смысл вернуться к осмыслению природы, значимости и организации института цензуры, которую, конечно, не следует, сводить исключительно к «жесткой», идеологической цензуре, но стоит обратиться к различным ее видам, вариантам ее осуществления.

Кроме этого, очевидно, настало время четко различать два временных и, одновременно, принципиально отличающихся по своему технологическому содержанию этапа манипулирования: «доцифровой» и «цифровой» (хотя, возможно, в ближайшем будущем возникнет и третий – «постцифровой»).

Отдельно следует обратить внимание и на то, что все приведенные выше измерения манипулирования являются весьма показательными критериями оценки разных государственно-правовых режимов, параметрами их различения и основаниями для функционирования в их рамках идеологических институтов [16]. По большому счету, изучение манипулирования, его специфики в демократическом, авторитарном и тоталитарном режимах выводит на проблему правового сознания и правовой ментальности в контексте отличающихся друг от друга систем властных отношений. В частности, в условиях демократического режима, одним из признаков которого является, как известно, «идеологический плюрализм» правовой механизм манипулирования – это система допустимых законодательством средств и методов воздействия на правовое и даже экономическое сознание граждан со стороны разных (легальных) субъектов («акторов» - термин германского и римского классического права), с целью придать их активности нужное этим «силам» направление.

Здесь, в условиях часто весьма острой конкуренции, имеющей место между разными «властными авантюристами» (термин М. Фуко), манипулирование, разумеется, всегда стремиться выйти за рамки законодательно дозволенного, что свойственно и его природе, да и сущности самой демократии, институты которой далеко не всегда можно уложить в «прокрустово ложе» национальной правовой системы, которая, все же должна включать весьма строгие ограничения для разного рода «манипуляторных» деструкций, а именно, воздействия на правовое сознание с помощью откровенно ложных или популистских заявлений, угроз, причем, как мнимых, так и реальных (ухудшения жизни большинства населения, сохранения и воспроизводства этноса, нации и т.п.). Однако парадокс здесь состоит в том, что безмерное расширение демократических прав и свобод (свободы слова, собраний, идеологического многообразия, многопартийности и т.п.)

может привести к хаосу, потере управляемости и в итоге – свертыванию самой демократии. История знает много тому примеров, причем, как в духовной, так и в государственно-правовой сферах.

Например, своего рода мутация известных реформ М. Лютера, в ходе которых своего рода «демократизация» или «либерализация» религиозной жизни, в частности, в сфере межличностных (пропаганда свободных любовных отношений и т.п.) и семейных правоотношений (допущение расторжения брака и др.) уже через несколько десятилетий привели к режиму пуританизма, системе жестких ограничений (Ж. Кальвин – «женевский Папа» и др.), получивших свое отражение, естественно, и в законодательстве протестантских государств. Манипулирование в них, соответственно, было направлено на «привитие» пуританских ценностей и институтов на уровне массового, корпоративного и личного правового сознания, правовой культуры, на формирование, постепенно, но целенаправленно устойчивой пуританской правовой ментальности, иные же варианты религиозных практик, а именно воля, стремление к ним граждан или подданных должно быть подавлено, в этом и есть главная цель воздействия властных элит на населения.

Относительно государственно-правовых, властных отношений уместно вспомнить ситуацию в Германии, когда одна из самых демократических и либеральных европейских конституций – Веймарская, принятая в 1919 г. позволила прийти к власти (опять же законным и весьма демократическим путем) Адольфу Гитлеру и его партии, т.е. в этом конституционно-правовом пространстве разные, в том числе и радикальные (например, фашистские, коммунистические и др.) манипулятивные практики являлись легальными, несмотря на их разрушительное для постмонархической (демократической) Германии содержание и направленность. Дело все в том, что стремящиеся к власти противоположные по своему идеологическому содержанию, но совпадающие по своим целям (уничтожение либерально-демократической Германии) силы – фашисты и коммунисты – «оседлали» два разных вида социальной ненависти – национальную и классовую.

В силу конкуренции различных манипулятивных технологий, к началу 30-х годов XX в. национальная (нацистская) идея стала очевидно преобладать: она в большей мере, чем марксистско-классовая соответствовала ожиданиям масс, а по большому счету – государственно-правовой ментальности населения Германии. Учтем, здесь, конечно, множество факторов (объективных и субъективных), но все же выделим в первую очередь то обстоятельство, что возникшая еще в рамках немецкой классической философии этнокультурная модель нации в первой четверти XX в., не просто вступила в противоречие с «французской» (этатистской) моделью (отождествление нации с гражданской общностью, которая была представлена и гарантирована государством), но несколько позже, к началу 30-х годов, стала тяготеть к искомому нацистскими элитами расово-антропологическому дискурсу.

В конечном счете, нацистские манипуляции (облеченные в форму закона) весьма неплохо «легли» на «этнические» ожидания и «почву» германской нации, в рамках правовой культуры которой не «прижились» классовые тренды (что и сорвало стратегию «мировой революции» советских вождей), они оказались «отторгнутыми» массами.

Весьма интересна природа и вектор манипуляций в авторитарных режимах. Ясно, что в них, по сути своей, исчезает полисубъектность манипуляций: единственным легальным и «полновесным» манипулятором, оказывающим воздействие, прежде всего, на массовое правовое сознание, а, соответственно, и поведение большинства граждан выступают властные элиты, среди которых, как правило, выделяется фигура авторитетного (возможно, претендующего на роль национального) лидера, иные же, оппозиционные субъекты манипулирования либо вовсе «исчезают», сами, или под известным давлением со стороны властных институтов уходят с публичной сцены, либо функционируют за рамками правового поля, т.е. переходят на нелегальное существование и в таком статусе пытаются оказывать информационно-идеологическое влияние на массы, однако, чаще всего, в условиях «нелегальности» последнее не приобретает действительно массового масштаба и в целом мало ощутимы в национальной политико-правовой жизни.

Здесь можно вспомнить, например, стремление РСДРП (б) воздействовать «на умы» подданных российской империи с 1903 г. по 1917 г., когда еще только что созданная партия после революции 1905 г. была, в общем, разгромлена имперской властью (лидеры находились или в эмиграции, или в ссылках и тюрьмах), ее деятельность была поставлена вне закона и, в итоге,

манипулятивное (революционное) воздействие на массы оказалось приближенным к «нулю», чем объясняется, в частности, неучастие большевиков в февральской революции 1917 г., и полное отсутствие поддержки этой организации со стороны широких слоев населения вплоть до апреля 1917 г., когда вернувшийся в Петроград В.И. Ленин обозначил свою государственно-правовую стратегию в «Апрельских тезисах» и партия начала будировать в массах тезис о «незавершенности» революции в России.

В тоталитарном государственно-правовом режиме, как хорошо известно, может быть только один центр и источник манипулирования – государственная власть. Здесь в принципе нет никакой «манипулятивной» конкуренции. При «единственно верной» идеологии имеет место четко отлаженный механизм воздействия на массы, основная цель которого постоянная поддержка неограниченного ничем господства властных элит или вождя. Здесь весьма часто манипулятивные практики направлены на поддержание особой харизмы национального или партийного (что здесь одно и тоже) лидера, что безусловно важно и плане поддержания высокого уровня *легитимности* его власти. В общем, тотальный характер государства, которое прочно заняло все социальные ниши и не без помощи созданной им правовой системы сумело «растворить» в себе даже частную жизнь требует такой же тотальности в отношении манипуляций: все виды искусства (литература, театр, кино, живопись и др.) должны быть инструментом воздействия на сознание населения, различные детские организации также заняты в этом идеологическом механизме, СМИ, даже церковь, так или иначе, оказывается в этом манипулятивном «хороводе».

Отдельного изучения требует важная для теории права типизация манипулирования как в цифровую, так и в «доцифровую» эпоху. Так, следует различать, причем, по различным критериям «революционное манипулирование» (в период «смут», «переворотов», «переходных состояний» и иных моментов нестабильности властных отношений) и механизм манипулирования в периоды относительной стабильности (например, с конца 60-х до середины 80-х гг. XX в. в СССР и т.п.).

Литература и источники

1. Козлихин И.Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. 2006. №1. С. 31-40.
2. Королев Н.О. Политическое манипулирование в системе научного знания о политических процессах // Вестник РУДН. Серия Политология. 2012. № 4. С. 87-94.
3. Доценко Е.Л. Манипуляция: психологическое определение понятия / Е. Л. Доценко // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 4. С. 132-138.
4. Манипуляция // Электронный словарь. URL: http://www.new-articles.ru/manipulation/manipulation-essense.html.
5. Краткий политический словарь / Сост. и общ. ред. Л.А. Оникова, Н.В. Шишлина. 3-е изд., доп. М., 1983.
6. Бессонов Б.Н. Идеология духовного подавления. М., 1978.
7. Цуладзе А. Политические манипуляции или покорение толпы. М., 1999.
8. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, Алгоритм, 2006. 830 с.
9. Колесников Е.А. Механизмы легитимации технологий политического манипулирования: Автореф. дисс… канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
10. Моисеев А.Н. Средства массовой информации и общественное сознание. Чебоксары, 2009.
11. Московичи С. Век толп: ист. трактат по психологии масс / Пер. с фр. Емельяновой Т.П. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. 478 с.
12. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2003.
13. Шмитт К. Политическая теология. Сборник. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. 336 с.
14. Борецкий Р. В бермудском треугольнике ТВ. М., 1998. 202 с.
15. Воронцов С.А., Упорников Р.В. Информационный экстремизм и экстремистская деятельность в политико-правовом процессе современной России. Ростов н/Д, 2008.
16. Апольский Е.А., Мордовцев А.Ю., Хоменко С.М. Политико-правовой режим в сущностном и национальном измерении. М., 2021. 160 с.

References and Sources

1. Kozlihin I.Yu. O netradicionnyh podhodah k pravu // Pravovedenie. 2006. №1. S. 31-40.
2. Korolev N.O. Politicheskoe manipulirovanie v sisteme nauchnogo znaniya o politicheskih processah // Vestnik RUDN. Seriya Politologiya. 2012. № 4. S. 87-94.
3. Docenko E.L. Manipulyaciya: psihologicheskoe opredelenie ponyatiya / E. L. Docenko // Psihologicheskij zhurnal. 1993. T. 14. № 4. S. 132-138.
4. Manipulyaciya // Elektronnyj slovar'. URL: http://www.new-articles.ru/manipulation/manipulation-essense.html.
5. Kratkij politicheskij slovar' / Sost. i obshch. red. L.A. Onikova, N.V. SHishlina. 3-e izd., dop. M., 1983.
6. Bessonov B.N. Ideologiya duhovnogo podavleniya. M., 1978.
7. Culadze A. Politicheskie manipulyacii ili pokorenie tolpy. M., 1999.
8. Kara-Murza S.G. Manipulyaciya soznaniem. M.: Eksmo, Algoritm, 2006. 830 s.
9. Kolesnikov E.A. Mekhanizmy legitimacii tekhnologij politicheskogo manipulirovaniya: Avtoref. diss… kand. polit. nauk. Rostov-na-Donu, 2011.
10. Moiseev A.N. Sredstva massovoj informacii i obshchestvennoe soznanie. CHeboksary, 2009.
11. Moskovichi S. Vek tolp: ist. traktat po psihologii mass / Per. s fr. Emel'yanovoj T.P. M.: Centr psihologii i psihoterapii, 1996. 478 s.
12. Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass. M., 2003.
13. Shmitt K. Politicheskaya teologiya. Sbornik. M.: «KANON-press-C», 2000. 336 s.
14. Boreckij R. V bermudskom treugol'nike TV. M., 1998. 202 s.
15. Voroncov S.A., Upornikov R.V. Informacionnyj ekstremizm i ekstremistskaya deyatel'nost' v politiko-pravovom processe sovremennoj Rossii. Rostov n/D, 2008.

16. Apol'skij E.A., Mordovcev A.Yu., Homenko S.M. Politiko-pravovoj rezhim v sushchnostnom i nacional'nom izmerenii. M., 2021. 160 s.

МАМЫЧЕВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ – доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
МОРДОВЦЕВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия (aum.07@mail.ru).
АПОЛЬСКИЙ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (apolski@mail.ru).
MAMYCHEV, ALEXEY Yu. - Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of Political and Legal Research, Moscow State University named after M.V. Lomonosov (mamychev@yandex.ru).
MORDOVTSEV, ANDREY Yu. - Doctor of Law, Professor, Department of Theory and History of State and Law of the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia); Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice (aum.07@mail.ru).
APOLSKY, EVGENY A. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

УДК 340(091) DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-20-24

КУЗЫЧЕНКО В.С.
ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ИВАНА ИЛЬИНА

Ключевые слова: государственно-правовое устройство, национальное государство, государственная концепция, власть, государство, национальные интересы.

В статье дан анализ государственно-правовой концепции Ивана Ильина с точки зрения идеи построения национального государства в России. Ильин глубоко исследует причины крушения в России монархического строя, определяя, наряду с политическими, экономическими, социальными, в первую очередь, духовные причины, падение правосознания кризисного общества. Являясь идейным противником коммунизма, ученый создает модель будущей России и видит ее как национальное государство. Размышляя о национальном государстве, Ильин говорит о формировании единой нации, о духовном единении народа, любви к своему культурному своеобразию. При этом он исходит из того, что это государство не должно иметь нездоровой идеализации своего опыта, агрессивной идеологии и больного самомнения, но обладать объективным взглядом на свои возможности и недостатки. В своей политико-правовой теории Иван Ильин исследует пути дальнейшего развития Российской государственности, анализирует опыт предыдущих исторических периодов.

KUZYCHENKO, V.S.
THE IDEA OF A NATIONAL STATE IN THE POLITICAL-LEGAL CONCEPT OF IVAN ILYIN

Key words: state-legal structure, national state, state concept, power, state, national interests.

The article analyzes the state-legal concept of Ivan Ilyin from the point of view of the idea of building a national state in Russia. Ilyin deeply investigates the reasons for the collapse of the monarchical system in Russia, defining, along with political, economic, social, primarily spiritual reasons, the decline in the legal consciousness of a crisis society. Being an ideological opponent of communism, the scientist creates a model of the future Russia and sees it as a nation state. Reflecting on the national state, Ilyin talks about the formation of a single nation, about the spiritual unity of the people, and love for their cultural identity. At the same time, he proceeds from the fact that this state should not have an unhealthy idealization of its experience, aggressive ideology and sick self-conceit, but have an objective view of its capabilities and shortcomings. In his political and legal theory, Ivan Ilyin explores the ways of further development of the Russian statehood, analyzes the experience of previous historical periods.

Иван Александрович Ильин – российский философ и правовед, выпускник Московского университета, труды которого посвящены России, ее историческим судьбам и что важно, ее будущему. Он родился в г. Москве в 1883 году в семье присяжного поверенного округа Московской судебной палаты, Александра Ивановича Ильина и Екатерины Юльевны Ильиной. Окончил с золотой медалью 1-ю классическую гимназию Москвы, после чего поступил без экзаменов на юридический факультет Московского университета, где стал учеником известного правоведа Павла Ивановича Новгородцева. В 1906 году его супругой становится Наталья Вокач, в дальнейшем ставшая верной подругой и помощницей в жизни выдающегося ученого, хранительницей его богатого творческого наследия. Яркий талант выдающегося национального мыслителя проявился у Ильина довольно рано. Оставленный в университете для подготовки магистерской диссертации и преподавательской работы, на защите в 1918 г. он получил сразу степени магистра и доктора государственных наук за выдающуюся работу «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» [1, с. 102-105].

Получив признание научного сообщества Москвы, Ильин получает звание профессора и продолжает работу в Московском университете. Однако после Октябрьской революции философ,

выступавший ярым противником большевизма, подвергся политическим преследованиям со стороны Советской власти и 29 сентября 1922 года вместе с другими известными учеными и деятелями искусства был выслан в эмиграцию на знаменитом «философском» пароходе. Обосновавшись в Германии, с 1923 года Ильин занимал должность декана юридического факультета в Русском научном институте в Берлине, где читал курсы лекций на русском и немецком языках (Энциклопедия права, Методология юридических наук, Учение о правосознании и др.). Ильин вел активную публицистическую, научную и преподавательскую деятельность, в частности в 1926 году выступал в Кенигсбергским университете с докладом «О правосознании и правопорядке в современной России».

Волею судьбы жизнь Ивана Ильина, по меткому замечанию его последователя Николая Полторацкого, разделилась на Московский, Берлинский и Цюрихский периоды. Будучи идейным противником большевизма, Иван Ильин подвергся политическим преследованиям и в эмиграции – на этот раз со стороны национал-социалистов. Отказавшись следовать программе фашистской партии, Ильин был лишен должности в Русском научном институте Берлина и под угрозой ареста вынужден был перебраться в Швейцарию, обосновавшись в Цолликоне вблизи Цюриха. Условия, в которых оказался философ на этот раз оказались гораздо более тяжелыми. Швейцарские власти согласились дать Ильину возможность проживания, лишив его, однако, возможности преподавать и выступать с публичными лекциями. Дальнейшее его существование во многом зависело от помощи друзей и почитателей. Ограниченный в возможности дальнейшей преподавательской работы И. Ильин начал писать «в стол». Тем не менее, ученый активно публиковался в европейской русской эмигрантской печати [2]. В годы эмиграции им были написаны фундаментальные труды о России и ее будущем политическом, духовном и культурном образе («О сопротивлении злу силою» (1925), «Путь духовного обновления», «Основы христианской культуры» (1937), «Аксиомы религиозного опыта» (1953), «Проблема современного правосознания» (1923), «О сущности правосознания» (1956); «О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин-Ремизов-Шмелев» (1959), «Яд большевизма» (1931), «Творческая идея нашего будущего. Об основах духовного характера» (1937), «Основы борьбы за национальную Россию» (1938), «Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг.» и др.) [3].

Уникален подход ученого к переосмыслению российского государственно-правового устройства в контексте крушения Российской империи, заключающийся в определении глубинных духовных и правовых причин политической катастрофы. Попытка заглянуть в саму сущность кризиса российского общества и каждого гражданина в отдельности, как части единого организма, позволила раскрыть весь внутренний упадок личности, который и спровоцировал, по мнению ученого, глобальный коллапс Российской государственности. Вот что об этом писал сам И. Ильин: «Политические и экономические причины, приведшие к этой катастрофе, бесспорны. Но сущность его гораздо глубже политики и экономики: она духовна. Это есть кризис русской религиозности. Кризис русского правосознания. Кризис русской военной верности и стойкости. Кризис русской чести и совести. Кризис русского национального характера. Кризис русской семьи. Великий и глубокий кризис всей русской культуры» [4, с. 355].

Предпринимая попытку спрогнозировать дальнейшее развитие Российской государственности, Ильин определил возможные векторы развития страны в постсоветскую эпоху, еще в то историческое время, когда Советское государство находилось в своем зените. Считая Октябрьскую революцию 1917 года катастрофой, Ильин, подвергший скрупулёзному анализу причины этих событий, пришел к выводу о том, что: «За последние десятилетия русский народ расшатал свое монархическое правосознание и растерял свою готовность жить, служить, бороться и умирать так, как подобает убежденному монархисту» [4, с. 99]. Являясь убежденным монархистом, исследователь внимательно анализировал причины падения монархии в России, методично изучая, какая форма государственного устройства, на его взгляд, необходима для расцвета Российской государственности, указывая на то, что у России свой собственный исторический путь. В статье «О новой России и новых идеях» Ильин писал, что «мы должны готовить не реставрацию прошлого, а новую Россию» [3, с. 244].

В своих работах исследователь создал модель Российского государства постсоветского периода, рисуя образ национальной России будущего, которая, по мнению автора, сможет не только возродить былое величие страны, но и превзойти его. Таким образом, он высказывал идею

несомненного прогресса Российской государственности, только не по заимствованным лекалам и образцам: «Современное поколение русских людей проходят через трудную историческую школу, которая должна освободить их от всяких политических и национальных иллюзий и открыть им глаза на своеобразие русского народа, на драгоценную самобытность его культуры, на его государственные задания и на его врагов» [4, с. 259].

Национальное государство в России по Ильину начинается с формирования единой нации и «духовного единства всего народа», основанного на неподдельной вере и любви к своей Родине. Именно чувство Родины, ощущение причастности к ее духу и служит краеугольным камнем в основании государственной модели Ивана Ильина. При этом ученый сразу же осуждает и исключает любое нездоровое, больное самомнение и идеализацию российского опыта, подчеркивая необходимость понимания и исправления существующих пороков общественного развития. В своей статье «О сильной власти» Ильин пишет: «Россия, как национально-политическое явление, была создана сильной государственной властью, которая, однако, никогда (даже при Иоанне Грозном!) не покушалась на тоталитарное ведение жизни, культуры и хозяйства» [4, с. 274]. Говоря о сильной политической власти, автор четко проводит водораздел с тоталитарными режимами.

Государственная концепция Ивана Ильина говорит о построении Российского государства в новом качестве, не механически, путем искусственного навязывания политических институтов и идеологий, а путем построения «национального» Российского государства, что называется «в духе и истине», через единение всего общества, затрагивая личность каждого индивида в отдельности и этим мобилизуя и объединяя общество. Сложность этого процесса обусловлена постепенностью и этапностью формирования нового правосознания, невозможностью его «грубого» реформирования, путем насаждения готовых доктрин и правил. Движение вперед возможно лишь на основе собственного исторического, политического и правового опыта, необходимой личностной и духовной зрелости общества, а не формальных реформ. «Прежде всего мы не верим и не поверим ни в какую «внешнюю реформу, которая могла спасти нас сама по себе, независимо от внутреннего, душевно-духовного изменения человека» [4, с. 196].

Ильин рассматривал Россию через призму революционных и военных событий XX века, делая ее объектом своего исследования на протяжении всей своей жизни. Не сразу приходит понимание образа той России, которую выстраивает Ильин, не сразу удается полностью осознать глубину проработки этой модели, не абстрагировавшись от современных автору политических реалий. Может быть поэтому его труд не нашел массового отклика эмигрантского сообщества, искавшего «сиюминутных» решений и возлагавших надежды на различные внешние политические силы.

Сложность исторического подхода Ильина к построению модели Российского общества определяется уже четким определением тех критериев которому оно должно соответствовать. Ученый не определяет ни сроков, не политических условий, не механических действий для будущих изменений, говоря в первую очередь о формировании необходимого уровня правосознания, зрелости самого общества, духовно-нравственного совершенства, путем прохождения сложных исторических судеб. Национальная Россия, по Ильину, должна родиться как ребенок – в муках и выполнить свои исторические и политические задачи. Свои исследования Ильин проводил с разных временных точек, рассматривая под разным углом то исторические условия формирования Российской нации, то углубляясь в причины и следствия революционных событий. Только проведя детальный анализ этих причин Ильин выстраивает свою модель новой национальной России, по-своему переосмысливая понятие национального государства: «Когда мы смотрим вперед и вдаль и видим грядущую Россию, то мы видим ее как национальное государство… Россия вернется к свободному самоутверждению и самостоянию, найдет свой здравый инстинкт самосохранения, примирит его со своим духовным самочувствием и начнет новый период своего исторического расцвета» [4, с. 263].

Исследователь не ограничивался «слепым» утверждением тех или иных политических форм, которые он считает наиболее оптимальными, а методично рассматривал и анализировал политическое устройство и форму правления различных государств. Постепенно утверждаясь в безальтернативности своих суждений, Ильин опирался на анализ исторического опыта и собственные религиозно-философские взгляды, подчеркивая невозможность принятия концепции

его национальной России по «частям», путем заимствования каких-то институтов, копирования политических форм. Он акцентировал внимание на самобытности и наличии необходимого потенциала для реализации данной модели государства не только в народе, но и в каждом индивиде. Иван Ильин считал, что «Россия есть единый живой организм» [5, с. 21], который должен преодолеть классовые разногласия.

Сложности жизни на чужбине, непонимание и неприятие его идей со стороны основной массы эмиграции привели к тому, что Ильин, особенно в «швейцарский период» своей жизни, распространял свои идеи в основном среди немногих товарищей и единомышленников. Политическая теория Ильина о грядущей России для разнородных и разобщённых кругов эмиграции стала как проповедь о грядущем Царствии небесном для фарисеев, видевших и искавших разрешение политического кризиса в России и революционных событий в немедленных действиях любыми путями и средствами, совместно с международным сообществом. В этой связи Ильин последовательно доказывал, что у России нет друзей в текущей политической обстановке, что европейские лидеры, равно как и религиозные (Ватикан), преследуют свои сугубые политические цели. Исследуя путь государственного развития России, ученый делал акцент на духовном обновлении нации. Ильин изначально рассматривал государство как единый, исторически сложившийся организм, считая происходящие с ним катаклизмы трудностями роста на пути к новому расцвету.

Таким образом, идея национального государства в политической философии Ивана Ильина неразрывно связана с историческими судьбами Российского государства. Анализируя политические кризисы и периоды расцвета нашей страны, ученый работал над проблемой дальнейшего политико-правового развития Российской государственности в условиях падения монархического строя. Глубокие политические и культурные изменения через которые прошла Россия, по мысли ученого, должны были превратить страну из классово разобщенной, утратившей национальное правосознание в новую национальную Россию с единой нацией и общей национальной идей. Дискуссионный вопрос о славянофильстве и западничестве решался философом и правоведом не на основе признания правоты той или другой стороны. Ильин считал, что политико-правовой образ национальной России должен произрастать из национально-исторических и духовных традиций самого народа и этого достаточно для достижения амбициозных целей. Единство Российского народа в его культурном многообразии. Многовековые традиции монархии и совместного общежития различных народностей на его территории, по мнению Ильина, должны лежать в основе будущего политического расцвета. Именно это и являлось главной целью политико-правового моделирования в концепции Ильина.

Философ и правовед Ильин считал, что форма государственности тогда наиболее эффективна, когда произрастает из исторического опыта нации и является исторически сложившейся моделью. В этой связи ломка традиционных устоев Российской государственности, произошедшая в начале XX века, была воспринята ученым очень болезненно. Однако острый ум и живая вера великого национального мыслителя в свою страну помогли ему не отчаяться и продолжить работу по поиску новых путей возрождения и развития государства Российского. Считая советский период в истории страны временным, Ильин отмечал: «кто любит Россию, тот должен желать для нее свободы; прежде всего свободы для самой России, как государства, ее международной независимости, ее державной самостоятельности; далее - свободы для России как национального, хотя и многочленного единства, то есть творческой нестесненности, любовного взращивания русской и всех других российски-нерусских национальных культур; и, наконец, - свободы для русских людей, как множества духовных и хозяйственных личностей, свободы для всех нас, как живых субъектов права: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности» [4, с. 188].

Литература и источники

1. О людях Московского университета. 3-е изд., доп. М., 2019.
2. Полторацкий Н.П. Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение. Сб. ст. Tenaflay (N.J.): Эрмитаж, 1989. 320 с.
3. Ильин И.А. Собрание сочинений: Новая национальная Россия. Публицистика 1924 – 1952 гг. / Сост., выступ. Статья Ю.Т. Лисицы; подготовка текста О.В. Лисицы; коммент. Ю.Т. Лисицы и А.Ю. Лисицы; художник Л.Ф. Шканов. М.: Институт наследия, 2019.
4. Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи/ Под. ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993.
5. Ильин И.А. О русском национализме. Сборник статей. М.: Российский фонд культуры, 2007.

References and Sources

1. O lyudyah Moskovskogo universiteta. 3-e izd., dop. M., 2019.
2. Poltorackij N.P. Ivan Aleksandrovich Il'in. ZHizn', trudy, mirovozzrenie. Sb. st. Tenaflay (N.J.): Ermitazh, 1989. 320 s.
3. Il'in I.A. Sobranie sochinenij: Novaya nacional'naya Rossiya. Publicistika 1924 – 1952 gg. / Sost., vystup. Stat'ya Yu.T. Lisicy; podgotovka teksta O.V. Lisicy; komment. Yu.T. Lisicy i A.Yu. Lisicy; hudozhnik L.F. Shkanov. M.: Institut naslediya, 2019.
4. Il'in I.A. O gryadushchej Rossii: Izbrannye stat'i/ Pod. red. N.P. Poltorackogo. M.: Voenizdat, 1993.
5. Il'in I.A. O russkom nacionalizme. Sbornik statej. M.: Rossijskij fond kul'tury, 2007.

КУЗЫЧЕНКО ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ – преподаватель кафедры организации режима и надзора юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России (Kuzychenko-vs@yandex.ru).
KUZYCHENKO, VASILY S. - Lecturer of the Department of Organization of Regime and Supervision of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Kuzychenko-vs@yandex.ru).

УДК 340.12 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-24-30

СИМОНЯН К.Р.
ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В МЕНТАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: правовое воздействие, правовой менталитет, юридическое мышление, стереотипы поведения, ненормативные правовые регуляторы, правовое регулирование, правовые отношения, правовая культура.

В статье раскрываются важные теоретические и методологические аспекты исследования феномена правового воздействия в широком социокультурном и цивилизационном контексте. Автор обращается к «глубинному» ментальному уровню национального правового пространства в рамках которого выявляет природу правового воздействия, его особенности и результаты. В работе представлен новый взгляд на правовое воздействие, которое не может быть оторвано от складывающегося веками и актуализированного в XXI в. правочувствования субъектов, их правопонимания и, соответственно, правовых ценностей и стиля юридического мышления, стереотипов поведения, правовых образов и др. Автор обосновывает эвристическую продуктивность такого рода исследований, ориентирующихся на междисциплинарную (теоретико-правовую, историко-правовую и философско-правовую) модель осмысления правовых явлений и процессов.

SIMONYAN, K.R.
LEGAL IMPACT IN THE MENTAL DIMENSION: THEORETICAL-METHODOLOGICAL ASPECTS

Key words: legal impact, legal mentality, legal thinking, stereotypes of behavior, non-normative legal regulators, legal regulation, legal relations, legal culture.

The article reveals important theoretical and methodological aspects of the study of the phenomenon of legal impact in a wide socio-cultural and civilizational context. The author refers to the "deep" mental level of the national legal space, within the framework of which she reveals the nature of the legal impact, its features and results. The article presents a new view of the legal impact, which cannot be torn away from the one that has developed over the centuries and is actualized in the 21st century. Legal feeling of subjects, their legal thinking, and, accordingly, legal values and style of legal thinking, stereotypes of behavior, legal images, etc. The author substantiates the heuristic productivity of this kind of research, focusing not on an interdisciplinary (theoretical-legal, historical-legal and philosophical-legal) model of understanding legal phenomena and processes.

В рамках современной теории права вопросы, связанные с правовым воздействием и правовым регулированием, обычно включают в проблемное право «механизма правового регулирования» [1, с. 622-624], что, конечно же, логично с позиции очевидного доминирования формального подхода к пониманию природы этих сложных и далеко неоднозначных процессов. В специальной литературе, как правило, предлагается следующее видение соотношения «правового воздействия» и «правового регулирования»: «Предмет правового регулирования несколько уже предмета правового воздействия. В последний входят и такие экономические, политические, социальные отношения, которые правом не регулируются, но на которые оно так или иначе распространяет свое влияние» [1, с. 622].

Здесь уместно возникает вопрос о природе такого «влияния» права, т.е. о сущностных аспектах ситуации, когда общественные отношения правом не регулируются и, соответственно, не охраняются, но тем не менее испытывают на себе его влияние. Правда, далее в этом же источнике имеет место частичное уточнение, а именно, А.В. Малько отмечает, что правовое регулирование «означает осуществление правовых норм через правоотношения…», для правового воздействия эта структурно-инструментальная схема не является обязательной, так как «регулирование лишь одна из форм воздействия права на социальные связи, далеко не охватывающая всех иных форм, к которым относят информационно-психологическую, воспитательную и социальную» [1, с. 623].

Ясно, что перечисленные выше формы правового воздействия не бытийствуют изолировано, но всегда и содержательно, и функционально взаимосвязаны. Однако при их дифференциации все же следует быть более точным, в частности, при различении

информационно-психологического (или мотивационного) аспекта правового воздействия и его социальной формы. Так, информационно-психологическая форма, по мнению А.В. Малько, включает в себя воздействие «прескриптивной (нормативной) правовой информации на мотивы субъектов». Причем, через два основных юридических средства: правовые стимулы и правовые ограничения. И с такой постановкой вопроса трудно спорить. Однако обращение к социальной форме убеждает в том, что ей имманентны правовые и иные политические, нравственные и даже экономические факторы, которые, так или иначе участвуют в правовой жизни социума, причем на всех этапах его функционирования. При дальнейшей же конкретизации выясняется, что эти факторы есть ничто иное, как «… доведение правовых норм и предписаний до всеобщего сведения, направление поведения субъектов путем постановки в правовых актах социально полезной цели; формирование правом социально полезных образцов поведения…» [1, с. 623-624].

Вообще, «доведение правовых норм… до всеобщего сведения» – это информационное измерение правового воздействия, а «направление поведения субъектов…» есть ни что иное, как воздействие правовой (нормативной) информации на мотивы деятельной активности или, наоборот, пассивности лиц в правовой сфере с помощью тех самых юридических средств – правовых стимулов и правовых ограничений. Этот имеющий объективную природу, обусловленный исторически процесс создания правом неких социально полезных образов или образцов активности либо, наоборот, пассивности субъектов правовых отношений можно с полной уверенностью включить в воспитательную форму, а точнее, функцию правового воздействия, так как здесь имеет место очевидная ценность таких «образцов» для всей правовой действительности.

В общем, отмеченные идеи в отношении структурирования правового воздействия, выделения его форм, безусловно, интересны и в теоретическом, и методологическом, и в практическом плане, но они требуют некоторых корректировок и уточнений.

Обращает на себя внимание и позиция А.Т. Аминева, который считает, механизмом воздействия права на «человеческую личность», ее активное или пассивное поведение в юридической сфере, «комплексную, согласованную систему факторов-регуляторов и факторов-условий, действующую наряду с иными положительными и отрицательными факторами и явлениями, работающую в информационно-конкретном и ценностно-установочном направлениях, способствующую переводу правовых предписаний, закрепленных в юридических нормах, посредством прохождения через сознание индивида в правовое (юридически значимое) поведение» [2, с. 16].

Определение, несомненно, представляет интерес, хотя выделение «факторов-регуляторов», «факторов-условий», «иных положительных и отрицательных факторов» требует дополнительного обоснования и конкретизации. Более того, здесь, как и выше, такое правокультурное явление, как «правовое воздействие», представлено в сугубо формальном контексте, как правовое воздействие «вообще», феномен лишенный имманентного ему социокультурного наполнения, глубинной и константной основой которого является национальная правовая ментальность.

Представляется очевидным, что без обращения к цивилизационной, соответственно, правокультурной, а если посмотреть еще глубже, то к правоментальной среде, конкретизация или уточнение природы самого правового воздействия вряд ли будут сколько-нибудь продуктивными, соответственно, эвристически значимыми. Однако на этом исследовательском пути проблема «погружения» правового воздействия в то или иное, сложившееся исторически правоментальное пространство осложняется ощутимой малоразработанностью проблематики правовой культуры и правовой ментальности, вообще, а также отечественной (национальной) правовой культуры и правовой ментальности – в частности. Это направление современных правовых исследований представлено еще весьма фрагментарно – в основном отдельными научными статьями и монографиями [13].

В частности, обращает на себя внимание фундаментальная работа В.Н. Синюкова, в которой он проводит комплексное изучение российской правовой системы, выявляет ее сущностные, исторические и, разумеется, правокультурные аспекты [3]. В.Н. Синюков подчеркивает эвристическую важность включения категории «национальный правовой менталитет» в предметное поле изучения любой и, в частности, российской правовой системы, так

как именно ментальность является константой ее бытия и, разумеется, эволюции, через ментальность (ее константный характер) сохраняется оригинальный юридический (государственно-правовой) ландшафт, даже несмотря на разного рода трансформации и метаморфозы.

Исследование правовой ментальности в ее национальной «привязке» – это всегда поиск не только глубинного, но и весьма устойчивого к разного рода политико-правовым трансформациям и метаморфозам, а значит – исторически оригинального источника (основы) идентификации правовых отношений, другими словами, национального (этнического) правового уклада, включающего веками сложившиеся идеалы, ценности, стереотипы правозначимого поведения, разного рода «культы», но самое главное, особый тип нормативности [4].

«Правовая ментальность как сложное явление отражается во всех элементах структуры правосознания и раскрывается в специфике правопонимания, правочувствования, правовидения» [5, с. 290]. Именно последние являются своего рода системой координат для определения этнонациональных, культурных и исторических особенностей правового воздействия, которое, как известно, не предполагает реализацию правовых норм исключительно через правовые отношения, но оказывает влияние на поведение субъектов правовой жизни иным, скорее всего, более «тонким» и не всегда заметным способом.

В общем, правовая ментальность, даже при первом приближении к этому явлению, предстает в нескольких взаимосвязанных сущностных аспектах:

1) это устойчивая во времени содержание личного или коллективного (субъективного) мира, всегда формирующаяся и получающая свое выражение в конкретном правовом, а точнее, правокультурном пространстве;

2) интегрирующая разных субъектов права, представителей конкретного народа, этноса в национальные правовые общности, либо малые социальные группы, профессиональные корпорации и др.

3) это совокупность правовых установок и предрасположенностей субъектов права (правовых отношений), влияющих на тип (или стиль) их правового мышления и правового поведения, особенности правовой активности или правовой пассивности в конкретном национальном правовом мире и за его пределами.

Соответственно, по сути своей, правовой менталитет предполагает диалектическое единство когнитивного и ценностного оснований правомерного или неправомерного поведения субъектов, что разумеется должно учитываться при исследовании информационно-психологического, воспитательного и социального аспектов правового воздействия. Уже в первом приближении становится ясно, что все элементы и проявления правового воздействия не могут находится в ментальном «вакууме», но всегда оказываются особым образом «вписанными» в оригинальное правоментальное пространство.

Обобщая выделенные здесь сущностные аспекты правового менталитета стоит сформулировать его явное определение. В качестве такового можно использовать теоретико-методологические наработки А.Ю. Мордовцева и В.В. Попова. Так, по мнению этих авторов: «правовой (политико-правовой) менталитет является совокупностью (системой) правовых архетипов и представлений, устойчивых, привычных образов, форм и стиля юридического мышления, которые в разных социумах, этносах, типах цивилизаций и т.п. имеют собственное содержание, различным образом сочетаются, но всегда лежат в основе восприятия компонентов национальной государственности (юридических и политических институтов, национальных и конфессиональных отношений и др.), определяют специфику правового поведения индивида, тех или иных социальных и профессиональных групп, государственных органов и должностных лиц» [6, с. 64].

Полагаю, что такого рода дефиниция представляет эвристическую значимость для выявления ключевых особенностей правового воздействия в условиях конкретной национальной правовой среды, т.к. именно здесь обнаруживаются два встречных процесса: «правовое воздействие» и «правовое восприятие». Другими словами, само правовое воздействие и его результаты всегда проходит сквозь призму национальной (групповой, индивидуальной) правовой ментальности, что, собственно, и определяет практическое значение такого рода измерения этого процесса. В частности, правовое воздействие на индивидуальные субъекты права, отдельные

социальные, возрастные и профессиональные группы всегда, так или иначе, сталкивается со сложившимися стереотипами поведения, выработанными десятилетиями и даже веками. Значимость поведенческих стереотипов в механизме социального (в том числе и правового) регулирования отмечается в рамках современной этнологической акмеологии и социальной синергетики.

Так, В.П. Бранский, вводит и использует такие категории, как «стереотип бытового поведения», «этнический стереотип поведения», «конформизм», «этническое самосознание», «нонкомформизм», «трансформизм», что позволяет проникнуть в содержание национального социального бытия. Этот автор считает, что ментальные установки влияют (возможно, неощутимо) на стратегию правового поведения населения в целом, а также сословий, имеющих место, к примеру, в средневековом европейском социуме: «Например, в XVII-XVIII вв. английское дворянство не считало для себя зазорным укрепить свой бытовой стереотип с помощью коммерческой деятельности, тогда как французское рассматривало такую деятельность как нечто в высшей степени позорное (для «благородного» человека) и пыталось стабилизировать свой бытовой стереотип ревностным служением абсолютному монарху, т.е. посредством политической и военной деятельности. Указанную закономерность можно назвать «законом детерминации бытовым стереотипом не бытовой деятельности» [7, с. 12-14].

Заметим, что такого рода теоретико-методологические установки свои истоки ведут еще от Л.Н. Гумилева, рассматривающего стереотип «человеческой активности как действенную, реальную основу «этнической природы человеческого коллективного бытия» [8, с. 132].

В отечественной истории также много примеров, когда правовые обычаи, традиции, повторяющиеся ритуалы, а также стереотипы поведения становятся прочной, а на уровне крестьянского (массового, «профанного») мира, вообще непреодолимой преградой для разного рода государственно-правовых реформ, когда рецепированное (а точнее сказать, механически «заемное» право) не смогло укрепиться на русской социальной почве, было отторгнуто большинством населения, то есть не смогло распространить свое влияние на весьма большой объем социально-экономических, семейных, духовных и иных отношений.

Такого рода ситуация рассмотрена, в частности, в трудах славянофилов середины XIX в. при оценке содержания и результатов петровского реформирования первой четверти XVIII в. Так, они весьма критически, хотя и взвешено оценивали сложившуюся в этот исторический период ситуацию, отмечая, что вестернизированные элиты России, естественно во главе с первым российским императором, планомерно, целенаправленно и достаточно быстро разрушали сложившуюся столетиями мотивацию правомерного поведения субъектов, носителей «соборной», православной ментальности. В этом плане не случайно, что славянофилы большое внимание уделяли такому источнику, как правовой обычай, считая, что важнейшей регулятивно-охранительной основой жизни российского (русского) общества должен быть именно этот институт. Более того, в полной мере разумно и практически значимо, что законы, принимаемые государством (позитивное право), только тогда могут стать источником и правового воздействия, и правового регулирования, когда они «превратятся» в обычай (А.С. Хомяков), т.е. «войдут» в повседневную правовую жизнь социума («…в народные нравы, и народный быт» – И.В. Киреевский), станут, не много ни мало, привычными регулятивными формами.

Имперские же элиты, наоборот, считали себя изолированными от сложившихся столетиями народных (правовых) обычаев, национальных морально-нравственных установок. Вместо этого они сформировали «петербургско-немецкий», ранее не имевший места в отечественном правовом мире государственно-правовой стиль, в рамках которого, собственно, возникает стратегия «противопоставления» населению страны законов, а также иных результатов имперского правотворчества, далеких от правового стимулирования их продуктивной жизнедеятельности и, соответственно, прогрессивного развития правовых отношений в самых разных социальных сферах, но, прежде всего, общинного земледелия, как базовой формы функционирования национальной экономики в этот период.

Ясно почему, например, ничем не увенчалась деятельность созданной Петром I комиссии по производству нового законодательства, которая должна была на основе «Датского закона» 1683 г. и шведского законодательства «даровать России модернизированный административный и судебный порядок»: «Новая система права воплотилась в четыре объемных тома законов, которые,

однако, никогда не применялись на практике и после ряда попыток обновить и приспособить их к условиям российской жизни были сданы в архив и забыты» [9, с. 51]. Не смогли эти «заемные» юридические конструкции «проникнуть в совесть и мысль» русского народа, они оказались отторгнутыми и даже абсолютный монарх не смог их «продавить» в ткань отечественной правовой культуры.

В полной мере объяснимо и «явное не сочувствие россиян (представителей различных сословий) к формальному судилищу, основанному лишь на одной внешней букве закона, а не на «живой», нравственной правде» [10, с. 554]. Соответственно, правовой нигилизм, который многие западные, да и некоторые российские исследователи считают атрибутом отечественной правовой культуры, является именно следствием механически скопированных результатов западного нормотворчества, перенесенных волею и силою императора на русскую почву, которые совершенно расстроили общинный быт, следовательно, подорвали основы традиционного государства и общества. В этом плане, конечно, правы русские мыслители, вопрошавшие: «Неужели, спросим мы, стремление соединить воедино и государственный закон, и народный обычай в духе подчинения и служения одной цели есть отрицание права?» [11, с. 455].

Итак, во-первых, феномен правового воздействия может и должен быть конкретизирован в национальном социокультурном пространстве, в контексте оригинальных правовых отношений и правовых связей; во-вторых, началом такого правоидентификационного процесса должно быть «погружение» информационных, социально-психологических, аксиологических, педагогических (или воспитательных) аспектов в архитектонику национальной правовой ментальности:

1) политико-правовую парадигму, наиболее широкий пласт правового менталитета, охватывающий смыслообразующие юридические конструкции (правовые ценности, обыкновения, правовые идеалы и др.);

2) стиль юридического мышления, являющийся рациональным (собственно, логическим) структурным компонентом национальной правовой ментальности, проявляющим себя и в правотворчестве, и в правоприменительной (шире – правореализационной) практике;

3) сложившийся и привычный тип социально-правового взаимодействия субъектов (его можно определить в качестве «предправового кодекса» поведения).

Это сложившиеся, стереотипные, а значит повторяющиеся поведенческие реакции большинства представителей конкретного народа, этноса или нации на разного рода ситуации, имеющие правовое значение (положительные, конфликтные) [6].

Скрупулезное исследование правового воздействия в этом эвристическом (предметом) поле позволит выявить, как минимум, три его уровня: массово-обыденное (информационно-аксиологическое и воспитательное), корпоративно-профессиональное (информационно-аксиологическое и воспитательное на профессиональном уровне: судей, адвокатов, МВД и др.), социально-групповое (информационно-аксиологическое и воспитательное в разных гендерных, возрастных и иных группах). Такой подход представляется интересным и эвристически продуктивным и для изучения специфики воздействия на правовое сознание и правовое поведение субъектов со стороны ненормативных социально-правовых регуляторов: информационно-правового (разумеется, непрескриптивного), ценностно-правового, программно-правового и прогностически-правового (в настоящее время, он является концептуальной основой для развития предмета юридической футурологии).

В частности, трудно переоценить воздействие на правовую активность субъектов приговоров и решений судов по так называемым «громким» делам (информационно-правовой ненормативный регулятор), которые могут, например, повлиять на представления большинства населения о справедливости или несправедливости отечественного правосудия. Причем, и первое, и второе, будет сопряжено с правоментальными структурными компонентами – стилем юридического мышления конкретного этноса, представлениями о «допустимом», «возможном» и «должном» вариантах поведения лиц вообще, и в правовой сфере в частности, о месте и роли властного государственного принуждения и др.

Ясно, что и функционирование ценностно-правового регулятора всецело сопряжено с правовой культурой, правовой ментальностью конкретного социума. Именно в таком ракурсе стоит, например, понимать отторжение институтов западной ювенальной юстиции в российском социуме XXI в. или имеющие место «поползновения» со стороны все тех же западных правовых

систем в отношении легализации в России однополых браков (союзов), с правом усыновления или удочерения и т.п. Традиционная семья здесь представляет собой одну из базовых (исторически константных) правовых ценностей, в силу чего правовое воздействие, разрушающее ее, либо просто отторгается (причем, уже на уровне внутреннего мира субъекта, его сложных психических конструкция), либо вызывает ответную (часто, агрессивную) реакцию в отношении лиц (физических или юридических), являющихся проводниками такого воздействия. Более того, такого рода западная «правовая аксиология» стимулирует создание в современной России федерального закона «О защите семьи» и иных законодательных практик в этой сфере (например, внесение соответствующих поправок в Конституцию РФ в 2020 г.).

Немалое значение имеют и различные стратегии, комплексные программы правового развития, например, в области национальной безопасности (информационной, продовольственной, военной, экологической). Ясно, что их воздействие и на властные элиты, и на население в целом приводит к формированию не только положительных социально-правовых ожиданий, но и соответствующих им стимулов для возникновения социально полезных образцов поведения, что, безусловно, трудно переоценить. Наиболее слабо изученным видом правового воздействия является юридико-прогностический, когда разнонаправленные футурологические исследования общественных отношений с той или иной долей вероятности определяют содержание и вектор развития всей национальной правовой действительности, либо отдельных ее фрагментов (сфер). Так, в последнее время, нарастает «прогностический» массив в отношении специфики правового регулирования и шире – правового статуса искусственного интеллекта и робототехники. Заметим, что в отечественном правоментальном пространстве в настоящее время имеют место как весьма оптимистические настроения в плане будущих изменений всего правового и социального пространства, так и весьма негативные реакции, связанные с надвигающимся «трансгуманизмом» и даже «трансантропологизмом», «вычеркиванием» человека из юридического мира [12]. Здесь, правовое воздействие (через его пока еще только доктринальную форму) уже ощутимо, но не может быть «оторвано» от ментальных правовых констант, по крайней мере в обозримом будущем.

Ментальное измерение правового воздействия может сведено к нескольким, конкретизирующем его, основным параметрам:

1) Исторически сложившееся и культурно обусловленное место и роль права и закона в системе регулирования важнейших общественных отношений. Здесь, например, можно сравнивать конфуцианскую модель (традиционного) упорядочивания социальных связей, в которой на первое место выходит «стыд» за неправомерные и аморальные поступки, тогда как юридическое «наказание» по своей значимости выступает, как вторичная мера воздействия на поведение лиц, и, западный правовой менталитет, в рамках которого внешнее воздействие (институт юридической ответственности) суть действенное средство воздействие на систему социальных связей, а «страх» перед ним (в частности, после 1215 г., когда в Англии была принята Великая Хартия Вольностей, показавшая, что есть уже «неевангельская», но светская система регуляторов и ценностей), более действенен, чем разного рода «моральные угрызения».

2) Юридический опыт большинства населения, зависит, в общем, от предыдущего параметра, но формируется под воздействием множества факторов, часть из которых являются порождением национальной правовой ментальности и правовой культуры, поэтому, в полной мере находят свое выражение в уровне и векторе правового воспитания, соотношении правовой активности и правовой пассивности, отношении большинства субъектов правовых отношений к правовым стимулам и правовым ограничениям. Здесь можно вспомнить, например, законы Моисея, в которых, как известно, более 260 законов носили запретительно-обязывающий характер, но при этом были приняты еврейским социумом, оказывали ощутимое воздействие на поведение отдельных субъектов и их групп и соотнести их с нормативными актами, имеющими либеральную ориентацию, в которых преобладают управомочивающие нормы, часть из которых стимулирует активное правомерное поведение, дает возможность для выбора лицом разных вариантов своего деяния (действия или бездействия). В обществе, в котором веками преобладали обязанности и запреты над правами, дозволениями, стимулами, разумеется, сформировалось весьма настороженное отношение к принципиально иной системе регулирования отношений, тем более, что в таких социумах не сложились соответствующие правовые умения, правовые знания и

навыки. Кроме этого, в такого рода юридической среде имеет место преобладание нигилистических настроений в отношении и права, и закона.

3) Отношение большинства членов общества к деятельности правоохранительных органов (включая доверие к судам, силовым структурам, адвокатуре, нотариату и т.п.). Ясно, что правовое воздействие, его информационно-воспитательный компонент будет отличаться в обществе в целом с позитивным (ментально укорененным) восприятием работы правоохранительных структур и в социуме, в котором, очевидно, преобладает их негативный образ, тем более, если он всячески поддерживается еще и СМИ (вспомним, например, Россию 90-х гг. XX в.).

4) В условиях многонационального государства трудно переоценить и содержание правовой ментальности этнических диаспор, выступающих в качестве субменталитетов, в которых и информационный, и воспитательный, и деятельностный аспекты правово воздействия могут не совпадать (чаще всего, именно так и бывает) с их аналогами в среде государствообразующего народа (титульной нации).

Использование выделенных здесь параметров, собственно, и является базовой теоретико-методологической стратегией изучения ментального содержания правового воздействия и, следовательно, его «привязки» к конкретному национальному политико-правовому пространству.

Литература и источники

1. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997.
2. Аминев А.Т. Механизм воздействия норм права на личность: теоретический аспект. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.
3. Синюков В.Н. Российская правовая система. М., 2010.
4. Синюков В.Н., Григорьев Ф.А. Правовая система: вопросы правореализации. Саратов, 1995.
5. Поляков А.В. Общая теория права. СПб., 2001.
6. Мордовцев А.Ю., Попов В.В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д, 2007.
7. Бранский В.П. Социальная синергетика и теория наций. Основы этнологической акмеологии. СПб., 2000.
8. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993.
9. Косарев А.И. История государства и права России. М., 2004.
10. Аксаков И.С. О судебной реформе // Полное собрание сочинений: В 5 т. М., 1886. Т. 4.
11. Аксаков И.С. Еще об уездном самоуправлении // Там же. Т. 5.
12. Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов: коллективная монография / Под ред. А.Ю. Мамычева, А.Ю. Мордовцева, Г.В. Петрук. М., 2020.
13. Ракитянский Н.М. Ментальные исследования глобальных политических миров. М., 2020.

References and Sources

1. Teoriya gosudarstva i prava. Kurs lekcij / Pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. M., 1997.
2. Aminev A.T. Mekhanizm vozdejstviya norm prava na lichnost': teoreticheskij aspekt. Avtoref. dis. … kand.yurid.nauk. M., 2011.
3. Sinyukov V.N. Rossijskaya pravovaya sistema. M., 2010.
4. Sinyukov V.N., Grigor'ev F.A. Pravovaya sistema: voprosy pravorealizacii. Saratov, 1995.
5. Polyakov A.V. Obshchaya teoriya prava. SPb., 2001.
6. Mordovcev A.YU., Popov V.V. Rossijskij pravovoj mentalitet. Rostov n/D, 2007.
7. Branskij V.P. Social'naya sinergetika i teoriya nacij. Osnovy etnologicheskoj akmeologii. SPb., 2000.
8. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli. M., 1993.
9. Kosarev A.I. Istoriya gosudarstva i prava Rossii. M., 2004.
10. Aksakov I.S. O sudebnoj reforme // Polnoe sobranie sochinenij: V 5 t. M., 1886. T. 4.
11. Aksakov I.S. Eshche ob uezdnom samoupravlenii // Tam zhe. T. 5.
12. Roboty zayavlyayut o svoih pravah: doktrinal'no-pravovye osnovy i nravstvenno-eticheskie standarty primeneniya avtonomnyh robotizirovannyh tekhnologij i apparatov: kollektivnaya monografiya / Pod red. A.YU. Mamycheva, A.YU. Mordovceva, G.V. Petruk. M., 2020.
13. Rakityanskij N.M. Mental'nye issledovaniya global'nyh politicheskih mirov. M., 2020.

СИМОНЯН КРИСТИНА РОМАНОВНА – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета (aum.07@mail.ru).
SIMONYAN, KRISTINA R. - Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Kuban State University.

УДК 340.114.5 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-30-35

ЕПИФАНОВ А.Е., МОХОВ А.Ю.
СТАДИИ ДЕФОРМАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ)

Ключевые слова: правосознание, следственная деятельность профессиональная деформация личности, профессиональное образование, противоправное поведение.

В статье исследуется процесс возникновения профессиональных деформаций личности следователя. Развитие профессиональной деформации рассматривается как последовательный процесс, который может быть обусловлен не только особенностями работы в следственных органах (стереотипность выполняемых операций, взаимодействие с гражданами,

ведущими асоциальный образ жизни, иные факторы), но и недостатками профессионального образования, неудовлетворённостью будущего следователя условиям обучения и содержанием образовательной программы. В качестве конечного (но необязательного) этапа профессиональной деформации выделяется «трансформация» поведения следователя в противоправное, совершение работником следственных органов преступлений коррупционной и иной направленности.

EPIFANOV, A.E., MOKHOV, A. Yu.

STAGES OF DEFORMATION OF PROFESSIONAL LEGAL AWARENESS OF LAW ENFORCEMENT AUTHORITY STAFF (ON THE EXAMPLE OF THE LEGAL AWARENESS OF THE INVESTIGATOR)

Key words: legal awareness, investigative activity, professional deformation of the personality, professional education, illegal behavior.

The article examines the process of occurrence of professional deformations in the personality of an investigator. The development of professional deformation is considered as a sequential process, which may be due not only to the peculiarities of work in investigative authorities (stereotyped operations performed, interaction with citizens leading an asocial lifestyle, other factors), but also the shortcomings of professional education, dissatisfaction of the future investigator with the conditions of training and content educational program. As the final (but optional) stage of professional deformation, the "transformation" of the behavior of the investigator into unlawful, the commission of corruption and other crimes by an employee of the investigative authorities is highlighted.

Актуальность исследования основных типов профессиональной деформации правосознания сотрудников следственных органов заключается как в теоретическом, так и практических аспектах. Социально-экономические преобразования в современном обществе породили потребность в большей защищённости основных прав и свобод личности, необходимость своевременного расследования преступных деяний. Следственная деятельность закладывает определенную модель правосознания у сотрудников и психологические особенности, которые в свою очередь не всегда положительно влияют на личность, а порождают профессиональную деформацию.

Деятельность сотрудников правоохранительных органов – один из наиболее сложных видов социальной деятельности. При расследовании преступления и ведение уголовного дела следователи зачастую сталкиваются с конфликтными ситуациями. Столкновение происходит между сотрудниками следственных органов и лиц, которые участвуют в процессе расследования преступлений (подозреваемые, обвиняемые, свидетели, потерпевшие и др.) [1, с. 56]. Это вызвано тем, что у всех участников разные правовые интересы, в том числе не совпадающие с интересами следствия. При установлении фактов, обстоятельств и причин истина и объективность ставится под вопрос, что побуждает следователя находиться в постоянной напряженности, раздражительности и стрессе.

Осуществляя свою экстремальную работу, сотрудники с каждым днем оттачивают свои навыки даже на бессознательном уровне. Профессионально значимые качества специалиста приобретаются при выполнении следственной деятельности, однако вместе с тем возможны изменения личности и его психологических особенностей ввиду отрицательно влияющих факторов. В этом случае следует говорить о профессиональной деформации.

Профессиональная деформация правосознания следователя представляет собой негативное социальное явление, заключающееся в изменении состояния сознания лица, которое искажает действительное, предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством и специальных актов о прохождении службы в органах предварительного следствия применение правовых актов, нарушающее интересы службы, конституционные права и свободы граждан, участвующих в уголовном процессе.

Развитие профессионального сознания юриста – это непрерывный процесс, в ходе которого следователь должен не только сформировать для себя совокупность необходимых знаний и навыков для нормальной и эффективной правоприменительной деятельности, но и «осознать социальную значимость юридической профессии, определить свою профессиональную идентичность в общем механизме применения норм права» [2, с. 31]. На важность становления правосознания как динамического процесса справедливо указывается и в соответствующих ведомственных документах – так, Указом Президента РФ «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в России» [3] отдельно подчёркивается, что адекватное задачам юридической профессии правовое сознание – необходимый элемент профессиональной модели поведения. Соответственно, не только формирование профессионального правосознания, но и возникновение, развитие деформаций такого сознания, которые, по сути, представляют собой

негативные последствия ошибок, допущенных на отдельных этапах становления правосознания следователя.

Определяя последовательность действий, а также негативное влияние профессиональных деформаций работников следственных органов на общий ход отношений, связанных расследованием уголовных дел, и другие сферы жизни общества, стоит отметить, что, несмотря на специфику следственной, прокурорской или иной правоохранительной деятельности, последовательный ход и развитие профессиональной деформации примерно одинаков. Как представляется, это связано со сходным, во многом бюрократическим, характером юридической профессии, выполнение схожих контрольных и познавательных функций. Исходя из анализа работ представителей юридической психологии, а также специальных теоретико-правовых исследований, посвящённых развитию профессионального юридического правосознания, можно выделить следующие стадии деформации:

1. Возникновение у лица определённых предпосылок, которые могут негативно повлиять на формирование негативных изменений в профессиональном сознании следователя. К таким предпосылкам можно отнести негативную ориентацию в выборе профессии во время получения профессионального образования (например, выбор образовательной программы вопреки желанию лица, поступление на юридическую специальность по «остаточному» принципу). Кроме того, негативная ориентация будущей профессии может быть предопределена и условиям внешней среды – экономическим кризисом, общим слабым уровнем правопорядка. В связи с этим одной из негативных коннотаций несознательного выбора будущей специальности является и намерение получить юридическую специальность с целью «ухода» от ответственности при использовании полученных знаний, служебного положения при совершении правонарушений [4, с. 23].

2. Восприятие лично лицом несоответствия от получаемой профессии и возможностей профессиональной реализации в ней реальному положению дел. При этом такое несовпадающее восприятие будущий следователь может получать как в ходе непосредственного получения образования (например, недостаточный контроль знаний студентов, или, наоборот, излишне формальный и строгий подход к оценке, не соответствующий уровню вуза или первоначальному представлению студента о будущей специальности и обучению по ней), так и во время прохождения практики, стажировки, непосредственного поступления на службу в органы Следственного комитета РФ. В теории выделяются разные причины, которые влияют на такое несоответствие: усложнение образовательных стандартов в юридическом образовании, растущие требования к юридической специальности, за которыми образовательный процесс может «не успевать»; общий уровень профессионализма работников вуза, отношение к лицу в самом следственном органе на время прохождения им стажировки, слабый уровень оплаты труда работников следственных органов.

3. Возникновение стереотипов в практической деятельности следователя. Как правило, реализуя свои должностные обязанности, сотрудник следственного отдела выполняет однотипные функции (оформление протоколов, производство одинаковых следственных действий по определённым категориям дел – например, по преступлениям против собственности, бытовым убийствам и т.д.) [5, с. 64]. Несомненно, свою роль играет здесь и специализация следователей внутри подразделений СК РФ по отдельным категориям дел, необходимость соблюдения процессуальных требований в отношении конкретных категорий подследственных, потерпевших (например, несовершеннолетних). Однако, нельзя не учитывать складывающуюся перегруженность выполнением однотипных действий, загруженное штатное расписание работников СК РФ (особенно на уровне районных следственных отделов).

Опасность осуществления постоянного монотонного труда определяется в работах по психологии труда как причина эмоционального выгорания, «отмирания за ненадобностью» творческих стремлений следователя – что в итоге влечёт за собой фактические трудности при осуществлении должностных обязанностей (невозможность самостоятельного расследования трудных, многоэпизодных дел, совершённых в условиях неочевидности преступлений), а также изменение профессионального статуса лица (понижение в должности, увольнение, перевод в другой отдел). Нужно также иметь в виду, что каждый профессионал не может постоянно расти, в силу объективных (возраст) и субъективных факторов происходит достижение «потолка» профессионального роста, и деформации могут спровоцировать его скорейшее недостижение или

принципиальное отсутствие профессионального развития (пусть и при наличии внешних регалий – например, повышения в звании или наличия свидетельств о профессиональной переподготовке). Соответственно, предотвращению деформаций правосознания следователя непосредственно во время работы также надо уделять повышенное внимание, чтобы избежать дальнейшего течения деформации.

4. Невозможность противостоять стрессам, складывающимся в ходе осуществления следователем своих профессиональных обязанностей. Несомненно, что в связи с правоохранительной деятельностью, сопряжённой с выполнением большого объёма механической и умственной работы в оперативных условиях, работники следственных органов испытывают достаточное количество стрессовых ситуаций. Стресс в умеренных объёмах во многом активизирует мыслительную деятельность, заставляя следователя более осмысленно и оперативно действовать, проявлять свои творческие способности для расследования дела в рамках УПК РФ (которым установлены определённые требования к срокам следствия, условия производства следственных действий и оформления их результатов) [6], должностных инструкций. В теории выделяется самостоятельная категория «профессиональный стресс», как связанный с исполнением рабочей функции [7, с. 99].

В свою очередь, неоднозначность в выполнении своих должностных обязанностей, внешнее давление (со стороны непосредственного начальства, либо незаконное давление третьих лиц, мешающее нормальному ходу следствия) порождают нездоровую стрессовую ситуацию, в том числе, и провоцирующую профессиональную деформацию сознания. Наличие несогласованности в деятельности сотрудников следственного органа, неорганизованность в исполнении основных полномочий следователя, недостаточное финансовое обеспечение работы по расследованию преступлений также являются негативными факторами организационного характера, вызывающее нестабильное эмоциональное состояние следователя. Одновременно с этим может возникнуть деформация, связанная либо с агрессивно-охранительным поведением следователя, либо к возникновению профессионального выгорания, выполнения рабочей функции «спустя рукава». Как представляется, в целях предотвращения постоянной стрессовой ситуации необходимо на уровне организационных мер осуществлять поощрение наиболее исполнительных сотрудников, в том числе, и посредством финансового стимулирования, предоставления дополнительных дней отпуска. В этой связи не совсем корректным с точки зрения сохранения эмоциональной и психологической стабильности работы следователя представляется предложение о законодательном закреплении ненормированного рабочего дня для сотрудников органов государственной безопасности и национальной гвардии [8]. Несмотря на действительно большой объём работы сотрудников данных органов (в том числе, и работы следственной), установление ненормированного рабочего дня на юридическом уровне существенно увеличит должностные обязанности лиц, послужит дополнительной «средой» для создания стрессовых ситуаций.

5. Дополнительной, необязательной стадией деформации профессионального правосознания сотрудника следственных органов является совершение им конкретных противоправных поступков, нарушающих установленный порядок производства следственных действий, оформления результатов следствия, а также иных требований специального законодательства о деятельности правоохранительных органов. Осуществление таких действий представляет собой уже этап «перерождения» следственного работника, переход от отклоняющегося поведения к откровенно противоправному и преступному. Данные деяния несут наибольший вред для охраняемых законом правоотношений, негативно сказываясь не только на уровне доверия к органам следствия и правоохранительной системе в целом, но и на степени эффективности следственных органов, судебной деятельности, уголовного процесса. Повышенная степень отрицательного влияния на содержание уголовного судопроизводства обусловлена, прежде всего, принятием судебного решения на основе доказательств, полученных, прежде всего, в ходе предварительного следствия.

Для преодоления профессиональной деформации сотрудников следственных органов следует обратить внимание на нравственно-правовое воспитание будущих следователей. Важным звеном является правильное обучение и подготовка молодых лиц, поступающих на службу в следственные органы. Профессиональный отбор при приеме на работу поможет выявить наиболее

уязвимых личностей с помощью специальных комплексных методик. Большое значение для предупреждения профессиональной деформации оказывает рабочая обстановка и коллектив. Сплоченный и слаженный коллектив способствует личностному росту, обогащению опытом коллег. Важным аспектом является материальное или моральное поощрение и достойный пример со стороны руководящих лиц.

Кроме образования, методик применения тактических знаний при практической деятельности следователя, необходимо обратить внимание не только на профилактику, но и на непосредственный контроль профессионального правосознания работников следственных органов. Как представляется, перспективным способом обеспечения стабильности правосознания является обеспечение соблюдения требований профессиональной этики и служебного поведения. Этические требования на службе в правоохранительных органах обусловлены не только собственно правовыми предписаниями, но и предварительной социализацией следователя (прежде всего, во время профессионального образования), его морально-нравственными и ценностными установками, непосредственно связанными с «приоритетом неприкосновенности личности, её правами и свободами» [9, с. 73]. Соответственно, можно говорить о влиянии профессиональной этики не только на «объективный» момент следственной деятельности, но и на её внутреннее содержание, обусловленное правосознанием.

Соответственно, можно сделать вывод о последовательности процесса профессиональной деформации работника следственных органов. Начало деформации связано уже непосредственно с выбором юридической специальности при поступлении в специальное высшее образовательное учреждение, мотивацией и обоснованием выбора юридического образования. В свою очередь, во время обучения также может складываться ситуация несоответствия ожиданий лица ходу и содержанию профессионального образования, предварительному прохождению учебной и производственной практики.

Непосредственно в должности следователь сталкивается с такими факторами, как выполнение однообразной формальной работы (производство типовых следственных действий по схожим группам преступлений и соответствующее единообразное оформление в протоколах), стрессовые ситуации на работе, различные виды взаимодействия с преступниками и потерпевшими, что – при отсутствии должных механизмов профилактики и поощрения может привести к эмоциональному выгоранию. Наиболее опасной, «конечной» фазой профессиональной деформации следователя является совершение им противоправных деяний в сфере нарушения правил производства предварительного следствия, совершения преступлений коррупционного характера – что в целом негативно сказывается как на отношении в обществе к органам следствия и суда, так и к качеству правосудия, отмене приговоров, вынесенных на основе недопустимо полученных следователем доказательств.

Литература и источники

1. Колиснык Ю. С., Гунькин И. В. О некоторых проблемах разрешения конфликтных ситуаций в процессе осуществления следственной деятельности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. №2. С. 55–57.
2. Гайворонская Я. В. Правосознание и профессиональные деформации юриста // Российское право в Интернете. 2009. №5. С. 26–32.
3. Указ Президента Российской Федерации от 26 мая 2009 г. № 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации» // Российская газета. 2009. № 97.
4. Бреднева В. С. Деформация профессионального правосознания юристов и технологии её преодоления: монография. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2019. 196 с.
5. Грановская Р. М. Элементы практической психологии. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1988. 588 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 1.07.2021) // СЗ РФ. 2001. №52 (ч. I). Ст. 4921.
7. Московская М. С., Булыгина В. Г. Гендерные различия в восприятии стресса у работников следственных органов // Психология и право. 2018. Т.8. №3. С. 97–110.
8. Дума поддержала проект о ненормированном рабочем дне для сотрудников ФСБ [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://ria.ru/20210519/zakonoproekt-1732967988.html (дата обращения: 26.09.2021).
9. Хмелёва А. В. Морально-нравственные аспекты работы следователя // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. №4. С. 72–78.

References and Sources

1. Kolisnyk Ju.S., Gun'kin I.V. O nekotoryh problemah razreshenija konfliktnyh situacij v processe osushhestvlenija sledstvennoj dejatel'nosti // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Poznanie. 2020. No 2. Pp. 55–57.
2. Gajvoronskaja Ja.V. Pravosoznanie i professional'nye deformacii jurista // Rossijskoe pravo v Internete. 2009. № 5. Pp. 26–32.
3. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 26 maja 2009 g. No 599 «O merah po sovershenstvovaniju vysshego juridicheskogo obrazovanija v Rossijskoj Federacii» // Rossijskaja gazeta. 2009. No 97.

4. Bredneva V.S. Deformacija professional'nogo pravosoznanija juristov i tehnologii ejo preodolenija: monografija. Juzhno-Sahalinsk : SahGU, 2019. 196 p.
5. Granovskaja R.M. Jelementy prakticheskoj psihologii. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1988. 588 p.
6. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 1.07.2021) // SZ RF. 2001. No 52 (ch. I). St. 4921.
7. Moskovskaja M. S., Bulygina V. G. Gendernye razlichija v vosprijatii stressa u rabotnikov sledstvennyh organov // Psihologija i pravo. 2018. Vol.8. No3. Pp. 97–110.
8. Duma podderzhala proekt o nenormirovannom rabochem dnej dlja sotrudnikov FSB [Jelektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: https://ria.ru/20210519/zakonoproekt-1732967988.html (data obrashhenija: 26.09.2021).
9. Hmeljova A. V. Moral'no-nravstvennye aspekty raboty sledovatelja // Sudebnaja vlast' i ugolovnyj process. 2019. No4. Pp. 72–78.

ЕПИФАНОВ АЛЕКСАНДР ЕГОРОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права и прав человека Московского городского педагогического университета (epifanov@mail.ru).
МОХОВ АРТЕМ ЮРЬЕВИЧ – ассистент кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС (mokhov@mail.ru).
EPIFANOV, ALEXANDER E. - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of International Law and Human Rights of the Moscow City Pedagogical University
MOKHOV, ARTEM Yu. - Assistant of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

УДК 351.74 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-35-39

РЯБЧЕНКО А.Г., ФЕДОРЕНКО С.А. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XVI – XVII ВВ. И СУБЪЕКТЫ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Ключевые слова: преступность, Разбойный приказ, уголовное дело, воевода, приговор, показания.

Рассматривается судопроизводственная сфера Московского государства периода XVI-XVII вв., учитывая, что в то время еще не произошло отделения суда от администрации, но, вместе с тем, начали выделяться органы и должностные лица, которые специализировались на розыскных и следственных действиях (Разбойный приказ, бояре, воеводы, губные и земские учреждения и др.). Специализация при этом применялась лишь в отношении наиболее тяжких преступлений, среди которых, если иметь в виду общеуголовные преступления, были прежде всего разбои, кражи и убийства. В заключение обоснован вывод о том, что к XVII в. в России были систематизированы уголовно-процессуальные нормы, что нашло отражение, прежде всего, в Соборном Уложении 1649 года.

RYABCHENKO, A.G., FEDORENKO, S.A.
FEATURES OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITY IN THE MOSCOW STATE IN THE XVI-XVII CENTURIES. AND THE SUBJECTS OF ITS IMPLEMENTATION

Key words: crime, Robbery prikaz, criminal case, governor, sentence, testimony.

The judicial sphere of the Moscow state of the 16th -17th centuries is considered, taking into account that at that time there was no separation of the court from the administration, and at the same time, authorities and officials who specialized in search and investigative actions (Robbery prikaz, boyars, voivodes, provincial and zemstvo institutions, etc.) began to stand out, specialization was applied only to the most serious crimes, among which, if we keep in mind ordinary crimes, were primarily robberies, thefts and murders. In conclusion, it is substantiated the conclusion that by the 17th century. in Russia, criminal procedural norms were systematized, which was reflected, first of all, in the Cathedral Code of 1649.

Формирование централизованной системы управления в Московском государстве в XVI-XVII вв. сопровождалось выделением органов и должностных лиц, специализирующихся на борьбе с преступностью (приказы, воеводства и губные избы). Необходимость решения связанных с этим задач, была обусловлена, в первую очередь, стремлением заложить основы антикриминальной политики. Во-вторых, в рамках закрепления централизованной системы управления, ограничивались властные полномочия кормленщиков. С XVI века была упорядочена структура органов, рассматривавших уголовные дела. При этом основным из них, если иметь в виду общеуголовные преступления, стал Разбойный приказ, наделенный розыскными, следственными и карательными полномочиями, реализуемыми в рамках формирующегося в государстве механизма властеотношений. Основу структуры Разбойного приказа, о самостоятельности которого можно судить по упоминаемым в 60-х гг. XVI в. первых «разбойных дьяках» и составлении в 1555 г. Уставной книги Разбойного приказа, составляла следственно-служебная коллегия из окольничего, стольника и двух дьяков.

Отсутствие канцелярского опыта у начальника приказов компенсировалось назначением помощниками судьям дьяков, число которых в Московском государстве к концу XVI века достигло 178. Вместе с судьями они занимались обсуждением дел и вынесением приговоров. О значимости их роли свидетельствует наличие на резолюции доклада, передаваемого царю и положенного в основу будущего царского указа пометки дьяка.

Царь и Боярская дума, как вышестоящие инстанции для рассмотрения спорных дел, вносили изменения в действующую редакцию Уставной книги Разбойного приказа. Для повышения статуса Разбойного приказа ему не только предоставляли весьма широкие юридически закрепленные полномочия, но и назначали руководителями авторитетных людей [1, с. 62].

О практике следственно-розыскной деятельности, неотъемлемыми элементами которой являлись губные учреждения и Разбойный приказ, можно судить по сведениям, содержащимся в древних грамотах и архивах. В этом смысле представляет интерес дело о разбойном нападении на сына боярского Ф. Плясова, расследование по которому длилось несколько лет [2]. Фабула этого уголовного дела заключалась в следующем. В ноябре 1630 г. на двор воронежского сына боярского Плясова было совершено разбойное нападение. Сам потерпевший смог назвать их – это были местные жители, некоторые из которых имели прозвища. Судя по документам, преступники совершали жестокие действия – пытали огнем жену Плясова, его дочь и зятя. В результате нападения было захвачено его имущество. Дело взял к своему производству губной староста Тарарыков, который в данной ситуации руководствовался ст. 18 Уставной книги Разбойного приказа [3].

В соответствии с содержащейся в данной статье уголовно-процессуальной нормой был проведен «лихованный обыск». На практике это означало провести сплошной опрос местных жителей, которые могли бы что-либо прояснить по совершенному дерзкому преступлению. В частности, были взяты показания двух местных попов, шестидесяти трех казачьих атаманов, двадцати казаков, ста семидесяти крестьян. В результате, губной староста смог в частности выяснить, что, по словам большинства опрошенных, крестьянин Рогач, один из подозреваемых, пришел в село недавно, и как только в село приехал губной староста искать разбойников, Рогач быстро скрылся.

В результате анализа полученных по время «обыска» сведений губной староста Тарарыков принял решение поместить в тюрьму «до государева указу» облихованных Саранчу, Тарасова и Чистяка, при этом было дано распоряжение их имущество переписать и опечатать. Однако с таким решением не согласился воевода князь Львов, который посчитал, что в отношении Тарасова было меньше свидетельских показаний о его разбойном прошлом, в связи с чем Тарасов был отдан «на поруки».

Это решение было спорным. А между тем против Тарасова показало значительно больше жителей, чем записано в Уставной книге Разбойного приказа, и в этом смысле, как представляется, решение губного старосты было правильным. На другой же день Тарасова атаманы привезли в губную избу убитым. Что касается еще одного подозреваемого - Лебедянца, то губной староста отдал его «на поруки», поскольку об его «воровском» прошлом показали небольшое число жителей. Полученные «обыскные речи» губной староста послал в Разбойный приказ для получения дальнейших указаний, связанных с дальнейшей судьбой обвиняемых.

Здесь обращает на себя внимание следующие обстоятельства. Во-первых, то, что в ход следствия достаточно активно вмешивается воевода, и, судя по документам, это было общепринятым полномочием данного должностного лица. Во-вторых, используя современную российскую структуру правоохранительных органов, можно считать, что если губной староста выполнял дознавательные и следственные действия, а воевода представлял собой прокурорский надзор, то Разбойный приказ был судом, причем, скорее всего первой инстанции, поскольку окончательное решение должно было утверждаться государем [4, с.45-49]. При таком подходе приговор преступникам выносился исключительно по письменным докладам, которые с мест губные старосты и воеводы направляли в Разбойный приказ, то есть без участия самого обвиняемого. Конечно же, здесь наиболее значимым было мнение самого следователя (губного сыщика или губного старосты), составлявшего заключение на основе проведенного розыска и следствия [5, с.18-21].

Рассматриваемое уголовное дело, между тем, развивалось по необычному сценарию, и в него вовлекались все новые и новые люди.

Во время следствия по данному уголовному делу выяснилось также, что к нему были причастны крестьяне Власов и Рудаков, которые сбежали с места своего жительства. В этом случае владельцев этих крестьян - помещиков Власова (однофамильца) и Дронова следовало «доправить по выти за человека» согласно ст. 14 Уставной книги Разбойного указа. Как видно, законодатель

относится достаточно жестко и к дворянам, не беря во внимание какие-либо особые привилегии, о чем свидетельствует возможность взять их на поруки, в случае оказания ими помощи по поиску беглых крестьян, подозреваемых в совершении тяжких преступлений.

Не оставил Разбойный приказ без внимания и происшествие с отданным на поруки обвиняемым Тарасовым, который был убит. Предписывалось выяснить обстоятельства убийства, выявить и поймать убийц и доложить об этом в Разбойный приказ, а с поручителей Тарасова «доправить выть» (здесь и далее по этому дела - штраф). Имущество самого Тарасова предписывалось продать «на государя», то есть Тарасов также признавался виновным.

В этой же «росписи» Разбойный приказ сообщал приговоры в отношении других участников разбойного нападения. В частности, с крестьянина Саранчи следовало «доправить выть», его самого бить кнутом и посадить в тюрьму до «государева указа», делалась и приписка о том, что если Саранча сбежит, то «выть доправить» на его поручителей. Не был обойден вниманием и участник нападения поп Яков – с него также нужно было «доправить выть» и 20 рублей, которые он «вымучил» у Плясова, которые ему и отдать, а самого попа – посадить в тюрьму до «государева указу».

В сентябре 1632 г. (то есть спустя почти три года!) тот же губной староста Тарарыков продавал имущество, изъятое у виновных в совершении разбойного нападения на Плясова. «Опальные животы» покупали местные атаманы и «торговые люди», которым губной староста давал купчие записи. Как следует из документов по этому делу, имущества у преступников было немало, то есть разбойное нападение совершали достаточно обеспеченные люди. Достаточно указать на то, что не все «опальные животы» удалось продать. Это обстоятельство показывает, что мотив совершения разбойных нападений состоял не столько в нужде, сколько опять же в «вечной» причине имущественных преступлений – в стремлении незаконного обогащения, к чему подталкивала сформированная у преступников алчность, жадность.

Анализ материалов по этому уголовному делу показывает, что, в целом, правосудие состоялось – виновные были выявлены, подвергнуты наказанию, а потерпевший получил компенсацию за полученный вред. Главным дознавателем и следователем был губной староста Тарарыков, который имел свой аппарат. Деятельность Тарарыкова, на наш взгляд, можно расценивать как позитивную.

Вместе с тем некоторые помощники губного старосты, судя по материалам дела, были замешаны во взяточничестве. Есть также основания полагать, что действовала разветвленная преступная группа, куда входили даже и священнослужители. Тот факт, что эта группа была выявлена только в результате расследования совершенного преступления, говорит о том, что предупредительная работа профилактического характера практически не велась – собственно, тогда вопрос об этом и не стоял, да и не было органа, который мог бы заниматься ею на системном уровне.

В рамках рассмотрения уголовного дела представляет интерес институт обыска, находящий законодательное отражение в главе XXI Соборного уложения 1649 г. В указанных нормах первоисточника обыск, то есть опрос окрестных жителей, имеет различные наименования – «обыск» (ст. 29, 35, 36), «большой повальный обыск» (ст. 35), «около их житья обыскивать», «сыск» (ст. 28). В литературе существуют различия в понимании этого вопроса. Так, по мнению В. Сокольского, до Уложения существовало различие между повальным обыском розыска и повальным обыском суда (то есть состязательной формы судопроизводства). Первый представлял собой обязательный сыск разбойников определенной округи всей земщиной этой округи; второй - допрос жителей определенной местности о каком-нибудь факте, интересующем суд. Форма одинаковая, но суть и влияние на судебный процесс обоих институтов разные. С середины XVI в. в повальном обыске розыска активную роль играли представители власти - губные старосты. С Соборного Уложения 1649 г. происходит слияние обоих видов обыска. Между большим повальным обыском и просто повальным обыском (или обыском) различия не было, а обыск окольными людьми (или «около их житья») употреблялся в случаях маловажных, при наличии весомых улик [6, с. 29].

Есть и другая позиция - историка права К.Д. Кавелина, согласно которой, наоборот, юридических отличий обысков не существовало, а различие названий подразумевало только некоторые фактические оттенки [7, с. 314]. По мнению Ф. Дмитриева, повальный обыск отличался

от обыска окольными людьми тем, что был более масштабен и охватывал территорию 15-20 верст [8, с. 417].

В любом случае во всех указанных статьях обыск является существенным звеном следствия в форме розыска. По ст. 28 главы XXI он применяется в том случае, если лица, захваченные на разбое, не будут на пытке признавать за собой разбой. Возникает вопрос: зачем нужны такие признания, коль скоро человек захвачен на месте преступления («кого поимает на разбое»)? Один из ответов такой: целью применения пытки в данном случае было установить, не виновен ли обвиняемый в иных разбоях и татьбах, по аналогии со ст. 9, 16, 58 главы XXI [9, с. 207]. В случае непризнания разбойником таких дел за собой на пытке с той же целью прибегали к обыску среди населения по месту его жительства.

Иначе говоря, речь шла о многократности преступных действий и выяснении того, являлся ли обвиняемый «ведомым лихим». В Соборное Уложение 1649 г. этот термин не перешел, но понятие, в нем заключенное, как основание более высокой степени вменения, сохранилось [10, с. 244]. В ст. 28 основанием для вынесения смертного приговора служил не обыск, подтверждающий причастность обвиняемого к неоднократным разбоям, а результат его вторичной пытки, то есть был предусмотрен вариант, когда пытаемый и при второй пытке не признавал своей вины.

Таким образом, к XVII в. были систематизированы уголовно-процессуальные нормы, что нашло отражение, прежде всего, в Соборном Уложении 1649 г. В частности, была упорядочена структура органов, рассматривавших уголовные дела, при этом основным из них, если иметь в виду общеуголовные преступления, стал Разбойный приказ. Система судов по рассмотрению уголовных дел в Московской Руси XVII в. складывалась из судов центральной царской администрации (сам царь, бояре, воеводы, приказы) и местных судов (губные и земские учреждения), между которыми имело место разделение юрисдикции, которое, однако, нашло определенное закрепление лишь к середине XVII века. Указанные органы осуществляли судебные функции наряду с другими функциями, поскольку разделения суда от администрации не существовало.

Литература и источники

1. Курицын В.М. История полиции России: Краткий очерк и основные документы. М., 1998.
2. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1887. Т. 1. № 135.
3. Уставная книга Разбойная приказа // Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII вв. Тексты. Т.2. М., 1985.
4. Рябченко А.Г. Место судебных учреждений в реализации антикриминальной политики Московского государства в XVI - XVII вв. // Право, государство и экономика. Проблемы теории, истории и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С.45-49.
5. Рябченко А.Г. Правовой статус должностных лиц полиции, уполномоченных осуществлять дознавательно-следственную деятельность в Российской империи (конец XVIII - середина XIX века)// Общество и право. 2015. № 3 (53). С. 18-21.
6. Сокольский В. Главнейшие моменты в истории повального обыска // Университетские известия. Киев,1871. № 6.
7. Кавелин К.Д. Собр. соч. 1901.Т. 4.
8. Дмитриев Ф. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до учреждения о губерниях. М., 1859.
9. Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912.
10. Маньков А.Г. Уложение 1649 года - кодекс феодального права России. Л., 1980.

References and Sources

1. Kuricyn V.M. Istoriya policii Rossii: Kratkij ocherk i osnovnye dokumenty. M., 1998.
2. Materialy dlya istorii Voronezhskoj i sosednih gubernij. Voronezh, 1887. T. 1. № 135.
3. Ustavnaya kniga Razbojnaya prikaza // Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI – pervoj poloviny XVII vv. Teksty. T.2. M., 1985.
4. Ryabchenko A.G. Mesto sudebnyh uchrezhdenij v realizacii antikriminal'noj politiki Moskovskogo gosudarctva v XVI - XVII vv. // Pravo, gosudarstvo i ekonomika. Problemy teorii, istorii i praktiki. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2017. S.45-49.
5. Ryabchenko A.G. Pravovoj status dolzhnostnyh lic policii, upolnomochennyh osushchestvlyat' doznavatel'no-sledstvennuyu deyatel'nost' v Rossijskoj imperii (konec XVIII - seredina XIX veka)// Obshchestvo i pravo. 2015. № 3 (53). S. 18-21.
6. Sokol'skij V. Glavnejshie momenty v istorii poval'nogo obyska // Universitetskie izvestiya. Kiev,1871. № 6.
7. Kavelin K.D. Sobr. soch. 1901.T. 4.
8. Dmitriev F. Istoriya sudebnyh instancij i grazhdanskogo apellyacionnogo sudoproizvodstva ot Sudebnika do uchrezhdeniya o guberniyah. M., 1859.
9. Tel'berg G.G. Ocherki politicheskogo suda i politicheskih prestuplenij v Moskovskom gosudarstve XVII v. M., 1912.
10. Man'kov A.G. Ulozhenie 1649 goda - kodeks feodal'nogo prava Rossii. L., 1980.

РЯБЧЕНКО АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университет имени И.Т. Трубилина (ag.ryabchenko@gmail.com).
ФЕДОРЕНКО СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых и процессуальных дисциплин Кубанского института социоэкономики и права (филиала) Академии труда и социальных отношений.
RYABCHENKO, ALEXANDER G. - Doctor of History, Professor, Department of Theory and History of State and Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T.Trubilin (ag.ryabchenko@gmail.com).

FEDORENKO, SERGEY A. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Legal and Procedural Disciplines, Kuban Institute of Sociology of Economics and Law (branch) Academy of Labor and Social Relations of Law (fedorenkosergey79@yandex.ru).

УДК 351.74 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-39-45

ЗЛЫДЕНКО Д.С., РЯБЧЕНКО А.Г.
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Ключевые слова: уголовное преследование, отказ в возбуждении уголовного дела, Русская правда, Соборное уложение 1649 г., Артикул воинский 1715 г., Устав уголовного судопроизводства 1864 г., формальное следствие, предварительное следствие, «Декрет о суде № 1», УПК РСФСР 1923 года, УПК РСФСР 1960 г., УПК РФ 2001 года.

В статье рассматриваются генезис института отказа в возбуждении уголовного дела и его историческая эволюция. Исследуются основания к отказу в возбуждении уголовного дела и дается их структурный анализ, начиная с положений «Русской правды» и последующих российских правовых актов, и вплоть до принятия УПК РФ 2001 года. Выявлены закономерности в развитии правовых конструкций. Показано, что появление рассматриваемого института было связано с исключением самой возможности осуществления уголовного преследования в силу каких-либо жизненных объективных причин - как самого события, так и личности, подозреваемого в совершении противоправности деяния. Поздние этапы характеризируются детальной регламентацией процессуальных процедур и компетенции уполномоченных лиц, что приводит к отделению норм института от уголовно-правовых и разработке оснований к отказу от уголовного преследования с позиций уголовно-процессуальной деятельности. Делается вывод о возможности последующей ликвидации института «отказ в возбуждении уголовного дела» и самой стадии «возбуждение уголовного дела» в связи с невозможностью соблюдения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

ZLYDENKO, D.S., RYABCHENKO, A.G.
HISTORICAL EVOLUTION OF THE INSTITUTE OF REFUSAL TO INICIATE A CRIMINAL CASE IN RUSSIAN LEGISLATION

Key words: criminal prosecution, refusal to initiate a criminal case, Russian Truth, Cathedral Code of 1649, Military Article 1715, Charter of Criminal Procedure 1864, formal investigation, preliminary investigation, "Decree on Court No. 1", Code of Criminal Procedure of the RSFSR 1923, Code of Criminal Procedure of the RSFSR 1960, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation 2001.

The article considers the genesis of the institution of refusal to initiate a criminal case and its historical evolution. The grounds for refusal to initiate a criminal case are investigated and their structural analysis is given, starting with the provisions of "Russian Truth" and subsequent Russian legal acts, and up to the adoption of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in 2001. Revealed patterns in the development of legal structures. It is shown that the emergence of the institution under consideration was associated with the exclusion of the very possibility of criminal prosecution due to any vital objective reasons - both the event itself and the person suspected of committing the unlawfulness of the act. The later stages are characterized by detailed regulation of procedural procedures and the competence of authorized persons, which leads to the separation of the norms of the institution from criminal law and the development of grounds for refusing criminal prosecution from the standpoint of criminal procedural activity. It is substantiated the conclusion about the possibility of the subsequent liquidation of the institution of "refusal to initiate a criminal case" and the very stage of "initiation of a criminal case" due to the impossibility of observing the rights and legitimate interests of persons involved in the sphere of criminal proceedings.

Исследование генезиса института отказа в возбуждении уголовного дела позволяет утверждать, что его современное состояние отражает продолжительный процесс формирования. Появление государственной власти и права, как инструмента воздействия на общественные отношения, потребовало выработки стратегии его применения с позиций справедливости в условиях конкретного исторического типа общества, а также оптимальности и экономности применяемых судебных процедур. Создаваемые государственные органы стремились ограждать общество от неправомерных посягательств и одновременно искали пути обеспечения легитимности принимаемых решений в глазах населения, при известной степени дифференциации членов общества и подходов к реализации уголовной ответственности, либо отказа от преследования. Появление оснований для отказа от уголовного преследования, как правового явления, свидетельствует о развитости общественных отношений и смещении центров в сторону поиска избирательности в применении мер наказания, в целях установления объективной истины в виде фактов на начальном этапе получения информации о событии, а не формального привлечения к уголовной ответственности без минимального исследования обстоятельств и их оценки с позиций доказанности виновности субъекта.

На всем протяжении существования института прослеживается тенденция его неотделимости от стадии возбуждения уголовного дела с учетом исторических условий и компетенции должностных лиц правоохранительных органов по осуществлению уголовного преследования, но в пределах норм уголовного права. Целеполагания рассматриваемого явления заключаются в исключении самой возможности осуществления уголовного преследования уполномоченными лицами в силу каких-либо жизненных объективных причин, как самого события, так и личности, подозреваемого в совершении противоправности деяния. Обращаясь к

правовым памятникам нашего государства периода X – XI вв. становится ясно, что данный институт возникает лишь при появлении первых устойчивых признаков государственной организации власти Древнерусского государства. Уже тогда внимание законодателя было обращено именно на «противоправность», как исходный признак начала проверки возникшего факта. Краткая редакция «Русской правды» допускала возможность «расправы с ночным вором» вплоть до его убийства и, одновременно, указывала на справедливую законность таких действий собственника помещения или земли, а также иных «пришлых находящихся в опасности от вора». Аналогично разрешались: обычай кровной мести, побои, нанесения оскорбления. Особую охрану получали люди князя – «огнищане». В случае их убийства, «головника» можно было лишить жизни сразу на месте убийства, без проведения каких-либо следственно-судебных процедур [1, с. 74] и выдвижения обвинения от имени князя в суде (поле).

Как основание освобождения от ответственности статья 26 рассматривала душевное волнение, которое не позволяло контролировать лицу свои действия. Это прослеживается в содержании статьи где действие может вызывается нанесенным оскорблением и представлять собой ответ на него мечом. Давность события обнаруженного факта преступления также рассматривалась как способ отказа от привлечения к ответственности, не проведения расследования и дальнейшего суда (ст. 19). Добровольное возмещение причиненного вреда также образовывало самостоятельное основание отказа от уголовного преследования. При этом передача похищенного или аналогичного имущества в счет погашения ущерба или денег должна была происходить в письменной форме или в присутствии свидетелей (прилюдно).

Полученный правоприменительный опыт в период действия всех редакций «Русской правды» нашел свое отражение и в последующих правовых документах: Соборном уложении 1649 г., Артикуле воинском 1715 г. и пр. До проведения судебной реформы 1861 года вышеуказанные основания активно переносились законодателем практически без особых изменений. Отдельно хотелось бы выделить такие источники как «Новгородская Судная грамота» и «Псковская Судная грамота». Учитывая меньший территориальный и численный охват регуляции социума этими правовыми актами, они имеют более яркие признаки диспозитивности поведения субъектов при урегулировании отношений между причинителем вреда и потерпевшим. Так, если имел место бой (поединок) между людьми в общественном месте и при свидетелях, видевших момент нанесения раны или увечья, возможность преследования возникала лишь исключительно по жалобе претерпевшего лица. Соответственно, отсутствие такого обращения не влекло последующего разбирательства инцидента [1, с. 75]

В дальнейшем, при усилении тенденций гарантии прав личности от необоснованного уголовного преследования и, в определенной мере, в результате совершенствования правового регулирования российского общества в 18-19 вв., процедура отказа в возбуждении уголовного дела, как правого явления, нашла свою более детальную регламентацию. Нами имеется в виду проведение судебной реформы 1864 года.

Свод законов Российской Империи [2] определяя процессуальную форму расследования преступлений до 1861 года выделял их две формы: «предварительное» и «формальное» следствие. Предварительное следствие проводилось при наличии установленного повода, определенного законом. К ним, относилось: всякий донос, явка с повинной, обращение потерпевшего, иные сообщения. Второй вид «формальное следствие» характеризовался выяснением вопросов о том имеются ли в действиях фигуранта противоправность и ее квалификация как основание назначения наказания судом [3, с. 111]. Сводом Уголовных законов предусматривались конкретные жизненные ситуации, когда уголовное преследование не могло возникнуть: душевная болезнь (ст.136), необходимость обороны от нападения (ст. 133), оказание содействия органам по выявлению и задержанию преступника при наличии добровольности таких действий (ст.138), невиновное причинение вреда (ст.132), переход в православную веру при незначительности деяния, как основание освобождения от юридической ответственности (ст.139-140).

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. [4] одной из целей которого также явились разграничение полномочий властей, путем отделения власти судебной от административной, разделил полномочия полиции и жандармского корпуса выделив отдельно судебных следователей и полицейское дознание. Подобное разделение окончательно упразднило две предыдущие формы расследования – формальное и предварительное. Анализ положений УУС позволяет установить,

что на органы полиции возлагались проведение оперативно-розыскных мероприятий, административные функции по охране общественного благочиния, а также реализация своего рода воспитательной функции поведения в обществе. Устанавливался и объем полномочий полиции при проверке сообщений и выявлении преступлений. Подразделения полиции в рамках дознания могли добывать сведения путем негласных наблюдений, расспросов, розыска не только преступника, но и установления в ходе розыска очевидцев.

Возрастала роль и прокуратуры в качестве надзорного государственного органа. В силу роста регламентации процессуальных процедур, нормы УУС требовали от тогдашнего правоприменителя обосновывать начальную стадию преследования при одновременном взаимодействии с прокурором. Это можно наблюдать при обращении к ст.309 УУС, которая требовала от судебного следователя уведомления прокурора в случае не обнаружения повода для начала уголовного преследования, то есть предполагала прямой отказ от него. В силу слабой регламентации некоторых отраслей законодательства, ст. 312 УУС давала прокурору основания не принимать мер для уголовного преследования ввиду спорности возникшей ситуации и имеющегося полномочия на предъявления требования о начале процедуры уголовного преследования. Актуальными становятся и вопросы, связанные с полнотой проводимых досудебно-следственных проверок. В случаях недостаточности информации для принятия решения, прокурор мог давать указание полицейским органам о проведении дополнительных мероприятий.

Однозначного понимания оснований для отказа в возбуждении уголовного дела удалось добиться законодателю в положениях УУС, которые прямо указывали на невозможность возбуждения уголовного дела и незамедлительное прекращение уже возбужденного в целом ряде случаев. Среди них:

1. Ненадлежащая подследственность, то есть уголовное дело, либо имеющиеся материалы проверки были подсудны мировому судье (ст.200, 249 УУС).

2. Обнаружение обстоятельств, указанных в ст.16 УУС:

- смерть лица, совершившего уголовно-наказуемое деяние;
- истечение сроков давности привлечения;
- примирение субъекта правонарушения с потерпевшим (при соблюдении специальных условий такого примирения) или смерть частного обвинителя (если наступала смерть частного обвинителя, то при отсутствии в законе возможностей по наследованию права требования уголовного преследования оно не производилось, либо уголовное дело прекращалось);
- Манифест либо указ милостивого монарха, устанавливающий прощение (амнистию);
- в отношении несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет, находящихся в связи с наличием судебного акта об их помещении в воспитательно-исправительное учреждение, в случае если он совершил побег из него или иное преступление (проступок) наказание за которое предусматривает направление в воспитательное учреждение для исправления.

3. Отсутствие заявления потерпевшего (ст. 5 УУС).

4. В случае наличия приговора суда по тому же делу, которое требует возбуждения, в связи с имеющимися материалами проверки. (ст.21, 22 УСС).

5. Гражданско-преюдициальные факты, требующие своего урегулирования в процессе гражданского судопроизводства. (ст.27 УУС).

6. Отсутствие всех признаков состава преступления (ст.ст.52, 253, 310 УУС).

7. Фигурант проверки относиться к лицам, в отношении которых предусмотрены изъятия относительно возможности их привлечения к уголовной ответственности, в связи с занимаемой должностью в Российской Империи. (ст.ст.1088, 1089 УУС).

Необходимо отметить, что УУС не использовал само понятие «отказ в возбуждении уголовного дела», однако прокурор обладал полномочиями в принятии решения «о недопущении уголовного преследования» путем всего лишь уведомления заинтересованных лиц о его невозможности в данной ситуации, без вынесения соответствующего постановления.

УУС в современном понимании не разграничивал такие понятия как «поводы» и «основания» для возбуждения уголовного дела и использовал их лишь как условия для возможности отказа в возбуждении уголовного дела. Это следует из положений ст. 88, которая говорит о достаточности информации в материалах проверки, совокупность которых позволяла

бы полицейскому дознанию прийти к выводу о подтверждении совершения противоправного деяния. При отсутствии такой информации возникал отказ. Также отказ от уголовного преследования имел место в случае установления недостоверного источника информации о преступлении. Это случаи, когда источником информации был человек, который делал заявление на основе информации от других лиц и сам не видел и не участвовал в происшествии, либо источник знаний о происшествии не был известен заявителю, и они основывались на его собственных догадках, как указывал УУС «пустых слухах или подозрениях» (ст.107 УУС).

Последующий этап развития рассматриваемого института тесно связан с коренными революционными преобразованиями в обществе вследствие прихода к власти партии большевиков в 1917 году и построения советского социалистического государства.

Первоначальные шаги государства были направлены на создание нового государственного аппарата при безусловном уничтожении старого. Не составила исключение и «царская» судебная система. В начале своего становления, при отсутствии новых законодательных источников, народные суды были вынуждены действовать практически идейно, основывая свою практику на «революционном правосознании». Нередко в документах использовались формулировки, которые носили лишь идеологический характер, а не правовой. В этом случае приговоры выносились «в соответствии с идеалами революции», «пролетарской ненависти к классу эксплуататоров» либо вообще «осознавая текущий момент революции». Такие интерпретации были оправданы в связи с отсутствием легально установленных новой государственной властью процессуальных процедур. Однако долго это продолжаться не могло, так как в корне подрывало авторитет новой власти большевиков, которая приняв «Декрет о суде № 1» от 22 ноября (5 декабря) 1917 года в статье 5 закрепила положение о возможности использования «законов свергнутых правительств при условии, что они не отменены (ликвидированы) революцией и в той части в какой они не противоречат пролетарскому правосознанию» [5, с. 124].

Необходимо отметить, что на момент издания «Декрета о суде № 1» предварительное расследование уголовных дел осуществлялось «местными судьями единолично» (ст. 3), а для борьбы с контрреволюцией учреждались «следственные комиссии, действующие при рабочих и крестьянских трибуналах» (ст.8). Указанные органы действовали от имени Российский республики. Как таковой, процессуальной процедуры «отказ в возбуждении уголовного дела» не существовало. Поводами для процессуальных мероприятий служили либо возникшие факты, либо обращения заинтересованных лиц, что требовало обязательного начала уголовного преследования без возможности проведения их предварительной проверки и возможности отказа. В связи с этим уже 30 сентября 1919 года в п 13 «Положения о военных следователях» № 1595 [6, с. 108] закреплялись основания невозможности уголовного преследования такие как «смерть обвиняемого, амнистия». Пункт 25 этого же проставления закрепил поводы к началу процессуальной проверки (если имели место сообщения государственных органов, заявления граждан, явка с повинной). При этом, в случае необходимости, следователь был вправе вынести соответствующее постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (п.84), что, по-нашему мнению, позволяло в дальнейшем исключить повторные проверки по этим же обстоятельствам и соблюсти права лиц.

В период с 1919 по 1923 год возникает и начинает утверждаться доктрина советских ученых-процессуалистов относительно самой стадии «возбуждения уголовного дела». Одни указывали, что она не образует самостоятельной стадии, как таковой, и рассматривали ее лишь, как начальный этап судопроизводства, делу. Другие видели в ней всего лишь подготовительные действия уполномоченного лица, связанные с назначением уголовного дела к слушанию при отсутствии необходимости расследования «предварительного». Приведенные точки зрения нами вполне оправдываются, так как «Декрет о суде № 1» предусматривал предварительное расследование в рамках судебных процедур соответствующего суда к подсудности которого относилось дело, что и обуславливало отождествление самого предварительного расследования, как части судебной процедуры.

Значительный прогресс в развитии института отказа в возбуждении уголовного дела обеспечило принятие Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР 1923 года [7], который просуществовал вплоть до принятия УПК РСФСР 1960 года. Включенная в него Глава 7 детально регламентировала последовательность действий правоприменителя на стадии «Возбуждение

производства по уголовному делу», а статья 4 Главы 1 перечисляла законные основания, препятствующие возбуждению уголовного дела, (обвиняемый умер; имело место примирение сторон (применялось лишь по определенным видам преступлений); отсутствие заявления по делам частного обвинения от потерпевшего; истечение срока давности привлечения к ответственности; отсутствие состава преступления, акт амнистии).

Закон детально регламентировал круг лиц, полномочных возбуждать уголовные дела и процессуальные правила принятия решения об отказе в возбуждении. Одновременно закон решил вопрос о невозможности подмены органов, полномочных осуществлять процессуальную проверку, другими государственными органами, четко указав в ст.95 невозможность осуществления функций органов дознания и следствия, кроме органов дознания, прокурора и следователя, наделив их возможностью вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела при установлении отсутствия признаков преступного деяния. Впервые был предусмотрен порядок возможности обжалования принятого решения об отказе в семидневный срок в судебную инстанцию соответствующего уровня.

Обращает на себя внимание, что основания к отказу в возбуждении уголовного дела были практически полностью реципированы из УУС. Статьи 4 и 100 УПК РСФСР в качестве таких оснований указывали отсутствие признаков преступления, смерть фигуранта, примирение с потерпевшим, отсутствие заявление потерпевшего, истек срок давности привлечения ответственности, амнистия. Примечательно, что сотрудники милиции не обладали признаками специального субъекта, в отношении которого уголовное преследование производилось по специальным правилам, напротив, изъятие заключалось лишь в отношении органа куда можно было обратиться с соответствующим заявлением им являлся суд либо революционный трибунал (ст. 20 УПК РСФСР). При этом члены ВЦИК и ЦИК СССР могли привлекаться лишь после получения разрешения на это президиума Центрального исполнительного комитета соответствующего уровня.

Делались попытки одновременно уменьшить нагрузку по уголовных делам на органы следствия и дознания и идеологически заявить населению о гуманности советской власти. Так, в 1925 году была принята статья 4-а УПК РСФСР вводившая новое основание для отказа в возбуждении уголовного дела. В ней указывалось о возможности прекращения уже возбужденного уголовного снизить и отказа в возбуждении по признакам «малозначительности», «ничтожности негативных последствий», либо вообще «несообразности дальнейшего расследования». Однако в 1926 году норма была исключена, вследствие различного понимания правоприменительными органами вышеуказанных категорий, освобождающих лицо от уголовной ответственности и возможности широкого усмотрения вплоть до злоупотреблений должностных лиц. Защита прав несовершеннолетних также присутствовала в качестве невозможности их привлечения к уголовной ответственности до достижения ими 18 летнего возраста. Несовершеннолетние в таком случае направлялись в созданные комиссии по делам несовершеннолетних, но впоследствии, в силу различных конкретно исторических условий, возраст совершеннолетия неоднократно пересматривался законодателем (ст.ст.2-4 Декрета).

Отдельным этапом в развитии рассматриваемого института явилось принятие в 1961 году очередного Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [8], который во многом сохранил идейную приверженность и преемственность положений УПК РСФСР 1923 года. Однако это не означало, что в нем отсутствовало позитивное совершенствование норм.

Законодатель пошел по пути некоторого обобщения. Например, существовавший повод для начала процессуальной проверки в виде «предложение прокурора» был заменен на более общий – «статьи, заметки и письма, опубликованные в печати» (п.4 ст.108). Наконец были конкретизированы и определены четкие сроки процессуальной проверки до 3 и, при необходимости дополнительных мероприятий, - до 10 суток (ч.1 ст.109). Определялись и процессуальные приемы проверки, то есть возможность производства следственных действий и иных мероприятий процессуального характера. Так, из следственных действий допускался лишь осмотр места происшествия, а к иным относились получение объяснений от фигурантов, получение справок от эксперта и запросы в интересующие организации (ч.1 ст.109). Статья 113 впервые за всю историю существования института законодательно закрепила процессуальный термин – отказ в возбуждении уголовного дела. Статья 5 дала возможность применения оснований

к прекращению уголовного дела для целей отказа в возбуждении уголовного дела. Конкретизирован и уточнен был также круг субъектов, полномочных для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела. К ним относились суд, следователь, орган дознания и прокурор (ч.1 ст. 113). Как выше указывалось, статья 5 предусматривала довольно широкий перечень оснований одинаково применяемых и в целях отказа в возбуждении уголовного дела, и прекращения производства по возбужденному делу к ним. Выделим вновь появившиеся: отсутствие события преступления; вступление в законную силу приговора суда по тому же обвинению или процессуального решения о прекращении по тому же подозрению или обвинению; имеющееся не отменное постановление о прекращении уголовного дела в отношении лица по тому же факту; отказ священнослужителя от дачи показаний по фактам, которые стали известны ему на исповеди (п. 11 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР).

Обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела было возможно только при обращении к прокурору, а в более поздней редакции и в суд.

Очередные изменения в институте об отказе в возбуждении уголовного дела произошли уже в постсоветский период и связаны со вступлением в силу Конституции 1993 года, а также разработанных на ее основе положений УПК РФ 2001 года [9]. Необходимо отметить, что УПК 2001 года привнес достаточно много существенных новел, ранее не известных в истории института об отказе в возбуждении уголовного дела и тесно связанных с новыми направлениями государственного строительства, прогрессивными принципами судопроизводства, ознаменовавшими новую эру в развитии всего уголовного судопроизводства России. Провозглашение в статье 1 Конституции РФ задачи построения правового государства предопределило новый курс судопроизводства, основанный на неуклонном приоритете прав личности и их защиты органами власти. Так, статьей 123 Конституции был введен принцип состязательности и равноправия сторон, что нашло свое отражение в содержании ч.3 ст.15 УПК РФ, где говорится о невозможности суда являться органом уголовного преследования. Таким образом, вопросы уголовного преследования и принятия решения об отказе в нем полностью стали полномочиями лишь органов предварительного расследования, что исключило обвинительную функцию органов правосудия.

Помимо традиционных был расширен круг процессуальных мероприятий в целях полноты доследственных проверок в содержании ч.1 ст. 144 УПК РФ. Так, стало возможным, помимо осмотра, назначение, проведение и получение судебных экспертиз, освидетельствование, назначение ревизий и проверок, осмотр предметов и документов. Появилась возможность при проведении экспертных исследований продлевать срок процессуальной проверки до 30 суток (ч.3 ст. 144).

Порядок отказа в возбуждении уголовного дела, как процедуры, предусмотренной УПК РФ, стал детально регламентироваться статьей 148 УПК РФ, в которой были максимально предусмотрены ситуации, связанные с соблюдение прав граждан при принятии такого решения. Это и обязательное вынесение постановления, точный субъектный состав должностных лиц, имеющих на это право, обязанность принятия решения о заведомо ложном доносе в отношении заявителя при сообщении в отношении конкретного лица, обязательное опубликование решения об отказе в средствах массовой информации при проверке фактов, распространенных в СМИ, невозможность отказа в возбуждении уголовного дела следователем без согласия руководителя следственного органа по материалам, поступившим от прокурора, обязательное письменно уведомление заинтересованных лиц о принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела и направлении его копии прокурору и т.д.

Подводя итоги, можно отметить, что институт отказа в возбуждении уголовного дела прошел в своем развитии три условных этапа: с 9 века до 1917 года (дореволюционный), с 1917 по 2001 год (советский) и с 2001 года (современный).

Начальный этап становления характеризуется совпадением оснований к отказу с институтами освобождения от уголовной ответственности, что обусловлено отсутствием процессуальных источников, закрепляющих принятие такого решения. Последующий этап связан с попытками процессуального закрепления оснований к отказу в возбуждении уголовного дела и отделения его норм от материального права. Создавались процессуальные процедуры, целеполаганием которых явилась выработка четкой последовательности и субъектного состава

полномочий лиц, участвующих в доследственной, а иногда и досудебной проверке, что обусловлено попытками соблюдения прав и свобод лиц, вовлекаемых в сферу правоприменительного процесса.

Оценивая современное состояние института можно утверждать, что он имеет громоздкую процессуальную составляющую, так как сама процессуальная стадия, на которой имеет место применение института, относиться к стадии возбуждения уголовного дела, которая, находясь за пределами процессуальной формы, делает затруднительным, а иногда и полностью невозможным соблюдение прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в ее сферу. Представляется, что в дальнейшем могут возникнуть условия, при которых законодатель попробует полностью отказаться от «фильтрации» поступающей информации в правоохранительные органы в виду невозможности в полной мере использования средств защиты, предусмотренных УПК РФ и отсутствующих в содержании рассматриваемой стадии. По нашему мнению, подобные изменения дадут старт «новейшему» этапу развития уголовно-процессуального законодательства и в большей мере смогут устранить препятствия для защиты интересов граждан на первоначальном этапе установления фактических обстоятельств расследуемого события и незамедлительности в решении задач уголовного судопроизводства. В качестве смелого эксперимента можно привести опыт республики Казахстан, где действующий уголовно-процессуальный кодекс [10] не предусматривает стадию возбуждения уголовного дела и дает возможность использования потенциала всех уголовно-процессуальных средств доказывания и проверки главного факта путем немедленного возбуждения уголовного дела при поступлении информации (сообщения) о наличии о преступлении.

Литература и источники

1. Шахматов А.В., Белоусова Е.А. К вопросу об истории развития института отказа в возбуждении уголовного дела в российском законодательстве // Журнал экономических и правовых исследований. 2014. № 1.
2. Свод законов Российской Империи (дата обращения 10.09.2021 г.) // URL:http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?window_volume_contents&volume=100020
3. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства. СПб.,1841.
4. Устав уголовного судопроизводства 1864 // URL:https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (дата обращения 23.09.2021)
5. Декреты Советской власти. Т.I. М.: Гос.изд-во полит.литературы, 1957.
6. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры: Сб. док. М., 1955.
7. Музей истории Российских реформ имени П.А. Столыпина // URL:http://museumreforms.ru/node/13986 (дата обращения 15.08.2021г.)
8. Закон об утверждении уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27 октября 1960 года // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5601.htm (дата обращения 10.09.2021 года)
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 31 декабря 2017 года) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.10.2021 г.) // URL:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575852 #activate_doc=2&pos=222

References and Sources

1. Shahmatov A.V., Belousova E.A. K voprosu ob istorii razvitiya instituta otkaza v vozbuzhdenii ugolovnogo dela v rossijskom zakonodatel'stve // Zhurnal ekonomicheskih i pravovyh issledovanij. 2014. № 1.
2. Svod zakonov Rossijskoj Imperii (data obrashcheniya 10.09.2021 g.) // URL:http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?window_volume_contents&volume=100020
3. Barshev Ya.I. Osnovaniya ugolovnogo sudoproizvodstva. SPb.,1841.
4. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva 1864 // URL:https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/ (data obrashcheniya 23.09.2021)
5. Dekrety Sovetskoj vlasti. T.I. M.: Gos.izd-vo polit.literatury, 1957.
6. Istoriya zakonodatel'stva SSSR i RSFSR po ugolovnomu processu i organizacii suda i prokuratury: Sb. dok. M., 1955.
7. Muzej istorii Rossijskih reform imeni P.A. Stolypina // URL:http://museumreforms.ru/node/13986 (data obrashcheniya 15.08.2021g.)
8. Zakon ob utverzhdenii ugolovno-processual'nogo kodeksa RSFSR ot 27 oktyabrya 1960 goda // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5601.htm (data obrashcheniya 10.09.2021 goda)
9. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii [Tekst]: feder. zakon ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ (v red. ot 31 dekabrya 2017 goda) // SZ RF. 2001. № 52 (ch. 1). St. 4921.
10. Ugolovno-processual'nyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 4 iyulya 2014 goda № 231-V (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 04.10.2021 g.) // URL:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575852 #activate_doc=2&pos=222

ЗЛЫДЕНКО ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ – кандидат юридических наук, Краснодарский университет МВД России.
РЯБЧЕНКО АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ - доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (ag.ryabchenko@gmail.com).
ZLYDENKO, DMITRY S. – Ph.D. in Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (kiap_krdu@mvd.ru).
RYABCHENKO, ALEXANDR G. - Doctor of History, Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

УДК 340.153 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-46-50

ПЛОТНИКОВА А.В.

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ТОРГОВЛИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА[3]

Ключевые слова: государство, право, торговые отношения, предпринимательская активность, купеческое сословие, крестьянское сословие, правительство, крестьянская торговля.

Статья посвящена изучению опыта государственно-правового регулирования предпринимательской деятельности крестьянского сословия в России в первой половине XIX века. Дается оценка проводимой государством политики в отношении тех или иных форм торговли и торговых сословий. На основе анализа правовых актов, принятых в исследуемый период, показано, что согласно торговым свидетельствам, крестьяне имели право осуществлять торговую деятельность только определенным перечнем товаров и продуктами сельскохозяйственного производства, обычно, за пределами городов. В городах же они могли реализовывать только продукты питания. Эволюция законодательства и перестройка организационной структуры оказали важное влияние на правовой статус субъектов торговых отношений, а именно: происходит расширение прав торгующего крестьянства, но вместе с этим отмечается соблюдение сословного принципа в торговле. Делается вывод, что в изучаемый период торговая политика государства благоприятно сказалась на развитии экономики страны, в целом, и крестьянской торговле - в частности.

PLOTNIKOVA, A.V.

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF PEASANT TRADE IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Key words: state, law, trade relations, entrepreneurial activity, merchant class, peasant class, government, peasant trade.

The article is devoted to the study of the experience of state-legal regulation of entrepreneurial activity of the peasant class in Russia in the first half of the 19th century. The assessment of the state policy in relation to certain types of trade and trade estates is given. Based on the analysis of legal acts adopted during the study period, it is shown that according to trade certificates, peasants had the right to carry out trade activities only with a certain list of goods and agricultural products, usually outside the cities. In cities, they could only sell food. Changes in legislation and organizational structure have had an important impact on the legal status of subjects of trade relations, namely: there is an expansion of the rights of the trading peasantry, but at the same time, the observance of the class principle in trade is noted. It is concluded that during the period under study, the state's trade policy had a favourable effect on the development of the country's economy in general and peasant trade in particular.

Торговая деятельность является одним из главных и весомых секторов экономики каждого государства. Поэтому высокоэффективная стратегия развития торговой деятельности и стимулирование роста любых форм предпринимательской активности являются главным гарантом устойчивого экономического роста государства, который влияет на формирование благоприятной среды для всех субъектов торговли.

Интерес к вышеуказанной проблеме обусловлен тем, что законодательные основы и государственное регулирование деятельности субъектов торговых отношений в России имеют множество недостатков и нуждаются в значительной корректировке. Поэтому изучение эволюции торговой деятельности с акцентом на исследовании прав и обязанностей отдельных субъектов российской торговли поможет показать закономерности в развитии и формировании российского гражданского законодательства в части регулирования статуса субъектов коммерческой деятельности.

В начале XIX в. российское правительство взяло курс на развитие научных основ организации коммерческих отношений, особое место отводя свободной торговле. Это, в частности, выразилось и в расширении прав крестьянства в области предпринимательской деятельности. В исследуемый период необходимо отметить ряд условий, способствовавших увеличению привилегий, предоставленных торгующим крестьянам.

Ранее правительство в своей экономической деятельности постоянно поддерживало купцов путем ограничения торговых прав крестьян и сохранения их привилегий на монополию в торговле. Однако при этом рост налогового обложения купечества был столь серьезным, что его численность, а также размеры капиталов порой существенно уменьшались [1, с. 112].

Между тем, количество крестьян, осуществлявших предпринимательскую деятельность, достигло уровня купеческого сословия. Среди прочего этому способствовала поддержка со стороны помещиков, которые были заинтересованы в предпринимательской активности своих крестьян. Поэтому правительство, пришло к пониманию того, что, ограждая крестьян от торговли, оно наносит большой урон как в целом экономическому развитию государству, так и в частности - казне.

[3] Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

В связи с этим, появилась идея о распространении права ведения коммерческой деятельности на все сословия, в том числе и на крестьянство (или, как предлагалось называть эту категорию, - «торгующих крестьян»). В подтверждение этого, согласно Уставу Петербурга от 1798 г., а затем и Уставу Москвы от 1799 г. [2] вводится акциз на крестьянскую торговую деятельность. Теперь крестьянин, желавший торговать в этих городах, должен был вносить определенную плату в пользу города. При этом размер акциза находился в прямой зависимости от вида товара, продающегося в лавках и примерно составлял от 1 до 25 рублей. Таким образом, уже меры конца XVIII века были призваны придать правовой характер такому виду торговли.

В 1801 г. с воцарением Александра I в остро встал вопрос о более активном привлечении новых источников пополнения казны. Особое значение, в свете новых задач правительства по наделению торговыми правами крестьян, занимают Положение и Указ от 9 апреля 1804 года [3]. Согласно данным нормативным актам, права на торговлю приобретались крестьянами через получение ими торговых свидетельств, которых существовало четыре разряда.

Свидетельство IV разряда давало право на торги и промыслы в городах, а также владение лавками и торговлю в них мелочным товаром. Обладатели указанного свидетельства могли торговать на ярмарках с возов, лодок и иметь временные лавки. Согласно торговым свидетельствам I-III разрядов, крестьянам была санкционирована мелочная торговля в розницу из личных лавок. В соответствии со статусом свидетельства III разряда, крестьянам дозволялось вести торговлю российскими продуктами питания – овощами, молочными изделиями и мясом. Обладатель свидетельства II разряда мог торговать уже и российскими продуктами питания, и импортными, а свидетельства I разряда мог вести торговлю чаем, сахаром, кофе, специями, изделиями крестьянского промысла. Впрочем, указ запрещал крестьянам иметь в лавках более 2-х работников.

Важным подтверждением продолжения активной поддержки крестьянства в плане наделения его торговыми правами явился Указ от 23 февраля 1806 г. [4]. В соответствии с ним крестьянскому сословию правительство предоставляло право вести различные виды торговли. А именно, дозволялась торговля в лавках, лотках, вразнос товарами и собственными изделиями. Наряду с этим, государство предоставило крестьянам возможность передавать на хранение эти товары в свои и наемные купеческие амбары, продавать товары оптом, в том числе и на ярмарках, а также торговать товарами иностранного производства. Таким образом, анализируя положения данного акта, можно сделать вывод, что правительство санкционировало крестьянам ранее запрещенную оптовую торговлю, а также открыло преимущества для торговли импортными товарами.

Отечественная война 1812 г. неблагоприятным образом повлияла на экономическое положение страны, в том числе и на торговую деятельность, что выразилось в небывалой инфляции рубля и бумажных ассигнаций, а также в многочисленных случаях сокрытия налоговых сборов.

В этой связи, для оживления деловой активности крестьян и поступления налоговых поступлений, 29 декабря 1812 г. вышел в свет Указ, где Дополнительными правилами [5] было предоставлено право крестьянам заниматься коммерческой деятельностью самостоятельно без доверенности от купца. Нормативный акт конкретизировал налоговые поступления в соответствии с четырьмя видами торговых свидетельств в размере от 40 до 2500 рублей. Вместе с тем, несамостоятельные торговцы и служащие купца, которые вели предпринимательскую деятельность по доверенности, также подлежали налогообложению - приказчики и комиссионеры - платили по 100 руб., сидельцы и артельщики платили 40 рублей. Однако необходимо отметить, что служившие в лавках работники и мальчики обложению не подлежали, но вместе с тем могли вести торговые операции по свидетельству хозяина лавки. Особенно важное значение имело то, что крестьяне получили право участвовать в деятельности ярмарок, где им разрешалось снимать лавки и шалаши для ведения торговли и скупки товаров для деревенской торговли [6, с. 62].

Анализируя положения Дополнительных правил Указа от 29 декабря 1812 г. [7], необходимо отметить, что, несмотря на то, что права крестьян на предпринимательскую деятельность были закреплены в торговых свидетельствах согласно четырем разрядам, в то же время они были лишены прав, предоставленных гильдейскому купечеству.

Несмотря на это крестьянская торговля расширялась и вместе с этим росло недовольство купечества. Как указывает в своей монографии М.Н. Барышников: «Деловая активность крестьян в городах, появление крестьянских лавок, разносной и развозной торговли способствовали усилению конкуренции между торгующим крестьянством и купечеством. Приоритет часто был не на стороне

купечества. Наибольшие потери несли купцы II и III гильдии, так как крестьяне стали их теснить как в розничной, так и в оптовой торговле в городах и селениях» [6]. В широко известном документе «О причинах упадка торговли и купеческих капиталов в России и о средствах к поправлению оных для умножения казенных сборов» [8], вышедшем в 1823 г. из Московского купеческого общества, московские купцы указывали на «ослабление прав купечества» из-за конкуренции крестьянства. «Дозволение заводить каждому крестьянину фабрики и мануфактуры без платежа за промысел, уменьшая гильдейские капиталы, служит ко вреду устроенных больших фабрик и мануфактур и препятствует улучшению русских изделий» [9].

В связи с упадком купеческой торговли государству пришлось пойти на меры, способствовавшие ограждению интересов купечества от активной предпринимательской деятельности крестьян. В попытке урегулирования этого вопроса правительством, торговые права гильдейского купечества были уточнены Дополнительным постановлением «Об устройстве гильдий и прочих состояний года» [10]. Согласно этому документу, устанавливались определенное количество и виды торговых заведений и предприятий, которые могли иметь в собственности купцы различных разрядов. Также регламентировались максимальный объем торговли и число совершаемых сделок. Немаловажное значение имел тот факт, что данным постановлением ограничивался состав купеческих семей [11].

Однако политика правительства в сфере наделения правами торговых сословий была непоследовательной. Поэтому в 1825-1827 гг. ряд важных положений реформы были упразднены. Таким образом, в борьбе купечества с конкуренцией торговых крестьян в полной мере проявлялось желание сохранить свои сословные права [12, с. 298]. В итоге, несмотря на жалобы купеческого сословия, его сопротивление растущей торговой активности крестьянства, государство еще больше расширило права крестьян в этой области. Указом от 14 ноября 1824 г. крестьянам, независимо от принадлежности к казенным, удельным, помещичьим, дозволялось «производить торговлю и промышленность купечеству предоставленные, также заниматься разными торгами, промыслами и ремеслами, присвоенным и торгующим мещанам и посадским: но не иначе как со взятием особых свидетельств и с уплатою пошлины». Анализируя положения данного указа, отметим, что он, с одной стороны, уточнил права купцов. Так, за право занятия торгово-промышленной деятельностью и содержания лавок или отдельных промышленных заведений (сверх трех) необходимо было заплатить сбор за свидетельства (патенты) (до трех заведений выдавались бесплатные билеты):

- при объявленном капитале более 15 тыс. рублей за свидетельство надо было заплатить пошлину, которая с процентными надбавками составляла 660 рублей;

- при объявленном капитале в пределах от 6 тыс. до 15 тыс. рублей - сбор был равен 264 рублям;

- при объявленном капитале 2,4-6 тыс. рублей сбор снижался до 66 рублей.

Необходимо отметить, что размер капитала купцы сообщали самостоятельно и только он определял принадлежность их к одной из купеческих гильдий.

С другой стороны, указ от 14 ноября 1824 г. также регламентировал права крестьян и мещан. Согласно этому нормативному акту, вводился сбор за свидетельство на право содержания мелких торговых и промышленных предприятий, а также на право работать приказчиком [13, с. 145-147].

Наряду с уплатой сбора, крестьянину необходимо было предъявить согласие от помещика или управляющего.

В связи с расширением торговых прав крестьян, их предпринимательская деятельность становилась все более активной. При этом растущая сельская торговля во многом опиралась на наличие крупных административных дворцовых волостей. Дворцовые крестьяне, поддерживаемые чиновниками, вели особенно активную хозяйственную деятельность. Излишки их промыслового хозяйства и аграрной деятельности регулярно попадали на рынки [13, с. 145-147].

По мере расширения торговых прав крестьянства, происходило и расширение номенклатуры товарной продукции. В связи с тем, что можно было торговать беспошлинно, многие товары перекупались у других торговцев. Также в исследуемый период происходили изменения в способах и формах крестьянской торговли. Так, в городах во время больших годовых ярмарок крестьянам-предпринимателям было дано право арендовать лавки и шалаши с целью продажи в них мелочных товаров, а также для покупки их в дальнейшем - для перепродажи в деревнях. Этому способствовал тот факт, что местное население проживало на большом расстоянии до ближайших торгов и

ярмарок, поэтому было невозможно регулярно удовлетворять потребности в различном ассортименте товаров. В связи с чем, крестьянская торговля была сконцентрирована неравномерно. Основными сосредоточениями сельской торговли являлись области компактного проживания дворцовых крестьян.

Предпринимательской деятельностью довольно активно также занимались и черносошные, и государственные крестьяне, но с известными ограничениями. Следует отметить тот факт, что еще Таможенный устав 1755 г. устанавливал границы для крестьянской торговли, предоставляя право торговать только «…по приложенному при том пункте реестру мелочными товарами» [14]. Крестьянам разрешалось торговать в селах и деревнях, расположенных не ближе 5 верст к городу, причем ограниченным кругом товаров. К иностранным рынкам крестьяне не допускались [15, с. 146]. В этом свете нельзя не отметить роли помещиков-крепостников в развитии сельской торговли. Заинтересованные в получении дополнительных доходов, они не только не запрещали своим крестьянам заниматься торговлей, но и предоставляли крестьянам отпускные свидетельства и право торговать.

Результаты проведенного нами исследования позволяют сделать вывод о несовершенстве государственных мер и противоречивости политики правительства. С одной стороны, из-за поддержки купеческой торговли и ограничений торговли крестьян, последние не могли в полной мере проявлять предпринимательскую активность. С другой стороны, с началом XIX века правительство расширяло права крестьянского сословия в области торговой деятельности, что дало крестьянам возможность для занятий предпринимательской деятельностью, в результате чего это положительно повлияло на расширении крестьянской торговли. При этом крестьянская торговля, как вид экономической деятельности, способствовала быстрому накоплению капиталов торгующими крестьянами.

Однако нельзя не отметить тот факт, что сословный принцип в торговле сохранялся на всем протяжении изучаемого периода. Исходя из анализа правовых актов, принятых в рассматриваемый период, можно сделать вывод о том, что, согласно торговым свидетельствам, крестьяне имели право осуществлять торговую деятельность только определенным перечнем товаров и продуктами сельскохозяйственного производства, причем обычно за пределами городов. В городах же они могли реализовывать только продукты питания. Кроме того, в обязанность им вменялось поставлять продовольствие для армии. Торгующие крестьяне по своему правовому статусу оставались крестьянами, а потому были обязаны выполнять феодальные повинности.

Литература и источники

1. Королева С.И. Торговое сословие России. М., 1998.
2. ПСЗ I. Т. XXV. № 18822.
3. ПСЗ I. Т. XXV. № 18814.
4. ПСЗ. Т. XXIX. № 5497.
5. ПСЗ. Т. XXXII. № 25014.
6. Барышников М.Н. История делового мира России. - М., 1994.
7. ПСЗ. Т. XXXII. № 25014.
8. ПСЗ. Т. XVII. № 4633.
9. История Московского купеческого общества / Сословно-общественная деятельность Московского купечества в XIX в. Т. II. Вып. 1. М., 1916. С. 25-36.
10. ПСЗ. Т. XXIII. № 67923.
11. ПСЗ. Т. XXXIX. № 30115. 14 нояб. 1824 г.
12. История Москвы. Период разложения крепостного строя / под. ред. Н.М. Дружинина, М.К. Рожковой: монография. Т.3. М., 1954.
13. Якоцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953.
14. ПСЗ. Т. XIII. № 8630.
15. Плотникова, А.В., Ларина, О.Г., Ламанов, Е.Н. Закрепление торговых прав в российском законодательстве во второй половине XVIII века // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. №3(104).

References and Sources

1. Koroleva S.I. Torgovoe soslovie Rossii. M., 1998.
2. PSZ I. T. XXV. № 18822.
3. PSZ I. T. XXV. № 18814.
4. PSZ. T. XXIX. № 5497.
5. PSZ. T. XXXII. № 25014.
6. Baryshnikov M.N. Istoriya delovogo mira Rossii. - M., 1994.
7. PSZ. T. XXXII. № 25014.
8. PSZ. T. XVII. № 4633.
9. Istoriya Moskovskogo kupecheskogo obshchestva / Soslovno-obshchestvennaya deyatel'nost' Moskovskogo kupechestva v XIX v. T. II. Vyp. 1. M., 1916. S. 25-36.
10. PSZ. T. XXIII. № 67923.

11. PSZ. T. XXXIX. № 30115. 14 noyab. 1824 g.
12. Istoriya Moskvy. Period razlozheniya krepostnogo stroya / pod. red. N.M. Druzhinina, M.K. Rozhkovoj: monografiya. T.3. M., 1954.
13. YAkocevskij V.N. Kupecheskij kapital v feodal'no-krepostnicheskoj Rossii. M., 1953.
14. PSZ. T. XIII. № 8630.
15. Plotnikova, A.V., Larina, O.G., Lamanov, E.N. Zakreplenie torgovyh prav v rossijskom zakonodatel'stve vo vtoroj polovine XVIII veka // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2015. №3(104).

ПЛОТНИКОВА АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА - кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет (Курск) ORCID 0000-0002-0125-8762
PLOTNIKOVA, ALEXANDRA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law of the Southwest State University, Kursk (aleksanklyu@yandex.ru).

УДК 342.41 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-50-54

АСОЯНЦ К.А., КИСЕЛЕВА А.В., ЧЕРКАСОВ Ю.Ю.
К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ключевые слова: конституция, предмет конституционного права, предмет конституционно-правового регулирования, публичный интерес, частный интерес, собственность, финансовое право, объект конституционно-правового регулирования.

В статье предложены подходы к определению предмета конституционно-правового регулирования сквозь призму взглядов ученых-правоведов дореволюционного и советских этапов развития отечественного конституционализма. Авторы позитивно оценивают изменения Конституции РФ в 2020 году, свидетельствующие о ее эволюционирующем характере, соответствии сложившейся фактической конституции и выражении устоявшегося общественного компромисса. Изменения конституционного содержания, безусловно, поднимают проблему ограничения предмета конституционного правового регулирования, а также поиска критериев для отнесения тех или иных общественных отношений в сферу предмета конституционного права. В статье показана вариативность подходов к предмету конституционно-правового регулирования, а также определено его содержание применительно к соответствующему историки-правовому контексту. Сформулировано значение и определена роль публичного интереса в качестве критерия для определения пределов правового регулирования предмета конституционного права. Учет законодателем сформулированной позиции, по мнению авторов, позволит добиться более эффективного правового регулирования общественных отношений, входящих в предмет конституционного права.

ASOYANTS, K.A., KISELEVA, A.V., CHERKASOV, Yu.Yu.
TO THE QUSTION ON THE SUBJECT OF CONSTITUTIONAL-LEGAL REGULATION

Key words: constitution; subject of constitutional law; subject of constitutional-legal regulation; public interest; private interest; property; financial law; object of constitutional and legal regulation.

The article considers approaches to the definition of the subject of constitutional-legal regulation through the prism of the views of legal scholars of the pre-revolutionary and Soviet stages of the development of domestic constitutionalism. The authors positively assess the changes to the Constitution of the Russian Federation in 2020, which indicate its evolving nature, compliance with the current actual constitution and the expression of an established social compromise. Meanwhile, changes in the constitutional content, of course, raise the problem of limiting the subject of constitutional legal regulation, as well as the search for criteria for attributing certain public relations to the scope of the subject of constitutional law. The authors attempt a comprehensive analysis of the subject of constitutional law in historical retrospect, based on the experience of individual thinkers of the national school of constitutionalism at the pre-revolutionary and Soviet stages of its formation. The author formulates the meaning and defines the role of public interest as a criterion for determining the limits of legal regulation of the subject of constitutional law. Consideration of the formulated position by the legislator, according to the authors, will allow achieving more effective legal regulation of public relations included in the subject of constitutional law.

Принятие в 2020 году изменений в Конституции РФ, расширивших предмет конституционного-правового регулирования в России, требует научного осмысления вопросов о его пределах и критериях их определения, а также о месте публичного в регулировании частно-публичных и частных отраслей российского права. При этом, на наш взгляд, сохраняет свою актуальность мнение видного российского конституционалиста Н.С. Бондаря: «Конституция России является уникальным документом «на вырост»…» [1, с. 26]. Актуальность рассматриваемой проблематики и целесообразность разработки темы, в частности, обусловлены зарождением новых правовых явлений, например, таких как цифровизация, затрагивающих все сферы общественной жизни, оказывающих все возрастающее влияние на существующий общественный строй. Возникающие на этом фоне правовые тенденции имеют разнонаправленный характер, что вызывает особую значимость выработки единых подходов к определению предмета отраслевого регулирования, в рассматриваемом случае – конституционно-правового предмета. Рассматриваемые проблемы относятся к числу относительно слабо изученных в правовой науке. Комплексных работ, имеющих межотраслевой характер, сегодня явно недостаточно.

Научная новизна статьи заключается в попытке обосновать подход к предмету конституционного регулирования через конструкцию публичного интереса, который занимает особое место в отношениях собственности и финансовых отношениях. Целью является изучение основных подходов к определению предмета конституционного права сквозь призму

отечественной школы государственного (конституционного) права дореволюционного и советского этапа конституционного воздействия на экономику, определение современного тренда такого влияния на основы богатого российского исторического опыта правовой конституционной культуры. В числе задач, поставленных авторами, можно выделить следующие. Авторы попытались продемонстрировать сложность и многогранность такой категории как предмет конституционного права, провели ретроспективный анализ развития правовой мысли по вопросу пределов предмета конституционного воздействия на общественные отношения, а также предложили свой вариант ограничителей конституционно-правового воздействия на отраслевой предмет.

Теоретическая значимость подготовленной работы обусловлена диалектическим анализом развития научных представлений о предмете конституционного права и попытке продемонстрировать новый подход к осмыслению роли и значения исторического опыта отечественного конституционализма для современности. С точки зрения практической значимости представленная работа дает понимание верных, с точки зрения авторов, пределов воздействия конституции и законодательства на общественные отношения. Метод диалектического материализма используется авторами в качестве основного метода научного познания. Кроме того, авторы используют такие методы как метод логического анализа, метод анализа научной литературы, исторический метод.

Важно заметить, что рассматриваемые в статье вопросы находились в фокусе внимания не только современных исследователей-конституционалистов. Многие видные русские ученые, в частности, Ковалевский М.М., Алексеев А.С., Ященко А.С., исследовали проблематику государства и права, пытались определять предмет правового и конституционно-правового регулирования. При этом важно, что по сути их позиции по отношению к предмету исследования науки государственного (конституционного) права и объекту регулирования отрасли государственного (конституционного) права были близки, безотносительно различий в политических взглядах и особенностях общественно-политического устройства России во времена их жизни [2].

Если обобщать многообразие позиций, то можно прийти к выводу о том, что в наиболее общем плане предмет государственного (конституционного) права включает в себя блоки общественных отношений, связанные с устройством государства, государственным механизмом, а также положением человека и гражданина в обществе и государстве. Но при этом нельзя не заметить и отличия особенности взглядов отдельных исследователей.

Именно система государственного (конституционного) права призвана отразить и упорядочить многообразие общественных отношений, относящихся к предмету конституционно-правового регулирования. В частности, Коркунов М.Н. допускал деление государственного права на две большие части: общую и особенную. При этом в общую часть он включал в первую очередь такие элементы, как характеристику государственного строя в целом; представление о власти, порядке её реализации и органах; характеристику властеотношений между монархом и его подданными, их взаимные права и обязанности [3]. Особенная же часть, по его мнению, призвана показать конкретный механизм реализации власти, а также согласно предлогу возникновения органов, посредством которых она происходит, полномочия и также прямые обязанности, необходимо заметить, что традиционным для отечественной школы конституционализма деление государственного (конституционного) права на общую и особенную части все же не стало. В связи с чем иные отечественные дореволюционные конституционалисты не соглашались с рассмотренной позицией.

Например, Алексеев А.С. полагал, что важнейшей характеристикой конституции выступает волевой характер ее принятия. При этом государственное право он рассматривал в качестве вытекающего из нее инструмента. В своей работе «Русское государственное право» он указывал, что под правом в беспристрастном значении подразумевается комплекс общепризнанных норм, разграничивающих круг интересов людей для их спокойной жизни и цивилизованного становления, то материальное формирование между раздельными сферами права обязано обусловливаться отличием заинтересованностей. Также на самом деле принципиальное отличие среди гражданским правом и правом публичным объединяется к тому, что общественное право разделяет общественные интересы, а право гражданское – интересы индивидуальные [4].

Провозглашение наличия публичного интереса в качестве важнейшего основания для обособления системы общественных отношений, образующих предмет государственного права, - безусловное достижение исследователя. Отмеченная позиция задала вектор дальнейшего развития науки и отрасли государственного (конституционного) права, влияя в том числе и на установление пределов конституционно-правового регулирования.

Важно отметить, что Алексеев А.С. наличие публичного интереса выявил по критерию его совпадения у значительной совокупности людей (в частности, публичный интерес проявляется в желании людей обеспечить свою безопасность, свободно исповедовать религию, удовлетворить интеллектуальную потребность в образовании и прочее). Носителем подобного публичного интереса уже выступает не отдельная личность, а их объединение (союз). Алексеев А.С. полагал, что публичные права не могут подлежать произвольному распоряжению конкретными лицами, а имеют все шансы являться измененными лишь волею союза в целом, а публичная обязанность выступает одним из отличительных признаков публичного права. На основании изложенного, исследователем был установлен предмет государственного права в качестве «совокупности норм, определяющих существо и организацию верховной власти, состав и деятельность властей подчинённых, права и обязанности подданных». Синтетическим выражением рассматриваемой позиции можно считать, что «… наличие публичного интереса в деятельности субъектов правоотношений проявляется в их целях достижения конкретных благ членов определенной социальной группы» [5, с. 28].

По нашему мнению, вклад отечественных дореволюционных исследователей представляет большую научную ценность. Кроме того, он характеризуется значительной глубиной исследования, выгодно отличается фундаментальностью и прогрессивностью, а также не отягощен идеологическим доминированием.

Еще Б.Н. Чичерин отмечал, что «… в государственной жизни нравственные требования сочетаются с материальными интересами, насколько они касаются целого союза. Совокупность тех и других составляет общественное благо, которое и есть высшая и конечная цель государства, заключающая в себе все остальные. … Таким образом, частное хозяйство находится в зависимости от промышленного состояния целого народа, личное образование от состояния народного просвещения» [6]. В связи с чем становится актуальной необходимость их дальнейшего анализа и на современном этапе развития юридической науки, толчок которой был дан в результате значительных изменений действующей Конституции. По нашему мнению, сфера общественных отношений, образующих предмет конституционного права, была расширена, в том числе и за счет зарождения новых [7].

Советский этап развития отечественного конституционализма также характеризовался интересом к предмету государственного (конституционного) права. Считаем необходимым рассмотреть позиции отдельные советских ученых в плане конституционного воздействия на экономику, а также финансовую систему государства. При этом общей особенностью всех советских конституций стали коренные изменения в первую очередь в экономической сфере. Глубина этих изменений повлекла смену общественно-политического строя, социалистическая экономика пришла на смену капиталистической. Таким образом, весь советский государственный механизм был призван это обеспечить. Вслед за этим многие советские ученые-правоведы выстраивали модель общественного строя по отношению к собственности [8].

Работы Е.И. Фарбера исследуются специалистами в том числе и на современном этапе вследствие своей оригинальности. Его взгляды на многие конституционно-правовые явления были очень прогрессивны для своего времени. Много внимания исследователь уделил определению воздействия конституции на финансовую и экономическую сферы общественной жизни советского государства. В целом его теория отличалась глубиной и многогранностью [9].

Некоторые советские исследователи, размышляя о системе государственного (конституционного) права, говорили о существовании государственного права в широком и узком смысле. По мнению академика И.П. Трайнина: «Государственное право в широком смысле включает» в себя в том числе и «финансовое право, охватывающее круг вопросов, относящихся к добыванию средств для государства» [10, с. 41]. Помимо финансового права он включал в систему государственного права в широком смысле административное право, судебное право, уголовное право и некоторые другие отрасли. Представляется, что, не используя сам термин, автор

критерием отнесения к предмету регулирования государственного права в широком смысле видит наличие публичного интереса.

В.А. Ржевский, стоявший у истоков ростовской школы конституционного права, обосновал свое видение конституционного содержания общественного строя на основе понимания собственности в качестве ключевого фактора, влияющего на природу механизма государственной власти. «Советское конституциональное право фиксирует систему реализации общегосударственной администрации в свойстве многомерной и также мультисистемной реальности. Главная отличительная черта этого приспособления, определяющая его мультинациональную натуру, состоящая в том, что он никак не ограничивается общественно-политическими конфигурациями формулировки социалистической демократии, однако содержит и надлежащие финансовые формы.

Ржевский указывал, что в буржуазных государствах частная собственность получает закрепление во всех государственно-правовых институтах, в том числе в конституциях, где закреплены положения о её неприкосновенности. Даже в сфере государственного сектора экономики с его специфическим публично-правовым методом регулирования преобладает защита частнособственнических интересов. По мнению исследователя, это ничто иное как метод подчинения «олигархическим интересам монополистической буржуазии» [11]. Разницу в типах общественного строя Ржевский В.А. видел в разных подходах к пониманию публичного интереса. В частности, в отношении социалистического общества исследователь видел отсутствие противоречий между публичным и частным интересом. Ржевский считал, что, безусловно, гражданское право не поглощается публично-правовыми (конституционными) формами регулирования. Вместе с тем, он не видел в сфере социалистической экономики каких-либо частноправовых интересов. В этой связи, по его мнению, принципы экономического регулирования находят своё воплощение в нормах конституции. Он полагал, что «народ обеспечивает собственную экономическую власть» [11, с. 87]. Говоря о соотношении экономики и экономической системы, В.А. Ржевский делает важнейшее заключение о роли собственности в государственном механизме и конституционном влиянии на данную сферу. Вся экономическая концепция составляет основу собственности, а деятельность, сущность и другие элементы считаются предметами влияния распоряжающейся концепции. Заключительная выступает в свойстве конституционального приспособления управления собственностью, управлению финансовых отношений [12].

По мнению Н.В. Витрука: «в рамках конституционного права одни группы общественных отношений регулируются исчерпывающим образом, другие составляют основу для непосредственного регулирования общественных отношений иными отраслями публичного права» [13, с. 58]

На основании изложенного можно сделать вывод, что основным критерием определения предмета конституционного права является наличие публичного интереса в соответствующих общественных отношениях. При этом особая роль в предмете конституционного права принадлежит отношениям собственности и финансовым отношениям, поскольку именно они призваны создать и обеспечить условия для функционирования государства.

Предмет конституционно-правового регулирования очень важен для любого общества на любом этапе его развития, поскольку он составляет квинтэссенцию наиболее важных и значимых для общества отношений, имеющих ключевое значение для государства и его институтов. Включение в предмет конституционно-правового регулирования новых групп общественных отношений, исключение из ее предмета других говорит о юридической Конституции в качестве «живого» документа способного соответствовать фактической конституции, сложившейся в обществе.

Литература и источники

1. Бондарь Н.С. Экономический конституционализм России. М.: Норма, 2017.
2. Андриченко Л.В., Постников А.Е. Институты конституционного права. М.: ИД «Юриспруденция», 2011. 496 с.
3. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. 2-е изд., стер. М.: Юрайт, 2016. 422 с.
4. Алексеев А.С. Русское государственное право. Конспект лекций. Изд. 4-е. М., 1897. 583 с.
5. Киселева А.В. Соотношение публичных и частных начал в финансовом праве в свете изменения Конституции РФ: монография. Ростов-на-Дону – Таганрог: изд-во ЮФУ, 2020.
6. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Т. I-III. М.: тип. тов-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1894. //https://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/3948892/ (дата обращения: 18.07.2021г.).

7. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2005. 592 с.
8. Баренбойм П., Захаров А. Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М.: Московско-Петербургский Философский Клуб, 2010. 324 с.
9. Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов, 1967.
10. Трайнин И.П. О содержании и системе государственного права // Советское государство и право. 1939. № 3.
11. Ржевский В.А. Общественный строй развитого социализма: Конституционное содержание, структура, регулирование. М.: Юрид. лит., 1983. 247 с.
12. Озеров И.Х., Основы финансовой науки. М.: ЮрИнфор, 2008. 622с.
13. Витрук Н. В. Верность Конституции: монография. М.: Изд-во РАП, 2008.

References and Sources

1. Bondar' N.S. Ekonomicheskij konstitucionalizm Rossii. M.: Norma, 2017.
2. Andrichenko L.V., Postnikov A.E. Instituty konstitucionnogo prava. M.: ID «YUrisprudenciya», 2011. 496 s.
3. Korkunov N. M. Lekcii po obshchej teorii prava. 2-e izd., ster. M.: YUrajt, 2016. 422 s.
4. Alekseev A.S. Russkoe gosudarstvennoe pravo. Konspekt lekcij. Izd. 4-e. M., 1897. 583 s.
5. Kiseleva A.V. Sootnoshenie publichnyh i chastnyh nachal v finansovom prave v svete izmeneniya Konstitucii RF: monografiya. Rostov-na-Donu – Taganrog: izd-vo YUFU, 2020.
6. Chicherin B. N. Kurs gosudarstvennoj nauki. T. I-III. M.: tip. tov-va I.N. Kushnerev i Ko, 1894. //https://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/3948892/ (data obrashcheniya: 18.07.2021g.).
7. Bondar' N.S. Vlast' i svoboda na vesah konstitucionnogo pravosudiya: zashchita prav cheloveka Konstitucionnym Sudom Rossijskoj Federacii. M.: Yusticinform, 2005. 592 s.
8. Barenbojm P., Zaharov A. Filosofiya prava v nachale XXI stoletiya cherez prizmu konstitucionalizma i konstitucionnoj ekonomiki. M.: Moskovsko-Peterburgskij Filosofskij Klub, 2010. 324 s.
9. Farber I.E., Rzhevskij V.A. Voprosy teorii sovetskogo konstitucionnogo prava. Saratov, 1967.
10. Trajnin I.P. O soderzhanii i sisteme gosudarstvennogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1939. № 3.
11. Rzhevskij V.A. Obshchestvennyj stroj razvitogo socializma: Konstitucionnoe soderzhanie, struktura, regulirovanie. M.: Yurid. lit., 1983. 247 s.
12. Ozerov I.H., Osnovy finansovoj nauki. M.: YurInfor, 2008. 622s.
13. Vitruk N. V. Vernost' Konstitucii: monografiya. M.: Izd-vo RAP, 2008.

АСОЯНЦ КАРИНА АРТЕМОВНА - управляющий партнер консалтингового агентства ООО «Окружная экспертиза» (г. Ростов-на-Дону) (asoyancka@yandex.ru).
КИСЕЛЕВА АЛЛА ВАСИЛЬЕВНА - кандидат юридических наук, доцент, кафедра финансового права юридического факультета Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) (avkiseleva@sfedu.ru).
ЧЕРКАСОВ ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ - старший преподаватель кафедры финансового права юридического факультета Южного федерального университета (Cherka@sfedu.ru)
ASOYANTS, KARINA A. - Managing partner of the consulting agency LLC "District Expertise" Rostov-on-Don Russia (asoyancka@yandex.ru).
KISELEVA, ALLA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Financial Law, Faculty of Law, Southern Federal University, Rostov-on-Don Russia (avkiseleva@sfedu.ru)ю
CHERKASOV, YURI Yu. - Senior Lecturer, Department of Financial Law, Faculty of Law, Southern Federal University, Rostov-on-Don (Cherka@sfedu.ru).

УДК 342.4(470) DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-54-60

УПОРОВ И.В., ТАМАЗОВА А.Д., ГОЛУБИХИНА Н.В. ПРАВОВАЯ ОХРАНА КОНСТИТУЦИИ И ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Ключевые слова: конституция, правовая охрана, контрольно-надзорные органы, советское государство, закон, общество.

В статье рассматриваются вопросы правовой охраны конституции как акта высшей юридической силы. Показано огромное значение конституции в политической жизни общества, в связи с чем и возникает необходимость ее правовой охраны. Предлагается понятие правовой охраны конституции, охарактеризованы формы, в которых осуществляется такая охрана. Основное внимание уделяется выявлению и раскрытию основных тенденций развития правовой охраны конституции в советском государстве, где в 1918 г. появилась первая в российской истории Конституция. Отмечается, что, в отличие европейских государств, в СССР практически в течение всего периода его существования конституционно закреплялось государственное устройство, предполагавшее наличие одного высшего органа государственной власти. Соответственно, отсутствовали независимые контрольно-надзорные органы по правовой охране конституции, и она осуществлялась в жестко заданных самой властью рамках.

UPOROV, I.V., TAMAZOVA, A.D., GOLUBIKHINA, N.V.
LEGAL PROTECTION OF THE CONSTITUTION AND ITS IMPLEMENTATION IN THE SOVIET STATE

Key words: constitution, legal protection, control and supervisory bodies, the Soviet state, law, society.

The article examines the issues of legal protection of the constitution as an act of supreme legal force. The great importance of the constitution in the political life of society is shown, in connection with which there is a need for its legal protection. The concept of legal protection of the constitution is proposed, the forms in which such protection is carried out are characterized. The main attention is paid to identifying and disclosing the main trends in the development of legal protection of the constitution in the Soviet state, where in 1918 the first in Russian history Constitution. It is noted that, in contrast to European states, in the USSR, practically throughout the entire period of its existence, the state structure was constitutionally fixed, which presupposed the presence of one supreme body of state power. Accordingly, there were no independent control and oversight bodies for the legal protection of the constitution, and it was implemented within the framework rigidly set by the authorities themselves.

Институт конституционного регулирования общественных отношений уже давно и прочно вошел в практику абсолютного большинства стран, получив начало с рубежа XVIII в. (в России это произойдет позже, начиная с советского периода). Это неудивительно, учитывая, что конституция дает возможность наглядно показать для всех граждан общественно-государственное устройство, фундаментальные ценности, которые складываются в обществе и защищаются государством. Как справедливо отмечается в литературе, в конституциях закладываются тенденции комплексного регулирования взаимосвязей человека, коллектива, государства и общества, причем этот процесс «бесконечен, ибо жизнь постоянно ставит новые вопросы» [1, с. 6]. Здесь же заметим, что конституции стали правовым оформлением новой эпохи в развитии цивилизации, когда буржуазные революции поставили демократическое управление общими делами, обеспечение свободы и естественные права человека и гражданина в качестве приоритетных направлений деятельности органов публичной власти.

И в этой связи очень важно подчеркнуть, что с самого начала конституции стали восприниматься как высшие правовые гарантии провозглашаемых ценностей, в том числе в СССР, на чем ниже будет сосредоточено внимание. Одной из таких гарантий в странах Запада стало ограничение произвола властных структур, для чего, в частности, был введен принцип разделения ветвей власти на законодательную, исполнительную и судебную, и в этом смысле пределы государственной власти ограничиваются правом, которое само же государство принимает в развитие конституционных положений [2, с. 146] (в советском государство, как мы покажем, конституционные принципы имели иное содержание).

Вместе с тем в указанной выше взаимосвязи конституционных положений имеется еще одна важнейшая составляющая, суть которой в следующем. Конституция представляет собой выражение воли народа, и не случайно в настоящее время в большинстве стран конституции принимаются всенародно, в том числе в Российской Федерации. Эта воля народа закрепляется в конкретных конституционных нормах. Но для того, чтобы эти нормы не оставались красивыми фразами, они должны претворяться в жизнь, для чего, как отмечает С.Г. Трифонов, вскоре после появления первых конституций стали создаваться определенные общественные и властные структуры с контрольными и надзорными функциями - для того, чтобы сохранить конституцию как «определенный набор материальных принципов и ценностей, а также как формально-определенный документ, в котором такие принципы и ценности фиксируются» [3, с. 34], и это необходимо было потому, что имевшихся правовых средств было недостаточно.

Так стал формироваться институт правовой охраны конституции, который получал свое последовательное развитие. При этом часть соответствующих правовых норм содержится в самих конституциях - в частности, они касаются принятия конституции и внесения в нее изменений по специальной процедуре, отличающейся от обычного законодательного процесса (в Конституции России данная позиция закреплена в главе 9), и такая сложность изменения норм Конституции России обусловлена прежде всего необходимостью защиты базовых конституционных установлений, а равно стабильности функционирования конституционных норм. Другая часть правовых норм по охране конституции, причем в основном объеме, содержится в законах, регулирующих механизмы ее осуществления; первыми актами по охране конституций еще в эпоху буржуазных революций, предусматривалась отмена тех законов, которые противоречили конституционным положениям [4, с. 53].

Здесь под правовой охраной конституции мы полагаем целесообразным понимать систему правовых средств, необходимых для обеспечения верховенства и стабильности конституции, строгого соблюдения конституционных норм органами публичной власти и управления, юридическими и физическими лицами [5, с. 84]. Наиболее важными формами, посредством которых осуществляется правовая охраны конституции, являются конституционный контроль и конституционный надзор, институт конституционной ответственности, в реализации которых участвуют соответствующие контрольно-надзорные органы, а также отмеченная выше достаточно жесткая процедура внесения конституционных поправок. При этом, как нам представляется, понятия «конституционный контроль» и «конституционный надзор» не являются тождественными, и в этом смысле следует поддержать основную аргументацию Ю.Л. Шульженко по данному вопросу [6, с. 4]. Не имея целью подробно останавливаться на этом аспекте, заметим

лишь, что конституционный контроль и конституционный надзор имеют ряд общих признаков (в частности, эти институты выполняют общую задачу при осуществлении правовой охраны конституции), однако есть и существенное различие, заключающееся в содержании мер реагирования, которые органы контроля и надзора уполномочены налагать по результатам выявленных нарушений – надзорный орган не вправе отменять выявленный акт, противоречащий конституции, а может, к примеру, направить соответствующее предписание субъекту правотворчества, не являющееся обязательным для исполнения, и, если необходимо, в суд, то есть использует более мягкие санкции. Отметим еще, что помимо указанных контрольно-надзорных структур, правовую охрану конституции осуществляют органы публичной власти, создание которых предусмотрено в самой конституции [7, с. 83].

В России институт правовой охраны конституции, в отличие от большинства европейских стран, развивался очень противоречиво. Так, если в Европе уже в XVIII-XIX вв. обеспечение стабильности действия норм конституций означало одновременно и закрепление в системе общественных отношений демократических преобразований (принцип разделения властей, парламентаризм, местное самоуправление и т.д.) [8, с. 195], то в России в тот период, как известно, еще не было конституции европейского типа, как акта высшей юридической силы, определяющего ограничения для органов публичной власти и провозглашающего приоритет прав и свобод человека.

Учреждение первой Государственной Думы в 1906 г. несколько смягчило абсолютистский режим в Российской империи, однако полномочия Думы были ограничены, а избирательное право неравным. До 1917 г. в Основных государственных законах в ст. 10 указывалось, в частности, что «власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского» [9]. В период Временного правительства предпринимались попытки демократизации общественных отношений, но до принятия конституции дело так и не дошло. В этой связи вести речь о конституционном контроле или конституционном надзоре применительно к России этого времени не приходится.

Ситуация в указанном контексте кардинально изменилась после прихода к власти большевиков в результате октябрьских событий 1917 года. Именно по их инициативе и была принята первая в стране Конституции 1918 г. [10]. В частности, этим актом в ст. 12 устанавливалось, что верховная власть (в ст. 24 – «высшая власть») в РСФСР принадлежит Всероссийскому Съезду Советов, а в период между съездами – ВЦИК, который был подотчетен Съезду [10]. Указанные органы публичной власти состояли из лиц, избранных населением, и в этом смысле можно говорить о том, что с формальной точки зрения народ выразил свою волю, хотя и опосредованно.

Будучи верховной властью, Съезд Советов принимал к рассмотрению любой вопрос общегосударственного значения. При этом вопросы введения, дополнения или изменения конституционных норм относился к его исключительной компетенции, согласно п. «а» ст. 51 Конституции РСФСР. А согласно ст. 31 и 32 Конституции РСФСР ВЦИК являлся «высшим контролирующим органом», который «наблюдает за проведением в жизнь Советской Конституции». Как видно, главенствующая роль по вопросам правовой охраны Конституции РСФСР 1918 г. отводилась Съезду Советов. Вместе с тем, институт конституционного контроля или конституционного надзора специально в ней не выделялись. Из общего смысла конституционных положений о Съезде Советов и ВЦИК, следовало, что они закрепляли парламентскую форму конституционного контроля. Обращает также на себя внимание то обстоятельство, что с самого начала конституционного развития советская власть придавала вопросам правовой охраны Конституции существенное значение, что может свидетельствовать о признании конституции в качестве высшего правового акта страны. И в этом контексте можно говорить об общей позиции как европейских государств, так и советского государства, несмотря на совершенно разные векторы политико-идеологического и экономического характера в различных конституциях того времени.

После образования Советского Союза (1922 г.) была принята Конституция СССР 1924 г. [11], закрепившая федеративную структуру советского государства. Эта Конституция сохраняла определенную преемственность конституционного развития. Одновременно в ней был сделан шаг в направлении централизации власти [12, с. 192], что определяло особенности регулирования

вопросов ее правовой охраны. Согласно ст. 2 этого акта: «утверждение и изменение основных начал настоящей Конституции подлежит исключительному ведению съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик» [11]. Между Съездами Советов высшим законодательным, исполнительным и распорядительным органом государственной власти являлся ЦИК СССР. Согласно ст. 18, на рассмотрение ЦИК должны были «восходить» все декреты и постановления, определяющие общие нормы политической и экономической жизни СССР, а также вносящие коренные изменения в существующую практику государственных органов СССР Кроме того, согласно ст. 20, ЦИК имел право приостанавливать или отменять декреты, постановления и распоряжения Президиума ЦИК, съездов Советов и ЦИК союзных республик и других органов власти на территории СССР [11]. В межсессионный период высшая власть в государстве переходила к Президиуму ЦИК, который, в соответствии со ст. 30, наблюдал за проведением в жизнь конституционных норм и исполнением постановлений Съездов Советов и ЦИК СССР всеми органами власти, обладая правом приостанавливать и отменять постановления СНК и отдельных наркоматов. Признавая такие постановления неконституционными, в большинстве случаев Президиум ЦИК все же не отменял его, а давал разъяснения по вопросу или предлагал соответствующему органу принять меры к приведению его в соответствие с конституционным законодательством [13, с. 104]. Заметим, что такая практика наблюдалась до конца 1980-х гг. Указанные нормы показывают широкие конституционно-охранные полномочия ЦИК СССР и его Президиума.

В период с 1923 г. по 1933 г. ряд функций в области правовой охраны Конституции выполнял Верховный Суд СССР. В этой связи следует заметить, что тем самым был в определенной степени заимствован опыт США, где еще в конце XIX - начале XX в. Верховный Суд стал осуществлять функции конституционного контроля, следуя концепции оберегать неприкосновенность государственного устройства, ликвидируя возможность неконтролируемых или преждевременных изменений текста основных законов, а также их нарушения [14, с. 26]). Верховный Суд СССР мог давать заключения по требованию ЦИК СССР о законности тех или иных актов союзных республик с точки зрения Конституции [15].

В целом, к рубежу 1930 г. в СССР сформировалась определенная система органов конституционного контроля и надзора, что нашло закрепление в конституционных нормах. Это положение отразилось в Конституции СССР 1936 г. [17], где был закреплен приоритет общесоюзного законодательства над республиканским и содержались нормы о необходимости строгого соответствия Конституции СССР конституций союзных республик. При этом здесь, в частности, уже не было положений о праве союзных республик опротестовать акты союзных органов. Согласно ст. 30 Конституции, высшим органом государственной власти являлся Верховный Совет СССР, в перерывах между сессиями которого многие его функции выполнял Президиум ВС СССР (ст. 49). При этом в ней давалось довольно расплывчатое определение контроля за соблюдением конституционных положений; эта функция находилась в ведении СССР в лице его высших органов государственной власти и органов государственного управления. Была заметно принижена роль прокурорского надзора, в сферу деятельности которого, согласно ст. 113, входила только проверка исполнения законов «всеми Народными комиссариатами и исполнительных органов власти и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР» [17], и, соответственно, выпадала проверка законов на предмет соответствия Конституции. Верховный Суд, согласно ст. 104, мог надзирать только за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик [17].

В целом, к этому времени уже сложилась практика, когда фактически не Конституция, а партийные решения ВКП(б) имели высший властный характер в стране [18]. Соответственно, приоритет в сфере конституционного надзора смещался к вопросам наблюдения за соблюдением не столько конституционных норм, сколько партийных решений [6, с. 108]. Если иметь в виду союзные республики, то в них система органов власти строилась по аналогии с союзной. Это касалось и организации регулирования внутриреспубликанского конституционного контроля.

В 1977 г. принимается новая Конституция СССР [18], где, с одной стороны, были расширены демократические рамки общественных отношений, в частности, меньше стало присущего ранним советским конституциям классового радикализма, но с другой - компетенция Союза ССР (в лице его органов государственной власти и, прежде всего, Верховного Совета

СССР) стала по сути неограниченной. Так, согласно ст. 108: «принятие Конституции СССР, внесение в нее изменений ... осуществляются исключительно Верховным Советом СССР» [19]. Кроме того, положение КПСС, как монопольной политической структуры, определяющей деятельность всех органов власти, в ст. 6 Конституции СССР еще больше укрепилось и, тем самым, в определенной степени принижалось значение фактора народовластия.

В соответствии со ст. 119, Верховный Совет СССР избирал Президиум Верховного Совета (далее - ПВС) СССР как «постоянно действующий орган Верховного Совета СССР, подотчетный ему во всей своей деятельности» и осуществляющий функции высшего органа власти в период между сессиями Верховного Совета в определенных пределах (указаны в ст. 121). Одной из таких функций как раз и было осуществление «контроля за соблюдением Конституции СССР» и обеспечение «соответствия конституций и законов союзных республик». Кроме того, ПВС СССР давал толкование законов СССР, имел полномочие отменять решения Совета Министров СССР и Советов Министров союзных республик в случае их несоответствия закону. Следует отметить также, что особая роль отводилась постоянным комиссиям Верховного Совета, которые рассматривали проекты законов с точки зрения их соответствия Конституции, осуществляли контроль за деятельностью государственных органов и организаций (ст. 125 Конституции СССР).

Говоря о механизме конституционного контроля, нужно заметить, что очевидно, отсутствовал внешний, более объективный контроль. С учетом того, что для Верховного Совета СССР контрольная функция являлась не основной, а дополнительной, такой контроль с его стороны являлся недостаточно глубоким. Помимо этого, отсутствовала четкая процедура конституционного контроля, а его результаты далеко не всегда доводились до общества. Схожее положение складывалось и в союзных республиках.

В целом, значение правовой охраны Конституции было принижено. Однако открыто данную проблематику стало возможно обсуждать лишь в годы горбачевской «перестройки», в частности, Д.А Керимов в 1989 г. с трибуны Съезда народных депутатов СССР говорил о том, что конституционный контроль и надзор практически отсутствовали [20].

Тогда же, во второй половине 1980-х гг., в СССР стали, как известно, происходить кардинальные изменения в общественном и государственном устройстве страны, связанные с созданием правового демократического государства. В этих условиях реформаторами во главе с М.С. Горбачевым немало внимания уделялось созданию реальной и эффективной системы правовой охраны Конституции. Так, 1 декабря 1988 г. был принят Закон СССР «Об изменении и дополнении Конституции СССР» [21], по которому наибольшие полномочия в сфере контроля принадлежали высшему органу государственной власти – Съезду народных депутатов (далее – СНД) СССР. Очень важно отметить, что тогда был создан внешний (по отношению к законодателю) надзирающий орган - Комитет конституционного надзора СССР. Вопрос о необходимости такого органа был поставлен ранее на известной XIX конференции КПСС (июнь-июль 1988 г.), решениями которой, собственно, и был дан старт реальным демократическим преобразованиям. К тому времени в научной литературе уже шла дискуссия о том, каким должен быть такой орган правовой охраны Конституции [22, с. 35-36; 23, с. 39].

На II СНД (конец декабря 1989 г.) был принят Закон СССР «О конституционном надзоре в СССР» [24]. Однако членов Комитета (27 человек) удалось избрать только в апреле 1990 г. В состав Комитета входили по одному представителю от каждой союзной республики и четыре представителя от всех автономных образований. Комитет, в частности, имел полномочия: а) принимать решения о соответствия Конституции СССР проектов законов СССР, иных актов, внесенных на рассмотрение СНД, а также законов СССР и иных актов, уже принятых СНД СССР, и конституций союзных республик; б) рассматривать разногласия между СССР и республиками, между союзными республиками и другими национально-территориальными образованиями по поводу конституционности актов, принятых их органами государственной власти и управления; в) осуществлять законодательную инициативу; г) рассматривать правомерность смещения Президента СССР с его должности в случае нарушения им Конституции и законов СССР. Важно также заметить, что решение Комитета по некоторым категориям актов высшего уровня могло быть отменено СНД СССР, то есть конституционный надзор все же зависел от законодательного органа. Тем не менее сам факт создания Комитета конституционного надзора СССР был

важнейшим шагом в процессе совершенствования правовой охраны Конституции, этот орган активно работал, приняв более сорока решений.

Подобным образом предпринимались попытки создавать соответствующие органы конституционного надзора в союзных республиках, в том числе в РСФСР, где законом от 27 октября 1989 г. также предусматривалось учреждение Комитета конституционного надзора РСФСР. Однако такой орган в РСФСР так и не был создан, и основная причина заключалась в том, что в СССР развернулись тектонические события политического характера, связанные с ослаблением союзного государства и центробежными устремлениями союзных республик. В сложных и конфликтных союзно-республиканских отношениях оказались правящие элиты Союза ССР (лидер М.С. Горбачев) и РСФСР (лидер Б.Н. Ельцин). В этих условиях, когда де-факто законы РСФСР противоречили законам СССР, причем по принципиальным вопросам (например, в РСФСР к тому времени допускалась частная собственность, в том числе на землю, а по союзным законам – нет), не было механизма принудить законодательный орган РСФСР привести свои законы в соответствие в союзными законами, поскольку в стратегическое противоречие вступили уже Конституция СССР и Конституция РСФСР и стоящие за ними политики. При таких обстоятельствах Комитет конституционного надзора СССР уже не мог вывести ситуацию из конституционного тупика. Бессильным он оказался и перед событиями августа 1991 года.

С конца 1990 г. в РСФСР конституционные изменения принимались уже без оглядки на органы власти СССР, в том числе по вопросам правовой охраны Конституции. Так, законом от 15 декабря 1990 г. [25] впервые в общей форме конституционно закреплялся статус Конституционного Суда, а положения о Комитете конституционного надзора РСФСР из текста Основного закона были исключены. 12 июля 1991 г. был принят Закон РСФСР «О Конституционном суде РСФСР» [26], несколько позже были избраны конституционные судьи. Но это был орган правовой охраны конституции уже другого, не советского государства, которое официально перестало существовать 26 декабря 1991 года. А уже 14 января 1992 г. Конституционный суд РСФСР провел свое первое заседание, открыв этап новейшей постсоветской истории правовой охраны Конституции на принципиально иных основаниях, основанных на соответствующем опыте европейских стран.

Литература и источники

1. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2007. 320 с.
2. Чиркин В.Е. Контрольная власть. М.: Юристъ, 2008. 214 с.
3. Трифонов С.Г. Конституция как объект правовой защиты: историко-теоретический аспект // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: «Юридические науки». 2020. Т. 6 (72). № 3. С. 30-41.
4. Богданди А. Доктринальный конструктивизм в прошлом и будущем: стратегия ответа на насущные вопросы, стоящие перед конституционно-правовой наукой в Европе // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 1 (74). С. 39-66.
5. Болехивская А.Д. Правовая охрана Конституции Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. 201 с.
6. Шульженко Ю.Л. Институт конституционного надзора в Российской Федерации. М.: ИГПАН, 1998. 112 с.
7. Сергевнин С.Л. Общая характеристика механизма реализации и охраны Конституции // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии. 2013. № 1 (45). С. 80-87.
8. Черепанов В. А. Проблемы российской государственности. Опыт системного исследования. М.: ИНФРА-М, 2018. 336 с.
9. Свод законов Российской империи. Часть 1. Т. 1-4. СПб.: Тов-во А.А. Левенсона, 1910. 1280 с.
10. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
11. Конституция (Основной Закон) СССР (утв. постановлением Съезда Советов СССР от 31.01.1924 г.) // Вестник ЦИК, СНК и СТО. 1924. № 2. Ст. 24.
12. Рощин Б.Е. Конституция СССР 1924 года: основные положения и особенности (к 90-летию принятия первой Конституции советского Союза) // Вестник Костромского государственного университета. 2014. № 2. С. 189-193.
13. Курс советского государственного права / Под ред. Б.В.Щетинина и А.И. Горшенева. М.: Высшая школа, 1971. 448 с.
14. Миряшева Е. В. Становление конституционализма в штатах в процессе формирования федеративного государства в США (XVII-XIX вв.). М.: Дашков и К, 2012. 131 с.
15. Наказ Верховному Суду СССР (принят постановлением ЦИК СССР от 14.07. 1924 г.) // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 10.
16. Постановление ЦИК и Совнаркома *СССР* от 24.07. 1*929 г.* «Об утверждении *положения о Верховном Суде Союза ССР* и прокуратуре Верховного Суда Союза ССР» // СЗ СССР. 1929. N 50. Ст. 444.
17. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. N 283.
18. Звягольский А.Ю., Турицын И.В., Упоров И.В., Епифанцев А.А. Местные Советы депутатов трудящихся в послевоенное время (1945-1953 гг.): организационно-правовые основы формирования и деятельности: монография. М., 2016.
19. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.
20. Доклад Д.А. Керимова на Втором Съезде народных депутатов СССР «О проекте Закона о конституционном надзоре в СССР» // Правда. 1989. 22 декабря.

21. Закон СССР от 01.12. 1988 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции СССР» // Ведомости ВС СССР. 1988. № 49. Ст. 727.
22. Топорнин Б.Н. Конституция в социалистическом правовом государстве // Социалистическое правовое государство. Проблемы и суждения. М.: ИГПАН СССР, 1989. С. 24-45
23. Органы государственной власти в период советской перестройки (1985-1991 гг.) / Под ред. Ю.Л. Шульженко. М.: ГУУ, 2016. 169 с.
24. Закон СССР от 23.12. 1989 г. «О конституционном надзоре в СССР» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 29. Ст. 574.
25. Закон РСФСР от 15.12. 1990 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 29. Ст. 395.
26. Закон РСФСР от 12.07.1991 г. «О Конституционном суде РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1017.

References and Sources

1. Habrieva T.Ya., Chirkin V.E. Teoriya sovremennoj konstitucii. M.: Norma, 2007. 320 s.
2. Chirkin V.E. Kontrol'naya vlast'. M.: Yurist", 2008. 214 s.
3. Trifonov S.G. Konstituciya kak ob"ekt pravovoj zashchity: istoriko-teoreticheskij aspekt // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: «Yuridicheskie nauki». 2020. T. 6 (72). № 3. S. 30-41.
4. Bogdandi A. Doktrinal'nyj konstruktivizm v proshlom i budushchem: strategiya otveta na nasushchnye voprosy, stoyashchie pered konstitucionno-pravovoj naukoj v Evrope // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2010. № 1 (74). S. 39-66.
5. Bolekhivskaya A.D. Pravovaya ohrana Konstitucii Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2006. 201 s.
6. Shul'zhenko Yu.L. Institut konstitucionnogo nadzora v Rossijskoj Federacii. M.: IGPAN, 1998. 112 s.
7. Sergevnin S.L. Obshchaya harakteristika mekhanizma realizacii i ohrany Konstitucii // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2013. № 1 (45). S. 80-87.
8. Cherepanov V. A. Problemy rossijskoj gosudarstvennosti. Opyt sistemnogo issledovaniya. M.: INFRA-M, 2018. 336 s.
9. Svod zakonov Rossijskoj imperii. Chast' 1. T. 1-4. SPb.: Tov-vo A.A. Levensona, 1910. 1280 s.
10. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki (prinyata V Vserossijskim s"ezdom Sovetov 10.07.1918) // SU RSFSR. 1918. № 51. St. 582.
11. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) SSSR (utv. postanovleniem S"ezda Sovetov SSSR ot 31.01.1924g.)// Vestnik CIK, SNK i STO. 1924. №2. St.24.
12. Roshchin B.E. Konstituciya SSSR 1924 goda: osnovnye polozheniya i osobennosti (k 90-letiyu prinyatiya pervoj Konstitucii sovetskogo Soyuza) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 2. S. 189-193.
13. Kurs sovetskogo gosudarstvennogo prava / Pod red. B.V.Shchetinina i A.I. Gorsheneva. M.: Vysshaya shkola, 1971. 448 s.
14. Miryasheva E. V. Stanovlenie konstitucionalizma v shtatah v processe formirovaniya federativnogo gosudarstva v SSHA (XVII-XIX vv.). M.: Dashkov i K, 2012. 131 s.
15. Nakaz Verhovnomu Sudu SSSR (prinyat postanovleniem CIK SSSR ot 14.07. 1924 g.) // Vestnik CIK, SNK i STO SSSR. 1923. № 10.
16. Postanovlenie CIK i Sovnarkoma SSSR ot 24.07. 1929 g. «Ob utverzhdenii polozheniya o Verhovnom Sude Soyuza SSR i prokurature Verhovnogo Suda Soyuza SSR» // SZ SSSR. 1929. N 50. St. 444.
17. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik (utv. Postanovleniem Chrezvychajnogo VIII S"ezda Sovetov SSSR ot 05.12.1936) // Izvestiya CIK SSSR i VCIK. 1936. N 283.
18. Zvyagol'skij A.Yu., Turicyn I.V., Uporov I.V., Epifancev A.A. Mestnye Sovety deputatov trudyashchihsya v poslevoennoe vremya (1945-1953 gg.): organizacionno-pravovye osnovy formirovaniya i deyatel'nosti: monografiya. M., 2016.
19. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Soyuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik (prinyata VS SSSR 07.10.1977) // Vedomosti VS SSSR. 1977. № 41. St. 617.
20. Doklad D.A. Kerimova na Vtorom S"ezde narodnyh deputatov SSSR «O proekte Zakona o konstitucionnom nadzore v SSSR» // Pravda. 1989. 22 dekabrya.
21. Zakon SSSR ot 01.12. 1988 g. «Ob izmeneniyah i dopolneniyah Konstitucii SSSR» // Vedomosti VS SSSR. 1988. № 49. St. 727.
22. Topornin B.N. Konstituciya v socialisticheskom pravovom gosudarstve // Socialisticheskoe pravovoe gosudarstvo. Problemy i suzhdeniya. M.: IGPAN SSSR, 1989. S. 24-45
23. Organy gosudarstvennoj vlasti v period sovetskoj perestrojki (1985-1991 gg.) / Pod red. YU.L. SHul'zhenko. M.: GUU, 2016. 169 s.
24. Zakon SSSR ot 23.12. 1989 g. «O konstitucionnom nadzore v SSSR» // Vedomosti SND i VS SSSR. 1989. № 29. St. 574.
25. Zakon RSFSR ot 15.12. 1990 g. «Ob izmeneniyah i dopolneniyah Konstitucii RSFSR» // Vedomosti SND i VS RSFSR. 1990. № 29. St. 395.
26. Zakon RSFSR ot 12.07.1991 g. «O Konstitucionnom sude RSFSR» // Vedomosti SND i VS RSFSR. 1991. № 30. St. 1017.

УПОРОВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Краснодарский университет МВД России (uporov@mail.ru).
ТАМАЗОВА АННА ДМИТРИЕВНА - кандидат юридических наук, профессор Краснодарский университет МВД России.
ГОЛУБИХИНА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА - кандидат юридических наук, профессор Краснодарский университет МВД России (ngol@mail.ru).
UPOROV, IVAN V. - Doctor of History, Ph.D. in Law, Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
TAMAZOVA, ANNA D. - Ph.D. in Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (tamazova @mail.ru).
GOLUBIKHINA, NATALIA V. - Ph.D. in Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

УДК 342.951 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-60-65

СВЕЧНИКОВА В.В.

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Ключевые слова: административное право, контроль и надзор в сфере образования, развитие права в советский период, правовое регулирование высшего образования.

Статья посвящена изучению особенностей административно-правового регулирования контроля и надзора в сфере высшего образования и науки в историческом аспекте, в советский период развития. Подробно рассматриваются основные нормативно-правовые акты, регламентирующие контроль и надзор в исследуемой области правового воздействия. В работе делаются выводы относительно основных закономерностей генезиса административного законодательства в сфере контроля и надзора в изучаемой сфере. В частности, отмечено, что происходившие с 20-х годов XX века изменения в управлении советским государством, повлекли

значительные изменения в управлении вузами. Неотъемлемой частью такого управления стали партийное руководство и постепенное нивелирование академических свобод и независимости университетов.

SVECHNIKOVA, V.V.

FEATURES OF ADMINISTRATIVE-LEGAL REGULATION OF CONTROL AND SUPERVISION IN THE SPHERE OF HIGHER EDUCATION AND SCIENCE IN THE SOVIET PERIOD

Key words: administrative law, control and supervision in the field of education, development of law in the Soviet period, legal regulation of higher education.

The article is devoted to the study of the features of administrative-legal regulation of control and supervision in the field of higher education and science in the historical aspect, in the Soviet period of development. The main normative legal acts regulating control and supervision in the investigated area of legal impact are considered in detail. The article draws conclusions regarding the main patterns of the genesis of administrative legislation in the field of control and supervision in the studied area. In particular, it is noted that the changes in the management of the Soviet state that have taken place since the 1920s have led to significant changes in the management of universities. Party leadership and the gradual leveling of academic freedoms and the independence of universities have become an integral part of such governance.

Складывание с 1917 года нового советского режима ознаменовалось изменениями в управлении государством, в целом, и системой высшего образования – в частности. Существовавшее ранее Министерство народного просвещения было ликвидировано, вместо него появился новый орган – Народный комиссариат просвещения РСФСР, руководить которым стал А.В. Луначарский [1], настаивавший на привлечении в университеты как можно большого количества пролетарской молодежи. В это время происходит изменение системы управления высшими учебными заведениями, меняется сущность надзора и контроля. Тем более, что с переходом страны на рельсы мирного строительства вопросы контроля приобрели огромное политическое значение. Указание В.И. Ленина о том, что учет и контроль - это главное, что требуется для налаживания, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества, стало актуальным лозунгом дня [1, с. 15].

Происходившие изменения среди прочего затронули и студенческие общественные образования внутри самих университетов. Так, был значительно реформирован институт старост, который теперь полностью вошел в систему управления. По смыслу предлагавшихся реформ, профессорско-преподавательский состав и студенчество должны были стать полноправными членами университетского братства. В соответствии с декретом 1918 года «О правилах приема в высшие учебные заведения», представителям рабочих и крестьян предоставлялись привилегии при поступлении. Однако, несмотря на резкое увеличение поступающих, к концу первого семестра оставались, как правило, немногие, в виду невозможности продолжить обучение (основная причина - неподготовленность к обучению).

В 1921 году управление высшими учебными заведениями было передано во вновь созданный орган – Главный комитет профессионально-технического образования. В ведение этого комитета находились все высшие контрольные и надзорные функции. Одновременно возникла и система дублирующих механизмов общественного контроля. В качестве таких общественных механизмов выступали так называемые «партийные ячейки», создававшиеся во всех высших учебных заведениях. Разработанное в 1921 году «Положение об управлении высшими учебными заведениями РСФСР» (действовало до 1930 года) создало новую систему управления в высшей школе. Высшим органом управления становится правление. Ректор в такой структуре выступал председателем. Высшими управленческими функциями наделялись и представители студенчества. Однако стоит учесть, что данная иерархическая система управления венчалась Главным комитетом профессионально-технического образования Наркомпроса. Наряду с этим, создавались и общественные контролирующие органы – «совещания», в которые входили члены партии из числа управленцев ВУЗа. Данные органы осуществляли координацию управления вузом с деятельностью партийного руководства. В силу отмеченных инноваций, дореволюционная автономия университетов постепенно утрачивалась [2, с. 24].

Стоит учитывать то, что непосредственный контроль и надзор за вузами осуществлял специальный орган – Государственный ученый совет, который был организован в 1919 году и легализован специальным декретом. Именно этот орган выполнял ряд важных контрольных функций: выдавал разрешение на издание учебной литературы, занимался кадровыми назначениями в университетах, утверждением учебных программ и т.д. [3].

В конце 20-х годов был вновь поднят вопрос о реорганизации высшего образования. При этом был взят курс на нивелирование не только академических свобод университетов, поменялось отношение к высшему образованию в целом. Оно стало рассматриваться исключительно в прикладном значении. В этот период времени, происходил и постепенный отход от понимания университета, как учреждения, занимающегося не только обучением, но и научной деятельностью.

В условиях форсированной модернизации страны особую актуальность приобрели вопросы перевода всех высших учебных заведений под отраслевой контроль и отраслевое подчинение. В 1928 году было принято постановление «Об улучшении подготовки новых специалистов», которое ознаменовало переход к профессионализации высшего образования. Многие технические вузы при этом перешли под управление и контроль Высшего совета народного хозяйства. Такой подход к реформированию высшей школы вызвал усиление давления на классические университеты, причем не только в направлении придания им меньшей автономности, но и в направлении признания откровенной ненужности классического университетского образования в новых реалиях построения социалистического государства [2].

Из числа дореволюционных университетов стали выделяться отдельные высшие учебные заведения (например, в Казани из университета был выделен медицинский факультет). Подобные преобразования имели место во многих учебных заведениях страны. Одновременно шло переподчинение вновь создаваемых учреждений соответствующим ведомствам: медицинские институты переходили под управление Наркомата здравоохранения, сельскохозяйственные – под управление Наркомата Совхозов СССР и т.п. Такая реорганизация, безусловно, способствовала увеличению количества подготовляемых специалистов, но при этом классическая университетская наука почти перестала существовать, что, в конечном счете, отразилось и на подготовке кадров.

В 1938 году был утвержден «Типовой устав высшего учебного заведения». Если ранее целью высших учебных заведений объявлялась подготовка специалистов высшей квалификации, обладающих коммунистическим воспитанием, то теперь число таких целей было существенно больше:

- организация учебно-методического процесса, обеспечивающего подготовку высококвалифицированных специалистов в своей отрасли;
- идейно-политическое воспитание студентов и преподавателей на основе учения Маркса - Энгельса - Ленина – Сталина;
- создание высококачественных учебников и учебных пособий, стоящих на уровне современной науки и отвечающих задачам идейно-политического воспитания молодежи;
- проведение научно-исследовательской работы, способствующей разрешению важнейших задач социалистического строительства;
- повышение квалификации профессорско-преподавательских кадров и подготовка научно-педагогического состава, «смело ведущего борьбу против устаревшей науки и прокладывающего дорогу для новой науки» [4].

Необходимо отметить и наметившуюся тенденцию идеологизации высшего образования

Следующий этап генезиса надзора и контроля в сфере высшего образования в советский период характеризуется проведением комплексной реформы и переподчинением всей системы управления высшим образованием новому органу – Всесоюзному комитету по высшей школе при Совнаркоме СССР. При этом упразднялся, Главпрофобр. Точнее он переименовывался в Государственный комитет СССР по профессионально-техническому образованию. Деятельность Всесоюзного комитета по высшей школе была регламентирована Постановлением СНК СССР от 21.01.1939 № 91 «Об утверждении Положения о Всесоюзном Комитете по делам высшей школы при СНК СССР» [5]. Указанный нормативно-правовой акт наделял данный орган основными полномочиями в сфере управления высшим образованием на всей территории Советского Союза. За пределами юрисдикции Всесоюзного комитета оставались лишь заведения, готовившие спортсменов, военные образовательные учреждения и учреждения, подчиняющиеся другим комитетам (например, в сфере искусства).

Среди контрольных и надзорных функций Комитета по делам высшей школы при СНК СССР необходимо выделить следующие:

- контроль и надзор за развитием и сметами расходов высших учебных заведений;

- контроль и надзор за номенклатурой учебных специальностей, за открытием, закрытием и реорганизацией вузов, факультетов и кафедр;

- контроль и надзор за приемом в высшие учебные заведения;

- контроль и надзор за учебными планами программами по всем общенаучным дисциплинам, а также изданием учебных пособий;

- контроль и надзор за проведением научно-исследовательской работы;

- контроль и надзор за профессорско-преподавательским составом руководством вузов (директорами, ректорами, руководителями кафедр, профессорами, доцентами) – на Комитет возлагались функции утверждения соответствующих кандидатур;

- контроль и надзор за деятельностью, связанной с повышением квалификации;

- контроль и надзор за планами строительства новых зданий вузов, за планами закупок необходимого оборудования.

Структура комитета была достаточно сложной и включала в себя: председателя данного комитета, совета, образованного из известных ученых, преподавателей, представителей различных ведомств (союзных и республиканских) – совет утверждался СНК союза ССР. В комитет также входили различные отделы (всего 13), непосредственное выполнение контрольных и надзорных функций было возложено на «Отдел инспекторской группы при председателе Комитета».

Сразу после окончания Великой Отечественной войны, в 1946 году Всесоюзный комитет по высшей школе был преобразован в Министерство высшего и среднего специального образования СССР. Стоит отметить укрепившеюся тенденцию «двоевластиия», когда вузы одновременно подчинялись и Минвузу, и отраслевым министерствам. Такая система управления и, соответственно, надзора и контроля не способствовала стабильности и развитию, как отдельных высших учебных заведений, так и всей системы высшего образования. Так, например, передача под управление наркомата юстиции всех юридических факультетов (вместо юридических факультетов университетов, были созданы отдельные юридические институты) повлияла на количество обучаемых, что впоследствии обусловило нехватку юристов [6].

В соответствии с Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании 1973 года (ст. 6) и Законом «О народном образовании», к компетенции союзных органов советского государства был отнесен и контроль (государственный) в области народного образования и установление порядка его осуществления [7].

Рассматривая особенности контрольных и надзорных функций в сфере науки, стоит также подробнее остановиться на Академии наук СССР, которая являлась высшим научным учреждением в Советском Союзе. В советский период деятельность данного учреждения регламентировалась уставами. Всего действовало 5 уставов, принятых, соответственно, в 1927 [8] году, 1930 [9], 1935 [10], 1959 и 1963 [11]. Координирующая роль Академии в научной деятельности была предусмотрена во всех пяти уставах, однако контрольные функции регламентировались только в Уставе Академии наук СССР 1963 года. В соответствии с п. «д» ст. 3 устава, на академию возлагался контроль за развитием науки: во-первых, во всех вузах и научно-исследовательских учреждениях, не входящих в систему высшего образования (по отраслям промышленности) и во-вторых, в других академиях наук, которые были учреждены в союзных республиках [12].

В конце 1980-х годов была предпринята попытка реформирования системы высшего образования и способов контроля над высшим образованием. Так, 18 марта 1987 года Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране» утвердило новые направления развития высшего образования. Прежде всего, основным вектором должны были одновременно стать и развитие практических навыков у обучающихся, и усиление научной деятельности в вузах. Для оптимизации управления и контроля, над всей системой образования создавался специальный новый орган – Государственный комитет СССР по народному образованию.

В 1988 году прошел Всесоюзный съезд работников образования, на котором обсуждались и были утверждены новые принципы образовательной политики. В основе новой образовательной системы лежали два основных принципа: демократизация вузов и повышение их самостоятельности (по типу дореволюционных университетов). Система управления и контроля

за высшим образованием предполагала: во-первых, децентрализацию и во-вторых, т.н. регионализацию, которая, по первоначальному смыслу, должна была способствовать развитию образования на конкретных территориях и соответствовать потребностям конкретного населения в республиках. К сожалению, многому из предложенного не суждено было сбыться, последующие изменения государственности повлияли на пути развития высшего образования и науки и систему надзора и контроля за ним [13].

После 1991 года в России нормативно-правовое регулирование высшего образование существенно реформировалось. В течение четырех лет (с 1992 по 1996 годы) были приняты сразу два закона, которые внесли значительные нормативные обновления в надзор и контроль в сфере высшего образования (Закон «Об образовании» [14] 1992 года и ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» 1996 года [12]). Соответственно, в Законе «Об образовании» в ст. 38 регламентировался надзор и контроль в сфере образования, указывалось: «Государственный контроль (надзор) в области образования включает в себя федеральный государственный надзор в области образования и федеральный государственный контроль качества образования». Впервые на законодательном уровне давалось определение надзора и контроля в исследуемой сфере. Образовательная деятельность в сфере высшего образования стала подлежать обязательному лицензированию, появился термин – «государственный образовательный стандарт». Контроль за неукоснительным соблюдением соответствующих стандартов стал неотъемлемой частью соответствующих правовых механизмов проверки и процедуры аккредитации.

Под надзором понималась деятельность соответствующих органов исполнительной власти, которая характеризуется: предупреждением и борьбой с различными правонарушениями в сфере образования; проведением различного рода проверок; устранением выявленных нарушений в сфере образования; аналитической и прогностической функцией в сфере образования, а также наблюдением за исполнением требований соответствующего законодательства.

Государственный контроль качества образования включал в себя следующие характерологические признаки: оценку соответствия подготовки обучающихся требованиям государственных образовательных стандартов и принятия, предусмотренных законодательством России мер по пресечению и устранению обнаруженных нарушений.

В последующем, в 2004 году была создана Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор), которая выполняет основные функции по надзору и контролю в сфере высшего образования и науки (и образования в целом) и в настоящее время.

Подводя итог проведенному в настоящей статье исследованию, представляется возможным сформулировать следующие основные выводы.

1. Происходившие в советском государстве процессы гуманизации, выразившиеся в доступности высшего образования, отмене платного образования, в предоставлении отдельным категориям населения, дополнительных гарантий для обучения, являлись отличительными чертами постреволюционной эпохи. В данный период времени наблюдались наметившаяся еще до революции централизация управления в сфере высшего образования и усиление надзора и контроля за ним.

2. Происходившие в 20-х годах XX века изменения в управлении советским государством, повлекли значительные изменения в управлении вузами. В частности, партийное руководство становится неотъемлемой частью такого управления, постепенно нивелируются академическая свобода и независимость самих университетов.

3. Наделение Академии наук СССР контрольными функциями в сфере науки в 1963 году привело к появлению в сфере науки двух основных контролирующих органов: во-первых, это органы министерского контроля и во-вторых, контроль за республиканской наукой, осуществляемый непосредственно самой Академией.

4. С конца 80-х годов XX века реформа высшего образования и науки заложила фундамент будущего развития, как управления, так и надзора и контроля в данных сферах. Постсоветский период развития надзора и контроля в сфере высшего образования и науки характеризуется: во-первых, высокой нормативной регламентированностью, во-вторых, появлением контроля за результатами обучения.

Литература и источники

1. Алимов Г. Т., Ладнушкина Н. М., Пашенцев Д. А., Фёклин С. И. Контроль и надзор в сфере образования: Монография. М.: Книгодел, 2020.

2. Демидова Е.И. Становление и развитие советской высшей школы в 1920 - 1930 гг. Дисс. ... докт. ист. наук. Саратов, 2007. 404 с.
3. Ящук Т.Ф. Правовое регулирование в сфере высшего образования в России (историко-правовой аспект)// Правоприменение. 2017. Т. 1. № 4. С. 14-27.
4. Типовой устав высшего учебного заведения" (утв. СНК СССР 05.09.1938)// СП СССР. 1938. № 41. ст. 237.
5. Постановление СНК СССР от 21.01.1939 № 91 «Об утверждении Положения о Всесоюзном Комитете по делам высшей школы при СНК СССР» // СП СССР. 1939. № 9. ст. 6.
6. Ящук Т.Ф. Правовое регулирование в сфере высшего образования в России (историко-правовой аспект)// Правоприменение. 2017. Т. 1 № 4. С. 14–27.
7. Закон СССР от 19.07.1973 № 4536-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» // Ведомости ВС СССР. 1973. № 30. ст. 392; Закон РСФСР от 02.08.1974 «О народном образовании» // СЗ РСФСР. 1988. т. 3. с. 245.
8. Постановление СНК СССР от 18.06.1927 «Устав Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик» //СЗ СССР. 1927. № 35. ст. 367.
9. Постановление Президиума ЦИК СССР от 23.05.1930 «Об утверждении Устава Академии наук Союза ССР» //СЗ СССР. 1930. № 30. ст. 335.
10. Постановление СНК СССР «Устав Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик» (утв. СНК СССР 23.11.1935) // СЗ СССР. 1935. №59. ст. 484.
11. Уставы Российской академии наук. 1724–1999. М., 1999. С.39, 249.
12. Федеральный закон от 22.08.1996 № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» //СЗ РФ. 26.08.1996. № 35, ст. 4135.
13. Шишкин В.Г. Концептуальная подготовка реформ высшего образования в СССР (1987-1991 гг.)// Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых материалы Первой Всероссийской молодежной научной конференции. Сибирское отделение РАН; ответ. ред. Р.Е. Романов. Новосибирск, 2011. С.247-253.
14. Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» // СЗ РФ. 15.01.1996. №3. ст. 150.

References and Sources

1. Alimov G. T., Ladnushkina N. M., Pashencev D. A., Fyoklin S. I. Kontrol' i nadzor v sfere obrazovaniya: Monografiya. M.: Knigodel, 2020.
2. Demidova E.I. Stanovlenie i razvitie sovetskoj vysshej shkoly v 1920 - 1930 gg. Diss. ... dokt. ist. nauk. Saratov, 2007. 404 s.
3. Yashchuk T.F. Pravovoe regulirovanie v sfere vysshego obrazovaniya v Rossii (istoriko-pravovoj aspekt)// Pravoprimenenie. 2017. T. 1. № 4. S. 14-27.
4. Tipovoj ustav vysshego uchebnogo zavedeniya" (utv. SNK SSSR 05.09.1938)// SP SSSR. 1938. № 41. st. 237.
5. Postanovlenie SNK SSSR ot 21.01.1939 № 91 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Vsesoyuznom Komitete po delam vysshej shkoly pri SNK SSSR» // SP SSSR. 1939. № 9. st. 6.
6. Yashchuk T.F. Pravovoe regulirovanie v sfere vysshego obrazovaniya v Rossii (istoriko-pravovoj aspekt)// Pravoprimenenie. 2017. T.1 №4. S.14-27.
7. Zakon SSSR ot 19.07.1973 № 4536-VIII «Ob utverzhdenii Osnov zakonodatel'stva Soyuza SSR i soyuznyh respublik o narodnom obrazovanii» // Vedomosti VS SSSR. 1973. № 30. st. 392; Zakon RSFSR ot 02.08.1974 «O narodnom obrazovanii» // SZ RSFSR. 1988. t. 3. s. 245.
8. Postanovlenie SNK SSSR ot 18.06.1927 «Ustav Akademii Nauk Soyuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik» //SZ SSSR. 1927. № 35. st. 367.
9. Postanovlenie Prezidiuma CIK SSSR ot 23.05.1930 «Ob utverzhdenii Ustava Akademii nauk Soyuza SSR» //SZ SSSR. 1930. № 30. st. 335.
10. Postanovlenie SNK SSSR «Ustav Akademii Nauk Soyuza Sovetskih Socialisticheskih Respublik» (utv. SNK SSSR 23.11.1935) // SZ SSSR. 1935. №59. st. 484.
11. Ustavy Rossijskoj akademii nauk. 1724–1999. M., 1999. S.39, 249.
12. Federal'nyj zakon ot 22.08.1996 № 125-FZ «O vysshem i poslevuzovskom professional'nom obrazovanii» //SZ RF. 26.08.1996. № 35, st. 4135.
13. Shishkin V.G. Konceptual'naya podgotovka reform vysshego obrazovaniya v SSSR (1987-1991 gg.)// Aktual'nye problemy istoricheskih issledovanij: vzglyad molodyh uchenyh materialy Pervoj Vserossijskoj molodezhnoj nauchnoj konferencii. Sibirskoe otdelenie RAN; otvet. red. R.E. Romanov. Novosibirsk, 2011. S.247-253.
14. Zakon RF ot 10.07.1992 № 3266-1 «Ob obrazovanii» // SZ RF. 15.01.1996. №3. st. 150.

СВЕЧНИКОВА ВЕРА ВИКТОРОВНА – преподаватель кафедры прикладного права РТУ МИРЭА – Российского технологического университета (vera-7272@ya№dex.ru)
SVECHNIKOVA, VERA V. - Lecturer, Department of Applied Law, RTU MIREA - Russian Technological University.

УДК 342(4) DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-65-71

ФАЛАЛЕЕВА И.Н., ГАВРИЛОВА В.Д.
ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ – НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, историческая правда, пост-правда, факт исторической действительности, факт исторического источника, научно-исторический факт, интерпретация, научный метод, образ прошлого.

Статья представляет собой анализ одной из поправок в Конституцию РФ 2020 года о защите исторической правды со стороны Российской Федерации. Актуальность этого вопроса в данный период неоспорима. Глобальный геополитический мир претендует на исчерпывающую картину исторического прошлого, которая обосновывала бы ведущую роль прогрессивных западных государств в руководстве мировым развитием. Каждое уважающее себя государство заботится о защите национальной идентичности, сохранении героического прошлого, мужества и отваги защитников своего Отечества, исторической памяти и исторической правды. Несмотря на высокий социальный запрос российского общества на историческую правду в нынешних условиях, не ясным остается почти весь спектр связанных с ней вопросов: понятие и содержание исторической правды, пути её поиска, пределы, применимость правовых критериев, роль государства и общества в её сохранении и т.п. Авторы статьи приходят к выводу, что защита исторической правды – это особое и необходимое направление государственной политики, обеспечивающее социальную солидарность российского общества.

FALALEEVA, I.N., GAVRILOVA, V.D.

PROTECTION OF HISTORICAL TRUTH – A NEW DIRECTION OF THE STATE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Key words: Constitution of the Russian Federation, historical truth, post-truth, the fact of historical reality, the fact of a historical source, scientific and historical fact, interpretation, scientific method, image of the past.

The task of article is an analysis of one of the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 on the protection of historical truth by the Russian Federation. The relevance of this issue in this period is undeniable. The global geopolitical world claims to have an exhaustive picture of the historical past, which would justify the leading role of progressive Western states in guiding world development. Every self-respecting state cares about the protection of national identity, the preservation of the heroic past, the courage and bravery of the defenders of their Fatherland, historical memory and historical truth. Despite the high social demand of Russian society for historical truth in the current conditions, almost the entire range of issues related to it remains unclear: the concept and content of historical truth, the ways of its search, the limits, the applicability of legal criteria, the role of the state and society in its preservation, etc. The authors of the article conclude that the protection of historical truth is a special and necessary direction of state policy that ensures social solidarity of Russian society.

04.07.2020 введен в действие Закон Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» № 1-ФКЗ от 14.03.2020. Он содержит множество новелл, требующих научно-теоретического и практического осмысления. Одной из таких новелл является положение ч. 3 ст. 67.1 новой редакции Конституции РФ, что «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». В связи с обострившейся в последние годы темой ревизии итогов Второй мировой войны, прежде всего, в западных политических кругах, конституционный текст дополнен важной мировоззренческой поправкой о защите исторической правды со стороны Российского государства. В широком смысле это касается всех исторических событий, так или иначе затрагивающих вопрос защиты Отечества и оценку связанных с ней памятных событий и героического духа русского народа.

Однако поиск исторической правды и её защита вряд ли смогут быть эффективным средством защиты национальных интересов и аргументом в дискуссии с иностранными собеседниками, если нам самим не разобраться, что является предметом дискуссии. Мы должны, главным образом, для себя понять, что мы понимаем под «исторической правдой», какова природа этого понятия, может ли оно попадать в сферу правового воздействия, наконец, может или должна ли она гарантироваться государством или достаточно лишь ресурсов общественных организаций и отдельных групп населения.

Важным фактором, определяющим актуальность темы статьи, является возникновение в современном массмедийном дискурсе феномена «пост-правды», когда практически затруднительно или невозможно найти истинный и достоверный факт в массовой коммуникации [1, с. 186]. В развивающемся цифровом Интернет-пространстве вся информация фрагментирована, персонализирована, неоднократно переработана, транслирована и быстро предоставлена обществу как «готовый, продукт», имея который, не надо долго думать и рассуждать о фактах и причинах их появления. Вместо критического мышления о фактах нам предлагаются утвердительные высказывания в социальных сетях по модели «запостено» - значит было». Иными словами, старые проблемы объективного и субъективного в познании исторических фактов, соотношения научности и манипулятивности, логики и эмоций, слова и дела (риторики и поступков) предстают по-новому и вновь выходят на передний план. Распространение феномена «пост-правды» на всемирную и отечественную историю – это неизбежное следствие глобализации мирового хозяйства, цифровизации общества, виртуализации массового сознания. Поэтому обращение к понятию «исторической правды» представляет собой важную миссию историка, юриста и других гуманитарных дисциплин представить новые аргументы в защиту научного подхода к истории Отечества в целях противостояния феноменам «пост-правды», «фейкньюс», фальсификации и переписывания истории.

Анализ проблемы мы начнем с методических и языковых аспектов. Семантические аспекты термина «правда» в русском языке отличаются двойственностью. В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «правда» понимается как: 1) истина, т.е. факт; положение дел, соответствующее реальности; 2) справедливость, честность, порядочность, уверенность в собственных высказываниях, правота позиции в споре [2]. Дуализм понимания правды в русских словарях, основанный на различии её философской и этической сторон, послужил причиной различных понятийных её трактовок. Говорят, «у каждого – своя правда» (подразумевается правота). И в то же время «правда – общая, и она у нас одна», т.е. мы признаем некоторый действительный (истинный) ход вещей и событий.

Экспликация понятия «правды» на исторический процесс позволяет предложить понятийную конструкцию «историческая правда». На наш взгляд, она во многих случаях выступает как синоним истины в исторических исследованиях, когда мы говорим о поиске достоверных исторических фактов и анализе реально существовавших исторических источников. Следовательно, помимо цифрового «происхождения» пост-правды, появление этого феномена можно объяснить отказом от поиска истины в науке и методологии познания, стремлением выдать за «правду» тот образ реальности, который соответствует социально-политическим интересам и целям ряда «ведущих» государств, узкого круга глобальных промышленников, финансистов, банкиров и т.п. Однако всем ли нужна такая «историческая правда»?

В отечественной научной литературе познание истории всегда рассматривалось как составная часть процесса объективного познания действительности с учетом специфики общества как «надстроечного» явления, духовно-идеологического и политико-правового организма по отношению к материальным и производственным отношениям. Этот марксистский подход в историографии является продуктивным, несмотря на то, что за последние десятилетия подвергся основательной критике. По мнению крупнейшего отечественного методолога истории И.Д. Ковальченко, выделяются три группы исторических фактов:

«1) Факты исторической действительности, которые совершились в прошлом, неизменны и однозначны;

2) Факты исторического источника, представляющие собой отражение фактов действительности творцом источника, которое субъективно, но тоже состоялось и в этом смысле неизменно (позиция автора);

3) Научно-исторический факт, отражающий мнение историка-исследователя о фактах исторической действительности с учетом фактов источника» [3, с. 143-144].

Тем не менее, И.Д. Ковальченко считал, что при работе с научно-историческими фактами важно, один раз установив факт, не отрицать его существование в дальнейшем; может лишь уточняться и обогащаться содержание наших знаний об этих фактах. Такой материалистический подход к историческим фактам противопоставлялся им позитивистскому подходу, который отождествлял факты действительности с эмпирическими данными исторических источников и отрицал абстрактно-теоретическое познание истории. Критиковалось им и неокантианство, которое признавало лишь конструктивистский взгляд исследователя на историю в соответствии с ценностными идеалами эпохи и личностным его пониманием смысла исторических событий и отрицало объективно свершившийся характер прошлой истории. Как следует из позиции видного отечественного историка, в историческом процессе объективное и субъективное, истинное и ложное всегда переплетаются. Однако в современном обществе полностью отвергать нематериалистические концепции исторического познания нельзя, поскольку со времени генезиса исторического материализма мир существенно изменился. Процесс создания исторического источника и его вторичного прочтения, изучения нередко осуществляется одновременно и параллельно, а автор источника является, в принципе, таким же исследователем и интерпретатором истории, как и читатель. История – многообразная и многовекторная деятельность индивидов, малых и больших социальных групп, действующих в соответствии со своими целями, мотивами, интересами и побуждениями. Поэтому с позиции деятельностного подхода мы творим историю сообща совместными усилиями, и важно определить то, можем ли мы полностью контролировать ход истории или в ней остается что-то неподвластное нашим желаниям.

Общее понимание истории различными исследователями не исключает, в соответствии с современными научными теориями, различных методологических подходов к оценке её конкретных событий. Поэтому историческая правда – это сложный феномен, который не может быть монолитным; в ней есть общее, особенное и различное. В этой связи нельзя согласиться с прозвучавшим в статьях П.А. Астафичева мнением о том, что историческая правда – это понятие субъективное и оценочное, связанное лишь с реализацией конституционных прав личности на свободу слова, творчества и научного познания, когда обязанность исследовать историю «правдиво» может быть лишь нравственным критерием. Кроме того, юридизация исторической правды, как считает автор, может привести к утверждению в Российской Федерации юридически

обязательной идеологии, что является нарушением основ конституционного строя (ст. 13 Конституции РФ) [4, с. 6].

На наш взгляд, более близкой к действительности является ситуация, когда в содержании исторической правды можно усмотреть: 1) общезначимую составляющую, т.е. то, в чем наши взгляды и позиции по историческому событию совпадают (а зачем их всегда противопоставлять как разные?); 2) переменный компонент, который и фиксирует т.н. разные точки зрения на историческое событие как результат реализации свободы научного исследования (свобода мысли обеспечивается самим моральным правом на «собственную» правду).

Что же касается ссылки П.А. Астафичева на запрет государственно обязательной идеологии, то она опровергается уже Заключением Конституционного Суда РФ «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» № 1-З от 16.03.2020. Конституционным Судом РФ отмечено, что поправки носят характер общесоциальных деклараций, констатирующих итоги исторического прошлого и уточняющих статус Российского государства на будущее, не связаны ни с политикой, ни с доминированием той или иной религиозной или конфессиональной принадлежности граждан.

Отметим, что поиск исторической правды – это не единое и общеобязательное для всех мировоззрение. В случае с поиском исторической правды – это добровольный и свободный процесс отражения, реконструкции, создания адекватного образа прошлой исторической реальности. В случае же с обязательной идеологией речь идет об идеализированной модели, основанной на однозначной императивной трактовке исторических событий, не допускающей учет разных мнений. Однако именно принятие во внимание таких мнений есть необходимое условие сохранения исторической правды во всей её глубине и достоверности. И именно вследствие этого обстоятельства отсутствует прямое указание на это в конституционном тексте.

Как мы отметили, наряду с аргументами юридической обязательности или личной точки зрения на историческую правду, необходимо учитывать промежуточный уровень понимания этого феномена, достигаемого через гражданское, национальное, международное согласие и доказательным путем.

В этой части отдельный вопрос составляет взаимодействие научных и вненаучных методов познания в доказывании и обосновании исторической правды. Со времен марксистской историографии мы основной акцент в анализе сущности исторической правды делали на познание объективных законов мира с помощью научных методов. Это, конечно же, необходимо. Справедливо считает в этой связи Л.Е. Лаптева, что российское общество нуждается в особой научной экспертизе для определения сущности исторической правды, используя при этом метафору судебного поиска «объективной истины» [5, с. 54]. В то же время, очевидно, что общество должно будет выбрать для этих целей наиболее выдающихся личностей, авторитетных экспертов в данной области исторического знания. При этом коллективное мнение этих экспертов может восприниматься как репрезентативная выборка позиции общества или же это мнение принимается на основе презумпции доверия к экспертному сообществу.

Историческая правда формируется на основе анализа исторических источников, архивных документов, свидетельств непосредственных очевидцев событий, высказываний экспертов и т.д. Естественно, предпочтительным является формирование такой доказательной базы и системы аргументов, которые в силу убедительности и логичности изложения будут приводить к внутрисоциальному согласию и солидарности в обществе. Иными словами, по правильному выражению А.А. Васильева и В.Ю. Соловьева, нам нужна «аргументированная историческая правда» [6, с. 60].

Вместе с тем, в литературе высказана и иная позиция М.В. Пономарева, что в силу нетождественности исторической правды и научной картины мира стремление верифицировать правду с помощью строгих научных подходов неоправданно: события исторического прошлого воспринимаются главным образом на знаково-символическом уровне, историю надо чувствовать, переживать, интуитивно ощущать [7, с. 255].

На наш взгляд, аргумент рациональности и логических доказательств существования исторической правды о том или ином историческом событии всегда необходим и тесно связан с ощущением прошлого на уровне образов. В процессе научного обсуждения и общественного диалога на дискуссионных площадках, в общественных палатах и социальных цифровых платформах вполне можно выработать как устойчивый коллективный образ нашего прошлого, так и достаточно обоснованную научную картину событий. Личная позиция историка может основываться на одних и тех же коллективных образах сознания, но подвергаться иной логической трактовке. Тогда задача общества состоит в том, чтобы путем диалога убедить оппонентов, что единая трактовка нашей отечественной истории учитывает их позицию. Образный же компонент сознания и деятельности закладывается с детства. И в случае с логикой рассуждений об истории, и в случае с образным восприятием исторической действительности, - это в конечном итоге вопрос воспитания, обучения, социализации.

Особую остроту в современном российском обществе приобрел и вопрос о «юридизации» исторической правды: это вопрос о возможности регулировать содержание исторической правды правовыми нормами, а также устанавливать уголовную или административную ответственность за умышленную фальсификацию событий нашего исторического прошлого.

Несмотря на имеющиеся в обществе достаточно обоснованные призывы не спешить с юридической ответственностью за неправильную «интерпретацию» прошлого, следует сказать, что такие законодательные меры уже приняты. Ч. 1 ст. 354.1 УК РФ предусматривает наказание за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично…», а ч. 2 этой статьи указывает, в частности, на такой квалифицирующий признак, как «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"», где они чаще всего совершаются.

Примечательно, что ответственность за искажение исторической правды о деятельности СССР в годы Второй мировой войны включена в текст УК РФ в рамках состава реабилитации нацизма, что подтверждается практикой Международного военного трибунала («Нюрнбергского процесса») более чем семидесятилетней давности, осудившей фашизм и геноцид населения, развязывание агрессивной войны против СССР и других стран, расовую дискриминацию и др. преступления против мира и безопасности человечества, впоследствии признанные международными.

Из 23 судебных актов по применению ч. 1 ст. 354.1 УК РФ, тексты которых размещены по состоянию на 22.09.2021 в ГАС РФ «Правосудие», нам удалось найти лишь 1 (одно) дело № 2-5/2020, прекращенное 12.05.2020 Верховным Судом Республики Марий Эл с уплатой судебного штрафа. Лицо размещало тексты статей и видеофайлы с комментариями определенного содержания, которые были расценены следствием и судом именно как «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Однако и в материалах данного уголовного дела правоохранительные органы, что называется «с запасом», сделали ссылку на цель реабилитации нацизма и приобщили аудиофайл, в котором, по их мнению, действия обвиняемого П. направлены на оправдание идеологии фашизма.

Безусловно, существует опасность ограничения конституционных прав личности на свободу мысли и слова. Однако пределом для свободной трактовки исторических событий является требование запрета оправдания фашизма, публичного одобрения международных преступлений гитлеровского режима и др. форм дискриминации человека. При этом личная точка зрения исследователя на события военной истории не преследуется по закону. Это очевидно.

Вместе с тем, подчеркнем, что уголовное законодательство зарубежных стран - в большинстве европейских - осуждает такой феномен, например, как Холокост, относя его к проявлениям геноцида. Однако в то же время на одну ступень с Холокостом ставятся и преступления коммунистического режима как, например, в Чехии. Но мы в России с этим согласиться не можем. Более того, в Испании, Дании, Норвегии и США отрицание Холокоста не наказывается, а относится к свободе слова [8, с. 259-260].

Как отмечают А.А. Дорская и А.Ю. Дорский, по проблеме мемориальной памяти лишь международное сообщество выработало более или менее устойчивую негативную повестку исторических событий (против фашизма и нацизма), вытекающей из протоколов и документов

Нюрнбергского трибунала 1946 г. В этом аспекте международное право выступает сдерживающим фактором, устраняющим межгосударственные конфликты. Национальные же государства чаще всего включают в законодательство культурно-специфические положения, трактующие историческую правду своеобразно текущему политическому курсу и национальным интересам [9, с. 92]. Отсюда, как мы считаем, вполне обоснованной видится трактовка защиты исторической правды о деятельности СССР в годы Второй мировой войны как соответствующей национальным российским интересам.

Особое национальное понимание исторической правды, сопряженное с сохранением исторического наследия и защитой исторической правды, необходимо как средство юридической охраны и гарантирования духовно-информационного суверенитета Российской Федерации в современный период. Национально ориентированная русская «историческая правда» – это такой же реальный феномен, как и правды других народов, ибо, как известно, любая страна всегда почитает своих героев, за исключением случаев героизации нацизма, когда речь идет об оформленной в международном праве и общепризнанной негативной оценке конкретного периода истории.

Как пишет А.В. Сергеев, при формировании национального самосознания главное – это показать, что Россия, Российская Федерация на протяжении всей истории оставалась единой территорией со своими особенными путями развития, менталитетом народа, культурными и политическими традициями. В этом есть коренная, сущностная историческая правда [10, с. 104].

Таким образом, историческая правда, возникающая как феномен философско-этический, частично попадает в сферу правового регулирования в соответствии с целями и задачами государств на данном этапе исторического развития. Здесь историческая правда представлена как согласованная интерпретация исторических событий на рациональной и внерациональной основе, признанная международным сообществом в соответствии с согласованной волей государств, а на национальном российском уровне – поддержанная широким кругом социальных сил или всем обществом в целях патриотического воспитания граждан и сохранения национально-культурной идентичности.

Защита исторической правды – это особое и новое направление государственной политики Российской Федерации, которое имеет все шансы, чтобы стать самостоятельной подфункцией в рамках культурно-воспитательной функции Российского государства. Официальное признание Российским государством потребности защищать историческую правду обеспечит формирующееся социальное согласие всеми необходимыми средствами и ресурсами.

Литература и источники

1. Каюткин Д.Ю. Проблема пост-правды: истоки, значение и решение // Новые идеи в философии. 2021. № 8.
2. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой // Сайт Classes.RU.– Режим доступа: https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-25788.htm (дата обращения: 21.09.2021).
3. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003.
4. Астафичев П.А. Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России // Правоприменение. 2020. № 4.
5. Лаптева Л.Е. Критерии исторической правды в научном исследовании // История государства и права. 2021. № 4.
6. Васильев А.А., Соловьев В.Ю. Аргументированная правда: как противостоять попыткам переписать историю Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: в памяти народа, медиапространстве и оценках современных исследователей. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию начала Великой Отечественной войны (Пенза, 15 апреля 2021 г.) / под ред. О.А. Суховой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2021.
7. Пономарев М.В. «Историческая правда» как доктринальная новелла и юридическая категория Российской конституции // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского (Москва, 15 апреля 2021 г.) / под общ. ред. В.В. Строева, Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2021.
8. Варченко И.А., Литвяк Л.Г. Уголовное законодательство зарубежных стран об ответственности за преступления, аналогичные ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» (часть 2) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-1.
9. Дорская А.А., Дорский А.Ю. Историческая память как объект международно-правового и национального регулирования // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. №2.
10. Сергеев А.В. Единая Россия как правда историческая // Философские и социокультурные основания цивилизационного будущего России. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции (Саратов, 29-30 октября 2020 г). Саратов: Изд-во СГТУ им Ю.А. Гагарина, 2020

References and Sources

1. Kayutkin D.Yu. Problema post-pravdy: istoki, znachenie i reshenie // Novye idei v filosofii. 2021. № 8.
2. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / pod red. S.I. Ozhegova, N.Yu. Shvedovoj // Sajt Classes.RU.– Rezhim dostupa: https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-25788.htm (data obrashcheniya: 21.09.2021).

3. Koval'chenko I.D. Metody istoricheskogo issledovaniya. 2-e izd., dop. M.: Nauka, 2003.
4. Astafichev P.A. Obespechenie zashchity istoricheskoj pravdy kak novyj princip v konstitucionnom prave sovremennoj Rossii // Pravoprimenenie. 2020. № 4.
5. Lapteva L.E. Kriterii istoricheskoj pravdy v nauchnom issledovanii // Istoriya gosudarstva i prava. 2021. № 4.
6. Vasil'ev A.A., Solov'ev V.Yu. Argumentirovannaya pravda: kak protivostoyat' popytkam perepisat' istoriyu Velikoj Otechestvennoj vojny // Velikaya Otechestvennaya vojna 1941-1945 gg.: v pamyati naroda, mediaprostranstve i ocenkah sovremennyh issledovatelej. Sbornik nauchnyh statej po materialam Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 80-letiyu nachala Velikoj Otechestvennoj vojny (Penza, 15 aprelya 2021 g.) / pod red. O.A. Suhovoj. Penza: Izd-vo PGU, 2021.
7. Ponomarev M.V. «Istoricheskaya pravda» kak doktrinal'naya novella i yuridicheskaya kategoriya Rossijskoj konstitucii // Pravo i prava cheloveka v sovremennom mire: tendencii, riski, perspektivy razvitiya. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati professora F.M. Rudinskogo (Moskva, 15 aprelya 2021 g.) / pod obshch. red. V.V. Stroeva, D.A. Pashenceva, N.M. Ladnushkinoj. Saratov: Izd-vo «Saratovskij istochnik», 2021.
8. Varchenko I.A., Litvyak L.G. Ugolovnoe zakonodatel'stvo zarubezhnyh stran ob otvetstvennosti za prestupleniya, analogichnye st. 354.1 UK RF «Reabilitaciya nacizma» (chast' 2) // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2015. № 11-1.
9. Dorskaya A.A., Dorskij A.Yu. Istoricheskaya pamyat' kak ob"ekt mezhdunarodno-pravovogo i nacional'nogo regulirovaniya // Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2020. №2.
10. Sergeev A.V. Edinaya Rossiya kak pravda istoricheskaya // Filosofskie i sociokul'turnye osnovaniya civilizacionnogo budushchego Rossii. Sbornik nauchnyh trudov po materialam Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Saratov, 29-30 oktyabrya 2020 g). Saratov: Izd-vo SGTU im Yu.A. Gagarina, 2020.

ФАЛАЛЕЕВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА – кандидат юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой теории и истории права и государства Волгоградского государственного университета (falal@mail.ru).
ГАВРИЛОВА ВИОЛЕТТА ДМИТРИЕВНА – студентка Института права Волгоградского государственного университета (ditmar12@yandex.ru).
FALALEEVA, IRINA N. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of Chair of Theory and History of Law and State, Volgograd State University (falal@mail.ru).
GAVRILOVA, VIOLETTA D. – Student, Institute of Law, Volgograd State University (ditmar12@yandex.ru).

УДК 342.922 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-71-76

СМОРЧКОВА Л.Н.
ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Президент Российской Федерации, исполнительная власть, парламент, форма правления, система сдержек и противовесов, правовой статус.

В статье представлен авторский анализ сущности изменений правового статуса Правительства Российской Федерации в связи с внесением поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Автор отвечает на вопросы о том, какое правовое значение имеет тот факт, что Правительство Российской Федерации более не именуется высшим исполнительным органом государственной власти Российской Федерации, и в чем еще состоят новации правового статуса Правительства Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что, при безусловном усилении президентской власти и корректировке баланса ветвей власти в системе сдержек и противовесов, форма республиканского правления в России в сущности не изменилась. Правительство Российской Федерации продолжает успешно выполнять свои функции в видоизмененном правовом статусе, а общее руководство его деятельностью со стороны Президента Российской Федерации получило юридическое закрепление.

SMORCHKOVA, L.N.
THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION: TRANSFORMATION OF THE LEGAL STATUS

Key words: Constitution of the Russian Federation, Government of the Russian Federation, President of the Russian Federation, executive power, parliament, form of government, system of checks and balances, legal status.

The article presents the author's analysis of the essence of changes in the legal status of the Government of the Russian Federation in connection with the introduction of the 2020 amendment to the Constitution of the Russian Federation. The author answers the questions about the legal significance of the fact that the Government of the Russian Federation is no longer called the highest executive authority of state power of the Russian Federation and what other innovations in the legal status of the Government of the Russian Federation are. The author concludes that with the unconditional strengthening of the presidential power and the adjustment of the balance of the branches of government in the system of checks and balances, the form of republican government in Russia has essentially not changed. The Government of the Russian Federation continues to successfully perform its functions in a modified legal status, and the overall management of its activities by the President of the Russian Federation has been legally consolidated.

Чуть больше года прошло с момента вступления в законную силу нового Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 года № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (далее ФКЗ о Правительстве). Он действительно был необходим для системной реализации комплекса корректив в отношении правового статуса Правительства Российской Федерации в результате принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон РФ о поправке).

Первое, что бросилось в глаза при сравнении старых и новых редакций правовых норм, содержащихся в Главе 6 «Правительство Российской Федерации» Конституции Российской Федерации, а также старого и нового Федеральных конституционных законов «О Правительстве Российской Федерации» – это то, что Правительство Российской Федерации более не именуется высшим исполнительным органом государственной власти Российской Федерации. Какое правовое значение это имеет, чем еще примечательны новации правового статуса Правительства Российской Федерации и каковы фактические изменения, произошедшие в его деятельности за прошедший год, и призвана оценить настоящая статья.

Для решения поставленных вопросов в качестве методологического приема необходимо проанализировать сложившуюся в современной России форму правления, как элемент формы государства, то есть порядок образования высших органов государственной власти и порядок взаимоотношений между ними. В основу классической классификации форм правления положен так называемый юридический критерий – правовое положение правящих лиц и органов. В теории государства в качестве частного критерия, на основании которого выносится суждение о той или иной форме республиканского правления в определенном государстве, берется за основу порядок формирования, отставки, выражения недоверия правительству государства. Иными словами, имеет значение, какой орган формирует исполнительную власть в государстве и, тем самым, превалирует в системе государственной власти.

Большинство ученых-теоретиков выделяют три основные разновидности республиканской формы правления: президентскую, парламентскую и смешанную, которую также называют полупрезидентской. Признаки именно смешанной формы правления они находят в России, поскольку наблюдается сочетание отдельных характеристик президентской и парламентской форм. Так, в формировании правительства участвуют и президент, и парламент; правительство несет ответственность не только перед президентом, но и перед парламентом; парламент обладает правом вынесения вотума недоверия правительству, но президент вправе распустить парламент [1, с. 90-92].

А.Ф. Черданцев считает, что смешанные формы правления относятся к нетипичным. По его мнению, Россию следует считать президентской республикой с элементами парламентаризма, поскольку хоть правительство и формируется президентом и ответственно передним, но Государственная Дума может выразить правительству недоверие. Однако если президент не согласен с мнением парламента, а парламент настаивает на отставке правительства, то президент даже может распустить Государственную Думу [2, с. 128-129]. Последний тезис, в частности, дает основания говорить о том, что Россия – суперпрезидентская республика [3].

М.Н. Марченко, не признавая смешанной формы правления, считает, что современные республики бывают только двух видов – парламентарные и президентские, при этом характерной особенностью последних является соединение в руках президента полномочий главы правительства и государства. Характеризуя форму правления в России по состоянию на конец XX века и обосновывая свое мнению анализом президентских полномочий согласно Конституции Российской Федерации (в редакции 1993 года), он говорит, что в России президентская республика отличается чрезвычайно сильной властью Президента [4, с. 180-181].

А.Б. Венгеров считает, что обширные размеры России всегда требовали сильной исполнительной власти для эффективного управления, для преодоления бюрократической волокиты, для защиты прав граждан в отдаленных территориях. Адекватной этим политическим и экономическим потребностям может быть только сильная президентская или иная авторитарная власть [5, с. 139-140].

Какие же существенные изменения произошли в правовом положении Правительства Российской Федерации и как это отразилось на отечественной форме республиканского правления с принятием поправки к Конституции Российской Федерации 2020 года?

Прежде всего, юридически было закреплено, что Правительство Российской Федерации осуществляет исполнительную власть Российской Федерации под общим руководством Президента Российской Федерации и руководит деятельностью федеральных органов исполнительной власти, за исключением федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации (статья 110 Конституции Российской Федерации).

Кандидатура Председателя Правительства теперь утверждается Государственной Думой (ранее она давала только согласие) в уточненном новой редакцией Конституции порядке (статья 111 Конституции Российской Федерации). Конституционно закреплено, что Председатель Правительства несет персональную ответственность перед Президентом Российской Федерации за осуществление возложенных на Правительство Российской Федерации полномочий (статья 113 Конституции Российской Федерации). Также модифицирован порядок утверждения кандидатур заместителей Председателя Правительства и федеральных министров, при этом полномочия Государственной Думы в этом процессе существенно расширены (статья 112 Конституции Российской Федерации).

Но необходимо подчеркнуть, что права Государственной Думы в процессе утверждения кандидатур Председателя и других членов Правительства Российской Федерации являются ограниченными встречным правом Президента Российской Федерации назначить заместителей Председателя Правительства Российской Федерации, федеральных министров из числа представленных кандидатур единолично, если Государственная Дума трижды отклонит эти кандидатуры. А также его правом распустить Государственную Думу и назначить новые выборы в случае, если после трехкратного отклонения Государственной Думой представленных кандидатур более одной трети должностей членов Правительства Российской Федерации остаются вакантными.

Достаточно много изменений и дополнений было внесено в перечень полномочий Правительства Российской Федерации (статья 114 Конституции Российской Федерации) как общего характера, так и детализировано по разным областям жизни общества (преимущественно в тексте ФКЗ о Правительстве). Новый перечень полномочий Правительства можно, конечно, рассматривать как расширение сфер его деятельности, но, по мнению автора, это скорее действительно необходимая юридическая актуализация, обусловленная объективными значимыми изменениями в жизни государств и общества, произошедшими за последние два с половиной десятилетия.

Не претерпела изменений норма о том, что Правительство Российской Федерации действует в пределах срока полномочий Президента Российской Федерации (статья 116 Конституции Российской Федерации) и слагает свои полномочия перед вновь избранным Президентом Российской Федерации, что характерно именно для президентской республики. И это как нельзя более характеризует юридическую связь исполнительной власти и Президента Российской Федерации.

В определенной степени трансформировался порядок выражения недоверия Правительству и его досрочной отставки (статья 117 Конституции Российской Федерации). Президент Российской Федерации, как и прежде, может принять решение об отставке Правительства Российской Федерации по своему усмотрению в соответствии с возложенной на него задачей обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти.

Новейшей истории России известны несколько случаев досрочной отставки Правительства. Так, Правительство Российской Федерации, возглавляемое Премьер-министром М.Е. Фрадковым, в 2007 году добровольно подало в отставку, которая была принята Президентом Российской Федерации В.В. Путиным. Президенты Российской Федерации также неоднократно по своей инициативе отправляли в отставку Правительство Российской Федерации: дважды в 1998 году, дважды в 1999 году (Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин), в 2004 и 2020 годах (Президент Российской Федерации В.В. Путин).

Случаев отставки российского Правительства в связи с выражением ему недоверия Государственной Думой пока не было, однако в новой редакции статьи 117 Конституции Российской Федерации присутствуют новации, касающиеся прав как Государственной Думы, так Президента Российской Федерации, который вправе согласиться с решением Государственной Думы и объявить об отставке Правительства Российской Федерации, либо вправе не согласиться с решением Государственной Думы. Наиболее интригующим является право Президента Российской Федерации распустить Государственную Думу и назначить новые выборы данной палаты Федерального Собрания в случае, если Государственная Дума в течение трех месяцев повторно выразит недоверие Правительству Российской Федерации, а Президент Российской

Федерации не будет готов отправить правительство в отставку. Именно в определенном противостоянии Государственной Думы и Президента Российской Федерации при решении вопроса об отставке Правительства Российской Федерации в связи с выражением ему недоверия, точно так же, как и после трехкратного отклонения Государственной Думой кандидатур более одной трети должностей Правительства Российской Федерации, и содержится вся неоднозначность квалификации формы республиканского правления в России.

Конституционной новеллой является правовая норма, согласно которой в отставку может подать не только все Правительство Российской Федерации в полном составе, но и отдельные его члены – Председатель Правительства, Заместитель Председателя Правительства, федеральный министр. Также Президент Российской Федерации вправе освободить от должности любого члена Правительства Российской Федерации, включая его Председателя. По ранее действовавшим нормам отставка Председателя Правительства влекла отставку всего Правительства Российской Федерации как единой команды, теперь же возможна тактическая замена федеральных министров. Решение об отставке отдельных членов Правительства принимает Президент Российской Федерации, что влечет конституционную процедуру утверждения новых кандидатур.

Таким образом, на основании изменений, коснувшихся правового статуса Правительства Российской Федерации, можно судить об усилении роли Президента Российской Федерации в отношении исполнительной власти государства и сделать вывод об изменении соотношения элементов в механизме сдержек и противовесов между высшими органами государственной власти [6].

В юридической науке трансформацию правового статуса Правительства Российской Федерации оценивают неоднозначно. Например, М.Н. Кобзарь-Фролова полагает, что роль и функциональное предназначение российского Правительства и органов исполнительной власти действительно претерпели качественные изменения [7].

Есть и такая точка зрения, что в результате внесения поправки в Конституцию Российской Федерации полномочия Правительства расширились, поскольку Председатель Правительства теперь может самостоятельно, без согласования с Президентом Российской Федерации, предлагать Государственной Думе кандидатов на членство в данном органе, а также осуществлять многие другие добавленные полномочия [8].

Ученые юристы также отмечают, что поправка в Конституцию в части реформирования российской модели республиканской формы правления носит противоречивый характер, поскольку, с одной стороны, усилена роль органов законодательной и судебной власти, но, с другой стороны, значительно укреплена роль Президента Российской Федерации [9].

Р.М. Дзидзоев в результате анализа степени юридической самостоятельности Правительства Российской Федерации, его места в системе исполнительной власти, оценки нового механизма формирования Правительства Российской Федерации делает вывод об изменении формы государственного правления России: переходе страны от полупрезидентского (смешанного) правления к президентскому, основанному на доминирующем положении главы государства в системе исполнительной власти, в то же время включающему некоторые элементы парламентаризма [10].

По мнению автора настоящей статьи, путем принятия в 2020 году Закона РФ о поправке и ФКЗ о Правительстве де-юре было закреплено то, что уже имелось де-факто – усиление президентской власти в Российской Федерации. Существенного изменения формы республиканского правления не произошло. И ранее многие специалисты характеризовали устройство государственной власти в России как преимущественно президентское или даже суперпрезидентское. И ранее наш Президент лично не возглавлял правительство, как это принято в классически устроенных президентских республиках, он и сейчас не возглавляет. И ранее встроенность полномочий палат Федерального Собрания Российской Федерации в процесс формирования, отставки, выражения недоверия Правительству Российской Федерации позволяли говорить о наличие свойств парламентаризма, на основании чего другие специалисты заявляли о смешанной форме правления в России.

С принятием изменений в Конституцию Российской Федерации произошло смещение рычагов в системе сдержек и противовесов. Усиление президентской власти в достаточной степени было компенсировано расширением полномочий представительного и законодательного

органа в отношении формирования, отставки и выражения недоверия правительству государства. Кроме того, в соответствии со статьей 10 ФКЗ о Правительстве у другой палаты Федерального Собрания Российской Федерации – Совета Федерации также появились полномочия при назначении на должность федеральных министров – руководителей федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности.

Поэтому вполне можно говорить о том, что изменился баланс ветвей власти в системе сдержек и противовесов, но в вопросах формирования, отставки и выражения недоверия Правительству Российской Федерации полномочия по-прежнему имеют и президент, и парламент. А это, как уже отмечалось ранее, является методологическим критерием, на основании которого осуществляется классификация видов республиканской формы правления. Таким образом не вполне обоснованно говорить об изменении формы правления в России с принятием поправки к Конституции Российской Федерации 2020 года. Россия была и остается государством с сильной президентской властью, компенсируемой отдельными элементами парламентаризма.

Безусловно, правовой статус Правительства Российской Федерации претерпел определенные изменения, включая корректировку властных полномочий. Однако, в целом, по своей сути модифицированный порядок его формирования и осуществления деятельности не затрагивает сути реально сложившегося функционирования исполнительной власти Российской Федерации. Это же подтверждает и мониторинг деятельности российского Правительства за прошедший год. Правительство нашей страны делает свою работу. Исполнительная власть в государстве, осуществляемая Правительством Российской Федерации под общим руководством Президента Российской Федерации, функционирует стабильно. И это – главный и необходимый итог любой трансформации.

Литература и источники

1. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / Под общей ред. докт. юрид. наук, профессора А.С. Пиголкина. М., 2003.
2. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. М., 2002.
3. Кондрашев А.А. Суперпрезидентская республика в России: Миф или реальность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 6. С. 34-42.
4. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах/ Отв. ред. проф. М.Н. Марченко. Т.1. Теория государства. М., 1998.
5. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учеб для юрид. вузов. М., 2011.
6. Занко Т.А. Конституционные поправки 2020: влияние на федеральную исполнительную власть // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 3. С. 7–19.
7. Кобзарь-Фролова М.Н. Роль и функциональное назначение Правительства Российской Федерации и органов исполнительной власти Российской Федерации (законодательные новеллы) // Публичная власть в современной России: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Саратов: СГЮА, 2020. С. 40–46.
8. Кирей А.С. Изменения конституционно-правового статуса Правительства Российской Федерации в связи с поправками в Конституцию Российской Федерации // Реализация теории конституционализма в правоприменительной практике Российской Федерации: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. СПб., 2021. С. 137–141.
9. Писарев А.Н. Российская модель формы правления в свете конституционной реформы 2020: президентская или полупрезидентская республика // Образование и право. 2020. № 9. С. 20–28.
10. Дзидзоев Р.М. Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации: новые грани взаимоотношений // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 43–54.

References and Sources

1. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov / Pod obshchey red. dokt. yurid. nauk, professora A.S. Pigolkina. M., 2003.
2. Cherdantsev A.F. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya vuzov. M., 2002.
3. Kondrashev A.A. Superprezidentskaya respublika v Rossii: Mif ili real'nost'? // Vestnik Universiteta imeni O.Ye. Kutafina (MGYUA). 2018. № 6. S. 34–42.
4. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskiy kurs v 2-kh tomakh. Otv. red. prof. M.N. Marchenko. Tom 1. Teoriya gosudarstva. M., 1998.
5. Vengerov A.B. Teoriya gosudarstva i prava : ucheb dlya yurid. vuzov. M., 2011.
6. Zanko T.A. Konstitutsionnyye popravki 2020: vliyaniye na federal'nuyu ispolnitel'nuyu vlast' // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2020. № 3. S. 7–19.
7. Kobzar'-Frolova M.N. Rol' i funktsional'noye naznacheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii i organov ispolnitel'noy vlasti Rossiyskoy Federatsii (zakonodatel'nyye novelly) // Publichnaya vlast' v sovremennoy Rossii: problemy i perspektivy. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Saratov: SGYUA, 2020. S. 40–46.
8. Kirey A.S. Izmeneniya konstitutsionno-pravovogo statusa Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii v svyazi s popravkami v Konstitutsiyu Rossiyskoy Federatsii // Realizatsiya teorii konstitutsionalizma v pravoprimenitel'noy praktike Rossiyskoy Federatsii: sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 2021. S. 137–141.
9. Pisarev A.N. Rossiyskaya model' formy pravleniya v svete konstitutsionnoy reformy 2020: prezidentskaya ili poluprezidentskaya respublika // Obrazovaniye i pravo. 2020. № 9. S. 20–28.

10. Dzidzoyev R.M. Prezident Rossiyskoy Federatsii i Pravitel'stvo Rossiyskoy Federatsii: novyye grani vzaimootnosheniy // Zhurnal rossiyskogo prava. 2021. № 5. S. 43–54.

СМОРЧКОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия) (l.smorchkova@mail.ru).
SMORCHKOVA, LARISA N. – Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia) (l.smorchkova@mail.ru).

УДК 342.5 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-76-79

ИВАНОВА Н.А., АБЕЗИН Д.А.
К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ СЛУЖАЩИМ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ТРУДОВОГО ИЛИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА

Ключевые слова: коррупция, государственный служащий, антикоррупционные стандарты поведения, противодействие коррупции, конфликт интересов, комиссия по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

В статье рассматриваются особенности трудоустройства бывших государственных и муниципальных служащих. Делается вывод о необходимости корректировки действующего законодательства, определяющего особенности трудоустройства экс-чиновников. Отмечается, что сегодня на работодателей возложена обязанность информировать по последнему месту службы о трудоустройстве государственного и муниципального служащего, ранее замещавшего должности с коррупционными рисками, исключительно в том случае, если ранее отдельные функции управления данной организацией входили в его должностные обязанности. Работодатель, принимая на работу экс-чиновника, замещавшего должность с коррупционными рисками, несет административную ответственность по ст. 19.29 КоАП РФ за сам факт несообщения в десятидневный срок о заключении трудового или гражданско-правового договора. Авторы считают, что требования Верховного Суда РФ о том, чтобы работодатель извещал о приеме на работу бывшего государственного или муниципального служащего, независимо от того, входили ли в его должностные обязанности функции управления организацией, заключившей с ним указанные договоры, не соответствующими ни «букве» частей 1, 4 и 5 статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции», ни «духу» антикоррупционного законодательства.

IVANOVA, N.A., ABEZIN, D.A.
TO THE QUESTION ON THE EFFECTIVENESS OF THE APPLICATION OF MEASURES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY TO CIVIL SERVANTS AT THE CONCLUSION OF AN EMPLOYMENT OR CIVIL LEGAL CONTRACT

Key words: corruption, civil servant, anti-corruption standards of conduct, anti-corruption, conflict of interest, commission on compliance with the requirements for official conduct and settlement of conflicts of interest.

The article considers the features of employment of former state and municipal employees. It is concluded that it is necessary to adjust the current legislation, which determines the features of the employment of ex-officials. It is noted that today employers are obliged to inform at the last place of service about the employment of a state and municipal employee who previously filled positions with corruption risks, only if previously certain management functions of this organization were part of his job duties. An employer, hiring an ex-official who replaced a position with corruption risks, bears administrative responsibility under Art. 19.29 of the Administrative Code of the Russian Federation for the very fact of failure to report within ten days on the conclusion of an employment or civil contract. The authors believe that the requirements of the Supreme Court of the Russian Federation that the employer notify a former state or municipal employee about the hiring, regardless of whether his job duties included the management functions of the organization that entered into these contracts with him, do not correspond to the "letter" parts 1, 4 and 5 of article 12 of the Federal Law "On Combating Corruption", nor the "spirit" of anti-corruption legislation.

Коррупция выступает одной из самых острых проблем современности. Уровень распространенности коррупции продолжает оставаться достаточно высоким, несмотря на то, что в Российской Федерации созданы все необходимые условия, соответствующие потребностям времени, для успешной борьбы с данным негативным явлением [1]. Следует констатировать, что борьба с коррупцией ведется планомерно и затрагивает все сферы жизнедеятельности современного государства и общества. Президент РФ постоянно указывает на необходимость совершенствования уже принятых положений антикоррупционного законодательства в целях повышения его эффективности. Таким образом, в данных обстоятельствах остро стоит вопрос о необходимости устранения противоречий и пробелов в антикоррупционном законодательстве [2]. Более того, особую озабоченность у первых лиц страны вызывает опасность сращивания интересов бизнеса и чиновников.

Одним из механизмов, потенциально способным противодействовать процессу «сращивания интересов бизнеса и чиновников» могли бы стать положения, закрепленные в ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Могли стать, но не стали. Не стали несмотря на то, что закон «О противодействии коррупции» принят более 10 лет назад (25 декабря 2008 года), а в указанную статью неоднократно вносились изменения и дополнения, направленные на её совершенствование. Кроме того, 21 ноября 2011 года

в Трудовом кодексе РФ появилась ст. 64.1, возлагающая дополнительные обязанности на экс-чиновников и их новых работодателей при трудоустройстве, а КоАП РФ был дополнен ст. 19.29, позволяющей наказывать работодателей за нарушение требований антикоррупционного законодательства.

Таким образом, особенности трудоустройства государственных и муниципальных служащих подробно регламентированы нормами различных отраслей законодательства. Вместе с тем анализ правоприменительной практики в рассматриваемой сфере свидетельствует, на наш взгляд, о целесообразности корректировки законодательства, регламентирующего вопросы привлечения к административной ответственности в связи с трудоустройством бывших государственных или муниципальных служащих.

Рассмотрим содержание вышеуказанных положений отечественного законодательства подробнее.

При наличии условий, указанных в ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О противодействии коррупции», бывший государственный или муниципальный служащий в течение 2 лет после увольнения его со службы вправе приступить к оплачиваемой работе (оказанию услуг) только лишь с согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Российской Федерации и урегулированию конфликта интересов.

Какие же это условия?

Во-первых, замещение должности государственной или муниципальной службы должно было быть связано с так называемыми коррупционными рисками (данные должности включены Указом Президента РФ или ведомственными актами в специальные перечни). Во-вторых, в период нахождения на государственной (муниципальной) службе государственные служащие должны были выполнять отдельные функции, связанные с государственным (муниципальным) управлением организацией, в которую в последующем они могут быть трудоустроены. То есть, данная норма распространяется не на всех государственных и муниципальных служащих, замещавших должности с коррупционными рисками, а лишь на тех из них, кто трудоустраивается в ранее подконтрольные или подведомственные им организации.

Как подчеркивается в разъяснениях Минтруда России: «гражданин обязан получать согласие комиссии на замещение на условиях трудового договора должности в организации и (или) выполнение в данной организации работы (оказание данной организации услуг) в течение месяца стоимостью более ста тысяч рублей на условиях гражданско-правового договора (гражданско-правовых договоров) при наличии двух факторов:

- включение должности государственной службы в соответствующий перечень должностей, предусмотренный пунктом 1 Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2010 г. № 925;
- осуществление отдельных функций государственного управления в отношении данной организации во время прохождения государственной службы» [3].

В соответствии с ч. 2 ст. ст. 12 Федерального закона «О противодействии коррупции», гражданин, ранее замещавший должность с коррупционными рисками, в течение двух лет после увольнения с государственной или муниципальной службы обязан при заключении трудовых и гражданско-правовых договоров с ранее подконтрольными или подведомственными организациями сообщать сведения о последнем месте службы. Несоблюдение данного требования влечет прекращение трудового договора, заключенного с гражданином, ранее замещавшим должность с коррупционными рисками.

В соответствии с ч. 4 ст. 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» работодатель при заключении трудового или гражданско-правового договора с гражданином, ранее выполнявшим функции управления данной организацией, обязан сообщить по последнему месту его службы о заключении такого договора [4]. Несоблюдение работодателем данного требования влечет ответственность в соответствии со ст. 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Аналогичные нормы (но без упоминания о гражданско-правовых договорах) закреплены в статье 64.1 Трудового кодекса РФ: «Граждане, замещавшие должности государственной или муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами

Российской Федерации, в течение двух лет после увольнения с государственной или муниципальной службы имеют право замещать должности в организациях, если отдельные функции государственного управления данными организациями входили в должностные (служебные) обязанности государственного или муниципального служащего, только с согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных или муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов, которое дается в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации». Далее в тексте статьи 64.1 Трудового кодекса РФ не упоминается об управлении данной организацией. Однако данное обстоятельство, на наш взгляд, не должно влиять на круг субъектов, привлекаемых к административной ответственности за незаконное трудоустройство экс-чиновников, так как ст. 19.29 КоАП РФ содержит отсылочные нормы лишь к Федеральному закону от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Таким образом, исходя из представленных положений статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции», на работодателей возложена обязанность информировать по последнему месту службы о трудоустройстве государственного и муниципального служащего, ранее замещавшего должности с коррупционными рисками, исключительно в том случае, если ранее отдельные функции управления данной организацией входили в его должностные обязанности.

Генеральный прокурор Российской Федерации И.В. Краснов отметил: «Основная масса постановлений о привлечении к административной ответственности в данной сфере связана с незаконным трудоустройством бывших государственных или муниципальных служащих в коммерческие и иные организации после их увольнения со службы (ст. 19.29 КоАП РФ). Большинство нарушений выражается в несоблюдении новыми работодателями бывших государственных и муниципальных служащих порядка и сроков направления по прежнему месту работы уведомлений об их трудоустройстве» [5]. Ежегодно к административной ответственности за нарушение данной статьи привлекаются несколько тысяч работодателей.

Работодатель, привлекая к трудовой деятельности экс-чиновника, замещавшего должность с коррупционными рисками, несет административную ответственность по ст. 19.29 КоАП РФ за сам факт несообщения в десятидневный срок о заключении трудового или гражданско-правового договора. Обобщение обширной правоприменительной практики по ст. 19.29 КоАП РФ позволяет прийти к выводу о том, что большинство привлекаемых к ответственности работодателей не взаимодействовали с принимаемыми на работу экс-чиновниками в период их нахождения на должностях государственной (муниципальной) службы, следовательно, в большинстве случаев отсутствовали какие-либо связи между работодателем и бывшими государственными или муниципальными служащими. В данной ситуации, на наш взгляд, нет оснований говорить об угрозе возникновения коррупционных отношений. Говоря юридическим языком, отсутствует объект правонарушения, а значит, нет и состава коррупционного правонарушения.

С учетом указанных обстоятельств, сложно согласиться с позицией Верховного Суда РФ, согласно которой работодатель должен направлять сообщение о приеме на работу бывшего государственного или муниципального служащего «независимо от того, входили ли в должностные (служебные) обязанности бывшего государственного (муниципального) служащего функции государственного, муниципального (административного) управления организацией, заключившей с ним указанные договоры» [6]. Указанное Постановление Пленума Верховного Суда РФ, а также сложившаяся прокурорская и судебная практика, на наш взгляд, не соответствует ни «букве» частей 1, 4 и 5 статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции», ни «духу» антикоррупционного законодательства.

Думается, сложившаяся на основе позиции Верховного Суда РФ практика привлечения к административной ответственности за незаконное привлечение к трудовой деятельности экс-чиновников, позволяет должностным лицам прокуратуры готовить «красивые» отчеты о привлечении к административной ответственности за коррупционные правонарушения, лишь отвлекая органы прокуратуры от выполнения надзорных функций, в том числе за соблюдением антикоррупционного законодательства.

Литература и источники

1. «Концепция общественной безопасности в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685.

2. Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 – 2021 годы»
3. Методические материалы [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://rostrud.gov.ru/rostrud/protivodeystvie-korruptsii/metodicheskie-materialy/. – Загл. с экрана.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.01.2015 № 29 «Об утверждении Правил сообщения работодателем о заключении трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) с гражданином, замещавшим должности государственной и муниципальной службы, перечень которых устанавливается нормативными правовыми актами Российской Федерации».
5. «У нас должна быть обратная связь с людьми». – Интервью Генерального прокурора Игоря Краснова [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4483665. - Загл. с экрана.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 ноября 2017 г. N 46 г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судьями дел о привлечении к административной ответственности по статье 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

References and Sources

1. «Koncepciya obshchestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii» (utv. Prezidentom RF 14.11.2013 № Pr-2685.
2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 16.08.2021 № 478 «O Nacional'nom plane protivodejstviya korrupcii na 2021 – 2021 gody»
3. Metodicheskie materialy [Elektronnyj resurs]. // Rezhim dostupa: https://rostrud.gov.ru/rostrud/protivodeystvie-korruptsii/metodicheskie-materialy/. – Zagl. s ekrana.
4. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 21.01.2015 № 29 «Ob utverzhdenii Pravil soobshcheniya rabotodatelem o zaklyuchenii trudovogo ili grazhdansko-pravovogo dogovora na vypolnenie rabot (okazanie uslug) s grazhdaninom, zameshchavshim dolzhnosti gosudarstvennoj i municipal'noj sluzhby, perechen' kotoryh ustanavlivaetsya normativnymi pravovymi aktami Rossijskoj Federacii».
5. «U nas dolzhna byt' obratnaya svyaz' s lyud'mi». – Interv'yu General'nogo prokurora Igorya Krasnova [Elektronnyj resurs]. // Rezhim dostupa: https://www.kommersant.ru/doc/4483665. - Zagl. s ekrana.
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28 noyabrya 2017 g. N 46 g. «O nekotoryh voprosah, voznikayushchih pri rassmotrenii sud'yami del o privlechenii k administrativnoj otvetstvennosti po stat'e 19.29 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah».

ИВАНОВА НАИЛЯ АХМЕТОВНА – кандидат социологических наук, доцент Волгоградского государственного университета (ivanova_na@volsu.ru).
АБЕЗИН ДЕНИС АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент Волгоградского института управления (abezin-da@ranepa.ru).
IVANOVA, NAILYA A. – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Volgograd State University (ivanova_na@volsu.ru).
ABEZIN, DENIS ALEXANDROVICH - Ph.D. in Law, Associate Professor of the Volgograd Institute of Management.

УДК 342.075 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-79-83

ЭФРИКЯН Р.А., ГОЛУБИХИНА Н.В., БЕСКОРОВАЙНАЯ Е.С. НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАЗРАБОТКЕ И УТВЕРЖДЕНИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

Ключевые слова: полномочия, местное самоуправление, карты, генеральный план, функциональные зоны, территориальные зоны.

В статье проведен анализ положений ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и Градостроительного кодекса РФ в части нормативного регулирования градостроительной документации муниципального образования и полномочий его органов и должностных лиц в данной сфере. Показано, что в городских и сельских поселениях, а также городских округах территориальное планирование основывается на институте генеральных планов развития муниципальных образований. Генеральный план города (а равно поселения) является основным юридическим градостроительным документом. Поскольку значительная часть информации в генеральном плане города строится на основе сведений, содержащихся в документах территориального планирования и субъектов Российской Федерации, авторы полагают, что принятие генерального плана города следует производить после утверждения соответствующих документов территориального планирования федерального и регионального уровней. В связи с этим требуется уточнить соотношение понятий территориальных и функциональных зон.

EFRIKYAN, R.A., GOLUBIKHINA, N.V., BESKOROVAYNAYA, E.S.
REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF THE POWERS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE DEVELOPMENT AND APPROVAL OF URBAN PLANNING DOCUMENTATION

Key words: powers, local self-government, maps, master plan, functional zones, territorial zones.

The article analyzes the provisions of the Federal Law "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" and the Urban Planning Code of the Russian Federation in terms of normative regulation of urban planning documentation of the municipality and the powers of its bodies and officials in this area. It is shown that in urban and rural settlements, as well as urban districts, territorial planning is based on the institution of master plans for the development of municipalities. The general plan of the city (as well as the settlement) is the main legal urban planning document. Since a significant part of the information in the general plan of the city is based on the information contained in the documents of territorial planning and the subjects of the Russian Federation, the authors believe that the adoption of the general plan of the city should be made after the approval of the relevant documents of territorial planning at the federal and regional levels. In this regard, it is necessary to clarify the relationship between the concepts of territorial and functional zones.

Градостроительная документация занимает достаточно важное место в нормативном правовом регулировании и осуществлении строительной деятельности на территории муниципального образования. Широкие полномочия органов местного самоуправления в

разработке и утверждении градостроительной документации и, соответственно, в правоприменительной деятельности муниципалитетов определены действующим законодательством. Именно органы местного самоуправления организуют разработку и утверждают изначальные, наиболее распространенные в градостроительной деятельности документы, а также иные градостроительные документы, необходимые для того, чтобы начать строительство капитальных объектов на территории муниципальных образований.

Состав градостроительной документации, в соответствии с действующим законодательством, является довольно сложным, и пока далеко не во всех муниципальных образованиях удается на практике выдерживать все требования законодательных норм, предъявляемые к этой документации. В порядке общей тенденции следует отметить также, что градостроительная документация актуальна практически для всех городских округов, для многих городских поселений, и менее актуальна для муниципальных районов и сельских поселений. Причины такого положения обусловлены, прежде всего, тем, что наибольшие объемы капитального строительства сосредотачиваются в городах. В сельских населенных пунктах строительство связано в основном с сооружением индивидуальных жилых домов, для которых градостроительная документация сравнительно проще и неплохо отработана на практике. В муниципальных районах градостроительная документация для межселенной территории разрабатывается лишь в тех районах, где имеется такая территория (это сравнительно небольшая часть России - в основном в Сибири и на Дальнем Востоке).

Что касается схемы территориального планирования муниципального района, то, с точки зрения собственно строительной деятельности, она большого практического значения не имеет (за исключением муниципальных районов с высокой плотностью населения - это в основном Московская область и прилегающая к Санкт-Петербургу часть Ленинградской области), поскольку, такого рода схемы применительно к сфере строительства должны трансформироваться в генеральные планы входящих в состав района городских и сельских поселений, и уже в этих генпланах находят отражение вопросы практического строительства. Не случайно на официальных интернет-сайтах муниципальных районов такие схемы, как правило, не размещаются по той простой причине, что они не разработаны. А не разрабатываются они, в свою очередь, по причине невостребованности и отсутствия необходимых ресурсов, хотя, безусловно, объективно такие схемы необходимы. Однако в силу причин разного рода (плохое финансирование, недостаток инвесторов, нехватка специалистов и др., из-за чего перспективы развития направлений районного масштаба зачастую отнюдь не оптимистические) пока в большинстве муниципальных районов схемы территориального планирования (своеобразные генпланы районов) не являются первоочередной задачей.

Согласно ст. 19 ГрадК РФ, схема территориального планирования муниципального района включает в себя карты (схемы) планируемого размещения объектов капитального строительства местного значения [1]. Схема территориального планирования муниципального района содержит положения о территориальном планировании и соответствующие карты (схемы).

В целях утверждения схемы территориального планирования муниципального района осуществляется подготовка соответствующих материалов по обоснованию ее проекта в текстовой форме и в виде карт (схем). На картах (схемах) в составе материалов по обоснованию проекта схемы территориального планирования муниципального района отображаются: 1) информация о состоянии соответствующей территории, о возможных направлениях ее развития и об ограничениях ее использования; 2) предложения по территориальному планированию. Информация, в свою очередь, отображается на следующих картах (схемах): 1) карты (схемы) использования территории муниципального района; 2) карты (схемы) ограничений, утверждаемые в составе схем территориального планирования Российской Федерации, схем территориального планирования субъектов Российской Федерации, генеральных планов поселений, в том числе карты (схемы) границ территорий объектов культурного наследия, карты (схемы) границ зон с особыми условиями использования территорий, карты (схемы) границ территорий, подверженных риску возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, карты (схемы) границ зон негативного воздействия объектов капитального строительства местного значения в случае размещения таких объектов; 3) карты (схемы) с отображением результатов анализа комплексного развития территории и размещения объектов капитального строительства

местного значения, в том числе с учетом результатов инженерных изысканий; 4) иные карты (схемы). Согласно ст. 20 ГрадК РФ [1] и ст. 15, 35 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], схема территориального планирования муниципального района, в том числе внесение изменений в такую схему, утверждаются представительным органом местного самоуправления муниципального района.

В соответствии с ч.7 ст.21 ГрадК РФ, в случае непоступления от указанных в частях 6-6.2 органов в установленный срок в орган местного самоуправления муниципального района заключений на проект схемы территориального планирования муниципального района такой проект считается согласованным с указанными органами. В случае поступления заключений с несогласием с проектом схемы территориального планирования муниципального района с обоснованием принятых решений, глава местной администрации муниципального района в течение пятнадцати дней со дня истечения установленного срока согласования такого проекта принимает решение о создании согласительной комиссии.

На основании документов и материалов, представленных согласительной комиссией, глава местной администрации муниципального района вправе принять решение о направлении согласованного или не согласованного в определенной части проекта схемы территориального планирования муниципального района в представительный орган местного самоуправления муниципального района или об отклонении проекта схемы территориального планирования муниципального района и о направлении его на доработку (ч.12 ст. 21 ГрадК РФ).

По нашему мнению, полномочия по вопросам такого рода должны быть не у главы администрации, а у главы муниципального образования (то есть у главы муниципального района). Помимо этого, мы полагаем, что нецелесообразно предоставлять право главе администрации отправлять проект на доработку, поскольку, во-первых, это может привести в неоправданному затягиванию в решении данного вопроса, и, во-вторых, нелогично, чтобы проект, разработанный специалистами, оценивало с принятием решения об отклонении должностное лицо, не являющееся специалистом. В данном случае целесообразно, чтобы проект после его обязательной публикации был внесен в представительный орган местного самоуправления, а уже тот после обсуждения (сначала на комитетах и комиссиях, а потом на пленарном заседании), в том числе с участием специалистов и заинтересованных физических и юридических лиц, может при необходимости принять решение о направлении проекта на доработку. В этом же контексте мы полагаем необходимым дополнить ч. 10 ст. 35 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» исключительным полномочием представительного органа муниципального района в виде утверждения схемы территориального планирования муниципального района.

Как отмечалось, создание схемы территориального планирования муниципального района – чрезвычайно сложное и дорогостоящее мероприятие, которые выполняются проектными институтами. Если учесть, что проектных институтов немного, а муниципальных районов – тысячи, в абсолютном большинстве которых, к тому же, бюджет дотационный, то становится ясным, что в обозримом будущем значительная часть муниципальных районов не будет иметь полноценных схем территориального планирования. В этой связи мы полагаем, что нужно ставить вопрос таким образом, чтобы финансирование данный проектных работ осуществлялось из федерального бюджета.

Организация территориального планирования сдерживается в техническом и организационном отношении, прежде всего, отсутствием качественных плановых материалов и недостатком средств. Последняя проблема наиболее актуальна для сельских поселений и муниципальных районов. К тому же большинство документов территориального планирования субъектов РФ, прошедшие процедуру согласования, не получили положительного заключения. В частности, допускаются ошибки в отображении на схеме существующих и планируемых границ федеральных земель, сформулированные цели и задачи территориального планирования не соответствуют законодательству РФ в сфере градостроительства, структура проектов схем не соответствует требованиям Градостроительного кодекса РФ, в графической части зачастую отсутствуют карты /схемы/, обязательные для разработки. Очевидно, что для недопущения такого рода недостатков, необходимо, помимо федерального финансирования, создание набора модульных, типовых схем территориального планирования – эту задачу целесообразно возложить

на органы государственной власти субъектов РФ – по аналогии с тем, как делаются разрабатываются модульные проекты уставов муниципальных образований и других муниципальных правовых актов [3, с.83].

Применительно к городским и сельским поселениям, а также к городским округам территориальное планирование основывается на институте генеральных планов развития муниципальных образований. Генеральный план города (а равно поселения – в дальнейшем, для удобства, это будет подразумеваться, за исключением соответствующих оговорок) является основным юридическим градостроительным документом, определяющим, в интересах населения и с учетом государственных задач, направления и границы территориального развития города на перспективу 25-30 лет, функциональное назначение и строительное зонирование территории, распределение земель по видам собственности, принципиальные решения по размещению объектов общегородского, общепоселкового назначения, транспортному обслуживанию, инженерному оборудованию и благоустройству, защите территории от опасных природных и техногенных процессов, охране природного и историко-культурного наследия, очередности освоения территории. Качество генпланов существенно влияет на состояние социально-экономического развития муниципального образования [4, 5].

На картах, содержащихся в генеральном плане города, должны отображаться (ч. 6 - 7 ст. 23 ГрадК РФ): границы города; границы земель сельскохозяйственного назначения; границы земель для обеспечения космической деятельности; границы земель обороны и безопасности; границы земель иного специального назначения; границы земель лесного фонда; границы земель водного фонда; границы земель особо охраняемых природных территорий федерального и регионального значения; существующие и планируемые границы земель промышленности, энергетики, транспорта, связи; границы функциональных зон с отображением параметров планируемого развития таких зон; границы территорий объектов культурного наследия; границы зон с особыми условиями использования территорий и т.д.

При этом значительная часть указанной информации должна воспроизводиться в генеральном плане города на основе сведений, содержащихся в документах территориального планирования Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (данные аспекты нами не рассматриваются). В связи с этим можно предположить, что принятие генерального плана города в том виде, который соответствует положениям ГрадК РФ, может производиться только после утверждения соответствующих документов территориального планирования федерального и регионального уровней [6, с. 29]. В основу системы территориального планирования положен принцип функционального деления территории. Функциональные зоны представляют собой зоны, для которых документами территориального планирования определены границы и функциональное назначение (п. 5 ч. 1 ст. 1 ГрадК РФ). Кроме понятия «функциональные зоны» законодательство оперирует понятием «территориальные зоны» (п. 7 ч. 1 ст. 1 ГрадК РФ), к которым относятся зоны, для которых в правилах землепользования и застройки определены границы и установлены градостроительные регламенты. При этом в ст. 35 ГрадК РФ дается характеристика видов и состава территориальных зон. Аналогичные положения закреплены в ст. 85 ЗК РФ. В муниципально-правовой литературе в этой связи особое внимание обращается на так называемые «красные линии» [7, с. 457], однако мы не считаем целесообразным углубляться в эти детали, которые носят скорее технический характер.

Однако функциональные зоны, которые упоминаются во многих статьях ГрадК РФ и которые важны для органов местного самоуправления для решения вопросов градостроительства, законодателем не определены. Мы полагаем, что это необходимо сделать, тем более, что в п. 2 ч. 1 ст. 34 ГрадК РФ предписывается при определении территориальных зон учитывать функциональные зоны и параметры их планируемого развития. В связи с этим требуется также уточнить соотношение понятий территориальных и функциональных зон.

Литература и источники

1.Федеральный закон № ФЗ-131 от 6 октября 2003 г. (в ред. 01. 07. 2021 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». М.: «Проспект», 2021.

2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 02.07.2021). М.: «Проспект», 2021.

3. Чермит А.Ю. Устав муниципального образования в системе регуляторов муниципально-правовых отношений. Дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.

4. Жуков Д.М. Управление краевым промышленным городом в современных условиях (на примере Воронежа). Дис. … канд. экон.наук. М., 1994.

5. Зайченко В.Л. Правовое регулирование материально-финансового обеспечения местного самоуправления в городе. Дис. … канд. юрид. наук. М., 1995.
6. Андрианов Н.А. Территориальное планирование как основа регулирования городской застройки // Правовые вопросы строительства. 2005. № 2.
7. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации. М.: «Проспект», 2013.

References and Sources

1. Federal'nyj zakon № FZ-131 ot 6 oktyabrya 2003 g. (v red. 01. 07. 2021 g.) «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii». M.: «Prospekt», 2021.
2. Gradostroitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 N 190-FZ (red. ot 02.07.2021). M.: «Prospekt», 2021.
3. Chermit A.Yu. Ustav municipal'nogo obrazovaniya v sisteme regulyatorov municipal'no-pravovyh otnoshenij. Dis. … kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2011.
4. Zhukov D.M. Upravlenie kraevym promyshlennym gorodom v sovremennyh usloviyah (na primere Voronezha). Dis. … kand. ekon.nauk. M., 1994.
5. Zajchenko V.L. Pravovoe regulirovanie material'no-finansovogo obespecheniya mestnogo samoupravleniya v gorode. Dis. … kand. yurid. nauk. M., 1995.
6. Andrianov N.A. Territorial'noe planirovanie kak osnova regulirovaniya gorodskoj zastrojki // Pravovye voprosy stroitel'stva. 2005. № 2.
7. Kutafin O.E., Fadeev V.I. Municipal'noe pravo Rossijskoj Federacii. M.: «Prospekt», 2013.

ЭФРИКЯН РУБЕН АЛЬБЕРТОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, кафедра конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России (kiap_krdu@mvd.ru).
ГОЛУБИХИНА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА – заместитель начальника кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук (kiap_krdu@mvd.ru).
БЕСКОРОВАЙНАЯ ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА – старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России (kiap_krdu@mvd.ru).
EFRIKYAN, RUBEN A. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (kiap_krdu@mvd.ru).
GOLUBIKHINA, NATALIA V. – Ph.D. in Law, Deputy head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs (kiap_krdu@mvd.ru).
BESKOROVAYNAYA, ELENA S. – Senior Lecturer of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs (kiap_krdu@mvd.ru).

УДК 342.9 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-83-88

ЭФРИКЯН Р.А., ВЛАСЕНКО Е.Е.
ПАССАЖИРСКИЙ ТРАНСПОРТ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Ключевые слова: полномочия, органы местного самоуправления, муниципальное образование, транспортная инфраструктура, транспортное средство, вопросы местного значения.

В статье авторы подвергают анализу вопросы транспортного обеспечения жителей муниципального образования, а также раскрывают некоторые виды полномочий органов местного самоуправления, указывают на целый ряд проблем в исследуемой сфере. Отмечается, что, в соответствие со ст. 14-16 ФЗ 2003 г., органы местного самоуправления обязаны организовывать пассажирские перевозки населения. Однако реализация данной обязанности в сегодняшних реалиях осуществляется с большими сложностями, прежде всего связанными с дефицитными бюджетами подавляющего большинства муниципалитетов. В данной связи практически во всех регионах и крупных российских городах транспортный рынок представлен организациями различных форм собственности. Действующее законодательство достаточно четко разграничивает различные виды собственности, и вопросов по принадлежности объектов транспортной инфраструктуры к тому или иному субъекту собственности обычно не возникает. Учитывая «чрезмерные, вплоть до прямой противоположности», отличия подходов к организации пассажирского транспорта в российских городах, авторы полагают, что нет никакой необходимости законодательно определять круг собственников транспортной инфраструктуры.

EFRIKYAN, R.A., VLASENKO, E.E.
PUBLIC PASSENGER TRANSPORT IN THE MUNICIPAL INFRASTRUCTURE SYSTEM

Key words: powers, local self-government authorities, municipality, transport infrastructure, vehicle, local issues.

In the article, the authors analyze the issues of transport provision for residents of the municipality, and also reveal some types of powers of local self-government authorities, point to a number of problems in the area under study. It is noted that, in accordance with Art. 14-16 FZ 2003, local self-governments are obliged to organize passenger transportation of the population. However, the implementation of this obligation in today's reality is carried out with great difficulties, primarily associated with the deficit budgets of the overwhelming majority of municipalities. In this regard, in almost all regions and large Russian cities, the transport market is represented by organizations of various forms of ownership. The current legislation quite clearly distinguishes between different types of property, and questions about the belonging of transport infrastructure objects to a particular subject of ownership usually do not arise. Considering the "excessive, up to the direct opposite", differences in approaches to the organization of passenger transport in Russian cities, the authors believe that there is no need to legally determine the circle of owners of transport infrastructure.

Транспорт уже давно является непременным социально-экономическим атрибутом жизнедеятельности человеческого сообщества. Как отмечал в свое время Карл Маркс, «революция в процессе производства промышленности и земледелия сделала необходимой революцию в общих условиях общественного процесса производства, то есть в средствах связи и транспорта …

связь и транспорт были постепенно приспособлены к способу производства крупной промышленности посредством системы речных пароходов, железных дорог, океанских пароходов и телеграфов» [1, с. 395]. При этом, конечно же, речь идет прежде всего о городах, поскольку в соответствующих муниципальных образованиях (городских округах и городских поселениях) концентрируется основная часть населения - в целом по России на территории городов проживает три четверти российских жителей [2, с. 58-60].

Пассажирский транспорт общего пользования занимает существенное место в системе муниципальной инфраструктуры, причем роль этого фактора для жизнеобеспечения муниципальных образований настолько значима, что в системе муниципальной инфраструктуры большинство исследователей транспортных проблем выделяют самостоятельную транспортную инфраструктуру.

Вместе с тем в литературе встречается различное понимание транспортной инфраструктуры. Так, имеется распространенное мнение, согласно которому под транспортной инфраструктурой полагают только сеть путей сообщения. Разумеется, пути сообщения представляют важнейшую составляющую транспортной инфраструктуры, однако сводить ее лишь к этому вряд ли правильно, поскольку неотъемлемой частью транспортной инфраструктуры являются техническая часть, а также управленческая часть. По мнению О.В. Буреш и И.В. Кондраткова, синонимом термина транспортная инфраструктура является такое понятие, как транспортный комплекс [3, с. 249-250]. Соответственно, как считают эти авторы, в объекты транспортной инфраструктуры следует включать трамвайные пути, контактные линии, автомобильные дороги, мосты, вокзалы, тоннели, эстакады, железнодорожные и автобусные станции, объекты систем связи, метрополитены, навигации и управления движением транспортных средств и другие обеспечивающие функционирование ГПТ здания, сооружения, различные устройства и оборудование, а также сами транспортные средства. При этом к транспортным средствам относятся собственно транспортный подвижной состав (к этому составу, используемому в муниципальных образованиях, относятся прежде всего автобусы, трамваи и троллейбусы; в ряде крупных городов России имеется метрополитен, в некоторых муниципальных образованиях используется также водный транспорт и железнодорожный транспорт).

Исследователи транспортных проблем выделяют также понятие инфраструктуры пассажирских перевозок, что несколько шире, чем понятие транспортной инфраструктуры. А.А. Новик, обобщив попытки исследователей, предложил свое определение транспортной инфраструктуры как совокупности маршрутов общественного пассажирского транспорта, ограниченной территориальными границами муниципального образования и необходимой для пассажирских перевозок транспортом общего пользования [4, с. 57]. Однако в этом определении, как представляется, не ясно, что включается, в свою очередь, в понятие маршрутов общественного пассажирского транспорта, и поэтому вряд ли правильно транспортную инфраструктуру отождествлять с маршрутной сетью.

Указанные и подобные им подходы находят отражение в экономической литературе, поскольку данное понятие имеет прежде всего экономическое смысловое наполнение. Не удивительно в этой связи, что до настоящего времени день нет четкого законодательного толкования понятия транспортной инфраструктуры. А А.В. Петрова указывает, что в правовых нормах «не закреплено и то, кому принадлежит транспортная инфраструктура и кто отвечает за её содержание» [5, с. 130-131]. Однако с такой позицией мы не можем полностью согласиться.

Во-первых, хотя в законодательстве действительно не определено понятие транспортной инфраструктуры, несмотря на достаточно активное использование данного термина в законодательстве, тем не менее раскрывается путем нормативно-правовое закрепления понятие *объектов* транспортной инфраструктуры – это было сделано в 2007 г. с принятием федерального Устава автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта [6], где в п. 10 ч. 1 ст. 2 указывается, что объекты транспортной инфраструктуры – это сооружения, производственно-технологические комплексы, которые предназначены для обслуживания пассажиров, грузоотправителей, фрахтователей, грузополучателей, перевозчиков и фрахтовщиков, а также для обеспечения работы транспортных средств. Как видно, транспортные средства не включаются в состав транспортной инфраструктуры. Такой подход законодателя находит подтверждение и в других нормативно-правовых актах, в частности, в УК РФ [7] само

название введенной в 2010 г. ст. 263.1 («Неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах») весьма показательно.

Во-вторых, действующее законодательство, на наш взгляд, достаточно четко разграничивает различные виды собственности. И вопросов по принадлежности объектов транспортной инфраструктуры к тому или иному субъекту собственности обычно не возникает. Применительно к теме нашего исследования основная часть транспортной инфраструктуры является муниципальной собственностью. А учитывая «чрезмерные, вплоть до прямой противоположности», отличия подходов к организации ГПТ в российских городах, нет никакой необходимости законодательно определять собственников транспортной инфраструктуры. Например, автовокзалы по своей организационно-правовой форме могут быть как структурным подразделением перевозчика, так и самостоятельным юридическим лицом, то есть собственниками автовокзалов могут быть муниципальные образования, субъекты Российской федерации или хозяйствующие субъекты.

Так или иначе транспортная инфраструктура является важнейшим элементом управления ГПТ, поскольку на её основе муниципальные власти определяют, формируют и распределяют маршруты между перевозчиками. Наличие таких обстоятельствах требует более конкретные характеристики городской транспортной инфраструктуры и в целом транспортного комплекса муниципального образования и его места в муниципальной инфраструктуре.

Соответственно, мы полагаем, что целесообразно выделять понятие транспортного комплекса муниципального образования, в который входят как транспортные средства, так и объекты транспортной инфраструктуры. При этом транспортный комплекс является неотъемлемой частью муниципальной инфраструктуры, необходимой для нормальной жизнедеятельности проживающих на территории муниципального образования жителей (наряду с жилищно-коммунальным комплексом, системой здравоохранение, образования и т.д.).

Далее необходимо уточнить понятие пассажирского транспорта применительно к масштабу муниципальных образований, учитывая, что в федеральном законодательстве (в отличие от регионального законодательства) оно также не раскрывается. В правовой литературе можно встретить несколько определений пассажирского транспорта, в частности, пассажирский транспорт определяется как вид транспорта, выполняющий регулярные перевозки пассажиров по установленным на длительный период времени маршрутам, которые известны населению [8, с. 5].

Следует согласиться также с тем, что основной целью функционирования пассажирского транспорта являются перевозки жителей с минимальными затратами времени и по приемлемой цене на поездку. Вместе с тем в указанных определениях отсутствует указание на то, кто является субъектом организации пассажирского транспорта и кому он может принадлежать с точки зрения отношений собственности, а также не обозначается характер системы. Лишним является и упоминание об устойчивости системы, поскольку «регулярность» пассажирских перевозок предполагает этот признак. Равным образом это касается минимальных затрат времени на одну поездку. Мы полагаем также самим собой разумеющимся, что маршруты движения транспорта известны населению, поскольку транспорт и предназначен для перевозки населения, и предположить, что в городе работает транспорт общего пользования, о котором не знает население, просто невозможно. Что касается «приемлемой цены» за поездку, что данный фактор, как нам представляется, нецелесообразно вообще включать в определение пассажирского транспорта, поскольку неприемлемой цена не может быть.

Применительно к муниципальному образованию, таким образом, можно определить, что пассажирский транспорт муниципального образования – это функционирующая на территории муниципального образовании под управлением органов местного самоуправления организационно-техническая система, в которой посредством транспортного комплекса осуществляются пассажирские перевозки населения по установленным регулярным маршрутам с использованием транспортных средств различных форм собственности.

Здесь же необходимо сделать оговорку по поводу часто встречающегося в литературе термина «муниципальный транспорт». Дело в том, что этот термин может толковаться двояко: и как транспорт, а точнее, в данном контексте, транспортные средства, находящиеся только в муниципальной собственности, и как транспортные средства, функционирующие на территории

муниципального образования, независимо от форм собственности. На наш взгляд, с правовой точки зрения использование термина «муниципальный транспорт», с учетом предложенных нами дефиниций, представляется нецелесообразным. И еще об одном соотношении терминов следует сказать, а именно о термине «пассажирский транспорт муниципального образования» и «городской пассажирский транспорт (ГПТ)». Первое понятие, разумеется, имеет более широкое толкование, поскольку включает в себя пассажирский транспорт как в городских и сельских поселениях, так и в муниципальных районах и внутригородских территориях городов федерального значения. Однако в практике наибольшие проблемы в сфере транспорта возникают в городских округах и других городских поселениях, где проживает, как мы отмечали, три четверти всего населения России. В этой связи в данной работе рассматриваются в основном проблемы ГПТ, и поэтому указанные термины, если нет оговорок, считаются взаимозаменяемыми.

Говоря о тенденциях развития пассажирского транспорта в муниципальных образованиях, следует заметить, что с расширением городов происходит увеличение транспортной активности населения, что усиливает нагрузки на ГПТ, поскольку ГПТ имеет важную социальную роль, удовлетворяя потребность населения в перевозках. Однако состояние организации пассажирских перевозок в муниципальных образованиях по регулярным маршрутам еще далеко от оптимального, что, как следствие, ведет к низкому качеству перевозок, и прежде всего нужно назвать пониженную безопасность участников дорожного движения, напряженность в среде перевозчиков в их конкуренции за право перевозить пассажиров, равно как между местными администрациями муниципальных образований и перевозчиками [9, с.51-55].

Однако реальность во многих муниципальных образованиях такова, что перевозчиками являются зачастую индивидуальные предприниматели, что имеет место и в крупных городах. Суть проблемы в данном контексте заключается в том, что далеко не везде органами местного самоуправления создаются необходимые условия для развития транспортного бизнеса, и в такой обстановке индивидуальные предприниматели пользуются конкурентными преимуществами прежде всего с точки зрения некоторых упрощений, предусмотренных для данной формы предпринимательской деятельности. Исключение составляют трамвайные и троллейбусные перевозки, которые характеризуются существенными затратами на приобретение и эксплуатацию данного подвижного состава и крайне редко осуществляются частными предприятиями (нам не удалось встретить в процессе исследования ни одного такого случая, и все такого рода транспортные предприятия, которые попадали в исследовательское поле, имеют статус муниципальных унитарных предприятий). В целом же практически во всех регионах и крупных российских городах транспортный рынок представлен организациями различных форм собственности. Такое положение, как отмечает А.В. Петрова, существенно осложняет процесс управления транспортными потоками в муниципальных образованиях, приводит к возникновению конфликтов интересов, нередко недобросовестной конкуренции [5, с.135]. Однако такая оценка представляется однобокой.

Из данного мнения А.В. Петровой следует, что в муниципальных образованиях не должно быть перевозчиков, имеющих различную организационно-правовую форму, и должна быть, по сути, некая монополия, управляемая органами местного самоуправления. С таким подходом, отвергающим разнообразие форм собственности на рынке транспортных услуг, мы не можем согласиться. Дело в том, что, как мы отмечали, Россия уже более двух десятилетий развивается в рамках рыночной капиталистической экономики, это объективная реальность, которую невозможно игнорировать. Далее, что не менее важно, местные бюджеты муниципальных организаций в современных экономических условиях не в состоянии финансировать в достаточно мере транспортную отрасль. Так, Комитет по вопросам местного самоуправления Государственной Думы ФС РФ в своем заключении по очередному законопроекту о внесении изменений в ЖК РФ и ФЗ 2003 г. отмечает, что «в условиях дотационности подавляющего большинства местных бюджетов бремя расходных обязательств муниципальных образований существенно возрастает. При этом муниципалитеты не получают реальной возможности исполнять возложенные на них обязанности, что вызовет нежелательное социальное напряжение». В таких условиях, напротив, нужно активнее использовать потенциал частных перевозчиков.

Другое дело, что, конечно, необходимо при этом находить такой баланс, который позволял бы органам местного самоуправления, с одной стороны, реализовать вопросы местного значения,

связанные с обеспечением населения транспортными услугами, и, с другой стороны, давал возможность перевозчикам иметь определенную прибыль, без которой транспортный бизнес невозможен.

Такая ситуация имеет место, в частности, в Хабаровске, где, по сведениям Е.В. Черненко-Фроловой, исследовавшей данную проблему в этом городе, несмотря на усилия органов местного самоуправления, в деятельности ГПТ в последние годы сформировались следующие негативные тенденции, имеющие устойчивый характер: снижение качества в целом транспортного обслуживания жителей города населения при росте его подвижности; уменьшение провозных возможностей городского транспорта, не компенсируемое имеющимся ростом использования малых автобусов в частных организациях и увеличением автомобилизации населения; прогрессирующий физический износ и моральное старение транспортных средств, что влечет резко увеличивающее затраты на их эксплуатацию и снижение уровня безопасность перевозок; снижение уровня эффективности муниципальных предприятий в сфере транспортного обслуживания; увеличение бюджетных расходов, направляемых на обеспечение ГПТ при неполной компенсации затрат по перевозке пассажиров-льготников; неупорядоченность условий, определенных для допуска на рынок в сфере транспортного обслуживания населения предприятий разных форм собственности и индивидуальных предпринимателей; низкий уровень пропускной способности улично-дорожной сети [10, с.136-137]. Если такого рода тенденции будут продолжены, то с неизбежностью могут следующие серьезные проблемы: общество столкнется с неустойчивостью и снижением безопасности ГПТ; экономическое развитие на территории муниципального образования будет сдерживаться ввиду необеспечения требуемой мобильности трудовых ресурсов; будет ускоряться процесс замены услуг ГПТ использованием личных транспортных средств, что обострит экологические проблемы, увеличит потери от дорожно-транспортных происшествий; ухудшится положение льготных категорий пассажиров [10, с.140-141].

Собственно, в литературе уже имеются публикации, где транспортные проблемы муниципальных образований обобщаются, и при этом в последние семь-восемь лет выявляются практически одни и те же проблемы.

Так, М.С. Турпищева и Н.А. Селюкова отмечают, что современное состояние ГПТ в муниципальных образованиях характеризуется рядом крайне неблагоприятных факторов: перегруженность улиц, частые дорожные «пробки», вызванные увеличением численности личных транспортных средств, рост количества ДТП, ухудшение экологии и др. Во многом это обусловлено тем, что в течение длительного времени в развитии ГПТ в качестве расчетного брался уровень автомобилизации городов исходя из 60 автомобилей на одну тысячу жителей, на основе чего и была по сути создана прочти вся транспортная инфраструктура, равно как и система управления пассажирским транспортом [11, с.30-31]. Однако темпы автомобилизации российских городов настолько стремительны, что требуют пересмотра всей стратегии развития ГПТ. При этом механическое расширение улично-дорожной сети (увеличение проезжей части магистральных улиц, достижение более высокой пропускной способности пересечений) недостаточно для радикального решения проблемы ГПТ – достаточно указать только на то, что для удовлетворения спроса горожан на передвижение на личном автомобиле при нынешнем уровне автомобилизации необходимо увеличение пропускной способности всей совокупной улично-дорожной сети не менее чем в пять раз. Поэтому, если иметь в виду длительную перспективу, то коренного улучшения невозможно достичь без осуществления мер градостроительного характера, а именно строительства мостов, дорожных развязок, прокладкой новых магистралей. Разумеется, осуществление таких проектов требует значительных финансовых вложений, и их масштаб выходит за рамки возможностей не только местных бюджетов, но и, нередко, региональных бюджетов (ниже, при исследовании транспортных муниципальных унитарных предприятий мы покажем, что их функционирование также нуждается в дополнительном, и основательном, финансировании из федерального и регионального бюджетов).

А пока обозначим свою позицию, суть которой заключается в том, что как показывает практика, выбираются различные пути, исходя из совершенно конкретных условий в конкретном муниципальном образовании с учетом транспортной политики на федеральном и региональном уровнях. Более того, и выбранные пути со временем корректируются, то есть говорить о

стабильности развития ГПТ в методологическом плане пока не приходится. Очевидным является лишь то, что доля транспорта общего пользования с использованием различных организационно-правовых форм собственности не должна снижаться.

Таким образом, можно констатировать, что пассажирский транспорт общего пользования занимает важнейшее место в муниципальной инфраструктуре, поскольку направлен на удовлетворение как экономических, так и социально-потребительских интересов жителей муниципальных образований. В соответствии со ст. 14-16 ФЗ 2003 г., органы местного самоуправления обязаны организовывать пассажирские перевозки населения, и реализация данной обязанности в сегодняшних реалиях осуществляется с большими сложностями, прежде всего связанными с дефицитными бюджетами подавляющего большинства муниципалитетов. Как правило, транспортные комплексы муниципальных образований состоят из устаревших технических средств и транспортной инфраструктуры.

Литература и источники

1. Маркс К. Капитал // Соч. Т. 23. М., 1966.
2. Таболин В.В. Правовые проблемы урбанизации и городское право России // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 6.
3. Буреш О.В., Кондратков И.В. Тенденции и основные направления развития транспортной инфраструктуры Оренбургской области // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 10.
4. Новик А.А. Проблемные вопросы законодательства, регулирующего пассажирские перевозки автомобильным транспортом // Транспортное право. 2005. № 1.
5. Петрова А.В. Транспортная инфраструктура как элемент управления городскими пассажирскими перевозками // Вестник БИСТ. 2009. № 2.
6. Федеральный закон от 08.11.2007 N 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // Справочно-правовая система «Консультант +» (дата обращения – 30.09. 2021 г.).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант +» (дата обращения – 25. 09. 2021 г.).
8. Мальчикова А.Г. Организация логистических потоков в системе городских пассажирских перевозок: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2000.
9. Якунин Н.Н., Якунина Н.В. Концептуальные положения транспортного обслуживания населения автомобильным транспортом по маршрутам регулярных перевозок // Российская наука. 2012. № 10.
10. Черненко-Фролова Е.В. Концепция развития городского пассажирского транспорта г. Хабаровска // Ученые записки Тихоокеанского государственного университета. 2012. Т. 3. № 1. С. 136-141.
11. Турпищева М.С., Селюкова Н.А. Проблемы управления автомобильными пассажирскими перевозками // Вестник Астраханского государственного технологического университета. 2010. № 1.

References and Sources

1. Marks K. Kapital // Soch. T. 23. M., 1966.
2. Tabolin V.V. Pravovye problemy urbanizacii i gorodskoe pravo Rossii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2011. № 6.
3. Buresh O.V., Kondratkov I.V. Tendencii i osnovnye napravleniya razvitiya transportnoj infrastruktury Orenburgskoj oblasti // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 10.
4. Novik A.A. Problemnye voprosy zakonodatel'stva, reguliruyushchego passazhirskie perevozki avtomobil'nym transportom // Transportnoe pravo. 2005. № 1.
5. Petrova A.V. Transportnaya infrastruktura kak element upravleniya gorodskimi passazhirskimi perevozkami // Vestnik BIST. 2009. № 2.
6. Federal'nyj zakon ot 08.11.2007 N 259-FZ «Ustav avtomobil'nogo transporta i gorodskogo nazemnogo elektricheskogo transporta» // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant +» (data obrashcheniya – 30.09. 2021 g.).
7. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tant +» (data obrashcheniya – 25. 09. 2021 g.).
8. Mal'chikova A.G. Organizaciya logisticheskih potokov v sisteme gorodskih passazhirskih perevozok: Avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. SPb., 2000.
9. Yakunin N.N., Yakunina N.V. Konceptual'nye polozheniya transportnogo obsluzhivaniya naseleniya avtomobil'nym transportom po marshrutam regulyarnyh perevozok // Rossijskaya nauka. 2012. № 10.
10. Chernenko-Frolova E.V. Koncepciya razvitiya gorodskogo passazhirskogo transporta g. Habarovska // Uchenye zapiski Tihookeanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. T. 3. № 1. S. 136-141.
11. Turpishcheva M.S., Selyukova N.A. Problemy upravleniya avtomobil'nymi passazhirskimi perevozkami // Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2010. № 1.

ЭФРИКЯН РУБЕН АЛЬБЕРТОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, кафедра конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России (kiap_krdu@mvd.ru).
ВЛАСЕНКО ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА - кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России (kiap_krdu@mvd.ru).
EFRIKYAN, RUBEN A. - PhD in Law, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (kiap_krdu@mvd.ru).
VLASENKO, ELENA E. - PhD in Law, Senior Lecturer, Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Krasnodar State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (kiap_krdu@mvd.ru).

УДК 343.221.5 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-89-92

ШАХКЕЛДОВ Ф.Г.

СТАТЬЯ УК «ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ»: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Ключевые слова: вор в законе, положенец, смотрящий, время и место совершения преступления, доказательства, организованная группа, засекреченные свидетели, статус лица.

В статье идет речь о новой статье УК «занятие высшего положения в преступной иерархии», которая ставит перед правоприменителями много трудно разрешенных вопросов и вызывает много споров в профессиональном сообществе. Проводится тщательный анализ всех признаков состава преступления, предусмотренного ст. 220.1 УК РФ, отмечается размытость и неопределенность юридического понятия «высшее положение в преступной иерархии», освещаются основные проблемы применения данной статьи. Автор акцентирует внимание на том, что в круг проблем по данному составу, с которыми сталкиваются адвокаты, входят: отсутствие четко определенного предмета доказывания; подавляющее число засекреченных свидетелей; уникальность и специфичность экспертов, привлекаемых к участию в деле. По его мнению, проблемы, связанные с отсутствием в России надлежащей нормативной базы, которая бы точно регламентировала рассмотрение вопросов иерархичности преступной среды, «статусности» высших лиц криминала, не дают возможности участникам уголовного судопроизводства достичь единообразия в применении ст. 210.1 УК.

SHAKHKELDOV, F.G.

ARTICLE OF THE CRIMINAL CODE "OCCUPATION OF THE HIGHEST POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY": PROBLEMS OF APPLICATION

Key words: thief in law, proprietor, beholder, time and place of the crime, evidence, organized group, classified witnesses, person status.

The article deals with a new article of the Criminal Code "Occupation of the highest position in the criminal hierarchy", which causes a lot of controversy and unresolved issues before law enforcement officers. A thorough analysis of all signs of corpus delicti under Art. 220.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the vagueness and uncertainty of the legal concept as the highest position in the criminal hierarchy and the problems of applying this article. The author focuses on the fact that the range of problems in this composition, which lawyers face, include: the absence of a clearly defined subject of proof; the overwhelming number of classified witnesses; the uniqueness and specificity of the experts involved in the case. In his opinion, the problems associated with the lack of an appropriate regulatory framework in Russia, which would precisely regulate the consideration of the issues of the hierarchy of the criminal environment, the "status" of the highest figures of crime, do not allow the participants in criminal proceedings to achieve uniformity in the application of Art. 210.1 of the Criminal Code.

В апреле 2019 г. УК РФ пополнился новой статьей 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии» [1]. Новая статья вызвала широкий резонанс, как у практикующих работников, так и в научной среде, поставила много неразрешенных вопросов перед правоприменителями. За занятие высшего положение в преступной иерархии уголовная ответственность наступает не за совершение действий (бездействие), а именно за занимаемое положение лица в преступной иерархии, а именно за то, что некое лицо на воровской сходке короновано как «вор в законе».

По многим уголовным делам адвокаты сталкиваются с большими проблемами по защите лиц от необоснованного обвинения по ст. 210.1 УК. Процессуальная беспомощность следователей и прокуроров при толковании исследуемой статьи, размытость и неопределенность юридического понятия «высшее положение в преступной иерархии», стремление подменять доказательства, добытые с соблюдением норм УПК, результатами оперативно-розыскной деятельности, отсутствие единой судебной практики приводят к необоснованным обвинениям.

Несмотря на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. N12 [2], в котором определены признаки высшего положения в преступной иерархии, сотрудникам следственных подразделений сложно доказывать, как создание, так и руководство организованными преступными сообществами, а также высшее положение ее руководителя в преступной иерархии. В итоге, обвиняемые могут бессрочно содержаться в следственных изоляторах с систематическим нарушением их прав и законных интересов. Кроме того, весьма спорно, что все так называемые «воры в законе» являются преступниками, так как не установлено и не доказано совершили они какое-либо преступление или нет. Тем более, что среди которых могут быть лица, отошедшие от преступных дел.

Согласно толковому словарю Ожегова, иерархия (книжн.) – порядок подчинения низших (чинов, должностей) высшим; вообще расположение от низшего к высшему или от высшего к низшему [3]. Иерархия имеет место в государственной и муниципальной власти, правоохранительных и других органах. При определенных случаях, в случае нарушения законности организованной группой или преступным сообществом в этих структурах также может сформироваться преступная иерархия.

В круг проблем, с которыми сталкиваются адвокаты, входят: отсутствие четко определенного предмета доказывания; подавляющее число засекреченных свидетелей; уникальность и специфичность экспертов, привлекаемых к участию в деле.

Проблемы, связанные с отсутствием в России надлежащей нормативной базы, которая бы точно регламентировала рассмотрение вопросов иерархичности преступной среды, «статусности» высших лиц криминала, не дают возможности участникам уголовного судопроизводства достичь единообразия в применении ст. 210.1 УК. Что мешало российскому законодателю, по аналогии с грузинским или украинским, прописать понятия «вор в законе», «положенец» и «смотрящий» в УК или в отдельном федеральном законе, сославшись на него в тексте соответствующей статьи?

Отправной точкой защиты от обвинения по ст. 201.1 УК является установление момента окончания данного преступления. Согласно ч. 2 ст. 9 УК РФ, временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий.

Объективная сторона преступления выражается в действиях – приобретение статуса лица, находящегося на верхней ступени организованной группы или преступного сообщества («вор в законе», «смотрящий», «держатель общака» и т.п.). Преступление окончено с момента коллективного признания преступными «авторитетами» соответствующего статуса данного лица.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Субъект преступления специальный – лицо, достигшее 16 лет и занимающее высшее положение в преступной иерархии.

Данное преступление с объективной стороны является формальным, то есть оно будет считаться оконченным в момент занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Для квалификации данного деяния не имеют значения последствия.

Однако, подчеркнем еще раз – статус лица, находящегося на верхней ступени организованной группы или преступного сообщества («вор в законе», «смотрящий», «держатель общака» и т.п.) не предусмотрен законом и не регулируется нормами права.

Приобретение статуса лица, находящегося на верхней ступени организованной группы или преступного сообщества («вор в законе», «держатель общака» и т.п.) обычно происходит на воровской сходке, при этом «вор в законе» сам назначает «смотрящих». Все эти понятия не урегулированы в УК или в отдельном федеральном законе.

Если приобретение лицом такого статуса законодателем не оговорено в законе, то непонятно как можно нести уголовную ответственность за приобретение статуса лица, находящегося на верхней ступени организованной группы или преступного сообщества.

При расследовании уголовного дела следователь должен доказать наличие преступной иерархии и принадлежность определенного лица к верхней ступени организованной группы или преступного сообщества. При установлении этих признаков необходимо привлечь к уголовной ответственности данное лицо и других соучастников не только по ст. 220.1 УК, но и по другим статьям уголовного кодекса. Но доказательств того, что лицо является «вором в законе», совершило или организовало преступление, чаще всего нет.

Как правоохранители идентифицируют статус «вора в законе»? «Вором в законе» может считаться лишь человек, имеющий судимости, достаточный авторитет в преступной среде, в отношении которого выполнена формальная процедура так называемого «коронования», однако в последнее время стали известны случаи получения этого титула людьми, не отбывавшими наказания, в том числе за деньги (таких воров называют «апельсинами»).

Доказать обладание статусом «вора в законе» можно тремя способами, которые носят субъективный и оценочный характер, не позволяющий их законно использовать в качестве реальных доказательств по уголовному делу:

1. Лицо, обвиняемое в таком преступлении, как наличие у него титула «вора в законе», – в протоколе допроса само и добровольно указывает на свой воровской статус, что является абсурдом. Ни один здравомыслящий человек не станет утверждать, что он «вор в законе», тем более под протокол следователя. При задержании на вопрос о принадлежности к «ворам в законе» отвечают однозначным отрицанием. Теперь в воровской среде не считается нарушением отрицание своей принадлежности к «ворам в законе» в правоохранительных органах.

2. Свидетельские показания (в основном оперов и подельников обвиняемого). Рядовые члены преступного сообщества, проходя по каким-то уголовным делам, в обмен на смягчение

приговора по уголовному делу будут указывать на своих главарей – высшее звено воровской иерархии, на воров в законе.

3. Прямыми или косвенными доказательствами, подтверждающими принадлежность к воровской элите, к ворам в законе могут являться документы, например, удостоверение вора в законе, иные письменные доказательства, доказательства, полученные посредством анализа использования средств электронной связи, интернета, смс-ки, @-письма, чаты, наколки, тюремная переписка (малявы), фото и видео архивы.

Однако при этом совершенно непонятно, о какой верхней ступени организованной группы или преступного сообщества может идти речь, и с какого времени необходимо считать время совершения данного преступления.

Статья 220 УПК РФ обязывает прокурора при проверке полноты и обоснованности сформулированного обвинения, изложенного в обвинительном заключении, определять наличие в фабуле таких факультативных признаков преступления, как место, время и способ совершения преступления.

Если законодатель связывает время совершения данного преступления исключительно с моментом занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, то привлекать лиц к уголовной ответственности возможно только с 12.04.2019 (дата вступления в силу поправок в УК РФ). Данное преступление является длящимся.

Невозможность определить место совершения преступления нарушает гарантированный Конституцией РФ принцип рассмотрения дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых отнесено законом. Ни следователь, ни прокурор не могут определить, когда появились все четыре признака состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ (объект, объективная сторона, субъективная сторона, субъект), на протяжении какого времени оно длилось, кем и когда оно было пресечено.

Кроме того, по объективной стороне преступления статусом лица, находящегося на верхней ступени организованной группы обладают не только лица, входящие в состав преступного сообщества, но и организованные группы чиновников, в которых также распределены все роли, и имеются свои лидеры группы. Законодатель ничего не говорит об этой группе людей, и до настоящего времени нет ни одного обвинительного приговора в отношении лидеров коррупционеров-чиновников, находящихся на верхней ступени организованной группы. Сейчас воры от закона нередко заседают во власти, правительстве, воруют миллиардами из бюджета и пишут законы, по которым жить всем россиянам. Такие же факты наличия организованных преступных групп имеют место и в правоохранительных органах.

Вертикаль власти коррумпирована сверху-донизу. В восприятии граждан и экспертов уровень коррупции, несмотря на усилия властей, законодателей и общества по его снижению, продолжает только увеличиваться. Размеры взяток неотвратимо растут, чувствуется полное отсутствие страха, вседозволенность, безнаказанность и беспредел. «Системная» коррупция разрушает «принцип справедливости». Коррупция и организованная преступность, которая в 1990-е годы была «классической», теперь все больше приобретает «системный» характер [4].

Способ совершения преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, – это совокупность действий, направленных на вхождение в преступную иерархию, установление наличия высшего положения, занятие и удержание такового. Объективной стороной преступления являются: во-первых, активные действия самого лица, привлекаемого к ответственности, во-вторых, действия иных лиц, которые создают условия для существования данного сообщества, детерминируют правила и негласные законы, допускают искомое лицо к занятию высшего положения.

Средствами доказывания являются показания лиц, допрашиваемых в качестве свидетелей, о наличии процедуры возведения человека в статус высшего положения в преступной иерархии с описанием всех необходимых деталей: последовательности действий участников, их времени и месте, легитимности принимаемого решения, объема властных полномочий. Иными словами, те, кто короновал «вора в законе», должны прямо и недвусмысленно показать об этом в суде, что также является абсурдом.

Детализацией способа занятия лицом высшего положения в преступной иерархии является также указание на принесенную им присягу, а равно даваемую клятву. К числу доказательств в

этом случае – с учетом высокой степени конспирации описываемых событий – могут относиться и данные, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

Однако при этом сохранение в тайне сведений о засекреченных свидетелях зачастую связано с ограничением прав граждан и влечет нарушение права на справедливое судебное разбирательство. Адвокаты в суде по уголовным делам обычно обращают внимание на факт установления личности засекреченного свидетеля путем вскрытия конверта судьей и сопоставления данных с допрашиваемым в качестве свидетеля лицом. Это обязательно отражают в протоколе судебного заседания. Нарушение данной процедуры ведет к отмене приговора.

В рамках расследования исследуемой категории уголовных дел могут назначаться различные экспертизы: культурологическая экспертиза перманентных рисунков (татуировок) на теле носителя, лингвистическая судебная экспертиза, фоноскопическая судебная экспертиза и др.

Предметом исследования криминалистической судебной экспертизы татуировок (так называемой культурологической) может являться установление смыслового содержания изображений, нанесенных на тело носителя. Предметом исследования лингвистической экспертизы будет являться установление смыслового содержания конкретных слов и словосочетаний, их этимологии, проведение семантического исследования. Также при расследовании данной категории дел привлекаются специалисты.

По данным МВД России, за последние два года по ст. 210.1 УК было возбуждено 97 уголовных дел (66 – по ворам в законе и 35 – по так называемым смотрящим и положенцам). Все они уже в колонии или СИЗО. Сейчас в региональных судах находится 21 подобное дело: 15 – по ворам, а 6 – по положенцам, дальнейшая судьба которых хоть и предсказуема, но в свете вынесенных решений все еще под вопросом. Сейчас в качестве «неопровержимых» доказательств причастности лица к воровскому сословию выступают нательные татуировки, тюремная переписка (малявы) или свидетельские показания (оперов и подельников обвиняемого).

«Опрокинуть» обвинительный приговор в нашей стране хоть и сложно, но все же возможно. За минувший год из 200 приговоров по тяжеловесным ст. 208–210 УК, карающим за организацию различных преступных формирований, которые были обжалованы в апелляционном порядке, отменили 21, а еще по 26 – изменили квалификацию и меру наказания. В кассации из 47 приговоров развалилось всего 3, а видоизменили – 16 [5].

Литература и источники

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ, (ред. от 02.12.2019).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. N 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)».
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.
4. Шахкелдов Ф.Г. Правоохранительная реформа в России буксует: коррупция как была, так и остается // Право и практика. 2014. № 2. С. 3-11.
5. Ворам прописали закон // Независимая газета. 19.08.2021. №177 (8828).

References and Sources

1. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-F3, (red. ot 02.12.2019).
2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 10 iyunya 2010 g. N 12 «O sudebnoj praktike rassmotreniya ugolovnyh del ob organizacii prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) ili uchastii v nem (nej)».
3. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. M., 1990.
4. Shahkeldov F.G. Pravoohranitel'naya reforma v Rossii buksuet: korrupciya kak byla, tak i ostaetsya // Pravo i praktika. 2014. № 2. S. 3-11.
5. Voram propisali zakon // Nezavisimaya gazeta. 19.08.2021. №177 (8828).

ШАХКЕЛДОВ ФРИДРИХ ГРИГОРЬЕВИЧ - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, заслуженный юрист Кубани.
SHAKHKELDOV, FRIDRIKH G. - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Operational-Investigative Activities of the RSI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, honored lawyer of Kuban (armani@rambler.ru).

УДК 343.7 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-92-99

АЮПОВА Г.Ш.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРИОБРЕТЕНИЯ ИЛИ СБЫТА ИМУЩЕСТВА, ЗАВЕДОМО ДОБЫТОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Ключевые слова: добытый преступным путем, заведомость, прикосновенность к преступлению, соучастие, общественная опасность.

В статье на основе анализа теоретических положений уголовного права, разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, судебной практики исследуются отдельные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ. В частности, автором

предпринята попытка осмысления содержания таких признаков, как «добытый преступным путем», «заведомость», «приобретение», «сбыт». Отмечается, что применение норм уголовного закона как многоаспектный процесс соответствует критерию законности лишь в случае правильной квалификации преступлений. Подчеркнуто, что действия лица, при заранее не обещанном сбыте, либо приобретении части имущества, заведомо добытого в ходе совершения неоконченного продолжаемого преступления, подлежат квалификации по ст. 175 УК РФ, когда умысел виновного лица был направлен на сбыт, либо приобретение именно этой части имущества при отсутствии осведомленности о продолжаемом характере предикатного преступления. В противном случае речь может идти о соучастии в совершении предикатного преступления в форме пособничества.

AYUPOVA, G.Sh.

FEATURES OF QUALIFICATION OF ACQUISITION OR SALE OF PROPERTY KNOWINGLY OBTAINED BY CRIMINAL MEANS

Key words: obtained by criminal means, knowledge, touching the crime, complicity, public danger.

Based on the analysis of the theoretical provisions of criminal law, explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, the article considers individual signs of the corpus delicti provided for in Article 175 of the Criminal Code of the Russian Federation. In particular, the author attempts to comprehend the content of such signs as "property obtained by criminal means", "knowledge", "acquisition", "sale". It is noted that the application of the norms of the criminal law as a multidimensional process meets the criterion of legality only in the case of the correct qualification of crimes. It is emphasized that the actions of a person, in case of a sale that was not promised in advance, or the acquisition of part of the property, knowingly obtained in the course of committing an unfinished ongoing crime, are subject to qualification under Art. 175 of the Criminal Code of the Russian Federation, when the intent of the guilty person was aimed at selling, or acquiring this particular part of the property in the absence of awareness of the continued nature of the predicate offense. Otherwise, we can talk about complicity in the commission of the predicate offense in the form of complicity.

Приобретение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, стимулируют совершение предикатных преступлений, способствуют получению незаконного дохода, создают препятствия к установлению местонахождения имущества и его возврату законному владельцу. Как справедливо отмечает Н.А. Лопашенко: «общественная опасность преступления (приобретения или сбыта) заключается в косвенном поощрении виновным лиц, совершающих корыстные преступления, в нарушении принципов ведения экономической деятельности» [1, с. 543]. Большинство ученых сходится на том, что рассматриваемое преступление посягает на экономические отношения [1, с. 543; 2, с. 72; 3, с. 9], а именно интересы законного оборота имущества, с чем следует согласиться.

Следует отметить, что преступление, предусмотренное ст. 175 УК РФ, является одной из форм прикосновенности к преступлению, поэтому предметом его может быть только имущество, заведомо добытое преступным путем. В этой связи научный интерес представляет содержание термина «добытый». В русском языке слово «добыть» понимается в значении «достать, приобрести; получить что-нибудь промыслом» [4]. Таким образом, предметом преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, является имущество, которое было непосредственно получено в процессе совершения преступления. Применительно к ст. 175 УК РФ, предикатным может быть только то преступление, состав которого обязательно включает предмет (так называемое «предметное» преступление). Приобретение, либо сбыт имущества, полученного в качестве материального вознаграждения за совершенное преступление, квалификации по ст. 175 УК РФ не подлежит. Вид преступления, в результате которого добыто имущество, для квалификации деяния по ст. 175 УК РФ значения не имеет. Это могут быть как корыстные и корыстно-насильственные преступления, так и иные виды преступлений.

Так, например, Д. приобрел у Е. имущество, заведомо добытое преступным путем – рыбу частиковых видов, добытую с помощью запрещенных орудий лова в местах нереста, то есть в результате совершения преступления, предусмотренного п. «б», «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ [5].

По смыслу закона случаи приобретения либо сбыта имущества, добытого в результате совершения иных деяний, не являющихся преступлениями (противоречащих закону, общественно опасных деяний, совершенных лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, гражданско-правовых сделок, административных деликтов и т.п.), квалификации по ст. 175 УК РФ не подлежат [6].

Наибольшие трудности при юридической оценке деяний вызывают случаи приобретения, либо сбыта имущества, полученного в результате переработки предметов, заведомо добытых преступным путем. Представляется, что такое имущество к предмету состава преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, не относится. Вместе с тем, разукомплектование, разбор, разделение, дробление имущества, добытого преступным путем, без дополнительной обработки посредством физического, химического или иного воздействия на имущество, в результате

которой оно не трансформируется в принципиально новую вещь, продукт, а лишь выделяется его часть, не может рассматриваться как переработка имущества. Приобретение, либо сбыт части имущества, добытого преступным путем, подлежат квалификации по ст. 175 УК РФ.

В научной литературе встречается позиция, согласно которой приобретение и сбыт продуктов, полученных в результате убоя или промысла и разделки туш животных, добытых преступным путем, квалификации по ст. 175 УК РФ не подлежат [7, с. 36]. Анализ судебной практики свидетельствует об обратном. Так, например, приговором Нижнегорского районного суда Республики Крым от 15.06.2017 А. признан виновным в сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем, при следующих обстоятельствах. А., действуя единолично по просьбе ранее знакомого К., зарезал ранее похищенную последним корову, принадлежащую З., зная о совершенном К. преступлении. Затем А. отвез тушу на мясокомбинат, где продал ее за 19 800 руб., тем самым сбыл имущество, заведомо добытое преступным путем [8].

Учитывая, что основной непосредственный объект состава преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, – интересы законного оборота имущества, – позиция правоприменителя представляется обоснованной.

Таким образом, в случаях, когда лицо, не являющееся соучастником в совершении предикатного преступления, непосредственно осуществляет убой заведомо добытых преступным путем животных, разделку их туш и последующий сбыт полученных продуктов, оно подлежит ответственности по ст. 175 УК РФ за сбыт имущества, добытого преступным путем.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, выражается в заранее не обещанных приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем. Совершение нескольких перечисленных действий совокупности преступлений не образует и охватывается одним составом преступления.

Так, М., достоверно зная о том, что мобильный телефон, находящийся у С., добыт последним преступным путем, приобрел у С. указанный мобильный телефон за денежные средства в размере 1 000 руб. для личных целей. Продолжая реализовывать свой преступный умысел, М. в начале сентября 2019 г. распорядился вышеуказанным мобильным телефоном, проданным ему С., по своему усмотрению, продав его В. за денежные средства в размере 2 000 руб. Таким образом, М. совершил заранее не обещанные приобретение и сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем [9].

В соответствии с Методическими рекомендациями по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства, под приобретением понимается возмездное или безвозмездное получение имущества любым способом (покупка, обмен, получение в дар и т.п.) [10].

Так, например, Д., заведомо зная о том, что два автомобильных колеса марки «ROSAVA», добыты преступным путем, в результате совершения С. преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, из корыстных побуждений, получил в дар от С., вышеуказанное имущество для последующего его использования в личных целях, чем незаконно приобрел имущество заведомо добытое преступным путем [11].

Похищение имущества, заведомо добытого преступным путем, подлежит квалификации по статьям Особенной части УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления против собственности. Таким образом, под приобретением, применительно к ст. 175 УК РФ, следует понимать действия по принятию имущества только в рамках гражданско-правового договора.

Для иллюстрации описываемого правила квалификации уместно привести следующий пример. И. узнал от несовершеннолетней С., что она в помещении раздевалки школы похитила два сенсорных телефона. И. воспользовался доверительными отношениями с С. и забрал у нее телефоны, чтобы их продать. При этом он сообщил С. о том, что знает, кому принадлежат мобильные телефоны, поэтому их надо вернуть, то есть он ввел С. в заблуждение, и она отдала ему мобильные телефоны. Оба телефона он впоследствии продал своему знакомому за 6 000 руб. Согласно приговору суда, И. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 175 УК РФ [12].

Вместе с тем, учитывая, что С. передала похищенное имущество И. под влиянием обмана, а не в рамках гражданско-правовых отношений, его действия подлежат квалификации по ст. 159 УК РФ, как мошенничество.

Под сбытом, применительно к ст. 175 УК РФ, понимается любая форма возмездной или безвозмездной передачи его третьим лицам (продажа, передача в счет долга, дарение, мена, передача в качестве залога, на прокат и т.п.) [10].

Так, например, Р. после совершения тайного хищения принадлежащей О. игровой приставки «Sonyplaystation 4 500Gb» рассказала М. о совершении вышеуказанного преступления и попросила его сдать приставку в «скупку» с целью получения материальной выгоды, на что последний дал свое согласие. М., находясь в комиссионном магазине, достоверно зная о том, что игровая приставка «Sonyplaystation 4 500Gb» добыта преступным путем, продал приставку за 8 500 рублей [13].

Интерес представляет апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда от 31.07.2014, согласно которому действия И. переквалифицированы с п. «а», «б», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ) на ч. 1 ст. 175 УК РФ. Действия И. заключались в том, что он в качестве водителя транспортного средства за вознаграждение осуществил заранее не обещанную перевозку похищенных преступной группой коров в другой населенный пункт, где участники данной группы сбыли похищенное [14]. На наш взгляд, предложенная судебной коллегией по уголовным делам Алтайского краевого суда квалификация представляется спорной. Лицо, совершившее согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении заранее не обещанного сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, в форме транспортировки такого имущества, следует рассматривать в качестве пособника.

Следует сказать несколько слов о юридической природе института соучастия. Законодательная формула целиком и полностью демонстрирует акцессорную природу соучастия в УК РФ. Согласно акцессорной теории ключевой фигурой является исполнитель, его отсутствие исключает соучастие. В приведенном примере лица, осуществлявшие сбыт имущества, исполнителями преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, выступать не могут, так как являются соучастниками в совершении предикатного преступления. Отсутствие исполнителя заранее не обещанного сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, указывает на принципиальную невозможность привлечения И. к уголовной ответственности по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 175 УК РФ. Таким образом, за действия лица, состоящие в транспортировке имущества, заведомо добытого преступным путем, в целях сбыта, в продвижении товара на рынке, определении каналов сбыта и т.д., осуществленные в интересах сбытчика или приобретателя такого имущества, являющегося соучастником в совершении предикатного преступления, действующим УК РФ ответственность не предусмотрена.

Состав преступления сконструирован по типу формального. Деяние окончено с момента совершения любого из указанных в диспозиции ст. 175 УК РФ действий. Момент окончания преступления также зависит от предмета преступления и вида сделки, в результате которой имущество приобретено или реализовано. При этом в случаях, когда действия виновного заключались в осуществлении предпродажной подготовки имущества, продвижении товара на рынке, размещении объявления о его продаже, поиске потенциального приобретателя имущества, содеянное подлежит квалификации по ч. 1 ст. 30, ст. 175 УК РФ – как приготовление к преступлению. Если лицо совершило действия, непосредственно направленные на приобретение или сбыт имущества, полученного преступным путем, но сделка не состоялась по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, деяние образует состав покушения на анализируемое преступление и подлежит квалификации по ч. 3 ст. 30, ст. 175 УК РФ.

Так, например, приговором Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга П. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 175 УК РФ – покушение на заранее не обещанный сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, совершенный в отношении автомобиля, при следующих обстоятельствах. П. пообещал И. сбыть похищенный им автомобиль «Порш Кайен Эс», принадлежащего Х., стоимостью 900 000 рублей, зная при этом о преступном характере приобретения автомобиля. Далее П. разместил в сети Интернет объявление о продаже указанного автомобиля. После чего П. договорился с покупателем о встрече и предварительном просмотре автомашины, однако, в связи с его задержанием сотрудниками полиции, встреча не состоялась, то есть П. не довел свой преступный умысел до конца по независящим от него обстоятельствам [15].

Согласно другому приговору Л., достоверно зная о совершенном С. и А. тайном хищении металлического люка водяного смотрового колодца, осознавая, что указанный металлический люк добыт преступным путем, заранее не обещая С. и А. совершить сбыт вышеуказанного имущества, принес металлический люк в пункт приема металлолома, где для продажи передал его Ф. Ф., усомнившись в том, что Л. является законным владельцем данного металлического люка, сообщил по телефону о данном факте в отдел полиции. Л., услышав телефонный разговор Ф., оставил металлический люк и покинул место совершения преступления, то есть не смог довести свой преступный умысел на заранее не обещанный сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, до конца по независящим от него обстоятельствам [16].

Преступление, предусмотренное ст. 175 УК РФ, необходимо отличать от соучастия в виде пособничества. Для пособничества важен сам факт данного заранее обещания, а не исполнение этого обещания. Для квалификации по ст. 175 УК РФ имеет значение осуществление приобретения или сбыта. Именно в силу того, что приобретение или сбыт имущества заранее не обещаны, они рассматриваются в качестве вида прикосновенности к преступлению, а не пособничества.

Сбыт или приобретение имущества, добытого преступным путем, следует рассматривать как заранее не обещанные в случае, когда обещание дано после совершения предикатного преступления, то есть после выполнения лицом его объективной стороны (при формальном составе) либо после наступления общественно-опасных последствий (при материальном составе).

Для правильной квалификации деяния виновного лица по ст. 175 УК РФ значение имеет верное установление момента окончания предикатного преступления.

Квалификация содеянного по ст. 175 УК РФ возможна и в случаях, когда предикатное преступление является неоконченным, в частности, если оно относится к продолжаемым преступлениям. Продолжаемое преступление считается оконченным в момент совершения последнего из составляющих его тождественных действий. Например, в случаях, когда умысел субъекта предикатного преступления направлен на хищение всего имущества с какой-либо территории, которое он вывозит и реализует частями. Для правильной квалификации действий лица, сбывающего, либо приобретающего часть такого имущества, заведомо добытого преступным путем, следует устанавливать его умысел на сбыт либо приобретение именно этой части имущества и отсутствие осведомленности о продолжаемом характере предикатного преступления. В противном случае, речь может идти о соучастии в форме пособничества.

Наибольшие трудности вызывает вопрос о разграничении приобретения либо сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), и кражи, в совершении которой совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора (ч. 1 ст. 158 УК РФ).

Так, например, У. совместно с С. распивали спиртное на территории предприятия, где последний работал сторожем. В ходе распития спиртного С. попросил У. вывезти мешки с металлом, которые С. заранее подготовил, и сдать как лом цветных металлов. Так как объем металла был значительным, У. понял, что данное имущество принадлежит указанному предприятию и незаконно изъято С. У. помог С. вывезти металл и сдать его в пункт приема металла. После того, как У. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, в апелляционной жалобе он просил о переквалификации его действий на ст. 175 УК РФ [17].

Действия С., выраженные в упаковке похищенного имущества в мешки, свидетельствуют лишь о начале выполнения объективной стороны состава преступления. Моментом окончания данного преступления является момент, когда возникла реальная возможность распоряжаться похищенным металлом по своему усмотрению, то есть когда У. вывез мешки с территории предприятия. Таким образом, содеянное следует рассматривать как кражу, в совершении которой совместно участвовали два соисполнителя без предварительного сговора, а действия У. были верно квалифицированы как тайное хищение чужого имущества по ч. 1 ст. 158 УК РФ.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом, на что указывает заведомость знания об источнике происхождения имущества. Лицо осознает общественную опасность заранее не обещанных приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, и желает совершить указанные действия.

Заведомость, как обязательный признак данного состава преступления, предполагает понимание виновным того, что получаемое или отчуждаемое им имущество добыто в результате совершения какого-либо преступления. Однако это не означает, что данному лицу должны быть достоверно известны все обстоятельства его преступного приобретения. Необходимо лишь, чтобы приобретателю либо сбытчику было известно о том, что имущество появилось в результате совершения преступления. Заведомость исключается, если добытое преступным путем имущество приобретено лицом при обстоятельствах, которые не позволяют ему сделать однозначный вывод об этом (например, у случайного прохожего).

Субъект преступления специальный – вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста и при этом не участвовавшее (любой вид соучастия) в совершении предикатного преступления.

По справедливому мнению Н.В. Щетининой, А.А. Харламовой и Д.Л. Кокорина: «действия лица, не принимавшего участия в совершении кражи, но присвоившего себе часть похищенного имущества, необходимо квалифицировать по ст. 175 УК РФ» [18, с. 18].

Так, например, постановлением мирового судьи судебного участка № 42 Тверской области от 06.03.2020 г. производство по уголовному делу в отношении Н., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 175 УК РФ, прекращено в связи с деятельным раскаянием при следующих обстоятельствах. К., находясь в террасе дома после совместного распития спиртных напитков с находящимися там же Н. и М., в присутствии Н. подошел к спящему в кресле М. и открыто похитил из кармана куртки, одетой на М., денежные средства в сумме 480 000 руб. После чего К. предложил Н. вместе пойти к нему в баню. После посещения бани К. из похищенных у М. денег отсчитал 120 000 рублей и передал их Н., чтобы последний не сообщал о хищении [19].

Согласно другому приговору А., находясь на улице, действуя умышленно, осознавая неправомерность своих преступных действий и то, что его преступные действия носят для потерпевшего открытый и явный характер, из корыстных побуждений, подошел к ранее знакомому П. и потребовал передачи находящейся при последнем зимней куртки. П. передал принадлежащую ему куртку А. Таким образом, А. открыто похитил принадлежащую П. зимнюю куртку. Непосредственного после этого, В., находясь в том же месте, являясь очевидцем совершения А. преступления в отношении П., получил от А. зимнюю куртку, принадлежащую П., и надел ее на себя, распорядившись, тем самым, курткой по своему усмотрению. Таким образом, В. совершил заранее не обещанное приобретение имущества, заведомо добытого преступным путем [20].

Юридический анализ состава преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, позволяет сделать следующие выводы.

Применительно к ст. 175 УК РФ предикатным может быть только то преступление, состав которого обязательно включает предмет (так называемое «предметное» преступление). Вид преступления, в результате которого добыто имущество, для квалификации деяния по ст. 175 УК РФ значения не имеет. Это могут быть как корыстные и корыстно-насильственные преступления, так и иные виды преступлений.

Разукомплектование, разбор, разделение, дробление имущества, добытого преступным путем, без дополнительной обработки посредством физического, химического или иного воздействия на имущество, в результате которой оно не трансформируется в принципиально новую вещь, продукт, а лишь выделяется его часть, не может рассматриваться как переработка имущества. Приобретение, либо сбыт части имущества, добытого преступным путем, подлежат квалификации по ст. 175 УК РФ.

В случаях, когда лицо, не являющееся соучастником в совершении предикатного преступления, непосредственно осуществляет убой заведомо добытых преступным путем животных, разделку их туш и последующий сбыт полученных продуктов, оно подлежит ответственности по ст. 175 УК РФ за сбыт имущества, добытого преступным путем.

Под приобретением применительно к ст. 175 УК РФ следует понимать действия по принятию имущества только в рамках гражданско-правового договора.

За действия лица, состоящие в транспортировке имущества, заведомо добытого преступным путем, в целях сбыта, в продвижении товара на рынке, определении каналов сбыта и т.д., осуществленные в интересах сбытчика или приобретателя такого имущества, являющегося

соучастником в совершении предикатного преступления, действующим УК РФ ответственность не предусмотрена, что представляется спорным.

Действия лица, при заранее не обещанном сбыте, либо приобретении части имущества, заведомо добытого в ходе совершения неоконченного продолжаемого преступления, подлежат квалификации по ст. 175 УК РФ, когда умысел виновного лица был направлен на сбыт, либо приобретение именно этой части имущества при отсутствии осведомленности о продолжаемом характере предикатного преступления. В противном случае речь может идти о соучастии в совершении предикатного преступления в форме пособничества.

Литература и источники

1. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: монография. М., 2015. 640 с.
2. Морозов В.И., Зарубин А.В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению: учеб. пособие для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России. Тюмень, 2011. 99 с.
3. Серебренникова Л. И. Криминологические и уголовно-правовые проблемы приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (по материалам Дальневосточного федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. 25 с.
4. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. 907 с.
5. Приговор Володарского районного суда Астраханской области от 4 сентября 2020 г. по делу № 1-146/2020. – URL: https://sudrf.ru/
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Ляскало А.Н. Объективные признаки приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путём // Законность. 2014. № 3. С. 34-37.
8. Приговор Нижнегорского районного суда Республики Крым от 15.06.2017 г. по делу № 1-75/2017. – URL: https://sudact.ru/
9. Приговор Россошанского районного суда Воронежской области от 03.09.2020 по делу № 1-145/2020. – URL: https://sudact.ru/
10. Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства: утв. ФССП России 15.04.2013 № 04-4 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Приговор Нанайского районного суда Хабаровского края от 21.09.2020 по делу № 1-115/2020. – URL: https://sudact.ru/
12. Приговор Староминского районного суда Краснодарского края от 20.07.2020 по делу № 1-41/2020. – URL: https://sudact.ru/
13. Приговор Сормовского районного суда г. Н. Новгорода от 10.07.2020 по делу № 1-31/2020. – URL: https://sudact.ru/
14. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Алтайского краевого суда от 31.07.2014 по делу № 22-3460/2014. – URL: https://sudact.ru/
15. Приговор Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28.05.2019 по делу № 1-858/2018. – URL: https://sudrf.ru/
16. Приговор Егорлыкского районного суда Ростовской области от 10.07.2019 по делу № 1-53/2019. – URL: https://sudact.ru/
17. Апелляционное постановление Пермского краевого суда № 22-4212/2019 от 30.07.2019. URL: https://sudact.ru/
18. Щетинина Н.В., Харламова А.А., Кокорин Д.Л. Квалификация преступлений против собственности: учеб. пособие. Екатеринбург, 2018. 103 с.
19. Приговор Нелидовского межрайонного суда Тверской области от 21.09.2020 по делу № 1-19/2020. – URL: https://sudact.ru/
20. Приговор Кировского районного суда г. Омска от 02.07.2020 по делу № 1-179/2020. – URL: https://sudrf.ru/

References and Sources

1. Lopashenko N.A. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoj deyatel'nosti: teoreticheskij i prikladnoj analiz: monografiya. M., 2015. 640 s.
2. Morozov V.I., Zarubin A.V. Ugolovno-pravovoe regulirovanie prikosnovennosti k prestupleniyu: ucheb. posobie dlya kursantov i slushatelej obrazovatel'nyh uchrezhdenij MVD Rossii. Tyumen', 2011. 99 s.
3. Serebrennikova L. I. Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye problemy priobreteniya ili sbyta imushchestva, zavedomo dobytogo prestupnym putem (po materialam Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Vladivostok, 2009. 25 s.
4. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 72500 slov i 7500 frazeologicheskih vyrazhenij / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1994. 907 s.
5. Prigovor Volodarskogo rajonnogo suda Astrahanskoj oblasti ot 4 sentyabrya 2020 g.po delu № 1-146/2020. – URL: https://sudrf.ru/
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 07.07.2015 № 32 «O sudebnoj praktike po delam o legalizacii (otmyvanii) denezhnyh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennyh prestupnym putem, i o priobretenii ili sbyte imushchestva, zavedomo dobytogo prestupnym putem» // SPS «Konsul'tantPlyus».
7. Lyaskalo A.N. Ob"ektivnye priznaki priobreteniya ili sbyta imushchestva, zavedomo dobytogo prestupnym putyom// Zakonnost'. 2014. №3. S.34-37.
8. Prigovor Nizhnegorskogo rajonnogo suda Respubliki Krym ot 15.06.2017 g. po delu № 1-75/2017. – URL: https://sudact.ru/
9. Prigovor Rossoshanskogo rajonnogo suda Voronezhskoj oblasti ot 03.09.2020 po delu № 1-145/2020. – URL: https://sudact.ru/
10. Metodicheskie rekomendacii po vyyavleniyu i presecheniyu prestuplenij v sfere ekonomiki i protiv poryadka upravleniya, sovershennyh storonami ispolnitel'nogo proizvodstva: utv. FSSP Rossii 15.04.2013 № 04-4 // SPS «Konsul'tantPlyus».
11. Prigovor Nanajskogo rajonnogo suda Habarovskogo kraya ot 21.09.2020 po delu № 1-115/2020. – URL: https://sudact.ru/
12. Prigovor Starominskogo rajonnogo suda Krasnodarskogo kraya ot 20.07.2020 po delu № 1-41/2020. – URL: https://sudact.ru/
13. Prigovor Sormovskogo rajonnogo suda g. N. Novgoroda ot 10.07.2020 po delu № 1-31/2020. – URL: https://sudact.ru/
14. Apellyacionnoe opredelenie sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Altajskogo kraevogo suda ot 31.07.2014 po delu № 22-3460/2014. – URL: https://sudact.ru/
15. Prigovor Primorskogo rajonnogo suda g. Sankt-Peterburga ot 28.05.2019 po delu № 1-858/2018. – URL: https://sudrf.ru/
16. Prigovor Egorlykskogo rajonnogo suda Rostovskoj oblasti ot 10.07.2019 po delu № 1-53/2019. – URL: https://sudact.ru/
17. Apellyacionnoe postanovlenie Permskogo kraevogo suda № 22-4212/2019 ot 30.07.2019. URL: https://sudact.ru/
18. Shchetinina N.V., Harlamova A.A., Kokorin D.L. Kvalifikaciya prestuplenij protiv sobstvennosti: ucheb. posobie. Ekaterinburg, 2018. 103 s.
19. Prigovor Nelidovskogo mezhrajonnogo suda Tverskoj oblasti ot 21.09.2020 po delu № 1-19/2020. – URL: https://sudact.ru/
20. Prigovor Kirovskogo rajonnogo suda g. Omska ot 02.07.2020 po delu № 1-179/2020. – URL: https://sudrf.ru/

АЮПОВА ГУЛЬНАЗ ШАМИЛОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России (ajupova90@mail.ru)
AYUPOVA, GUL'NAZ Sh. – Ph.D. in Law, Docent of the Department of Criminal Law, Ural Law Institute of the Ministry of the Internal of Russia/

УДК 343.234.2 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-99-103

КЛЮЕВ А.А., ЭФРИКЯН Р.А.
СОРАЗМЕРНОСТЬ ПРИЧИНЕННОГО ВРЕДА, КАК УСЛОВИЕ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Ключевые слова: преступление, лицо, совершившее преступление, задержание, соразмерность причиненного вреда.

Статья посвящена вопросам установления соответствия между совершенным лицом преступлением и обстоятельствами его совершения тому вреду, который причиняется при задержании лица, совершившего преступление. В работе рассмотрены составляющие учета опасности, совершенного лицом преступления и их характеристика при оценке средств, необходимых для задержания. Также обращается внимание на характеристику обстоятельств задержания, которые следует учитывать в каждом конкретном случае для решения вопроса о правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление или превышении необходимых для этого мер. Показано, что что в качестве преступления выступает лишь такое умышленное причинение вреда задерживаемому, которое не обусловлено опасностью совершенного им преступления и обстоятельствам задержания, и выразилось в убийстве, причинении тяжкого и средней тяжести вреда здоровью (часть2 статьи 108, часть 2 статьи 114 УК РФ). Если причинен легкий вред здоровью задерживаемому, то он не может оцениваться как превышение.

KLYUEV, A.A., EFRIKYAN, R.A.
PROPORTIONALITY OF THE HARM CAUSED AS A CONDITION FOR THE LEGALITY OF CAUSING HARM WHEN DETAINING A PERSON WHO COMMITTED A CRIME

Key words: crime, the person who committed the crime, detention, proportionality of the harm caused.

The article is devoted to the issues of establishing the correspondence between the crime committed by a person and the circumstances of its commission to the harm that is caused when the person who committed the crime is detained. The article considers the components of taking into account the danger of a crime committed by a person and their characteristics when assessing the means necessary for detention. Attention is also drawn to the characteristics of the circumstances of detention, which should be taken into account in each specific case to resolve the issue of the legality of causing harm when detaining a person who has committed a crime or exceeding the necessary measures for this. It is shown that the crime is only such deliberate harm to the detainee, which is not due to the danger of the crime committed by him and the circumstances of detention, and was expressed in murder, causing grave and moderate harm to health (part 2 of article 108, part 2 of article 114 of the Criminal Code of the Russian Federation). If the detainee's health is slightly damaged, then it cannot be assessed as exceeding.

Важным и весьма сложным для рассмотрения как в теоретическом, так и в практическом аспекте уголовного права, выступает такое обстоятельство, исключающее преступность деяния, как причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Пытаясь не допустить возможности скрыться от следствия и суда лицам, совершившим преступление, задерживающий нередко причиняет последним вред. Для определения правомерности такого вреда законодатель в рамках статьи 38 УК РФ устанавливает ряд условий. В их число входит необходимость учета размера вреда, причиненного лицу, совершившему преступление, характера и степени опасности совершенного им преступления, а также обстоятельств проведенного задержания. В науке уголовного права такое обстоятельство чаще всего именуется соразмерностью [4, с. 181]. В самом же уголовном законе законодатель рассматривает необходимость учета такого обстоятельства посредством установления отсутствия иного понятия – превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Это положение позволяет констатировать, что условие соразмерности будет иметь место в ситуации, когда лицо, осуществляющее задержание, не будет превышать установленных в уголовном законодательстве необходимых мер.

Если обратиться к содержанию части 2 статьи 38 УК РФ, то в качестве превышения «мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам его задержания, когда без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызванный обстановкой вред». При этом законодатель уточняет, что для признания превышения важно установить умышленную форму вины в отношении наступивших последствий.

Обращение к данным, представленным Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, позволяет констатировать, что в 2020 году виновными в совершении превышения мер,

необходимых для задержания лица, совершившего преступление, были признаны лишь 4 человека (все по части 2 статьи 114 УК РФ), а в отношении 6 человек дела были прекращены по не реабилитирующим обстоятельствам. В 2019 году осужденных не было, но в отношении 4 человек уголовные дела были прекращены по не реабилитирующим обстоятельствам [3]. Представленные статистические данные свидетельствуют о том, что рассматриваемое нами явление встречается довольно редко.

Как мы уже указывали выше, для признания факта соразмерности вреда лицу, совершившему преступление, причиненного при его задержании характеру и степени совершенного им преступления и обстоятельствам задержания важно исключить факт превышения установленных уголовным законом мер. Уголовный закон позволяет нам выделить следующие составляющие, свидетельствующие о наличии такого основания:

- причиненный задержанному преступнику вред явно не соответствует характеру и степени общественной опасности совершенного преступления;

- вред явно не соответствует обстоятельствам задержания лица, что выражается в чрезмерной, не вызванной обстановкой жесткости задержания;

- задерживающее лицо совершает действия с умышленной формой вины.

В качестве первого из числа установленных в законодательстве мер, учитываемых при соразмерности, выступает сам факт причинения вреда лицу, совершившему преступное посягательство, которое явно не соответствует характеру и степени общественной опасности его предшествующей преступной деятельности.

Общественная опасность является материальным признаком преступления, которое характерно именно для преступных посягательств. При отсутствии опасности в совершенном лицом деянии, которое формально и соответствует запрещенному уголовному закону деянию, оно не признается малозначительным и преступлением не признается (часть 2 статьи 14 УК РФ). Следовательно, в преступлении, совершенном лицом, которому причиняется вред в связи с его задержанием, также важно установить общественную опасность, а именно характер и степень. Сущность этих свойств общественной опасности непосредственно раскрывается в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Характер общественной опасности любого преступления определяется самим законодателем посредством установления признаков состава преступления и прежде всего направленностью на нарушение социальных ценностей, благ и тому подобное (объект преступления, форма вины, способ преступного посягательства и иные обстоятельства) [1]. Что касается степени общественной опасности совершенного преступления, то она предопределяется конкретными обстоятельствами преступного посягательства, в число которых входит учет свойств преступных последствий (их сущность и границы), избранный виновным способ осуществления деяния, поведение самого виновного лица и другие обстоятельства.

Наибольшая сложность учета общественной опасности заключается в том, что точно и правильно можно оценить ее характер и степень общественной опасности лишь после реализации преступного намерения и только правоохранительными органами, которые действуют профессионально. Если задержание осуществляется в качестве специального следственного действия, то сотрудники в полной мере могут судить об уже произошедшем акте преступления и точно определять необходимые средства, используемые при задержании. Более сложным будет являться оценка характера и степени общественной опасности совершенного преступления, когда задержание осуществляется очевидцами, которые не имеют соответствующих познаний об особенностях оценки опасности преступного посягательства.

Рассмотрим лишь некоторые из сложных моментов оценки характера и степени общественной опасности преступления, совершенного лицом, которого предстоит задержать.

1. Как мы уже отметили выше, для правильной и точной оценки характера общественной опасности следует учитывать свойства общественных отношений, интересов, ценностей и благ, которые поставлены под уголовно-правовую защиту (объект преступленного посягательства). Свойство объекта преступления сотрудники правоохранительных органов оценивают уже с учетом фактически установленных действий лица, их направленности, количества и ценности общественных отношений. Очевидцы же учитывают объект посягательства на основании угроз,

высказанных лицом в момент осуществления им преступления, наступившие в результате деяния последствия и тому подобные объективные данные. Но в момент самого задержания четкое представление о характере преступления еще очень сложно составить. По этой причине Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», допускает возможность признания причинного вреда в рамках задержания лица, совершившего преступление, даже когда имело место лишь административное правонарушение, однако, виновный не знал и не мог знать об этом обстоятельстве в момент задержания [2].

2. На характер опасности существенное влияние оказывает определение формы вины (например, убийство и причинение смерти по неосторожности), что на момент задержания лицу, применяющему насилие, еще может не быть понятным. Чаще всего задерживающий не задумывается об этом, а оценивает все с позиции лишь объективно сложившихся обстоятельств. Примером подобного выступает причинение вреда лицу, нарушившему правила дорожного движения, повлекшие смерть потерпевшего, при котором задерживающей не понимает неосторожной формы вины и тех правовых последствий, которая она порождает.

3. Для оценки характера, с учетом предложенных выше критериев, необходимо учитывать категорию преступления, что доступно только специалистам в сфере уголовного права, и то после установления всех данных, позволяющих правильно и четко дать квалификацию содеянному.

4. Существенное изменение общественной опасности связывается с неоконченной преступной деятельностью, которая также предполагает оценку с позиции конструкции состава в уголовном законе, степени выполненных лицом, совершившим преступление, действий и т.п. Это также невозможно оценить сразу после осуществленного посягательства. Ведь в составе грабежа при применении насилия и не обращении в свою пользу имущества это рассматривается лишь как покушение на преступление, в то время как применение насилия в разбое уже свидетельствует о том, что состав окончен.

5. Наконец, в качестве последней сложности учета опасности совершенного преступления выделим характеристику личности лица, совершившего преступление. Вопросы о том, как характеризуется лицо, совершившее преступления, совершало ли оно ранее преступные посягательства, а также многие иные обстоятельства, связанные с личностью преступника в момент задержания, зачастую совершенно не ясны.

Все приведенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что характер и степени общественной опасности, как важная составляющая учета соразмерности причиняемого вреда лицу, совершившему преступление, в полной мере может учитываться лишь сотрудниками правоохранительных органов, при получении объективных данных о совершенном посягательстве и лице, его совершившим. Для простых лиц, осуществляющих задержание — это практически невозможно. Они могут лишь воспринимать объективный процесс и на его основе делать свое предложение.

Для признания превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, важно чтобы было установлено не само по себе несоответствие совершенного преступления причиняемому субъекту вреда, а это носило бы явный характер. Данный признак, с одной стороны, вроде бы является объективным в виду необходимости учета тех внешних обстоятельств, которые позволяют задерживающему в полной мере оценить опасность совершенного виновным преступления. Но, тем не менее, они должны иметь определенную субъективную составляющую. Оценивать свойства совершенного лицом преступления, должен сам задерживающий. Следовательно, важно именно его представление о характере и степени общественной опасности.

При учете соразмерности, как важного признака правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступления, важно учитывать обстоятельства, в которых происходит задержание виновного лица. Само по себе совершение лицом преступления, относящегося к особо тяжким, не является свидетельством необходимости применения вреда задерживаемому лицу, связанного с опасностью для его здоровья или жизни. Только вынужденность прибегать к насилию выступает тем важным фактором, который следует учитывать в процессе правоприменения.

Если вопрос об учете составляющих характера и степени опасности совершенного посягательства не находит своего непосредственного отражения в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19, то как раз сущность обстоятельств задержания в нем нашла отражение. В частности, там уточняется, что правоприменитель для принятия решения о мерах, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, должен учитывать: «Место и время преступления, непосредственно за которым следует задержание, количество, возраст и пол задерживающих и задерживаемых, их физическое развитие, вооруженность, наличие сведений об агрессивном поведении задерживаемых, их вхождении в состав банды, террористической организации и т.п.» [3]. Важно понимать, что приведенные выше обстоятельства, должны учитываться только в совокупности, а не браться сами по себе в отдельности.

Рассмотрим детально каждое из обстоятельств, учитываемых при учете причиняемого вреда лицу, совершившему преступление при его задержании.

Самым важным из обстоятельств, которое учитывается для определения степени насилия, применяемого к лицу, совершившему преступление, является место и время осуществления виновным лицом преступного посягательства, при условии, что последний пытается скрыться (для чего и осуществляется его задержание). О необходимости насильственных действий в отношении лица, совершившего преступление, могут свидетельствовать темное время суток отсутствие иных лиц, способствующих предотвращению преступления и сокрытия виновного лица и тому подобное. Но при этом важно учитывать и обстановку, которая существует в момент применения насилия для задержания виновного лица. Если задержание осуществляется в светлое время суток, когда задерживающему очевидны опасность совершенного посягательства и возможные ответные меры со стороны виновного, то применять стоит такое насилие, которое не будет представлять опасность. В этот момент виновному будет ясен и возможный насильственный ответ со стороны лица, лица, осуществляющего задержание.

Для учета применяемого вреда к лицу, совершившему преступление, при его задержании важно учитывать и определенные объективные свойства виновного лица – его пол, возрастные данные, физическую конституцию и т.п. Именно на этих данных часто основывается задерживающий, чтобы определить степень необходимого насилия, достаточную для задержания лица, совершившего преступление. В частности, при задержании мужчины, как привило, требуется применение усилий, больших по характеру и степени вреда, нежели при задержании женщины. Ведь мужчины обладают большей физической силой и способны к более эффективному противодействию факту задержания. Тем более, весьма сложно оценить соразмерность причиняемого вреда мужчине, совершившему преступление, если задержание осуществляет женщина. Последней всегда требуется большая интенсивность, что практически во всех случаях будет сводиться к тяжкому вреду здоровья. При задержании же женщины не следует причинять значительный вред, ведь ее физическое состояние не всегда может свидетельствовать о необходимости прибегать к причинению ей существенного вреда здоровью.

Важным обстоятельством, которое следует учитывать при характеристике соразмерности вреда, причиненного лицу, совершившему преступление, выступает количественный состав виновных лиц. При этом характер и степень общественной опасности следует оценить с учетом поведения не каждого соучастника в отдельности, а в целом преступного объединения. Тем не менее, и в данном плане существенное насилие следует применять только к тем соучастникам, которые оказывают существенное сопротивление и роль которых в преступлении является наиболее активной и опасной.

Важным аспектом, который следует учитывать при соразмерности, выступают данные о возможном агрессивном поведении задерживаемого или задерживаемых лиц.

Существенное влияние на определение соразмерности оказывает наличие (отсутствие) у задерживаемого лица, совершившего преступление, оружия или предметов, используемых в качестве оружия. При этом принципиальным является не только сам факт наличия его у лица, свершившего преступления, но и его использование при противодействии задержанию. Если виновный использует оружие при совершении преступления, но потом оставляет его и в процессе задержания у него отсутствуют опасные средства, способные причинить вред задерживаемому лицу, то это в расчет соразмерности не берется.

Как мы указывали выше, при решении вопроса о превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, важно учитывать субъективное отношение лица к тому насилию, которое применяется к виновному. Оно должно быть исключительно умышленным. Задерживающее лицо должно понимать, что применяемые им меры для задержания связаны с чрезмерным причинением вреда виновному, когда характер его поведения и обстановка свидетельствуют о возможности использования менее опасных мер.

Важно учитывать и то обстоятельство, что в качестве преступления выступает лишь такое умышленное и явное причинение вреда задерживаемому, которое не обусловлено опасностью совершенного им преступления и обстоятельствам его задержания, и выразилось в убийстве, причинении тяжкого и средней тяжести вреда здоровью (часть2 статьи 108, часть 2 статьи 114 УК РФ). Если причиняется легкий вред здоровью задерживаемого лица, то действия задерживающих всегда будут считаться правомерными, и не будут оцениваться как превышение.

Следует также признать, что отсутствие большого числа рассмотренных судами РФ уголовных дел о превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, свидетельствует о правильной оценке причиненного вреда в ходе предварительной проверки материалов и проведения предварительного расследования.

Литература и источники

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 2012. 3 октября.
3. Данные судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]. URL: // http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 21.10.2021 г.).
4. Милюков С.Ф. Глава III. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление // Энциклопедия уголовного права. Т.7. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб., 2007.

References and Sources

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 22, 2015 No. 58 (as amended on December 18, 2018) "On the practice of imposing criminal punishment by the courts of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 2.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012, No. 19 "On the application by courts of legislation on necessary defense and harm when detaining a person who has committed a crime" // Rossiyskaya Gazeta. 2012.3 October.
3. Data of the judicial department at the Supreme Court of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: // http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (date of treatment 10/21/2021).
4. Milyukov S.F. Chapter III. Causing harm during the arrest of a person who committed a crime // Encyclopedia of Criminal Law. Volume 7. Circumstances excluding the criminality of the act. SPb., 2007.

КЛЮЕВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ - кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права Российского государственного университета правосудия (Kafedra.yp.ygolovnoepravo@mail.ru).
ЭФРИКЯН РУБЕН АЛЬБЕРТОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Kafedra.yp.ygolovnoepravo@mail.ru).
KLYUEV, ANDREI A. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Kafedra.yp.ygolovnoepravo@mail.ru).
EFRIKYAN, RUBEN A. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Kafedra.yp.ygolovnoepravo@mail.ru).

УДК 343.575 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-103-107

АКИМОЧКИН В.И.

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Ключевые слова: квалификация преступления, наркотические средства, психотропные вещества, стадии совершения преступления, цель преступления, продолжаемое преступление, длящееся преступление.

В статье рассмотрены спорные вопросы квалификации незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Показано, что сложилась такая практика, когда все действия, направленные на незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, квалифицируются на стадии предварительного следствия как покушение на сбыт или оконченное преступление, хотя по обстоятельствам дела явно усматривается приготовление к совершению преступления. Следствие полагает, что если наркотическое средство приобретено для дальнейшего его сбыта, то его хранение без признаков сбыта уже образует покушение на сбыт. С этим трудно согласиться, поскольку, исходя из содержания ст. 30 УК РФ, это есть ничто иное, как приготовление к совершению преступления. Автор также не согласен с тем, что действия лица, сбывающего наркотики через так называемую закладку квалифицируются как совокупность преступлений. Он полагает, что, приобретая наркотические средства или психотропные вещества в одном месте в расфасованном виде, преследуя единую цель и выполняя тождественные действия, лицо совершает одно продолжаемое преступление, и его действия, соответственно, должны квалифицироваться как одно преступление, а именно, как покушение на сбыт той массы наркотического средства или психотропного вещества, которое данное лицо приобрело изначально.

AKIMOCHKIN, V.I.

ILLEGAL TURNOVER OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES: QUALIFICATION ISSUES

Key words: qualification of the crime, narcotic drugs, psychotropic substances, stages of the crime, the purpose of the crime, the ongoing crime, the continuing crime.

The article considers controversial issues of qualification of illegal turnover of narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues. It is shown that such a practice has developed when all actions aimed at the illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances are qualified at the stage of preliminary investigation as an attempted sale, or a completed crime, although, according to the circumstances of the case, preparation for the commission of a crime is clearly seen. The investigation believes that if a narcotic drug is purchased for its further sale, then its storage without signs of sale already forms an attempt to sell it. It is difficult to agree with this, since, based on the content of Art. 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, this is nothing more than preparation for the commission of a crime. The author also disagrees with the fact that the actions of a person selling drugs through the so-called tab are qualified as a set of crimes. The author believes that by purchasing narcotic drugs or psychotropic substances in one place in prepackaged form, pursuing a single goal and performing identical actions, a person commits one continued crime, and his actions, accordingly, should be qualified as one crime, namely, as an attempt on the sale of the mass of the narcotic drug or psychotropic substance that the given person initially acquired.

Квалификация преступления является важнейшей составляющей работы следователя, прокурора, адвоката и, в конечном счете, суда. Термин квалификация происходит от латинского qualificatio и означает определение качества, оценку чего-либо. Под квалификацией преступления в уголовном праве принято понимать установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой. Квалификация означает выбор такой уголовно-правовой нормы, статьи, части и пункта статьи УК РФ, которая в полной мере соответствует общественно опасному деянию, совершенному конкретным лицом. Квалификация преступления - это познавательный логический процесс, включающий установление и анализ фактических обстоятельств содеянного, уяснение смысла признаков соответствующего состава преступления, определение соответствия между фактическими обстоятельствами реального деяния и признаками состава преступления.

В одной из своих многочисленных работ Н.Ф. Кузнецова давала следующее определение квалификации преступления: «Квалификация преступлений - это установление соответствия в содеянном признаков общественно опасного деяния признакам состава преступления, предусмотренного в нормах Общей и Особенной частей УК с выводом о применении той или иной статьи Кодекса» [1]. В этой же работе отмечено, что А.А. Герцензон, автор первой в отечественном уголовном праве работы о квалификации преступлений, писал: «Квалификация преступлений состоит в установлении соответствия данного конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом» [2].

С учетом данных положений, отметим, что определенную сложность для современного правоприменителя представляет квалификация преступлений, связанных с незаконных оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Исходя из положений УК РФ, двумя основными составами преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ и их аналогов, являются незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228 УК РФ) и незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 2281 УК РФ).

Вопросы квалификации действий, предусмотренных ст. 228 УК РФ, чаще всего особой сложности не представляют, поскольку достаточно установить незаконное наличие у подозреваемого на хранении или при перевозке наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в значительном (ч.1), в крупном (ч.2), либо в особо крупном размере (ч.3) без цели сбыта. Представляет некоторую сложность квалификация действий, предусмотренных ст. 2281 УК РФ. Основным критерием, разграничивающим эти два состава, является цель преступления. Целью преступления принято считать идеализированное представление лица о преступном результате, которого оно стремится достичь посредством совершения преступный действий. Это своего рода модель преступного результата, сформированная в сознании субъекта преступления к

достижению которого он стремится. В первом случае целью является не сбыт, а приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов для личного употребления, во втором случае – это сбыт, осуществляемый любым способом.

Согласно ст. 29 УК РФ, все преступления подразделяются на оконченные и неоконченные. Так, в частности, преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ (ч. 1 ст. 29 УК РФ). Часть вторая ст. 29 УК РФ определяет, что неоконченным преступлением признаются приготовление к преступлению и покушение на преступление.

В ст. 30 УК РФ закреплено понятие приготовления и покушения на преступление. Приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам (ч. 1 ст. 30 УК РФ). Часть вторая названной статьи определяет, что покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам [3].

При квалификации действий, предусмотренных ст. 2281 УК РФ, сложность представляет именно разграничение стадий совершения данного преступления.

Так, п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» было определено, что в тех случаях, когда передача наркотического средства, психотропного вещества или их аналогов осуществляется в ходе проверочной закупки, проводимой представителями правоохранительных органов в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 года N 144-ФЗ (в редакции Федерального закона от 2 декабря 2005 года N 150-ФЗ) «Об оперативно-розыскной деятельности», содеянное следует квалифицировать по части 3 статьи 30 и соответствующей части статьи 2281 УК РФ, поскольку в этих случаях происходит изъятие наркотического средства или психотропного вещества из незаконного оборота.

В случае, когда лицо, имея умысел на сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в крупном или особо крупном размере, совершило такие действия в несколько приемов, реализовав лишь часть имеющихся у него указанных средств или веществ, не образующую крупный или особо крупный размер, всё содеянное им подлежит квалификации по части 3 статьи 30 УК РФ и соответствующей части статьи 2281 УК РФ [4].

С данным обстоятельством трудно согласиться, поскольку умысел субъекта преступления в данном случае направлен на сбыт наркотических средств или психотропных веществ. Факт, что лицо сбывает запрещенные препараты под контролем сотрудников правоохранительных органов ему не известен, субъективно он понимает, что сбывает наркотики и фактически их сбыл. Следовательно, данное преступление необходимо считать оконченным, хотя как было сказано выше, рекомендовано было это считать покушением.

В последующем в данное постановление пленума были внесены изменения и в п. 131 постановления в редакции от 16 мая 2017 года уже отражено следующее: «Учитывая, что диспозиция ч.1 ст. 2281 УК РФ не предусматривает в качестве обязательного признака объективной стороны данного преступления наступление последствий в виде незаконного распространения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, их незаконный сбыт следует считать оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств, веществ, растений независимо от их фактического получения приобретателем, в том числе когда данные действия осуществляются в ходе проверочной закупки или иного оперативно-розыскного мероприятия, проводимого в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 года N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Изъятие в таких случаях сотрудниками правоохранительных органов

из незаконного оборота указанных средств, веществ, растений не влияет на квалификацию преступления как оконченного» [4].

После принятия постановления в новой редакции любые действия, направленные на незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, практически стали означать оконченное преступление. Образовались проблемы в квалификации данного состава преступления.

На практике это отразилось следующим образом. Гражданин О. приобрел путем использования так называемой закладки порядка 700 граммов наркотического средства гашиш и хранил у себя дома. В один из дней к нему пришли сотрудники полиции и он добровольно выдал им данное наркотическое средство. Его действия в дальнейшем были квалифицированы как покушение на сбыт, хотя он утверждал и на предварительном следствии, и в судебном заседании, что употребляет гашиш на протяжении длительного времени и приобрел его для личного употребления [5]. Действия гражданина О. были ошибочно квалифицированы как покушение на сбыт наркотических средств и психотропных веществ. В его действиях, возможно, усматривалось приготовление к преступлению, но не покушение на сбыт.

Следующие спорные вопросы, которые возникают при квалификации действий, направленных на сбыт наркотических средств и психотропных веществ это ситуация, когда сбыт осуществляется путем использования закладок. Довольно часто сотрудники правоохранительных органов задерживают по подозрению лиц, которые занимаются именно таким способом сбыта наркотических средств и психотропных веществ. Практически в каждом случае у задержанного изымаются расфасованные по пакетам наркотические средства, часть из которых уже была размещена в тайники. Следствие данные действия квалифицирует как совокупность преступлений, квалифицируют их как оконченные преступления, хотя в данном случае усматривается не совокупность, а единое продолжаемое преступление.

В частности, гражданин К., имея умысел на незаконный сбыт наркотических средств, приобрел у неустановленного лица наркотическое средство, заранее расфасованное в 18 пакетов, незаконно хранил при себе, тем самым, приготовив их к дальнейшему сбыту, однако довести преступление до конца не смог, по независящим от него обстоятельствам, так как 14 марта 2018 года, не позднее 14 часов 10 минут, находясь по адресу: г. Москва, ул. Минская, дом 10, корпус 1, был задержан сотрудниками полиции и доставлен в Отдел МВД России по району Филевский парк г. Москвы. В последующем К. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 п «г» ч. 4 ст. 2281 УК РФ, пяти эпизодах преступлений, предусмотренных п. «б» ч.3 ст. 2281 УК РФ и ч. 1 ст. 2281 УК РФ, т.е. в сбыте и покушении на сбыт наркотических средств и приговорен к 10 (десяти) годам шести месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима [6].

Совокупностью преступления признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено (ст. 17 УК РФ). В действиях же К. явно усматривается преступление, охватывающиеся единым умыслом, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление. В этой связи в действиях К. усматривалось не семь эпизодов сбыта и покушения на сбыт, как совокупность преступлений, а единое продолжаемое преступление, предусмотренное п. «г» ч. 4 ст. 2281 УК РФ.

Все перечисленные обстоятельства привносят существенные трудности в квалификацию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Формулировка п. 131 постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006г. № 14 (в ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» не внесла ясности, а только усложнила задачу в плане квалификации действий, предусмотренных ст. 2281 УК РФ.

В целях исключения ошибок целесообразно было бы в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации дать более четкие рекомендации, указать конкретные обстоятельства, когда действия, направленные на незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов необходимо квалифицировать как приготовление, а в каких случаях как покушение на данное преступление.

В частности, предлагается квалифицировать действия следующим образом. Если есть основания полагать, что лицо приобрело наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги с целью сбыта, хранит их (в том числе и в расфасованном виде), но действий, указывающих на их сбыт, не предпринимает, данное обстоятельство необходимо квалифицировать как приготовление к сбыту. Когда лицо осуществляет закладку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в тайники, это действие необходимо квалифицировать как покушение на сбыт. Оконченным преступление будет являться в данном случае только тогда, когда покупатель забрал содержимое закладки и смог распорядиться содержимым закладки по личному усмотрению.

Литература и источники

1. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. М.: Издательский Дом «Городец», 2007. 336 с.
2. Герцензон А.А. Квалификация преступления. М.: РИО ВЮА, 1947. 25 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: на 15 марта 2021 года. М.: Проспект, 2020. 336 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006г. № 14 (в ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. №8.
5. Материалы уголовного дело № 1-459/17. Архив Преображенского районного суда г. Москвы.
6. Материалы уголовного дело № 1-123/18. Архив Дорогомиловского районного суда г. Москвы.

References and Sources

1. Kuznecova N.F. Problemy kvalifikacii prestuplenij: Lekcii po speckursu "Osnovy kvalifikacii prestuplenij" / Nauch. red. i predisl. akademika V.N. Kudryavceva. M.: Izdatel'skij Dom "Gorodec", 2007.336 s.
2. Gercenzon A.A. Kvalifikaciya prestupleniya. M.: RIO VYUA, 1947.25 s.
3. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: na 15 March 2021 goda. M.: Prospekt, 2020.336 s.
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 15 iyunya 2006g. No. 14 (v red. Ot 16.05.2017) "O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah, svyazannyh s narkoticheskimi sredstvami, psihotropnymi, sil'nodejstvuyushchimi i yadovitymi veshchestvami" 2006. No. 8.
5. Materialy ugolovnogo delo No. 1-459 / 17. Arhiv Preobrazhenskogo rajonnogo suda g. Moskvy.
6. Materialy ugolovnogo delo No. 1-123 / 18. Arhiv Dorogomilovskogo rajonnogo suda g. Moskvy

АКИМОЧКИН В.И. - кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета (9230194@rambler.ru).
AKIMOCHKIN V.I. - Ph.D. in Law, Associate Professor, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University (9230194@rambler.ru).

УДК 343.273 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-107-113

СОКОЛОВА О.В., СТЕПАНОВА И.Б.
СУДЕБНЫЙ ШТРАФ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦЕЛЕЙ И ОСНОВАНИЯ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Ключевые слова: судебный штраф, цели судебного штрафа, основание освобождения от уголовной ответственности.

Авторы статьи анализируют предлагаемый правоприменительной практикой и уголовно-правовой доктриной перечень целей судебного штрафа, а также их содержание; подвергают критическому осмыслению отдельные теоретические подходы к пониманию основания освобождения от уголовной ответственности, его сущности; проводят разграничение между терминами «основание» и «условие» освобождения от уголовной ответственности. Авторы доказывают, что для применения судебного штрафа при освобождении лица от уголовной ответственности характерна также цель общей превенции. Общее предупреждение распространяется на всех иных лиц и достигается формированием у них четкого представления о возможных материальных потерях даже в случае отказа государства от привлечения их к уголовной ответственности за совершенное преступление. Обоснован вывод о том, что что материальным основанием освобождения от уголовной ответственности следует считать нецелесообразность привлечения лица к уголовной ответственности в связи с тем, что восстановление социальной справедливости, исправление виновного и предупреждение совершения им новых преступлений достижимо без назначения наказания.

SOKOLOVA, O.V., STEPANOVA, I.B.
COURT FINE: THEORETICAL AND PRACTICAL APPROACHES TO DETERMINING THE PURPOSES AND THE BASIS OF ITS APPLICATION

Key words: court fine, purposes of the court fine, grounds for exemption from criminal liability.

The authors of the article analyze the list of purposes of the court fine, as well as their content, offered by law enforcement practice and criminal law doctrine; subject to critical reflection on certain theoretical approaches to understanding the grounds for exemption from criminal liability, its essence; draw a distinction between the terms "basis" and "condition" of exemption from criminal liability. The authors argue that the purpose of general prevention is also characteristic of the application of a court fine when a person is released from criminal liability. The general warning applies to all other persons and is achieved by forming a clear idea of possible material losses in them even if the state refuses to prosecute them for the crime. It is substantiated the conclusion that the material basis for exemption from criminal liability should be considered the inexpediency of bringing a person to criminal liability due to the fact that the restoration of social justice, the correction of the guilty person and the prevention of his commission of new crimes is achievable without the imposition of punishment.

Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 323-ФЗ [1] Уголовный кодекс РФ был дополнен новым видом освобождения от уголовной ответственности – назначением судебного штрафа, появление которого связано с современной уголовно-правовой политикой, направленной на расширение практики применения мер, альтернативных лишению свободы. Указанное нововведение вызвало бурные научные дискуссии по различным аспектам, связанным с судебным штрафом, в числе которых, вопрос о перечне и содержании его целей, а также об определении оснований освобождения от уголовной ответственности.

Неоднозначность понимания в юридической литературе целей судебного штрафа обусловлена тем, что сам законодатель их перечень не определил, а Верховный Суд РФ указал на те же цели, что и у наказания [2].

Первая группа ученых не усматривает возможности достичь цели восстановления социальной справедливости в ходе применения судебного штрафа. К примеру, Н.А. Егорова указывает, что цель восстановления справедливости подразумевает возложение тягот и лишений, соразмерных тяжести совершенного преступления, а также учет интересов потерпевшего, неотвратимость применения мер уголовно-правового характера. Если суд при освобождении лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа может не учитывать мнение потерпевшего, то цель восстановления социальной справедливости достигнута быть не может [3, с. 160-161]. Схожие идеи озвучивает и Н.С. Луценко, утверждая, что судебный штраф – это не принудительная мера, она носит «компромиссный характер» между виновным и государством, поэтому изначально не связана с соразмерностью тяжести совершенного преступления и той меры, которая будет выбрана данному лицу [4, с. 34, 45].

Е.А. Хлебницына придерживается другой точки зрения. Автор полагает, что сам факт возбуждения уголовного дела, участие виновного в процессуальных мероприятиях оказывают на него травмирующее нравственно-психологическое воздействие, которое соответствует характеру и степени общественной опасности личности и деяния. Условием освобождения является возмещение ущерба потерпевшему, что способствует возникновению у них мысли о защищенности принадлежащих им прав. Все это, по мнению Е.А. Хлебницыной, указывает на восстановительную функцию судебного штрафа [5, с. 8-12]. Аналогичного мнения (о возможности достижения цели восстановления социальной справедливости) придерживаются и другие ученые [6, с. 122-128]. Так, например, А.П. Кузнецов и С.И. Курдюков считают, что эта цель достигается «процедурой возвращения в первоначальное состояние нарушенных в результате совершенного противоправного деяния общественных отношений, охраняемых уголовным законом». Понятием «восстановление социальной справедливости» авторы охватывают компенсацию причиненного вреда (ущерба) личности, обществу, государству (оплата лечения, возмещение стоимости похищенного, принесение публичного извинения и т.д.). Выбор уголовно-правовой меры, соответствующей тяжести совершенного противоправного деяния, с учетом личности виновного и иных обстоятельств также позволяет достичь рассматриваемую цель [7, с. 4-7].

Мнение ученых соотносится с правоприменительной практикой, которая содержит многочисленные примеры, свидетельствующие о значимости установления цели восстановления социальной справедливости при решении вопроса о прекращении уголовного дела в связи с освобождением лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Так, например, суд прекратил уголовное дело, возбужденное в отношении П. по факту превышения должностных полномочий, с назначением судебного штрафа, полагая возможным восстановление социальной справедливости без назначения наказания. П. причиненный ущерб полностью возместил, вред загладил. Были восстановлены нарушенные законные интересы органа местного самоуправления, общества и государства [8].

По делу К., совершившему преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 264 УК РФ, суд пришел к выводу о необходимости прекратить уголовное дело и применить судебный штраф, т.к. это наиболее полно будет отвечать требованиям восстановления социальной справедливости и исправлению К. Суд указал, что К. впервые признан виновным в совершении преступления средней тяжести, добровольно возместил потерпевшей моральный вред и материальный ущерб, оказал благотворительную помощь, полностью признал вину, раскаялся в содеянном, оказывает материальную помощь престарелой матери и брату [9]. Отметим, что в данном примере

содержится также указание на такую цель судебного штрафа, как исправление виновного лица, которое может быть достигнуто без назначения наказания.

Полагаем, что значение для решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности имеет каждая из целей в отдельности. Даже если одна из целей (например, восстановление социальной справедливости) будет достигнута, а иная – нет (в частности, исправление лица), то судебный штраф применять не следует.

Постановлением Басманного районного суда г. Москвы было отказано в назначении виновной в двух кражах судебного штрафа, хотя та возместила ущерб потерпевшим; воспитывает троих малолетних детей, вину признала полностью, раскаивается в содеянном. Фигурантка уголовного дела в период между данными преступлениями совершила еще одно преступление – покушение на кражу, за которое ее уже освободили от ответственности. Суд указал, что назначение судебного штрафа должно способствовать исправлению виновного и недопущению совершения им в будущем новых преступлений и посчитал нецелесообразным освобождать ее от уголовной ответственности за другие преступления, поскольку та не встала на путь исправления [10].

По мнению Н.С. Луценко, исправление при применении судебного штрафа достигается самим фактом возбуждения уголовного дела, судебным разбирательством и необходимостью произвести денежную выплату (т.н. исправление «рублем») [4]. Е.А. Хлебницына считает, что воспитательная функция судебного штрафа реализуется в формировании положительных качеств личности, в отношении которой был применен метод поощрения и стимулирования совершения общественно полезных действий после совершения преступления [5].

Полагаем, что понятие исправления, зафиксированное в ст. 9 УИК РФ, может быть использовано и для раскрытия цели исправления при применении судебного штрафа. Исправление заключается в формировании у лица правопослушного поведения, уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что, в основном, суды при принятии решения о назначении судебного штрафа учитывают цель специальной превенции [11], что соответствует, на наш взгляд, позиции высшей судебной инстанции. В пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» Верховный Суд РФ пояснил, что с принятием предлагаемых (на тот момент) изменений «основная нагрузка в превенции правонарушений ляжет на иные меры уголовно-правового характера, а механизм уголовной ответственности будет включаться только когда применение иных мер уголовно-правового характера не достигло своих целей и не оказало достаточного превентивного воздействия на правонарушителя» [12].

Из осужденных в 2019 году (598214 человек) только один процент (6002 чел.) ранее освобождались от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (для сравнения: почти 9 % имели на момент осуждения две судимости, 8 % - три и более судимости) [13]. Н.С. Луценко отмечает, что еще в советский период уровень рецидива лиц, освобожденных от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, был ниже, чем в других группах осужденных [4].

Выскажем мнение о том, что для применения судебного штрафа при освобождении лица от уголовной ответственности характерна и цель общей превенции. Общее предупреждение распространяется на всех иных лиц и достигается формированием у них четкого представления о возможных материальных потерях даже в случае отказа государства от привлечения их к уголовной ответственности за совершенное преступление.

Наряду с выше перечисленными целями исследователи называют такие, как: компенсационную цель (служит налоговым интересам государства, в доход которого поступают суммы судебного штрафа), социальную цель (усматривается в уменьшении количества судимых граждан), цель процессуальной экономии (позволяет правоохранительным органам сконцентрировать свои ресурсы на расследовании преступлений, представляющих бóльшую опасность для общества) [3]. Е.А. Хлебницына вместо компенсационной выделяет экономическую функцию, но при этом, ссылаясь на других ученых (В.В. Власенко, О.А. Михаль), дополняет, что ее реализация способствует также уменьшению материальных затрат на содержание органов

уголовной юстиции и «разгрузке» в необходимых пределах СИЗО и исправительных учреждений [5].

Позволим себе не согласиться с выделением социальной цели, поскольку, на наш взгляд, она дублирует цель исправления и профилактическую (превентивную) цель судебного штрафа. В свою очередь, заслуживает внимания цель процессуальной экономии: она была озвучена правоприменителем в цитируемой выше пояснительной записке.

Анализируя основания освобождения от уголовной ответственности, следует отметить, что в юридической литературе не выработано однозначного подхода к пониманию терминов «основание» и «условие» освобождения от уголовной ответственности, что, по мнению ученых, связано с отсутствием их законодательного определения. Не вносит ясности и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [14], в положениях которого данные понятия также не разграничиваются.

Согласно первой точке зрения, между терминами «основание» и «условие» освобождения от уголовной ответственности различий не проводится [15, с. 28-49]. Однако мы полагаем, что отождествлять их нельзя. «Основание» сводится к «причине, достаточному поводу, оправдывающему что-нибудь, а «условие» – это «данные, требования, из которых следует исходить» [16, с. 463, 839]. Например, Т.Г. Понятовская отмечает, что основания освобождения от уголовной ответственности должны давать «представление о том, по какой причине (социально-политической, правовой необходимости) государство отказывается от реализации своей обязанности» [17, с. 94].

В рамках второго подхода ученые отграничивают два этих понятия друг от друга, но единства мнений относительно содержания оснований и условий освобождения не наблюдается. Согласно первой точке зрения, в качестве основания освобождения от уголовной ответственности называют совокупность условий освобождения, при наличии которой суд может применить ту или иную уголовно-правовую норму [18, с. 102]. Позволим себе не согласиться с такой позицией. Обобщая практику применения ст. 76.2 УК РФ, Верховный Суд РФ применил оба термина, указав, что для принятия решения об освобождении от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ необходимо выявлять наличие *оснований и условий* [19]. Установление всех условий не является для суда императивным требованием освободить лицо от уголовной ответственности.

Приведем пример. При решении вопроса о применении судебного штрафа к Х., совершившему в январе 2018 г. кражу, суд отметил, что все условия для его освобождения формально имеются, однако они не являются безусловным основанием для отказа государства от реализации уголовной ответственности, т.к. закон не обязывает суд, а предоставляет ему право по своему усмотрению и внутреннему убеждению решать данный вопрос. Х. 19 ноября 2018 г. осужден за совершение 22 августа 2018 г. умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью. По мнению суда, степень общественной опасности его личности не изменилась, он по-прежнему склонен к совершению противоправных действий, прекращение уголовного дела не соответствует целям исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений [20].

Другие исследователи в качестве оснований применения судебного штрафа усматривают возмещение ущерба или иным образом заглаживание причиненного преступлением вреда. Что касается условий, то среди них называют: совершение преступления впервые и отнесение преступления к категории небольшой или средней тяжести [4]. Схожую точку зрения высказывает также Н.Н. Апостолова, указывая при этом еще на одно основание – уплату судебного штрафа в установленный судом срок [21, с. 34]. Не соглашаясь с данным мнением, поясним, что оно расходится с позицией правоприменителя. Согласно п. 16.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 совершение лицом преступления небольшой или средней тяжести впервые, а также возмещение ущерба или иным образом заглаживание причиненного преступлением вреда именуются «условиями».

Согласно третьей точке зрения авторов, основание освобождения от уголовной ответственности – это нецелесообразность применения уголовной ответственности к лицу, а) обусловленная позитивным посткриминальным поведением и принципом экономии уголовной репрессии [22]; б) основанная на выводе суда о том, что «обвиняемый, которому назначен

судебный штраф, способен исправиться» [23], что, по сути, указывает на снижение общественной опасности субъекта; в) «в связи с тем, что цели уголовной ответственности могут быть достигнуты без назначения наказания» [5].

Так, например, в решении Боготольского районного суда Красноярского края отмечается: П., обвиняемым в краже, приняты меры, направленные на заглаживание вреда и восстановление нарушенных в результате совершения им преступления законных интересов потерпевшей, в связи с чем суд, учитывая, что по делу установлены все условия для применения положений ст. 76.2 УК РФ, приходит к выводу о нецелесообразности привлечения П. к уголовной ответственности и возможности достижения целей уголовного законодательства без назначения ему наказания [24]. Аналогичную формулировку можно встретить и в других судебных решениях [25].

Представители четвертой позиции анализируют процессуальное основание прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа. Таким основанием, по их мнению, является инициатива суда либо ходатайство органа предварительного расследования. Условия прекращения уголовного дела – предусмотренные уголовным и уголовно-процессуальными законами обстоятельства, с которыми связывается возможность прекращения уголовного дела и назначение судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ) [26, с. 11-12].

Согласно пятой позиции, виды освобождения от уголовной ответственности (например, с назначением судебного штрафа, с примирением с потерпевшим и др.) называют основаниями такого освобождения (материально-правовыми нереабилитирующими основаниями) [27]. В качестве аргумента «за» данный подход можно привести позицию правоприменителя, согласно которой, «если имеется несколько нереабилитирующих оснований, суд … разъясняет лицу право возражать против прекращения уголовного дела … по каждому из этих оснований и прекращает уголовное дело … по тому основанию, против которого оно не возражает» (п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19). Ю.Е. Пудовочкин и А.А. Толкаченко, анализируя данный подход, справедливо обращают внимание на неунифицированность терминологии в УПК РФ в части оснований, условий, порядка, случаев прекращения дела; отмечают, что уголовно-процессуальное законодательство призвано регулировать не основания в смысле условий, а порядок применения корреспондирующих уголовно-правовых норм [27].

В целом, можно утверждать, что материальным основанием освобождения от уголовной ответственности следует считать нецелесообразность привлечения лица к уголовной ответственности в связи с тем, что восстановление социальной справедливости, исправление виновного и предупреждение совершения им новых преступлений достижимо без назначения наказания.

Литература и источники

1. Российская газета. 2016. 8 июля. № 149.
2. К проекту Федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: пояснительная записка. // СПС «КонсультантПлюс».
3. Егорова Н.А. Новый вид освобождения от уголовной ответственности: теоретический, законодательный и правоприменительный аспекты // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 3 (12).
4. Луценко Н.С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения: дис. … канд. юрид. наук. Хабаровск, 2019.
5. Хлебницына Е.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: монография. М.: Юрлитинформ, 2020.
6. Юсупов М.Ю. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2016. №6.
7. Кузнецов А.П., Курдюков С.И. Цели уголовного наказания: теоретико-прикладное исследование // Российская юстиция. 2019. № 3.
8. Постановление Майского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 11.03.2021 № 1-75/2021. // СПС «КонсультантПлюс».
9. Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 11.03.2021 по делу № 22-1413/2021. // СПС «КонсультантПлюс».
10. Апелляционное постановление Московского городского суда от 24.02.2021 по делу № 10-3441/2021. // СПС «КонсультантПлюс».
11. Апелляционное постановление Московского городского суда от 24.02.2021 по делу № 10-3441/2021. // СПС «КонсультантПлюс».
12. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ за 2019 г. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/k5_2-svod_vse_sudy-2019.xls (дата обращения: 20.11.2021).

14. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) // Российская газета. 2013. 5 июля. № 145; Российская газета. 2016. 7 декабря. № 277.
15. Аликперов Х.Д. Освобождение от уголовной ответственности. М.-Воронеж, 2001.
16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 4-е изд. 2006.
17. Понятовская Т.Г. Нужны ли условиям освобождения от уголовной ответственности формальные признаки? // Общество и право. 2015. № 4.
18. Кудрявцева А., Сутягин К. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6.
19. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 12. Декабрь.
20. Постановление Ржевского городского суда Тверской области от 24.01.2019 по делу № 1-13/2019. // СПС «КонсультантПлюс».
21. Апостолова Н.Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Российская юстиция. 2016. № 10.
22. Кауфман М.А. Е вопросу об основании освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 143-156.
23. Лобанова Л.В., Мкртчян С.М. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2016. № 6. С. 111-121.
24. Постановление Боготольского районного суда Красноярского края от 09 сентября 2020 года по делу № 1-125/2020. // СПС «КонсультантПлюс».
25. Постановление Петушинского районного суда Владимирской области от 28 июля 2020 года по делу № 1-138/2020. // СПС «КонсультантПлюс».
26. Арсенова Н.В., Черепанова Л.В. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: учебное пособие. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2020.
27. Пудовочкин Ю.Е., Толкаченко А.А. Основные направления межотраслевого совершенствования института освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 60-76.

References and Sources

1. Rossijskaya gazeta. 2016. 8 iyulya. № 149.
2. K proektu Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v UK RF i UPK RF po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti»: poyasnitel'naya zapiska. // SPS «Konsul'tantPlyus».
3. Egorova N.A. Novyj vid osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti: teoreticheskij, zakonodatel'nyj i pravoprimenitel'nyj aspekty // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. 2017. № 3 (12).
4. Lucenko N.S. Sudebnyj shtraf: problemy teorii i pravoprimeneniya: dis. … kand. yurid. nauk. Habarovsk, 2019.
5. Hlebnicyna E.A. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa: monografiya. M.: YUrlitinform, 2020.
6. Yusupov M.Yu. Voprosy primeneniya novogo vida osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa // Ugolovnoe pravo. 2016. №6.
7. Kuznecov A.P., Kurdyukov S.I. Celi ugolovnogo nakazaniya: teoretiko-prikladnoe issledovanie // Rossijskaya yusticiya. 2019. № 3.
8. Postanovlenie Majskogo rajonnogo suda Kabardino-Balkarskoj Respubliki ot 11.03.2021 № 1-75/2021. // SPS «Konsul'tantPlyus».
9. Apellyacionnoe postanovlenie Permskogo kraevogo suda ot 11.03.2021 po delu № 22-1413/2021. // SPS «Konsul'tantPlyus».
10. Apellyacionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 24.02.2021 po delu № 10-3441/2021. // SPS «Konsul'tantPlyus».
11. Apellyacionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 24.02.2021 po delu № 10-3441/2021. // SPS «Konsul'tantPlyus».
12. Poyasnitel'naya zapiska «K proektu Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v UK RF i UPK RF po voprosam sovershenstvovaniya osnovanij i poryadka osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti» // SPS «Konsul'tantPlyus».
13. Otchet o harakteristike prestupleniya, ego recidiva i povtornosti po chislu osuzhdennyh po vsem sostavam prestuplenij UK RF za 2019 g. // Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF. http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/k5_2-svod_vse_sudy-2019.xls (data obrashcheniya: 20.11.2021).
14. O primenenii sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.06.2013 № 19 (red. ot 29.11.2016) // Rossijskaya gazeta. 2013. 5 iyulya. № 145; Rossijskaya gazeta. 2016. 7 dekabrya. № 277.
15. Alikperov H.D. Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti. M.-Voronezh, 2001.
16. Ozhegov S.I., SHvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskih vyrazhenij. M., 4-e izd. 2006.
17. Ponyatovskaya T.G. Nuzhny li usloviyam osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti formal'nye priznaki? // Obshchestvo i pravo. 2015. № 4.
18. Kudryavceva A., Sutyagin K. Sudebnyj shtraf // Ugolovnoe pravo. 2016. № 6.
19. Obzor sudebnoj praktiki osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa (stat'ya 76.2 UK RF) (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 10.07.2019) // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2019. № 12. Dekabr'.
20. Postanovlenie Rzhevskogo gorodskogo suda Tverskoj oblasti ot 24.01.2019 po delu № 1-13/2019. // SPS «Konsul'tantPlyus».
21. Apostolova N.N. Prekrashchenie ugolovnogo dela ili ugolovnogo presledovaniya s naznacheniem mery ugolovno-pravovogo haraktera v vide sudebnogo shtrafa // Rossijskaya yusticiya. 2016. № 10.
22. Kaufman M.A. E voprosu ob osnovanii osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. № 1. S. 143-156.
23. Lobanova L.V., Mkrtchyan S.M. Nekotorye problemy ustanovleniya i realizacii novogo osnovaniya osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti // Ugolovnoe pravo. 2016. № 6. S. 111-121.
24. Postanovlenie Bogotol'skogo rajonnogo suda Krasnoyarskogo kraya ot 09 sentyabrya 2020 goda po delu № 1-125/2020. // SPS «Konsul'tantPlyus».
25. Postanovlenie Petushinskogo rajonnogo suda Vladimirskoj oblasti ot 28 iyulya 2020 goda po delu № 1-138/2020. // SPS «Konsul'tantPlyus».
26. Arsenova N.V., CHerepanova L.V. Prekrashchenie ugolovnogo dela (ugolovnogo presledovaniya) v svyazi s naznacheniem mery ugolovno-pravovogo haraktera v vide sudebnogo shtrafa: uchebnoe posobie. Barnaul: Barnaul'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2020.
27. Pudovochkin Yu.E., Tolkachenko A.A. Osnovnye napravleniya mezhotraslevogo sovershenstvovaniya instituta osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 4. S. 60-76.

СОКОЛОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Ивановского государственного университета (olgasokolova.067@mail.ru).
СТЕПАНОВА ИРИНА БОРИСОВНА – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и процесса Ивановского государственного университета (kiddy2006@yandex.ru).

SOKOLOVA, OLGA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Ivanovo State University.
STEPANOVA, IRINA B. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Ivanovo State University.

УДК 343.98 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-113-117

ХОМУТОВ С.В.
О НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

Ключевые слова: судебный эксперт, криминалистическая профилактика, организация управления, внешняя и внутренняя судебно-экспертная профилактика.

В статье рассмотрены понятие, задачи криминалистической профилактики, у истоков которой стояли Р.С. Белкин, В.П. Колмаков, Н.П. Яблоков и другие ученые. Предложены определения основных понятий судебно-экспертной профилактики. Показаны и проанализированы актуальные проблемы судебно-экспертной профилактики, особое внимание уделено внутренней экспертной профилактике, вопросам повышения ее качества. Внесены рекомендации в виде специальных мер по организации управления судебно-экспертной профилактикой, с алгоритмом выполняемых участниками функций по внешней и внутренней судебно-экспертной профилактике. Особое внимание уделено контролю и проверке исполнения внутренней экспертной профилактики. Подчеркнуто, что для эффективного управления судебно-экспертной профилактикой должен быть обеспечен высокий уровень контроля и проверки исполнения поставленных перед исполнителями задач. Осознание верифицируемости деятельности каждого участника, как правило, приводит к ответственному исполнению ими своих функций.

KHOMUTOV, S. V.
ABOUT THE DIRECTIONS OF FORENSIC PREVENTION DEVELOPMENT

Key words: forensic expert, forensic prevention, management organization, external and internal forensic prevention.

The article considers the concept and tasks of forensic prevention, the origins of which were R.S. Belkin, V.P. Kolmakov, N.P. Yablokov and other scientists. Definitions of the basic concepts of forensic prevention are proposed. The main problems of forensic prevention are shown and analyzed, special attention is paid to internal expert prevention, issues of improving its quality. Recommendations have been made in the form of special measures for the organization of the management of forensic prevention, with the algorithm of the functions performed by the participants for external and internal forensic prevention. Special attention is paid to the control and verification of the implementation of internal expert prevention. It was emphasized that for the effective management of forensic prevention, a high level of control and verification of the fulfillment of the tasks assigned to the performers must be ensured. Awareness of the verifiability of the activities of each participant, as a rule, leads to the responsible performance of their functions.

В условиях постоянно проводимых социально-экономических преобразований, криминогенная обстановка в нашей стране продолжает оставаться напряженной. Так, за прошлый (2020) год было зафиксировано 2 044 221 преступлений (на 1 % больше, чем в 2019 году). Из этого числа нераскрытыми остались 1 012 234 преступлений, или 49,5 % от общего количества зарегистрированных преступлений [1]. При таком сложном состоянии борьбы с преступностью исключительную значимость приобретают профилактические меры со стороны государства. И среди таких мер предупреждения правонарушений, в реализации которых заняты правоохранительные органы, общественные организации и иные структуры, можно выделить еще одну – криминалистическую профилактику правонарушений, в том числе, судебно-экспертную профилактику.

Научные основы криминалистической профилактики были заложены в трудах Р.С. Белкина [2], В.П. Колмакова [3], С.П. Митричева [4], Н.П. Яблокова [5]. Вышеназванными учеными было показано, что криминалистическая профилактика очень значима в деле борьбы с преступностью и имеет значительные отличия от криминологической профилактики, изучающей «закономерности, определяющие состояние, формы, причины, динамику преступности, условия, способствующие ее совершению, особенности личности преступников, а также меры общего характера» [6, с. 150].

Формирование научных положений криминалистической профилактики было закреплено трудами В.Ф. Зудина [7], М.Ш. Махтаева [8], Н.П. Яблокова [9]. Ими были разработаны и предложены для внедрения в практику основные криминалистические средства и методы профилактики правонарушений. В частности, появилось и получило признание одно из общеизвестных определений, согласно которому криминалистическая профилактика понимается как «деятельность по изучению механизма следового отображения конкретных преступных деяний в разных источниках профилактически значимого характера; в виде исследования особенностей типичных следственных ситуаций профилактического характера и т.д.» [10, с. 74].

Проведя сравнительный анализ криминологической профилактики и криминалистической профилактики, Н.П. Яблоков и его последователи разработали единую систему деятельности криминалистов по предотвращению правонарушений, в которой присутствуют три базовых раздела:

«1) следственная профилактика;

2) экспертно-криминалистическая профилактика;

3) совместная профилактическая деятельность следственных и оперативно-розыскных органов» [11, с. 340].

Такое рассмотрение криминалистической профилактики в качестве отдельной частной теории криминалистического предотвращения правонарушений послужило толчком к дальнейшим научным исследованиям. И это привело к тому, что из второго в этом перечислении раздела профилактики стал постепенно все более отчетливо выделяться более узкий подвид профилактической деятельности – экспертная профилактика. Также постепенно стала формироваться частная теория экспертной профилактики. Одними из первых термин «экспертная профилактика» использовали в своих научных работах Д.П. Поташник [12] и И.Я. Фридман [13]. Значительные усилия к созданию основополагающих положений судебно-экспертной профилактики были приложены известными учеными Т.В. Аверьяновой и И.А. Алиевым [14].

Научные основы теории экспертной профилактики подкреплялась необходимостью борьбы с преступностью при помощи специфических средств и методов, образуемых в ходе проведения судебных экспертиз. С 2017 года в трудах ученых, таких, как Ф.Г. Аминев, судебно-экспертная профилактика была определена, как «закономерности возникновения, обнаружения, собирания, исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих совершению преступлений, полученной в ходе судебно-экспертной деятельности, и разрабатываемые специальные средства и методы устранения указанных обстоятельств в целях предупреждения готовящихся преступлений (правонарушений)» [10, с. 74].

Напомним, что судебно-экспертной деятельность определяется как «система действий (или деятельность) судебного эксперта и руководителя государственной или негосударственной судебно-экспертной организации, иных экспертов из числа сведущих лиц, по организации, производству, научно-методическому и информационному обеспечению судебных экспертиз, выполняемых по поручению лица или органа, ее назначившего» [15, с. 6].

Вместе с тем, представляется необходимым, исходя из определения судебно-экспертной деятельности, которая ведется в рамках судопроизводства, внести изменение в название рассматриваемого вида профилактической деятельности и дополнить его словом «судебно» – в результате получив полное название: «судебно-экспертная профилактика».

Следует отметить, что судебно-экспертную профилактику, как вид деятельности, можно разделить по различным основаниям на несколько направлений.

Например, по объекту профилактического воздействия предлагаем судебно-экспертную профилактику разделить на внешнюю и внутреннюю. О внешней судебно-экспертной профилактике (она заключается в выявлении судебным экспертом недостатков в деятельности лиц, организаций и предприятий, в отношении деятельности которых процессуально уполномоченным лицом (судьей, следователем) поручено проведение судебных экспертиз, и дальнейшей разработке профилактических рекомендаций по предупреждению выявленных недостатков) в юридической литературе написано достаточно много.

К сожалению, не у всех участники судопроизводства имеются знания для дальнейшего применения информации, получаемой в ходе профилактической деятельности судебных экспертов. Поэтому правильно отмечает Ф.Г. Шахкелдов, что «необходим постоянный анализ следственной практики (в том числе собственной практики каждого следователя) и совершенствование тактики использования новейших методов при разрешении сложных ситуаций, в результате чего появляются все возможности для повышения эффективности расследования и раскрытия преступлений» [16, с. 87-88].

Вполне естественно, что в следственной и судебно-экспертной практике нередко встречается ситуация, когда следователем, дознавателем (судом) при назначении судебной экспертизы перед экспертом ставятся вопросы, требующие установления условий и обстоятельств, способствующих совершению правонарушения. При этом велика вероятность того, что в ходе производства судебной экспертизы и последующего составления заключения эксперта в выводах может содержаться информация с умозаключениями, имеющими значение для предупреждения правонарушений. Изучив такое заключение эксперта, процессуально ответственные лица имеют

право осуществить запрос у судебного эксперта относительно интересующих его положений заключения эксперта, содержащих предложения по устранению выявленных и изложенных в экспертном заключении недостатков. После проведенной аналитической работы следователь, дознаватель (суд) может провести реализацию полученных предложений путем формирования представления, или специального постановления (определения) в адрес руководителя рассмотренной организации или предприятия с указанием о немедленном устранении выявленных недостатков, которые могут способствовать совершению правонарушений.

Можно привести и другие алгоритмы внешней экспертной профилактики в ходе судебно-экспертной деятельности, с многообразными способами выявления недостатков и мер по их устранению.

В то же время, наименее изученной частью судебно-экспертной профилактики является внутренняя судебно-экспертная профилактика. О внутренней судебно-экспертной профилактике, которая ведется путем выявления руководителем судебно-экспертной организации (или по его поручению – специалистом) пробелов (ошибок) в работе субъектов судебно-экспертной деятельности, разработке и осуществлению мер по устранению выявленных недостатков этой деятельности, научные публикации только начали появляться.

Так, нами в результате диссертационного исследования «разработаны тактические положения по выявлению заведомо ложных заключений эксперта, представлена система криминалистических признаков заведомо ложного заключения, показаны способы их выявления» [17, с. 20]. Особое внимание придается разработке одного из самых эффективных способов внутренней профилактики – рецензии заключения эксперта. При этом рекомендуется рецензентом назначать специалиста, обладающего большим уровнем знаний, умений и навыков, чем рецензируемый эксперт (причем стаж работы по исследуемой экспертной специальности должен быть не менее 10 лет), «владеющего знанием процессуального законодательства и как объективной, так и субъективной компетенцией» [18, с. 197]. Повышению эффективности судебно-экспертной профилактики будут способствовать проведение рекомендованных нами курсов подготовки «ответственных сотрудников судебно-экспертных организаций по контролю за качеством судебно-экспертной деятельности этих организаций» [19, с. 44]. В целях исключения методических ошибок в заключениях судебных экспертов, предлагается проводить обучение и сдачу «квалификационных экзаменов по единой форме всеми судебными экспертами, являющимися работниками государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций, … единой вневедомственной Высшей квалификационной комиссией» [20, с. 62].

Тем не менее, в разработке судебно-экспертной профилактики предстоит еще большая научная, методическая и организационная работа. Представляется, следует перенять опыт с разрабатываемой криминалистами организации управления криминалистической профилактикой [21, с. 89-90]. Например, можно предложить следующий алгоритм организации управления судебно-экспертной профилактикой. Сначала рекомендуется наладить учет деятельности по судебно-экспертной профилактике (накопление в базах данных сведений о недостатках, вскрытых в результате производства экспертных исследований. Затем следует вести постоянный анализ накапливаемых сведений о выявленных недостатках, в ходе которого установить закономерности между причинами, создающими условия для совершения правонарушений (проявления недостатков) и самими правонарушениями, т.е. установить причинно-следственные связи. В результате такого анализа должны выявляться все обстоятельства, способствующие совершению правонарушений, особенно, элементы обстановки и способа их совершения.

В ходе последующего прогнозирования выдвигаются версии о возможных способах действия лиц, готовящихся совершить преступление. Одновременно следует предусмотреть действия правоохранительных органов по организации противодействия этим лицам.

В ходе планирования следует предусмотреть проведение профилактических мер организационного, процессуального, оперативно-розыскного, научно-технического, кадрово-воспитательного характера, в ходе реализации которых пресекаются криминальные действия правонарушителей на стадии подготовки правонарушения, предупреждается сама возможность совершения этих правонарушений. В ходе всей профилактической судебно-экспертной деятельности необходимо сочетание инициативы с централизованным руководством этой

деятельности. При этом должно осуществляться современное эффективное материально-техническое обеспечение судебно-экспертной профилактики.

Еще одно важной составной частью организации судебно-экспертной профилактики является кадровое обеспечение: этой деятельностью должны заниматься опытные высокоинтеллектуальные эксперты-практики, включая практикующих ученых.

И, наконец, для эффективного управления судебно-экспертной профилактикой должен быть обеспечен высокий уровень контроля и проверки исполнения поставленных перед исполнителями задач. Осознание верифицируемости деятельности каждого участника, как правило, приводит к ответственному исполнению ими своих функций.

По нашему мнению, предстоит провести еще более глубокие научные исследования по разработке многих положений судебно-экспертной профилактики в виде учебно-методических профилактических мероприятий; профилактических кадровых воспитательных мер и т.д. И такая работа крайне перспективна, так как ее проведение будет способствовать профилактике правонарушений в судебно-экспертной деятельности и повышению качества судопроизводства.

Литература и источники

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 г. // Министерство внутренних дел РФ: офиц. сайт. – Режим доступа: https: // xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/. (дата обращения 07.09.2021.).
2. Белкин Р.С. Предотвращение преступлений и предмет науки советской криминалистики // Криминалистика и вопросы предотвращения преступлений. М.: ВШ МВД РСФСР, 1962.
3. Колмаков В.П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений // Советское государство и право. 1961. № 12. С. 96-108.
4. Советская криминалистика: учеб. пособие по методике расследования отдельных видов преступлений / под ред. С.П. Митричева, М.П. Шаламова. М., 1962. 114 с.
5. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования. М., 1985.
6. Яблоков Н.П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 192 с.
7. Зудин В.Ф. Криминалистическая профилактика преступлений (концепция, принципы, средства реализации). Воронеж, 1995. 128 с.
8. Махтаев М.Ш. Основы теории криминалистического предупреждения преступлений: монография. М., 2001. 270 с.
9. Яблоков Н.П. Криминалистическое предупреждение преступлений // Материалы Всероссийской науч.-практ. конференции по проблемам профилактики правонарушений. М., 1997. С. 107-108.
10. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах профилактики в судебно-экспертной деятельности и путях их решения // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы X Международной научно-практической конференции (Уфа, УЮИ МВД РФ 19-20 апреля 2018 г.). 2018. № 1. С. 73-74.
11. Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: дис. …докт. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 2016.
12. Поташник Д.П. Предупреждение преступлений по материалам криминалистической экспертизы: дис. … канд. юрид. наук. Томск, 1964.
13. Фридман И.Я. Судебная экспертиза и вопросы предупреждения преступлений: дис. … докт. юрид. наук. Киев, 1974.
14. Алиев И.А., Аверьянова Т.В. Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы. Баку: Гянджлик, 1992. С. 153-190.
15. Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах интеграции научно-методического и организационного обеспечения судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Юристъ-Правоведъ. 2016. №3. С. 5-12.
16. Аминев Ф.Г., Шахкелдов Ф.Г. Об усовершенствованных специальных методах криминалистики в расследовании преступлений // Право и практика. 2021. №1. С. 87-91.
17. Хомутов С.В. Научно-методические и организационные основы криминалистической оценки заключений эксперта и специалиста: дисс. …канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2019. 25 с.
18. Хомутов С.В. О проблемах экспертной профилактики в судебно-экспертных организациях // Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 23-24 сентября 2021 г. Уфа: РИЦ БашГУ 2021. С. 195-198.
19. Аминев Ф.Г., Хомутов С.В. О правовом обеспечении профессиональной подготовки экспертов негосударственных судебно-экспертных организаций // Вестник криминалистики. 2019. № 2 (70). С. 38-48.
20. Аминев Ф.Г. К вопросу реформирования судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Криминалистика: теория и практика [Электронный ресурс]: материалы VIII Международной научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. С. 57-62.
21. Докучаев О.В. Криминалистическая деятельность и антикриминальная профилактика // Вклад В.Я. Колдина в отечественную криминалистику: сборник материалов по результатам работы Международного научно-практического форума – круглого стола, посвященного памяти профессора кафедры криминалистики Колдина Валентина Яковлевича, 26 мая 2021 года. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 82-94.

References and Sources

1. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' – dekabr' 2020 g. // Ministerstvo vnutrennih del RF: ofic. sajt. – Rezhim dostupa: https: // xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/. (data obrashcheniya 07.09.2021.).
2. Belkin R.S. Predotvrashchenie prestuplenij i predmet nauki sovetskoj kriminalistiki // Kriminalistika i voprosy predotvrashcheniya prestuplenij. M.: VSH MVD RSFSR, 1962.

3. Kolmakov V.P. Nekotorye voprosy kriminalisticheskoj profilaktiki prestuplenij // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1961. № 12. S. 96-108.
4. Sovetskaya kriminalistika: ucheb. posobie po metodike rassledovaniya otdel'nyh vidov prestuplenij / pod red. S.P. Mitricheva, M.P. SHalamova. M., 1962. 114 s.
5. Yablokov N.P. Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya. M., 1985.
6. Yablokov N.P. Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i problemy: monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2016. 192 s.
7. Zudin V.F. Kriminalisticheskaya profilaktika prestuplenij (koncepciya, principy, sredstva realizacii). Voronezh, 1995. 128 s.
8. Mahtaev M.SH. Osnovy teorii kriminalisticheskogo preduprezhdeniya prestuplenij: monografiya. M., 2001. 270 s.
9. Yablokov N.P. Kriminalisticheskoe preduprezhdenie prestuplenij // Materialy Vserossijskoj nauch.-prakt. konferencii po problemam profilaktiki pravonarushenij. M., 1997. S. 107-108.
10. Aminev F.G. O nekotoryh problemah profilaktiki v sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti i putyah ih resheniya // Aktual'nye problemy prava i gosudarstva v XXI veke: materialy H Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Ufa, UYUI MVD RF 19-20 aprelya 2018 g.). 2018. № 1. S. 73-74.
11. Aminev F.G. Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' v Rossijskoj Federacii: sovremennye problemy i puti ih resheniya: dis. …dokt. yurid. nauk. - Rostov-na-Donu, 2016.
12. Potashnik D.P. Preduprezhdenie prestuplenij po materialam kriminalisticheskoj ekspertizy: dis. … kand. yurid. nauk. Tomsk, 1964.
13. Fridman I.Ya. Sudebnaya ekspertiza i voprosy preduprezhdeniya prestuplenij: dis. … dokt. yurid. nauk. Kiev, 1974.
14. Aliev I.A., Aver'yanova T.V. Konceptual'nye osnovy obshchej teorii sudebnoj ekspertizy. Baku: Gyandzhlik, 1992. S. 153-190.
15. Aminev F.G. O nekotoryh problemah integracii nauchno-metodicheskogo i organizacionnogo obespecheniya sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii // Yurist"-Pravoved". 2016. №3. S. 5-12.
16. Aminev F.G., Shahkeldov F.G. Ob usovershenstvovannyh special'nyh metodah kriminalistiki v rassledovanii prestuplenij // Pravo i praktika. 2021. №1. S. 87-91.
17. Homutov S.V. Nauchno-metodicheskie i organizacionnye osnovy kriminalisticheskoj ocenki zaklyuchenij eksperta i specialista: diss. …kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2019. 25 s.
18. Homutov S.V. O problemah ekspertnoj profilaktiki v sudebno-ekspertnyh organizaciyah // Teoriya i praktika fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij v sfere sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti i DNK-registracii naseleniya Rossijskoj Federacii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem 23-24 sentyabrya 2021 g. Ufa: RIC BashGU 2021. S. 195-198.
19. Aminev F.G., Homutov S.V. O pravovom obespechenii professional'noj podgotovki ekspertov negosudarstvennyh sudebno-ekspertnyh organizacij // Vestnik kriminalistiki. 2019. № 2 (70). S. 38-48.
20. Aminev F.G. K voprosu reformirovaniya sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii // Kriminalistika: teoriya i praktika [Elektronnyj resurs]: materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2020. S. 57-62.
21. Dokuchaev O.V. Kriminalisticheskaya deyatel'nost' i antikriminal'naya profilaktika // Vklad V.YA. Koldina v otechestvennuyu kriminalistiku: sbornik materialov po rezul'tatam raboty Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma – kruglogo stola, posvyashchennogo pamyati professora kafedry kriminalistiki Koldina Valentina Yakovlevicha, 26 maya 2021 goda. M.: Yurlitinform, 2021. S. 82-94.

ХОМУТОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета (kriminalist2010@mail.ru).
KHOMUTOV, SERGEY V. – Ph.D. in Law, Lecturer of the Department of Criminalistics, Institute of Law of the Bashkir State University (kriminalist2010@mail.ru

УДК 343.98 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-117-121

ЧЕРМЕНЁВА С.С., ЧХВИМИАНИ Э.Ж., ЛУНКАШУ Ю.В. ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРОВЕРКА И ЕЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Ключевые слова: предварительная проверка, преступления в сфере жилищно-коммунального хозяйства, расследование, следственные действия, преодоление противодействия.

В настоящее время количество направленных в суд уголовных дел по делам в сфере жилищно-коммунального хозяйства значительно уменьшилось. Число возбужденных уголовных дел, как и оставшихся материалов проверок, в виду недостаточности в них сведений, достаточных для принятия решения о возбуждении уголовного дела, также снизилось. Так как развитие сферы жилищно-коммунального хозяйства находится в числе приоритетных направлений, возникает необходимость не допустить ее криминализации, что входит в полномочия правоохранителей, тем самым возлагая на них ответственность о выявлении каждого нарушения законодательства и противоправного факта.

CHERMENYOVA, S.S., CHKHVIMIANI, E.Zh., LUNKASHU, Y.V.
PRELIMINARY INSPECTION AND ITS FORENSIC SIGNIFICANCE IN THE ORGANIZATION OF INVESTIGATION AND OVERCOMING COUNTERACTION TO CRIMES IN THE FIELD OF HOUSING-COMMUNAL SERVICES

Key words: preliminary inspection, crimes in the field of housing-communal services, investigation, investigative actions, overcoming counteraction.

Currently, the number of criminal cases sent to the court in cases in the field of housing-communal services has significantly decreased. The number of initiated criminal cases also decreased, and remained the materials of inspections, due to the lack of sufficient information in them to make a decision on initiating a criminal case. Since the development of the housing-communal services sector is among the priority areas, therefore, there is a necessity to prevent its criminalization, which is within the powers of law enforcement officers, thereby placing on them the responsibility to identify every violation of the law and illegal fact.

Жилищно-коммунальное хозяйство – отрасль экономики, которая в настоящее время находится под пристальным вниманием властей. Данное внимание обосновано, так как количество проблем в данной отрасли порождает необходимость в нахождении путей их преодоления с

направлением большого количества денежных средств, что влечет за собой и большую криминализацию действий лиц, имеющих к ней отношение. Усугубляет ситуацию также тот факт, что отсутствует четкое нормативное регулирование данной сферы, что порождает большое количество скрытых финансовых операций и коррупционных действий лиц, осуществляющих руководящие функции. Следует также учитывать и то, что в данную сферу включена целая система организаций различных направлений - осуществляющих обслуживание и ремонт жилого фонда, ресурсоснабжающих, управляющих, жилищных кооперативов, товариществ собственников и иных многоотраслевых организаций жилищно-коммунального хозяйства. Таким образом, удержание контроля над законным функционированием всей этой сложной системы представляет собой достаточно сложную задачу, которая требует на настоящий момент комплексного подхода, слагаемого из введения новой и корректировки действующей нормативной базы, которая позволит данной сфере функционировать более прозрачно и из разработки методического обеспечения контроля со стороны правоохранителей.

Теоретические основы выявления и расследования преступлений данной сферы уже сформированы учеными-криминалистами, так как невозможно столь значимый сектор экономики оставить без должного внимания. Так, Маринкин Д.Н. [1], Титова К.А. [2], Дорофеев И.Н., Строгалов В.В. [3] и другие уже исследовали вопросы методик расследования хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Следственный департамент МВД России для облегчения и формирования общего алгоритма действий по выявлению и расследованию преступлений рассматриваемой категории, разработал методические рекомендации, для внедрения их в практическую деятельность следственных подразделений [4]. Однако все же типичные проблемы проведения процессуальных проверок и расследования этим устранены не были. Также с течением времени и изменением схем, алгоритмов криминальных действий, требуется усовершенствование и разработка новых пошаговых рекомендаций для организации эффективной деятельности правоохранительных органов.

Анализ количества выявленных и направленных в суд с обвинительным заключением уголовных дел показал, что в Волгоградской области в сфере жилищно-коммунального хозяйства за 2018 год в производстве следственных подразделений области было возбуждено 35 уголовных дел, направлено в суд -10, а уже в 2020 году возбуждено 19 уголовных дел, направлено в суд 14, то есть налицо уменьшение количества выявленных фактов и возбужденных по ним уголовных дел, и увеличение количества направленных в суд с обвинительным заключением. Исходя из аналитических справок о результатах расследования, и в 2018, и в 2020 году основным недостатком при расследовании уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере жилищно-коммунального комплекса, является продолжительный срок расследования. На сроки предварительного следствия влияет не только необходимость проведения большого объема следственных и процессуальных действий, но и качественное и полное проведение процессуальных (доследственных) проверок [5].

Анализ судебно-следственной практики по уголовным делам о хищениях в ЖКХ позволяет констатировать, что действия виновных лиц квалифицируются как мошенничество (ст. 159 УК РФ, 159.4 УК РФ), присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ) и кража (ст. 158 УК РФ). В отдельных случаях возможно привлечение виновных лиц к уголовной ответственности за такие преступления, как злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ), злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ) и другие [6]. Перечисленные составы преступлений относятся к категории экономических и коррупционных, следовательно, выявление и осуществление предварительной процессуальной проверки по ним находится в компетенции правоохранителей по линии экономической безопасности. От качества взаимодействия сотрудников УЭБ и ПК со следственными органами не только на этапе расследовании, но и на этапах проведения доследственных процессуальных проверок, напрямую зависит насколько своевременным и законным будет принято решение по выявленному факту действий криминального характера в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Сроки проверки по преступлениям, совершенным в сфере жилищно-коммунального хозяйства не отличаются от сроков, которые определяет уголовно-процессуальный кодекс для иных категорий преступлений. Однако комплекс мероприятий и объем информации, которую

необходимо получить и проанализировать зачастую не позволяет получить объективные данные, достаточные для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Материал проверки в следственные подразделения зачастую поступает в последний день срока, тем самым сокращает время на полноценное ознакомление с материалами проверки, и в большинстве случаев без достаточных данных, указывающих на наличие состава преступления в действиях лиц, в отношении которых проводилась проверка. Наиболее часто в материалах проверки отсутствуют следующие сведения:

- сведения о сумме ущерба (т.е. не назначаются экспертные исследования для ее выявления, либо данные исследования назначены, но их результаты не приобщены к материалам проверки);
- точные сведения о периоде деятельности организации сферы, в который осуществлялись криминальные действия;
- в материалах по сомнительным сделкам зачастую не отработаны контрагенты и финансовые операции, совершаемые при возможном хищении денежных средств;
- полный комплект документации, которым сопровождается оформление контрактов с подрядными организациями, поставщиками ресурсов и т.д.
- материалами проверок не подтверждается корыстная мотивация и индивидуальная заинтересованность лиц, в отношении которых проводится проверка;
- в материалах проверок содержатся факты о действиях, которые были совершены организациями, деятельность которых прекращена на момент начала или окончания процессуальной проверки; как следствие - отсутствие правоустанавливающих документов и невозможность проведения экспертных исследований.

Перечисленное, далеко не полный перечень данных, отсутствие которых не позволяет следственным органам принять законное решение о наличии признаков состава преступления для возбуждения уголовного дела. Руководители следственных подразделений в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным кодексом, вправе вернуть для устранения недостатков материал проверки с вынесением мотивированного рапорта о том, чего именно недостаточно для принятия решения. Так как зачастую срок проверки уже подошел к концу, то далее недостатки устраняются вне законного срока, либо выносятся так же необоснованные решения об отказе в возбуждении уголовного дела, которые впоследствии подлежат отмене сотрудниками прокуратуры как незаконные. Движение материала для проверок принятых решений, его отмена, установление нового срока проверки в общей сложности занимает достаточно продолжительный временной промежуток. За этот период времени лица, в отношении которых проводится проверка на наличие криминальных признаков, имеют возможность в различных формах применить противодействие расследованию. Это оказание давления на возможных свидетелей их криминальных действий; полное или частичное устранение доказательственной базы, в том числе, уничтожение документооборота, так и внесение в документальное сопровождение их деятельности изменений, которые могли свидетельствовать о криминальном характере их действий; подготовка фиктивных документов и очевидцев, которые станут свидетельствовать об отсутствии незаконных действий лиц; скрыться с места жительства и препятствовать установлению истины.

Таким образом, ненадлежащее проведенная процессуальная проверка порождает за собой целый комплекс действий по противодействию расследованию, устранить последствия которых далее в ходе расследования не представится возможным, так как реакция на действия по противодействию должна быть незамедлительной. Либо вообще следует «играть на опережение». Таким образом, ненадлежащее проведение процессуальной проверки и нарушение сроков ее проведения будет ничем иным, как проявлением формы внешнего противодействия и требует целого ряда действий со стороны следственных органов, для ее преодоления.

По нашему мнению, для устранения нарушений уполномоченными на проведение процессуальных проверок деятельности в сфере жилищно-коммунального хозяйства, необходима выработка целого комплекса мероприятий, касающихся не только организационных аспектов, выражающихся в улучшении качества взаимодействия подразделений УЭБ и ПК и следственных органов, но и предотвращения возможного внешнего противодействия с их стороны, проявляющегося в нарушении сроков проверки и ненадлежащем ее качестве.

Нами предлагаются следующие меры по эффективной организации процессуальной проверки и расследования преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, которые, при грамотной реализации, не допустят того, чтобы действия оперативных сотрудников, осуществляющих предварительную проверку, стали противодействием расследованию, что, в принципе, противоречит всей деятельности правоохранительной системы.

Первой мерой, считаем, должны стать организационные мероприятия и ряд управленческих решений руководителей оперативных подразделений УЭБ и ПК и следственных органов, касающиеся повышения уровня взаимодействия не только на этапе расследования возбужденного уголовного дела, но и на этапе осуществления процессуальной проверки. Управления оперативных подразделений зачастую имеют такую структуру, при которой существуют специализированные подразделения, чья деятельность направлена только лишь на выявление и раскрытие преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Такое структурирование эффективно, так как формирует у сотрудников данной линии практический опыт и повышает профессиональный уровень знаний в этой области. Дополнением к этому действенным будет такое организационное взаимодействие, где по каждому материалу проверки будет закреплен сотрудник следственного подразделения, который оказывает не только консультативную помощь, но и практическую. Такая помощь может выражаться в предварительном ознакомлении с материалами проверки, с вынесением рапорта рекомендательного характера с перечислением тех сведений, материалов или документов, которые необходимы для принятия решения. Это повлечет за собой сокращение сроков проверки, а также устранит возможные недоработки по материалу проверки, без необходимости вынесения незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Мера по выработке четкого алгоритма действий и необходимого минимума документов, которые должны содержаться в материале проверки по преступлениям, совершенным в сфере жилищно-коммунального хозяйства будет лишь действенным дополнением к вышеуказанному.

Также, по нашему мнению, требуется изменение законодательства, касающегося установления сроков проверки преступлений и правонарушений по линии экономики, так как объем информации, требующей установления и проверки здесь несоизмеримо больше, нежели по другим категориям преступлений. Конечно же, контроль за проведением проверки и обоснованностью продления ее срока необходимо оставить за руководителем органа дознания. Однако целесообразно данные сроки увеличить соизмеримо со сроками получения сведений, необходимых для принятия законного решения по материалу. Например, если по материалу проверки необходимо проведение бухгалтерской экспертизы (исследования), то срок исполнения исследования и истребования заключения должен быть признан законным по данному материалу проверки.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сущность и содержание деятельности сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих процессуальную проверку по преступлениям, совершенным в сфере жилищно-коммунального хозяйства должны заключаться в полном и всестороннем ее проведении, без затягивания сроков и недопущении недостатков содержания в ней сведений, что позволит не допускать возникновения внешнего противодействия расследованию, а также приведет к эффективному и всестороннему расследованию преступлений в рассматриваемой сфере. Перечисленные нами мере в полной мере могут способствовать эффективной организации процессуальной проверки и расследования преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Литература и источники

1. Маринкин Д.Н. Расследование преступлений в сфере жилищно-коммунального комплекса. Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. 218 с.

2. Титова К.А. Методика расследования хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2009. 232 с.

3. Дорофеев И.Н., Строгалов В.В. Организация оперативно-розыскной деятельности территориальных органов внутренних дел по борьбе с экономическими и коррупционными преступлениями в сфере жилищно-коммунального хозяйства: учебно-методическое пособие. М.: Академия управления МВД России, 2013. 132 с.

4. Пособие следователю о проведении проверки и расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере жилищно-коммунального хозяйства. М.: Следственный департамент МВД России, 2015. 21 с.

5. Обзор о расследовании преступлений, совершенных в сфере жилищно-коммунального хозяйства за 12 месяцев 2018 года ГУ МВД России по Волгоградской области. Аналитическая справка о результатах расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере ЖКХ за 2020 год.

6. Лебедева А.А. Способы совершения преступлений в сфере ЖКХ, проблемы их расследования // Безопасность бизнеса. 2015. N 1. С. 27 - 30. СПС «Консультант плюс».

References and Sources

1. Marinkin D.N. Rassledovanie prestuplenij v sfere zhilishchno-kommunal'nogo kompleksa. Dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2009. 218 s.
2. Titova K.A. Metodika rassledovaniya hishchenij v sfere zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva. Dis. ... kand. yurid. nauk. Barnaul, 2009. 232 s.
3. Dorofeev I.N., Strogalov V.V. Organizaciya operativno-rozysknoj deyatel'nosti territorial'nyh organov vnutrennih del po bor'be s ekonomicheskimi i korrupcionnymi prestupleniyami v sfere zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva: uchebno-metodicheskoe posobie. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2013. 132 s.
4. Posobie sledovatelyu o provedenii proverki i rassledovanii ugolovnyh del o prestupleniyah v sfere zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva. M.: Sledstvennyj departament MVD Rossii, 2015. 21 s.
5. Obzor o rassledovanii prestuplenij, sovershennyh v sfere zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva za 12 mesyacev 2018 goda GU MVD Rossii po Volgogradskoj oblasti. Analiticheskaya spravka o rezul'tatah rassledovaniya ugolovnyh del o prestupleniyah, sovershennyh v sfere ZHKKH za 2020 god.
6. Lebedeva A.A. Sposoby sovershеniya prestuplenij v sfere ZHKKH, problemy ih rassledovaniya // Bezopasnost' biznesa. 2015. N 1. S. 27 - 30. SPS «Konsul'tant plyus».

ЧЕРМЕНЁВА СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА - старший преподаватель кафедры организации следственной работы Волгоградской академии МВД РФ (v.chermen@yandex.ru).
ЧХВИМИАНИ ЭДУАРД ЖЮЛЬЕНОВИЧ - кандидат юридических наук, доцент, кафедра специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России (Eduard-1981@yandex.ru).
ЛУНКАШУ ЮРИЙ ВИОРЕЛОВИЧ – доцент, начальник кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России.
CHERMENEVA, SVETLANA S. - Senior Lecturer of the Department of Organization of Investigative Work of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (v.chermen@yandex.ru).
CHKHVIMIANI, EDUARD Zh. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Special Disciplines, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Eduard-1981@yandex.ru).
LUNKASHU, YURI V. - Associate Professor, Head of the Department of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

УДК 343.1 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-121-125

КУЛИК Н.В., ТАРАСОВА Ю.И.
К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ И ПРАВЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ НА ИНФОРМАЦИЮ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛУШАНИЯ

Ключевые слова: предварительное слушание, права человека, защита чести и достоинства, право на информацию, Европейский суд по правам человека, прекращение уголовного дела.

В статье рассмотрена проблема защиты чести и достоинства граждан на стадии проведения предварительного слушания. Показано, что для обеспечения прав граждан, а также авторитета и беспристрастности правосудия, в российском законодательстве предусмотрены механизмы, позволяющие гражданам получать информацию о правосудии, а также защищающие их в случае привлечения к уголовной ответственности от излишнего внимания СМИ и иных представителей общественности. Отмечается, что проведение предварительного слушания в закрытом судебном заседании, предотвращает преждевременное распространение информации о лице, уголовное дело в отношении которого передается на судебные стадии уголовного процесса, гарантирует защиту личности от своеобразного информирования общества о том, что данное лицо находилось в суде, на скамье подсудимых. Обращаясь к практике Европейского суда по правам человека, авторы подчеркивают существенное значение обеспечения баланса конкурирующих интересов – свободы слова и права на тайну частной жизни.

KULIK, N.V., TARASOVA, YU.I.
TO THE QUESTION OF PROTECTING THE HONOR AND DIGNITY OF THE PERSON AND THE PUBLIC'S RIGHT TO INFORMATION DURING THE PRELIMINARY HEARING

Key words: preliminary hearing, human rights, protection of honor and dignity, right to information, European Court of Human Rights, termination of a criminal case.

The article considers problem of protecting the honor and dignity of citizens at the stage of the preliminary hearing. It is shown that in order to ensure the rights of citizens, as well as the authority and impartiality of justice, the Russian legislation provides for mechanisms that allow citizens to receive information about justice, as well as protect them in the event of criminal prosecution from excessive attention of the media and other members of the public. It is noted that holding a preliminary hearing in a closed court session prevents the premature dissemination of information about the person whose criminal case is being transferred to the judicial stages of the criminal process, guarantees the protection of the individual from a kind of informing society that this person was in court, in the dock. Referring to the practice of the European Court of Human Rights, the authors emphasize the essential importance of balancing competing interests - freedom of speech and the right to privacy.

В статье 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод провозглашено право граждан свободно выражать свое мнение, включающее свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ [1]. Ограничение данного права возможно, согласно этой же статье, для обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия. В целях соблюдения указанных приоритетов в законодательстве России предусмотрены механизмы, позволяющие гражданам

получать информацию о правосудии, а также защищающие их в случае привлечения к уголовной ответственности от излишнего внимания СМИ и иных представителей общественности.

В соответствии с ч. 5 ст. 5 Федерального конституционного закона от 07 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», разбирательство дел в судах общей юрисдикции является открытым. Слушание дела в закрытом заседании допускается только в случаях, предусмотренных федеральным законом [2]. Аналогичные положения закреплены в статье 241 («Гласность») Уголовно-процессуального кодекса РФ, предусматривающей случаи проведения закрытого судебного разбирательства.

Разграничивая термины «гласность» и «открытость», ученые указывают как на их синонимичный характер, так и на отличия в применении. Термин «гласность» употребляется применительно к судебному разбирательству, открытость – в отношении деятельности суда как государственного органа [3, с. 10]. При этом к содержанию принципа открытости и гласности в уголовном процессе ученые подходят неоднозначно. Некоторые ученые открытость судебного разбирательства раскрывают через реализацию права граждан на наблюдение за ходом процесса как непосредственно в зале суда, так и через средства массовой информации [4, с. 372]. Другие в обеспечение гласности уголовного процесса включают и надлежащее уведомление граждан о предстоящих судебных процессах, выборе места и времени заседания суда; создание условий для присутствующей публики; использования различных средств фиксации хода и результатов производства по делу [5, с. 4]. Ряд, предлагаемых мер, носят организационный характер. Так, например, О.А. Сегал считает, что в целях повышения гласности уголовного процесса следует исключить препятствия, ограничивающие доступ в залы суда для лиц, желающих посетить судебные процессы [5, с. 9].

Споры о принципе гласности в уголовном процессе не ограничиваются спорами о его содержании. Не менее дискуссионным является вопрос о его реализации на различных этапах и стадиях уголовного судопроизводства, конкуренции данного принципа с иными.

Общеизвестно, что предварительное слушание, в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона (ч.1 ст.234 УПК РФ), всегда проводится в закрытом судебном заседании. В России закрытый характер судебного заседания, проводимого в форме предварительного слушания унаследован из института предварительного слушания по уголовным делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, который был введен в уголовно-процессуальное законодательство России в 1993 году. Проведение предварительного слушания в закрытом режиме позволяло обеспечить неосведомленность присяжных, участвующих в рассмотрении уголовного дела, об обстоятельствах преступления, а также о решениях суда об исключении доказательств, принятых на данной стадии.

В теории уголовного процесса указывается, что предварительное слушание не преследует воспитательных целей и носит в основном «технический» характер, понятный лишь профессионалам-юристам. Более того, в ходе судебного заседания, проводимого в форме предварительного слушания, разрешается ряд процессуальных вопросов, не подлежащих предварительной общественной огласке (например, о содержании признанных недопустимыми доказательств, об изменении прокурором обвинения и т. д) [6, с. 106]. Еще дореволюционные ученые-процессуалисты, отмечали, что закрытый режим проведения предварительного слушания вызван и определенными моральными соображениями. Так, М. В. Духовской писал, что «появление публично на суде в качестве обвиняемого само по себе (независимо от того, будет ли он обвинен) нелегко; оно причиняет нравственные страдания, может доставить и материальный вред, может повлиять на репутацию, отозваться на всю жизнь…» [7, с. 105].

Таким образом, проведение предварительного слушания в закрытом судебном заседании, предотвращает преждевременное распространение информации о лице, уголовное дело в отношении которого передается на судебные стадии уголовного процесса, гарантирует защиту личности от своеобразного информирования общества о том, что данное лицо находилось в суде, на скамье подсудимых. В этой связи, особую актуальность приобретают вопросы, связанные с распространением СМИ информации о тех лицах, которые проходят так называемую процедуру предания суду, посредством предварительного слушания. Особую озабоченность вызывают сюжеты, в которых СМИ демонстрируют передвижение обвиняемого под конвоем по коридорам

суда в зал судебного заседания, кадры, где обвиняемого в наручниках заводят в так называемую «клетку» для проведения закрытого судебного заседания в форме предварительного слушания.

Стоит отметить, что вопросы, касающиеся права общественности на получение информации и защиты репутации частных лиц, вовлекаемых в орбиту уголовного процесса, неоднократно рассматривались в Европейском суде по правам человека.

В Решении Европейского суда по правам человека от 8 декабря 1983 г. по делу Претто и других против Италии гласность судопроизводства раскрывается через публичность судопроизводства и контроль за отправлением правосудия общественности. При этом, акцентируется внимание на то, что именно данные принципы являются способами обеспечения доверия к судам, позволяющими достигать цели справедливости судебного разбирательства, гарантия которого является одним из основополагающих принципов всякого демократического общества [8, с. 430-437].

В других своих решениях Европейский суд по правам человека подчеркивал, что существенное значение для обеспечения баланса конкурирующих интересов — свободы слова и права на тайну частной жизни — имеет то, что физические лица считаются невиновными до тех пор, пока их вина не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда (см., среди прочего, Ворм против Австрии, решение от 29 августа 1997 года, Отчеты 1997-V, стр. 1551- 52, § 50, и ДюРуа и Малори против Франция, № 34000/96, § 34, ЕСПЧ 2000-X).

В одном из решений ЕСПЧ использовал такой термин, как «pressingsocialneeds» — насущная социальная потребность, рассматривая жалобу на нарушение права на частную жизнь в связи с освещением в прессе материалов уголовного дела, до вынесения приговора. Суд, в частности, отметил, что «выдержки из материалов уголовного дела стали достоянием общественности до начала состязательного процесса, и их содержание представило заявителя в неблагоприятном свете, создав впечатление, что он совершил преступления» [9]. Суд признал нарушение права заявителя на уважение частной жизни [10].

Вместе с тем, в другом деле ЕСПЧ призвал государства искать баланс в соблюдении права на поиск информации и сохранения тайны частной жизни. «Вопрос заключается в том, соблюдает ли государство справедливый баланс между "правом заявителя на уважение его частной жизни" в соответствии со статьей 8 и правом средств массовой информации на свободу выражения мнений, гарантированным статьей 10 Конвенции (см. Пфайфер, процитированный выше, § 44; см. также дело Фон Ганновер против Германии, № 59320/00, § 57, ЕСПЧ 2004-VI, с дополнительными ссылками).

При исследовании этого обстоятельства Суд должен принимать во внимание обязательства государства в соответствии со статьей 8 Конвенции по защите частной жизни лиц, против которых ведется уголовное производство (см. Принцип 8 в Приложении к Рекомендации Rec(2003)13 Комитета министров государствам-членам о предоставлении информации через средства массовой информации в связи с уголовным производством, цитируемой в пункте 37 выше).

Суд также должен учитывать принципы, установленные в его прецедентном праве, касающиеся свободы прессы распространять информацию по вопросам, представляющим общественный интерес, в том числе о текущих уголовных разбирательствах, и права общественности на получение такой информации (см., среди прочего, дело Педерсен и Баадсгаард против Дании [ГК], № 49017/99, § § 68-71, ЕСПЧ 2004-XI) [11].

Отдельного внимания данные вопросы заслуживают при реализации положений статей 229 и 236 УПК РФ. В соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, на предварительном слушании возможно принятие судом решения о прекращении уголовного дела, в том числе, при применении судебного штрафа, а также в случае полного отказа прокурора от предъявленного обвинения. В этой связи, возникает дополнительный вопрос, является ли прекращение уголовного дела на предварительном слушании правосудием, и должно ли данное судебное решение сопровождаться контролем со стороны общественности?

В науке уголовного процесса некоторые ученые определяют правосудие, как деятельность, состоящую лишь в разрешении уголовного дела в суде первой инстанции; другие – как деятельность суда во всех стадиях уголовного процесса; или же как деятельность суда по признанию лица виновным и назначению наказания. Ряд ученых само прекращение уголовного

дела называют общей процессуальной гарантией правосудия [12, с. 4], а также средством разрешения уголовно-правового конфликта [13, с. 3].

Отнесение принятия решения о прекращении уголовного дела к правосудию, по нашему мнению, следует из Определения Конституционного Суда РФ от 05 ноября 2004 г. № 361-О «По жалобе гражданина Филиппова Владимира Тимофеевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 24, частью 4 статьи 133, статьей 239 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [14].Согласно указанного решения правосудие должно отвечать принципу справедливости и обеспечивать восстановление прав, нарушенных в результате совершения преступления.

Как следует из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям всегда предусматривает восстановление нарушенных прав. К примеру, при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон потерпевшему должен быть заглажен вред, причиненный преступлением (как материальный ущерб, так и моральный вред).

Отнесение принятия решения судом к правосудию обусловлено, по нашему мнению, и тем, что решение о прекращении уголовного дела может быть принято и в ходе судебного разбирательства. Причем, законодатель не требует для прекращения уголовного дела доказанности вины: достаточно согласия на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

В связи с изложенным, полагаем, что вопросы соотношения и гармонизации таких фундаментальных прав, как достоинство личности и право общественности на доступ к информации, при проведении процедуры предварительного слушания, нуждаются в дополнительной проработке. Только при правильной интерпретации и создании эффективных правовых механизмов, гарантирующих их реализацию, можно будет говорить о полноценной защите законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства.

Литература и источники

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013)// Консультант Плюс.
2. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 07 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.
3. Аносова Л.С. Конституционный принцип гласности судопроизводства: правовое регулирование и практика реализации. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012.
4. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступ. слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. - 583 с.
5. Сегал О.А. Проблемы реализации гласности в уголовном процессе Российской Федерации. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 198 с.
6. Ишимов П. Л. Производство предварительного слушания в суде первой инстанции. М., 2006.
7. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1910.
8. Постановление ЕСПЧ от 08.12.1983 "Претто (Pretto) и другие против Италии" (жалоба N 7984/77) [рус. (извлечение), англ.]// Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000.
9. Case of Apostu v Romania 03.02.2015 [Электронный ресурс] // URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-151191 (дата обращения: 05.10.2021).
10. Цит. по: Дударева М.А. О соотношении права СМИ на распространение общественно значимой информации и права на тайну частной жизни в уголовном процессе (по материалам решений ЕСПЧ)// Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития [Электронный ресурс]: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 12 ноября 2021 года / сост.: Е. А. Алексеева, Э. К. Кутуев, Н. В. Лантух, М. А. Макаренко, С. Д. Шестакова, О. А. Чабукиани. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021.
11. 7. Case of A v. Norway 09.07.2009 [Электронный ресурс] // URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-92137 (дата обращения: 05.10.2021).
12. Шейфер С.А. Прекращение дела в советском уголовном процессе. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1963.
13. Лавнов М.А. Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 200 с.
14. Определения Конституционного Суда РФ от 05 ноября 2004 г. № 361-О «По жалобе гражданина Филиппова Владимира Тимофеевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 24, частью 4 статьи 133, статьей 239 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 2.

References and Sources

1. Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod (Zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950) (s izm. ot 24.06.2013)// Konsul'tant Plyus.
2. O sudah obshchej yurisdikcii v Rossijskoj Federacii: federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 07 fevralya 2011 g. № 1-FKZ (red. ot 21.07.2014) // SZ RF. 2011. № 7. St. 898.
3. Anosova L.S. Konstitucionnyj princip glasnosti sudoproizvodstva: pravovoe regulirovanie i praktika realizacii. Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2012.

4. Ugolovno-processual'noe pravo (Ugolovnyj process): Uchebnik dlya vuzov / Pod red. prof. E.K. Kutueva; nauch. red. i vstup. slovo prof. V.P. Sal'nikova; 2-e izd., pererab. i dop. SPb.: Sankt-Peterburgskij un-t MVD Rossii; Fond «Universitet», 2019. - 583 s.
5. Segal O.A. Problemy realizacii glasnosti v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii. Avteref. dis. … kand. yurid. nauk. Izhevsk, 2004. 198 s.
6. Ishimov P. L. Proizvodstvo predvaritel'nogo slushaniya v sude pervoj instancii. M., 2006.
7. Duhovskoj M. V. Russkij ugolovnyj process. M., 1910.
8. Postanovlenie ESPCH ot 08.12.1983 "Pretto (Pretto) i drugie protiv Italii" (zhaloba N 7984/77) [rus. (izvlechenie), angl.]// Evropejskij sud po pravam cheloveka. Izbrannye resheniya. T. 1. M.: Norma, 2000.
9. Case of Apostu v Romania 03.02.2015 [Elektronnyj resurs] // URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-151191 (data obrashcheniya: 05.10.2021).
10. Cit. po: Dudareva M.A. O sootnoshenii prava SMI na rasprostranenie obshchestvenno znachimoj informacii i prava na tajnu chastnoj zhizni v ugolovnom processe (po materialam reshenij ESPCH)// Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossii i zarubezhnyh gosudarstv: problemy i perspektivy razvitiya [Elektronnyj resurs]: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sankt-Peterburg, 12 noyabrya 2021 goda / sost.: E. A. Alekseeva, E. K. Kutuev, N. V. Lantuh, M. A. Makarenko, S. D. SHestakova, O. A. CHabukiani. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2021.
11. 7. Case of A v. Norway 09.07.2009 [Elektronnyj resurs] // URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-92137 (data obrashcheniya: 05.10.2021).
12. Shejfer S.A. Prekrashchenie dela v sovetskom ugolovnom processe. Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 1963.
13. Lavnov M.A. Institut prekrashcheniya ugolovnogo dela v sisteme ugolovno-processual'nogo prava i pravoprimenitel'noj praktike. Dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2015. 200 s.
14. Opredeleniya Konstitucionnogo Suda RF ot 05 noyabrya 2004 g. № 361-O «Po zhalobe grazhdanina Filippova Vladimira Timofeevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'yu 2 stat'i 24, chast'yu 4 stat'i 133, stat'ej 239 i punktom 1 stat'i 254 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 2005. № 2.

КУЛИК НИКОЛАЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ - кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, советник юстиции (kulik-n@mail.ru).
ТАРАСОВА ЮЛИЯ ИВАНОВНА - заместитель прокурора Пустошкинского района Псковской области, младший советник юстиции; соискатель ученой степени кандидата юридических наук (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации) (sgapnauka@yandex.ru)
KULIK, NIKOLAY V. – Ph.D. un Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Counselor of Justice (kulik-n@mail.ru).
TARASOVA, YULIA I. - Deputy Prosecutor of the Pustoshkinsky District of the Pskov Region, Junior Counselor of Justice; applicant for the degree of candidate of legal sciences (St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation) (sgapnauka@yandex.ru).

УДК 343.123.52 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-125-128

НАЗАРОВ С.Н.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГАРАНТИИ БЕСПРИСТРАСТНОСТИ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Ключевые слова: уголовная ответственность прокурор, прокурорская проверка, беспристрастность, следственные органы, должностные лица.

В статье анализируется правовое регулирование порядка привлечения к уголовной ответственности должностных лиц следственных органов. Показано, что право принятия решения о возбуждении уголовных дел в отношении этих лиц, которым наделены только компетентные должностные лица Следственного комитета РФ, не является вполне оправданным. Обосновывается, что проверка жалоб участников уголовного судопроизводства, содержащих сведения о должностных преступлениях при расследовании уголовных дел, должна быть отнесена к компетенции органов прокуратуры. Контроль за разрешением обращений о подобных нарушениях закона должен устанавливаться прокуратурой в случае каждого обращения о нарушениях, не дожидаясь бездействия органов следствия.

NAZAROV, S.N.
IMPROVING THE GUARANTEE OF IMPARTIALITY
WHEN INITIATING CRIMINAL CASES AGAINST THE OFFICERS OF THE INVESTIGATIVE AUTHORITIES

Key words: prosecutor, prosecutor's check, impartiality, investigative authorities, officials.

The article analyzes the legal regulation of the procedure for bringing officials of the investigative authorities to criminal responsibility. It is shown that the right to make a decision to initiate criminal proceedings against these persons, which is vested only with competent officials of the Investigative Committee of the Russian Federation, is not entirely justified. It is substantiated that the verification of complaints of participants in criminal proceedings containing information about malfeasance during the investigation of criminal cases should be attributed to the competence of the prosecutor's office. Control over the resolution of complaints about such violations of the law should be established by the prosecutor's office in the event of each application for violations, without waiting for the inaction of the investigating authorities.

Глава 52 УПК РФ содержит специальные правила привлечения к уголовной ответственности определенной категории лиц с учетом важности выполняемых ими функций. В отдельную группу выделены прокурор, руководитель следственного органа (РСО) и следователь. Правом принятия решения о возбуждении уголовных дел в отношении этих лиц наделены только компетентные должностные лица Следственного комитета РФ (СК РФ).

Несмотря на принятые за последнее десятилетие меры, процедуру производства по таким делам, в части порядка привлечения к уголовной ответственности должностных лиц следственных органов, нельзя признать безупречной. Речь идет о действенности гарантий в контексте

исключения возможности безнаказанности лиц, обладающих процессуальным иммунитетом, в случае совершения ими преступлений, а также об обеспечении качественного и объективного производства. В связи с этим согласимся с высказанным в научном исследовании мнением о необходимости особого процессуального контроля и надзора по таким категориям уголовных дел [1].

Рассмотрим содержание прокурорского надзора, выясняя, носит ли он какой-либо «особый» характер по делам, связанными с должностными преступлениями в органах следствия. Подтверждением их совершаемости служит содержание ведомственных приказов Генерального прокурора РФ (ГП РФ) о надзоре в сфере расследования уголовных дел за последние без малого четверть века. В данной связи, прокурорам, в частности, предписывается проверять факты, указывающие на возможность доведения подследственного до самоубийства [2], доводы о принуждении к явке с повинной невиновного лица ввиду оказания на него давления [3], о применении незаконных методов расследования в ходе проверки сообщения о преступлении или производства предварительного следствия [4], о применении незаконных методов расследования, сопряженных с применением насилия [5].

Основным источником информации для прокурора являются жалобы и обращения участников уголовного судопроизводства. В период наличия у прокурора в сфере расследования уголовных дел на него возлагаются функции уголовного преследования, реализуемые посредством правомочия прокурора возбуждать уголовное дело и расследовать его, проводить следственные действия и принимать участие в их проведении и т.д. Проверка сообщения о нарушениях закона при расследовании уголовных дел осуществлялась самой прокуратурой.

В вышеприведенных приказах, изданных до 2011 г., прокурорам предписывалось проводить проверку, возбуждать уголовное дело и проводить расследование, принимать меры к объективному расследованию происшедшего с привлечением виновных к ответственности, выявлять данные, указывающие на признаки преступления в действиях должностных лиц. В последующих приказах прокурорам уже предписывается направлять в соответствующие следственные органы, поступившие в прокуратуру заявления о применении незаконных методов расследования, сопряженных с применением насилия, а равно иных обращений, содержащих данные, указывающие на признаки преступления, для проведения проверки [6].

Акцентируем внимание на двух аспектах этого вопроса. Первый – установлен ли правовым регулированием для рассмотрения в органах прокуратуры обращений о нарушениях закона при расследовании уголовных дел какой-либо особый порядок? Приказа Генеральной прокуратуры РФ (ГП РФ), предусматривающего специальный порядок рассмотрения обращений такой категории, нет. В общем приказе ГП РФ о порядке рассмотрения обращений граждан указывается, что обращения, адресованные прокурорам, но содержащие вопросы, относящиеся к компетенции органов следствия и дознания, направляются в соответствующие органы [7]. Только в тех случаях, когда обращения не получают должной оценки правоохранительных органов, свидетельствуют о систематическом ущемлении прав и свобод граждан, многочисленных или грубых нарушениях закона, а также по наиболее актуальным (резонансным) вопросам проверка осуществляется прокуратурой, либо за результатами проверки устанавливается контроль.

Полагаем, что особый порядок - контроль за разрешением обращений о нарушениях закона при расследовании уголовных дел, должен устанавливаться прокуратурой при каждом таком обращении, не дожидаясь бездействия органов следствия.

Второй аспект. Отвечает ли требованиям объективности и беспристрастности перенаправление адресованных прокуратуре обращений о не процессуальных нарушениях при расследовании уголовных дел в следственный орган, деятельность должностных лиц которых обжалуется?

Федеральный закон предписывает направлять письменное обращение непосредственно в тот орган или тому должностному лицу, в компетенцию которых входит решение поставленных в обращении вопросов и запрещает направлять жалобу на рассмотрение в государственный орган или должностному лицу, решение или действие (бездействие) которых обжалуется [7].

Относится ли рассмотрение и разрешение указанных обращений граждан к компетенции прокуратуры? Безусловно, относятся, так как прокуратура осуществляет надзор от имени Российской Федерации за законностью, в том числе при расследовании уголовных дел.

Обоснованно ли исключена возможность проведения прокуратурой собственной проверки обращений участников уголовного судопроизводства о должностных преступлениях в органах расследования? Полагаем, что должных правовых оснований для такого исключения нет. Следственный комитет РФ, так же, как и прокуратура, является компетентным органом, по разрешению жалоб граждан в сфере расследования уголовных дел. Вопрос в другом – создает ли действующее правовое регулирование гарантии беспристрастности, непредвзятого и справедливого производства, исключающего возможность приоритета ведомственных интересов СК РФ при разрешении обращений участников уголовного судопроизводства о фактах, порочащих организацию?

Принципиальный подход действующего руководителя Следственного комитета России А. Бастрыкина, согласно которому «очищение рядов ведомства не будет останавливаться и после ареста ряда высокопоставленных сотрудников» [8], не может служить должной гарантией на все времена. Таковыми могут быть только установленные законом правовые гарантии беспристрастности при проведении доследственной проверки в отношении должностных лиц следственных органов.

Сохранение действующего порядка создает условия для сомнения в объективности и беспристрастности. Правовое регулирование должно предусматривать достаточные гарантии, исключающие любое сомнение в этом отношении.

Прокурорская проверка является средством реализации надзорной функции прокуратуры, в связи с чем она осуществляется во всех сферах деятельности прокуратуры. Особенностью прокурорской проверки обращений участников уголовного судопроизводства, содержащих информацию о должностных преступлениях в органах расследования, будет являться возможность реализации всех предусмотренных в УПК РФ процессуальных действий, производство которых возможно до возбуждения уголовного дела. В этом, по нашему мнению, нет противоречия с отсутствием у прокурора функции уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Предусмотренные УПК РФ процессуальные действия, связанные с производством осмотров и проведением экспертиз, позволят прокурору установить обстоятельства дела, позволяющие решить вопрос о его возбуждении.

По результатам проведенной прокурорско-надзорной проверки обращений участников уголовного судопроизводства, содержащих информацию о должностных преступлениях сотрудников органов расследования, получившей подтверждение, должно составляться предусмотренное в УПК РФ постановление прокурора, которое подлежит направлению в Следственный комитет РФ. Принятие же самого решения о возбуждении уголовного дела в отношении указанной категории лиц следует сохранить за соответствующими компетентными лицами Следственного комитета РФ. Поводом для возбуждения уголовного дела должно быть постановление прокурора.

Литература и источники

1. Тепуков А.В. Доказывание по уголовным делам в отношении отдельной категории лиц (прокурора, руководителя следственного органа и следователя) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2010.

2. П. 1.4.Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 21 февраля 1995 г. N 10. «Об организации прокурорского надзора за расследованием и раскрытием преступлений».

3. П.1.10 Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 18.06.1997 N 31 «Об организации прокурорского надзора за предварительным следствием и дознанием».

4. П.1.14 Приказа Генпрокуратуры РФ от 06.09.2007 N 136 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия».

5. П.1.17 Приказа Генпрокуратуры России от 2 июня 2011 г. N 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия; П.1.21 Приказа Генпрокуратуры России от 28.12.2016 N 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»; п.1.17. Приказа Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 г. N 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия».

6. П.1.17 Приказа Генпрокуратуры России от 2 июня 2011 г. N 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия; П.1.21 Приказа Генпрокуратуры России от 28.12.2016 N 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»; п.1.17. Приказа Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 г. N 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия».

7. Ст.8 Федерального закона от 2 мая 2006 г. N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)// Собрание законодательства Российской Федерации от 8 мая 2006 г. N 19 ст. 2060.

8. А. Бастрыкин пообещал дальнейшую чистку рядов Следственного комитета России// https://life.ru/p/881921.

References and Sources
1. Tepukov A.V. Dokazyvanie po ugolovnym delam v otnoshenii otdel'noj kategorii lic (prokurora, rukovoditelya sledstvennogo organa i sledovatelya) na dosudebnyh stadiyah ugolovnogo sudoproizvodstva. Avtoref. diss. … kand. yurid. nauk. N.Novgorod, 2010.
2. P. 1.4.Prikaz General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii ot 21 fevralya 1995 g. N 10. «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za rassledovaniem i raskrytiem prestuplenij».
3. P.1.10 Prikaz General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii ot 18.06.1997 N 31 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za predvaritel'nym sledstviem i doznaniem».
4. P.1.14 Prikaza Genprokuratury RF ot 06.09.2007 N 136 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za processual'noj deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya».
5. P.1.17 Prikaza Genprokuratury Rossii ot 2 iyunya 2011 g. N 162 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za processual'noj deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya; P.1.21 Prikaza Genprokuratury Rossii ot 28.12.2016 N 826 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za processual'noj deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya»; p.1.17. Prikaza Genprokuratury Rossii ot 17 sentyabrya 2021 g. N 544 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za processual'noj deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya».
6. P.1.17 Prikaza Genprokuratury Rossii ot 2 iyunya 2011 g. N 162 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za processual'noj deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya; P.1.21 Prikaza Genprokuratury Rossii ot 28.12.2016 N 826 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za processual'noj deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya»; p.1.17. Prikaza Genprokuratury Rossii ot 17 sentyabrya 2021 g. N 544 «Ob organizacii prokurorskogo nadzora za processual'noj deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya».
7. St.8 Federal'nogo zakona ot 2 maya 2006 g. N 59-FZ «O poryadke rassmotreniya obrashchenij grazhdan Rossijskoj Federacii» (s izmeneniyami i dopolneniyami)// Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 8 maya 2006 g. N 19 st. 2060.
8. A. Bastrykin poobeshchal dal'nejshuyu chistku ryadov Sledstvennogo komiteta Rossii// https://life.ru/p/881921.

НАЗАРОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор юридических наук, Ростовский юридический институт МВД РФ (nazarovdon@mail.ru).
NAZAROV, SERGEY N. - Doctor of Law, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

УДК 343.13 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-128-132

НАРЯДЧИКОВ В.Н.
ПРОИЗВОДСТВО ОСМОТРА МЕСТНОСТИ, ПОМЕЩЕНИЙ И ИНЫХ ОБЪЕКТОВ КАК СПОСОБ СОБИРАНИЯ АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Ключевые слова: адвокат-защитник, собирание и представление доказательств, осмотр местности, помещений и иных объектов, иные документы.

В статье рассматривается вопрос о расширении правовых возможностей защитника по собиранию доказательств по уголовному делу. Действующее уголовно-процессуальное законодательство фрагментарно закрепляет право защитника на собирание доказательств с указанием лишь на некоторые способы данной деятельности, не предусмотрев отдельной конкретной процессуальной формы. В статье обосновано предложение о необходимости не только четкой регламентации уже закрепленных способов собирания доказательств, но и дополнения их списка новыми, такими, как право защитника на производство самостоятельного осмотра местности, помещений и иных объектов с возможностью последующего использования полученных результатов в качестве доказательств стороны защиты по уголовному делу. Исследуется зарубежное законодательство, в рамках которого рассматриваемый способ собирания доказательств имеет определенную регламентацию.

NARYADCHIKOV, V.N.
PERFORMANCE INSPECTION OF LOCAL AREAS, ROOMS AND OTHER OBJECTS AS A METHOD OF COLLECTING EVIDENCES BY DEFENSE ATTORNEY IN CRIMINAL CASE

Key words: defense attorney, collecting and presenting evidence, inspection of the area, premises and other objects, other documents.

The article considers the issue of expanding the legal capacity of a defender to collect evidences in a criminal case. The current criminal procedure legislation fragmentarily secures the right of a defense attorney to collect evidence indicating only some methods of this activity, without providing for a specific procedural form. The article proposes that it is necessary not only to clearly regulate already established methods of collecting evidence, but also to supplement new ones, such as the right of a defender to conduct an independent inspection of the terrain, premises and other objects with the possibility of subsequent use of the results as evidence of the defense in a criminal case. Foreign legislation is examined, within the framework of which the considered method of collecting evidence has certain regulation.

Право защитника собирать и представлять доказательства по уголовному делу является одной из гарантий обеспечения права подозреваемого, обвиняемого на защиту, его конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи [1]. Учитывая, что важнейшим условием реализации принципа состязательности сторон, закрепленного в ст. 15 УПК РФ, является равноправие сторон, полагаем, что оно, в том числе, предполагает наделение сторон равными возможностями по представлению доказательств [2, с. 277]. Соответственно, в ч. 3 ст. 86 УПК РФ закреплено право защитника собирать доказательства путем: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставить запрашиваемые документы или их копии.

Однако законодатель не регламентировал процессуальный порядок собирания и представления защитником доказательств, в силу чего указанное право защитника на настоящий момент остается во многом декларативным.

В теории уголовного процесса имеется две противоположных позиции в отношении вопроса о характере сведений, собираемых защитником по уголовному делу. Первая состоит в том, что формулировку законодателя, согласно которой «защитник вправе собирать доказательства», предлагается рассматривать как одну из существенных неточностей в тексте УПК РФ [3, с. 135]. Основные доводы авторов, придерживающихся данной точки зрения, сводятся к тому, что получаемые защитником сведения имеют не процессуальный характер, не отвечают требованиям к допустимости доказательств [2, с. 359] и могут стать доказательствами только после представления их должностным лицам, ответственным за производство по делу, которыми может быть принято решение о приобщении данных сведений к материалам уголовного дела с приданием им процессуальной формы [4, с. 140].

Согласно иной точке зрения, защитник, исходя из буквального толкования нормы ч. 3 ст. 86 УПК РФ, собирает именно доказательства. Полагая, что защитник по уголовному делу собирает именно доказательства, мы считаем необходимым законодательно закрепить институт защитительного расследования, под которым понимаем конкретно регламентированный законодателем процессуальный порядок собирания и представления доказательств защитником [5, с. 67]. При этом необходимо закрепить условия, порядок, права и обязанности участников и способы фиксации результатов тех действий, которые указаны в ч. 3 ст. ст. 86 УПК РФ, а также закрепить новые действия с регламентацией их производства, в рамках которых защитник будет правомочен собирать доказательства по уголовному делу.

В юридической литературе встречаются предложения о возможности собирания адвокатом - защитником доказательств путем самостоятельного осуществления осмотра местности, помещений или других объектов. Адвокатам предлагается производить «внешний осмотр строений, помещений и других объектов, наблюдение для получения необходимой информации» [6, с. 211]. Также им предлагается осуществлять осмотр места происшествия или другого объекта для последующего представления органам предварительного расследования, и с этой целью составлять «план, схему, произвести фотосъемку, если такие действия не нарушают чьи-либо интересы» [7, с. 99]. П.П. Киселев также предлагает закрепить полномочие адвоката собирать вещественные доказательства, в частности, путем производства адвокатского осмотра местности и помещений, причем предполагающего возможность изъятия предметов и документов [8, с. 166].

Действительно, хоть адвокат-защитник не имеет полномочий производить следственные действия, тем не менее им могут познаваться те или иные объекты. Осмотр местности, помещений, того же места происшествия, если оно доступно, иных объектов, не требует применения каких-либо мер принуждения или обязательного привлечения третьих лиц. В случае, если адвокат-защитник придет к выводу о необходимости и возможности в том или ином месте, помещении обнаружения каких-либо предметов, документов, выявлении обстоятельств, благоприятствующих подзащитному, он может произвести соответствующий осмотр. Представляется, что если место, помещение, какое-либо строение или сооружение общедоступны, то санкции от лица, производящего расследование, или суда на подобный осмотр, который намеревается произвести адвокат-защитник, не требуется. Также не будет противозаконным, на наш взгляд, внешний осмотр адвокатом-защитником транспортных средств, если это не связано с проникновением на охраняемую территорию. Причем в определенных случаях, исходя из специфики уголовного дела, защитнику целесообразно документально зафиксировать состояние того или иного объекта не единожды, а несколько раз с некоторым интервалом во времени, путем наблюдения, для выявления каких-либо изменений.

В этой связи примечательным является рассмотрение зарубежного законодательства, которое не обошло стороной рассматриваемый в настоящей статье вопрос. Так, по законодательству Республики Кыргызстан, непосредственно в тексте УПК в п. 2 ч. 2 ст. 54 закреплено полномочие защитника составлять «частные протоколы осмотра» [9]. Хотя данное право и не раскрывается, само его закрепление, на наш взгляд, уже имеет положительное значение и создает предпосылки для его более детальной регламентации.

Наиболее прогрессивным в данном вопросе представляется уголовно-процессуальное законодательство Италии. По УПК данный страны закрепляется так называемое право защитника и его помощника на «доступ к месту», под которым понимается возможность защитника при необходимости производить осмотр мест или вещей, имеющих отношение к преступлению или выполнение «технической, начертательной, планиметрической, фото- или аудиовизуальной фиксации» [10, с. 296]. Здесь же устанавливаются условия производства защитником данного действия и требования к фиксации результатов. К условиям относятся возможность беспрепятственного осмотра мест и вещей, имеющих свободный публичный доступ с требованием исключения любого изменения их состояния. В случае, если предполагаемое место осмотра является частным объектом или иным, недоступным публике, защитнику вменяется в обязанность получить соответствующее разрешение у лица, имеющего права на данное место или иной объект. Если же от него следует отказ, то защитник имеет право ходатайствовать у суда о разрешении на производство осмотра.

Требования к фиксации результатов произведенного осмотра, в целях их допустимости в качестве доказательств по уголовному делу, предполагают необходимость составления защитником протокола осмотра с указанием в нем следующих обстоятельств: 1) даты и места доступа; 2) сведений о присутствующих лицах и составителе протокола; 3) описания состояния мест и вещей; 4) указаний на выполнение технических, начертательных, планиметрических фото- или аудиовизуальной фиксаций, которые составляют приложения к протоколу [10, с. 296].

В российском законодательстве право на производство осмотра местности и помещений и иных объектов прямо не закреплено ни как право защитника в уголовном производстве, ни как статусное право адвоката. В это же время это и не запрещено, поскольку, согласно п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, защитник вправе использовать иные не запрещенные кодексом средства и способы защиты. В силу несовершенства законодательства и при наличии практической необходимости, органами адвокатской корпорации порой принимаются корпоративные акты с разъяснениями тех или иных проблемных вопросов адвокатской деятельности, в том числе и по вопросам собирания доказательств адвокатами-защитниками [11]. Также могут составляться рекомендательные бланки документов, в рамках которых фиксируются результаты действий адвокатов-защитников по собиранию доказательств, например, путем производства опроса лиц с их согласия [12].

К примеру, на официальном сайте Адвокатской палаты Новосибирской области для сведения адвокатам размещен рекомендуемый «Бланк осмотра» [13], которого могут придерживаться адвокаты в своей деятельности, независимо от вида судопроизводства. Анализируя данный документ, заметим, что нам представляется некорректно именовать его протоколом, что больше соответствует деятельности властных участников уголовного судопроизводства по собиранию доказательств. В случае с адвокатом-защитником, на наш взгляд, подобные документы разумнее именовать актами осмотра. Далее из данного документа усматриваем, что адвокату рекомендуется указать дату, время начала и окончания производства осмотра, место производства осмотра. Также делается ссылка на п. 3 ст. 6 Закона об Адвокатуре, после чего указываются данные о присутствующих при осмотре лицах, если таковые имеются. Отдельно указываются лица, участвующие при осмотре, по всей видимости, с расчетом на возможность привлечения адвокатом специалиста. Затем указывается конкретный объект осмотра, после чего в бланке содержится противоречивая, на наш взгляд, формулировка: «перед началом осмотра участвующим лицам разъяснено, что они обязаны удостоверить ход и результаты осмотра». Однако адвокат не обладает властными полномочиями, поэтому ни у кого не может возникнуть обязанности подписания подобного документа (лишь только на добровольной основе). После этого указываются условия, при которых производился осмотр, аналогично требованиям ч. 3 ст. 180 УПК РФ к осмотру, производимом уполномоченными лицами, что считаем положительным, как и ориентирование на другие требования данной статьи закона, по возможности, учитываемые адвокатом. Затем в данном бланке адвокату предлагается отметить форму фиксации производства осмотра с помощью технических средств, если таковая производилась (фотографирование, аудио-, видеозапись). В последующем структура бланка предполагает изложение непосредственно самого хода и результатов осмотра, а также установленных результатов.

Подобные рекомендательные документы не способны восполнить пробелы законодательства, поскольку только закон способен предусмотреть надлежащую процессуальную форму, однако следует отметить, что их наличие демонстрирует востребованность в практической деятельности адвоката-защитника наличия правомочия по сбору доказательств рассматриваемым способом. Это обуславливается несколькими причинами. Как справедливо отмечает Ю.М. Новолодский: «проявленная следователем невнимательность в ходе осмотра места происшествия может привести к оставлению без внимания важных сведений (доказательственной информации), имеющих существенное значение для интересов защитительной деятельности. Посещение защитником места происшествия после завершения уполномоченными лицами следственных действий может привести к обнаружению такой доказательственной информации» [14]. Кроме того, полученные адвокатом-защитником результаты в ходе произведенного собственного осмотра могут позволить установить те обстоятельства, которые вероятно органы расследования прошли стороной намеренно, либо трактовали их односторонне с обвинительным уклоном при нежелании производить повторные или дополнительные осмотры по ходатайству стороны защиты. Особое значение, на наш взгляд, имеет фиксация путем фотографирования, производства видеозаписи и т.п., результаты чего будут приложениями к акту осмотра. При получении положительных результатов для целей защиты адвокат-защитник может заявить ходатайство о приобщении полученных материалов к уголовному делу в качестве доказательств в порядке ст. 84 УПК РФ, как иных документов.

Вместе с тем стоит отметить, что даже при отсутствии положительных результатов для целей защиты в ходе производства адвокатского осмотра, в контексте получения конкретных доказательств, адвокат-защитник может преследовать факультативную цель. Присутствуя лично и наблюдая то или иное место, иные объекты, имеющие значение для уголовного дела, он способен более глубоко ориентироваться в материалах уголовного дела. Это, в свою очередь, позволит более детально осуществить им проверку собранных обвинением доказательств, поставив их достоверность в определенных случаях под сомнение как при ознакомлении с материалами дела, так и при их исследовании в ходе судебного следствия, в особенности при постановке вопросов допрашиваемым лицам. Таким образом, считаем необходимым дальнейшую разработку вопроса с возможностью последующего законодательного закрепления рассматриваемого способа собирания доказательств адвокатом-защитником. При этом следует учитывать опыт международного законодательства, интересы лиц, чьи права могут быть нарушены данной деятельностью, а также интересы иных участников уголовного судопроизводства.

Литература и источники

1. Мухудинова Н.Р. Обеспечение конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи в российском уголовном процессе. Дисс. … канд. юрид. наук. Саранск. 2005. 220 с.
2. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. 1088 с.
3. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: учебное пособие. М. 2008. 176 с.
4. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию уголовном процессе. М., 2006. 192 с.
5. Крысина Н.Р. Собирание и представление доказательств защитником при производстве с участием присяжных заседателей // Евразийская адвокатура. 2017. №5(30).С. 66-69.
6. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. 704 с.
7. Защита по уголовному делу: пособие для адвокатов / под ред. Е.Ю. Львовой. М., 1999. 216 с.
8. Киселев П.П. Адвокатское расследование. М., 2019. 272 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 24 января 2017 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.09.2021 г). // URL.: http://continent-online.com/Document/?doc_id=31575852
10. Барабанов П.К. Уголовный процесс Италии. М., 2019. 461 с.
11. Методические рекомендации по реализации прав адвокатов, предусмотренных п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (Одобрены Советом Федеральной палаты адвокатов; Протокол № 5 от 22 апреля 2004 г) // URL.: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/methodical-recommendations-on-realization-of-the-rights-of-a-lawyer-under-paragraph-2-of-part-1-of-a/
12. URL.:http://apno.ru/component/wmartalpha/docs/opros?Itemid=
13. URL.:http://www.advpalatanso.ru/poleznie_ssylki_infoadvokat/obraztsy_dokumentov_3_6fz
14. Новолодский Ю.М. Доказывание в практической деятельности адвоката-защитника // Новая адвокатская газета. 2015. № 3-7. Февраль-апрель.

References and Sources

1. Muhudinova N.R. Obespechenie konstitucionnogo prava kazhdogo na poluchenie kvalificirovannoj yuridicheskoj pomoshchi v rossijskom ugolovnom processe. Diss. … kand. yurid. nauk. Saransk. 2005. 220 s.
2. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik / otv. red. P.A. Lupinskaya. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2011. 1088 s.
3. Ul'yanova L.T. Predmet dokazyvaniya i dokazatel'stva v ugolovnom processe Rossii: uchebnoe posobie. M. 2008. 176 s.

4. Mihajlovskaya I.B. Nastol'naya kniga sud'i po dokazyvaniyu ugolovnom processe. M., 2006. 192 s.
5. Krysina N.R. Sobiranie i predstavlenie dokazatel'stv zashchitnikom pri proizvodstve s uchastiem prisyazhnyh zasedatelej // Evrazijskaya advokatura. 2017. №5(30). S. 66-69.
6. Smirnov A.V., Kalinovskij K.B. Ugolovnyj process: uchebnik / pod obshch. red. prof. A.V. Smirnova. 4-e izd., pererab. i dop. M., 2008. 704 s.
7. Zashchita po ugolovnomu delu: posobie dlya advokatov / pod red. E.Yu. L'vovoj. M., 1999. 216 s.
8. Kiselev P.P. Advokatskoe rassledovanie. M., 2019. 272 s.
9. Ugolovno-processual'nyj kodeks Kyrgyzskoj Respubliki ot 24 yanvarya 2017 g. (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 04.09.2021 g). // URL.: http://continent-online.com/Document/?doc_id=31575852
10. Barabanov P.K. Ugolovnyj process Italii. M., 2019. 461 s.
11. Metodicheskie rekomendacii po realizacii prav advokatov, predusmotrennyh p. 2 ch. 1 st. 53, ch. 3 st. 86 UPK RF i p. 3 st. 6 Federal'nogo zakona «Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» (Odobreny Sovetom Federal'noj palaty advokatov; Protokol № 5 ot 22 aprelya 2004 g) // URL.: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/methodical-recommendations-on-realization-of-the-rights-of-a-lawyer-under-paragraph-2-of-part-1-of-a/
12. URL.:http://apno.ru/component/wmartalpha/docs/opros?Itemid=
13. URL.:http://www.advpalatanso.ru/poleznie_ssylki_infoadvokat/obraztsy_dokumentov_3_6fz
14. Novolodskij Yu.M. Dokazyvanie v prakticheskoj deyatel'nosti advokata-zashchitnika // Novaya advokatskaya gazeta. 2015. № 3-7. Fevral'-aprel'.

НАРЯДЧИКОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ – адвокат Коллегии адвокатов № 1 Адвокатской палаты Республики Мордовия, преподаватель кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора НИ МГУ им. Н.П. Огарева.
NARYADCHIKOV, VLADIMIR N. - Attorney at the Collegium of Advocates No. 1 of the Bar Association of the Republic of Mordovia, lecturer at the Department of Criminal Procedure, Justice and Prosecutor's Supervision, Moscow State University. N.P. Ogareva (olodimer@mail.ru).

УДК 343.11 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-132-138

ТАРАСОВА Ю.И.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКЛЮЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛУШАНИИ

Ключевые слова: уголовный процесс, предварительное слушание дела, судебный контроль, доказательственное право, исключение доказательств.

В статье рассматриваются отдельные аспекты проблемы исключения доказательств в ходе предварительного слушания. Отмечается, что вопрос исключения доказательств ряд ученых связывают исключительно с вопросом признания доказательства недопустимым, что автору представляется не вполне оправданным, поскольку положения статьи 88 УПК РФ предполагают оценку доказательств не только с точки зрения их допустимости, но и с точки зрения их относимости и достоверности, а положения статей 229 и 235 УПК РФ не предусматривают возможность исключения доказательства только в связи с его несоответствием требованиям допустимости. Обоснован вывод о том, что положения части 7 статьи 235 УПК РФ не соответствуют требованиям современного уголовно-процессуального законодательства. Автор акцентирует внимание на том, что в ходе предварительного слушания возможности исследовать обстоятельства совершения преступления являются ограниченными, в связи с чем нельзя приравнивать процедуру собирания доказательств на предварительном слушании к полноценному судебному следствию по уголовному делу.

TARASOVA, Yu.I.
SOME PROBLEMS EXCLDING EVIDENCES DURING THE PRELIMINARY HEARING

Key words: criminal procedure, preliminary hearing of the case, judicial control, evidentiary law, exclusion of evidence.

The article considers certain aspects of the problem of excluding evidence during the preliminary hearing. It is noted that a number of scientists associate the issue of excluding evidence solely with the issue of recognizing evidence as inadmissible, which is not entirely justified to the author, since the provisions of Article 88 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation presuppose an assessment of evidence not only in terms of their admissibility, but also in terms of their relevance and reliability. and the provisions of Articles 229 and 235 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation do not provide for the possibility of excluding evidence only in connection with its non-compliance with the admissibility requirements. It is substantiated the conclusion that the provisions of part 7 of Article 235 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation do not meet the requirements of modern criminal procedure legislation. The author focuses on the fact that during the preliminary hearing, the possibilities to investigate the circumstances of the crime are limited, and therefore the procedure for collecting evidence at the preliminary hearing cannot be equated with a full-fledged judicial investigation in a criminal case.

Предварительное слушание является одной из форм судебного контроля. В его рамках осуществляется проверка законности предварительного расследования, в том числе, его результатов – полученных доказательств. Как указывает В.В. Кальницкий, эта сфера контроля остается хотя бы потому, что даже абсолютная безупречность судоговорения не позволяет сохранить в силе приговор, если ему предшествуют существенные нарушения прав осужденного на досудебном этапе [1, с. 35].

Наибольшей урегулированностью в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России отличается система действий и решений на предварительном слушании, связанная с исследованием вопроса об исключении доказательств по делу. Данное обстоятельство обусловлено, по нашему мнению, во-первых, наличием большого количества научных трудов, отражающих проблемы исключения доказательств, во-вторых, регламентацией порядка

рассмотрения вопроса об исключении доказательства на предварительном слушании самостоятельной статьей Уголовно-процессуального кодекса РФ (ст. 235).

Изучая такую форму подготовки дела к судебному разбирательству как предварительное слушание, ученые относят вопросы исключения доказательств к категории доказательственного права. Так, С.В. Лупанова к правовой регламентации порядка проведения предварительных слушаний относит, в том числе, систему норм, связанную с регламентацией сути и содержания процесса доказывания в уголовном процессе России, особенно, в части касающейся критериев проверки и оценки доказательств на предмет их относимости, допустимости и достоверности [2, с. 66]. Л.В. Головко возможность исключения доказательства на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в ходе предварительного слушания рассматривает как «вынесение за скобки стадии судебного разбирательства» вопросов доказательственного права с целью сохранения структуры последней [3, с. 860]. Строящимся на утверждении о недопустимости доказательств называет основание, предусмотренное пунктом 1 части 2 статьи 229 УПК РФ, В.И. Радченко [4, с. 437]. Т.Н. Долгих называет вопрос о проверке допустимости доказательств центральным для предварительного слушания, при решении которого наиболее ярко проявляются функции суда [5, с. 50].

Вышесказанное уже свидетельствует о том, что ряд ученых вопрос исключения доказательств связывают исключительно с вопросом признания доказательства недопустимым, что нам представляется не очень верным по следующим основаниям. Так, положения статьи 88 УПК РФ предполагают оценку доказательств не только с точки зрения их допустимости, но и с точки зрения их относимости и достоверности. Положения статей 229 и 235 УПК РФ также не предусматривают возможность исключения доказательства только в связи с его несоответствием требованиям допустимости. Из этого можно сделать вывод о том, что законодатель не ограничивается исключительно оценкой допустимости доказательства на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, что, следовательно, позволяет решать вопрос о соответствии или несоответствии доказательства иным критериям.

Понимая под достоверностью доказательств «соответствие сведений, содержащихся в источниках, действительности» [6, с. 156], признавая то, что именно данное свойство отражает обстоятельства события преступного деяния, мы соглашаемся с тем, что оценить достоверность доказательства не представляется возможным на предварительном слушании, без исследования всех доказательств по уголовному делу, а иногда и без производства дополнительных следственных и процессуальных действий.

Однако на основании изученных уголовных дел мы можем сделать вывод о возможности оценить доказательство на предмет его относимости на стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Так, по уголовному делу, рассмотренному Великолукским городским судом, в отношении Забурдаева А.Н., обвиняемого в совершении серии «квартирных» краж, в обвинительном заключении в качестве доказательств приведены шесть заключений дактилоскопических экспертиз, по результатам которых идентификации сравнительных образцов и следов не установлено. Данные заключения не способствуют установлению фактических обстоятельств совершенных преступлений, а также данных о личности подсудимого, в связи с чем, не исследовались государственным обвинителем в судебном заседании. И данные заключения могли быть исключены судом на предварительном слушании в случае заявления ходатайства одной из сторон, как не относимые.

С учетом указанной практики, мы соглашаемся с рядом ученых, обоснованно рассматривающих предварительное слушание как механизм исключения не относимых доказательств [7, с. 335].

Неоднозначным в юридической науке является отношение к положениям части 7 статьи 235 УПК РФ, предусматривающим возможность повторно при рассмотрении уголовного дела по существу разрешить вопрос о признании исключенного доказательства допустимым.

К примеру, Л.В. Головко называет признание ранее исключенного доказательства допустимым «восстановлением юридической силы доказательства», что, по ее мнению, «позволяет устранить очевидную несправедливость, когда, например, доказательство было исключено за отсутствием возражений стороны, просто-напросто опоздавшей, причем часто по

независящим от нее обстоятельствам, на предварительное слушание» [3, с. 864]. Т.К. Рябинина возможность повторно рассмотреть вопрос об исключении доказательства связывает со способом минимизировать негативные последствия принятия решения, которые могут повлиять на достоверность выводов по уголовному делу [8, с. 242].

По нашему мнению, исследуемые положения части 7 статьи 235 УПК РФ не соответствуют требованиям современного уголовно-процессуального законодательства по следующим основаниям.

Во-первых, принцип охраны прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве предусматривает в том числе право на обжалование действий, бездействия и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, в котором находят свое отражение нормы основного закона государства, устанавливающие право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ), и право на судебную защиту (ч. 1, 2 ст. 46 Конституции РФ). Данный принцип предполагает и осуществление последующего судебного контроля за предварительным расследованием, который означает, что «в рамках судебного контроля на основе вывода о незаконности, в том числе необоснованности принятого процессуального решения или совершенного процессуального действия, суд аннулирует правовые последствия незаконных действий и решений (например, признает протокол незаконного обыска недопустимым доказательством, ч. 5 ст. 165 УПК РФ)». Данный принцип реализуется и в том, что решения суда по результатам судебного контроля как минимум однократно могут быть пересмотрены вышестоящим судом [3, с. 270-271]. Будучи формой судебного контроля предварительное слушание позволяет суду осуществлять проверку доказательства до рассмотрения дела по существу на предмет его соответствия требованиям уголовно-процессуального законодательства, однако, часть 7 ст. 235 УПК РФ противоречиво разрешает суду менять свою позицию при рассмотрении уголовного дела по существу без использования механизмов обжалования.

Во-вторых, многие ученые сущность предварительного слушания видят в исключении существенных затрат на проведение судебного разбирательства и минимизации процессуальных издержек [9, с. 148; 10].

Положения части 7 статьи 235 УПК РФ, позволяющие суду повторно возвращаться к ранее рассмотренному вопросу, ставят под сомнение целесообразность проведения предварительного слушания, ведь фактически законодатель предусмотрел возможность рассмотрения одного и того же вопроса дважды в разных стадиях уголовного процесса.

С учетом изложенного, мы считаем, что положения части 7 статьи 235 УПК РФ позволяют нивелировать результаты предварительного слушания, на котором было принято решение об исключении доказательства; также создается беспрецедентная в уголовном процессе ситуация, когда суд вправе изменить свое собственное решение по уголовному делу, в связи с чем мы предлагаем исключить положения части 7 из статьи 235 УПК РФ.

Своими особенностями обладает порядок проведения предварительного слушания при наличии ходатайства об исключении доказательства, что обуславливает его регламентацию отдельной статьей Уголовно-процессуального кодекса РФ. К примеру, Махова Т.М. в качестве основной особенности проведения предварительного слушания видит саму процедуру рассмотрения ходатайства стороны об исключении доказательства, признание его недопустимым и принятие решения о его исключении из дела [11, с. 625].

Проведение предварительного слушания по данному основанию допускается исключительно по ходатайству сторон: по своей инициативе суд провести его не вправе даже в том случае, когда при изучении материалов дела обнаруживает явно недоброкачественные доказательства. Причем спорным в юридической литературе является вопрос о содержании ходатайства об исключении доказательства. Из положений закона (ч. 2 ст. 235 УПК РФ) следует, что ходатайство об исключении доказательства должно включать в себя указание на само доказательство, об исключении которого ходатайствует стороны, юридические основания для исключения доказательства, с указанием на фактические обстоятельства, обосновывающие законность применения данных юридических оснований для исключения доказательства.

Ряд ученых, с которыми не может согласиться автор, указывают на то, что ходатайство должно содержать основания для исключения доказательства, предусмотренные исключительно статьей 75 УПК РФ [12, с. 361; 13, с. 688].

Придерживаясь мнения о том, что доказательство может быть исключено в том числе в связи с его неотносимостью к материалам уголовного дела, мы не можем согласиться с позицией об указании обстоятельств, предусмотренных только ст. 75 УПК РФ (недопустимые доказательства).

Особенностью исключения доказательства на предварительном слушании является применение института формального признания, который представляет собой заявление, сделанное в процессе одной из сторон, о признании факта, на котором другая сторона основывает свои требования или возражения [13, с. 688]. Фактически данный институт означает, что, если сторона признает требование об исключении доказательства, суд не должен вникать в суть и содержание ходатайства об исключении доказательства, а должен принять решение в пользу стороны данное ходатайство заявившей.

Такое «безразличное» поведение суда обусловлено наличием в науке такого понятия как «презумпция истинности признания», которая освобождает другую сторону от дальнейшего доказывания и обоснования требований; а также реализацией принципа состязательности уголовного процесса, согласно которого суд «придерживается нейтралитета в вопросах доказывания».

Еще одной особенностью проведения предварительного слушания при наличии ходатайства об исключении доказательства является проявление процессуальной конструкции благоприятствования защите (favor defensionis). Данная конструкция проявляется в положениях части 4 статьи 235 УПК РФ, согласно которых, если сторона защиты заявляет ходатайство об исключении доказательства на том основании, что оно получено с нарушением требований УПК РФ, обязанность доказывать соблюдение требований УПК РФ лежит на прокуроре; в иных случаях бремя доказывания лежит на стороне, заявившей ходатайство. По нашему мнению, такая правовая конструкция необоснованно освобождает сторону защиты доказывать факт соответствия представленного доказательства требованиям уголовно-процессуального законодательства по следующим основаниям.

В соответствии с положениями части 4 статьи 235 УПК Часть 1 статьи 53 УПК РФ предоставляет защитнику полномочия по собиранию доказательств. Статья 86 УПК РФ к способам собирания защитником доказательств относит получение предметов, документов и иных сведений; опрос лиц с их согласия; истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии. Из указанных положений следует, что к способам собирания доказательств стороной защиты уголовно-процессуальным законодательством предъявляются вышеуказанные требования, а собранные стороной защиты доказательства, если они получены с нарушением УПК РФ, в силу части 2 статьи 55 УПК РФ не могут иметь юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда. Тем не менее, в случае заявления стороной обвинения ходатайства об исключении доказательства стороны защиты в связи с нарушением уголовно-процессуального законодательства, обязанность доказывать нарушение требований УПК РФ лежит на участнике, заявившем ходатайство.

Среди ученых отношение к конструкции благоприятствования защите является различным. Так, некоторые ученые в данной конструкции видят дополнительную гарантию реализации права обвиняемого на защиту [11, с. 626].

Другие же ученые полагают, что такое «благоприятствование» должно быть выражено по отношению к потерпевшей стороне. К примеру, С. Шестакова полагает, что привилегированное положение потерпевшего должно выражаться в том, что полученное с нарушением прав потерпевшего доказательство может быть исключено при наличии только согласия потерпевшего или его представителя [14, с. 102]. Подобного подхода к положению потерпевшего придерживаются приверженцы теории «тройной виктимизации», которая подразумевает тройное нарушение прав потерпевшего в ходе уголовного судопроизводства: сначала потерпевшему причиняется вред преступлением, потом – нарушением его прав в ходе процессуальных действий,

затем – признанием вследствие нарушения его прав недопустимыми доказательств, которые могли бы способствовать осуждению лица, совершившего преступление, и возмещению потерпевшему причиненного преступлением вреда. Т.К. Рябинина такой подход к уравновешиванию возможностей сторон инициировать вопрос об исключении доказательств считает неприемлемым, «поскольку в этом случае решение вопроса об оценке допустимости доказательств будет зависеть не от объективных критериев законности получения доказательств, а от усмотрения одной лишь стороны» [8, с. 285].

К особенностям проведения предварительного слушания при наличии ходатайства стороны об исключении доказательства можно отнести и наличие в указанной процедуре элементов судебного следствия. О наличии этих элементов свидетельствуют положения части 3 статьи 235 УПК РФ, согласно которых суд для разрешения ходатайства об исключении доказательства в ходе предварительного слушания может допросить свидетеля и приобщить к уголовному делу документ, указанный в ходатайстве, а также огласить протоколы следственных действий и иные документы, имеющиеся в уголовном деле и (или) представленные сторонами.

Л.В. Головко выделяет порядок проведения предварительного слушания при наличии ходатайства об исключении доказательства, называя его «единственным основанием проведения предварительного слушания, когда последнее включает в свою структуру элементы судебного следствия, т.е. допускает непосредственное собирание и исследование доказательств» [3, с. 864]. Мы же полагаем, что в ходе предварительного слушания возможности исследовать обстоятельства совершения преступления являются ограниченными, в связи с чем, нельзя приравнивать процедуру собирания доказательств на предварительном слушании к полноценному судебному следствию по уголовному делу.

Согласно положениям части 8 статьи 234 УПК РФ, по ходатайству сторон в качестве свидетелей могут быть допрошены любые лица, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов, за исключением лиц, обладающих свидетельским иммунитетом. Согласно разъяснениям Пленума Верховного суда РФ, данное ограничение распространяется и на порядок проведения предварительного слушания при рассмотрении вопроса об исключении доказательства [15]. В связи с этим, не всегда на предварительном слушании создаются условия для полноценного исследования ряда обстоятельств, в том числе касающихся выяснения свойств доказательств.

Так, по уголовному делу в отношении Петрова В.М., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, рассмотренному Опочецким районным судом, стороной защиты было заявлено ходатайство о признании протокола осмотра места происшествия недопустимым доказательством в связи с тем, что на последней странице протокола осмотра места происшествия подпись одного из участвующих лиц имеет признаки фальсификации. Суд отказал в удовлетворении ходатайства в связи с невозможностью назначения экспертизы на предварительном слушании и разъяснил право на заявление указанного ходатайства в ходе судебного разбирательства. Данный пример свидетельствует о целесообразности допроса эксперта и специалиста или производства экспертизы на предмет подлинности подписи. Необходимость расширения перечня следственных и процессуальных действий, проведение которых возможно на предварительном слушании, отмечается и в научной литературе [16, с. 12; 17, с. 7; 18, с. 9; 19, с. 195].

Однако нельзя не отметить позиции иного рода. Ряд ученых ограничивают пределы исследования доказательств на предварительном слушании только очевидными случаями, когда нарушения закона не требуют глубокого исследования [20, с. 118]; другие настаивают на полноценном исследовании всех имеющихся доказательств только в ходе судебного следствия [21, с. 312-317].

Так, по уголовному делу в отношении Медведева М.В., обвиняемого в совершении трех преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, установлено, что в материалах уголовного дела имеются сведения о неоднократном прохождении подсудимым лечения в психиатрической больнице. Однако, судебно-психиатрическая экспертиза по уголовному делу проведена не была, в связи с чем, суд прекратил производство в особом порядке, назначил дело для рассмотрения в общем порядке, в ходе которого уже по ходатайству государственного обвинителя назначил судебно-психиатрическую экспертизу. Разрешение такой ситуации нам

видится путем назначения экспертизы на предварительном слушании с последующим разрешением вопроса в зависимости от результатов экспертизы: вернуть уголовное дело, если обвиняемый является невменяемым; назначить судебное заседание для рассмотрения дела по существу, если установлена вменяемость лица.

Указанный пример дает нам основания согласиться с позицией Т.К. Рябининой о том, что «на предварительном слушании разрешать вопрос об исключении доказательства необходимо в том случае, когда проверка доводов стороны, заявившей такое ходатайство, не превращается в судебное следствие и требует не дополнительных издержек» [8, с. 292]. По нашему мнению, назначение судебно-психиатрической экспертизы на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в вышеприведенной ситуации смогло бы исключить необоснованное рассмотрение уголовного дела в случае, если в суд с обвинительным актом или заключением поступило уголовное дело в отношении невменяемого лица.

В связи с изложенным, мы предлагаем предусмотреть возможность производства экспертизы на предварительном слушании в случае, если результаты экспертизы могут повлиять на разрешение вопроса о назначении судебного разбирательства для рассмотрения уголовного дела по существу.

Литература и источники

1. Кальницкий В.В. Стадия назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2018.
2. Лупанова С.В. Предварительные слушания как форма подготовки дела к судебному разбирательству в российском уголовном процессе. Дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006.
3. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головко. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017.
4. Уголовный процесс: Учебник для вузов / Под общ. ред. В.И. Радченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: «Юридический Дом «Юстицинформ», 2006.
5. Долгих Т.Н. Институт предварительного слушания в уголовном судопроизводстве России. Дис. … канд. юрид. наук. Калининград: Калинингр. Юридический институт, 2007.
6. Крупницкая В. И. Теория доказательств и доказывание: курс лекций. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015.
7. Зуев С.В., Сутягин К.И. Уголовный процесс: учебник. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016.
8. Рябинина Т.К. Реализация судебной власти на стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию: теория и правоприменение. Дис. … докт. юрид. наук. Саратов, 2021.
9. Кулик Н.В. Осуществление прокурором доказывания на предварительном слушании: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб.: С.-Петерб. юрид. ин-т Ген. прок-ры РФ, 2006.
10. Рябинина Т.К. Предварительное слушание как средство соблюдения разумности срока уголовного судопроизводства // Государство и право. 2013. N 2. С. 53-62.
11. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009.
12. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В.П. Сальникова; 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019.
13. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008.
14. Шестакова С. Допустимость доказательств в уголовном процессе России и США // Уголовное право. 2004. № 3.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 N 28 (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 3, от 28.06.2012 N 16, от 03.03.2015 N 9, от 15.05.2018 N 11) «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» / Консультант Плюс
16. Максимова Т.Ю. Некоторые вопросы признания доказательств недопустимыми на предварительном слушании // Российский судья. 2007. № 4.
17. Смирнов В.П. Состязательное начало по уголовным делам в суде первой инстанции: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2003.
18. Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в российском уголовном процессе: автореф. дис. канд. юрид. наук. Омск., 2004.
19. Татьянина Л.Г., Зиннатов Р.Ф. Некоторые вопросы, связанные с исключением доказательств на предварительном слушании // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 5.
20. Кудрявцева А.В., Сысков В.Л. Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2007.
21. Сердюков С.В., Богачева Е.А. Ходатайство об исключении доказательств как способ реализации принципа состязательности сторон // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики (посвящается Н.В. Радутной): матер. 2-й междунар. науч.-практ. конф. (11-12 апреля 2012 г.). М.: ИД «Юриспруденция», 2012.

References and Sources

1. Kal'nickij V.V. Stadiya naznacheniya i podgotovki sudebnogo razbiratel'stva v ugolovnom processe: uchebnoe posobie. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2018.
2. Lupanova S.V. Predvaritel'nye slushaniya kak forma podgotovki dela k sudebnomu razbiratel'stvu v rossijskom ugolovnom processe. Dis. … kand. yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2006.
3. Kurs ugolovnogo processa / Pod red. d.yu.n., prof. L.V. Golovko. 2-e izd., ispr. M.: Statut, 2017.
4. Ugolovnyj process: Uchebnik dlya vuzov / Pod obshch. red. V.I. Radchenko. 2-e izd., pererab. i dop. M.: «Yuridicheskij Dom «Yusticinform», 2006.

5. Dolgih T.N. Institut predvaritel'nogo slushaniya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii. Dis. … kand. yurid. nauk. Kaliningrad: Kaliningr. Yuridicheskij institut, 2007.
6. Krupnickaya V.I. Teoriya dokazatel'stv i dokazyvanie: kurs lekcij. Novosibirsk: Izd-vo SibAGS, 2015.
7. Zuev S.V., Sutyagin K.I. Ugolovnyj process: uchebnik. Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YUUrGU, 2016.
8. Ryabinina T.K. Realizaciya sudebnoj vlasti na stadii podgotovki ugolovnogo dela k sudebnomu zasedaniyu: teoriya i pravoprimenenie. Dis. … dokt. yurid. nauk. Saratov, 2021.
9. Kulik N.V. Osushchestvlenie prokurorom dokazyvaniya na predvaritel'nom slushanii: Dis. ... kand. yurid. nauk. SPb.: S.-Peterb. yurid. in-t Gen. prok-ry RF, 2006.
10. Ryabinina T.K. Predvaritel'noe slushanie kak sredstvo soblyudeniya razumnosti sroka ugolovnogo sudoproizvodstva // Gosudarstvo i pravo. 2013. N 2. S. 53-62.
11. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik / otv. red. P. A. Lupinskaya. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2009.
12. Ugolovno-processual'noe pravo (Ugolovnyj process): Uchebnik dlya vuzov / Pod red. prof. E.K. Kutueva; nauch. red. i vstupitel'noe slovo prof. V.P. Sal'nikova; 2-e izd., pererab. i dop. SPb.: Sankt-Peterburgskij un-t MVD Rossii; Fond «Universitet», 2019.
13. Ugolovnyj process: uchebnik / A.V. Smirnov, K.B. Kalinovskij ; pod obshch. red. prof. A.V. Smirnova. 4-e izd., pererab. i dop. M.: KNORUS, 2008.
14. Shestakova S. Dopustimost' dokazatel'stv v ugolovnom processe Rossii i SSHA // Ugolovnoe pravo. 2004. № 3.
15. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 22.12.2009 N 28 (v red. Postanovlenij Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 09.02.2012 N 3, ot 28.06.2012 N 16, ot 03.03.2015 N 9, ot 15.05.2018 N 11) «O primenenii sudami norm ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva, reguliruyushchih podgotovku ugolovnogo dela k sudebnomu razbiratel'stvu» / Konsul'tant Plyus
16. Maksimova T.YU. Nekotorye voprosy priznaniya dokazatel'stv nedopustimymi na predvaritel'nom slushanii // Rossijskij sud'ya. 2007. № 4.
17. Smirnov V.P. Sostyazatel'noe nachalo po ugolovnym delam v sude pervoj instancii: avtoref. dis. kand. yurid. nauk. M., 2003.
18. Tarichko I.Yu. Funkciya sudebnogo kontrolya v rossijskom ugolovnom processe: avtoref. dis. kand. yurid. nauk. Omsk., 2004.
19. Tat'yanina L.G., Zinnatov R.F. Nekotorye voprosy, svyazannye s isklyucheniem dokazatel'stv na predvaritel'nom slushanii // Vestnik YUUrGU. 2006. № 5.
20. Kudryavceva A.V., Syskov V.L. Dokazatel'stvennaya deyatel'nost' suda pervoj instancii po ugolovnym delam. M.: YUrlitinform, 2007.
21. Serdyukov S.V., Bogacheva E.A. Hodatajstvo ob isklyuchenii dokazatel'stv kak sposob rea- lizacii principa sostyazatel'nosti storon // Perspektivy razvitiya ugolovno-processual'nogo prava i kriminalistiki (posvyashchaetsya N.V. Radutnoj): mater. 2-j mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (11-12 aprelya 2012 g.). M.: ID «Yurisprudenciya», 2012.

ТАРАСОВА ЮЛИЯ ИВАНОВНА - заместитель прокурора Пустошкинского района Псковской области, младший советник юстиции, соискатель Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (sgapnauka@yandex.ru).
TARASOVA, YULIA I. - Deputy Prosecutor of the Pustoshkinsky District of the Pskov Region, Junior Counselor of Justice, applicant for the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

УДК 346.1 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-138-144

СОЛОВЯНЕНКО Н.И.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ДОВЕРЕННЫЕ УСЛУГИ В ЦИФРОВОЙ БИЗНЕС-СРЕДЕ

Ключевые слова: правовое регулирование цифровой экономики, цифровое право, электронный бизнес, доверенные услуги, ответственность поставщика доверенных услуг, управление идентификационными данными, нормативные и технические условия доверия, электронная подпись, квалифицированный сертификат.

В статье исследуется юридический механизм, обеспечивающий доверие участников цифрового взаимодействия. Анализируются основные юридических компоненты доверия: идентификация пользователей онлайн систем и так называемые доверенные услуги (сервисы доверия), обеспечивающие подтверждение личности контрагентов, ясность и предсказуемость в распределении обязанностей и ответственности при осуществлении юридических действий в цифровой бизнес-среде. Ответственность лиц, предоставляющих доверенные услуги, рассматривается в качестве одного из главных факторов, способствующих формированию доверия. Делается вывод о необходимости единого правового подхода к созданию доверенной среды на уровне национального права государств и в трансграничном контексте.

SOLOVYANENKO, N.I.

LEGAL FUNCTIONS AND RESPONSIBILITIES OF PERSONS PROVIDING TRUST SERVICES IN THE DIGITAL BUSINESS ENVIRONMENT

Key words: legal regulation of the digital economy, digital law, electronic business, trust services, responsibility of a trust service provider, identity management, regulatory and technical conditions of trust, electronic signature, qualified certificate.

The article researched the legal mechanism that guarantees the trust of participants in digital interaction. The main legal components of trust are analyzed: identification of users of online systems and so-called trusted services confirming the identity of counterparties, clarity and predictability in determining duties and responsibilities when performing legal actions in the digital business environment. The responsibility of persons providing trusted services is considered as one of the main factors contributing to the formation of trust. It is concluded that there is a necessity for a unified approach to creating a trusted environment at the level of national law of states and in a cross-border context.

В современном быстро меняющемся, взаимосвязанном мире, в значительной степени полагающемся на информационно-коммуникационные системы и компьютерные данные, доверие стало необходимым социальным, экономическим и юридическим инструментом, используемым в деловых отношениях и общественной жизни. В настоящее время зависимость различных сфер экономики от инфраструктуры и услуг цифровых коммуникаций усугубляется пандемией COVID-

19, во время которой приходится ограничивать личные контакты, что стимулирует ускоренное внедрение электронного предпринимательского оборота, в том числе электронной торговли. Таким образом, от выстраивания различных коммерческих связей, заключения сделок, совершения онлайн-платежей и до защиты прав и интересов физических и юридических лиц и расширения бизнеса – все это возможно в онлайн-среде только при наличии доверия.

Цифровые технологии создают как новые возможности для государственных органов или коммерческих предприятий, которые могут осуществлять свою деятельность оперативнее, эффективнее и с меньшими затратами, так и риски для экономической и социальной сферы (возможность мошенничества в Интернете и неправомерного использования персональных данных, сложность онлайн-транзакций и связанных с ними условий, неопределенность в отношении механизмов возмещения ущерба и другие подобные риски). Государства-участники Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), рассматривая ключевые проблемы цифровой экономики, отметили необходимость «обеспечения доверия; управления рисками цифровой безопасности и конфиденциальности» [1]. На юридические гарантии доверия в числе фундаментальных свойств правового регулирования цифровой экономики указывают как российские, так и зарубежные исследователи [2, с. 43–49; 3, с. 125–151; 4]. Доверие, как правовая категория цифрового взаимодействия, принадлежит к числу направлений исследований, которые, по мнению представителей юридической науки, «в первую очередь должны попасть в зону внимания ученых» [5, с. 191–201] при формировании доктрины, в том числе цифрового права.

В толковом словаре русского языка доверие определено как «отношения, в основе которых лежит уверенность в чьей-нибудь, порядочности, честности, добросовестности» [6]. Согласно Оксфордскому словарю, доверием является твердая уверенность в надежности чего-либо, которая определяет поведение и желание полагаться на что-либо [7]. Таким образом, наличие доверенной среды является базовым условием для того, чтобы субъекты бизнеса могли в полной мере полагаться на цифровые технологии. Пользователям онлайн-систем требуется подтверждение личности контрагентов, ясность и предсказуемость в распределении обязанностей и связанной с ними ответственности при осуществлении юридических действий в цифровой бизнес-среде. Современные правовые модели доверия, как международные, так и национальные, исходят из признания свободы выбора участниками соответствующих технологий, информационных носителей и сервисов доверия, а также субъектов, которые их оказывают. При этом должны соблюдаться условия о соответствии применяемых технических и организационных средств национальным и международным правовым нормам и требованиям, а также национальным и международным стандартам

Одним из основных юридических компонентов доверия является идентификация участников цифрового взаимодействия, которая обеспечивает подтверждения личности человека и признание его правосубъектности. В рабочих материалах Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) электронная идентификация обозначена как «использование идентификационных данных в электронной форме, уникально представляющих физическое или юридическое лицо, либо физическое лицо, представляющее юридическое лицо». Средства электронной идентификации это «материальные и/или нематериальные носители, содержащие идентификационные данные лица». «Управление идентификационными данными призвано дать ответ на два простых вопроса: «Кто Вы?» и «Как Вы можете это доказать?», которые, любой участник юридически значимого электронного взаимодействия задает другой стороне» [8]. Такой юридический акт как электронная идентификация имеет основополагающее значение для совершения коммерческих операций или других юридических действий особенно в отсутствие предварительно установленных правовых, в том числе договорных отношений.

Проверка идентификационных данных и подтверждение личности действующего удаленно субъекта необходима в случае предоставления ему доступа к электронной базе данных, содержащей информацию ограниченного доступа; электронного перевода средств; заключения электронного контракта; обмена юридически значимыми электронными сообщениями; защиты интеллектуальной собственности; оказания государственных услуг. Многие государства предоставляют официальные удостоверяющие личность данные в цифровом формате (мобильные ID, цифровые сертификаты, электронные подписи и т. д.), которые позволяют пройти автоматическую и удаленную процедуру подтверждения личности для доступа к цифровым

товарам и услугам. Системы управления идентификационными данными могут классифицироваться по различным основаниям, в том числе подразделяться на «публичные» и «частные». В ряде стран такие системы созданы непосредственно государством, а в других создана инфраструктура поставщиков цифровых идентификационных данных, использующих официальные системы идентификации для подтверждения личности и обеспечения регистрации на различных платформах. Государственные организации и/или частные компании, работающие на основе установленной структуры доверия, могут выдавать официально признанные идентификационные данные в цифровом формате [9].

В России Федеральный закон от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» регулирует применение информационных технологий в целях идентификации физических лиц, а именно: в целях установления сведений о лице, их проверке и сопоставления данных сведений с уникальным идентификатором. В соответствии с п.1 ст.14.1 ФЗ от 27 июля 2006 г., государственные органы, банки и иные организации, в случаях, определенных федеральными законами, после проведения идентификации при личном присутствии физического лица с его согласия на безвозмездной основе размещают в электронной форме: 1) сведения, необходимые для регистрации физического лица в единой системе идентификации и аутентификации, и иные сведения, если такие сведения предусмотрены федеральными законами, - в единой в единой системе идентификации и аутентификации; 2) биометрические персональные данные физического лица - в единой информационной системе персональных данных, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица (единая биометрическая система).

Идентификация осуществляется в соответствии с федеральными законами. Так, в ч.1 ст.18 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. «Об электронной подписи» установлено, что при выдаче квалифицированного сертификата аккредитованный удостоверяющий центр обязан идентифицировать физическое лицо, обратившееся к нему за получением квалифицированного сертификата.

Хотя в большинстве стран мира приняты законодательные акты об электронной торговле и электронных подписях, которые содержат положения, касающиеся идентификации и удостоверительных услуг, лишь некоторые законодательные акты полностью посвящены данным вопросам. Примером является действующее в Европейском Союзе «Регулирование (ЕС) № 910/2014 Европейского парламента и Европейского совета от 23 июля 2014 года об электронной идентификации и удостоверительных услугах по проведению электронных сделок на внутреннем рынке» (eIDAS Regulation) [10]. В силу данного нормативного акта ЕС, управление идентификационными данными, идентификация физических или юридических лиц, выдача соответствующих средств идентификации осуществляют «поставщики идентификационных услуг» (частные или публичные). В отношении получения идентификационных услуг доверием является мнение пользователя онлайн систем о надежности предлагаемой услуги. В свою очередь, надежность определяется как «качество последовательно хорошего исполнения, которому можно доверять; качество, на которое можно положиться» [11]. В правовых отношениях, связанных с электронной идентификацией физических лиц, применяется такая технологическая и правовая категория как «уровни обеспечения надежности (безопасности) средств электронной идентификации», в основе которых лежат соответствующие технические требования, стандарты и процедуры. Участники электронного взаимодействия могут уменьшить юридические риски и прогнозировать правовые последствия, применяя средства электронной идентификации, отвечающие наиболее подходящему для данного участника уровню надежности.

ЮНСИТРАЛ, рассматривая правовые вопросы электронной идентификации, делает вывод о необходимости единого подхода на уровне национального права государств и в трансграничном контексте. В рамках такого подхода отсутствие ясности в отношении ответственности сторон рассматривается в качестве одного из главных факторов, препятствующих формированию доверия к использованию электронных услуг. В этой связи предлагаемая рабочей группой ЮНСИТРАЛ правовая конструкция ответственности поставщика идентификационных услуг предусматривает ответственность последнего за ущерб, причиненный вследствие несоблюдения поставщиком

предусмотренных законом обязанностей. Вместе с тем, оговариваются условия ограничения ответственности: поставщик услуг не несет ответственности перед пользователем за ущерб, понесенный в результате использования его услуг, если: а) такое использование выходит за рамки ограничений в отношении целей или стоимости операций, для которых может использоваться система идентификации и б) поставщик услуг уведомил пользователя о таких ограничениях в соответствии с законодательством.

Правовые гарантии доверия обеспечиваются также за счет так называемых доверенных услуг (сервисов доверия), которые могут включать создание и проверку электронных подписей и выдачу сертификатов ключей проверки электронных подписей; проставление электронной печати для подтверждения источника и целостности электронного документа, проставление электронной отметки времени для указания в документе конкретной даты, обеспечение безопасной передачи документов между сторонами (услуги по электронной регистрации доставки, обеспечивающие целостность сообщения данных и идентификацию отправителя и получателя); услуги долговременного хранения электронных подписей и сертификатов или удостоверение подлинности веб-сайта.

При заключении соглашения в электронной форме требуются электронные подписи сторон для того, чтобы была уверенность в выражении ими своего согласия с содержанием соглашения, обеспечения его целостности и неизменности, а также обозначения в соглашении конкретной даты и времени. Электронные подписи также необходимы для сделок между бизнес-организациями в контексте глобальной или региональной цепочки создания стоимости. Трансграничные сделки между субъектами бизнеса часто являются продолжительными по времени и включают производство и доставку индивидуальных товаров или услуг, условия и спецификации которых должны быть четко согласованы заранее. Этот тип взаимодействия бизнес-бизнес (B2B) должен быть отражен в контракте между клиентом и поставщиком, санкционированном подписями сторон для принятия согласованных условий. В целях исполнения обязательств стороны «подписывают» цифровые документы электронной подписью, которая обеспечивает такому электронному взаимодействию определенные гарантии от несанкционированного вмешательства третьих лиц или от подделки цифровых документов. Прочная основа для электронных транзакций, предусматривающая юридическое признание электронных документов и подписей, является ключевым элементом в построении цифрового рынка, в том числе в трансграничном режиме. Электронная подпись имеет важное значение для облегчения взаимодействия между физическими лицами, предпринимательскими структурами и государственными органами. Предоставление информации по цифровым каналам, например, для регистрации бизнеса, налоговой отчетности, оформления таможенной документации или в административных или судебных процедурах, способствует повышению эффективности, облегчает предоставление услуг и в конечном счете снижает затраты для государства, бизнеса и частных лиц. Этот тип удаленного взаимодействия часто включает в себя конфиденциальную информацию. Электронные подписи в этом контексте должны быть не только безопасными, но и гарантировать, что подпись принадлежит лицу, заинтересованному в этой конкретной деятельности.

Во многих сделках, совершаемых через Интернет, необходима проверка данных владельца веб-сайта, для того чтобы быть уверенным, что этот веб-сайт действительно управляется лицом, утверждающим, что именно оно и стоит за этим веб-сайтом. Услуги долговременного хранения должны гарантировать возможность подтверждения электронных подписей вне зависимости от технологических изменений в будущем. Наконец, в ряде случаев необходимо, чтобы электронный документооборот между сторонами осуществлялся по защищенным каналам, которые обеспечивают фиксацию времени отправки и получения документа.

В целях определения надежности (безопасности) доверенных услуг в национальном законодательстве установлены, как правило, две категории: 1) неквалифицированные доверенные услуги; 2) квалифицированные доверенные услуги. В зависимости от данных уровней надежности (безопасности) различаются правовые последствия оказания доверенной услуги.

Если доверенная услуга не является квалифицированной, правовые последствия ограничиваются применением принципа недискриминации (юридическая сила электронной доверенной услуги и ее допустимость в качестве доказательства в процессе судопроизводства не

должны отвергаться только на том основании, что такая услуга предоставляется в электронной форме).

Если доверенная услуга является квалифицированной, в специальном законодательстве обычно предусмотрены особые требования к квалифицированным поставщикам доверенных услуг и к самим квалифицированным доверенным услугам в целях обеспечения высокого уровня их надежности (безопасности). Квалифицированной электронной подписью является электронная подпись, которая соответствует всем признакам неквалифицированной электронной подписи и следующим дополнительным признакам: 1) ключ проверки электронной подписи указан в квалифицированном сертификате; 2)для создания и проверки электронной подписи используются средства, имеющие подтверждение соответствия требованиям, установленным в соответствии с Федеральным законом. Квалифицированный сертификат ключа проверки электронной подписи (квалифицированный сертификат) - сертификат ключа проверки электронной подписи, соответствующий требованиям, установленным Федеральным законом и иными принимаемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, созданный аккредитованным удостоверяющим центром либо федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере использования электронной подписи, и являющийся в связи с этим официальным документом (ст.2 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. «Об электронной подписи»).

Правовые последствия могут опираться на определенные презумпции. Так, в законодательстве РФ об электронной подписи установлены требования к квалифицированной электронной подписи, квалифицированному сертификату, аккредитованному удостоверяющему центру, выдающему квалифицированные сертификаты. Например, минимальный размер собственных средств (капитала) составляет не менее чем один миллиард рублей, либо пятьсот миллионов рублей при наличии не менее чем в трех четвертях субъектов Российской Федерации одного или более филиала, или представительства удостоверяющего центра (п.1) ч.3 ст.16 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. «Об электронной подписи».

Одновременно установлена общая презумпция действительности электронного документа, подписанного квалифицированной электронной подписью, в любых правоотношениях и его безусловной юридической равнозначности бумажному документу, подписанному собственноручно. Более того, Федеральный закон не допускает ограничение или отказ от признания таких электронных документов со стороны участников электронного взаимодействия.

Сопоставимые правовые нормы зафиксированы в «Регулировании (ЕС) № 910/2014 Европейского парламента и Европейского Совета от 23 июля 2014 года об электронной идентификации и удостоверительных услугах по проведению электронных сделок на внутреннем рынке» (eIDAS Regulation), которое устанавливает различие между квалифицированными и неквалифицированными поставщиками доверенных услуг. Регулирование № 910/2014 является актом прямого действия и непосредственно применяется на территории государств-членов ЕС.

Для обеспечения высокого уровня надежности (безопасности) предусмотрены особые требования к квалифицированным поставщикам доверенных услуг и к квалифицированным доверенным услугам, которые они оказывают, в том числе по управлению квалифицированными сертификатами электронных подписей, электронных отметок времени или электронных печатей. Например, квалифицированные поставщики доверенных услуг должны проходить аудит органом по оценке соответствия с целью подтверждения того, что квалифицированные поставщики доверенных услуг и предоставляемые ими квалифицированные доверенные услуги соответствуют требованиям, предусмотренным в Регулировании. Квалифицированные поставщики доверенных услуг должны представить полученный отчет об оценке соответствия в надзорный орган в течение трех рабочих дней после его получения.

Правовые последствия квалифицированных доверенных услуг соизмеримы с высоким уровнем их надежности. Например, в силу eIDAS Regulation, квалифицированная электронная подпись имеет юридическую силу, эквивалентную собственноручной подписи. Электронная подпись, основанная на квалифицированном сертификате, выданном в одном государстве-члене ЕС, признается квалифицированной электронной подписью во всех других государствах-членах ЕС (ч.2;3 ст.25). Квалифицированная электронная печать пользуется презумпцией целостности данных, которые скреплены квалифицированной электронной печатью. Электронная печать,

основанная на квалифицированном сертификате, выданном в одном государстве-члене ЕС, признается квалифицированной электронной печатью во всех других государствах-членах ЕС

Все поставщики доверенных услуг несут ответственность за ущерб, причиненный умышленно или по неосторожности любому физическому или юридическому лицу в результате невыполнения обязательств, предусмотренных eIDAS Regulation. Данным нормативным актом предусматривается требование к поставщику о наличии определенных финансовых ресурсов и/или о страховании его ответственности. Бремя доказывания умысла или неосторожности неквалифицированного поставщика доверенных услуг лежит на физическом или юридическом лице, требующем возмещения ущерба. В случае ущерба, причиненного квалифицированным поставщиком, умысел или неосторожность квалифицированного поставщика предполагаются, если только он не докажет обратное.

Для того, чтобы уменьшить финансовый риск, который могут нести поставщики доверенных услуг или который они должны покрывать страховыми полисами, Регулирование позволяет поставщикам доверенных услуг при определенных условиях устанавливать ограничения на использование предоставляемых ими услуг и не нести ответственности за ущерб, возникший в результате использования услуг, превышающих такие ограничения. Пользователи должны быть должным образом проинформированы об ограничениях заранее, например, путем включения сведений об ограничениях в условия предоставления услуг. Регулирование применяться в соответствии с национальными правилами об ответственности и не оказывает на них влияния, например, в отношении определения ущерба, умысла, неосторожности или соответствующих применимых процессуальных норм.

На основании российского Федерального закона «Об электронной подписи» удостоверяющий центр несет ответственность за вред, причиненный третьим лицам в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения: обязанностей, предусмотренных данным законом; обязательств, вытекающих из договора оказания услуг удостоверяющим центром. Аккредитованный удостоверяющий центр (поставщик квалифицированных доверенных услуг) отвечает также за неисполнение обязанностей по реализации функций аккредитованного удостоверяющего центра. Как и в зарубежном законодательстве, для аккредитованного удостоверяющего центра требуется наличие соответствующих ресурсов, служащих финансовым обеспечением ответственности. Наличие финансового обеспечения ответственности за убытки, причиненные третьим лицам вследствие их доверия к информации, указанной в сертификате ключа проверки электронной подписи, выданном таким удостоверяющим центром, или информации, содержащейся в реестре сертификатов, который ведет такой удостоверяющий центр, в сумме не менее чем 100 миллионов рублей и 500 тысяч рублей за каждое место осуществления лицензируемого вида деятельности, если количество таких мест превышает десять, но не более 200 миллионов рублей. Если количество мест осуществления указанного лицензируемого вида деятельности не превышает десять, финансовое обеспечение ответственности составляет 100 миллионов рублей (п.2) ч.1 ст.16).

В этой связи интересен предусмотренный законом случай исключения ответственности аккредитованного удостоверяющего центра за убытки, причиненные в случае компрометации и (или) несанкционированного использования ключей электронной подписи, которые такой удостоверяющий центр хранит по поручению их владельцев. Основанием для исключения указанной ответственности является вина владельца квалифицированного сертификата.

На сегодняшний день существуют различные национальные и региональные юридические концепции и законодательные акты в области управления идентификационными данными и/или доверенных услуг, которые достаточно хорошо проработаны. Хотя в их основе лежат различные подходы, они позволяют выявить соответствующие проблемы и могут служить руководством при создании надлежащих правовых конструкций на международном уровне, которые можно интегрировать в различные правовые системы с учетом трансграничного контекста. В этой связи целесообразно предусмотреть международно-правовой механизм доверия, который включает принципы взаимного трансграничного признания систем управления идентификационными данными и доверенных услуг, а также технологические и юридические критерии и требования, лежащие в основе такого признания. Благодаря этому деловые круги смогут использовать четкие правовые нормы для более эффективного уменьшения своих рисков в контексте международного

электронного бизнес-взаимодействия и обеспечения юридической определенности совершаемых ими сделок.

Литература и источники

1. OECD (2017), OECD Digital Economy Outlook 2017, OECD Publishing, Paris // URL: http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en (дата обращения 07.10.2021).
2. Минаев В.А., Королев И.Д., Сабанов А.Г. Оценка рисков идентификации и аутентификации субъектов электронного взаимодействия// Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2018. № 4 (30). С. 43-49.
3. Наумов В.Б. Проблемы развития законодательства об идентификации субъектов информационных отношений в условиях цифровой экономики // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 4. С.125-151.
4. Boss A.H. The Internet and the Law: Searching for Security in the Law of Electronic Commerce // Nova Law Review. 1999. Vol. 23. № 2.
5. Ершова И.В., Петраков А.Ю., Цимерман Ю.С. Доктрина инновационного права на службе цифрового права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11 (75). С. 191-201.
6. Толковый словарь Ожегова // gufo.me (дата обращения 07.10.2021).
7. Oxford Learner's Dictionary of Academic English // OxfordLearnersDictionaries.com (дата обращения 07.10.2021).
8. Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли Рабочая группа IV (Электронная торговля) Сорок шестая сессия Вена, 29 октября — 2 ноября 2012 года. A/CN.9/WG.IV/WP.120 Обзор вопросов управления идентификационными данными — Справочный документ, представленный Целевой группой по правовым аспектам управления идентификационными данными Американской ассоциации адвокатов A/CN.9/WG.IV/WP.120 — R — A/CN.9/WG.IV/WP.120-Desktop (undocs.org).
9. Principles on Identification for Sustainable Development: Toward the Digital Age - Second Edition (English). Washington, D.C.: World Bank Group. http://documents.worldbank.org/curated/en/213581486378184357/Principles-on-Identification-for-Sustainable-Development-Toward-the-Digital-Age-Second-Edition (дата обращения 07.10.2021).
10. REGULATION (EU) No 910/2014 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 23 July 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market and repealing Directive 1999/93/EC <P (europa.eu) (дата обращения 07.10.2021).
11. Oxford Learner's Dictionary of Academic English // OxfordLearnersDictionaries.com (дата обращения 07.10.2021).

References and Sources

1. OECD (2017), OECD Digital Economy Outlook 2017, OECD Publishing, Paris // URL: http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en (data obrashcheniya 07.10.2021).
2. Minaev V.A., Korolev I.D., Sabanov A.G. Ocenka riskov identifikacii i autentifikacii sub"ektov elektronnogo vzaimodejstviya// Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informacionnoj sfere. 2018. № 4 (30). S. 43-49.
3. Naumov V.B. Problemy razvitiya zakonodatel'stva ob identifikacii sub"ektov informacionnyh otnoshenij v usloviyah cifrovoj ekonomiki // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2018. № 4. S.125-151.
4. Boss A.H. The Internet and the Law: Searching for Security in the Law of Electronic Commerce // Nova Law Review. 1999. Vol. 23. № 2.
5. Ershova I.V., Petrakov A.YU., Cimerman YU.S. Doktrina innovacionnogo prava na sluzhbe cifrovogo prava // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2020. № 11 (75). S. 191-201.
6. Tolkovyj slovar' Ozhegova // gufo.me (data obrashcheniya 07.10.2021).
7. Oxford Learner's Dictionary of Academic English // OxfordLearnersDictionaries.com (data obrashcheniya 07.10.2021).
8. Komissiya Organizacii Ob"edinennyh Nacij po pravu mezhdunarodnoj torgovli Rabochaya gruppa IV (Elektronnaya torgovlya) Sorok shestaya sessiya Vena, 29 oktyabrya — 2 noyabrya 2012 goda. A/CN.9/WG.IV/WP.120 Obzor voprosov upravleniya identifikacionnymi dannymi — Spravochnyj dokument, predstavlennyj Celevoj gruppoj po pravovym aspektam upravleniya identifikacionnymi dannymi Amerikanskoj associacii advokatov A/CN.9/WG.IV/WP.120 — R — A/CN.9/WG.IV/WP.120-Desktop (undocs.org).
9. Principles on Identification for Sustainable Development: Toward the Digital Age - Second Edition (English). Washington, D.C.: World Bank Group. http://documents.worldbank.org/curated/en/213581486378184357/Principles-on-Identification-for-Sustainable-Development-Toward-the-Digital-Age-Second-Edition (data obrashcheniya 07.10.2021).
10. REGULATION (EU) No 910/2014 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 23 July 2014 on electronic identification and trust services for electronic transactions in the internal market and repealing Directive 1999/93/EC <P (europa.eu) (data obrashcheniya 07.10.2021).
11. Oxford Learner's Dictionary of Academic English // OxfordLearnersDictionaries.com (data obrashcheniya 07.10.2021).

СОЛОВЯНЕНКО НИНА ИВАНОВНА - кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, сектор предпринимательского и корпоративного права, Институт государства и права РАН (spp@igpran.ru).
SOLOVYANENKO, NINA I. – Ph.D. in Law, Senior Research Fellow, Business and Corporate Law Department, Institute of State and Law RAS (spp@igpran.ru).

УДК 34.096 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-144-149

ЗАПОЛЬСКИЙ С.В., СМОРЧКОВА Л.Н.
ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАНТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ НАУКИ[4]

Ключевые слова: научный грант, грантодатель, грантополучатель, правовое регулирование, принципы права, конкурс, финансирование, научная деятельность.

В статье представлена авторская система принципов, которые должны быть положены в основу дальнейшего совершенствования правового регулирования грантовых отношений в сфере науки и осуществления грантовой деятельности. В качестве оптимального способа законодательной реализации предложенных идей авторы видят федеральный закон «О научных грантах и грантовой

[4] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15035 мк «Сравнительно-правовое исследование механизма назначения, выдачи и использования грантов в целях финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ»

деятельности в сфере науки». Основные структурные элементы разработанной авторами концепции этого федерального закона также обозначены в настоящей статье. Обоснован вывод о том, что в качестве принципов правового регулирования осуществления грантовой деятельности от лица научных фондов, помимо общеправовых и уже сформировавшихся базовых, должен быть заложен еще ряд специальных принципов - принцип открытости и прозрачности деятельности научных фондов, принцип обязательности принимаемых обязательств по финансовому обеспечению действующих проектов и их экспертизе, принцип сохранения грантовой поддержки по всем отраслям науки, принцип доступности грантовых программ, принцип непрерывности грантовой поддержки, принцип ориентированности на качество научных результатов. Особое значение предложенным идеям придает идущий в настоящее время процесс фактической монополизации деятельности федеральных научных фондов. Связанное с ним отсутствие конкуренции при осуществлении грантовой деятельности в сфере науки создает опасность установления устойчивых вертикальных связей, что нивелирует значимость грантовой поддержки науки, как альтернативного инструмента финансирования получения новых знаний.

ZAPOLSKY, S.V., SMORCHKOVA, L.N.

PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION OF GRANT RELATIONS IN THE AREA OF SCIENCE

Key words: scientific grant, grantor, grantee, legal regulation, principles of law, competition, funding, scientific activity.

The article presents the author's system of principles that should form the basis for further improving the legal regulation of grant relations in the field of science and the implementation of grant activities. The authors see the federal law "On scientific grants and grant activities in the field of science" as the optimal way of legislative implementation of the proposed ideas. The main structural elements of the concept of this federal law developed by the authors are also indicated in this article. It is substantiated the conclusion, that, as the principles of legal regulation of the implementation of grant activities on behalf of scientific foundations, in addition to the general legal and already formed basic principles, a number of special principles should be laid down - the principle of openness and transparency of the activities of scientific projects and their expertise, the principle of maintaining grant support in all branches of science, the principle of the availability of grant programs, the principle of continuity of grant support, the principle of focusing on the quality of scientific results. The current process of actual monopolization of the activities of federal scientific foundations attaches particular importance to the proposed ideas. The associated lack of competition in the implementation of grant activities in the field of science creates the danger of establishing stable vertical ties, which negates the importance of grant support for science as an alternative instrument for financing the acquisition of new knowledge.

В настоящее время идет процесс реформирования сферы научного грантирования, что, в определенной степени, обосновано и обусловлено самой историей появления и развития крупнейших российских научных фондов [1]. Реорганизация Российского фонда фундаментальных исследований (далее – РФФИ) путем присоединения к Российскому научному фонду (далее – РНФ) призвана оптимизировать грантовую деятельность в сфере науки на общефедеральном государственном уровне.

Реорганизация ведущих государственных научных фондов проводится в рамках инициированной Правительством Российской Федерации общей модернизации структуры российских институтов развития, осуществляемой преимущественно путем их укрупнения. Необходимость такого укрупнения была обоснована финансово и экономически [2]. В качестве юридического результата реформирования виделось не только сокращение числа специфических публично-правовых образований – институтов развития, рассматриваемых в правовой науке в качестве самостоятельных субъектов права, деятельность которых направлена на реализацию государственной социально-экономической политики и выполнение делегированных государством функций [3], но, главным образом, оптимизация и унификация административно-управленческих механизмов и, как следствие, снижение финансовой нагрузки на их содержание в организациях, выполняющих схожие или дублирующие функции.

РФФИ и РНФ также были признаны организациями, выполняющими дублирующие функции, несмотря на всю разницу их правовых статусов и источников финансирования. Однако последствием присоединения РФФИ к РНФ стала не столько унификация деятельности по финансовой поддержке научных исследований, сколько ее фактическая монополизация при отсутствии единого правового регулирования отношений научного грантирования, что, как минимум, настораживает, предполагая возможную субъективность подходов. Это не способствует развитию инициативной и поисковой науки.

Реальные фактические последствия текущего реформирования системы государственного грантирования научной деятельности находятся в прямой зависимости от того, на каких принципах будет выстроена деятельность РНФ. Сохранит ли свою значимость грантовая деятельность для развития российской науки? Будут ли у российской науки дополнительные источники финансирования и, соответственно, материальные основания и стимулы развития? Будет ли подпитываться экономика страны результатами новых научных изысканий и открытий? Но, с другой стороны, может ли такая важная для социально-экономического развития нашей страны деятельность быть поставлена в зависимость от субъективных факторов функционирования отдельно взятого государственного научного фонда?

Ответы на эти вопросы обусловливают актуальность и необходимость формирования единых правовых механизмов назначения, выдачи и использования грантов в целях финансирования научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ вне зависимости от организационных структур и политических подходов к руководству ими. Таким путем является принятие самостоятельного федерального закона «О научных грантах и грантовой деятельности в сфере науки», в котором, в частности, должны быть закреплены основные принципы, на основе которых должен формироваться правовой режим научного гранта, а также права и обязанности сторон грантового правоотношения.

В теории правового регулирования общественных отношений важное значение придается так называемым специализированным нормам (также их называют нормами-установлениями, базовыми нормами, исходными, нетипичными и др.). Они не являются самостоятельной нормативной основой для возникновения правоотношений, участвуют в процессе правового регулирования общественных отношений опосредованно, детализируясь и реализуясь через нормы-правила поведения, но при регламентировании общественных отношений они в комплексе с регулятивными и охранительными предписаниями образуют единый регулятор. К таким специализированным нормам (нормам-установлениям) относятся и нормы-принципы, то есть предписания, в которых сформулированы правовые начала, формирующие «фундамент» данной совокупности юридических норм, заложен общий уровень системных нормативных обобщений.

Нормы-принципы придают системе отраслевого правового регулирования новое качество и потому выступают как показатель уровня ее развития, структурированности, юридического совершенства. Принципы права выполняют функцию «цементирующего средства» в структуре права. Именно в них и в других обобщающих предписаниях реально воплощается существование правовых общностей. В них закрепляются главные специфические черты отраслевого юридического режима, свойственного данной отрасли метода правового регулирования [4, с. 70-72].

В нормах-принципах сформулированы и закреплены общие или отраслевые (межотраслевые, институциональные) правовые принципы (начала), в соответствии с которыми осуществляется регулирование определенной сферы общественных отношений. В Конституции Российской Федерации содержатся основные общие принципы как государственного устройства, так и правового регулирования, так называемые общие принципы права (демократизма, равноправия, гуманизма, законности, социальной справедливости и т.п.).

В теории права и в юридических отраслевых науках устоялось несколько избитое и, в определенной степени, банальное представление об общих, отраслевых и межотраслевых принципах права, в то время как при ближайшем рассмотрении каждому виду (подвиду) общественных отношений соответствует собственный набор принципов, соблюдение которых необходимо для достижения цели правового регулирования – упорядочивания этих отношений.

Соответственно, при правовом регулировании любой группы общественных отношений необходимо не только следовать общепризнанным (общеправовым, межотраслевым, отраслевым) принципам права, но также необходимо выявить и сформулировать ряд правовых принципов, применимых конкретно к правовому регулированию данной сферы общественных отношений (к объекту правового регулирования) с участием конкретных видов субъектов и с учетом особенностей конкретно складывающихся отношений.

Общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления грантовой деятельности между ее участниками, носят на только межотраслевой, но и межинституциональный характер. Этот фактор тем более обосновывает не только необходимость применять всю систему институциональных принципов, но также возможность моделировать специальные принципы, отражающие и специфику субъектов, и специфику возникающего общественного отношения.

В правовом регулировании грантовых отношений уже сложились *базовые принципы* – предоставление грантов на конкурсной основе; гласность и открытость проведения конкурсов; добровольность участия в грантовом правоотношении; равноправие его участников; подконтрольность расходования финансовых средств.

Вместе с тем в грантовом правоотношении, возникающем между научным фондом (грантодателем), научным коллективом (грантополучателем) и обеспечивающей организацией,

научный фонд является преимущественно управомоченной стороной, поскольку именно его решение (в той или иной степени процедурно регламентированное) является предпосылкой возникновения собственно грантового правоотношения – обеспечения финансовой поддержки той или иной научной деятельности. Именно поэтому в качестве принципов правового регулирования осуществления грантовой деятельности от лица научных фондов, помимо общеправовых и уже сформировавшихся базовых, на наш взгляд, должен быть заложен еще ряд специальных принципов.

Принцип открытости и прозрачности деятельности научных фондов подразумевает предоставлении ими полной и достаточной информации, на основе которой потенциальные грантополучатели имеют возможность как принять решение, о своем участии в конкурсах, так и позволяющей всем сторонам грантового правоотношения понимать динамику развития своих прав и обязанностей. Принцип открытости и прозрачности деятельности, как правило, присущ органам государственной и муниципальной власти. Однако в данном случае, когда речь идет о распределении публичных финансов и контроле за их использованием, этот принцип также более чем уместен и призван предотвратить субъективизм и коррупционную составляющую в грантовых отношениях.

В современном информационном поле следовать принципу открытости и прозрачности деятельности не представляет особого труда, как с привлечением средств массовой информации, так и с использованием различного рода информационных технологий. Соблюдение принципа открытости и прозрачности деятельности научных фондов должно обеспечиваться группой обязывающих норм, а также предусматривать меры юридической ответственности за их неисполнение.

Принцип обязательности принимаемых обязательств по финансовому обеспечению действующих проектов и их экспертизе является действительно специфическим именно для грантовых отношений и системно в наибольшей степени связан с отраслевым финансово-правовым принципом исполнения финансовых (денежных) обязательств. Закрепление этого принципа, обеспечение его соответствующей совокупностью регулятивных и охранительных норм, позволяющих в том числе самому научному фонду апеллировать к финансовому источнику формирования средств фонда, является не только залогом реализации отдельно взятых грантовых отношений, но и успешности существования грантов как финансовой поддержки науки вообще.

Принцип сохранения грантовой поддержки по всем отраслям науки призван обеспечить открытость грантового финансирования научных исследований с содержательной точки зрения, поддерживая все направления научных изысканий, включая межотраслевые и междисциплинарные, социально-гуманитарные, использующие нетрадиционную методологию, не подразумевающие экономической выгоды, в целом направленные на развитие человеческого знания во всех областях.

С ним тесно связан *принцип доступности грантовых программ,* предполагающий не только широту их тематики, но также возможность участия в конкурсах действительно широкого круга субъектов, безотносительно их уже имеющихся научных достижений и научной репутации. Это тем более важно, поскольку в России всегда на достаточно высоком уровне была развита добровольческая и неформальная наука. Возможно, именно «Кулибины» в наибольшей степени нуждаются в финансировании своих изысканий. И не такой уж редкий случай так называемых инициативных научных открытий даже в наш высокотехнологичный век.

Принцип непрерывности грантовой поддержки со стороны грантодателя важен для грантополучателей, поскольку позволяет выстроить наиболее эффективную стратегию научного исследования, не опасаясь прекращения финансирования до окончания работы. С другой стороны, необходим *принцип ориентированности на качество научных результатов*, который позволит не только обеспечивать целевое использования денежных средств, но и предотвращать коррумпированность грантовых правоотношений.

Качеству научных результатов должно способствовать неразрывное действие *принципов объективности и квалифицированности экспертизы заявок на участие в конкурсах*, а также *объективности и квалифицированности экспертизы полученных результатов проведенных исследований*.

Совокупность принципов правового регулирования грантовых отношений в сфере науки должна быть положена в основу формирования правового режима научного гранта, который видится как результат правового регулирования отношений по финансовой поддержке научных исследований посредством назначения, выдачи и использования грантов.

Принципы правового регулирования грантовых отношений в сфере науки не являются произвольными по своему характеру. Они объективно обусловлены сложившимися в общей системе общественных отношений конкретными отношениями субъектов – их участников. Эти принципы должны служить ориентиром всей нормотворческой и правоприменительной деятельности участников грантовых отношений, отражая не только их статику, но и динамику. В то же время, имея объективное содержание, для придания общеобязательности принципы правового регулирования грантовых отношений в сфере науки должны быть формально закреплены в нормах закона.

Как уже было отмечено выше, правовое закрепление совокупности принципов правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе назначения, выдачи и использования грантов в целях финансирования научных исследований (научной деятельности) возможно осуществить посредством принятия федерального закона под условным названием «О научных грантах и грантовой деятельности в сфере науки», либо иного законодательного акта.

Вполне допустимо было бы внести изменения в действующий Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», однако он в целом требует системной переработки. В то же время уже несколько лет в научных кругах и различных структурах государственной власти обсуждается проект нового федерального закона «О научной и научно-технической деятельности в Российской Федерации» [5], но в опубликованных вариантах проекта также не решены поднятые в настоящей статье вопросы.

В любом случае любым законодательным путем помимо закрепления системы принципов осуществления грантовой поддержки в сфере науки необходимо определить: понятие научного гранта, обозначив его проектный характер; цели предоставления научных грантов; виды научных грантов; формы материального выражения научного гранта; круг субъектов грантовых отношений, их права, обязанности и ответственность; порядок предоставления научного гранта (этапы проведения конкурса); общие границы условий, предлагаемых грантодателями, и критерии оценки полученных результатов**;** порядок учета грантовых средств и отчетности грантополучателя; носителя риска случайной невозможности исполнения грантового договора; особенности правового режима научных грантов, финансируемых из бюджетов различных уровней; особенности правового режима грантов на осуществление научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ; особенности предоставления научных грантов государственными научными фондами [6].

С определенной степенью допущения можно сказать, что судьба науки в России находится в зависимости от того, получит ли грантовая деятельность в сфере науки действенной правовое регулирование, сохранится ли совокупный объем финансирования проектов и останутся ли проекты, конкурировать в которых на равных смогут любые лица, имеющие новационную научную идею, интерес в осуществлении научно-исследовательского проекта и зарегистрировавшиеся в качестве ученых в информационной системе фонда без относительно принадлежности к той или иной научной или образовательной организации.

При этом, при всей неоднозначности практики грантирования в современной России не только в сфере науки, но и во многих других областях общественных отношений, грант продолжает квалифицироваться российским учеными как одна из наиболее эффективных форм поддержки инноваций [7]. При этом именно возможность развивать за счет государственной грантовой поддержки добровольческую и неформальную науку, возможность финансировать такого рода исследования за счет различных источников были основным преимуществом существования нескольких государственных научных фондов.

Монополизации деятельности по финансированию на федеральном уровне фундаментальных и поисковых научных исследований в отсутствие универсального правового регулирования увеличивает степень контролируемости проводимых за счет грантов научных исследований, но одновременно снижает уровень инициативности и мотивации проведения

научных изысканий, что для науки в целом, как и для любой иной творческой деятельности, подобно смерти.

Вполне возможно, что отсутствие конкуренции при осуществлении грантовой деятельности в сфере науки приведет со временем к установлению устойчивых вертикальных связей, когда финансирование науки будет осуществляться преимущественно через научные организации (научные подразделения), уже заявленные как устойчивые контрагенты, что при разрушенных производственно-экономических связях и самоустранении государства из этой сферы нивелирует значимость грантовой поддержки науки, как альтернативного инструмента финансирования получения новых знаний.

Литература и источники

1. Сморчкова Л.Н. Реорганизация научных фондов: перспективы государственного финансирования научно-исследовательских работ посредством грантов в России и его правовое регулирование // Современное право. 2021. № 8. С. 38-43.
2. Тищенко Т.В. Анализ деятельности российских институтов развития по стимулированию инноваций // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 1. С. 105–114.
3. Брыкин К.И. Юридические признаки института развития как субъекта финансового права // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. № 1. С. 211–218.
4. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т.2. М.: «Юридическая литература», 1982.
5. Закон о науке – каким ему быть? // URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/216797219
6. Запольский С.В., Сморчкова Л.Н. Правовой режим научного гранта: проблемы определения и пути совершенствования // Право и практика. 2020. № 2. С. 148–156.
7. Репьев А.Г., Першина И.В. Грант как правовая форма поддержки инноваций: понятие, содержание, отличие от смежных категорий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1. С. 44–49.

References and Sources

1. Smorchkova L.N. Reorganizatsiya nauchnykh fondov: perspektivy gosudarstvennogo finansirovaniya nauchno-issledovatel'skikh rabot posredstvom grantov v Rossii i yego pravovoye regulirovaniye // Sovremennoye pravo. 2021. № 8. S. 38–43.
2. Tishchenko T.V. Analiz deyatel'nosti rossiyskikh institutov razvitiya po stimulirovaniyu innovatsiy // Kreativnaya ekonomika. 2019. T. 13. № 1. S. 105–114.
3. Brykin K.I. Yuridicheskiye priznaki instituta razvitiya kak sub"yekta finansovogo prava // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2021. № 1. S. 211–218.
4. Alekseyev S.S. Obshchaya teoriya prava: V 2-kh t., T. 2. – M.: «Yuridicheskaya literatura», 1982.
5. Zakon o nauke – kakim yemu byt'? // URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/216797219
6. Zapol'skiy S.V., Smorchkova L.N. Pravovoy rezhim nauchnogo granta: problemy opredeleniya i puti sovershenstvovaniya // Pravo i praktika. 2020. № 2. S. 148–156.
7. Rep'yev A.G., Pershina I.V. Grant kak pravovaya forma podderzhki innovatsiy: ponyatiye, soderzhaniye, otlichiye ot smezhnykh kategoriy // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2021. № 1. S. 44–49.

ЗАПОЛЬСКИЙ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия) (zapolsky@mail.ru).
СМОРЧКОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия) (l.smorchkova@mail.ru).
ZAPOLSKY, SERGEY V. – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
SMORCHKOVA, LARISA N. – Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia) (l.smorchkova@mail.ru).

УДК 34.023 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-149-153

ПАРОНЯН К.М.

ПРЕДЕЛЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ

Ключевые слова: искусственный интеллект, робот, правоприменение, судопроизводство, информационные технологии.

Одной из самых обсуждаемых в отечественной и зарубежной юридической науке проблем в XXI столетии является вопрос о степени и формах внедрения искусственного интеллекта в государственно-правовую жизнь, в целом, и в отдельные сферы правоприменения - в частности. На основе использования общенаучных методов правового познания, автор ставит цель проанализировать предлагаемые подходы к определению сущности и перспектив использования роботов в праве, а также выделить сферы общественной и государственной жизни, где использование указанных технологий нецелесообразно или недопустимо. Сформулирован вывод о том, что внедрение искусственного интеллекта должно носить вспомогательный характер, а принятие любых правотворческих и правоприменительных решений должно осуществляться только человеком. Обосновывается тезис о невозможности внедрения искусственного интеллекта в те сферы, где необходимо оценивать личность и мотивы действий человека.

PARONYAN, K.M.

LIMITS AND LIMITATIONS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PUBLICAND LEGAL LIFE

Key words: artificial intelligence, robot, law enforcement, legal proceedings, information technology.

One of the most discussed problems in domestic and foreign legal science in the 21st century is the question of the degree and forms of the introduction of artificial intelligence into state legal life in general, and in certain areas of law enforcement, in particular. Based on the use of

general scientific methods of legal knowledge, the author sets the goal of analyzing the proposed approaches to determining the essence and prospects of using robots in law, as well as highlighting areas of public and state life where the use of these technologies is impractical or unacceptable. The conclusion is formulated that the introduction of artificial intelligence should be of an auxiliary nature, and the adoption of any lawmaking and law enforcement decisions should be carried out only by a person. The thesis is substantiated that artificial intelligence cannot be implemented in areas where it is necessary to assess personality and motives in human actions.

В последнее время своеобразным правилом хорошего тона в юриспруденции стало размышление об искусственном интеллекте и его судьбе в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Авторы и исследователи в большинстве своем приводят факты из практики работы государственных органов, следствия и судов в различных странах и выдвигают осторожные предположения о будущем развитии технологий. Общим в указанных исследованиях можно назвать отсутствие квалификации авторов в области программирования, информатики, нейронных сетей и т.д., что ожидаемо влечет лишь осторожные предположения о роли и месте роботов и аналогичных им устройств в правотворчестве и правоприменении.

При этом, как представляется, важно в первую очередь выделить сферы общественной и государственной жизни, где применение искусственного интеллекта обосновано и целесообразно, где использование соответствующих технологий позволит существенно повысить эффективность принимаемых решений или непосредственно того или иного процесса (технологического, образовательного, производственного и т.д.), и области, где подобные технологии не играют существенной роли, а в худшем случае – могут навредить. Наиболее обоснованной и взвешенной в этом плане представляется позиция В.В. Момотова, который считает, что искусственный интеллект по своей природе не способен служить гарантом гуманного и справедливого правосудия, а применять его следует исключительно в ограниченных сферах и в рамках строгих правил (рассмотрение административных и гражданских дел по бесспорным требованиям, внедрение предиктивного правосудия и др. [1, с. 190]).

Характерно также, что все чаще экономисты, социологи и, конечно, правоведы приходят к выводам о том, что привычное мнение о безусловной пользе роботов не соответствует объективной действительности [2, 3]. Определять сферы возможного влияния искусственного интеллекта на правовую систему следует уже сегодня, чтобы в ближайшем будущем быть готовыми, во-первых, к построению четкой теории правоотношений с возможным включением в нее роботов (чего очень не хотелось бы), а во-вторых, – к ответам на соответствующие риски в правоприменении, возникновение которых представляется неизбежным. Лишь опережая время (в той мере, которой это вообще возможно человеку в работе с искусственным интеллектом), можно избежать той неопределенности, о которой высказался Дж.М. Бэлкин, говоря, что использование технологий может быть во благо или во вред, но узнаем мы об этом лишь «в определенный момент» (ataparticular moment) [4, p. 45].

Очевидно, что при определении категории «искусственный интеллект», вошедшей в том числе и в юридическую науку и практику, следует исходить из базовой цели, заложенной в нее автором самого термина, Д. Маккарти, а именно: создать устройства (машины), способные действовать как человек, то есть разумно. В этом плане можно дифференцировать следующие доктринальные подходы к определению искусственного интеллекта:

- роботизированная система, способная самостоятельно выполнять ряд целей и задач и быть автономной независимо от пользователя [2, с. 6]. В этой парадигме искусственный интеллект предлагается рассматривать как источник повышенной опасности, но не наделять его правоспособностью (тем более нельзя говорить о возможности применения юридической ответственности к роботам);

- определенные программные продукты и используемые ими алгоритмы, выполняющие свойственные человеческому интеллекту функции [5, с. 46];

- системы, интерпретирующие данные, а также принимающие в результате такой интерпретации оптимальные решения и способные к адаптации (самообучению) [6, с. 77];

- процесс переноса мыслительных возможностей человека в сферу информационных технологий, когда такие возможности будут лишены пороков, свойственных человеку [7, с. 572];

- область информатики, способная формализовать проблемы и решать задачи, аналогичные тем, что разрешает человек; система, способная при неизвестном алгоритме решения задачи распознать информацию, решить соответствующий вопрос и способная к обучению [8, с. 342];

- система, представляющая собой набор инструментов, призванных решать сложные прикладные задачи, алгоритм принятия которых аналогичен человеческому [9, с. 78];

- моделирование процессов человеческого интеллекта компьютерными системами, включающее в себя обучение (обработку информации), рассуждение (формулировку выводов), самокоррекцию, распознавание вербальных и невербальных знаков [10, с.117-118].

Общим для всех приведенных доктринальных подходов является попытка связать искусственный интеллект с его впечатляющими вычислительными и аналитическими способностями с алгоритмами принятия решений человеком, человеческим разумом. Другими словами, искусственный интеллект – это программа или устройство, которое мыслит и принимает решения как человек, но остается при этом неживым существом.

В определенной мере указанные подходы легли в основу легального определения искусственного интеллекта, которое сформулировано в Указе Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». В этом документе искусственный интеллект характеризуется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [11].

Отечественный механизм правового регулирования общественных отношений с применением систем искусственного интеллекта на сегодняшний день охватывает различные сферы и области, к основным из которых, на наш взгляд, относятся:

- систематизация и учет нормативно-правовых актов (в России сегодня насчитывается более 220 000 действующих нормативных правовых актов, упорядочить которые и обеспечить их «умный» поиск может исключительно применение технологий искусственного интеллекта);

- сфера безопасности дорожного движения (фиксация нарушений ПДД, smart камеры и др.);

- рынок ценных бумаг (создание роботов, торгующих акциями);

- сфера обслуживания, банки и иные кредитные учреждения (технические консультанты при оформлении кредитов, сопровождении сделок и т.д.);

- системы распознавания лиц (контроль режима самоизоляции, быстрое раскрытие правонарушений);

- организация образовательного процесса (автоматическая проверка знаний обучающихся, анализ поведения обучающихся с помощью заданных критериев оценки, осуществление функций электронного репетитора, реализация индивидуальных образовательных маршрутов);

- составление процессуальных документов (активно обсуждаемая инициатива Сбербанка по внедрению роботов-юристов, способных на основе обработки документов готовить исковые заявления в предельно короткие сроки, может служить ярким примером успешно работающих роботов. Обратная сторона медали здесь – сокращение рабочих мест по юридической специальности в банках, чьи услуги становятся неактуальными) [12];

- совершенствование уголовного процесса (систематизация и анализ результатов судебной практики, составление статистической отчетности).

Перечисленные области применения искусственного интеллекта, как представляется, не вызывают споров благодаря наличию реальных позитивных результатов. При этом очевидно, что конкретно и четко обозначить границы распространения искусственного интеллекта сегодня невозможно (главной причиной являются продолжающиеся открытия и разработки, способствующие дальнейшему расширению границ использования роботов) [13, с. 35].

В.В. Мазурин обоснованно считает, что идеально для внедрения искусственного интеллекта подходит сфера финансового права и конкретно правоприменительная деятельность по реализации норм финансового права [13, с. 36]. Высокая степень структурированности и упорядоченности норм финансового права позволяет организовать эффективную работу по построению алгоритмов принятия решений системам с искусственным интеллектам. В.В. Мазурин в этом плане отмечает, что правоприменителю-человеку «физически необходимо больше времени для ознакомления с произведенными изменениями», поэтому роботы «устранят вероятность совершения им ошибок на первом этапе работы с нововведениями» [13, с. 35]. Практика применения роботов в подобных сферах вполне обоснована и должна активно продвигаться.

Однако не следует забыть и о том, что существуют проблемные зоны, где использование искусственного интеллекта либо преждевременно, либо вообще нежелательно. В частности, поскольку искусственный интеллект не способен определять психическое состояние человека, его мотивы и цели, проводить морально-волевую характеристику подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, допускать к работе с нормами уголовного права его в любом случае нельзя (по крайней мере в обозримом будущем). Робот, обладая сверхмощным искусственным интеллектом, не получает разума, не может быть разумным. В этом плане следует признать обоснованным высказывание Х. Дрейфуса о том, что поскольку у компьютера нет потребностей и эмоций, нет социальной ориентации, он никогда не станет разумным [14]. При этом справедливым видится и мнение А.И. Берга о том, хотя машины и не мыслят, но человек, работающий в «содружестве» с электронной машиной, будет мыслить лучше и иначе, чем человек, пользующийся лишь собственным умственным трудом [15, с. 371]. В этом видится диалектичность вопроса, а значит и известный потенциал развития.

Особого внимания заслуживает набирающая обороты практика передачи полномочий по принятию судебных решений искусственному интеллекту – роботам. Так, в Китае уже вынесено более 3 млн. судебных решений с использованием искусственного интеллекта в качестве судьи. А, к примеру, в США в настоящий момент активно реализуется институт «оценки общественной безопасности», когда судья прибегает к помощи искусственного интеллекта для анализа и оценки рисков, связанных с пребыванием обвиняемых на свободе до вынесения приговора. Если искусственный интеллект дает заключение, что риск совершения нового преступления или уклонения от явки в суд минимальный или отсутствует, судья полагается на это суждение и либо оставляет обвиняемого под стражей, либо отпускает под залог. Все это сопровождается экономией времени на принятие решений (роботу требуются считанные минуты, а объем анализируемых судебных дел исчисляется тысячами [16, с. 165]). Очевидно, что на определенном этапе человечество столкнется с проблемой признания правоспособности и, главное, – деликтоспособности такого искусственного правоприменителя, робота-судьи. И здесь, на наш взгляд, слишком много неизвестных, чтобы хоть как-то спрогнозировать развитие ситуации.

Все это заставляет тщательно подходить к проблеме определения границ использования искусственного, а для этого нужны четкие критерии его использования (при этом важно, чтобы последние были установлены на федеральном уровне, путем тщательной проработки вопросов).

На наш взгляд, можно согласиться с позицией В.В. Мазурина, который предлагает комплекс ограничений в использовании искусственного интеллекта. Основные из них можно сформулировать следующим образом:

- использовать искусственный интеллект в правореализационном процессе можно исключительно на основе технологий (алгоритмов), созданным человеком; никакие вторичные алгоритмы (т.е. те, что создаются уже самими роботами) использоваться не должны, поскольку несут риск потери контроля над ними со стороны человека;

- использование искусственного интеллекта в правоприменительной практике, когда требуется произвести анализ норм права (совершить ряд последовательных логических операций), должно завершаться определенным юридическим решением. Последнее должно быть законно, обосновано, справедливо и, главное, понятно для человеческого интеллекта (другими словами решение должно отвечать критерию объяснимости и аргументированности);

- робот, обладающий способностями по принятию некоторых правоприменительных решений, должен контролироваться государственным служащим;

- произвольное самообучение роботов, не контролируемое человеком, следует полностью исключить (речь идет о возможности искусственного интеллекта самостоятельно подключаться к базам данных, обновляемым источникам правовой информации и судебной практики и на основе этого формировать собственные (вторичные) алгоритмы принятия решений) [13, с. 35].

Указанные меры должны стать теми барьерами, выход за которые грозит неконтролируемым распространением искусственного интеллекта и его непрогнозируемого влияния на человека. При этом предлагаемые в науке формы двойного или тройного контроля за работой роботов вызывают сомнения, поскольку могут спровоцировать очередной виток бюрократии, а это противоречит самой идее внедрения искусственного интеллекта: снизить нагрузку на суды и иные органы власти.

Таким образом, процесс внедрения и использования искусственного интеллекта в государственно-правовой жизни должен сопровождаться, во-первых, поиском тех сфер, где правоприменение четко структурировано, где нет необходимости оценивать личность и мотивы в действиях лиц, а во-вторых, ограничиваться вспомогательным характером: любые правоприменительные решения может осуществлять только человек.

Литература и источники

1. Момотов В.В. Искусственный интеллектв судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 188-191.
2. Кутаев В.В. Деликтная ответственностьи искусственный интеллект // Российское право онлайн. 2020. № 4. С. 5-12.
3. Роботы заявляют о своих правах: Парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных эпидемий. Коллективная монография / Е.А. Апольский, В.В. Береза, А.М. Берман [и др.]. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2020.
4. Balkin J.M. The Path of Robotics Law// California Law Review Circuit. 2015. Vol.6. P. 45-60.
5. Ракитов А.И. Высшее образование и искусственный интеллект: эйфория и алармизм // Высшее образование в России. 2018. № 6. С. 41–49.
6. Карташов И.И., Карташов И.И. Искусственный интеллект: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 75-89.
7. Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 571-574.
8. Шмелева Р.М., Иванкина Л.И. Искусственный интеллект // Информационные технологии в науке, управлении, в социальной сфере и медицине: мат-лы Международной научной конф-ции. Томск, 2014. Ч. 2. С. 342-344.
9. Абдразакова С.Р., Булгакова И.В. Искусственный интеллект в технических системах // Введение в энергетику: сборник мат-лов I Всероссийской молодежной научно-практ. конф-ции. Кемерово, 2014.
10. Паскова А.А. Технологии искусственного интеллекта в персонализации электронного обучения // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 3/42. С. 113–122.
11. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 14.10.2019. № 41. ст. 5700.
12. Робот-юрист оставит без работы 3 тысячи сотрудников Сбербанка [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/business/545109 (дата обращения: 15.12.2021).
13. Мазурин В.В. Искусственный интеллект в реализации норм финансового права // Алтайский юридический вестник. 2021. № 3 (35). С. 34-38.
14. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины: критика искусственного разума / Х. Дрейфус; пер. с англ. Н. Родман; общ. ред., послесл. и примеч. Б.В. Бирюкова. Изд. 2-е. М.: Либроком, cop. 2009. 333 с.
15. Ленин и современное естествознание / Отв. ред. М. Э. Омельяновский. М.: Мысль, 1969. 373 с.
16. Заплатина Т.С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №4 (56). С. 160-168.

References and Sources

1. Momotov V.V. Iskusstvennyj intellektv sudoproizvodstve: sostoyanie, perspektivy ispol'zovaniya // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2021. № 5. S. 188-191.
2. Kutaev V.V. Deliktnaya otvetstvennost'i iskusstvennyj intellekt // Rossijskoe pravo onlajn. 2020. № 4. S. 5-12.
3. Roboty zayavlyayut o svoih pravah: Paradigmal'nye social'no-ekonomicheskie i politiko-pravovye izmeneniya v vek cifrovizacii i dolgovremennyh virusnyh epidemij. Kollektivnaya monografiya / E.A. Apol'skij, V.V. Bereza, A.M. Berman [i dr.]. Vladivostok: Vladivostokskij gosudarstvennyj universitet ekonomiki i servisa, 2020.
4. Balkin J.M. The Path of Robotics Law// California Law Review Circuit. 2015. Vol.6. P. 45-60.
5. Rakitov A.I. Vysshee obrazovanie i iskusstvennyj intellekt: ejforiya i alarmizm // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2018. № 6. S. 41–49.
6. Kartashov I.I., Kartashov I.I. Iskusstvennyj intellekt: ugolovno-pravovoj i processual'nyj aspekty // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2021. T. 5. № 17. S. 75-89.
7. Afanas'ev A.Yu. Iskusstvennyj intellekt v ugolovnom processe // Yuridicheskaya tekhnika. 2021. № 15. S. 571-574.
8. Shmeleva R.M., Ivankina L.I. Iskusstvennyj intellekt // Informacionnye tekhnologii v nauke, upravlenii, v social'noj sfere i medicine: mat-ly Mezhdunarodnoj nauchnoj konf-cii. Tomsk, 2014. CH. 2. S. 342-344.
9. Abdrazakova S.R., Bulgakova I.V. Iskusstvennyj intellekt v tekhnicheskih sistemah // Vvedenie v energetiku: sbornik mat-lov I Vserossijskoj molodezhnoj nauchno-prakt. konf-cii. Kemerovo, 2014.
10. Paskova A.A. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v personalizacii elektronnogo obucheniya // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2019. № 3/42. S. 113–122.
11. Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 № 490 «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» (vmeste s «Nacional'noj strategiej razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda») // SZ RF. 14.10.2019. № 41. st. 5700.
12. Robot-yurist ostavit bez raboty 3 tysyachi sotrudnikov Sberbanka [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.interfax.ru/business/545109 (data obrashcheniya: 15.12.2021).
13. Mazurin V.V. Iskusstvennyj intellekt v realizacii norm finansovogo prava // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2021. № 3 (35). S. 34-38.
14. Drejfus H. CHego ne mogut vychislitel'nye mashiny: kritika iskusstvennogo razuma / H. Drejfus; per. s angl. N. Rodman; obshch. red., poslesl. i primech. B.V. Biryukova. Izd. 2-e. M.: Librokom, cop. 2009. 333 s.
15. Lenin i sovremennoe estestvoznanie / Otv. red. M. E. Omel'yanovskij. M.: Mysl', 1969. 373 s.
16. Zaplatina T.S. Iskusstvennyj intellekt v voprose vyneseniya sudebnyh reshenij, ili II-sud'ya // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2019. №4 (56). S. 160-168.

ПАРОНЯН КАРЭН МАРТИНОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры отраслевых юридических дисциплин Таганрогского института (филиала) им. А.П. Чехова Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).
PARONYAN, KAREN M. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Sectoral Legal Disciplines, Taganrog Institute (branch) named after A.P. Chekhov Rostov State Economic University (RINH) (pkm2000@mail.ru).

УДК 347.1 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-154-161

ВИЛЬДАНОВА М.М.
ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: обеспечение обязательств, исполнение обязательств, неустойка, залог, поручительство, удержание, независимая гарантия, задаток и иные виды обязательств, не предусмотренные в законе

В статье рассматриваются особенности правового регулирования обеспечения исполнения обязательств. В частности, обращается внимание на особенности судебной защиты юридических и физических лиц при наличии обеспечения и обращении на него взыскания. Рассматриваются позиции ведущих юристов относительно целесообразности использования тех или иных способов обеспечения. Автор анализирует новые виды исполнения обязательств, в том числе на международном уровне. В частности, особое внимание уделено одной из последних новелл на рынке ценных бумаг, которая была внесена Федеральным законом от 02.07.2021 № 353 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты» и заключается в создании такого нового способа обеспечения исполнения обязательств из финансовых договоров, как титульное обеспечение, которое заключается в передаче кредитору и удержании им права собственности на имущество должника.

VILDANOVA, M.M.

FEATURES OF ENFORCEMENT OF CIVIL LAW OBLIGATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Key words: enforcement of obligations, fulfillment of obligations, penalty, pledge, bail, retention, independent guarantee, earnest money and other types of collateral that are not provided for in the law.

The article considers the features of legal regulation of collateral for obligations. In particular, attention is drawn to the peculiarities of court protection of legal entities and individuals when taking and enforcing collateral. The article presents the position of leading lawyers regarding the advantages of using certain security methods. The author analyses new types of collateral, including on international level. In particular, special attention is paid to one of the latest novelties on the securities market, which was introduced by Federal Law No. 353 dated 02.07.2021 "On Amendments to Certain Legislative Acts" and consists in creating such a new way of ensuring the fulfillment of obligations from financial contracts, such as title security, which consists in transferring to the creditor and retaining by him the right of ownership of the debtor's property.

Если обратиться к истории возникновения обеспечения обязательств в России, то следует заметить, что истоки его происходят из комплекса обязательственных отношений. В XVIII постепенно усиливалась имущественная ответственность сторон, хотя некоторое время продолжала действовать личная ответственность (например, отработка долга). Как писал Г.Ф. Шершеневич: «обязательство дает право требовать, но не принуждать к исполнению действия, обещанного должником» [1, с. 290]. Процесс отделения самого обязательства от физического лица прогрессировал. На первое место постепенно стали выдвигаться такие способы обеспечения исполнения обязательств, как неустойка, поручительство, залог, что вызывало необходимость более четкого законодательного определения предмета, содержания сделок, прав и обязанностей сторон. Четкое определение указанных способов обеспечения завершилось лишь в XIX в.

Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (ГК РФ) исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием вещи должника, поручительством, независимой гарантией, задатком, обеспечительным платежом. Кроме того, принципиальное отличие положений об обеспечении исполнения обязательства, содержащихся в действующем ГК РФ, от ранее действовавшего законодательства состоит в том, что как законом, так и договором могут быть предусмотрены и иные (помимо тех, которые указаны в пункте 1 статьи 329 ГК РФ) способы обеспечения обязательств. Как совершенно обоснованно указывал Лысенко А.Н., одной из причин допущения является «признание того, что гражданское законодательство может отставать от потребностей хозяйственного оборота, нуждающегося в гибких правовых механизмах обеспечения исполнения обязательств» [2, с. 209].

Особенностью регулирования обеспечения исполнения обязательств в настоящее время, является наличие правовых норм, касающихся обеспечения исполнения обязательств, в специальном законодательстве. В качестве примера специального регулирования можно привести регулирование нормами Постановления Правительства Российской Федерации от 05.02.1998 №162 «Об утверждении Правил поставки газа в Российской Федерации», где указано, что покупатель обязан предоставить поставщику обеспечение исполнения обязательств по оплате газа, поставляемого по договору поставки газа, если покупатель не исполнил или ненадлежащим образом исполнил обязательства по оплате газа поставщику и это привело к образованию задолженности перед поставщиком по оплате газа в размере, равном двойному размеру среднемесячной величины обязательств покупателя по оплате газа или превышающем такой двойной размер.

К числу норм, устанавливающих дополнительные способы обеспечения исполнения обязательств, могут быть отнесены положения: о субсидиарной ответственности участников полного товарищества; об ответственности, которую наряду с должником несут третьи лица, на которых возложено исполнение обязательства, например норма, содержащаяся в пункте 2 статьи 866 ГК РФ, согласно которой в случаях, когда неисполнение или ненадлежащее исполнение платежного поручения имело место в связи с нарушением правил совершения расчетных операций банком, привлеченным для исполнения указанного поручения, ответственность может быть возложена на этот банк.

Кроме того, в качестве дополнительного способа обеспечения исполнения обязательств можно рассматривать механизм открытия и осуществления операций по счетам со специальным режимом. Так, счет эскроу - специальный банковский счет, предназначенный для условного депонирования безналичных денежных средств (пункт 1 статья 860 ГК РФ). Арест, списание, приостановление выдачи сторонам средств со счета эскроу не допускаются. Стороны не вправе распоряжаться средствами на счете, если не согласовано иное. При банкротстве депонента счет эскроу не закрывается, средства с него не списываются на другие счета. Эти средства будут переданы бенефициару, если основания возникнут в течение шести месяцев с момента введения конкурсного производства. Эскроу счета используются для расчетов по сделкам купли-продажи недвижимого имущества, расчетов по договору участия в долевом строительстве.

Способы обеспечения исполнения обязательств по механизму своего действия могут быть двух основных видов: те, которые сводятся к неблагоприятным для должника последствиям материального характера (неустойка, задаток), и те, которые устанавливают альтернативный источник исполнения основного обязательства (поручительство, независимая гарантия, залог).

Как правило, способы обеспечения исполнения обязательств носят акцессорный характер и следуют судьбе основного обязательства, прекращение которого по общему правилу влечет прекращение обеспечивающего его обязательства. К таким способам относятся, к примеру, залог, поручительство. Банковская и независимая гарантии расцениваются как самостоятельные независимые обязательства [3]. По мнению М.И. Брагинского и В.В. Витрянского [4, с. 478-479], независимость банковской гарантии от обеспечиваемого обязательства, проявляется в том, что основаниями к отказу в удовлетворении требования бенефициара могут служить исключительно обстоятельства, связанные с несоблюдением условий самой гарантии, не имеющие никакого отношения к основному обязательству. Суть этого правила состоит в том, что от основного обязательства не зависит предусмотренное банковской гарантией обязательство гаранта перед бенефициаром.

Следует отметить, что среди способов обеспечения гражданско-правовых обязательств отсутствуют способы, предусматривающие административное принуждение к выполнению обязательств. Напротив, в налоговой сфере правоотношений распространенным обеспечением исполнения обязательств является приостановление операций по счетам в банке и переводов электронных денежных средств, которое применяется для обеспечения исполнения решения о взыскании налога, сбора, страховых взносов, пеней и (или) штрафа. Приостановление операций по счетам налогоплательщика-организации означает прекращение банком расходных операций по этому счету в пределах суммы, указанной в решении о приостановлении операций налогоплательщика-организации по счетам в банке. Решение о приостановлении операций налогоплательщика-организации по его счетам в банке и переводов его электронных денежных средств принимается руководителем/заместителем руководителя налогового органа. Мерой по обеспечению исполнения обязательств может быть также арест имущества.

Некоторые авторы обращают внимание на то, что способы обеспечения исполнения обязательств несколько разнородны, описание их общих черт весьма условно, что связано с различными стадиями их возникновения и действия [5]. При этом они обращаются к опыту Германии, где способы обеспечения не «привязаны» к обязательству. Представляется, что для российского законодательства такой подход вряд ли приемлем, т.к. исторически сложившееся регулирование прошлых веков свидетельствует о комплексном видении основных гражданско-правовых обязательств и способов обеспечения их исполнения.

Рассмотрим основные способы обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств.

Неустойка – наиболее распространенный способ обеспечения исполнения обязательств – представляет собой определенную законом или договором денежную сумму, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, в случае просрочки исполнения. Как известно, неустойка может быть двух видов: штраф и пеня. Штраф - однократно взыскиваемая неустойка, а пеня - неустойка, взыскиваемая с нарастающим итогом за каждый период просрочки исполнения обязательства. Главное назначение неустойки – освобождение кредитора от обязанности доказывать размер убытков, причиненных нарушением обязательств. В зависимости от оснований установления неустойка может быть законной и договорной. Применение законной неустойки не зависит от волеизъявления сторон. При этом законная неустойка подлежит применению в случаях, когда условие о неустойке не включено в договор или размер договорной неустойки меньше размера неустойки, установленной в законе. Неустойка одновременно является мерой гражданско-правовой ответственности. При этом необходимо отметить, что кредитор не вправе требовать уплаты неустойки, если должник не несет ответственности за нарушение обязательства.

Согласно пункту 1 статьи 359 ГК РФ удержание является самостоятельным способом обеспечения исполнения обязательства, который состоит в том, что кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено. Удержание вещи возможно вне зависимости от того, предусмотрено ли оно договором. Право на удержание в этих случаях есть в силу закона. Кредитор может удержать вещь при наличии в совокупности таких условий, как вещь подлежит передаче должнику либо лицу, указанному должником; кредитор завладел вещью на законном основании, а также стоимость вещи не превышает существенно сумму долга.

При удержании кредитор вправе требовать удовлетворения требований за счет удерживаемого имущества. Правда, в некоторых случаях, несмотря на наличие оснований для удержания, оно не допускается. Например, когда вещь подлежит включению в конкурсную массу должника (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.03.2017 № Ф06-18933/2017). Если обратиться к опыту зарубежных стран, то, например, во Франции удержание является разновидностью залога, с чем по сути можно было бы согласиться, но при этом необходима оценить потребности и необходимость в изменении в России подходов к классификации способов обеспечения обязательств.

Согласно статье 381.1 ГК РФ денежное обязательство, в том числе обязанность возместить убытки или уплатить неустойку в случае нарушения договора по соглашению сторон могут быть обеспечены внесением одной из сторон в пользу другой стороны определенной денежной суммы (обеспечительный платеж). Обеспечительным платежом может быть обеспечено обязательство, которое возникнет в будущем. В случае наступления обстоятельств, предусмотренных договором, сумма обеспечительного платежа засчитывается в счет исполнения соответствующего обязательства. Следует отметить, что есть определенное сходство обеспечительного платежа с удержанием. Но только первый инструмент скорее гарантирует защиту своих интересов, а второй-это мера оперативного воздействия на должника и способ самозащиты прав кредиторов.

По договору поручительства поручитель обязуется перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части. Договор поручительства может быть заключен также для обеспечения обязательства, которое возникнет в будущем (ст. 361 ГК РФ). Договор поручительства заключается между кредитором по основному обязательству и поручителем. К поручительству применяются общие нормы гражданского законодательства о договорах, в том числе и правило о недопустимости одностороннего расторжения (изменения) договора. Это односторонний, безвозмездный, консенсуальный договор. Объем и характер ответственности поручителя зависят от содержания договора. Например, в договоре может быть установлено, что поручитель вправе поручиться за возврат должником лишь основной суммы без возмещения неустойки.

Договор подлежит обязательному письменному оформлению. Несоблюдение письменной формы влечет недействительность договора поручительства. Как отмечено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» (далее – Постановление № 45), письменная форма договора

поручительства считается соблюденной, когда отсутствует единый документ, подписанный сторонами, но имеются письменные документы, свидетельствующие о согласовании сторонами условий договора (например, обмен документами, в том числе электронными документами). Представляется, что такие положения требуют уточнения, в частности, в отношении того, что электронные документы должны быть подписаны сторонами в данном случае электронной подписью.

Новеллой в регулировании стало указание в Постановлении №45 о том, что письменная форма договора поручительства считается соблюденной, если письменное предложение поручителя заключить договор принято кредитором, что вызывает некоторые сомнения, так как все-таки условия поручительства, как правило, являются предметом обсуждения сторон и предложение поручителя не всегда совпадает с тем договором, который впоследствии заключен. В Постановлении № 45 систематизируются виды поручительства и уточняется порядок привлечения к ответственности.

Субсидиарная ответственность поручителя может быть предусмотрена договором или законом (например, пункт 3 статьи 171 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве»).

В случае предъявления к поручителю требований кредитора поручитель вправе выдвигать против требований кредитора возражения, которые мог бы представить должник. В отличие от ранее действовавшего правила, по которому поручитель в случае предъявления к нему иска был обязан привлечь должника к участию в деле, по действующему ГК РФ поручитель вправе действовать по собственному усмотрению, привлекая должника лишь тогда, когда он считает это в интересах дела. Как нам представляется, изменение правовой позиции в отношении квалификации статуса поручителя связано во многом с влиянием зарубежного законодательства. Так, например, французское законодательство допускает возможность стать поручителем даже в том случае, если лицо, за исполнение обязательства которого поручитель ручается, не знает об этом.

Устоявшаяся судебная практика применительно к поручительству исходит из того, что условие договора о действии поручительства до фактического исполнения обеспечиваемого обязательства не может рассматриваться как устанавливающее срок действия поручительства (абз.3 п.34 Постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством».

По независимой гарантии гарант принимает на себя по просьбе другого лица (принципала) обязательство уплатить указанному им третьему лицу (бенефициару) определенную денежную сумму согласно условиям данного гарантом обязательства независимо от действительности обеспечиваемого такой гарантией обязательства (статья 368 ГК РФ).

Определение момента выдачи гарантии имеет принципиальное практическое значение, так как по общему правилу именно с этого момента бенефициар может требовать исполнения гарантийного обязательства. Из текста статьи 373 ГК РФ явно следует, что независимая гарантия вступает в силу с момента ее отправки (передачи) гарантом, если в гарантии не предусмотрено иное. Вместе с тем, здесь возникает исключение из общего правила о моменте действия юридически значимых сообщений (статья 165.1). С учетом несовершенства работы почтой связи возникают риски задержки и утраты гарантии, которые по сути несет бенефициар. Несмотря на существующую аналогичную международную практику, с нашей точки зрения, все-таки было бы целесообразно пересмотреть редакцию статьи 373 ГК РФ.

Следует отметить, что довольно часто текст гарантии составляется гарантом. В такой ситуации любые недостатки формулировок должны толковаться в пользу бенефициара. Данный способ толкования в практике Верховного суда Российской Федерации [6].

Залог – один из важнейших способов обеспечения исполнения обязательств, обладающий определенным преимуществом перед другими, сущность которого заключается в том, что кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит это имущество (залогодателя), за изъятиями, установленными законом (пункт 1 статьи 334 ГК РФ).

Договор залога имущества обеспечивает наличие и сохранность этого имущества на момент востребования. Момент возникновения права залога зависит от условий договора. По общему правилу право залога возникает с момента заключения договора, если предмет договора не подлежит передаче залогодержателю. При залоге имущества, которое подлежит передаче залогодержателю, право залога возникает с момента передачи этого имущества залогодержателю. Существенными условиями договора о залоге являются предмет залога, его существо, размер или его оценка и срок исполнения обязательства, обеспечиваемого залогом, а также условие о том, у какой из сторон, залогодателя или залогодержателя, находится заложенное имущество. В случае, если сторонами не достигнуто соглашение хотя бы по одному из перечисленных условий или соответствующее условие в договоре отсутствует, договор о залоге не может считаться заключённым. Договор о залоге должен быть заключён в письменной форме. Договор об ипотеке, а также договор о залоге движимого имущества или права на имущество в обеспечении обязательства по договору, которые должны быть нотариально удостоверены, подлежат нотариальному удостоверению. В случае, определенном в законе залог должен быть зарегистрирован в установленном порядке. При этом следует отметить, что согласно пункту 4 статьи 339 ГК РФ несоблюдение нотариальной формы договора, а также правил о регистрации влечёт недействительность договора о залоге.

Российское законодательство допускает перезалог (последующий залог) уже заложенного имущества. Введение правила о перезалоге связано с тем, что стоимость заложенного имущества может значительно превышать сумму долга по обязательству, уже обеспеченному залогом.

Некоторые особенности предусмотрены в законодательстве в отношении залога безналичных денег, но делается это через залог права. Для этого нужно заключить договор залога прав по договору банковского счета. При этом обязательным условием такого залога является открытие банком клиенту залогового счета. Тем не менее, остается открытым вопрос о том, почему нельзя заложить денежные средства на обычном счете. Так, например, в английском правопорядке залог не ограничивается тем, на каком счете размещены средства. Сложно объяснить позицию российского законодателя. Возможно, он стремился к тому, чтобы все участники гражданского оборота знали, какой из счетов их контрагента может оказаться в залоге, или, иными словами, законодатель руководствовался целью соблюдения публичности.

При кредитовании договором залога имущества может быть предусмотрено, что причитающиеся залогодателю денежные суммы (например, доходы от использования заложенного имущества, страховое возмещение за утрату заложенного имущества и т.п.) зачисляются на залоговый счет.

Законом предусмотрено два режима залога денежных средств - залог прав на твердую денежную сумму суммы и залог прав на остаток средств на счете. Режимы различаются между собой набором прав и обязанностей сторон. В случае, если иное не предусмотрено договором залога прав по договору банковского счета, договор считается заключенным с условием о залоге прав в отношении всей денежной суммы, находящейся на залоговом счете в любой момент в течение времени действия договора. Вместе с тем, договором залога прав по договору банковского счета может быть предусмотрено, что предметом залога являются права залогодателя по договору банковского счета в размере, определенном в договоре залога (т.е. залог остатка средств на счете). Указанная сумма должна поддерживаться на протяжении всего времени залога.

Вопрос о страховании как о способе обеспечения исполнения обязательств является дискуссионным. Позиция Верховного Суда по поводу использования механизма страхования в качестве способа обеспечения исполнения обязательства менялась. В 2013 г. Верховный Суд указал в статье 4 Обзора судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22.05.2013 [7], что в качестве дополнительного способа обеспечения исполнения кредитного обязательства допускается только добровольное страхование заемщиком риска своей ответственности, и суды стали активно использовать данное разъяснение, признавая страхование в качестве способа обеспечения исполнения обязательства при решении конкретных дел. В 2018 г. Верховный Суд изменил свою точку зрения и определил, что договор страхования не является способом обеспечения исполнения обязательства в силу того, что страховщик будет производить страховую выплату не в силу просрочки должником по кредитному обязательству, а

в силу произошедшего страхового случая независимо от того, будет ли должником допущено нарушение обязательств по кредитному договору [8].

Безусловно отличается своеобразием правовое регулирования обеспечения исполнения обязательств на финансовых рынках, как на рынках организованной торговли, так и неорганизованные рынки.

Особенности обеспечения исполнения обязательств на финансовых рынках предусмотрены Федеральным законом от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее –Закон о рынке ценных бумаг). Весьма востребованным инструментом финансового рынка в последнее время являются облигации с обеспечением, которые являются достаточно безопасным объектом для инвестиций, что не исключает обеспечение исполнения обязательств по ним.

Если исполнение обязательств по облигациям обеспечивается залогом недвижимого имущества (ипотекой), государственная регистрация ипотеки проводится органом, осуществляющим государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, после государственной регистрации выпуска облигаций.

Предметом залога по облигациям с залоговым обеспечением денежными требованиями могут быть только денежные требования, принадлежащие эмитенту таких облигаций. При этом денежные требования не должны быть обременены залогом или иными правами третьих лиц, если иное не предусмотрено законом.

Эффективным механизмом, обеспечивающим исполнение обязательств по сделкам, выступает процедура клиринга. Согласно статье 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте» (далее –Закон о клиринге) клиринг – это определение подлежащих исполнению обязательств, возникших из договоров, в том числе в результате осуществления неттинга обязательств, и подготовка документов (информации), являющихся основанием прекращения и (или) исполнения таких обязательств, а также обеспечение исполнения таких обязательств.

На основании договора об оказании клиринговых услуг клиринговая организация открывает и ведет клиринговые счета участников для учета совершаемых в ходе биржевых торгов договоров и соответственно требований и обязательств перед контрагентами. Денежные средства и ценные бумаги, размещаемые на таких счетах, блокируются соответствующими расчетными организациями и депозитариями, и операции по ним могут проводиться не иначе как на основании распоряжений только клиринговой организации, что минимизирует в значительной степени риски нарушения обязательств при биржевой торговле. Дополнительной гарантией как для участников торгов, так и для клиринговой организации, выступающей в роли "центрального контрагента", выступает также наличие у последней гарантийного фонда, требование об обязательном создании которого содержится в статье 24 Закона о клиринге. Гарантийный фонд формируется клиринговой организацией за счет взносов участников клиринга и иных лиц.

Гарантийный фонд является коллективным клиринговым обеспечением, который представляет собою способ обеспечения исполнения допущенных к клирингу обязательств любого из участников клиринга, в соответствии с соглашением о коллективном клиринговом обеспечении. В гарантийный фонд могут входить денежные средства в рублях и (или) иностранной валюте, драгоценные металлы, ценные бумаги, а также иное имущество, определенное нормативными актами Банка России. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения участником клиринга обязательств, допущенных к клирингу, имущество такого участника клиринга, составляющее гарантийный фонд, используется для удовлетворения требований по таким обязательствам. При недостаточности этого имущества в порядке, установленном соглашением о коллективном клиринговом обеспечении, используется имущество иных лиц, составляющее гарантийный фонд. В этом случае указанный участник клиринга обязан возместить стоимость использованного имущества. Клиринговая организация осуществляет необходимые действия, направленные на удовлетворение требований по обязательствам за счет гарантийного фонда. В случае признания клиринговой организации банкротом имущество, находящееся на клиринговом счете, в конкурсную массу не включается. Денежные средства и (или) драгоценные металлы подлежат возврату участнику клиринга, а иное имущество - передавшим его лицам в размере, оставшемся после исполнения всех обязательств по договору об оказании клиринговых услуг и обязательств.

Одна из последних новелл на рынке ценных бумаг внесена Федеральным законом от 02.07.2021 № 353 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты» и заключается в создании такого нового способа обеспечения исполнения обязательств из финансовых договоров, как титульное обеспечение, которое заключается в передаче кредитору и удержании им права собственности на имущество должника. Финансовые договоры – договоры, заключенные на условиях генерального соглашения (единого договора), которое соответствует примерным условиям договоров, предусмотренных пунктом 1 статьи 51.5 Закона о рынке ценных бумаг, и (или) договоров, заключенных на условиях правил организованных торгов и (или) правил клиринга.

В качестве обеспечительного платежа по финансовым договорам, могут быть внесены (переданы в собственность):

- эмиссионные ценные бумаги российского эмитента, инвестиционные паи паевого инвестиционного фонда, доверительное управление которым осуществляет российская управляющая компания;
- иностранные финансовые инструменты, обращение которых допускается в Российской Федерации в качестве ценных бумаг иностранных эмитентов (статья 51.1 Закона о рынке ценных бумаг);
- денежные суммы, выраженные в валюте Российской Федерации или иностранной валюте.

В Федеральный закон от 26 октября 2002 №127 – ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» внесены также изменения, обеспечивающие расчеты по обязательствам из финансовых договоров, заключенных на условиях генерального соглашения (единого договора), которое соответствует примерным условиям договоров, предусмотренных пунктом 1 статьи 51.5 Закона о рынке ценных бумаг. В частности, обязательства по финансовым договорам прекращаются в порядке, предусмотренном указанными генеральными соглашениями (единым договором).

В свою очередь необходимо обратить внимание на особенности прекращения обязательств из финансовых договоров, заключенных на условиях генерального соглашения (единого договора) и обеспеченных без передачи права собственности на предмет обеспечения. При прекращении обязательств из таких договоров исполнение нетто-обязательств осуществляется за счет стоимости обеспечения в порядке, предусмотренном договором о предоставлении обеспечения, причем такое обеспечение является обязательным в силу указанных договоров. Кроме того, как установлено в статье 51.8 Закона о рынке ценных бумаг, одновременно должны соблюдаться следующие условия:

- предметом обеспечения являются права по договору банковского счета, денежные средства (в соответствии с применимым законодательством иностранных государств), ценные бумаги или иные виды имущества, определенные в нормативных актах Банка России;
- лицо, у которого хранится предмет обеспечения или которое является держателем предмета обеспечения в интересах сторон договора либо осуществляет учет прав на ценные бумаги, являющиеся предметом обеспечения, действующее в интересах других лиц, является третьим лицом и соответствует требованиям, указанных в нормативных актах Банка России;
- требование о предоставлении такого обеспечения установлено Банком России, законодательством иностранного государства или объединения иностранных государств.

При прекращении обязательств из финансовых договоров осуществляется расчет размера возникающего денежного обязательства (денежных обязательств) (определение нетто-обязательства (нетто-обязательств) в порядке и в срок, предусмотренный генеральным соглашением (единым договором).

При прекращении обязательств из финансовых договоров без передачи кредитору права собственности на предмет обеспечения, исполнение нетто- обязательства осуществляется за счет стоимости предмета обеспечения в порядке, предусмотренном договором о предоставлении такого обеспечения и соблюдении условий, указанных в Законе о рынке ценных бумаг. Для целей исполнения нетто-обязательства порядок реализации кредитором предмета обеспечения, в том числе путем оставления предмета обеспечения за собой, стоимость предмета обеспечения определяются аналогичным образом. Срок реализации кредитором имущества, являющегося предметом обеспечения, не должен превышать 15 рабочих дней с даты определения нетто - обязательства. В случае, если определение нетто-обязательства осуществляется на дату,

предшествующую дате введения моратория на удовлетворение требований кредиторов кредитной организации, то реализация предмета обеспечения осуществляется путем оставления его за собой на дату определения нетто-обязательства.

Все имущество, которое осталось у кредитора после прекращения обязательств из финансовых договоров, обеспеченных в изложенном выше порядке, и исполнения нетто-обязательств подлежит включению в конкурсную массу должника. Таким образом, был установлен новый способ обеспечения исполнения обязательств по финансовым договорам, что дает возможность исполнить/прекратить обязательства, прежде всего, на международных рынках в случае банкротства юридических лиц. Несмотря на то, что иногда подобные нормы могут квалифицироваться как предоставляющие преимущества перед иными кредиторами, они важны для поддержания экономической стабильности в стране и полностью соответствуют международной практике на финансовых рынках.

В настоящее время способы обеспечения исполнения обязательств отличаются множественностью и большим своеобразием. Как подчеркивает Бевзенко Р.С., справедливо также и то, что разумное разнообразие правового инструментария не только допустимо, но и желательно для здорового правопорядка [9, с. 46].

Литература и источники

1. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Фирма "СПАРК", 1995.
2. Лысенко А.Н. Легальные обеспечительные меры, не упомянутые в главе 23 Гражданского кодекса РФ: проблемы кодификации// Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: Сб.ст./ Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2012.
3. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г., Ефимова Л.Г. Частное банковское право: учебник. М.: Проспект, 2020.
4. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. М.: Статут, 1998.
5. Зинченко С.А. О понятии и классификации способов обеспечения исполнения обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. №12.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (пункт 45).
7. Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2013 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. №9.
8. Определение ВС РФ от 13.02.2018 N 44-КГ17-22 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13022018-n-44-kd17-22/ (дата обращения: 01.09.2019).
9. Бевзенко Р.С. Титульное обеспечение и доктрина акцессорности // Об обеспечении обязательство.: Сб.ст.к юбилею С.В. Сарбаша. М., 2017.

References and Sources

1. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. M.: Firma "SPARK", 1995.
2. Lysenko A.N. Legal'nye obespechitel'nye mery, ne upomyanutye v glave 23 Grazhdanskogo kodeksa RF: problemy kodifikacii// Mery obespecheniya i mery otvetstvennosti v grazhdanskom prave: Sb.st./ Otv. red. M.A. Rozhkova. M., 2012.
3. Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G., Efimova L.G. Chastnoe bankovskoe pravo: uchebnik. M.: Prospekt, 2020.
4. Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. Dogovornoe pravo: obshchie polozheniya. M.: Statut, 1998.
5. Zinchenko S.A. O ponyatii i klassifikacii sposobov obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2006. №12.
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25 dekabrya 2018 g. № 49 «O nekotoryh voprosah primeneniya obshchih polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o zaklyuchenii i tolkovanii dogovora» (punkt 45).
7. Obzor sudebnoj praktiki po grazhdanskim delam, svyazannym s razresheniem sporov ob ispolnenii kreditnyh obyazatel'stv, utverzhdennyj Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 22.05.2013 // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2013. №9.
8. Opredelenie VS RF ot 13.02.2018 N 44-KG17-22 // URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13022018-p-44-kd17-22/ (data obrashcheniya: 01.09.2019).
9. Bevzenko R.S. Titul'noe obespechenie i doktrina akcessornosti //Ob obespechenii obyazatel'stvo.: Sb.st.k yubileyu S.V.Sarbasha. M., 2017.

ВИЛЬДАНОВА МАРИНА МИХАЙЛОВНА – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (vildanovamarina@mail.ru).
VILDANOVA, MARINA M. – Ph.D. in Law, Lead Researcher, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (vildanovamarina@mail.ru).

УДК 342.2+346+349.7+621.039 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-161-167

ЛИЗИКОВА М.С.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ АТОМНЫХ ЭНЕРГОТЕХНОЛОГИЙ

Ключевые слова: атомная энергетика, использование атомной энергии, атомные электростанции, инвестиционная деятельность, инвестиции.

В статье рассмотрены основные изменения инвестиционной среды в области атомных энерготехнологий, определены важнейшие направления инвестиционной деятельности, предполагающие переход атомной энергетики на новый уровень, что требует исследования существующих и поиска новых подходов к финансированию с целью создания благоприятного инвестиционного

климата. Автором отмечены современные модели финансирования в данной сфере, а также новейшие изменения в атомном законодательстве отдельных зарубежных стран, отражающие тенденцию к более широкому привлечению частного капитала.

LIZIKOVA, M.S.

LEGAL REGULATION AND DIRECTIONS OF INVESTMENT ACTIVITIES IN THE FIELD OF NUCLEAR ENERGY TECHNOLOGIES

Key words: nuclear energy, the use of atomic energy, nuclear power plants, investment activities, investments.

The article discusses the main changes in the investment environment in the field of nuclear energy technologies, the most important areas of investment activity, involving the transition of nuclear power to a new level, which requires research and search for approaches to financing in order to create a favorable investment climate. The author notes the modern models of financing in this area, as well as the latest changes in the nuclear sector of foreign countries, reflecting the trends towards a wider attraction of capital capital.

Стремление государств к достижению целей Парижского соглашения по декарбонизации, а также стабильному и надежному электроснабжению, важность которого была наглядно продемонстрирована пандемией COVID-19, способствует росту признания роли атомной энергетики в мире.

Так, согласно Годовому докладу МАГАТЭ за 2020 год «пройдены новые исторические рубежи на пути расширения атомной энергетики» [1]. В настоящее время 32 страны эксплуатируют атомные электростанции. В 2020 году к ним присоединились Беларусь и Объединенные Арабские Эмираты, ставшие первыми за последнее десятилетие государствами, внедрившими атомную энергетику. Еще 30 государств планируют развертывание своих ядерно-энергетических программ. В их числе Бангладеш, Египет, Гана, Индонезия, Кения, Польша, Саудовская Аравия, Турция, Узбекистан, Чили, Иордания, Казахстан, Нигерия, Филиппины, Таиланд, Вьетнам и др. При этом Бангладеш и Турция уже приступили к сооружению своих первых АЭС и планируют уже в 2023 году ввод в эксплуатацию первых энергоблоков.

Однако, чтобы атомная энергетика могла сыграть свою роль, по мнению президента Всемирной ядерной ассоциации Сама Бильбао-и-Леон, только строительства новых АЭС недостаточно, «понадобятся все виды ядерных технологий», которые, в свою очередь, нуждаются в доступном финансировании [2].

К настоящему времени значительным образом изменилась инвестиционная среда в рассматриваемой области [3]. Одни государства, считая атомную энергетику приоритетным направлением, создают льготные режимы государственного регулирования бизнеса. Другие, например Швеция, столкнулись с проблемой дискриминационного налогообложения и протекционизма в отношении возобновляемых источников энергии, что негативно влияет на конкурентоспособность атомной энергетики. Страны с неблагоприятным инвестиционным климатом по ряду показателей близки к третьим, поставившим на законодательном или нормативном уровне цель отказаться от ядерной энергетики (Германия, Бельгия, Швейцария, Тайвань, Шотландия) или установившим фактический запрет на ее использование (Италия, Австрия и др.).

Остро встала проблема продления эксплуатации АЭС, у которых истекает срок действия лицензии. Она коснулась таких стран как США, Франция, Великобритания и др. Так, например, Франции, в ее решение - ремонт 58 реакторов или ликвидацию ядерно-энергетической программы - необходимо инвестировать около 1 триллиона долларов.

Разработка систем обращения с отработавшим ядерным топливом, обращения с радиоактивными отходами и развития технологий вывода из эксплуатации остановленных атомных энергоблоков также относится к числу приоритетных направлений развития атомной энергетики. Эта проблема остро стоит, например, перед США, так как страна не имеет технологии переработки отработавшего ядерного топлива.

Еще одним изменением является развитие рядом стран инновационных ядерных технологий. Так, США, Канада, Франция, Великобритания, Финляндия, Китай и другие страны делают ставку на разработку современных малых модульных реакторов [4, 5, 6]. Россия уже реализует программу их внедрения. В частности, разработаны реакторные установки КЛТ-40С, РИТМ-200 и РИТМ-200М, эксплуатируется 1 плавучий энергоблок с двумя реакторами типа КЛТ-40С, введена в эксплуатацию первая в мире плавучая атомная теплоэлектростанция «Академик Ломоносов» (ПАТЭС) [7]. Инициатива Австралии по вводу малых модульных реакторов в промышленную эксплуатацию до 2030 года [8] потребует внесение изменений в

действующее законодательство (в Закон о защите окружающей среды и сохранении биоразнообразия 1999 года, Закон о радиационной защите и ядерной безопасности 1988 года, а также Закон Нового Южного Уэльса о добыче урана и ядерных установках 1986 года, Закон штата Виктория о ядерной деятельности 1983 года).

В развитие термоядерной энергетики инвестирует Великобритания, которая планирует строительство к 2040 году коммерчески жизнеспособной термоядерной электростанции [9]. На исследования в области термоядерного синтеза и подготовку нового поколения ученых и инженеров в этой области направлена также Программа исследований и обучения Евратома [10], предусматривающая инвестиции в размере 1,38 миллиарда евро и призванная способствовать прогрессу в широком спектре областей, от дальнейшего улучшения ядерной безопасности и радиационной защиты до активизации неэнергетических применений ядерных технологий. Создание нового вида энергетики потребует ее нормативного и правового регулирования.

Направлениями для инвестиционной деятельности США, наряду с названными выше, являются также разработка усовершенствованных ядерных топливных циклов, разработка и внедрение передовых цифровых технологий, разработка и демонстрация гибридной энергетической системы «ядерные реакторы плюс возобновляемые источники энергии» и др. являются приоритетными [6].

Вышесказанное позволяет говорить об интенсивном развитии атомной энергетики в мире и о перспективах инвестирования в нее. При этом переход атомной энергетики на новый уровень требует поиска новых подходов к финансированию с целью создания благоприятного инвестиционного климата.

Регулирование инвестиционных отношений в данной сфере вытекает из специфики самой атомной энергетики [11]. Привлечение частных инвестиций в атомную энергетику осложняется рядом факторов: высокой капиталоемкостью; низкой коммерческой эффективностью инвестиционных проектов; длительными сроками окупаемости; высокой степенью инвестиционного риска, а также проблемами, связанными с топливным циклом, включая безопасность поставок, хранения использованного топлива и отходов, нераспространение и снятие с эксплуатации; политическими рисками; рисками, связанными с разрешительными процедурами и др.

Предсказать размер затрат, например на строительство и эксплуатацию АЭС, чрезвычайно сложно. Они могут значительно изменяться в зависимости от места расположения объекта, выбранной технологии, правового режима или международного сотрудничества в проекте [12]. Стоимость такого проекта может составлять до 10 млрд долларов США [13], а сроки строительства по данным Мировой ядерной ассоциации (WNA) колебаться от 5 до 10 лет. Так, недавние проекты строительства АЭС, например, «Ханхикиви» в Финляндии, строительство нового реактора Flamanville 3 во Франции, энергоблока Olkiluoto 3 в Финляндии столкнулись с существенными временными и затратными издержками из-за проблем с лицензированием.

В отличие от традиционных АЭС малые модульные реакторы требуют меньших первоначальных инвестиций. Но существующие различия в национальном нормативно-правовом регулировании государств в области использования атомной энергии, а также специфика проектов малых модульных реакторов могут осложнять, затягивать их лицензирование и вести к удорожанию.

По мнению некоторых исследователей, барьеры для инвестиций в атомные проекты существуют в самом атомном праве. В качестве таковых называют предписывающие регулирующие требования, значительный риск завершения строительства и режим ограничения ядерной ответственности [14]. Сторонники такого подхода отмечают, что атомное право, сосредоточенное исключительно на безопасности, находится на первой стадии развития энергетического права, что, хоть и оправдано ядерными авариями, но не отражает международных тенденций развития последнего. Соответственно, в рамках данного подхода предлагается внесение в атомное право изменений, с одной стороны, не затрагивающих критически важных вопросов, таких как ядерная безопасность, а с другой, позволяющих ему развиваться на более поздних стадиях развития энергетического права – этапах экономического развития и развития энергетической инфраструктуры. Такой подход предусматривает создание режима аналогичного существующим в других отраслях энергетики.

В качестве примера такового можно привести новую модель финансирования новых АЭС, целью которой является финансирование новых ядерных проектов через частных инвесторов, таких как пенсионные фонды и страховщики, снижение зависимости от зарубежных инвесторов, а также сокращение стоимости финансирования и снижение затрат для потребителей, отраженную в Законопроекте о ядерной энергии (финансирование), внесенном на рассмотрение Правительства в Великобритании в октябре 2021 года [15]. Данная модель финансирования может быть применима также к инновационным ядерным технологиям, в том числе и к малым модульным реакторам, спроектированным в стране.

Согласно новой модели компания получает лицензию от экономического регулятора на взимание регулируемой цены с потребителей в обмен на предоставление соответствующей инфраструктуры, в отличие от существующей модели, предусматривающей получение разработчиками дохода не ранее начала выработки электроэнергии на АЭС. При этом законопроект не охватывает фактическое инвестиционное решение для конкретного проекта, уровень расходов и платежей, положения по управлению рисками и общее соотношение цены и качества.

Исторически же возникшими первыми видами финансирования строительства АЭС были финансирование из государственного бюджета или государственных компаний, а также межправительственный кредит [16]. С конца прошлого века произошел сдвиг в сторону более гибких форм смешанного финансирования – государственно-частного партнерства.

Несмотря на то, что в современных экономических условиях с учетом тенденций развития атомной энергетики происходит все большее привлечение частного капитала, почти на всех рынках сохраняется определенная степень государственного вмешательства, которая может быть необходима для обеспечения долгосрочной определенности цен, для поддержки инвестиций, а также для достижения других целей, таких как смягчение последствий изменения климата. Приветствуются инвестиции правительств в государственно-частные партнерства как путем прямой финансовой поддержки (в форме акционерного капитала и долговых обязательств), так и косвенной (контракты на ценовую разницу, «модель Манкала» в Финляндии и др.). Это может способствовать как снижению в значительной степени риска для инвесторов, перераспределению затрат, а также и снижению нормированной стоимости электроэнергии.

Специалисты выделяют различные типы моделей финансирования, применяемые в атомной энергетике. Так, Т.В. Иванов выделяет: модель крупного энергопотребления, модель «связанного инвестора», модель альянса энергокомпаний, модель регионального альянса, а также такие подходы к финансированию, как Build-Own-Operate-Transfer и Build-Own-Operate.[16]

В свою очередь А.А. Карнеев иначе классифицирует модели финансирования, выделяя государственное финансирование и государственно-частное партнерство, к одной из разновидностей которого относит схему Build-Own-Operate, финансирование за счет собственных средств генерирующих компаний, инвестирование проекта потребителями электроэнергии. [17]

В рамках иных классификаций выделяют в научной литературе межгосударственное финансирование, гарантии по кредиту, соглашения о закупке электроэнергии, финансирование поставщиков и финансирование инвесторов [12].

Рассмотрим эти модели финансирования подробнее. Межгосударственное финансирование оформляется в рамках межправительственных соглашений, часто принимает форму межбюджетных займов, и гарантирует соблюдение рекомендаций МАГАТЭ по безопасной эксплуатации АЭС. Такой вид финансирования реализуют Россия [Подробнее о практике заключения Россией межправительственных соглашений в области мирного использования атомной энергии см.: 20] и Китай. В качестве примеров можно привести Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в строительстве на территории Республики Беларусь атомной электростанции [18], Соглашение между Россией и Нигерией о сотрудничестве в проектировании, строительстве, эксплуатации и выводе из эксплуатации АЭС и ядерного центра с многоцелевым исследовательским реактором, межправительственное соглашение о сотрудничестве России и Вьетнама в области энергетики, предусматривающее строительство АЭС электростанцию «Ниньтхуан-1»[21], а также соглашение между Китаем и Пакистаном.

Такой вид финансирования как гарантии по кредиту был веден Великобританией в 2014 году в качестве средства поддержки инвестиций в проекты по производству электроэнергии с низким уровнем выбросов углерода [22]. Он представляет собой долгосрочный контракт между оператором и контрагентом, которым может выступать государственная компания, созданная для представления интересов потребителей электроэнергии. Согласно такой модели, ссуда поступает с коммерческого рынка, а правительство принимающей стороны или экспортное кредитное агентство гарантирует выплату части долга в структуре финансирования. Так, гарантия по кредиту была предоставлена октябре 2014 Infrastructure UK, подразделением Министерства финансов Великобритании в рамках государственной помощи АЭС Hinkley Point C, покрыла 2 миллиарда фунтов стерлингов и открыла путь для китайских инвестиций в атомную промышленность Великобритании [23]. Программа гарантий реализуется также в США. В частности, Министерство энергетики США предоставляло гарантии по кредитам для финансирования строительства двух реакторов на АЭС Vogtle в Джорджии [24].

Важным компонентом финансирования первого модульного реактора в США согласно Закону о консолидированных ассигнованиях [24] являются налоговые льготы и возможности для выделения кредитов на ядерные мощности до 6000 МВт, распространяющиеся новые ядерные реакторы и мощности, а также оборонные ассигнования, предусмотренные Законом о лидерстве в ядерной энергетике [25] для реализации, предусмотренных стратегическими документами инновационных проектов в сфере атомной энергетики, особенно усовершенствованных реакторов и микрореакторов. Кроме того, принятый 15 ноября 2021 года Закон США об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места для обеспечения финансирования чистых источников энергии предусматривает выделение средств на демонстрационную программу усовершенствованных реакторов [26].

Следующий вид финансирования важен для рентабельности ядерно-энергетического проекта и представляет собой соглашение между производителем электроэнергии и покупателем, в котором оговариваются гарантированная цена и количество, а также срок, в течение которого покупатель приобретает электроэнергию у продавца. Такое решение будет применяться в Чехии при строительстве нового энергоблока на АЭС «Дукованы». Согласно Закону о низком уровне выбросов углерода, который вступит в силу 1 января 2022 года [19], государственная компания получит право покупать электроэнергию на новых атомных станциях по фиксированной ставке не менее 30 лет с возможностью продления и впоследствии с продажей энергии на оптовом рынке. Перевод полученной таким образом прибыли даст возможность корректировки счетов за электроэнергию. Данный закон также может рассматриваться в качестве основы для строительства новых энергоблоков на чешской АЭС «Темелин».

Что касается такой модели финансирования как финансирование поставщиков, то она может выступать как кредит, организованный продавцом или предоставленный им, а также как собственный капитал продавца. Эта модель была реализована во время строительства АЭС Hinkley Point C в Великобритании - был создан консорциум, в котором приблизительно 30-40% акций приходилось на долю поставщиков. В свою очередь, примером модели финансирования инвесторов является модель Манкала, используемая в Финляндии. Ее идея состоит в том, что группа энергопользователей предоставляет долевое финансирование для строительства АЭС и получает электроэнергию по стоимости, пропорциональной их долям в проекте. Аналоги этой модели можно видеть в Швеции, США, Франции, которые адаптировали ее к своим национальным условиям.

Рассмотренные модели финансирования атомных энерготехнологий на современном этапе являются наиболее перспективными и отражают тенденцию к более широкому привлечению частного капитала. Дальнейшее развитие инновационных ядерных технологий также требует соответствующих мер и механизмов для обеспечения доходов, надежного и доступного финансирования, что особенно актуально для государств, планирующих или приступающих к реализации своих ядерно-энергетических программ. Стимулирование инвестиций в ключевые направления деятельности в области атомных энерготехнологий позволит обеспечить надежность энергоснабжения, извлечь ряд социально-экономических выгод для экономики, а также достичь целей углеродной нейтральности.

Литература и источники

1. Годовой доклад МАГАТЭ за 2020 год // Официальный сайт МАГАТЭ https://www.iaea.org/sites/default/files/gc/gc65-5_rus.pdf, 10.11.2021.
2. Сама Бильбао-и-Леон, президент Всемирной ядерной ассоциации: «Вопрос доступного финансирования является ключевым для новых ядерных технологий» // https://www.atomic-energy.ru/interviews/2020/12/16/109806, 10.11.2021.
3. Basu D., Miroshnik V.W., The Political Economy of Nuclear Energy. https://doi.org/10.1007/978- 3- 030- 27029- 2_8
4. Canada's Small Modular Reactor (SMR) Action Plan // https://smractionplan.ca, 10.11.2021.
5. ENERGY WHITE PAPER: Powering our Net Zero Future // https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/945899/201216_BEIS_EWP_Command_Paper_Accessible.pdf, 10.11.2021.
6. Doe-Ne Strategic Vision // https://www.energy.gov/sites/prod/files/2021/01/f82/DOE-NE%20Strategic%20Vision%20-Web%20-%2001.08.2021.pdf, 10.11.2021.
7. Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р «Об Энергетической стратегии РФ на период до 2035 г».
8. Small modular reactors in the Australian context // https://www.minerals.org.au/sites/default/files/Small%20Modular%20Reactors%20in%20the%20Australian%20Context%202021.pdf, 15.12.2021.
9. Towards Fusion Energy: The UK Government's Fusion Strategy // https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1022540/towards-fusion-energy-uk-government-fusion-strategy.pdf, 10.11.2021.
10. Euratom research and innovation programme receives funding // https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Euratom-research-and-innovation-programme-receives, 10.11.2021.
11. Шпинев Ю.С. Правовое регулирование инвестиций в атомную энергетику // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 17. С. 124-134.
12. Terlikowski P., Paska J., Pawlak K., Kaliński J., Urbanek D. Modern financial models of nuclear power plants // Progress in Nuclear Energy 2019. №10. P. 30–33.
13. Черняховская Ю.В., Черевко Ю.А. Соглашение с правительством принимающей стороны по проектам атомных электростанций // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2017. № 1. С. 69-85.
14. Sainati T., Locatelli G., Smith N. Project financing in nuclear new build, why not? The legal and regulatory barriers // Energy Policy. 2019. №129. P. 111–119.
15. Nuclear Energy (Financing) Bill 2021-22 // https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-935, 15.11.2021.
16. Иванов Т.В. Перспективные модели финансирования проектов сооружения АЭС на основе государственно-частного партнерства // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2011. С. 104-108.
17. Карнеев А.А. Финансовое обеспечение проектов по строительству АЭС как фактор конкурентоспособности российской атомной отрасли на мировом рынке // Финансы и кредит. 2014. №28 (604). С. 48-55.
18. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в строительстве на территории Республики Беларусь атомной электростанции (с изменениями на 14 июля 2020 года) // https://docs.cntd.ru/document/902270705?marker=1D2L5BC&section=text, 15.11.2021.
19. Act on Measures for the Czech Republic's Transition to Low-Carbon Energy and on the Amendment of Act No 165/2000 // https://www.mpo.cz/en/guidepost/for-the-media/press-releases/government-has-approved-a-bill-for-a-transition-to-low-carbon-energy--256068/, 15.11.2021.
20. Лысенко М.Н. О практике заключения Россией межправительственных соглашений в области мирного использования атомной энергии // https://mgimo.ru/upload/iblock/6d0/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-v-oblasti-ispolzovaniya-atomnoj-ehnergii.pdf, 15.11.2021.
21. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о сотрудничестве в сооружении атомной электростанции на территории Социалистической Республики Вьетнам // https://docs.cntd.ru/document/902254021, 15.11.2021.
22. Financing Nuclear Energy // https://world-nuclear.org/information-library/economic-aspects/financing-nuclear-energy.aspx, 15.11.2021.
23. Initial UK government guarantee for Hinkley Point C // https://world-nuclear-news.org/Articles/Initial-UK-government-guarantee-for-Hinkley-Point,15.11.2021.
24. U.S finalizes $3.7 billion loan for Vogtle nuclear power plant // https://www.reuters.com/article/us-usa-nuclearpower-vogtle-idUSKCN1R31X9, 15.11.2021.
25. US Senate passes Nuclear Energy Leadership Act (27 July 2020) // https://world-nuclear-news.org/Articles/US-Senate-passes-Nuclear-Energy-Leadership-Act, 03.04.2020.
26. Infrastructure Investment and Jobs Act, 2021 // https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/08/02/updated-fact-sheet-bipartisan-infrastructure-investment-and-jobs-act/,15.11.2021

References and Sources

1. Godovoj doklad MAGATE za 2020 god // Oficial'nyj sajt MAGATE https://www.iaea.org/sites/default/files/gc/gc65-5_rus.pdf, 10.11.2021.
2. Sama Bil'bao-i-Leon, prezident Vsemirnoj yadernoj associacii: «Vopros dostupnogo finansirovaniya yavlyaetsya klyuchevym dlya novyh yadernyh tekhnologij» // https://www.atomic-energy.ru/interviews/2020/12/16/109806, 10.11.2021.
3. Basu D., Miroshnik V.W., The Political Economy of Nuclear Energy. https://doi.org/10.1007/978- 3- 030- 27029- 2_8
4. Canada's Small Modular Reactor (SMR) Action Plan // https://smractionplan.ca, 10.11.2021.
5. ENERGY WHITE PAPER: Powering our Net Zero Future // https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/945899/201216_BEIS_EWP_Command_Paper_Accessible.pdf, 10.11.2021.
6. Doe-Ne Strategic Vision // https://www.energy.gov/sites/prod/files/2021/01/f82/DOE-NE%20Strategic%20Vision%20-Web%20-%2001.08.2021.pdf, 10.11.2021.
7. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 9 iyunya 2020 g. № 1523-r «Ob Energeticheskoj strategii RF na period do 2035 g».
8. Small modular reactors in the Australian context // https://www.minerals.org.au/sites/default/files/Small%20Modular%20Reactors%20in%20the%20Australian%20Context%202021.pdf, 15.12.2021.
9. Towards Fusion Energy: The UK Government's Fusion Strategy // https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1022540/towards-fusion-energy-uk-government-fusion-strategy.pdf, 10.11.2021.
10. Euratom research and innovation programme receives funding // https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Euratom-research-and-innovation-programme-receives, 10.11.2021.
11. Shpinev YU.S. Pravovoe regulirovanie investicij v atomnuyu energetiku // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2020. № 17. S. 124-134.

12. Terlikowski P., Paska J., Pawlak K., Kaliński J., Urbanek D. Modern financial models of nuclear power plants // Progress in Nuclear Energy 2019. №10. R. 30–33.
13. Chernyahovskaya YU.V., CHerevko YU.A. Soglashenie s pravitel'stvom prinimayushchej storony po proektam atomnyh elektrostancij // Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo». 2017. № 1. S. 69-85.
14. Sainati T., Locatelli G., Smith N. Project financing in nuclear new build, why not? The legal and regulatory barriers // Energy Policy. 2019. №129. R. 111–119.
15. Nuclear Energy (Financing) Bill 2021-22 // https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-935, 15.11.2021.
16. Ivanov T.V. Perspektivnye modeli finansirovaniya proektov sooruzheniya AES na osnove gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2011. S. 104-108.
17. Karneev A.A. Finansovoe obespechenie proektov po stroitel'stvu AES kak faktor konkurentosposobnosti rossijskoj atomnoj otrasli na mirovom rynke // Finansy i kredit. 2014. №28 (604). S. 48-55.
18. Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Belarus' o sotrudnichestve v stroitel'stve na territorii Respubliki Belarus' atomnoj elektrostancii (s izmeneniyami na 14 iyulya 2020 goda) // https://docs.cntd.ru/document/902270705?marker=1D2L5BC§ion=text, 15.11.2021.
19. Act on Measures for the Czech Republic's Transition to Low-Carbon Energy and on the Amendment of Act No 165/2000 // https://www.mpo.cz/en/guidepost/for-the-media/press-releases/government-has-approved-a-bill-for-a-transition-to-low-carbon-energy--256068/, 15.11.2021.
20. Lysenko M.N. O praktike zaklyucheniya Rossiej mezhpravitel'stvennyh soglasheniĭ v oblasti mirnogo ispol'zovaniya atomnoj energii // https://mgimo.ru/upload/iblock/6d0/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-v-oblasti-ispolzovaniya-atomnoj-ehnergii.pdf, 15.11.2021.
21. Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Socialisticheskoj Respubliki V'etnam o sotrudnichestve v sooruzhenii atomnoj elektrostancii na territorii Socialisticheskoj Respubliki V'etnam // https://docs.cntd.ru/document/902254021, 15.11.2021.
22. Financing Nuclear Energy // https://world-nuclear.org/information-library/economic-aspects/financing-nuclear-energy.aspx, 15.11.2021.
23. Initial UK government guarantee for Hinkley Point C // https://world-nuclear-news.org/Articles/Initial-UK-government-guarantee-for-Hinkley-Point,15.11.2021.
24. U.S finalizes $3.7 billion loan for Vogtle nuclear power plant // https://www.reuters.com/article/us-usa-nuclearpower-vogtle-idUSKCN1R31X9, 15.11.2021.
25. US Senate passes Nuclear Energy Leadership Act (27 July 2020) // https://world-nuclear-news.org/Articles/US-Senate-passes-Nuclear-Energy-Leadership-Act, 03.04.2020.
26. Infrastructure Investment and Jobs Act, 2021 // https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/08/02/updated-fact-sheet-bipartisan-infrastructure-investment-and-jobs-act/,15.11.2021

ЛИЗИКОВА МАРИНА СЕРГЕЕВНА - кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН (lizikova_m@mail.ru).
LIZIKOVA, MARINA S. - Ph.D. in Law, Senior Researcher of the Business and Corporate Law Department, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

УДК 347.44 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-167-175

ФИЛИППОВ Р.В.

СОРАЗМЕРНОЕ УМЕНЬШЕНИЕ УСТАНОВЛЕННОЙ ЗА РАБОТУ ЦЕНЫ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЗАКАЗЧИКА ПО ДОГОВОРУ СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ: КОММЕНТАРИЙ К ПОСТАНОВЛЕНИЮ АРБИТРАЖНОГО СУДА ЦЕНТРАЛЬНОГО ОКРУГА ОТ 03.07.2020 № Ф10-2540/2020 ПО ДЕЛУ № А14-3397/2019

Ключевые слова: договор строительного подряда, права заказчика, договорная цена, право на соразмерное снижение цены, возмещении расходов на устранение недостатков, бремя доказывания, арбитражные суды.

В статье рассматривается проблема применения такого способа защиты прав заказчика по договору строительного подряда как соразмерное снижение установленной за работу цены. В частности, автор анализирует вопросы возникновения права на соразмерное снижение цены, механизмы применения указанного требования, порядок расчета размера снижения, распределения бремени доказывания, последствий снижения договорной цены, соотношения снижения договорной цены с другими способами защиты прав заказчика. На основе анализа правовой литературы и судебной практики автор приходит к выводу, что по российскому праву соразмерное уменьшение установленной за работу цены представляет собой самостоятельный способ защиты прав заказчика по договору строительного подряда.

PHILIPPOV, R.V.

PROPORTIONAL REDUCTION OF CONTRACT PRICE AS A CLIENT`S REMEDY UNDER CONSTRUCTION CONTRACT: PROBLEMS OF THE THEORY AND COURT PRACTICE: CASE COMMENT ON THE JUDGMENT OF THE CENTRAL DISTRICT ARBITRATION COURT OF THE RF № A14-3397/2019, 03 JULY 2020

Key words: reduction of price; construction contract; legal consequences of price reduction; burden of proof; client`s remedies under construction contract.

The article considers problem of using such client`s remedy under construction contract as a proportional reduction of price. In particularly, author analyzes such issues as preconditions for price reduction, mechanism of price reduction, calculating the price reduction, burden of proof, legal consequences of price reduction, relationship to other remedies. Based on the analysis of legal literature and case law, the author comes to the conclusion that under Russian law proportional reduction of contract price is independent client`s remedy under construction contract.

Закономерным следствием длительного отсутствия разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам, возникающим в ходе разрешения споров по договору строительного подряда (напомним, что информационное письмо Президиума ВАС РФ № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» было опубликовано

24.01.2000, т.е. уже более 20 лет назад), стало формирование соответствующей практики на уровне арбитражных судов кассационных инстанций. К сожалению, большинство постановлений окружных судов ввиду недостаточной мотивировки, вряд ли могут претендовать на роль универсальных правовых позиций, способствующих развитию частного права.

В этой связи редким исключением является постановление Арбитражного суда Центрального округа от 03.07.2020 № Ф10-2540/2020 по делу № А14-3397/2019, посвященное толкованию нормы ГК РФ о праве заказчика на соразмерное уменьшение установленной за работу цены в случаях, когда работа выполнена подрядчиком с отступлениями от договора подряда, ухудшившими результат работы, или с иными недостатками, которые делают его не пригодным для предусмотренного в договоре использования (абзац 3 пункта 1 статьи 723 ГК РФ).

Обращаясь к обстоятельствам дела, отметим, что между обществом с ограниченной ответственностью «Агро-Лидер» (далее – истец, заказчик) и обществом с ограниченной ответственностью «Стинержипроектстрой» (далее – ответчик, подрядчик) был заключен договор подряда, во исполнение которого подрядчик обязался выполнить работы по строительству «Цеха со встроено-пристроенными административно-бытовыми и служебными помещениями, расположенного в г. Воронеже, ул. Витрука, д.15», включая инженерные системы отопления, вентиляции, кондиционирования, внутренние и наружные системы канализации и энергоснабжения (далее также – договор, контракт), а заказчик обязался принять результат работ и оплатить его. В ходе реализации строительного проекта в адрес подрядчика неоднократно направлялись претензии относительно качества и нарушения сроков выполнения работ.

Значительное число соответствующих нарушений послужило основанием для одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта. Со ссылкой на изложенные выше обстоятельства и условия заключенного договора, в исковом заявлении заказчик предъявил подрядчику следующие требования:

- о соразмерном уменьшении стоимости работ по договору подряда;
- о взыскании неосновательного обогащения (по существу речь шла о взыскании переплаты за выполненные работы, образовавшейся ввиду необходимости соразмерного уменьшения стоимости работ);
- о взыскании неустойки за нарушение сроков выполнения работ;
- о взыскании неустойки за нарушение срока возврата аванса;
- о взыскании судебных расходов.

В нашей статье будут рассмотрены лишь позиции сторон и аргументация судов в отношении требования истца о соразмерном уменьшении стоимости работ по договору подряда. С иными возникшими в рамках дела вопросами (например, обладает ли в силу обстановки главный инженер по строительству полномочиями на подписание актов приемки работ от имени заказчика; расчет сальдо встречного предоставления, пределы применения пункта 1 статьи 719 ГК РФ, предъявление подрядчиком встречного иска и т.д.) заинтересованные лица могут ознакомиться, изучив соответствующие судебные акты.

Обосновывая требование о соразмерном уменьшении стоимости работ, истец указал, что, согласно сложившейся правоприменительной практике и действующему законодательству, такое право в случаях, когда работа выполнена подрядчиком с отступлениями от договора подряда, ухудшившими результат работы, или с иными недостатками, которые делают его не пригодным для предусмотренного в договоре использования, прямо предоставлено заказчику. Кроме того, абзац 3 пункта 1 статьи 723 ГК РФ не содержит запрета на снижение цены контракта соразмерно стоимости устранения выявленных в результатах работ недостатков. С другой стороны, в ходе рассмотрения спора заказчику был предъявлен встречный иск о взыскании задолженности за выполненные работы. При этом, возражая против применения абзаца 3 пункта 1 статьи 723 ГК РФ, подрядчик указывал, что требование истца о соразмерном уменьшении стоимости выполненных ответчиком работ на сумму, необходимую для устранения выявленных недостатков, «…фактически приводит к смешению права требовать уменьшения цены работ с правом на возмещение убытков…» и «...является по существу необоснованным объединением различных правовых способов защиты интересов заказчика…».

Суд первой инстанции удовлетворил требование заказчика о соразмерном уменьшении стоимости выполненных работ. Доводы ответчика о неправомерности применения абзаца 3 пункта

1 статьи 723 ГК РФ были отклонены судом, поскольку уменьшение установленной договором подряда цены работ на стоимость расходов на устранение недостатков при наличии обоснованного и документально подтвержденного расчета такой стоимости, не противоречит положениям статье 723 ГК РФ. Остальные заявленные истцом требования удовлетворялись частично. Во взыскании задолженности по встречному иску подрядчику было отказано. Апелляция поддержала выводы суда первой инстанции. Каких-либо дополнительных аргументов в пользу принятого решения указанный судебный акт не содержит.

Учитывая изложенное выше, коллегии судей Арбитражного суда Центрального округа предстояло ответить на следующие вопросы:

- предполагает ли абзац 3 пункта 1 статьи 723 ГК РФ возможность уменьшения установленной по договору подряда цены за выполнение работ соразмерно расходам на устранение выявленных недостатков?

- если признать, что подобное снижение возможно, то как между собой соотносятся способы защиты прав заказчика, предусмотренные абзацем 3 и абзацем 4 пункта 1 статьи 723 ГК РФ (требование о соразмерном уменьшении установленной за работу цены и требование о возмещении расходов на устранение недостатков)?

По итогам рассмотрения дела ранее вынесенные судебные акты были коллегией отменены, а дело направлено на новое рассмотрение. При этом судом в мотивировочной части постановления в качестве основного аргумента использована абсолютно верная идея о недопустимости смешения требований о соразмерном уменьшении установленной за работу цены и возмещении расходов на устранение недостатков. В частности, коллегия судей указала, что обратный подход представляет собой ни что иное, как компиляцию из двух различных по своей правовой природе способов защиты прав заказчика с разными предметами доказывания.

В свою очередь, отметим, что в случаях, когда работа выполнена с отступлениями от договора подряда, ухудшившими результат работы, или с иными недостатками, которые делают его не пригодным для предусмотренного в договоре использования, либо при отсутствии в договоре соответствующего условия непригодности для обычного использования, абзац третий пункта 1 статьи 723 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) наделяет заказчика правом потребовать от подрядчика соразмерного уменьшения установленной за работу цены. Как указывает А.Г. Карапетов, указанное средство защиты прав кредитора «…хорошо известно в правовых системах романо-германского права и отражено в Венской конвенции 1980 г. (ст. 50) и Принципах европейского контрактного права (ст. 9:401)». Применительно же к ГК РФ учёный отмечает, что указанный способ защиты предусмотрен «…в отношении наиболее принципиальных договорных типов (купли-продажи и подряда), а путем применения юридико-технического приема, отраженного в ст. 783 ГК, распространяется и на договоры возмездного оказания услуг)» [1].

Вместе с тем, как справедливо подчёркивается в посвященной данной проблематике литературе: «несмотря на свою кажущуюся простоту в применении и более чем вековую традицию регулирования данного правового средства в России, использование соразмерного уменьшения … цены как средства защиты на практике до сих пор сталкивается с рядом трудностей» [2, с. 787].

В свою очередь отмеченные трудности корректного применения абзаца 3 пункта 1 статьи 723 ГК РФ, на наш взгляд, могут быть сведены к необходимости поиска непротиворечивых и сбалансированных ответов на следующие вопросы.

1. Каковы согласно норме пункта 1 статьи 723 ГК РФ условия возникновения права кредитора на соразмерное уменьшение установленной за работу цены?

2. Какова правовая природа требования кредитора о соразмерном уменьшении установленной за работу цены?

3. Каким образом рассчитывается сумма, на которую подлежит уменьшению цена договора?

4. Как распределяется бремя доказывания по спорам, связанным с применением такого средства защиты прав кредитора как уменьшение договорной цены?

5. Каковы правовые последствия уменьшения цены договора?

6. Каково соотношение требования о снижении цены и других способов защиты прав кредитора в российском праве?

В этой связи, дальнейшее изложение будет строиться путём комментирования указанных выше вопросов с необходимыми отсылками к Постановлению Арбитражного суда Центрального округа от 03.07.2020 № Ф10-2540/2020 по делу № А14-3397/2019, которое с нашей точки зрения представляет собой одну из первых удачных попыток глубокого и системного анализа проблематики применения абзаца 3 пункта 1 статьи 723 ГК РФ на уровне судебной практики.

1. Условия возникновения и правовая природа требования кредитора о соразмерном уменьшении установленной за работу цены.

1.1. Первичным условием возникновения права кредитора на уменьшение договорной цены является выполнение работ с отступлениями от договора подряда. Так, ещё Брагинским М.И. и Витрянским В.В. отмечалось, что «Гражданский кодекс (ст. 723) предусмотрел как основания, так и содержание ответственности подрядчика за ненадлежащее качество работы. Оснований для наступления ответственности указано три: это обнаружение, во-первых, отступлений от договора, которые ухудшили результат работы, во-вторых, иных недостатков, делающих результат работы непригодным для предусмотренного в договоре употребления, и, в-третьих, недостатков, о которых ничего не говорится в договоре, но которые делают результат работы непригодным для обычного использования» [3].

Отметим также, что данное условие само по себе предполагает наличие объективной возможности оценить то, какая часть работ содержит недостатки, так и в зависимости от применяемой методики расчета снижения цены договора рыночную стоимость результата работ (вещи) с недостатками, затраты на устранение выявленных недостатков либо стоимость тех работ, в результатах которых недостатки и были выявлены [2, с. 815].

1.2. Должник должен быть уведомлен о недостатках, обнаруженных в ходе приемки результата работ. Здесь применительно к строительному подряду напомним, что согласно преобладающему в судебной практике подходу промежуточные акты приемки, как правило, составляемые сторонами ежемесячно на основе унифицированных форм КС-2/КС-3, не являются актами приемки результата выполненных работ по смыслу статей 720, 753 ГК РФ (пункт 18 информационного письма Президиума ВАС от 24.01.2000 № 51). Указанное означает, что заказчик не лишен права представить возражения по объему, стоимости и качеству работ, принятых им по такому двустороннему акту (пункты 12 и 13 информационного письма Президиума ВАС от 24.01.2000 № 51).

1.3. Ещё одно важное условие реализации права на соразмерное уменьшение установленной за работу цены заключается в том, что кредитор должен быть готов принять результат выполненных работ с имеющимися недостатками. Иными словами, соответствующий результат должен обладать объективной или субъективной потребительской ценностью (т.е. быть пригоден для дальнейшего использования по назначению). Типичное понимание судами концепции «потребительской ценности» как возможности использовать результат работ выполненных работ по назначению можно увидеть на примере Постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.03.2017 № Ф04-236/2017 по делу № А81-505/2016: «…С учетом условий контракта и требований законодательства об изготовлении проекта надлежащего качества, на бумажном носителе и обязанности подрядчика получить согласование такого проекта в компетентных органах, суды установили, что подрядчик принятые на себя обязательства не выполнил, результат проектных работ надлежащего объема и качества заказчику не передал, переданный результат не имеет потребительской ценности для заказчика, не может быть использован по назначению, в связи с чем пришли к обоснованному выводу об отказе в удовлетворении встречных исковых требований ООО «СибБизнесПроект» о взыскании задолженности за выполненные работы…».

Аналогичный вывод применительно к закрепленному в статье 50 Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров [4] праву покупателя снизить цену товара в ситуации, когда поставленный товар не соответствует договору, изложен в одном из самых авторитетных комментариев к упомянутой конвенции [5, p. 800], и, как представляется, прямо вытекает из существа рассматриваемого способа защиты.

Так, в комментируемом постановлении коллегией судей кассационной инстанции абсолютно верно отмечено, что «…выводы судов не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, поскольку суды не учитывают, что необходимо установить стоимость вещи с недостатками,

подлежащей использованию…», а при новом рассмотрении дела «…суду необходимо определить, подлежат ли выполненные работы использованию по назначению, поскольку уменьшение стоимости работ допустимо при условии возможности их дальнейшей эксплуатации…».

1.4. Кроме того, должник явным образом должен быть уведомлен об уменьшении установленной за работу цену. В этом смысле простая оплата выполненных работ с учетом суммы снижения не может считаться надлежащим уведомлением, поскольку свидетельствует лишь об удержании части денежных средств, а не о выборе кредитором способа защиты нарушенного права [5, с. 802].

В свою очередь форма заявления об уменьшении стоимости работ прямо зависит от правовой квалификации данного требования кредитора.

2. Правовая природа требования кредитора о соразмерном уменьшении установленной за работу цены.

2.1. Буквальное содержание пункта 1 статьи 723 ГК РФ не позволяет сделать однозначных выводов о правовой квалификации данного требования.

Действительно, что имел в виду законодатель, когда закрепил в данной норме право заказчика потребовать от подрядчика соразмерного уменьшения установленной за работу цены? Должно ли данное материально-правовое требование заказчика к подрядчику быть облачено в исковую форму? Если ответить на этот вопрос положительно, то далее мы столкнёмся с множеством проблем, которые довольно точно подметил главный редактор ведущего российского комментария к 37 Главе ГК РФ Н.Б. Щербаков: «Если да, то каково будет решение суда? Обязать подрядчика соразмерно уменьшить цену? Мало того, что данное решение неисполнимо, оно к тому же предлагает подрядчику как бы в одностороннем порядке, хотя и в рамках исполнения судебного решения, изменить соответствующую цену, что едва ли может быть признано приемлемым. Возможно, тогда суд, признав доводы истца обоснованными, должен вынести решение об изменении цены (буквально: «признать цену договора уменьшенной на 30 рублей, т.е. равной 70 рублям»). Но что дает такое решение заказчику? Особенно в ситуации (кстати, не так редко встречающейся), когда к моменту сдачи работ последние уже оплачены или почти оплачены? По каким правилам ему (заказчику) истребовать соответствующую часть уже уплаченной цены? Что это – убытки или неосновательное обогащение? В любом случае такой подход заставляет заказчика обращаться в суд, тем самым неся соответствующие издержки и неудобства» [6, с. 362].

Представляется, что с юридической точки зрения данное требование представляет собой не что иное как секундарное (преобразовательное) право [7]. Так, проанализировав основные позиции по данному вопросу, А.В. Егоров сформулировал подход, согласно которому под преобразовательными правами следует понимать такие права, «…благодаря которым управомоченное лицо непосредственно воздействует на правовое положение другого лица, против которого реализуется право, без какого-либо содействия с его стороны. Как уже отмечалось, преобразовательными правами являются право на оспаривание сделки, право на прекращение обязательства зачетом встречного однородного требования, право на отказ от договора, право выбора исполнения в альтернативном обязательстве. Иногда к их числу относят право преимущественной покупки и некоторые другие» [8].

На наш взгляд изложенное решение позволяет успешно и элегантно ответить на все поставленные ранее вопросы, о чём говорит и сам Н.Б. Щербаков. Вместе с тем стоит обратить внимание, что дальнейшая позиция, занятая уважаемым автором в комментарии, является небесспорной. Так, Н.Б. Щербаков указывает, что «…представляется более рациональным подход, который видит в рассматриваемом требовании идею зачета, где требование об убытках идет к зачету к требованию об уплате покупной цены. Это изначально ставит заказчика в более выгодное положение как лицо, которое, не прибегая к обращению в суд, применяет в качестве обеспечения своего интереса такую обеспечительную меру, как зачет. А если подрядчик не согласен с размером убытков, предъявленных к зачету, тогда уже он будет обращаться с соответствующими требованиями в суд» [6, с. 362].

Действительно, квалификацию требования кредитора о соразмерном уменьшении установленной за работу цены в качестве зачета довольно часто можно встретить как в литературе, так и в судебной практике, однако, подобный подход приводит к смешению двух различных способов защиты прав заказчика, что, по существу, само по себе лишает такое требование

самостоятельного значения. При таком подходе абзац 3 пункта 1 статьи 723 ГК РФ в кодексе просто является излишним, т.к. для снижения договорной цены на размер понесённых убытков кредитору достаточно будет сослаться на статью 410 ГК РФ и абзац 4 пункта 1 статьи 723 ГК РФ.

Как правильно отмечено в комментируемом постановлении коллегией судей: «…Заявляя о снижении стоимости на сумму работ по устранению недостатков, превышающую, по мнению ответчика, сметную стоимость самих работ, выполненных с отступлениями, истец совместил разные способ защиты и основания такого способа. Поэтому суд кассационной инстанции не может согласиться с выводами судов первой и апелляционной инстанции об уменьшении стоимости работ на сумму, необходимую для устранения недостатков некачественно выполненных работ, при признанных сторонами обстоятельствах пригодности результата работ с этими недостатками, поскольку такой подход предполагает компиляцию из двух разных способов защиты прав заказчика с разными предметами доказывания».

В этой связи единственно верным представляется квалифицировать требование заказчика о соразмерном уменьшении установленной за работу цены как преобразовательное право на одностороннее изменение договора, а не право на зачёт, как об этом пишет Н.Б. Щербаков.

3. Методики расчёта суммы, на которую подлежит уменьшению цена договора.

Ключевым вопросом применения абзаца 3 пункта 1 статьи 723 ГК РФ является вопрос о том, соразмерно чему должна быть уменьшена установленная за работу цена?

3.1. Во-первых, в судебной практике широко представлен подход, согласно которому цена договора подлежит снижению на сумму расходов, необходимых или понесённых заказчиком на устранение выявленных недостатков.

Так, в Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.01.2017 № Ф01-6059/2016 по делу № А28-1217/2015 отмечено, что «Проанализировав представленные сторонами документы в соответствии со статьей 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о наличии недостатков в работах и причинах их возникновения, суд обоснованно посчитал, что стоимость выполненных Обществом работ подлежит уменьшению в соответствии со статьей 723 Гражданского кодекса Российской Федерации на стоимость восстановительного ремонта, рассчитанную Учреждением на основании акта совместного осмотра от 26 - 29 мая 2015 года, и правомерно удовлетворил требования Общества в сумме 6 695 206 рублей 23 копейки, при этом исключил из определенной заказчиком стоимости восстановительного ремонта сумму полученной им банковской гарантии».

Однако, как было упомянуто ранее, применение подобной методики расчёта по существу подменяет требование о соразмерном уменьшении установленной за работу цены требованием о возмещении расходов на устранение недостатков, лишая при этом первое из них самостоятельного значения. Вместе с тем отметим, что именно подобный подход защищает позитивный интерес кредитора [9]. Как верно указано в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 20.08.2018 № Ф09-4271/18 по делу № А07-6219/2016: «Суды, уменьшая установленную договором подряда цену работ на стоимость расходов на устранение отклонений от проекта объекта строительства, фактически подменили применение норм права, регламентирующих различные правовые последствия при установлении отступлений от договора (абзац 3 пункта 1 статьи 723 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзац 4 пункта 1 статьи 723 Гражданского кодекса Российской Федерации)».

3.2. Вторым распространённым методом расчёта снижения цены договора является вычитание из неё стоимости работ, выполненных с недостатками. Примером подобного подхода может послужить уже цитированное ранее Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.08.2018 № Ф09-4271/18 по делу № А07-6219/2016, в котором суд указал, что «…согласно абзацу 3 пункта 1 статьи 723 Гражданского кодекса Российской Федерации правомочие по соразмерному уменьшению установленной договором цены предполагает возможность оценить, какая часть (объем) работ выполнена ненадлежащим образом, с тем, чтобы в дальнейшем произвести уменьшение цены в соответствующей пропорции. Указанное в свою очередь предполагает выполнение заинтересованной в уменьшении цены стороной договора адекватного предъявленным по актам выполненных работ расчета по каждой оспариваемой заказчиком позиции и корреспондирующей ей расценке, примененной подрядчиком. Данных расчетов

обществом «Гарант» не представлено, перед экспертом соответствующие вопросы также поставлены не были».

Дополнительно отметим, что защита интереса заказчика в данном случае заключается в восстановлении эквивалентности товарно-денежных отношений (т.е. в чётком соотнесении объемов надлежащим образом выполненных работ с их стоимостью), что по существу и является основной особенностью такого способа защиты прав кредитора как соразмерное уменьшения установленной за работу цены [1].

3.3. Наконец, существует еще одна часто применяемая методика расчета снижения стоимости договора, которая также широко представлена как в литературе, так и в судебной практике. В частности, в комментарии к ГК РФ под редакцией А.П. Сергеева под соразмерным уменьшением цены применительно к абзацу 3 пункта 1 статьи 723 ГК РФ предлагается понимать «…пропорциональное ее уменьшение исходя из разницы между ценой работы по ДП и рыночной стоимостью результата с недостатком» [10].

Недостатком указанного метода является неопределенность в вопросе о периоде времени, который необходимо учитывать для определения рыночной стоимости результата работ (вещи) с недостатками. Как минимум, во внимание может приниматься дата заключения сторонами договора подряда, равно как и дата допущенного нарушения, дата заявления требования о соразмерном уменьшении установленной за работу цены и т.п. При этом стороны спора смогут легко найти сильные аргументы в поддержку каждого из указанных подходов.

3.4. Следует также упомянуть, что в судебной практике и литературе существуют и иные методики расчёта суммы, на которую подлежит уменьшению цена договора.

Например:

- снижение на среднюю рыночную стоимость устранения недостатков, определённую экспертами;

- снижение на сумму, согласованную сторонами в добровольном порядке;

- снижение на сумму, определяемую согласно формуле, закрепленной сторонами в договоре подряда и т.д. [2, с. 815].

Применительно же к комментируемому делу отметим, что рассматриваемое постановление содержит указания о необходимости применения как второй, так и третьей методики расчёта, что с очевидностью повлечёт за собой существенные трудности для сторон при повторном рассмотрении спора в суде первой инстанции. Сравните между собой две цитаты из комментируемого постановления:

1. Из смысла пункта 1 статьи 723 ГК РФ следует, что «...при реализации заказчиком права на соразмерное уменьшение цены, установленной за работу конкретного подрядчика, должен быть доказан объем некачественно выполненных, но пригодных при этом для использования работ, стоимость которых подлежит учету (исключению) из предъявленной именно им к оплате стоимости работ…» - вторая методика расчёта;

2. «…Изложенное свидетельствует о том, что выводы судов не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, поскольку суды не учитывают, что необходимо установить стоимость вещи с недостатками, подлежащей использованию по назначению…» - третья методика расчёта.

Учитывая столь широкую палитру методик расчёта уменьшения установленной за работу цены, главной рекомендацией для всех практикующих юристов должна стать необходимость чёткой фиксации в договоре того метода расчёта, который стороны хотели бы применять в случае возникновения спора. В ином случае ввиду отсутствия устоявшейся судебной практики результат рассмотрения подобного дела будет просто непредсказуем, поскольку применение каждой из перечисленных выше методик с очевидностью приведёт к различным финансовым последствиям как для должника, так и для кредитора.

4. Бремя доказывания.

Вне зависимости от применяемой методики расчёта бремя доказывания суммы, на которую должна быть снижена цена договора, возлагается на кредитора.

5. Правовые последствия уменьшения цены договора.

Правовые последствия заявления требования о соразмерном уменьшении установленной за работу цены в первую очередь связаны с тем, выплачена ли должнику стоимость результата работ по договору.

При отсутствии такого платежа кредитор должен будет уплатить должнику стоимость выполненных работ с учетом соответствующего пропорционального снижения договорной цены.

Если же оплата уже была произведена в полном объёме, кредитор вправе потребовать от должника излишне уплаченную сумма по правилам о неосновательном обогащении [2, с. 817].

В этой связи представляется ошибочной изложенная в постановлении от 15.01.2007, 22.01.2007 № КГ-А40/13252-06 по делу № А40-54186/06-41-343 позиция ФАС Московского округа, согласно которой: «В силу ст. 723 ГК РФ требование о соразмерном уменьшении цены может быть предъявлено подрядчику до окончательной оплаты результата работ и при наличии несущественных недостатков».

6. Соотношение требования о снижения цены и других способов защиты прав кредитора.

В российской литературе уже неоднократно проводилось сравнение требования о снижения цены договора и таких способов защиты прав кредитора, как, например, взыскание убытков, пропорциональное расторжение договора и т.д. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание читателей на один из важнейших с практической точки зрения аспектов применения рассматриваемого способа защиты. Дело в том, что устоявшийся в науке взгляд на требование кредитора о соразмерном уменьшении установленной за работу цены как на инструмент восстановления эквивалентности товарно-денежных отношений означает, что «…уменьшение цены не является мерой ответственности в том ее понимании, которое господствует в отечественном праве сейчас» [1]. Указанное в свою очередь закономерно влечёт за собой вывод о том, что к институту уменьшения цены не должны применяться правила об основаниях и условиях гражданско-правовой ответственности (в частности, принцип вины, форс-мажор, ограничение ответственности соглашением сторон и т.д.) [11].

Проблема заключается в том, что если ответственность должника за нарушение качества выполненных работ была изначально ограничена договором, например, до одного миллиона рублей, то в ряде случаев кредитор с лёгкостью сможет обойти это ограничение, просто изменив способ защиты с требования о взыскании убытков и/или неустойки на требование о соразмерном уменьшении установленной за работу цены.

Представляется, что несмотря на имеющееся доктринальное обоснование подобный подход вряд ли может считаться справедливым.

Заключение

Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 03.07.2020 № Ф10-2540/2020 по делу № А14-3397/2019 представляет собой яркий пример глубокого и системного анализа проблематики применения абзаца 3 пункта 1 статьи 723 ГК РФ.

Вместе с тем подходы, изложенные в данном судебном акте, безусловно подлежат дальнейшему научному осмыслению с целью совершенствования теоретических подходов к такому способу защиты прав заказчика по договору строительного подряда как соразмерное уменьшение установленной за работу цены. На наш взгляд на современном этапе наиболее детальный анализ проблематики применения абзаца 3 пункта 1 статьи 723 ГК РФ одним из первых осуществил М.И. Лухманов, частности в докладе в рамках XIV заседания Строительного Клуба «Подведение итогов 2020 года по строительным спорам: наиболее важные судебные акты за 2020 год» и его последующего обсуждения.

Литература и источники

1. Карапетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2007. 876 с. // СПС КонсультантПлюс.

2. Овчинникова Н.Ю. Уменьшение покупной цены по договору купли-продажи по германскому и российскому праву // Договоры и обязательства: Сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ: в 2т. /сост. и отв. ред. А.В. Егоров и А.А. Новицкая. Т.2: Особенная часть. М.: ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2018.

3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Изд. испр. и доп. М.: Статут, 2002. Кн. 3. 1055 с. // СПС КонсультантПлюс

4. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров. (Заключена в г. Вене 11.04.1980) // СПС КонсультантПлюс.

5. Schlechtriem & Schwenzer: Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG) 4th Edition.

6. Комментарий к § 1, 3, и 4 главы 37 «Подряд» Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. Н.Б. Щербакова. М.: Статут, 2019.

7. См.: Третьяков С.В. Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине (к публикации русского перевода работы Э. Зеккеля "Секундарные права в гражданском праве") // СПС КонсультантПлюс.

8. Егоров А.В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // СПС КонсультантПлюс.
9. См.: Карапетов А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // СПС КонсультантПлюс.
10. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая: учебно-практический комментарий (постатейный) / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, К.М. Арсланов и др.; под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2010. 992 с. // КонсультантПлюс.
11. Защита гражданских прав: избранные аспекты: сборник статей / Ю.Н. Алферова, Ю.В. Байгушева, Ю.В. Виниченко и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2017. 432 с. // СПС КонсультантПлюс.

References and Sources

1. Karapetov A.G. Rastorzhenie narushennogo dogovora v rossijskom i zarubezhnom prave. M.: Statut, 2007. 876 s. // SPS Konsul'tantPlyus.
2. Ovchinnikova N.Yu. Umen'shenie pokupnoj ceny po dogovoru kupli-prodazhi po germanskomu i rossijskomu pravu // Dogovory i obyazatel'stva: Sbornik rabot vypusknikov Rossijskoj shkoly chastnogo prava pri Issledovatel'skom centre chastnogo prava imeni S.S. Alekseeva pri Prezidente RF: v 2t. /sost. i otv. red. A.V. Egorov i A.A. Novickaya. T.2: Osobennaya chast'. M.: ICCHP im. S.S. Alekseeva pri Prezidente RF, 2018.
3. Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. Dogovornoe pravo. Dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug. Izd. ispr. i dop. M.: Statut, 2002. Kn. 3. 1055 s. // SPS Konsul'tantPlyus
4. Konvenciya Organizacii Ob"edinennyh Nacij o dogovorah mezhdunarodnoj kupli-prodazhi tovarov. (Zaklyuchena v g. Vene 11.04.1980) // SPS Konsul'tantPlyus.
5. Schlechtriem & Schwenzer: Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG) 4th Edition.
6. Kommentarij k § 1, 3, i 4 glavy 37 «Podryad» Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / pod red. N.B. Shcherbakova. M.: Statut, 2019.
7. Sm.: Tret'yakov S.V. Formirovanie koncepcii sekundarnyh prav v germanskoj civilisticheskoj doktrine (k publikacii russkogo perevoda raboty E. Zekkelya "Sekundarnye prava v grazhdanskom prave") // SPS Konsul'tantPlyus.
8. Egorov A.V. Struktura obyazatel'stvennogo otnosheniya: narabotki germanskoj doktriny i ih primenimost' v Rossii // SPS Konsul'tantPlyus.
9. Sm.: Karapetov A.G. Modeli zashchity grazhdanskih prav: ekonomicheskij vzglyad // SPS Konsul'tantPlyus.
10. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Chast' vtoraya: uchebno-prakticheskij kommentarij (postatejnyj) / E.N. Abramova, N.N. Averchenko, K.M. Arslanov i dr.; pod red. A.P. Sergeeva. M.: Prospekt, 2010. 992 s. // Konsul'tantPlyus.
11. Zashchita grazhdanskih prav: izbrannye aspekty: sbornik statej / Yu.N. Alferova, Yu.V. Bajgusheva, Yu.V. Vinichenko i dr.; ruk. avt. kol. i otv. red. M.A. Rozhkova. M.: Statut, 2017. 432 s. // SPS Konsul'tantPlyus.

ФИЛИППОВ РОДИОН ВЯЧЕСЛАВОВИЧ - аспирант отдела гражданского законодательства и процесса, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.
PHILIPPOV, RODION V. – Ph.D. student, Department of Civil Law and Procedure, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (law_filippov@mail.ru).

УДК 347.4 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-175-182

ПУГАЧЕВА А.С.
ПРИНЦИПЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ

Ключевые слова: принцип права, охрана прав инвесторов, инвестиционные правоотношения, инвестиционная деятельность, гражданско-правовое регулирование инвестиционных отношений

Применение принципа, как философской категории, в юридических исследованиях позволяет определить сущность и содержание изучаемых объектов и процессов, установить взаимосвязи между общенаучной методологией и методологией права. Цель статьи – рассмотреть принципы гражданско-правовой охраны прав инвесторов. Основные результаты исследования состоят в определении и научном обосновании понятия «принцип права» и совокупности общих, межотраслевых, отраслевых и специальных принципов гражданско-правовой охраны прав инвесторов. Полученные результаты позволили выяснить методологическое значение принципов права, как правовой категории, а также совокупности общих, межотраслевых, отраслевых и специальных принципов гражданско-правовой охраны прав инвесторов, обеспечивающей устойчивость инвестиционных отношений и единство правового пространства Российской Федерации в области инвестиционной деятельности; устранение существующих и недопущение новых нормативных правовых коллизий межотраслевого характера; гражданско-правовое регулирование инвестиционных отношений на основе сочетания частных и публичных интересов; развитие моделей организации инвестиционной деятельности, диалектическое единство способов охраны прав участников инвестиционной деятельности, порядок разрешения инвестиционных споров; конвергенцию международного и российского опыта гражданско-правового регулирования инвестиционных отношений, развитие международной практики инвестиционного сотрудничества.

PUGACHEVA, A.S.

PRINCIPLES OF CIVIL LEGAL PROTECTION OF INVESTORS' RIGHTS

Key words: principle of law, protection of investors' rights, investment legal relations, investment activities, civil regulation of investment relations

The application of the principle as a philosophical category in legal research makes it possible to determine the essence and content of the objects and processes under study, to establish the relationship between general scientific methodology and the methodology of law. The purpose of the study is to determine the principles of civil protection of investors' rights. The main results of the study consist in the definition and scientific substantiation of the concept of "principle of law" and the totality of general, intersectoral, sectorial and special principles of civil protection of investors' rights. The obtained results made it possible to clarify the methodological significance of the principles of law as a legal category, as well as a set of general, intersectoral, sectorial and special principles of civil protection of investors' rights, ensuring the stability of investment relations and the unity of the legal space of the Russian Federation in the field of investment activity; elimination of existing and prevention of new normative legal conflicts of an intersectoral nature; civil regulation of investment relations based on a combination of private and public interests; development of models for organizing investment activities, dialectical unity of methods for protecting the rights of participants in investment activities, the procedure for resolving investment disputes; convergence of international and Russian experience in civil law regulation of investment relations, development of international practice of investment cooperation.

Общенаучная методология и методология права взаимодействуют между собой и интегрированы в онтологические теории соответствующих наук. Философские категории, обобщая методологические знания, вкладывают их в синтезированном виде в конкретную науку, тем самым расширяя познавательные возможности как науки, в целом, так и отдельной ее отрасли. Интегрирование научных знаний позволяет философии создать всеобщую научную картину мира, как мировоззренческого фундамента процесса познания специальных объектов естественных, технических, общественных наук.

В новейшем философском словаре принцип (лат. principum – начало, основа) определяется как основание некоторой совокупности фактов или знаний, исходный пункт объяснения или руководства к действиям [1, с. 544]. В результате теоретико-философского осмысления принцип применяется в разных сферах научного знания. Как философская категория принцип выполняет общеметодологическую функцию, заключающуюся в объективном осмыслении, оценке, синтезе и корректировке устойчивых знаний в процессе научного познания [2, с. 20-25]. Право – это исторически сформированная система принципов, идеалов, устремлений [3, с. 13]. Применение принципа, как философской категории, в юридических исследованиях позволяет определить сущность и содержание изучаемых объектов и процессов, выяснить особенности и специфические закономерности развития, а также установить взаимосвязи между общенаучной методологией и методологией права.

Взаимосвязь общенаучной методологии и методологии права обуславливает выделение правовых категорий, которые помогают совершенствовать юридическую науку и увеличивают возможности успешного решения стоящих перед ней задач. Как правовая категория принцип обеспечивает целостность юридической науки и оптимальное структурирование научного материала, составляет «конструкционную опору юридического языка». Как правовая категория принцип не дублирует философскую категорию «принцип». Он имеет свои особенности, обусловленные правовой действительностью, и представляет собой предельно общее фундаментальное понятие юридической науки, содержание которого определяется своеобразием предмета юриспруденции, при этом он выступают составной частью метода юриспруденции и обладает формальной определенностью [4, с. 56].

Как правовая категория, принцип позволяет ввести в научный оборот правовые понятия, адекватно отражающие конкретные признаки изучаемого предмета или процесса, сопряженные с законодательными дефинициями, и выражающие доктринальные философско-правовые идеи в результате методологической рефлексии правой реальности [5, с. 73]. В юридической науке используют понятия «принцип права», «юридический принцип», «принцип законодательства» [6, с. 308-315]. Анализ научных дискуссий о сущности и содержании данных понятий был сделан неоднократно [7, с. 147-156].

Выяснено, что введение в научный оборот данных понятий обусловлено пониманием принципов в смысле:

1) принципы-нормы: исходные нормативно-руководящие начала, которые характеризуют основы и содержание права, а также закрепленные в праве закономерности общественной жизни [8, с. 101]; руководящие положения, основные начала права, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определяющие сущность всей системы, отрасли или института права и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение [9, с. 10];

2) принципы-идеи: понятие, адаптированное к существующим категориям и правилам для установления соответствия смыслового содержания и словесного выражения в правовом аспекте, обоснования понимания и объяснения механизма социального воздействия права на общественные отношения, а также возможных пределов его применения [10, с. 15]; норма-идея профессионального юридического сознания, которая отличается гибкостью и подвижностью и обеспечивает единство объективного и субъективного права [11, с. 12, 22-23, 26];

3) принципы-основания: выработанные наукой и практикой основополагающие императивные идеи, которые выражают сущность права, как особого социального регулятора, и качественную определенность юридической традиции мышления и прагматики в целом; философско-правовая категория, отражающая диалектическую взаимосвязь закономерностей регулирования общественных отношений, содержания норм права с общими, абстрактными

регуляторами как ориентиром для массива норм права («в этом плане правовой принцип выглядит первичным сущностно, но не всегда можно говорить о приоритете его над нормой в содержательном плане»); одновременно идеи и нормативные положения, в равной степени определяющие характер правового регулирования; самостоятельная форма правового регулирования, определяющая сущность и содержание права, его целостность и внутреннее единство, а также обеспечивающая непротиворечивость, последовательность, ожидаемость и предсказуемость правотворческого и правореализационного процессов [12, с. 4-5, 47; 13, с. 64-66].

Мы понимаем принцип как основание, и в этом смысле более уместно применять понятие «принцип права», как более широкое, позволяющее интегрировать правовые нормы и доктринальные идеи. Принцип права – это основополагающее понятие, которое включает нормативно-руководящие положения, отражающие правовую природу регулируемых отношений и легитимность государственной политики; определяющие требования к содержанию правовых норм, институтов, отрасли; а также выражает доктринальные философско-правовые идеи в результате методологической рефлексии правого бытия.

Методологическое значение принципов права состоит в следующем:

- способствуют выявлению ценностей, важных для конкретного правопорядка, а также структурированию и систематизации правового материала, обеспечивая его правовую определенность;

- юридически выражают объективные закономерности, обеспечивают устойчивость правоотношений и эффективность правового регулирования;

- имеют общеобязательное значение, закреплены в правовых нормах и отражены в правоприменительной практике;

- выступают источниками права, принимаются как правовые аксиомы, очевидные и обязательные для выполнения;

- отражают доктринальные философско-правовые идеи в результате методологической рефлексии правого бытия и обеспечивают взаимосвязь юридической науки и правоприменения.

Гражданско-правовая охрана прав инвесторов опирается на совокупность общих, межотраслевых, отраслевых и специальных принципов права.

Общие принципы права составляют гуманизм, справедливость, законность, равноправие, демократизм, единство прав и обязанностей [14].

Методологическое значение общих принципов права состоит в том, что они: определяют содержание правового регулирования инвестиционных отношений; выступают критерием правомерности осуществления инвестиционной деятельности; обеспечивают устойчивость инвестиционных отношений и единство правового пространства Российской Федерации в области инвестиционной деятельности.

Включение в совокупность принципов права, обеспечивающих гражданско-правовую охрану прав инвесторов, межотраслевых принципов, обусловлено регулированием инвестиционных отношений нормами как частного, так и публичного права (финансового, налогового, банковского, административного права) [15, с. 22-24]. Межотраслевые связи правовых норм отражаются на всех стадиях гражданско-правового регулирования инвестиционных отношений и обеспечивают устранение существующих и недопущение новых нормативных правовых коллизий межотраслевого характера [16, с. 67-108].

Межотраслевые принципы права, обеспечивающие гражданско-правовую охрану прав инвесторов, составляют:

- государственное регулирование инвестиционной деятельности, которое выражается, во-первых, в государственной поддержке участников инвестиционной деятельности, включающей предоставление налоговых льгот и преференций, финансовой помощи; государственные гарантии по охране инвестиций и прав инвесторов; обеспечение стабильности финансово-банковской системы; во-вторых, в усилении государственного контроля (надзора), составляющего обеспечение прозрачности инвестиционной деятельности, предупреждение нарушений антимонопольного законодательства, закрепление порядка разрешения инвестиционных споров, проверку инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений и эффективности инвестиций в сфере деятельности субъектов естественных монополий;

- взаимовыгодность интересов государства и инвесторов, предусматривающая, во-первых, получение инвестором прибыли (дохода) и (или) достижение иного полезного эффекта; во-вторых, социально-экономическое и научно-техническое развитие государства, посредством ускорения темпов роста инвестиций в основной капитал и повышения их доли в валовом внутреннем продукте для реализации инвестиционных проектов по организации новых высокотехнологичных производств, создания инновационной продукции, конкурентоспособной на мировом рынке, увеличения несырьевого неэнергетического экспорта, повышение темпов роста уровня и качества жизни населения;

- обеспечение целевого характера использования бюджетных средств, включающего организацию государственных инвестиционных программ, конкурсное выделение бюджетных ресурсов на реализацию инвестиционных проектов; государственное регулирование инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений; требования к инвестиционным проектам в сфере промышленности, реализация которых дает право на получение финансовой поддержки в виде льгот по налогам и сборам.

Методологическое значение межотраслевых принципов права состоит в следующем:

- обеспечивают единство публично-правовых и частноправовых методов гражданско-правовой охраны прав и имущества субъектов инвестиционной деятельности вне зависимости от форм собственности, а также развитие государственно-частного и муниципально-частного партнерства для привлечения частных инвестиций и повышения качества товаров, работ, услуг;

- определяют правовые, экономические, социальные условия и этапы инвестиционной деятельности на территории Российской Федерации;

- синтезируют требования к объектам инвестиционной деятельности, источникам, формам и способам инвестирования;

- гарантируют обеспечение законности регулирования отношений между участниками инвестиционной деятельности по поводу привлечения, использования, контроля за инвестициями, а также ответственности инвесторов за противоправные действия;

- способствуют выявлению правовых ценностей (инвестиции, инвестиционная деятельность, объект инвестиционной деятельности, инвестиционный проект, субъект инвестиционной деятельности, охрана прав инвесторов, охрана интересов инвесторов, капитальные вложения, иностранные инвестиции, инвестиционные платформы, инвестиционный договор, инвестиционный риск, доходность, инвестиционные споры), важных для нормативно-правового регулирования в сфере инвестиционной деятельности и обоснования комплексного характера инвестиционного права;

- выступают условием формирования и развития доктринальных философско-правовых идей о правовой природе инвестиций и инвестиционной деятельности, места инвестиционного права в системе права в результате методологической рефлексии инвестиционных отношений;

- создают основания для оптимизации системы межотраслевых связей гражданского права, обеспечивающей процесс упорядочения инвестиционных отношений посредством сочетания гражданско-правовых и разноотраслевых инструментов, а также способствующей межотраслевому коллизионному регулированию, предусматривающему оформление общего терминологического поля, использование метода правового заимствования, нормативное определение отраслевого приоритета, нормативное разграничение между гражданским правом и иными правовыми отраслями.

Отраслевые принципы права, обеспечивающие гражданско-правовую охрану прав инвесторов, составляют основные начала гражданского законодательства, указанные в статье 1 Гражданского Кодекса РФ:

- равенство участников регулируемых им отношений, обеспечивающее равные права инвесторов на осуществление инвестиционной деятельности;

- неприкосновенность собственности, проявляющаяся в охране инвестиций, страховании инвестиционных рисков, возмещении инвестору убытков, причиненных отчуждением имущества и незаконными решениями государственных органов;

- свобода договора, предусматривающая свободу выбора объемов и объекта инвестиций, партнеров инвестиционной деятельности;

- недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, включающая самостоятельное осуществление инвестором своей деятельности;

- необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав и обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты, включая защиту прав и законных интересов субъектов инвестиционных отношений; невмешательство государственных органов и должностных лиц во внутрихозяйственную деятельность инвестора;

- добросовестность, предусматривающая соблюдение участниками инвестиционных отношений нормативно-правовых норм, регламентирующих инвестиционную деятельность, и честное выполнение обязанностей.

Методологическое значение отраслевых принципов права состоит в следующем: отражают закономерности развития инвестиционных отношений и определение мер гражданско-правовой ответственности к участникам инвестиционной деятельности; обеспечивают гражданско-правовое регулирование инвестиционных отношений на основе сочетания частных и публичных интересов; поддерживают интегративное правопонимание, обуславливающее взаимосвязь, целостность, непротиворечивость инвестиционного процесса; выступают основанием развития внутриотраслевых связей, отражающих специфику гражданского права и обеспечивающих внутреннюю юридическую согласованность, системность инвестиционного права.

Специальные принципы права, обеспечивающие гражданско-правовую охрану прав инвесторов, составляют:

- правовое обеспечение экономической целесообразности инвестиций, предусматривающее правовую регламентацию экспертизы и оценки инвестиционных проектов; подготовку, заключение и исполнение концессионных соглашений; реализацию права инвестора контролировать целевое использование средств; правовое регулирование инвестиционных предложений на рынке ценных бумаг; особенности инвестирования физическими лицами;

- создание правовых условий развития организационно-правовых форм ведения инвестиционной деятельности, включающих учреждение инвестиционных товариществ, инвестиционных фондов, Российского фонда прямых инвестиций;

- правовое стимулирование участников инвестиционной деятельности в сфере промышленности, предусматривающее заключение специального инвестиционного контракта для модернизации и (или) освоения производства промышленной продукции на конкретной федеральной территории или территории субъекта РФ, либо континентальном шельфе или исключительной экономической зоне РФ;

- справедливое распределение рисков и обязательств между участниками инвестиционной деятельности, включающее регламентацию гражданско-правовой ответственности профессиональных участников рынка ценных бумаг; правовые меры по снижению (ограничению) рисков, связанных с доверительным управлением активами инвестиционных фондов, размещением средств пенсионных резервов, инвестированием средств пенсионных накоплений и накоплений для жилищного обеспечения военнослужащих; порядок страхования инвестиций от рисков;

- гарантии прав и законных интересов частного партнера в процессе сотрудничества с публичным партнером, предусматривающие гарантии в надлежащем исполнении соглашения со стороны публичного партнера; гарантии охраны от политических рисков, в том числе нормативных изменений; гарантии возмещения убытков в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания акта не соответствующего закону или иному правовому акту государственного органа или органа местного самоуправления; гарантии компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов;

- гарантии правовой охраны при осуществлении иностранных инвестиций, обусловленные участием Российской Федерации в международных соглашениях и включающие обязательства государства по правовой охране деятельности иностранных инвесторов, предусматривающие создание стабильности законодательства, надлежащее разрешение инвестиционных споров в национальном суде (как арбитражном, так и общей юрисдикции), третейском суде, либо в международных арбитражных институтах; обеспечение прав инвесторов на передачу своих прав

и обязанностей другому лицу, компенсацию при национализации и реквизиции имущества, участие в приватизации объектов государственной и муниципальной собственности, приобретение земельных участков и других природных ресурсов, зданий, сооружений, иного недвижимого имущества, свободное распоряжение прибылью на территории Российской Федерации или осуществлять переводы за ее пределы, беспрепятственный вывоз за территорию Российской Федерации имущества и информации, которые были ввезены в качестве инвестиции; создание условий для использования инвестором различных форм осуществления инвестиций, приобретения ценных бумаг коммерческих организаций и государственных ценных бумаг; предоставление льгот по уплате таможенных платежей.

Методологическое значение специальных принципов права состоит в следующем:

- обеспечивают развитие моделей организации инвестиционной деятельности, совершенствование гражданско-правовых конструкций инвестирования, диалектическое единство способов охраны участников инвестиционной деятельности, порядок разрешения инвестиционных споров;

- способствуют конвергенции международного и российского опыта гражданско-правового регулирования инвестиционных отношений, развитию международной практики инвестиционного сотрудничества и разрешения инвестиционных споров;

- отражают взаимосвязи доктринальных идей и правоприменительной практики и ориентируют на развитие юридического творчества и создание новых начал цивилистической методологии, обуславливающих преемственность отечественной науки гражданского права, терминологическую ориентацию, усиление гражданско-правовой составляющей в межотраслевом правовом регулировании, совершенствование толкования норм гражданского права.

Совокупность принципов права, обеспечивающих гражданско-правовую охрану прав инвесторов, представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Принципы права, обеспечивающие гражданско-правовую охрану прав инвесторов, и их методологическое значение

Принципы права	Методологическое значение
Общие принципы права: гуманизм, справедливость, законность, равноправие, демократизм, единство прав и обязанностей	- определяют содержание правового регулирования инвестиционных отношений; - выступают критерием правомерности осуществления инвестиционной деятельности; - обеспечивают устойчивость инвестиционных отношений и единство правового пространства Российской Федерации в области инвестиционной деятельности
Межотраслевые принципы права: государственное регулирование инвестиционной деятельности; взаимовыгодность интересов государства и инвесторов; обеспечение целевого характера использования бюджетных средств	- обеспечивают единство публично-правовых и частноправовых методов гражданско-правовой охраны прав и имущества субъектов инвестиционной деятельности, а также развитие государственно-частного и муниципально-частного партнерства; - определяют правовые, экономические и социальные условия инвестиционной деятельности на территории Российской Федерации; - синтезируют требования к объектам инвестиционной деятельности, источникам, формам и способам инвестирования; - гарантируют обеспечение законности регулирования отношений между участниками инвестиционной деятельности по поводу привлечения, использования, контроля за инвестициями, а также ответственности инвесторов за противоправные действия; - способствуют выявлению правовых ценностей, важных для нормативно-правового регулирования в сфере инвестиционной деятельности и обоснования комплексного характера инвестиционного права; - выступают условием формирования и развития доктринальных философско-правовых идей о правовой природе инвестиций и инвестиционной деятельности, места инвестиционного права в системе права; - создают основания для оптимизации системы межотраслевых связей гражданского права
Отраслевые принципы права: равенство участников регулируемых им отношений; неприкосновенность собственности; свобода договора; недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела; необходимость	- отражают закономерности развития инвестиционных отношений и определение мер гражданско-правовой ответственности к участникам инвестиционной деятельности; - обеспечивают гражданско-правовое регулирование инвестиционных отношений на основе сочетания частных и публичных интересов; - поддерживают интегративное правопонимание, обуславливающее взаимосвязь, целостность, непротиворечивость инвестиционного процесса;

беспрепятственного осуществления гражданских прав и обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты; добросовестность	- выступают основанием развития внутриотраслевых связей, отражающих специфику гражданского права и обеспечивающих внутреннюю юридическую согласованность, системность инвестиционного права
Специальные принципы права: правовое обеспечение экономической целесообразности инвестиций; создание правовых условий развития организационно-правовых форм ведения инвестиционной деятельности; правовое стимулирование участников инвестиционной деятельности в сфере промышленности; справедливое распределение рисков и обязательств между участниками инвестиционной деятельности; гарантии прав и законных интересов частного партнера в процессе сотрудничества с публичным партнером; гарантии правовой охраны при осуществлении иностранных инвестиций	- обеспечивают развитие моделей организации инвестиционной деятельности, совершенствование гражданско-правовых конструкций инвестирования, диалектическое единство способов охраны участников инвестиционной деятельности, порядок разрешения инвестиционных споров; - способствуют конвергенции международного и российского опыта гражданско-правового регулирования инвестиционных отношений, развитию международной практики инвестиционного сотрудничества и разрешения инвестиционных споров; - отражают взаимосвязи доктринальных идей и правоприменительной практики и ориентируют на развитие юридического творчества и создание новых начал цивилистической методологии

Из таблицы 1 видно, что совокупность общих, межотраслевых, отраслевых и специальных принципов права обеспечивает эффективность гражданско-правовой охраны прав инвесторов, а также способствует развитию инвестиционного законодательства, позволяет определить место инвестиционного права в национальной системе права, ориентирует на развитие науки гражданского права.

Литература и источники

1. Новейший философский словарь / Составитель А.А. Грицанов. Минск: Издательство В.М. Скакун, 1998. 896 с.
2. Демин В.Н. Принципы материалистической диалектики в научном познании. М.: Издательство МГУ, 1979. 184 с.
3. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2001. 560 с.
4. Васильев А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая литература, 1976. 264 с.
5. Куликов Е.А. Философские категории в правовой науке и правовые категории: проблемы теории и методологии // Юридические исследования. 2017. №10. С. 59-77.
6. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовой принцип как философско-правовая категория // Юридическая техника. 2020. №14. С.308-315.
7. Цыгановкин В.А. Принципы права в современной юридической доктрине и практике // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. №2. С. 147-156.
8. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 томах [+ Справочный том] / Т. 3. Проблемы теории права: Курс лекций. М.: Статут, 2010. 781 с.
9. Грибанов В.П. Основные проблемы осуществления и защиты гражданских прав: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 1970. 28 с.
10. Аникушин С.В., Лысенков С.Г. Теоретико-философские аспекты понимания категории «Принцип» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. №2 (62). С. 11-16.
11. Скурко Е.В. Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законодательства: теория и практика // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 2(265). С. 55-61.
12. Ершов В.В. Основополагающие общетеоретические и гражданско-правовые принципы права. М.: Российская академия правосудия, 2010. 223 с.
13. Корнев В.Н. Принципы права в зарубежной правовой доктрине: природа, назначение и функции // Государство и право. 2016. № 11. С. 59-67.
14. Первый доклад об общих принципах права / Комиссия международного права ООН. Семьдесят первая сессия. Женева, 8 июля - 9 августа 2019 // https://undocs.org/ru/A/CN.4/732 (дата обращения 20.11.2021)
15. Лисица В.Н. Инвестиционное право. Новосибирск: Новосибирский национально-исследовательский государственный университет, 2015. 568 с.
16. Челышев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дисс. ... докт. юрид. наук. Казань: Казанский государственный университет, 2009. 501 с.

References and Sources

1. Novejshij filosofskij slovar' / Sostavitel' A.A. Gricanov. Minsk: Izdatel'stvo V.M. Skakun, 1998. 896 s.
2. Demin V.N. Principy materialisticheskoj dialektiki v nauchnom poznanii. M.: Izdatel'stvo MGU, 1979. 184 s.
3. Kerimov D.A. Metodologiya prava (predmet, funkcii, problemy filosofii prava). M.: Avanta+, 2001. 560 s.
4. Vasil'ev A.M. Pravovye kategorii: Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorij teorii prava. M.: Yuridicheskaya literatura, 1976. 264 s.
5. Kulikov E.A. Filosofskie kategorii v pravovoj nauke i pravovye kategorii: problemy teorii i metodologii // Yuridicheskie issledovaniya. 2017. №10. S. 59-77.
6. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Pravovoj princip kak filosofsko-pravovaya kategoriya // Yuridicheskaya tekhnika. 2020. №14. S.308-315.

7. Cyganovkin V.A. Principy prava v sovremennoj yuridicheskoj doktrine i praktike // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo». 2019. №2. S. 147-156.
8. Alekseev S.S. Sobranie sochinenij. V 10 tomah [+ Spravochnyj tom] / T. 3. Problemy teorii prava: Kurs lekcij. M.: Statut, 2010. 781 s.
9. Gribanov V.P. Osnovnye problemy osushchestvleniya i zashchity grazhdanskih prav: avtoref. dis. … dokt. yurid. nauk. M., 1970. 28 s.
10. Anikushin S.V., Lysenkov S.G. Teoretiko-filosofskie aspekty ponimaniya kategorii «Princip» // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2014. №2 (62). S. 11-16.
11. Skurko E.V. Pravovye principy v pravovoj sisteme, sisteme prava i sisteme zakonodatel'stva: teoriya i praktika // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2006. № 2(265). S. 55-61.
12. Ershov V.V. Osnovopolagayushchie obshcheteoreticheskie i grazhdansko-pravovye principy prava. M.: Rossijskaya akademiya pravosudiya, 2010. 223 s.
13. Kornev V.N. Principy prava v zarubezhnoj pravovoj doktrine: priroda, naznachenie i funkcii // Gosudarstvo i pravo. 2016. № 11. S. 59-67.
14. Pervyj doklad ob obshchih principah prava / Komissiya mezhdunarodnogo prava OON. Sem'desyat pervaya sessiya. Zheneva, 8 iyulya - 9 avgusta 2019 // https://undocs.org/ru/A/CN.4/732 (data obrashcheniya 20.11.2021)
15. Lisica V.N. Investicionnoe pravo. Novosibirsk: Novosibirskij nacional'no-issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet, 2015. 568 s.
16. Chelyshev M.Yu. Sistema mezhotraslevyh svyazej grazhdanskogo prava: civilisticheskoe issledovanie: diss. ... dokt. yurid. nauk. Kazan': Kazanskij gosudarstvennyj universitet, 2009. 501 s.

ПУГАЧЕВА АННА СЕРГЕЕВНА – юридическая компания ООО «Авангард», г. Казань, Россия, заместитель генерального директора по юридическим вопросам (anna.pugacheva1997@yandex.ru).
PUGACHEVA, ANNA S. - Law Firm Avangard LLC, Kazan, Russia, Deputy General Director for Legal Issues.

УДК 347.779 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-182-190

ОНОПРИЕНКО О.Ф.
О РЕЦЕПЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ И ГАРМОНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СЕЛЕКЦИОННЫХ ДОСТИЖЕНИЯХ

Ключевые слова: интеллектуальные права, селекционное достижение, гармонизация законодательства, сорт растения, порода животного.

Аргументируется необходимость расширения объема охраны объекта за счет установления первоначально – до регистрации селекционного достижения – охраны новых сортов растений и пород животных в качестве результатов науки. Рассматривается селекционное достижение как объект, обосновывается, что он представляет не только результат селекции, как таковой, но является комплексным объектом, включающим также наименование и генно-инженерную конструкцию (в случае генетической модификации). Сделан вывод о том, что интеллектуальные права на селекционное достижение должны распространяться на все элементы комплексного объекта в целом, а подход к охране генетически модифицированных селекционных достижений основываться на «раздельном соавторстве». Обосновывается необходимость дополнения критериального аппарата селекционного достижения двумя условиями охраноспособности, а перечня интеллектуальных прав четырьмя правомочиями. Рассматриваются процедуры регистрации селекционных достижений в двух реестрах. С учетом предложений автора аргументируется целесообразность осуществления государственной регистрации селекционных достижений в одном реестре, исключение излишних процедур.

ONOPRIENKO, O.F.
ABOUT THE RECEPTION OF INTELLECTUAL RIGHTS AND HARMONIZATION OF RUSSIAN LEGISLATION ON SELECTION INVENTIONS

Key words: intellectual rights, selection invention, legislations' harmonization, plant variety, animal breed.

The necessity to expand the scope of object protection is argued by establishing, initially, before the registration of a selection invention, the protection of new varieties of plants and animal breeds as the results of science. The selection invention is considered as an object, it is substantiated that it represents not only the result of selection, but is a complex object, which also includes the name and genetically engineered design (in the case of genetic modification). It concludes that intellectual rights to a selection invention should apply to all elements of a complex object as a whole, and the approach to the protection of genetically modified selection inventions should be based on "separate co-authorship". The article grounds the necessity of supplementing the criteria of the selection invention with two conditions of protection, and the list of intellectual rights with four powers. The procedures for registration of selection inventions in two registers are considered. Considering the author's proposals, the expediency of state registration of selection inventions in one register is reasoned, excluding unnecessary procedures.

Селекционные достижения (сорта растений и породы животных), как и на заре человеческой цивилизации, по экономической и политической значимости являются объектами стратегическими. Руководителям большинства государств, в том числе России, приходится решать сложную задачу: с одной стороны, обеспечивать население полноценными продуктами питания, а с другой -сохранять природную среду обитания, как необходимое условие существования жизни на Земле. С ростом населения, ввиду недостатка наличных ресурсов, значение селекционных достижений будет только возрастать [1, с. 10-19]. Одним из путей решения этих проблем является генетическое модифицирование живых организмов, в том числе селекционных достижений [2, с. 84-91].

Проблемы правового регулирования селекционной деятельности в переходный период после распада СССР отражены в диссертации В.Н. Синельниковой [3]. Проблемы охраны

селекционных достижений в России рассматривались ею и Р.М. Дудурговым [4, с. 73-75]. Правовой охране селекционных достижений в Молдове посвящено исследование В.Ю. Лебедева [5]. Результаты исследования о правах субъектов на селекционное достижение в растениеводстве России представлены В.А. Савченко [6], а о природе селекционного достижения – Р.М. Дудурговым [7]. Проблемы охраноспособности генетического и трансгенного материала рассматривались В.А. Орешкиным [8]. Теоретические и практические проблемы правового регулирования интеллектуальной собственности исследованы В.А. Дозорцевым, осуществившим систематизацию интеллектуальных прав [9]. Фундаментальные результаты исследований в селекции растений обобщены А.А. Жученко [10]. С проблемами охраны прав селекционера автор столкнулась при рассмотрении судебного спора между селекционером и работодателем [11].

Неурегулированные проблемы в законодательстве о селекционном достижении освещались и другими исследователями, но за почти три десятилетия с момента принятия в России закона «О селекционных достижениях» в 1993 году нормативный материал, непосредственно относящийся к этому объекту (sui generis), в законодательство не вносился. Так, в частности, до настоящего времени не выработаны юридическое понятие «селекционное достижение» и подход к охране генетически модифицированных селекционных достижений. Охрана приспособлена только к результату селекции без учета правовых связей его с наименованием и генетической конструкцией. Часть прав, необходимость установления которых вытекает из смысла законодательства, не установлена, а часть – не возникает, не осуществляется и существует в качестве фактических конструкций, потому что охрана селекционных достижений начинается со дня его регистрации, действует в период регистрации и не имеет обратной силы (ст. 1410, п. 1 ст. 1424 ГК РФ).

Охрана селекционных достижений и допуск к использованию в обороте предполагают регистрацию в двух реестрах, что усложняет систему охраны. Возможность допуска к использованию новых служебных объектов без легитимации (глава 73 ГК РФ) приводит к лишению их создателя возможности законно приобрести право авторства и право на вознаграждение при использовании служебного объекта работодателем. Недостаточная проработанность законодательства препятствует его применению, что подтверждается отсутствием в обзорах судебной практики по интеллектуальным правам, а также в постановлениях высших судов разделов о нарушениях прав на селекционное достижение. Административная и уголовная ответственность в отношении нарушений интеллектуальных прав на селекционное достижение не установлена.

В законодательстве о селекционном достижении объект представлен только как результат селекции. Но бессрочное закрепление за ним индивидуализирующего наименования при регистрации приводит к установлению между результатом селекции и наименованием прочной и бессрочной правовой связи для совместного использования. Понятие «использование селекционного достижения» не распространяется на наименование, а в праве на наименование правомочие «использование наименования» не установлено (п. 3 ст. 1421, ст. 1419 ГК РФ). Однако в обороте преимущественно нарушается именно не установленное «право на использование наименования», а не право автора выбирать наименование для регистрации под ним селекционного достижения (ст. 1419, п. 2, 3, 4 ст. 1446 ГК РФ).

Наименование предназначено для обслуживания результата селекции и выполняет функцию средства индивидуализации. Связь между результатом селекции и его наименованием аналогична связи между главной вещью и принадлежностью в вещном праве (ст. 134, 135 ГК РФ). Результат селекции и его наименование используются совместно и представляют комплексный результат интеллектуальной деятельности. Одновременно наименование охраняемого селекционного достижения охраняется и в качестве средства индивидуализации (п. 8 ст. 1483 ГК РФ).

Генно-инженерная конструкция, как таковая, в праве на селекционное достижение охраняться не может, это объект патентного права (п. 1 ст. 1350 ГК РФ). Охраняется совокупность существенных признаков селекционного достижения, в том числе генетически модифицированных. Но при воспроизводстве генетически модифицированного результата селекции могут нарушаться патентные права обладателя прав на генетическую конструкцию. Подход к охране генетически модифицированных селекционных достижений, применяемый в

патентном праве, автор считает неверным, так как при создании генетически модифицированного объекта традиционное селекционное достижение применяется целиком, а не в качестве прототипа, из которого отбирают признаки для нового объекта. Этот отбор вообще невозможен, – большая часть хозяйственно ценных признаков находится под контролем громадного числа генов, коадаптированных в блоки, – перенос отдельных признаков известными методами пока неосуществим [10, с. 922-923]. Исходя из того, что генетик и селекционер работают с одним материалом, – генетической информацией, автор предлагает признать их соавторами генетически модифицированного селекционного достижения. В этом случае возникает «раздельное соавторство». Термин предложен И.А. Грингольцем для применения в авторском праве [12, с. 69-70]. Это соавторство по договору, – если соавторы прекращают его своим соглашением, оно «распадается» [13, с. 115].

Мнение автора о том, что селекционное достижение является комплексным объектом и нуждается в отдельной охране, тогда как входящие в него элементы одновременно охраняются традиционными правами (в данном случае генно-инженерная конструкция патентным правом, а наименование как средство индивидуализации), не противоречит мнению В.А. Дозорцева, что результаты коллективной деятельности чаще всего образуют комплексные объекты, которые нуждаются в самостоятельной охране [9, с. 41].

Селекционными достижениями признаются сорта растений и породы животных, зарегистрированные в Государственном реестре охраняемых селекционных достижений при условии, что они отвечают условиям охраноспособности: новизна, отличимость, стабильность и однородность (ст. 1413 ГК РФ). Однако, чтобы охраняемое селекционное достижение могло использоваться в обороте оно должно по результатам испытаний быть признанным хозяйственно полезным и включенным в Государственный реестр селекционных достижений, допущенных к использованию [см. Примечание]. Перечень охраняемых, но не обладающих хозяйственной полезностью и не допущенных к использованию селекционных достижений приводится в приложении к этому реестру.

Испытания на наличие хозяйственной полезности у сортов растений в СССР проводились всегда, и в Государственный реестр селекционных достижений СССР включались сведения только о хозяйственно полезных сортах. Но в качестве условия охраноспособности наличие хозяйственной полезности не было установлено, как оно не установлено и в ГК РФ [14, с. 20]. Автор полагает, что наличие хозяйственной полезности у селекционного достижения необходимо признать главным условием охраноспособности. Охранять же в качестве *достижения в селекции* не пригодный для использования в хозяйственной деятельности объект – неверная конструкция в праве на селекционное достижение.

Ввиду чрезвычайного многообразия селекционных достижений в мире и строгих требований к их наименованиям, прежде всего его «отличимости» в странах-членах Международного союза по охране новых сортов растений (UPOV), необходимо также включить в перечень условий охраноспособности наличие индивидуализирующего наименования, как это было предложено ранее В.Н. Синельниковой и Р.М. Дудурговым [4, с. 73-75].

Селекционное достижение, как результат интеллектуальной деятельности, тесно связано с материальным носителем, только в нем существует и самовоспроизводится. Но ГК РФ не делает исключения для селекционного достижения, признавая независимость интеллектуальных прав на него от вещных прав на носитель (ст. 1227 ГК РФ). Однако большая часть ученых признает селекционное достижение материальным (конкретным, «биологическим») объектом, а права интеллектуальные и вещные связанными между собой. К их числу относятся В.И. Левченко [15, с. 17], его последователь из Молдавии В.Ю. Лебедев [5, с. 59], В.А. Дозорцев [9, с. 17-18], Э.П. Гаврилов [13, с. 9], Н.Г. Кузьмина [16, с. 16] и другие.

Новый сорт растения, порода животного *объективно выражены в живом материальном носителе* совокупностью признаков, характеризующих их фенотип (от греч. phaino – показываю, обнаруживаю и typos – отпечаток, образец, форма), который юридически представляет «развертывающуюся» на протяжении жизнедеятельности объекта образную систему, – совокупность всех визуально воспринимаемых признаков организма в целом, она определяется наследственной основой (генотипом) и конкретными условиями среды, в которой протекает развитие. Ничем иным *форма выражения сорта растения, породы животного* быть не может из-

за невозможности в традиционной селекции непосредственно манипулировать генетическими структурами – совокупностью генов организма, его наследственной материальной основой [17, с. 37]. Замечание И.Э. Мамиофы о том, что «изменение генов и хромосом не может быть произведено «по заказу», «прицельно» сохраняет актуальность [18, с. 14-20]. Селекционер формирует генотип опосредованно путем подбора и скрещивания родительских форм и отбора потомков в соответствии с поставленной целью.

Авторское право на *объективную форму выражения* нового сорта, породы (фенотип), не распространяется, оно охраняет ее описание, изображение (образную систему в целом). Правом же на селекционное достижение охраняется *совокупность существенных наследственных признаков популяции*, которая типизирована для каждой культуры и позволяет достоверно устанавливать наличие или отсутствие сходства между разными сортами, породами. В законодательстве о селекционном достижении применяются юридические категории, которые представляют *объективную форму существования* сорта растения, породы животного, – «семена», «племенной материал». В содержание их входит организм или его любая часть, способная воспроизводить организм в целом. Таким образом, если юридической моделью сорта растения, породы животного первоначально может быть признана *форма выражения* (фенотип), гарантирующая «от прямого копирования достигнутого творческого результата в той форме, которая была ему придана селекционером» [19, с. 716], то юридической моделью охраняемого селекционного достижения является *форма существования*, представляющая совокупность существенных, генетически обусловленных и выражающихся в процессе жизнедеятельности популяции растения или животного признаков, определяющая объем правовой охраны патентной формой (п. 2 ст. 1415 ГК РФ).

Материальные носители объектов категории «семена», «племенной материал», как результатов интеллектуальной деятельности, служат цели сохранения (поддержания) этих результатов, как образцов, от которых воспроизводятся следующие поколения селекционных достижений, – как вещи они юридически нейтральны. На них не могут быть направлены вещные права, – это приведет к утрате результатов творчества. Иную функцию выполняют материальные носители объектов юридической категории «растительный материал», «товарное животное». Они предназначены для применения в хозяйственной деятельности и являются объектами вещных прав. В отношении объектов категории «семена», «племенной материал» в гражданский оборот вводится право использования, а в отношении объектов категории «растительный материал», «товарное животное» – вещные права (п. 3 ст. 1421, раздел II ГК РФ).

Материальному носителю селекционного достижения присущи все свойства живого организма (рост, развитие, движение, размножение и др.). Кроме того, он представляет популяцию, – только в ней и может существовать любой живой организм, своеобразную «идеальную популяцию» представляет и результат интеллектуальной деятельности в селекции.

Таким образом, селекционное достижение, выраженное в живом материальном носителе, отделимое от него только мысленно, как и другие результаты интеллектуальной деятельности, является объектом информационной природы и в отношении его действует общее правило о независимости интеллектуальных прав на результат творчества от вещных прав на материальный носитель (ст. 1227 ГК РФ). На практике отнесение селекционного материала (результат интеллектуальной деятельности + материальный носитель) к разным юридическим категориям (результату творчества или вещи) может вызывать трудности, но положение о независимости интеллектуальных прав на селекционное достижение от прав вещных изложено в ГК РФ верно.

Затруднения в определении категории возникающих на селекционный материал абсолютных прав (интеллектуальные или вещные) связаны с тем, что применяемые в ГК РФ и в законодательстве о семеноводстве понятия «семена» не совпадают по содержанию. В законе о семеноводстве под семенами подразумеваются три их категории: «оригинальные», «элитные» и «репродукционные» [20]. Результат интеллектуальной деятельности в чистоте признаков содержится только в категории «оригинальные семена», у пород животных – в «чистопородном племенном материале» [21]. Сохранителем (оригинатором) – лицом, которое создало сорт растения и/или *обеспечивает его сохранение,* в соответствии с описанием на день включения в Государственный реестр охраняемых селекционных достижений, является только патентообладатель. Он же определяет и число поколений, которые могут относиться к элитным

семенам, полученным от оригинальных семян. Из элитных семян получают репродукционные, число их поколений определяют территориальные органы уполномоченного федерального органа управления сельским хозяйством, соответствующие органы исполнительной власти субъектов РФ.

Но ГК РФ разграничения «семян» по категориям не делает, поэтому каждый раз, исходя из смысла нормы, приходится «определять» какую категорию семян имеет в виду законодатель в том или ином случае. К. Всеволожский, обращая внимание на разное содержание понятия «семена» в ГК РФ и в законе о семеноводстве, указывает, что для ограничения права лицензиата воспроизводством «репродукционных семян» требуются дополнительные основания, – по ГК РФ лицензиат вправе воспроизводить все категории семян, тогда как только за патентообладателем сохранение селекционного достижения закреплено в качестве обязанности [22, с. 13]. По запросам исполнительного органа государственной власти по селекционным достижениям патентообладатель обязан за свой счет направлять «семена» или «племенной материал» для проведения контрольных испытаний за сохранением селекционного достижения, предоставлять возможность проводить инспекцию на месте (ст. 1440 ГК РФ).

В.А. Дозорцев, различая две основные ветви охраны – «созидательскую» и «регистрационную», придерживался мнения, что они параллельны и относятся к разным объектам [9, с. 227]. Это значит, что результаты интеллектуальной деятельности должны охраняться одной из ветвей.

Однако со временем стали признавать, что охрана только одной из «ветвей» (авторским правом или патентной формой) не может признаваться удовлетворительной. Так вопрос об охране объектов технического творчества был в свое время поставлен и решен юридической наукой. Э.П. Гаврилов пришел к разделяемому учеными и практиками выводу о том, что произведения, в которых проявляется творчество и которые обладают признаками объектов авторского права, в частности, разработки по созданию новой техники, могут быть отнесены к сфере научной деятельности и охраняться авторским правом. Научные произведения, раскрывающие содержание технических решений до их квалификации в качестве изобретений и других объектов патентного права, должны пользоваться авторско-правовой охраной [23, с. 79].

Конечно, техническое решение выражается и существует в охраняемой авторским правом форме (чертежи, описания и т.п.), поэтому с момента создания оно охраняется авторским правом (п. 3 ст. 1259 ГК РФ). Оно гарантирует охрану субъективных прав соответствующих лиц с момента создания технического решения путем распространения обратной силы права на защиту, возникающего после регистрации объекта в «регистрационной» системе (подпункт 5 п. 1 ст. 1398 ГК РФ). За нарушение права авторства предусмотрена административная и уголовная ответственность (п. 2 ст. 7.12 КоАП, ст. 146 УК РФ). Переход технического решения из сферы авторского права (глава 70 ГК РФ) в сферу ноу-хау (глава 75 ГК РФ) или патентного права (глава 72 ГК РФ) носит правовой характер, – охрана объекта установлена обеими указанными подсистемами системы интеллектуальных прав. Аналогичная возможность существует и для дизайнерского произведения при переходе его из подсистемы авторского права (глава 70 ГК РФ) в подсистему средств индивидуализации, в частности для регистрации в качестве товарного знака (глава 76 ГК РФ).

В селекционном достижении может охраняться только форма объекта. Если в авторском праве это образная система в целом, то в праве на селекционное достижение это совокупность существенных наследственных признаков. Право на селекционное достижение занимает, в сущности, промежуточное положение между «созидательской» и «регистрационной» подсистемами, совмещая в себе характер их обеих.

Для охраны селекционного достижения «регистрационной» системой существуют веские основания. Во-первых, диапазон отличимости существенных признаков у селекционного достижения настолько ограничен репродукционными границами таксона материального носителя каждой культуры, что не идет ни в какое сравнение, например, с уникальностью произведений искусства, практически независимых от свойств материальных носителей. Наличием репродукционных границ изменчивости обусловлен и характер критерия «отличимость»: соответствие ему признается даже при отличии объектов по одному признаку (п. 2 ст. 1412 ГК РФ). Во-вторых, селекция ведется по организму в целом, – селекционеру трудно оторваться от исходных форм, с одной стороны, а, с другой, он стремиться собрать в новом объекте лучшие

признаки уже известных достижений. Но это не значит, что первоначально новый сорт, новая порода не должны охраняться с момента создания как научные произведения, выраженные в форме «фенотипа», до регистрации их в качестве селекционных достижений (п. 3 ст. 1259 ГК РФ). Основанием для этого является то, что в существующей подсистеме права на селекционное достижение (глава 73 ГК РФ) установлены, но фактически не возникают и не осуществляются, а присутствуют как фактические конструкции следующие права: право авторства на сорт, породу, право автора на выбор наименования для регистрации под ним селекционного достижения (ст. 1419 ГК РФ), право на получение патента (ст. 1420 ГК РФ), право работодателя распорядиться правом на получение патента на новый сорт, породу (п. 4 ст. 1430 ГК РФ), право на временную правовую охрану (п. 1 ст. 1436 ГК РФ), право приоритета (п. 1 ст. 1434 ГК РФ). Кроме того, *новые сорт растения, порода животного*, как не охраняемые результаты интеллектуальной деятельности ГК РФ в действующей редакции не относит к объектам гражданских прав, что парадоксально (ст. 128 ГК РФ).

Идея автора об особой роли авторско-правовой подсистемы в системе интеллектуальных прав, состоит в необходимости установления охраны любого результата интеллектуальной деятельности, способного охраняться в системе интеллектуальных прав, первоначально в подсистеме авторского права, основывается на идее В.А. Дозорцева, которая противоречит его мнению о параллельности «созидательской» и «регистрационной» систем. Им она изложена так: «Значимость и смысл права авторства в гражданском праве усиливает еще одна его функция – оно выступает как точка отчета имущественных прав, может использоваться для установления действительности прав любого правообладателя» [9, с. 284]. Это значит, что отсутствие охраны нового сорта с момента его создания в авторско-правовой подсистеме приводит к лишению существенной части правовой основы в праве на селекционное достижение, которая должна служить реализации права на защиту интеллектуальных прав (глава 73 ГК РФ). Поэтому право на селекционное достижение несостоятельно в отношении самых злостных нарушений интеллектуальных прав создателя селекционного достижения и его правопреемников. Практика автора показывает, что плагиат в отношении нового сорта, породы осуществляется до регистрации объекта, в этом случае в заявке на выдачу патента указаны лица, не являющиеся создателями и/или не имеющие права на получение патента на селекционное достижение.

По нашему мнению, в системе интеллектуальных прав объективно существует уникальный правовой феномен, который мы называем «внутриподотраслевой рецепцией субъективных интеллектуальных прав». Он заключается в возможности перехода объекта, первоначально охраняемого авторским правом, в другую, лучше приспособленную для охраны оборота этого объекта, сферу охраны с одновременным преобразованием субъективных прав, статусов субъектов и статуса объекта. Эта рецепция должна распространяться и на результаты селекции.

Статус «селекционное достижение» сорт растения, порода животного по российскому законодательству приобретают в двух случаях:

1) либо по результатам проверки на соответствие условиям охраноспособности объект включен в Государственный реестр охраняемых селекционных достижений, так как отвечал условиям новизны, отличимости, однородности и стабильности (п. 1 ст. 1412, ст. 1413 ГК РФ);

2) либо по результатам проверки на наличие хозяйственной полезности объект включен в Государственный реестр селекционных достижений, допущенных к использованию (основными критериями оценки хозяйственной полезности являются: урожайность, устойчивость к болезням, вредителям и паразитам, качественные показатели, технологические особенности, востребованность регионами (gossort.com/16-organizaciya-i-provedenie-ispytaniy.html)).

На охраняемое селекционное достижение на основании сведений, указанных в заявке на выдачу патента, заявителю выдается патент, а создателю – авторское свидетельство, которые удостоверяют их интеллектуальные права (ст. 1408, 1414, 1415, 1416, 1421, 1433 ГК РФ).

На допущенное к использованию селекционное достижение заявителю на основании сведений из заявки на допуск выдается свидетельство о допуске, свидетельство оригинатора (сохранителя), а автору – авторское свидетельство, если заявка на выдачу патента не подавалась (глава 73 ГК РФ). В этом случае авторское свидетельство удостоверяет факт создания сорта растения или породы животного указанным в заявке лицом (право авторства не возникает), свидетельство о допуске разрешает заявителю использовать селекционное достижение в

гражданском обороте, а свидетельство оригинатора (сохранителя) закрепляет за заявителем обязанность сохранять селекционное достижение. Интеллектуальные прав в регистрационной системе допуска селекционного достижения к использованию не возникают.

Получение только допуска к использованию *нового сорта растения, новой породы животного* по инициативе работодателя означает переход их в общественное достояние, который по требованию закона должен осуществляться только после прекращения действия исключительного права (ст. 1425 ГК РФ). Не соответствующий закону переход нового объекта в общественное достояние лишает его создателя возможности законного приобретения права авторства на селекционное достижение и права на вознаграждение при использовании селекционного достижения работодателем (п. 2, 5 ст. 1430 ГК РФ).

Проведенное исследование привело автора к следующим выводам.

Во-первых, о необходимости расширения объема охраны селекционных достижений, первоначально с момента создания сорта растения, породы животного как произведений науки, выраженных в форме «фенотип» (п. 3 ст. 1259 ГК РФ) до момента его регистрации в качестве селекционного достижения. Права, которые не возникают и не осуществляются в регистрационной системе права на селекционное достижение, а существуют в качестве фактических конструкций, следует установить в авторско-правовой подсистеме, которая охватывает произведения науки. Это право авторства на сорт, породу, право автора на выбор наименования для регистрации под ним селекционного достижения (ст. 1419 ГК РФ), право на получение патента (ст. 1420 ГК РФ), право работодателя распорядиться правом на получение патента на новый сорт, породу (п. 4 ст. 1430 ГК РФ), право на временную правовую охрану (п. 1 ст. 1436 ГК РФ), право приоритета (п. 1 ст. 1434 ГК РФ).

Во-вторых, следует признать селекционное достижение комплексным объектом, включающим результат селекции, его наименование и генетическую конструкцию, если результат селекции был генетически модифицирован. Генетически модифицированное селекционное достижение должно охраняться правом на селекционное достижение, а интеллектуальные права на любое селекционное достижение должны распространяться на комплексный объект в целом (глава 73 ГК РФ).

В-третьих, генетически модифицированное селекционное достижение должно охраняться на основе «раздельного соавторства» как самостоятельный комплексный объект. Это позволит создать равные условия для охраны прав селекционера и автора генетической конструкции, избежать выдачи охранных документов на зависимые объекты и, таким образом, сохранить за сообладателями патента право на распоряжение правом использования генетически модифицированного селекционного достижения (ст. 1358[1] ГК РФ).

В-четвертых, необходимо объединить государственные реестры селекционных достижений в один на основе действующего критериального аппарата, дополненного требованиями к наличию у заявленного объекта хозяйственной полезности и индивидуализирующего наименования.

В-пятых, целесообразно исключить возможность перехода новых сортов растений, новых пород животных в общественное достояние без легитимации их в праве на селекционное достижение (глава 73 ГК РФ).

В-шестых, оптимальным является установление единого Государственного реестра селекционных достижений РФ, в котором будут зарегистрированы как охраняемые, так и используемые в качестве общественного достояния селекционные достижения, если охрана их прекращена.

В-седьмых, предлагаемый подход предполагает подачу заявок на получение патентов и авторских свидетельств на новые объекты, установление их охраноспособности на основе наличия хозяйственной полезности, новизны, отличимости, однородности, стабильности и индивидуализирующего наименования, выдачу патентов и авторских свидетельств на соответствующие условиям охраноспособности селекционные достижения. В связи с тем, что функция сохранения селекционного достижения закреплена за патентообладателем (ст. 1440 ГК РФ), он является сохранителем (оригинатором) в силу закона, поэтому не должен испрашивать свидетельство оригинатора. После прекращения действия патента и перехода селекционного достижения в общественное достояние лицу, желающему использовать селекционное достижение,

достаточно получить свидетельство сохранителя (оригинатора) по существующему правилу. Контроль за сохранением всех зарегистрированных в Государственном реестре селекционных достижений и оплатой пошлин за осуществление юридически значимых действий осуществляется по общему правилу. При этом из процедуры регистрации будут исключены: охрана селекционных достижений, не обладающих хозяйственной полезностью, подача заявок на допуск к использованию селекционных достижений, в том числе новых объектов без проверки их охраносопособности, выдача свидетельств на допуск и авторских свидетельств на неохраняемые патентной формой новые объекты. В целом эти меры позволят гармонизировать законодательство о селекционных достижениях и в соответствующей мере унифицировать его с законодательством по охране промышленной собственности.

В-восьмых, гармонизации законодательства о селекционных достижениях будет недостаточной без установления в праве на селекционное достижение следующих правомочий:

– права использования наименования селекционного достижения (ст. 1419 ГК РФ), которое нарушается в обороте (ст. 1446 ГК РФ);

– права сохранителя (права оригинатора) селекционного достижения, которое в законодательстве провозглашено в качестве обязанности; использование без сохранения (поддержания объекта) невозможно, на составляющие его действия должно распространяться право использования, в том числе исключительное право патентообладателя (п. 3 ст. 1421, ст. 1440 ГК РФ);

– права доступа к селекционному достижению (право на получение «семян», «племенного материала»), без которых использование селекционного достижение невозможно (п. 3 ст. 1421 ГК РФ);

– права вносить изменения в зарегистрированное наименование селекционного достижения, например, в случаях возникновения конфликта из-за тождественности или сходности до степени смешения обозначений, принадлежащих разным лицам (ст. 1419 ГК РФ).

ПРИМЕЧАНИЕ: Допуск к использованию новых сортов растений и пород животных осуществляется в соответствии с ныне действующими Правилами составления и подачи заявки на допуск селекционного достижения к использованию, утвержденными Государственной комиссией РФ по испытанию и охране селекционных достижений 14.10.1994 № 2-01/4// Официальный бюллетень (внеочередной выпуск). М., 2000. С. 46–59; Регламентом принятия решения по заявке на допуск селекционного достижения к использованию, утвержденному Госкомиссией РФ по испытанию и охране селекционных достижений 03.12.96 № 12-04/11 // Там же. с. 72–75; Приказом Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ от 10.02.1999 № 50 «О порядке регистрации оригинатора сорта растений» // Там же. с. 97–101.

Литература и источники

1. Синельникова В.Н. Создание и использование новых сортов растений как основа безопасности отечественных продуктов питания// Хозяйство и право. 2013. № 8. С. 10-19.
2. Конов А.Л., Голиков А.Г., Скрябин К.Г. Генетическое модифицирование растения: реальные и мифические риски // Российский химический журнал. 2005. т. XLIX. № 4. С. 84-91.
3. Синельникова В.Н. Проблемы правового регулирования селекционной деятельности: Дис…докт. юрид. наук. М., 1992. 274 с.
4. Синельникова В.Н., Дудургов Р.М. Правовое регулирование селекционных достижений в свете модернизации гражданского законодательства России// Евразийский юридический журнал. 2012. № 2 (45). С. 73-75.
5. Лебедев В.Ю. Правовая охрана селекционных достижений в Республике Молдова. Кишинев: издательско-полиграфическая фирма «Центральная типография», 1999. 334 с.
6. Савченко В.А. Права субъектов на селекционное достижение в растениеводстве по законодательству России. Дис… канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. 189 с.
7. Дудургов Р.М. Селекционное достижение как объект интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Дис… канд. юрид. наук. М., 2007. 166 с.
8. Орешкин В.А. Патентоспособность генетического и трансгенного материала. М.: Информационно-издательский центр Роспатента, 2005. 103 с.
9. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей. М.: Статут, 2005. 416 с.
10. Жученко А.А. Адаптивная селекция растений (эколого-генетические основы): Монография. В 2-х т. М.: Изд-во РУДН, 2001. Т. 2. 1490 с.
11. Гражданское дело № 2-318/99 по иску Чавдарь Нины Семеновны к Приднестровскому НИИ сельского хозяйства о возмещении материального ущерба и вреда (г. Тирасполь).
12. Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. М.: Юридическая литература, 1957. 280 с.
13. Гаврилов Э.П., Городов О.А., Гришаев С.П. и др. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть четвертая. М.: Проспект, 2009. 800 с.
14. Синельникова В.Н. Проблемы селекционного законодательства СССР. М.: Изд-во МСХА, 1991. 152 с.
15. Левченко В.И. Правовая охрана селекционных достижений. М.: Наука, 1983. 168 с.

16. Кузьмина Н.Г. Правовое регулирование селекционной деятельности: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 31 с.
17. Гуляев Г.В., Мальченко В.В. Словарь терминов по генетике, цитологии, селекции, семеноводству и семеноведению. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Россельхозиздат, 1983. 231 с.
18. Мамиофа И.Э. О правовой охране селекционных достижений// Вопросы изобретательства. 1969. № 1. С. 14-20.
19. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2001. 752 с.
20. Федеральный закон РФ от 17 декабря 1997 г. №149-ФЗ «О семеноводстве»// СЗ РФ. 1997. №51. Ст.5715 (ред. на 11.06.2020).
21. Федеральный закон Российской Федерации от 3 августа1995 г. № 123-ФЗ «О племенном животноводстве» // СЗ РФ. 1995. № 32 Ст. 3199.
22. Всеволожский К. Охрана и использование селекционных достижений (комментарий основных положений главы 73 ГК РФ) // Хозяйство и право. 2008. № 1. С. 3-15.
23. Гаврилов Э.П. Советское авторское право. Основные положения, тенденции развития. М.: Наука, 1984. 222 с.

References and Sources

1. Sinel'nikova V.N. Sozdanie i ispol'zovanie novyh sortov rastenij kak osnova bezopasnosti otechestvennyh produktov pitaniya// Hozyajstvo i pravo. 2013. № 8. S. 10-19.
2. Konov A.L., Golikov A.G., Skryabin K.G. Geneticheskoe modificirovanie rasteniya: real'nye i mificheskie riski // Rossijskij himicheskij zhurnal. 2005. t. XLIX. № 4. C. 84-91.
3. Sinel'nikova V.N. Problemy pravovogo regulirovaniya selekcionnoj deyatel'nosti: Dis…dokt. yurid. nauk. M., 1992. 274 s.
4. Sinel'nikova V.N., Dudurgov R.M. Pravovoe regulirovanie selekcionnyh dostizhenij v svete modernizacii grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossii// Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2012. № 2 (45). S. 73-75.
5. Lebedev V.Yu. Pravovaya ohrana selekcionnyh dostizhenij v Respublike Moldova. Kishinev: izdatel'sko-poligraficheskaya firma «Central'naya tipografiya», 1999. 334 s.
6. Savchenko V.A. Prava sub"ektov na selekcionnoe dostizhenie v rastenievodstve po zakonodatel'stvu Rossii. Dis… kand. yurid. nauk. Stavropol', 2005. 189 s.
7. Dudurgov R.M. Selekcionnoe dostizhenie kak ob"ekt intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii. Dis… kand. yurid. nauk. M., 2007. 166 s.
8. Oreshkin V.A. Patentosposobnost' geneticheskogo i transgennogo materiala. M.: Informacionno-izdatel'skij centr Rospatenta, 2005. 103 s.
9. Dozorcev V.A. Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii. Sbornik statej. M.: Statut, 2005. 416 s.
10. Zhuchenko A.A. Adaptivnaya selekciya rastenij (ekologo-geneticheskie osnovy): Monografiya. V 2-h t. M.: Izd-vo RUDN, 2001. T.2. 1490 s.
11. Grazhdanskoe delo № 2-318/99 po isku Chavdar' Niny Semenovny k Pridnestrovskomu NII sel'skogo hozyajstva o vozmeshchenii material'nogo ushcherba i vreda (g. Tiraspol').
12. Antimonov B.S., Flejshic E.A. Avtorskoe pravo. M.: Yuridicheskaya literatura, 1957. 280 c.
13. Gavrilov E.P., Gorodov O.A., Grishaev S.P. i dr. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj). Chast' chetvertaya. M.: Prospekt, 2009. 800 s.
14. Sinel'nikova V.N. Problemy selekcionnogo zakonodatel'stva SSSR. M.: Izd-vo MSKHA, 1991. 152 s.
15. Levchenko V.I. Pravovaya ohrana selekcionnyh dostizhenij. M.: Nauka, 1983. 168 s.
16. Kuz'mina N.G. Pravovoe regulirovanie selekcionnoj deyatel'nosti: Avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. M., 2004. 31 s.
17. Gulyaev G.V., Mal'chenko V.V. Slovar' terminov po genetike, citologii, selekcii, semenovodstvu i semenovedeniyu. Izd. 2-e, pererab. i dop. M.: Rossel'hozizdat, 1983. 231 s.
18. Mamiofa I.E. O pravovoj ohrane selekcionnyh dostizhenij// Voprosy izobretatel'stva. 1969. № 1. S. 14-20.
19. Sergeev A.P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federacii. Uchebnik. Izd. 2-e, pererab. i dop. M.: PBOYUL Grizhenko E.M., 2001. 752 c.
20. Federal'nyj zakon RF ot 17 dekabrya 1997 g. № 149-FZ «O semenovodstve» // SZ RF. 1997. № 51. St. 5715 (red. na 11.06.2020).
21. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 3 avgusta1995 g. № 123-FZ «O plemennom zhivotnovodstve» // SZ RF. 1995. № 32 St. 3199.
22. Vsevolozhskij K. Ohrana i ispol'zovanie selekcionnyh dostizhenij (kommentarij osnovnyh polozhenij glavy 73 GK RF) // Hozyajstvo i pravo. 2008. № 1. S. 3-15.
23. Gavrilov E.P. Sovetskoe avtorskoe pravo. Osnovnye polozheniya, tendencii razvitiya. M.: Nauka, 1984. 222 s.

ОНОПРИЕНКО ОЛЬГА ФЕДОРОВНА – преподаватель Тираспольского филиала Автономной некоммерческой организации высшего образования «Российский новый университет» (onoriko@mail.ru).
ONOPRIENKO, OLGA F. - is a lecturer at Tiraspol Branch of the RosNOU (Russian New University)

УДК 347.4 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-190-197

ПУГАЧЕВА А.С., АСКАРОВА Н.И. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ЭКОСИСТЕМУ УНИВЕРСИТЕТА

Ключевые слова: гражданско-правовое регулирование инвестиций, инвестиционная деятельность, инвестиции в образование, научно-образовательная экосистема.

Гражданско-правовое регулирование инвестиций сопряжено с возрастанием роли капитальных вложений в научных и образовательных проектах. Сформировалось два подхода к гражданско-правовому регулированию инвестиций. В рамках объектного подхода сущность гражданско-правового регулирования инвестиций определяется через категорию «объект гражданского права». В рамках деятельностного подхода сущность гражданско-правового регулирования инвестиций понимается через совокупность действий по передаче объекта и через отношения, связанные с вложением активов. Основные результаты исследования состоят в выяснении содержания научно-образовательной экосистемы вуза; установлении взаимосвязей между гражданско-правовым регулированием инвестиций и устойчивым развитием научно-образовательной экосистемы университета; комплексной характеристике гражданско-правового регулирования инвестиций в научно-образовательную экосистему университета. В содержании научно-образовательной экосистемы выделены сетевые, партисипативные, интегративные компоненты, которые генерирует процессы самоорганизации и саморазвития, стимулирует коммерциализацию инноваций, способствует минимизации рисков, ориентирует на повышение качества жизни, устойчивое развитие общества. Взаимосвязи гражданско-правового регулирования инвестиций и устойчивого развития научно-образовательной экосистемы обеспечивают поддержку инновационных

решений в сфере сквозных технологий, организацию цифровых платформ и новых объектов инфраструктуры для подготовки научных кадров и специалистов, владеющих профессиональными навыками 21 века. Комплексная характеристика гражданско-правового регулирования инвестиций включает правовое стимулирование инвестиционной деятельности, государственную поддержку инвесторов, правовые ограничения и запреты, государственный контроль и надзор. Интеграция объектного и деятельностного подходов к гражданско-правовому регулированию инвестиций в научно-образовательную экосистему университета ориентирует на совершенствование межотраслевого согласования нормативно-правовых норм, оптимизацию отношений между субъектами инвестиционной деятельности.

PUGACHEVA, A.S., ASKAROVA, N.I.

CIVIL LEGAL REGULATION OF INVESTMENTS IN THE SCIENTIFIC-EDUCATIONAL ECOSYSTEMOF THE UNIVERSITY

Key words: civil law regulation of investments, investment activities, investments in education, scientific-educational ecosystem.

Civil legal regulation of investments is associated with an increasing role of capital investments in scientific-educational projects. Two approaches to the civil law regulation of investments are formed. Within the framework of the object approach, the essence of civil law regulation of investments is defined through the category "object of civil law". Within the framework of the activity approach, the essence of civil legal regulation of investments is understood through a set of actions for the transfer of an object and through relations associated with the investment of assets. The main results of the study are to clarify the content of the scientific-educational ecosystem of the university; establishing the relationship between the civil law regulation of investments and the sustainable development of the scientific-educational ecosystem of the university; a comprehensive description of the civil law regulation of investments in the scientific-educational ecosystem of the university. In the content of the scientific-educational ecosystem, network, participatory, integrative components are highlighted that generate the processes of self-organization and self-development, stimulate the commercialization of innovations, help minimize risks, focus on improving the quality of life, sustainable development of society. The interrelationships between the civil legal regulation of investments and the sustainable development of the scientific-educational ecosystem provide support for innovative solutions in the field of end-to-end technologies, the organization of digital platforms and new infrastructure for the training of scientific personnel and specialists with professional skills of the 21st century. The complex characteristics of civil law regulation of investments include legal incentives for investment activities, state support for investors, legal restrictions and prohibitions, state control and supervision. The integration of the object and activity approaches to the civil law regulation of investments in the scientific-educational ecosystem of the university focuses on improving the intersectoral coordination of regulatory legal norms, optimizing relations between the subjects of investment activity.

Гражданско-правовое регулирование инвестиций объединяет принципы, формы и методы правотворческой, правореализующей, правоохранительной деятельности и нормы разной отраслевой принадлежности [1]. В Российской науке сформировалось два подхода к гражданско-правовому регулированию инвестиций: объектный и деятельностный [2].

В рамках объектного подхода сущность гражданско-правового регулирования инвестиций определяется через категорию «объект гражданского права» (то есть через понимание того, что вкладывают и через понимание того, во что вкладывают). Теоретическую основу объектного подхода составляют исследования инвестиционных обязательств, гражданско-правовых конструкций инвестирования [3; 4]. Предпосылки объектного подхода составляют юридически значимые классификации инвестиций, закрепленные в российском законодательстве [5]. Теоретическая значимость объектного подхода состоит в том, что он позволяет выяснить правовое содержание гражданско-правового регулирования инвестиций, усовершенствовать юридическую технику инвестирования.

В рамках деятельностного подхода сущность гражданско-правового регулирования инвестиций понимается через совокупность действий по передаче объекта, а также через отношения, связанные с вложением активов. Теоретическую основу деятельностного подхода составляют исследования сущности и содержания процесса инвестирования и активной деятельности, направленных на достижение целей инвесторов; механизмов правового регулирования инвестиционной деятельности; инвестиционных отношений, возникающих на основе инвестиционных договоров и составляющих предмет гражданско-правового регулирования [6; 7]. Предпосылки деятельностного подхода составляют: правовые формы инвестирования на основе заключения инвестиционных договоров; правовые виды и формы взаимодействия собственности и собственников, связанные с вещным правом и интеллектуальной собственностью [8; 9]. Теоретическая значимость деятельностного подхода состоит в том, что он позволяет ввести в научный оборот понятие инвестиционной деятельности как предмета гражданско-правового регулирования.

Гражданско-правовое регулирование инвестиций сопряжено с возрастанием роли капитальных вложений в процессы создания новых технологий, реализации научных и образовательных проектов [10; 11]. Эффективность гражданско-правового регулирования инвестиций в научно-образовательную экосистему университета повысится при условии интеграции объектного и деятельностного подходов. Такая интеграция обеспечит согласование

нормативных актов для повышения лояльности инвесторов, защиты их прав и законных интересов, свободы выбора инвестором объекта инвестиций.

Сущность научно-образовательной экосистемы университета состоит в интеграции научного и образовательного процессов на основе оптимизации инфраструктуры взаимоотношений, совершенствования механизмов социального партнерства, мобилизации ресурсов, трансфера технологий и компетенций для достижения синергетических результатов, обеспечивающих развитие технологических и педагогических инноваций, подготовку специалистов, владеющих профессиональными навыками 21 века, совершенствование сети непрерывного образования, а также способствующих повышению качества жизни каждого человека, устойчивому развитию общества [12]. Совершенствование научно-образовательной экосистемы университетов входит в стратегические задачи развития Российской Федерации [13]. Решение этой задачи требует инвестиций с длительными сроками окупаемости и высокой капиталоемкостью. Это актуализировало изучение проблем гражданско-правового регулирования инвестиций в научно-образовательную экосистему университета.

Объект исследования в статье - гражданско-правовое регулирование инвестиций в научно-образовательную экосистему университета. Цель состоит в том, чтобы обосновать эффективность интеграции объектного и деятельностного подходов к гражданско-правовому регулированию инвестиций в научно-образовательную экосистему университета. Методологическую основу составили общие и специальные методы познания. Общие методы составили исторический материализм, обобщение и абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия, наблюдение, логический метод [14]. Совокупность общих методов позволила установить диалектические взаимосвязи между гражданско-правовым регулированием инвестиций и устойчивым развитием научно-образовательной экосистемы университета. Специальные методы составили технико-юридический и межотраслевой метод [15; 16]. Специальные методы позволили дать адекватную оценку понятий, выяснить содержание научно-образовательной экосистемы вуза; дать комплексную характеристику гражданско-правового регулирования инвестиций в научно-образовательную экосистему университета и обосновать эффективность интеграции объектного и деятельностного подходов.

Правовую базу исследования составили: Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»; Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [17].

Основные результаты исследования состоят в выяснении содержания научно-образовательной экосистемы вуза; установлении диалектических взаимосвязей гражданско-правового регулирования инвестиций и устойчивым развитием научно-образовательной экосистемы университета; комплексной характеристике гражданско-правового регулирования инвестиций в научно-образовательную экосистему университета.

Технологическая революция, цифровизация общества, поиск новых способов организации социально-экономической реальности обусловили новый взгляд на образование, как инструмент для устойчивого развития и всеобщего благополучия, включающий осознанную целеориентированную деятельность, основанную на постоянном продуктивном взаимодействии и расширении инструментов накопления человеческого капитала.

Содержание научно-образовательной экосистемы вуза составляют следующие компоненты:

1) сетевые, соединяющие научные и образовательные структуры по разным логическим основаниям для мобилизации ресурсов, трансфера технологий и компетенций, развития и коммерциализации технологических и педагогических инноваций, успешного завершения мультипроектов, совершенствования сети непрерывного образования;

2) партисипативные, объединяющие формальные и неформальные институты для оптимизации инфраструктуры взаимоотношений, совершенствования механизмов социального партнерства, эффективного отбора опережающих индикаторов и организации рейтинговой оценки структурных подразделений и преподавателей, увеличения количества научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и числа стартапов, а также получения новых лицензий на образовательную деятельность;

3) интегративные, обеспечивающие системную целостность образования, науки и производства для подготовки специалистов, владеющих профессиональными навыками 21 века, повышения конкурентоспособности вуза, а также создания материальных (имущество) и нематериальных (патенты, лицензии, программные продукты, технологии) активов и увеличения их рентабельности.

Содержание научно-образовательной экосистемы вуза генерирует процессы самоорганизации и саморазвития, стимулирует коммерциализацию инноваций, способствует минимизации рисков, ориентирует на повышение качества жизни каждого человека, устойчивое развитие общества.

Научно-образовательная экосистема - это постоянно эволюционирующая составляющая деятельности университета, обеспечивающая раскрытие индивидуального и коллективного потенциала каждого участника, предоставляющая возможность реализации права на образование в течение всей жизни, содействующая устойчивому развитию общества и повышению качества жизни на основе осознанной консолидации субъектов отношений в сфере образования, субъектов рынка труда и институтов гражданского общества, адаптации образовательных ресурсов и технологий к требованиям цифровой экономики и потребностям учащихся.

Устойчивое развитие научно-образовательной экосистемы расширяет представления об управлении образованием, ориентирует на усиление взаимосвязи и взаимозависимости науки и образования в процессе трансфера технологий и компетенций, коммерциализации инноваций для развития научно-технического, социокультурного, художественного творчества, продвижения знаний путем проведения научных исследований и распространения их результатов, а также обеспечения равного доступа к персонализированным, коллективным, сетевым формам обучения на протяжении всей жизни.

Установлены диалектические взаимосвязи гражданско-правового регулирования инвестиций и устойчивым развитием научно-образовательной экосистемы университета:

1) эффективность гражданско-правового регулирования инвестиций повышается при условии интеграции научного и образовательного процессов, совершенствования механизмов социального партнерства, эффективного отбора опережающих индикаторов и организации рейтинговой оценки структурных подразделений и профессорско-преподавательского состава [18];

2) результативность гражданско-правового регулирования инвестиций возрастает при условии развития и коммерциализации технологических и педагогических инноваций, успешного завершения мультипроектов, создания материальных и нематериальных активов и увеличения их рентабельности [19];

3) актуализация гражданско-правового регулирования инвестиций увеличивается при условии совершенствования сети непрерывного образования, подготовки специалистов, владеющих профессиональными навыками 21 века [20];

4) значение гражданско-правового регулирования инвестиций возрастает при условии трансфера технологий и компетенций, увеличения количества научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, числа стартапов, а также получения новых лицензий на образовательную деятельность [21].

Установленные взаимосвязи обеспечивают совершенствование сотрудничества субъектов образовательных отношений, осуществление опережающей подготовки научных кадров и специалистов, владеющих профессиональными навыками 21 века; а также поддержку инновационных решений в сфере сквозных технологий, организации цифровых платформ и новых объектов инфраструктуры [22; 23].

Инвестиции в научно-образовательную экосистему университета характеризуются:

1) прибыльным вложением средств при условии сохранения количества инвестиций в стоимостном выражении и последующим получением прибыли и (или) достижением иного полезного эффекта [24];

2) ожидаемой доходностью при условии осуществления комплексного контроля и учета за инвестиционным вложением средств квалифицированным и (или) институциональным инвестором на возмездной основе [25];

3) инвестиционным риском при условии обесценивания инвестиций и (или) потери дохода от них [26];

4) договорной формой при условии разнообразия видов инвестиционной деятельности, составляющих предмет гражданско-правового или публично-правового регулирования [27];

5) последовательностью, включающей организационный, инвестиционный, предпринимательский этапы при условии возникновения, изменения, прекращения инвестиционных правоотношений [28].

Комплексная характеристика гражданско-правового регулирования инвестиций в научно-образовательную экосистему университета включает:

1) правовое стимулирование инвестиционной деятельности (совершенствование налогообложения; переоценка основных фондов в соответствии с темпами инфляции) [29];

2) государственную поддержку инвесторов (льготные условия пользования природными ресурсами; расширение использования источников финансирования строительства объектов инфраструктуры; расширение возможности использования залогов при кредитовании; развитие финансового лизинга; создание возможности формировать собственные инвестиционные фонды; предоставления на конкурсной основе государственных гарантий по инвестиционным проектам) [30];

3) правовые ограничения, запреты (проведение экспертизы инвестиционных проектов; защита от поставок морально устаревших и материалоемких, энергоемких и не наукоемких технологий, оборудования, материалов) [31];

4) государственный контроль и надзор (регулярное проведение рейтингов и публикация рейтинговых оценок субъектов инвестиционной деятельности; принятие мер по прекращению и предупреждению антимонопольного законодательства) [32].

Объектный и деятельностный подходы к гражданско-правовому регулированию инвестиций в научно-образовательную экосистему университета не противоречат друг другу. Они диалектично взаимосвязаны.

Объектный подход ориентирует на выявление сущностных характеристик инвестиций в научно-образовательную экосистему университета, которые отражают объект гражданских прав (денежные средства, оборудование, технологии, программное обеспечение), вкладываемый в научные и образовательные проекты для получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта [33].

Деятельностный подход ориентирует на установление диалектических взаимосвязей гражданско-правового регулирования инвестиций и устойчивого развития научно-образовательной экосистемы университета, которые отражают сущность инвестирования, как процесса вложения объекта гражданских прав в качестве инвестиций для поддержки фундаментальных и прикладных исследований по приоритетам научно-технологического развития и создания новых конкурентоспособных технологий и продуктов и их коммерциализации, а также подготовки кадров, способных к решению научно-технологических задач в интересах развития науки, технологий, образования, российской экономики [34; 35].

Интеграция объектного и деятельностного подходов ориентирует на комплексную характеристику гражданско-правового регулирования инвестиций в научно-образовательную экосистему университета, обеспечивающую развитие условий инвестиционной деятельности; совершенствование межотраслевого согласования нормативно-правовых норм и повышение инвестиционной привлекательности научных и образовательных проектов; результативность государственно-частного партнерства в процессе разработки, экспертизы, реализации инвестиционных проектов [36].

Практическая значимость исследования состоит в том, что выяснено содержание научно-образовательной экосистемы вуза, позволяющее оптимизировать гражданско-правовое регулирование отношений между субъектами инвестиционной деятельности и развивать вариативные формы сотрудничества (консорциумы, кластеры, корпорации, научно-образовательные центры, стратегические альянсы, картели, патентные пулы).

Литература и источники

1. Пугачева А.С. К вопросу о гражданско-правовом регулировании инвестиций // Право и практика. 2021. № 3. С. 112-120.
2. Шомесов Д.В. О регулировании инвестиций с точки зрения международного и внутреннего законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. №2 (139). С. 223-229.

3. Каменков В.С., Куницкая О.М. Источники правового регулирования инвестиций: вопросы совершенствования отдельных нормативных положений // Актуальные проблемы гражданского права. 2021. № 1(17). С. 137-150.
4. Shuvalov I. Civil law provisions to regulate investment activities. // The Rule-of-Law State: Theory and Practice. 2020. Vol. 16(3). Pp. 90–99.
5. Федеральный закон от 25.02.1999 N 39-ФЗ (в ред. 08.12.2020) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» https://docs.cntd.ru/document/901727484 (дата обращения: 25.09.2021)
6. Гуменюк Д.В., Иванова А.А. Правовое регулирование привлечения инвестиций путем размещения цифровых инструментов // Евразийский юридический журнал. 2020. № 3 (142). С. 174-176.
7. Pugacheva A., Romanova A., Lunev A. Leasing Services as a Type of Investment Activity: Russian Experience of Legal Regulation // Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference 'Current problems of social and labour relations' (ISPC-CPSLR 2020). Atlantis Press. 2020. P. 530-534.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) http://base.garant.ru/10164072/#friends (дата обращения: 25.09.2021)
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 28.04.2020) http://base.garant.ru/10164072/#friends (дата обращения: 25.09.2021)
10. Terentyeva I., Lunev A., Kashina S., Sadrieva L., Korolyuk I., Pugacheva N. The virtual construction site: knowledge management in virtual environments // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2020. Т. 15. № 13. P. 81-95.
11. Levchenko I., Dmytriieva O., Shevchenko I., Britchenko I., Kruhlov V., Avanesova N., Solodovnik O. Development of a Method for Selected Financing of scientific And Educational institutions Through targeted Capital Investment in the Development of innovative Technologies // Eastern-European Journal of Enterprise Technologies. 2021. Vol. 3. Pp. 55-62.
12. Usak M., Hsieh M.Y., Chan Y.K. Concretizing research on making higher-education sustainability count// Sustainability (Switzerland). 2021. Vol. 13(5). Pp.1-14.
13. Eremchenko O.A., Kurakov F.A. Investment Strategies and Tools of Foreign and Russian Universities // The Economics of Science. 2021. Vol. 7(2). Pp. 88–110.
14. Кузнецова О.А. Методы научного исследования в цивилистических диссертациях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. №4 (26). С. 254-270.
15. Хужин А.М. Технико-юридический метод в цивилистических диссертациях // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2020. Т. 2. № 2. С. 281-296.
16. Komissarova E.G. Parameters of the methodology of jurisprudence in their functional value (on the Example of Civil Law) // Methodological problems of the civil law researches. 2021. Vol. 3(3). Pp. 50-75.
17. Федеральный закон от 09.07.1999 N 160-ФЗ (в ред. От 02.07.2021) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» https://docs.cntd.ru/document/901738493 (дата обращения: 25.09.2021)
18. Lunev A.N., Pugacheva N.B., Stukolova L.Z. Development strategies for professional educational services under the increasing autonomy of territories within the federal state // Actual Problems of Economics. 2014. Vol. 160 (1). Pp. 215-220.
19. Iacobucci D., Micozzi A., Piccaluga A. An empirical analysis of the relationship between university investments in Technology Transfer Offices and academic spin-offs // R and D Management. 2021. Vol. 51(1). Pp. 3–23.
20. Pugacheva N., Kirillova T., Kirillova O., Luchinina A., Korolyuk I., Lunev A. Digital Paradigm in Educational Management: The Case of Construction Education Based on Emerging Technologies // International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET). 2020. Vol.15. n. 13. Pp. 96-115.
21. Mascarenhas C., Marques C.S., Ferreira J.J., Galvão A.R. The influence of research and innovation strategies for smart specialization (Ris3) on university-industry collaboration // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2021. Vol.7(1).
22. Liu L., Gao L. Financing university sustainability initiatives in China: actors and processes // International Journal of Sustainability in Higher Education. 2021. Vol. 22(1). Pp. 44–58.
23. Ivanov V.G., Barabanova S.V., Shagieva R.V., Chikisheva N.M., Lunev A.N., Volkova N.V., Nabiullina K.R., Spirina E.V. The Essence and Content of State Regulation of Services Development in Conditions of Increasing Autonomy of Federal State Entities // International Review of Management and Marketing. 2016. Vol. 6. No 2S. Pp. 149-154.
24. Belikova K., Badaeva N., Akhmadova M., Khoshobina N. Specifics of the mechanism of civil regulation of investment relations: Russia's results // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Vol. 9(3). Pp. 894–904.
25. Казаченок О.П. Привлечение инвестиций с использованием инвестиционных платформ (краудфандинг): направления развития правового регулирования // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 8(72). С. 74-85.
26. Кузнецова М.В. Риски убытков инвестора и риски неисполнения обязательств получателем инвестиций в дистанционно-цифровых инвестиционных сделках и их значение для гражданско-правового регулирования // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35. С. 2473-2477.
27. Markova O.V., Yevgenievna Listopad E., Shelygov A.V., Fedorov A.G., Kiselevich I.V. Economic and legal aspects of the innovative activity of enterprises in the context of the digital economy // Nexo Revista Científica. 2021. Vol. 34(02). Pp. 964–972.
28. Хан А.А., Оруджов Т.Ф, Костюкевич К.А. Проблемы правового регулирования венчурных инвестиций // Закон и право. 2020. № 8. С. 175-178.
29. Меркушова О.В. Правовое регулирование стимулирующего развития инвестиций и инновационной деятельности субъектов Российской Федерации (на примерах Москвы, Московской области и северных регионов Российской Федерации) // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 1. С. 97-108.
30. Minkeev O., Sharonov S. Legal regulation of investment activity in the republic of Kalmykia in the context of the digital economy development: the civil aspect // SHS Web of Conferences. - 109. – 2021. - 01022.
31. Буторина Т.Н., Шпилевой П.Д., Бычков А.Н. Международно-правовое регулирование иностранных инвестиций // Актуальные вопросы современной науки и образования: сборник статей X Международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 2. Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2021. С. 140-143.
32. Hladynets N., Ryashko N. Theoretical framework for investment and innovation processes of territorial development // Economic Scope. 2021. Vol.169. Pp. 56-60.

33. Padilla-Meléndez A., Fuster E., Lockett N., Del-Aguila-Obra A.R. Knowledge spillovers, knowledge filters and entrepreneurial university ecosystems. Emerging role of university-focused venture capital firms // Knowledge Management Research and Practice. 2021. Vol. 19(1). Pp. 94–105.
34. Lunev A.N., Safin R.S., Korchagin E.A., Sharafutdinov D.K., Suchkova T.V., Kurzaeva L.V., Nikishina S.R., Kuznetsova N.A. The Mechanism of Industrial Educational Clusters Creation as Managerial Entities of Vocational Education // International Review of Management and Marketing. 2016. Vol. 6. No 2S. Pp. 166-171.
35. Acosta Loayza G.I., Reyes Bernardo N.A., Arancibia Calle M.E. Returns to Investment in University Education - Economics Career at Continental University // Research in World Economy. 2021. Vol. 12(1). Pp. 166.
36. Свечников В.А. Актуальные вопросы правового регулирования инвестиционной деятельности в Российской Федерации // Экономика. Право. Общества. 2019. №1. С. 82-87.
37. Кожевина О.В. Интеграция инвестиционных стратегий в систему стратегического планирования развития территорий // Управление. 2019. №2. С. 87-94.

References and Sources

1. Pugacheva A.S. K voprosu o grazhdansko-pravovom regulirovanii investicij // Pravo i praktika. 2021. № 3. S. 112-120.
2. Shomesov D.V. O regulirovanii investicij s tochki zreniya mezhdunarodnogo i vnutrennego zakonodatel'stva // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2021. №2 (139). S. 223-229.
3. Kamenkov V.S., Kunickaya O.M. Istochniki pravovogo regulirovaniya investicij: voprosy sovershenstvovaniya otdel'nyh normativnyh polozhenij // Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava. 2021. № 1(17). S. 137-150.
4. Shuvalov I. Civil law provisions to regulate investment activities. // The Rule-of-Law State: Theory and Practice. 2020. Vol. 16(3). Rp. 90–99.
5. Federal'nyj zakon ot 25.02.1999 N 39-FZ (v red. 08.12.2020) «Ob investicionnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii, osushchestvlyaemoj v forme kapital'nyh vlozhenij» https://docs.cntd.ru/document/901727484 (data obrashcheniya: 25.09.2021)
6. Gumenyuk D.V., Ivanova A.A. Pravovoe regulirovanie privlecheniya investicij putem razmeshcheniya cifrovyh instrumentov // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 3 (142). S. 174-176.
7. Pugacheva A., Romanova A., Lunev A. Leasing Services as a Type of Investment Activity: Russian Experience of Legal Regulation // Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference 'Current problems of social and labour relations' (ISPC-CPSLR 2020). Atlantis Press. 2020. R. 530-534.
8. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 31.07.2020) http://base.garant.ru/10164072/#friends (data obrashcheniya: 25.09.2021)
9. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 N 14-FZ (red. ot 27.12.2019, s izm. ot 28.04.2020) http://base.garant.ru/10164072/#friends (data obrashcheniya: 25.09.2021)
10. Terentyeva I., Lunev A., Kashina S., Sadrieva L., Korolyuk I., Pugacheva N. The virtual construction site: knowledge management in virtual environments // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2020. T. 15. № 13. R. 81-95.
11. Levchenko I., Dmytriieva O., Shevchenko I., Britchenko I., Kruhlov V., Avanesova N., Solodovnik O. Development of a Method for Selected Financing of scientific And Educational institutions Through targeted Capital Investment in the Development of innovative Technologies // Eastern-European Journal of Enterprise Technologies. 2021. Vol. 3. Pp. 55-62.
12. Usak M., Hsieh M.Y., Chan Y.K. Concretizing research on making higher-education sustainability count// Sustainability (Switzerland). 2021. Vol. 13(5). Rp.1-14.
13. Eremchenko O.A., Kurakov F.A. Investment Strategies and Tools of Foreign and Russian Universities // The Economics of Science. 2021. Vol. 7(2). Pp. 88–110.
14. Kuznecova O.A. Metody nauchnogo issledovaniya v civilisticheskih dissertaciyah // Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki. 2014. №4 (26). S. 254-270.
15. Huzhin A.M. Tekhniko-yuridicheskij metod v civilisticheskih dissertaciyah // Metodologicheskie problemy civilisticheskih issledovanij. 2020. T. 2. № 2. S. 281-296.
16. Komissarova E.G. Parameters of the methodology of jurisprudence in their functional value (on the Example of Civil Law) // Methodological problems of the civil law researches. 2021. Vol. 3(3). Pp. 50-75.
17. Federal'nyj zakon ot 09.07.1999 N 160-FZ (v red. Ot 02.07.2021) «Ob inostrannyh investiciyah v Rossijskoj Federacii» https://docs.cntd.ru/document/901738493 (data obrashcheniya: 25.09.2021)
18. Lunev A.N., Pugacheva N.B., Stukolova L.Z. Development strategies for professional educational services under the increasing autonomy of territories within the federal state // Actual Problems of Economics. 2014. Vol. 160 (1). Pp. 215-220.
19. Iacobucci D., Micozzi A., Piccaluga A. An empirical analysis of the relationship between university investments in Technology Transfer Offices and academic spin-offs // R and D Management. 2021. Vol. 51(1). Pp. 3–23.
20. Pugacheva N., Kirillova T., Kirillova O., Luchinina A., Korolyuk I., Lunev A. Digital Paradigm in Educational Management: The Case of Construction Education Based on Emerging Technologies // International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET). 2020. Vol.15. n. 13. Pp. 96-115.
21. Mascarenhas C., Marques C.S., Ferreira J.J., Galvão A.R. The influence of research and innovation strategies for smart specialization (Ris3) on university-industry collaboration // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2021. Vol.7(1).
22. Liu L., Gao L. Financing university sustainability initiatives in China: actors and processes // International Journal of Sustainability in Higher Education. 2021. Vol. 22(1). Pp. 44–58.
23. Ivanov V.G., Barabanova S.V., Shagieva R.V., Chikisheva N.M., Lunev A.N., Volkova N.V., Nabiullina K.R., Spirina E.V. The Essence and Content of State Regulation of Services Development in Conditions of Increasing Autonomy of Federal State Entities // International Review of Management and Marketing. 2016. Vol. 6. No 2S. Pp. 149-154.
24. Belikova K., Badaeva N., Akhmadova M., Khoshobina N. Specifics of the mechanism of civil regulation of investment relations: Russia's results // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Vol. 9(3). Pp. 894–904.
25. Kazachenok O.P. Privlechenie investicij s ispol'zovaniem investicionnyh platform (kraudfanding): napravleniya razvitiya pravovogo regulirovaniya // Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina. 2020. № 8(72). S. 74-85.
26. Kuznecova M.V. Riski ubytkov investora i riski neispolneniya obyazatel'stv poluchatelem investicij v distancionno-cifrovyh investicionnyh sdelkah i ih znachenie dlya grazhdansko-pravovogo regulirovaniya // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2021. № 35. S. 2473-2477.
27. Markova O.V., Yevgenievna Listopad E., Shelygov A.V., Fedorov A.G., Kiselevich I.V. Economic and legal aspects of the innovative activity of enterprises in the context of the digital economy // Nexo Revista Científica. 2021. Vol. 34(02). Pp. 964–972.
28. Han A.A., Orudzhov T.F, Kostyukevich K.A. Problemy pravovogo regulirovaniya venchurnyh investicij // Zakon i pravo. 2020. № 8. S. 175-178.
29. Merkushova O.V. Pravovoe regulirovanie stimuliruyushchego razvitiya investicij i innovacionnoj deyatel'nosti sub"ektov Rossijskoj Federacii (na primerah Moskvy, Moskovskoj oblasti i severnyh regionov Rossijskoj Federacii) // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, ekonomika, pravo. 2019. № 1. S. 97-108.
30. Minkeev O., Sharonov S. Legal regulation of investment activity in the republic of Kalmykia in the context of the digital economy development: the civil aspect // SHS Web of Conferences. - 109. – 2021. - 01022.

31. Butorina T.N., Shpilevoj P.D., Bychkov A.N. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie inostrannyh investicij // Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki i obrazovaniya: sbornik statej H Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2 ch. CH. 2. Penza: MCNS «Nauka i prosveshchenie», 2021. S. 140-143.
32. Hladynets N., Ryashko N. Theoretical framework for investment and innovation processes of territorial development // Economic Scope. 2021. Vol.169. Pp. 56-60.
33. Padilla-Meléndez A., Fuster E., Lockett N., Del-Aguila-Obra A.R. Knowledge spillovers, knowledge filters and entrepreneurial university ecosystems. Emerging role of university-focused venture capital firms // Knowledge Management Research and Practice. 2021. Vol. 19(1). Pp. 94–105.
34. Lunev A.N., Safin R.S., Korchagin E.A., Sharafutdinov D.K., Suchkova T.V., Kurzaeva L.V., Nikishina S.R., Kuznetsova N.A. The Mechanism of Industrial Educational Clusters Creation as Managerial Entities of Vocational Education // International Review of Management and Marketing. 2016. Vol. 6. No 2S. Pp. 166-171.
35. Acosta Loayza G.I., Reyes Bernardo N.A., Arancibia Calle M.E. Returns to Investment in University Education - Economics Career at Continental University // Research in World Economy. 2021. Vol. 12(1). Pp. 166.
36. Svechnikov V.A. Aktual'nye voprosy pravovogo regulirovaniya investicionnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii // Ekonomika. Pravo. Obshchestva. 2019. №1. S. 82-87.
37. Kozhevina O.V. Integraciya investicionnyh strategiĭ v sistemu strategicheskogo planirovaniya razvitiya territoriĭ // Upravlenie. 2019. №2. S. 87-94.

ПУГАЧЕВА АННА СЕРГЕЕВНА – заместитель генерального директора по юридическим вопросам ООО «Авангард».
АСКАРОВА НАИЛЯ ИЛЬГИЗОВНА - директор Казанского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (askarova-ni@ranepa.ru).
PUGACHEVA, ANNA S. - Deputy General Director for Legal Issues, Avangard LLC (anna.pugacheva1997@yandex.ru).
ASKAROVA, NAILYA I. - Director of the Kazan Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (askarova-ni@ranepa.ru)

УДК 347.213 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-197-201

ШЕРЕМЕТЬЕВА Н.В.
НЕДОБРОСОВЕТСНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОБСТВЕННИКОВ МИКРОДОЛЕЙ В ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ

Ключевые слова: незначительная (несущественная) доля, общая долевая собственность, недобросовестное поведение, злоупотребление правом, принудительный выкуп доли, право собственности, прекращение права собственности, жилое помещение.

При владении небольшой долей в жилом помещении сталкиваются несколько важных правовых гарантий, закрепленных в Конституции РФ. В Конституции гарантированы: охрана законом права на частную собственность; право распоряжаться собственным имуществом по своему усмотрению; возможность прекращения права на частную собственность только по решению суда. С одной стороны, Конституция РФ гарантирует, что собственник имущества может реализовывать принадлежащие ему правомочия по своему усмотрению, но, с другой стороны, собственник должен реализовывать свои права так, чтобы не ущемлять права и интересы других граждан. На практике найти баланс между собственными и чужими правами становится невозможным, когда речь идет о распоряжении незначительной (несущественной) долей в жилом помещении. Главным образом, содержание данной статьи направлено на поиск решений практических проблем, возникающих между сособственниками жилых помещений. Отмечено, что основная нагрузка в защите прав собственников жилья от недобросовестных действий «профессиональных соседей» ложится на суды, так как судья может рассмотреть всю совокупность обстоятельств в каждом конкретном случае и принять решение по внутреннему убеждению.

SHEREMETEVA, N.V.
UNFAIR BEHAVIOR OF OWNERS OF MICRO SHARES IN LIVING QUARTERS

Key words: minor (insignificant) share, common share ownership, unfair behavior, abuse of rights, compulsory acquisition of a share, ownership, termination of ownership, residential premises (living quarters, dwelling).

Several important legal guarantees related to owning a small share in living quarters enshrined in the Constitution of the Russian Federation collide. The Constitution guarantees: protection by law of the right; the right to dispose of their own property at their own discretion; the possibility of terminating the right to private property only by a court decision. On the one hand, the Constitution of the Russian Federation guarantees that the owner of the property can exercise his powers at his own discretion, but on the other hand, the owner must exercise his rights so as not to infringe on the rights and interests of other citizens. In practice, it becomes impossible to find a balance between one's own and another's rights when it comes to disposing of a minor (insignificant) share in a dwelling. Mainly, the content of this article is aimed at finding solutions to practical problems that arise between co-owners of residential premises. It is noted that the main burden in protecting the rights of homeowners from unfair actions of "professional neighbors" falls on the courts, since the judge can consider the entire set of circumstances in each particular case and make a decision based on inner conviction.

В настоящее время появление микродоли в жилом помещении в большинстве случаев становится причиной возникновения конфликтов между сособственниками. Собственник микродоли препятствует реализации прав других собственников, которые обладают большими долями. Так называемые «черные риэлторы», пользуясь возможностью делить жилое помещение на «микродоли», применяют недобросовестные приемы, чтобы выселить реальных собственников квартиры. А.С. Пряженникова и И.М. Авзалов в своих работах пишут о новом виде социального терроризма, осуществляемого собственниками микродолей в отношении собственников больших долей в жилом помещении. В оборот вошло понятие «профессиональные соседи», которым обозначаются собственники «микродолей», злоупотребляющие собственными правами [1, с. 174 - 180.].

«Профессиональные соседи» зачастую не нуждаются в использовании «микродоли», но, заполучив её, стараются продать эту мизерную часть по цене, гораздо выше рыночной, а если у добросовестного собственника нет таких денег, то «профессиональные соседи» совершают действия, препятствующие реализации прав сособственника или затрудняющие реализацию прав.

Недобросовестное поведение или злоупотребление правом со стороны владельцев несущественных долей в жилом поведении выглядит как законная реализация их прав, но их правомочия реализуются таким образом, что добросовестные собственники вынуждены уходить из своих квартир, и часто становятся всего лишь номинальными собственниками.

В таких ситуациях необходима эффективная правовая и судебная защита, но прецедента, или единой судебной практики пока не сложилось.

Права собственников больших долей, в определенной степени, защищаются нормой гражданского законодательства, содержащейся в части 4 статьи 252 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), в которой говорится о том, что сособственнику незначительной части вещи может быть компенсирована ее стоимость в денежной форме или в другом эквиваленте. Тем самым устраняется несоразмерность соотношения доли собственника с общей стоимостью вещи [2]. Однако на практике зачастую получается так, что предусмотренное статьей 250 ГК РФ преимущественное право на покупку части собственности зачастую не дает защиты от передачи «микродоли» третьим лицам, так как собственник «микродоли» может передать её по договору дарения, на который не распространяется преимущественное право.

В 2012 году Президентом РФ в Государственную Думу на обсуждение выносился проект Федерального закона № 47538-6, в котором содержался запрет на дробление вещи на части, в результате которого собственники утратят возможность пользоваться общим имуществом в соответствии с его назначением. Данный документ однако же не был принят, а потому изменений в системе правовой защиты от недобросовестных сособственников не произошло, хотя Государственная Дума рассматривала и другие законопроекты [3].

Депутаты Государственной думы внесли предложение о внесении изменений в Закон «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». В соответствии с этим законопроектом предлагалось установить запрет на вселение и на регистрацию гражданина в жилом помещении, если его доля составляет меньше учетной нормы, предусмотренной статьей 50 Жилищного кодекса Российской Федерации. Данный законопроект был принят только в первом чтении, но авторы законопроекта считают, что такие изменения в законодательстве могли бы защитить добросовестных собственников жилых помещений от злоупотреблений со стороны собственников «микродолей» [4].

Недостаток предлагаемых изменений в том, что авторы долю жилого помещения сопоставляют с общей площадью жилого помещения, но «микродоля», какая бы она ни была, это идеальная доля, так как, по сути, это доля в праве, а не в жилом помещении.

Также, лицо, приобретающее каким-либо образом незначительную долю в жилом помещении, обладает презумпцией добросовестного поведения, т.е. нет оснований думать, что «микродоля» ему нужна обязательно для злоупотребления правом в ущерб основному собственнику жилого помещения. Полный запрет на выделение «микродоли» в праве собственности на жилое помещение ограничит право собственности обеих сторон, так как в полной мере ни одна из них не сможет реализовать свои права.

По всей видимости, проблемы, возникающие между сособственниками, одному из которых принадлежит незначительная доля в жилом помещении, должны решаться на уровне суда при рассмотрении всех обстоятельств в каждом конкретном случае.

Так, в 2013 году Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ), рассмотрев дело по иску гражданки К. о вселении в квартиру, в которой она имела право собственности на 1/40 часть, оставил иск без удовлетворения. Судом были разделены два права. То, что гражданка К. имела долю в праве собственности, еще не означало, что у неё было право на вселение в квартиру, в которой она имела часть права. Суд разъяснил, что «микродоли» являются такими вещами, право собственности на которые не может быть реализовано другим способом, кроме как получением компенсации за них. Гражданка К., не смогла бы выделить в квартире свою часть (площадь

которой не составляла даже одного квадратного метра) так, чтобы пользоваться ею как реальным жилым помещением, понятие которого дано в Жилищном кодексе РФ [5].

В части 4 статьи 252 ГК РФ законодатель также устанавливает возможность принудительного выкупа «микродоли» по решению суда. Однако суд должен установить наличие всех обстоятельств, указанных в диспозиции статьи. Во-первых, доля не может быть выделена в натуре, как отдельная вещь. Во-вторых, размер доли в общей вещи должен являться незначительным. В-третьих, следует установить, что собственник не проявляет реального интереса в использовании незначительной доли.

На практике не всегда доля собственника признается незначительной, хотя другие собственники считают, что доля сособственника незначительная и обращаются в суд о прекращении права собственника и принудительном выкупе «микродоли». В тех случаях, когда в жилом помещении с площадью 18 квадратных метров выделена доля в размере 1/60, суд однозначно признает долю в размере жилого помещения незначительной и выносит решение о прекращении права собственности и выкупе доли другими сособственниками в принудительном порядке, но если в собственности находится ¼ от жилого помещения в 60 квадратных метров, то в данном случае суд решает дело, исходя из конкретных обстоятельств, и может не признать долю незначительной.

Для примера можно рассмотреть два аналогичных иска.

Бийским районным судом Алтайского края был рассмотрен иск гражданки А. о признании доли гражданина С. незначительной, о прекращении его права собственности и о принудительном выкупе доли гражданина С. По результатам проверки было установлено, что гражданка А. действует в интересах своих несовершеннолетних детей, которым, как и ей, принадлежат по 1/5 доли в квартире площадью 37,6 квадратных метров. Доля гражданина С., составляющая в размере жилого помещения 7,52 метров квадратных не может быть выделена в натуре в силу конструктивных особенностей жилого помещения. Совместно проживать гражданка А. и её несовершеннолетние дети с гражданином С. не могут, поэтому они проживают в различных местах, постоянно переезжая, а гражданин С. проживает в спорном жилом помещении. Применив часть 4 статьи 252 ГК РФ, суд удовлетворил исковые требования гражданки А., так как гражданин С. не имел существенного интереса к использованию общего имущества, что подтверждалось его личным заявлением. При этом доля гражданина С. отвечала условиям незначительности и не могла быть выделена в натуре [6].

Подобный иск, рассмотренный в 2016 году Железнодорожным районным судом г. Барнаула не был удовлетворен. По материалам данного дела гражданки Т. и Н. обратились с иском к гражданке А. о признании её доли незначительной, о прекращении её права собственности и о принудительно выкупе её доли. Гражданки Т. и Н. обладали правом собственности на жилое помещение в размере 4/18 от его площади каждая. Гражданка А. обладала правом собственности на 10/18 жилого помещения. Соистцы обосновывали свои требования тем, что гражданка А. не проживает в спорном жилом помещении довольно длительное время, не зарегистрирована в нем, не оплачивает коммунальные услуги, из-за чего накопился долг в размере 80000 рублей, а доля гражданки А. не может быть выделена в натуре. Суд отказал в исковых требованиях, так как в данном случае невозможно применить часть 4 статьи 252 ГК РФ. Доля гражданки А. составляет более половины двухкомнатной квартиры площадью 40,3 квадратных метра и не может быть признана незначительной, кроме того, гражданка А. не согласна на получение компенсации и проявляет существенный интерес использовать общее имущество в будущем [7].

В данных двух случаях видно, что суды руководствуются наличием или отсутствием условий, указанных в части 4 статьи 252 ГК РФ. В 2008 году Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ) разъяснил о том, что часть 4 статьи 252 ГК РФ должна применяться при наличии всех условий, указанных в диспозиции, и при прямом изъявлении собственника о выделе его доли в натуре [8].

По иску, рассматриваемому Железнодорожным районным судом города Барнаула, таких условий установлено не было. Гражданка А. не заявляла требования о выделе своей доли в натуре, её доля не была признана незначительной, и она проявляла существенный интерес в использовании общего имущества. Однако в её действиях усматриваются определенные признаки злоупотребления своим правом, так как она не исполняет своих обязанностей по уплате

коммунальных услуг и, не проживая в спорном жилом помещении, делает невозможным проживание в нем гражданок Т. и Н., но эти вопросы могут быть решены административным способом.

Как видно по содержанию диспозиции части 4 статьи 252 ГК РФ, законодатель употребляет оценочное понятие, носящее субъективный характер, «существенный интерес». В связи с этим Пленумы Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ в 1996 году разъяснили, что, в связи с субъективностью понятия «существенный интерес», часть 4 статьи 252 ГК РФ должна применяться судами с подробным рассмотрением всех обстоятельств в каждом конкретном случае. В совместном Постановлении Пленумов ВС РФ и ВАС РФ сказано, что должна также оцениваться «нуждаемость» в использовании имущества в силу здоровья собственника, его возраста, наличия несовершеннолетних детей или нетрудоспособных членов семьи и т.д. [9]

Следовательно, если бы по иску гражданки А., заявленному в интересах троих несовершеннолетних детей, гражданин А. не согласился принять компенсацию и продолжал бы настаивать на своем праве пользоваться жилым помещением, тем самым проявляя недобросовестное поведение по отношению к своей бывшей жене и трем несовершеннолетним детям, то суд принял бы все равно положительное решение по иску гражданки А., встав на защиту интересов несовершеннолетних детей.

Таким образом, нужно признать, что определенные шаги в совершенствовании законодательства в отношении выделения незначительных долей в жилом помещении необходимо делать. Например, следует усовершенствовать нормы о преимущественном праве на приобретение таких долей в собственность, чтобы предотвратить обход закона или ограничить возможности его обхода. Однако нужно также признать, что основная нагрузка в защите прав собственников жилья от недобросовестных действий «профессиональных соседей» ложится на суды, так как судья может рассмотреть всю совокупность обстоятельств в каждом конкретном случае и принять решение по внутреннему убеждению. Законодатель же не может предусмотреть всех возможных ситуаций в одном нормативном акте, о чем свидетельствует наличие многочисленных фактов злоупотребления правом и недобросовестного поведения не только со стороны собственников «микродолей» в жилых помещениях, но и участников других сфер гражданских правоотношений.

Литература и источники

1. *Пряженникова А.С., Авзалов И.М.* Профессиональные соседи» как социальный терроризм // Актуальные проблемы взаимодействия общественности с органами государственной власти и органами местного самоуправления: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Саранск: Издательство «ЮрЭксПрактик», 2020. 248 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (в ред. Федерального закона РФ от 28.06.2021 г. № 225-ФЗ) // СЗ РФ. 05.12.1994. №32. ст. 3301.

3. Проект Федерального закона Российской Федерации от 27 апреля 2012 года № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // https://docs.cntd.ru. (дата обращения 02.10.2021 г.).

4. Проект Федерального закона Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 346930-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // https://docs.cntd.ru. (дата обращения 02.10.2021 г.).

5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 декабря 2013 года № 4-КГ13-32 [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru. (дата обращения 02.10.2021 г.).

6. Решение Бийского районного суда Алтайского края от 22 июля 2020 года по делу № 2-325/2020 [Электронный ресурс] // https://sudact.ru. (дата обращения 02.10.2021 г.).

7. Решение Железнодорожного районного суда г. Барнаула от 19 октября 2016 года по делу № 2-3176/2016 [Электронный ресурс] // https://sudact.ru. (дата обращения 02.10.2021 г.).

8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2008 года № 242-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Сангаджиева Анатолия Анатольевича и Сидорова Олега Анатольевича на нарушение их конституционных прав абзацем вторым пункта 4 статьи 252 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru. (дата обращения 02.10.2008 г.).

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 июля 1996 года № 6/8 «О некоторых вопросах применения судами части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (в ред. Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 г. №49) [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru. (дата обращения 02.10.2021 г.).

References and Sources

1. Pryazhennikova A.S., Avzalov I.M. Professional'nye sosedi» kak social'nyj terrorizm // Aktual'nye problemy vzaimodejstviya obshchestvennosti s organami gosudarstvennoj vlasti i organami mestnogo samoupravleniya: Materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Saransk: Izdatel'stvo «YurEksPraktik», 2020. 248 s.

2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30 noyabrya 1994 goda № 51-FZ (v red. Federal'nogo zakona RF ot 28.06.2021 g. № 225-FZ) // SZ RF. 05.12.1994. №32. st. 3301.

3. Proekt Federal'nogo zakona Rossijskoj Federacii ot 27 aprelya 2012 goda № 47538-6 «O vnesenii izmenenij v chasti pervuyu, vtoruyu, tret'yu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // https://docs.cntd.ru. (data obrashcheniya 02.10.2021 g.).

4. Proekt Federal'nogo zakona Rossijskoj Federacii ot 21 dekabrya 2017 goda № 346930-7 «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // https://docs.cntd.ru. (data obrashcheniya 02.10.2021 g.).
5. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 3 dekabrya 2013 goda № 4-KG13-32 [Elektronnyj resurs] // http://www.consultant.ru. (data obrashcheniya 02.10.2021 g.).
6. Reshenie Bijskogo rajonnogo suda Altajskogo kraya ot 22 iyulya 2020 goda po delu № 2-325/2020 [Elektronnyj resurs] // https://sudact.ru. (data obrashcheniya 02.10.2021 g.).
7. Reshenie Zheleznodorozhnogo rajonnogo suda g. Barnaula ot 19 oktyabrya 2016 goda po delu № 2-3176/2016 [Elektronnyj resurs] // https://sudact.ru. (data obrashcheniya 02.10.2021 g.).
8. Opredelenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 7 fevralya 2008 goda № 242-O-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdan Sangadzhieva Anatoliya Anatol'evicha i Sidorova Olega Anatol'evicha na narushenie ih konstitucionnyh prav abzacem vtorym punkta 4 stat'i 252 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // http://www.consultant.ru. (data obrashcheniya 02.10.2008 g.).
9. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii i Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 1 iyulya 1996 goda № 6/8 «O nekotoryh voprosah primeneniya sudami chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» (v red. Postanovleniya Plenuma VS RF ot 25.12.2018 g. №49) [Elektronnyj resurs] // http://www.consultant.ru. (data obrashcheniya 02.10.2021 g.).

ШЕРЕМЕТЬЕВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА - помощник судьи Арбитражного суда Приморского края, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, соискатель Российского государственного университета правосудия (nata-sheremet@mail.ru).
SHEREMETEVA, NATALIA V. - Assistant Judge of the Arbitration Court of the Primorsky Territory, Senior Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of the Vladivostok State University of Economics and Service, applicant for the Russian State University of Justice (nata-sheremet@mail.ru)

УДК 343.2 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-201-205

ЛАПТЕВ Д.А.

МОТИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОСТИ И ЕЕ КАДАСТРОВОЙ ОЦЕНКИ

Ключевые слова: регистрация прав, кадастровый учет, Единый государственный реестр недвижимости, квалификация преступлений, недвижимое имущество, мотив преступления, цель преступления, интерес, корыстная или иная личная заинтересованность, ложно понятые интересы службы.

В статье рассматриваются мотивы преступлений, совершаемых в сфере регистрации недвижимости и ее кадастровой оценки. Отмечаются особенности проявления корыстной и иной личной заинтересованности, нашедшие отражение в нормах ст. 170 УК РФ. Показано, что нормы ст. 170 УК РФ «личную заинтересованность» подразделяют на «корыстную» и «иную». В данном случае, их следует понимать так же, как они отображаются в абз. 2 и 3 п. 16 Постановления ВС РФ от 16.10.2009г. № 19, по смыслу которых корыстная заинтересованность сопряжена с выгодой имущественного характера (льготы, кредит, погашение долга и т.д.), а иная личная заинтересованность сопровождается выгодой неимущественного характера (карьеризм, семейственность, взаимная услуга и т.д.). На фоне теоретического и законодательного материала, а также на отдельных примерах судебной практики проводится рассмотрение мотивов преступления в связи с ложно понятыми интересами службы. Обоснован вывод о том, что требуется дополнительное их изучение для надлежащего отграничения от иной личной заинтересованности.

LAPTEV, D.A.

THE MOTIVE OF CRIMES IN THE FIELD OF REAL ESTATE REGISTRATION AND ITS CADASTRE VALUATION

Key words: registration of rights, cadastral registration, maintaining the Unified State Register of Real Estate, qualification of crimes, real estate, the motive of the crime, the purpose of the crime, interest, selfish or other personal interest, misunderstood interests of the service.

The article considers the motives of crimes committed in the field of real estate registration and its cadastral valuation. The features of manifestation of selfish and other personal interest, which are reflected in the norms of Art. 170 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is shown that the norms of Art. 170 of the Criminal Code of the Russian Federation, "personal interest" is divided into "selfish" and "other". In this case, they should be understood in the same way as they are displayed in par. 2 and 3, clause 16 of the Resolution of the RF Armed Forces dated 16.10.2009. No. 19, in the meaning of which selfish interest is associated with a property benefit (benefits, credit, debt repayment, etc.), and other personal interest is accompanied by a non-property benefit (careerism, nepotism, mutual service, etc.). Against the background of theoretical and legislative material, as well as on individual examples of judicial practice, the motives of the crime are considered in connection with the falsely understood interests of the service. It is substantiated the conclusion that their additional study is required to properly differentiate from other personal interests.

Соблюдение запретов, ограничений, а также выполнение требований и обязанностей к должностному лицу, являются индикатором правильной мотивации служащего, которая не допускает отклонений от основных целей и задач, закрепляющихся при учреждении органа (организации), его структурного подразделения, а также определенной должности. Любое пренебрежение к приведенным условиям тесно связано с наличием у должностного лица побуждений, не соотносимых с выполнением поставленных служебных целей и задач. В данном случае, речь идет тех элементах, которые соотносятся с субъективной стороной возможных преступлений в рассматриваемой сфере: «Традиционно она понимается как внутреннее психическое состояние лица по отношению к совершаемому им общественно-опасному деянию» [1]. Важность субъективной стороны (особенно это касается рассматриваемых преступлений) заключается в «разграничении преступного от неправомерного поведения» [1, с. 87]. При этом

фундаментальной ее основой является вывод: «Все сознательные действия человека являются мотивированными и направленными на достижение определённой цели» [2, с. 92].

Как верно отмечает Романова В.В.: «доктринальное толкование мотива преступления и его правового значения остается дискуссионным. Это обусловлено в первую очередь тем, что общепризнанное определение мотива отсутствует» [3]. Следует также особо отметить тот факт, что: «Понятие мотива раскрывается посредством терминов: влечение, интересы, желания, жизненные цели и идеалы, намерения, потребности, соображения, состояние, свойство личности и др.» [4, с. 176]. Кроме мотива, субъективная сторона может включать в себя цель. Как верно отмечает Печников М.П., между собой они имеют много общего и порой их трудно отличить. Цель носит как бы временный характер и, к тому же, должна быть реальной. То есть её достижение, при определенных обстоятельствах, является возможным [5]. Рассматривая и отграничивая мотив и цель между собой, как самостоятельные категории, «мотив преступления» следует понимать как стимул, основанный на потребностях и интересах, влекущий за собой избрание конкретной тактики поведения, при совершении какого-либо преступления, а «цель преступления», в свою очередь, как мыслительное выражение (видение) о преступном результате, сопровождаемое стремлением к его реализации в действительности.

В теории уголовного права существует множество разновидностей классификации мотивов, среди которых интересной представляется подразделение на: низменные (имеют характер отягчающего обстоятельства и включают в себя корыстные, хулиганские, политические, расовые и т.п.) и лишенные низменного содержания (не обладают признаком, усиливающим уголовную ответственность и включают в себя карьеризм, зависть, ревность, личная неприязнь и т.п.) [6].

Отображая на законодательном уровне мотивацию, сопряженную с целью в отношении рассматриваемых преступлений, в ст. 170 УК РФ устанавливается такой элемент как «заинтересованность», который, как представляется очевидным, неразрывно сопоставляется с понятием «интерес».

Как верно отмечает Маслакова Н.А. [7], в современной науке не выработано однозначного определения интереса, ссылаясь, при этом, на точки зрения, сводящие понимание данной категории к аспектам, связанным с осознанными потребностями, с избирательным отношением субъекта к объективным возможностям, с познавательными возможностями. В данном случае, интерес (от лат. *inter esse* – «быть внутри») следует понимать как положительно окрашенный эмоциональный процесс, связанный с потребностью узнать что-то новое об объекте интереса, повышенным вниманием к нему [8, 9]. Между тем, в науке встречается понятие «законный интерес», который, в отличие от субъективного права, представляет собой правовую дозволенность, имеющую характер стремления, в которой отсутствует указание действовать строго зафиксированным в законе способом и требовать соответствующего поведения от других лиц и которая не обеспечена конкретной юридической обязанностью [10].

Являясь по своему внутреннему содержанию самостоятельными категориями, «мотиву», «цели» и «интересу» свойственен общий между ними признак, выраженный в наличии определенных побуждений. В этом аспекте, в рамках квалификации преступлений по правилам ст. 170 УК РФ, их следует рассматривать как тождественные (равнозначные) между собой элементы. Нарушение баланса между личными и служебными мотивами приводит к конфликту интересов (ч. 1 ст. 10 Федерального закона №273 от 25.12.2008 года [11]).

В ст. 170 УК РФ закрепляется «личная заинтересованность», отсылающая на нормы ч. 2 ст. 10 Федерального закона от 25.12.2008г. № 273, по смыслу которых она выступает как «возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в том числе имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ) – как собственных, так и иных (связанных по определенным взаимоотношениям)».

В свою очередь, нормы ст. 170 УК РФ «личную заинтересованность» подразделяют на «корыстную» и «иную». В данном случае, их следует понимать также, как они отображаются в абз. 2 и 3 п. 16 Постановления ВС РФ от 16.10.2009г. № 19 [12], по смыслу которых корыстная заинтересованность сопряжена с выгодой имущественного характера (льготы, кредит, погашение долга и т.д.), а иная личная заинтересованность сопровождается выгодой неимущественного характера (карьеризм, семейственность, взаимная услуга и т.д.).

«Корыстная или иная личная заинтересованность», предусмотренная в ст. 170 УК РФ, выступает цельным элементом в составе исследуемых преступлений, который определяется сочетанием следующих факторов:

- наличие любых отклонений в мотивации должностного лица, противопоставляющихся интересам службы, (целям и задачам органа, организации, их структурных подразделений, должности);

- намерение сохранить, либо увеличить персональные блага, а равно улучшить свое положение.

В тоже время, не стоит оставлять без внимания достаточно активно обсуждаемый в литературе мотив «ложно понятых интересов службы», а также его соотношение с «иной личной заинтересованностью».

По мнению Смолицкого Р.Г.: «когда закон говорит о личной заинтересованности, нужно иметь в виду не только имущественную или иную личную выгоду, либо узко личные интересы, но и такие случаи, когда должностное лицо вносит в работу государственного аппарата чуждые элементы, противопоставляя интересы своего учреждения или предприятия общегосударственным интересам в целом» [13].

Мнение о том, что «ложно понятые интересы службы» являются частью «иной личной заинтересованности», также поддерживалось Светловым Н.Я. [14, с. 76] и Утевским Б.С. [15, с. 335].

Вместе с тем, в литературе достаточно распространена позиция, выделяющая данные мотивы как самостоятельные друг от друга категории.

В частности, как верно отметил Волков Б.С.: «мотивы, с которыми закон связывает квалификацию преступления, по своему содержанию всегда разные побуждения, которые в качестве основных мотивов не могут быть соединены в одном преступлении. Личная заинтересованность и ложно понятые интересы учреждения и предприятия – противоположные мотивы, по-разному характеризующие общественную опасность нарушения должностными лицами служебного долга. Мотивы ложно понятой необходимости проистекают не из стремления получить личное удовлетворение, а из других оснований, из так называемого чувства ложного патриотизма» [16]. Кириченко В.Ф., в свою очередь, указал, что «на личную заинтересованность, законодатель имел в виду противопоставить ее интересам учреждения или предприятия, и, поскольку речь идет о совершении преступления, - не только подлинным, но и ложно понятым» [17]. Волженкин Б.В. считает, что «при предъявлении обвинения должен быть конкретно указан соответствующий мотив личного характера, которым руководствовалось должностное лицо, совершая злоупотребление должностными полномочиями. Весьма распространенная в свое время ссылка на узковедомственные или ложно понимаемые государственные или общественные интересы как на достаточный мотив для обвинения в должностном злоупотреблении – противоречит закону» [18]. Нельзя также оставить без внимания Яни П.С., который заметил, что «сами по себе ложно понятые интересы службы не могут отождествляться с мотивом в виде иной личной заинтересованности» [19].

Действующим законодательством такой специфический мотив преступления не регламентируется. Верховный суд РФ каких-либо детальных пояснений по данному вопросу не дает. Тем не менее, исходя из некоторых примеров судебной практики [20] о должностных преступлениях (в частности, ст. 285, 292 УК РФ), субъективными признаками которых обладают, в том числе, и деяния по ст. 170 УК РФ, позиция правоприменения сводится к тому, что «ложно понятые интересы службы» неразрывно сопряжены с «иной личной заинтересованностью». Такая тенденция складывается из того, что перечисленные должностные преступления, а также исследуемые деяния, закрепленные в ст. 170 УК РФ, включают в себя обязательное наличие, в частности, «иной личной заинтересованности».

По своему внутреннему содержанию, «ложно понятые интересы службы» выделяются отсутствием выгоды неимущественного характера (намерений сохранить, либо увеличить персональные блага, а равно улучшить свое определенное положение), свойственной «иной личной заинтересованности». Тем не менее, оба приведенных мотива схожи тем, что они противопоставляются интересам службы. Также надо понимать, что данный мотив не тождественен (не равнозначен) «добросовестному заблуждению», которое, в свою очередь, может

обуславливаться наличием погрешностей, а также коллизий в содержании документов, актов, а также распоряжений, регламентирующих служебное поведение должностного лица.

«Ложное понимание интересов службы» тесно связано с «самообманом», подразумевающим собой «внушение самому себе определенных убеждений, не соответствующих реальной действительности», и тем самым содеянное по службе, объективно являющееся противоправным, должностным лицом воспринимается правомерным. Как верно заметил Волков Б.С.: «Чем сложнее деятельность, тем сложнее бывают мотивы, и чем дальше по времени отстоит преступление от возникшего намерения, тем больше появляется побуждений, дополняющих основной мотив… Среди них следует различать главные, основные мотивы, определяющие смысл и содержание совершаемых действий, и мотивы второстепенные, побочные. Любое поведение, в чем бы оно ни выражалось, характеризуется определенной иерархичностью мотивов, благодаря которой оно приобретает логический смысл и целевую направленность» [21, с. 86-87].

Одновременно с «ложно понятыми интересами службы», содеянное может сопровождаться низменными побуждениями («чрезмерная погоня за карьерой», «уход от ответственности», «создание мнимого благополучия на вверенном подразделении» и т.д.), относящимися, в частности к «иной личной заинтересованности».

В частности, исходя из Приговора от 04.05.2018г. по делу № 1-50/2018 Ленинского районного суда Волгоградской области [22], регистратор ошибочно зарегистрировал право собственности на недвижимое имущество на представителя правоприобретателя (по договору дарения). Осознавая свою небрежность при исполнении своих полномочий, не желая привлечения к дисциплинарной ответственности, правонарушитель переоформил право собственности на регистрируемый объект недвижимого имущества, сфальсифицировав в ЕГРН соответствующие сведения. Такое деяние судом было квалифицировано как «фальсификация государственного реестра» (ст. 285.3 УК РФ). В данном случае, правоприменитель отметил мотив, непосредственно связанный «с уходом от ответственности», который можно определять как «иную личную заинтересованность».

Говорить, что в приведенном эпизоде противоправного деяния правонарушитель руководствовался исключительно только личностным мотивом, выраженным в «уходе (избежании) от ответственности», представляется не совсем корректно. В данном случае, представляется справедливым наличие иных побуждений, связанных с сохранением деловой репутации органа (подразделения), в котором работал правонарушитель, подпадающее под понимание «ложно понятых интересов службы».

Тем не менее, следует полагать, что «уход от ответственности» правоприменитель счел приоритетным (основным) мотивом правонарушителя, тем самым определив это как «иную личную заинтересованность» (составную часть «фальсификации государственного реестра» по ст. 285.3 УК РФ), которая в то же время содержится в ст. 170 УК РФ.

Исходя из этого, следует считать, что, несмотря на достаточно солидный объем теоретического материала, в настоящее время такой специфический мотив как «ложно понятые интересы службы» требует дополнительного содержательного изучения для надлежащего его отграничения от иной личной заинтересованности.

Литература и источники

1. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. А.И. Рарога. М., 2004.
2. Уголовное право России. Практический курс / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина; под науч. ред. А. В. Наумова. М., 2007.
3. Романова В.В. Иная личная заинтересованность как мотив совершения преступления. // Уголовное право и криминология. С. 26-30.
4. Макарова И. В. Общая психология: краткий курс лекций. М., 2014.
5. Печников Н.П. Мотив и цели, их значение в уголовном праве России: курс лекций/ Н.П. Печников. Тамбов: изд-во. Гос. техн. Ун-та, 2009.// http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/361/68361/41911 /10.02.2021.
6. Рарог А.И. Российское уголовное право: в 2 т. Т.1. Общая часть: учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. 528 с.
7. Маслакова Н.Ю. Государственный интерес // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 15. С. 11-14.
8. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2009. – 464 с.
9. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: МГУ, 1971.
10. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М.: Юрист, 2001 656 с.
11. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008г. № 273-ФЗ // СПС Гарант: URL: http://base.garant.ru/ 10.02.2021.

12. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19. // СПС Гарант: URL: http://base.garant.ru/ 10.02.2021.
13. Смолицкий Г.Р. Должностные преступления. М., 1947. 69 с.
14. Светлов Н.Я. Борьба с должностными злоупотреблениями. Киев, 1970.
15. Утевский Б.С. Общее учение о должностных преступлениях. М., 1948.
16. Волков Б.С. Мотив и квалификация преступления. Казань, 1968. 118с.
17. Кириченко В.Ф. Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву. М., 1956. 147 с.
18. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. 146 с.
19. Яни П.С. Укрытие преступлений сотрудниками милиции: умысел и мотив // Российская юстиция. 2007. № 12. С. 11-13.
20. По делу № 14-010-44: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 26.10.2010г.: Интернет-ресурс базы судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты (СудАкт)»: URL: sudact.ru/ 30.08.2019; По делу № 88-008-39: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 20.11.2008г.: Интернет-ресурс базы судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты (СудАкт)»: URL: sudact.ru/ 30.08.2019; По делу № 47-006-96: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 30.11.2006г.: Интернет-ресурс базы судебных актов, судебных решений и нормативных документов «Судебные и нормативные акты (СудАкт)»: URL: sudact.ru/ 11.02.2021.
21. Волков Б.С. Мотивы преступлений. Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование/ науч. ред. Лысова В.Д. Казань: Изд.-во Казан. ун-та.. 1982.
22. По делу № 1-50/2018: Приговор Ленинского районного суда Волгоградской области от 04.05.2018: Официальный сайт Ленинского районного суда Волгоградской области: URL: https://lenin--vol.sudrf.ru/ 10.02.2021.

References and Sources

1. Ugolovnoe pravo Rossii. CHasti Obshchaya i Osobennaya / Pod red. A.I. Raroga. M., 2004.
2. Ugolovnoe pravo Rossii. Prakticheskij kurs / Pod obshch. red. A.I. Bastrykina; pod nauch. red. A. V. Naumova. M., 2007.
3. Romanova V.V. Inaya lichnaya zainteresovannost' kak motiv sovershеniya prestupleniya. // Ugolovnoe pravo i kriminologiya. S. 26-30.
4. Makarova I. V. Obshchaya psihologiya: kratkij kurs lekcij. M., 2014.
5. Pechnikov N.P. Motiv i celi, ih znachenie v ugolovnom prave Rossii: kurs lekcij/ N.P. Pechnikov. Tambov: izd-vo. Gos. tekhn. Un-ta, 2009.// http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/361/68361/41911 /10.02.2021.
6. Rarog A.I. Rossijskoe ugolovnoe pravo: v 2 t. T.1. Obshchaya chast': uchebnik / Pod red. L.V. Inogamovoj-Hegaj, V.S. Komissarova, A.I. Raroga. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2010. 528 s.
7. Maslakova N.YU. Gosudarstvennyj interes // Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2008. № 15. S. 11-14.
8. Izard K.E. Psihologiya emocij. SPb.: Piter, 2009. – 464 s.
9. Leont'ev A.N. Potrebnosti, motivy i emocii. M.: MGU, 1971.
10. Marchenko M.N. Problemy teorii gosudarstva i prava. M.: YUrist, 2001 656 s.
11. O protivodejstvii korrupcii: Federal'nyj zakon ot 25.12.2008g. № 273-FZ // SPS Garant: URL: http://base.garant.ru/ 10.02.2021.
12. O sudebnoj praktike po delam o zloupotreblenii dolzhnostnymi polnomochiyami i o prevyshenii dolzhnostnyh polnomochij: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 16.10.2009 N 19. // SPS Garant: URL: http://base.garant.ru/ 10.02.2021.
13. Smolickij G.R. Dolzhnostnye prestupleniya. M., 1947. 69 s.
14. Svetlov N.YA. Bor'ba s dolzhnostnymi zloupotrebleniyami. Kiev, 1970.
15. Utevskij B.S. Obshchee uchenie o dolzhnostnyh prestupleniyah. M., 1948.
16. Volkov B.S. Motiv i kvalifikaciya prestupleniya. Kazan', 1968. 118s.
17. Kirichenko V.F. Otvetstvennost' za dolzhnostnye prestupleniya po sovetskomu ugolovnomu pravu. M., 1956. 147 s.
18. Volzhenkin B. V. Sluzhebnye prestupleniya. M., 2000. 146 s.
19. YAni P.S. Ukrytie prestuplenij sotrudnikami milicii: umysel i motiv // Rossijskaya yusticiya. 2007. № 12. S. 11-13.
20. Po delu № 14-010-44: Kassacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Verhovnogo suda RF ot 26.10.2010g.: Internet-resurs bazy sudebnyh aktov, sudebnyh reshenij i normativnyh dokumentov «Sudebnye i normativnye akty (SudAkt)»: URL: sudact.ru/ 30.08.2019; Po delu № 88-008-39: Kassacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Verhovnogo suda RF ot 20.11.2008g.: Internet-resurs bazy sudebnyh aktov, sudebnyh reshenij i normativnyh dokumentov «Sudebnye i normativnye akty (SudAkt)»: URL: sudact.ru/ 30.08.2019; Po delu № 47-006-96: Kassacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovnym delam Verhovnogo suda RF ot 30.11.2006g.: Internet-resurs bazy sudebnyh aktov, sudebnyh reshenij i normativnyh dokumentov «Sudebnye i normativnye akty (SudAkt)»: URL: sudact.ru/ 11.02.2021.
21. Volkov B.S. Motivy prestuplenij. Ugolovno-pravovoe i social'no-psihologicheskoe issledovanie/ nauch. red. Lysova V.D. Kazan': Izd.-vo Kazan. un-ta.. 1982.
22. Po delu № 1-50/2018: Prigovor Leninskogo rajonnogo suda Volgogradskoj oblasti ot 04.05.2018: Oficial'nyj sajt Leninskogo rajonnogo suda Volgogradskoj oblasti: URL: https://lenin--vol.sudrf.ru/ 10.02.2021.

ЛАПТЕВ ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – соискатель кафедры уголовного права, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (laptev.90@mail.ru)
LAPTEV, DMITRY A. – Applicant of the Department of Criminal Law of Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin.

УДК 336.272 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-205-209

ЕМЕЛЬЯНОВ А.С.
ПРЕОДОЛЕНИЕ УЯЗВИМОСТИ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ И НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Ключевые слова: налоговое право, законодательство о налогах и сборах, цифровизация, налоговый контроль, налоговое администрирование, уязвимость налогоплательщиков.

Одной из значимых особенностей современного этапа общественного развития являются цифровизация, формирование информационного общества и построение киберпространства. Данная тенденция проявляется главным образом в том, что общественные отношения перестают быть непосредственными, и начинают реализовываться посредствам электронно-

вычислительной техники, информационных систем и информационно-коммуникационных технологий, позволяющих создавать телекоммуникационные сети различной сложности, наиболее универсальной из которых является «Интернет». Трансформация общественной жизни, происходящая вследствие этого, находит свое отражение во всех ее аспектах. Не является исключением сфера налогов и сборов, которая в последнее время демонстрирует наиболее быстрые темпы внедрения различных информационных инноваций. Как любая трансформация общественной жизни цифровизация общественных отношений требует переформатирования правовой основы тех аспектов общественного бытия, которые ей охватываются. Применительно к сфере налогообложения такое переформатирование возможно только при условии строгой дифференциации его направлений. В настоящее время государство сосредоточило свое внимание на цифровизации налогового контроля и налогового администрирования.

EMELYANOV, A.S.

OVERCOMING THE VULNERABILITY OF TAXPAYERS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF TAX CONTROL AND TAX ADMINISTRATION

Key words: tax law, legislation on taxes and fees, digitalization, tax control, tax administration, vulnerability of taxpayers.

One of the significant features of the current stage of social development is the digitalization, the formation of an information society and the construction of cyberspace. This trend manifests itself mainly in the fact that public relations cease to be direct, but begin to be implemented through electronic computing, information systems and information and communication technologies that allow the creation of telecommunication networks of varying complexity, the most universal of which is the "Internet". The transformation of social life that takes place as a result is reflected in all its aspects. The sphere of taxes and fees is no exception. Moreover, in recent years, this area of public relations has demonstrated the fastest pace of implementation of various information innovations. Like any transformation of public life, digitalization of public relations requires reformatting the legal basis of those aspects of social life that it covers. With regard to taxation, such reformatting is possible only if its directions are strictly differentiated. Currently, the state has focused its attention on the digitalization of tax control and tax administration. At the same time, there remain a number of areas for the formation of a new legal framework for taxation that need their conceptual understanding, the development of basic approaches and their implementation in legislation and practice of its application. These include, first, the problems associated with overcoming the vulnerability of taxpayers in the conditions of digitalization.

Последнее время в центре общественного внимания находятся вопросы обеспечения поиска, обработки, хранения, передачи и использования информации. Подчеркивая данное обстоятельство, один из американских судов в своем решении даже образно назвал «Интернет» «…сетью сетей…» [1, p. 4]. Связанное с новыми реалиями глубокое изменение общественных отношений некоторыми зарубежными исследователями характеризуется как решительная трансформация современного общества, его переход постиндустриальному типу [2-6].

Первоначально электронно-вычислительная техника, составляющая аппаратную основу информационно-коммуникационных технологий и информационных систем, была аналоговой. Однако с конца прошлого века началась ее замена на цифровую. В связи с этим в общественном сознании сформировалось понятие цифровизации. Сам термин «цифровизация» был предложен в 1995 году американским специалистом в области электронно-вычислительной техники Николасом Негропонте (Массачусетский университет) в качестве метафоры, символизирующей переход от обработки атомов к обработке битов [7]. В настоящее время данный термин стал общеупотребимым. Однако до сих пор содержание соответствующего понятия остается неконкретизированным, сохраняя во многом метафорический характер.

Наиболее общим образом цифровизация может быть определена как переход от аналоговых (физических) систем сбора, обработки, хранения и использования информации к информационным системам, которые предполагают генерацию, передачу и обработку цифрового сигнала; в более широком же смысле – как процесс переноса в цифровую среду функционирования человека, общества и государства. Именно в таких условиях формируется новый правопорядок, характерный для общества нового типа, изменяются правовая доктрина и национальное законодательство.

В последние годы отдельными исследователями предпринимаются попытки хронологически разделить «информационную революцию» второй половины прошлого века и современные процессы цифровицации общественных отношений, признать первую оконченной, а последние – новым этапом общественного развития [8]. Полагаем, что такой подход не может быть принят. Указанные социальные феномены должны рассматриваться в единстве – как процесс («информационная революция») и его результат (цифровизация общественных отношений) [9]. Здесь следует отметить, что только в последнее десятилетие, по оценкам международного сообщества, наша страна вышла на общемировой уровень информатизации общества и государства [10]. При этом информатизация и цифровизация наиболее очевидны в России, на наш взгляд, именно в области налогов и сборов. Прорывными направлениями здесь следует признать налоговую отчетность, налоговый контроль и налоговое администрирование, в том числе в части организации взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками и другими участниками

налоговых отношений. Цифровизация сферы налогов и сборов началась в стране в 2010 году, когда Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 229-ФЗ для целей уплаты налога на добавленную стоимость (далее – НДС) в ст. 169 НК РФ была предусмотрена возможность выставления с согласия обеих сторон сделки счетов-фактур в электронном виде по телекоммуникационным каналам связи (сетям) с применением электронной цифровой подписи (в настоящее время, в соответствии с Федеральным законом от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи», используется понятие «электронная подпись»). На подзаконном уровне порядок выставления и получения таких счетов-фактур первоначально был установлен Приказом Минфина России от 25 апреля 2011 года № 50н. В настоящее время действует Приказ Минфина России от 5 февраля 2021 года № 14н «Об утверждении Порядка выставления и получения счетов-фактур в электронной форме по телекоммуникационным каналам связи с применением усиленной квалифицированной электронной подписи».

Дальнейшая цифровизация налогообложения в Российской Федерации связана с внедрением технологии личного кабинета налогоплательщика, которая обеспечивает доступность информации о налогах и сборах, ее открытость и актуальность. Достижение указанных условий является важным фактором, способствующим улучшению взаимодействия налогоплательщиков с налоговыми органами. Так, Федеральным законом от 4 ноября 2014 года № 347-ФЗ в Налоговый кодекс Российской Федерации была введена ст. 11.2, установившая правовой режим реализации данной технологии. В соответствии с ней, личный кабинет налогоплательщика – это информационный ресурс, который размещен на официальном сайте федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов, – Федеральной налоговой службы, в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и ведение которого осуществляется указанным органом в установленном порядке. Законодательством о налогах и сборах предусматриваются случаи использования личного кабинета налогоплательщика для реализации налогоплательщиками и налоговыми органами своих прав и обязанностей. Он позволяет налогоплательщику решать свои вопросы в области налогов и сборов без визита в налоговый орган, т.е. дистанционно. Первоначально Порядок ведения личного кабинета налогоплательщика – физического лица был установлен Приказом ФНС России от 30 июня 2015 года № ММВ-7-17/260@ «Об утверждении порядка ведения личного кабинета налогоплательщика». В настоящее время действует Порядок, утвержденный приказом ФНС России от 22 августа 2017 года № ММВ-7-17/617.

Однако при перемещении в цифровую среду усиливается уязвимость налогоплательщиков (в т.ч. их зависимость от государства), поскольку в условиях цифровой трансформации обладание информацией о гражданине или организации делает их положение все более неустойчивым, подверженным дополнительным рискам и угрозам.

Здесь необходимо иметь ввиду, что поведение людей, как правило, иррационально. При этом иррациональность человеческого поведения обусловлена различными когнитивными предпосылками. Данные предпосылки предсказуемы, что позволяет заинтересованным лицам, имеющим возможность получить информацию о нерациональном поведении человека, манипулировать им, злоупотребляя имеющейся информацией и извлекая за счет этого определенную выгоду [11].

Уязвимость (*vulnerability*) налогоплательщика в цифровой среде перед угрозами и вызовами, которые должны быть только осознаны, предопределяет серьезный научный интерес к данной проблеме. В современных зарубежных источниках отмечается, что существующая реальность указывает на нечто большее, чем на просто отдельные угрозы и риски. Она предполагает непредопределенность, уровень которой в условиях цифровизации неуклонно усиливается [12].

Европейская юридическая мысль видит в качестве средства преодоления рассматриваемой уязвимости, обусловленной формированием цифровой среды, создание механизма защиты персональных данных. Принятие Европейским парламентом и Советом Европейского Союза Регламента № 2016/679 «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)» (Принят в городе Брюсселе 27.04.2016) (*GDPR*) представляет собой попытку Европейского союза стать лидером в сфере приватности и представить себя в

качестве макрорегиона, в котором обращение персональных данных как в режимах офлайн, так и онлайн абсолютно безопасно. Названный регламент является формой реализации концепции физического лица, как уязвимого субъекта (vulnerable subject), независимо от наличия у него инвалидности, его возраста, образованности и иных характеристик, не позволяющих принять рациональное решение [13].

В условиях формирующейся цифровой среды все без исключения люди и организации могут и должны считаться уязвимыми, так как информация о них обрабатывается в режиме онлайн. При этом такая уязвимость – это оценочная категория. Ее содержание будет измениться в зависимости от этапа цифровизации, возникновения технических, организационных и правовых средств предупреждения вызовов и угроз, с которыми человек сталкивается в информационном пространстве. Таким образом справедливо говорить о дихотомии в понимании уязвимости (*vulnerability*) налогоплательщиков. Так, она партикулярна, поскольку отражает состояние конкретного лица. В то же время об уязвимости следует говорить и с позиции ее универсальности, обуславливающей построение правовой модели преодоления.

В отечественных публикациях в этой связи отмечается, что «… уязвимость изначально рассматривалась как возможность дискриминации в различных ее проявлениях, сегодня это фактор риска нарушения прав человека…» [14, с. 7]. При этом уязвимость, как онтологическая характеристика, не должна рассматриваться как субъективная категория. Вызовы, угрозы и риски, определяющие ее содержание, объективны, отличны от внутреннего отношения человека к ним.

Объективность уязвимости налогоплательщика изначально служила предпосылкой формирования механизма его правовой защиты. Р. Кало указывает на то, что именно уязвимость лица, его подверженность различным вызовам и угрозам являются основной причиной установления правовой защиты [15, p. 591]. Традиционно защищаемая на конституционном и отраслевом уровнях конфиденциальность, в том числе через режим налоговой тайны, формирование в последние десятилетия режима защиты персональных данных являются проявлением общей идеи, состоящей в том, что каждое лицо уязвимо перед государством, использующим в своей деятельности технологии управления данными (*data-driven technologies*). Если ранее власть государства основывалась на аппарате принуждения и монополии на насилие, то в настоящее время – в условиях цифровизации – все большее значение приобретает информация, которая становится базовым властным ресурсом. При этом возникает новый дисбаланс в отношениях между лицами, контролирующими технологии управления данными, и теми лицами, которые являются поставщиками таких данных. Информационные технологии начинают выступать инструментом дискриминации, ограничивают автономию воли, становятся источником цифрового неравенства, результатом которого является общая разбалансированность современного общества [16, 17].

Анализируя уязвимость человека в цифровой среде, Дж. Мальджери выделил процедурную и материальную составляющие в преодолении такой уязвимости. Процедурный аспект определяется выражением согласия индивида на сбор, обработку и хранение его персональных данных. Материальный аспект связан с неблагоприятными последствиями в виде размера, причиненного физическому лицу имущественного ущерба и/или материального вреда [18]. Представляя такой подход обоснованным, справедливо заложить его в доктринальную основу законодательной модели преодоления уязвимости налогоплательщиков в условиях цифровизации налогового контроля и налогового администрирования.

Литература и источники

1. American Civil Liberties Union v. Janet Reno, Attorney General of the United States (ACLU v. Reno) {1996}: Yee Fen Lim. Op. cit.
2. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая /технократическая волна на Западе. М., 1986.
3. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 392-409.
4. Тоффлер О. Третья волна. М., 1999. 784 с.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. 608 с.
6. Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Washington: World Future Soc., 1983. 171 p.
7. Negroponte N. Being Digital. New York: Alfred A. Knopf, 1995. 243 p.
8. Хабриева Т.Я. Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85-87.
9. Емельянов А.С. Налогообложение и цифровизация общественных отношений: формирование правовой основы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 12. С. 33-44.
10. United Nations E-Government Survey 2020. United Nations. New York, 2021. 118 p.

11. Calo R. Digital Market Manipulation // George Washington Law Review, University of Washington School of Law Research. 2014. Paper. № 2013 - 27. P. 995-1051.
12. Malgieri, G. Vulnerable Data Subjects // Computer Law & Security Review. 2020. № 37. P. 1-22.
13. Gatt L. Preface. The contradictions of the privacy law // European Journal of Privacy Law & Technologies. 2020. Special issue. P. VII-X.
14. Несмеянова С.Э., Калинина Е.Г. Концепция уязвимости отдельных групп лиц: Международный и национальный опыт // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4(100).
15. Calo R. Privacy, Vulnerability, and Affordance // DePaul Law Review. 2017. № 66.
16. Barocas S., Selbst A.D. Big Data's Disparate Impact // California Law Review. 2016. № 104. Pp. 671-936.
17. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Defining the Digital Divide in Russia: Key Features and Trends Monitoring // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2019. Vol. 153. № 5. P. 100-119.
18. Malgieri, G. 2020. №37. P. 1 – 22.

References and Sources

1. American Civil Liberties Union v. Janet Reno, Attorney General of the United States (ACLU v. Reno) {1996}: Yee Fen Lim. Op. cit.
2. Bell D. Social'nye ramki informacionnogo obshchestva // Novaya /tekhnokraticheskaya volna na Zapade. M., 1986.
3. Stoun'er T. Informacionnoe bogatstvo: profil' postindustrial'noj ekonomiki // Novaya tekhnokraticheskaya volna na Zapade. M., 1986. S. 392-409.
4. Toffler O. Tret'ya volna. M., 1999. 784 s.
5. Kastel's M. Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. M., 2000. 608 s.
6. Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Washington: World Future Soc., 1983. 171 p.
7. Negroponte N. Being Digital. New York: Alfred A. Knopf, 1995. 243 p.
8. Habrieva T.Ya. Chernogor N.N. Pravo v usloviyah cifrovoj real'nosti // ZHurnal rossijskogo prava. 2018. № 1. S. 85-87.
9. Emel'yanov A.S. Nalogooblozhenie i cifrovizaciya obshchestvennyh otnoshenij: formirovanie pravovoj osnovy // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2018. № 12. S. 33-44.
10. United Nations E-Government Survey 2020. United Nations. New York, 2021. 118 r.
11. Calo R. Digital Market Manipulation // George Washington Law Review, University of Washington School of Law Research. 2014. Paper. № 2013 - 27. P. 995-1051.
12. Malgieri, G. Vulnerable Data Subjects // Computer Law & Security Review. 2020. № 37. P. 1-22.
13. Gatt L. Preface. The contradictions of the privacy law // European Journal of Privacy Law & Technologies. 2020. Special issue. P. VII-X.
14. Nesmeyanova S.E., Kalinina E.G. Koncepciya uyazvimosti otdel'nyh grupp lic: Mezhdunarodnyj i nacional'nyj opyt // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2017. № 4(100).
15. Calo R. Privacy, Vulnerability, and Affordance // DePaul Law Review. 2017. № 66.
16. Barocas S., Selbst A.D. Big Data's Disparate Impact // California Law Review. 2016. № 104. Pp. 671-936.
17. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Defining the Digital Divide in Russia: Key Features and Trends Monitoring // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2019. Vol. 153. № 5. P. 100-119.
18. Malgieri, G. 2020. №37. P. 1 – 22.

ЕМЕЛЬЯНОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ - доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (adm1@izak.ru).
EMELYANOV, ALEXANDER S. - Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legislation and Process of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (adm1@izak.ru).

УДК 341.9 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-209-214

ШАПСУГОВА М.Д.

КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ЧАСТНОМУ ПРАВУ В РОССИИ

Ключевые слова: экономическая деятельность, национальность, личный статут, иностранный элемент, физические лица, личный закон.

Изучение экономической деятельности физических лиц приобретает все большую актуальность в связи с трансграничностью хозяйственных операций, совершаемых физическими лицами, а также распространением новых форм занятости – самозанятости, в том числе с использованием цифровых платформ, блогерства. В статье исследуется понятие экономической деятельности физических лиц. Предложена классификация видов экономической деятельности индивидов. Определено влияние вида экономической деятельности на ее правовой режим. С позиции международного частного права приводятся категории физических лиц в зависимости от их правового статуса (гражданства). Выявлено влияние неопределенности материально-правового статуса физического лица на его процессуальный статус. На основе анализа судебной практики сделан вывод о необходимости подтверждения статуса субъекта экономической деятельности для рассмотрения экономического спора в судах арбитражной системы.

SHAPSUGOVA, M.D.

CONFLICT LAW IN REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES OF INDIVIDUALS UNDER PRIVATE INTERNATIONAL LAW OF RUSSIA

Key words: economic activity, nationality, personal statute, foreign element, individuals, personal law.

The study of the economic activity of individuals is becoming increasingly important due to the cross-border nature of business transactions performed by individuals, as well as the spread of new forms of employment - self-employment, including using digital platforms, blogging. The article examines the concept of the economic activity of individuals. A classification of the types of economic activities of individuals is proposed. The influence of the economic activity on its legal regime has been determined. From private international law, categories of individuals are given depending on their legal status (nationality). The influence of the uncertainty of the material legal status of an individual

on the uncertainty of his procedural status is revealed. Based on the analysis of judicial practice, it is concluded that it is necessary to confirm the status of a subject of economic activity to consider an economic dispute in the courts of the arbitration system.

Актуальность исследования правового регулирования трансграничной экономической деятельности физических лиц обусловлена необходимостью изучения вопросов правового статуса субъектов, находящихся под двойным действием закона: закона страны - места жительства, закона страны – места осуществления экономической деятельности. Важным коллизионным вопросом в условиях цифровизации можно, в частности, считать определение места осуществления экономической деятельности физическими лицами посредством сети Интернет.

Само понятие экономической деятельности физических лиц остается недостаточно изученным, в том числе по причинам легализации новых форм их занятости, порождающих буферное фрагментарное регулирование на стыке гражданского, предпринимательского и трудового права. Такое регулирование порождает неопределенность материально-правового статуса физических лиц, осуществляющих экономическую деятельность, влекущую неопределенность.

Посредством коллизионного метода в статье выделены коллизионные вопросы, возникающие при осуществлении экономической деятельности физическими лицами: личного статута физического лица, общей правоспособности физического лица и его специальной предпринимательской праводееспособности.

Определяя содержание права на осуществление экономической деятельности, следует отметить, что оно составляет ядро экономической конституции России. Как фундаментальное право человека, оно обеспечивает воспроизводство экономики посредством реализации индивидами своих способностей и свободного использования имущества, что позволяет обеспечивать жизнедеятельность индивидам и членам их семей.

Содержание этого права составляет и право свободно осуществлять трансграничную экономическую деятельность посредством перемещения товаров, работ, услуг через таможенную границу. Зафиксированное в ст. 34 Конституции РФ право на свободное использование имущества и своих способностей для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, предоставленное каждому индивиду, представляет собой конституционную гарантию. Буквальное толкование вышеприведенной статьи приводит к выводу, что этим правом наделены именно физические, а не юридические лица. Независимо от статуса гражданства это право принадлежит всем физическим лицам (индивидам).

Самостоятельная экономическая деятельность и работа по трудовому договору в постановлении Конституционного Суда РФ от 25.05.2010 N 11-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации "О занятости населения в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Н.И. Гущина» [1] по вопросу отказа в выплате пособия по безработице в связи с участием заявителя в юридическом лице определены как две основные формы реализации права на труд: выбирать занятие и профессию (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ), а также свободно использовать свои способности для незапрещенной законом экономической деятельности (ч.1 ст. 34 Конституции РФ). Конституционный Суд РФ определил, что индивидуальная экономическая деятельность может осуществляться как индивидуально, так и коллективно, в том числе путем создания коммерческой организации. В более раннем Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 года N 3-П выражена аналогичная позиция.

Правовой режим осуществления международной экономической деятельности физическими лицами предопределяется формой юридического лица, как субъекта права, и местом регистрации физического лица, местом и способами осуществления такой деятельности.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 23.04.2012 № 10-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого ст.2 Закона Российской Федерации "О занятости населения в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки Е.Н. Эрлих» [2] также выделены наемный труд и самостоятельная экономическая деятельность, как особые виды занятости, с помощью которых физическое лицо (индивид) может реализовать свои экономические права, и такие конституционные права, как свобода труда и право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности, как правовые модели, которым не

корреспондируют конституционные обязанности (ч.1 и 3 ст. 37 Конституции РФ), а также права на использование своего имущества для предпринимательской и иных видов деятельности не противоречащей закону (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ).

Таким образом, в указанных постановлениях занятость физических лиц подразделяется на труд по найму и индивидуальную экономическую деятельность. Участие, как форма коллективного предпринимательства, отнесена к самостоятельной экономической деятельности, основанной на использовании имущества для получения выгоды, с принятием на себя риска, связанного с осуществление свободной экономической деятельности.

Тем не менее, на практике возникают коллизионные вопросы определения правового статуса физического лица, как субъекта, осуществляющего экономическую деятельность, осложненную иностранным элементом

Физических лиц по критерию гражданства условно можно подразделить граждан, которые имеют гражданство страны пребывания, иностранных граждан, лиц не имеющих гражданства, лиц, которые получили статус беженца. На основании федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ им предоставляется национальный правовой режим, то есть за отдельными изъятиями они пользуются правами наравне с гражданами России. Национальный правовой режим характеризуется распространением на лиц, не обладающих гражданством страны пребывания и источника права, прав и обязанностей, которые входят в правовой статус лица, субъекта права.

При осуществлении трансграничной экономической деятельности физическим лицами иностранный элемент может проявляться в самом субъекте этой деятельности, объекте и месте осуществления деятельности. Наличие иностранного элемента в таком случае предопределяет применение международного частного права к складывающимся в процессе осуществления такой деятельности отношениям.

Правовой статус субъекта экономической деятельности, а также режим ее осуществления могут различаться в зависимости от вида деятельности.

Экономическую деятельность физических лиц можно подразделить на: самостоятельную (по договору гражданско-правового характера, в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, в связи с участием в обществе) и несамостоятельную (по трудовому договору).

Следует обратить внимание и на различное содержание и название форм осуществления экономической деятельности физическими лицами в законодательствах иностранных государств. Например, аналогом отечественного термина «индивидуальный предприниматель» за рубежом выступает термин «коммерсант».

Законодательство США определяет коммерсанта (merchant) как лицо, которое осуществляет сделки с товарами, или другим способом обеспечивает себя работой, путем применения специальных знаний или навыков в соответствующей сфере деятельности, либо в качестве посредника (ст. 2-104 Uniform commercial code / Единообразный торговый кодекс США 1962 года). Коммерсант по праву Германии может иметь разные статусы [4, с. 23]: оформляющиеся как различие правового статуса коммерсанта (Германское торговое уложение, далее ГТУ[3]). Обязательный коммерсант осуществляет торговый промысел (п. 1 ГТУ). Под торговым промыслом понимается любая деятельность по приобретению и перепродаже товаров, независимо от степени переработки; ценных бумаг. Если деятельность не требует создания коммерческого предприятия, такие коммерсанты относятся к неполным коммерсантам, что означает, что к ним не применяются положения о фирме, торговых книгах (п. 48-49 ГТУ). Коммерсантами по французскому законодательству признаются лица, совершающие торговые сделки в процессе осуществления обычной деятельности такого лица (ст.1 ТКФ). Физические лица проходят обязательный учет, Торговом реестре и только после этого приобретают статус коммерсанта (ст. 4 ТКФ). На такие лица также возлагается обязанность по ведению бухгалтерского учет, что также вытекает из особого статуса коммерсанта, как субъекта предпринимательской деятельности.

По российскому праву экономическая деятельность может осуществляться индивидуально и совместно, при наличии регистрации в качестве предпринимателя, а также без таковой в случаях, предусмотренных законодательством. Основными организационно-правовыми формами осуществления экономической деятельности физическими лицами являются индивидуальное

предпринимательство, самозанятость, крестьянское (фермерское) хозяйство, личное подсобное хозяйство, участие в юридическом лице.

Экономическая деятельность физических лиц по российскому международному частному праву регулируется следующими коллизионными правилами:

1. Личный закон физического лица в российском международном частном праве включает вопросы его правоспособности и дееспособности.

2. Личный статут физического лица в российском частном праве расщепляется по вопросу общей праводееспособности и специальной предпринимательской праводееспособности.

3. Общая праводееспособность физического лица устанавливается его личным законом. В данной сфере действует система субсидиарных коллизионных привязок. Основной коллизионной привязкой в этом случае является право страны гражданства, в соответствии со ст. 1195 ГК РФ. Указанная норма сводит в единое два правовых понятия правовой статус лица , относительно принадлежности определенному государству: домицилий и jus genus (jus solis). При этом относительно лиц, имеющих гражданство РФ предпочтение отдается jus genus (jus solis), независимо от наличия гражданства иного государства (или правовой связи этого лица с иным государствам), в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства приоритет отдается домицилию (такая модель не является всеобщей, как правило сильно разнится в зависимости от типа построения правовой системы страны).

4. Специальная предпринимательская правосубъектность физического лица определяется на основании ст. 1201 ГК РФ через право физического лица заниматься предпринимательской деятельностью в качестве индивидуального предпринимателя, которое определяется по праву страны регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. При отсутствии обязательной регистрации в данной стране, субсидиарно применяется право страны основного места осуществления предпринимательской деятельности.

5. В связи с распространением новых форм экономической деятельности, не относящихся к предпринимательской следует констатировать, что в российском международном частном праве отсутствуют специальные коллизионные нормы, регулирующие коллизионные вопросы осуществления таких видов деятельности. Особенно этот вопрос актуален в свете цифровизации, распространения самозанятости, в том числе с использованием цифровых платформ, блогерства, репетиторства, например, занятия по иностранному языку с носителем, находящимся в другом государстве на базе цифровой платформы посредством сети интернет. Эти новые формы экономической деятельности физлиц, зачастую носят трансграничный характер.

6. Вопросы участия в юридическом лице, а также ответственности учредителей и участников юридического лица по его обязательствам по российскому международному частному праву относятся к вопросам личного статута юридического лица (а не физического) и определяются личным законом юридического лица. Основной коллизионной привязкой, в данном случае, является принцип инкорпорации. Исключение составляют случаи когда местом преимущественного осуществления предпринимательской деятельности юридическим лицом является территория Российской Федерации, применяется альтернативная коллизионная привязка по выбору кредитора: личный закон такого юридического лица или российское право к требованиям о привлечении к ответственности участников (учредителей) и лиц, имеющих возможность определять действия юридического лица или имеющих право давать обязательные указания по обязательствам юридического лица (ст. 1202 ГК РФ).

В рамках исследуемой темы особое значение имеют процессуальные аспекты определения подведомственности споров с участием физических лиц, осуществляющих экономическую деятельность, осложненную иностранным элементом. Прежде всего определение применимого права на основе коллизионного регулирования имеет значение в случаях, когда правоотношения, осложненные иностранным элементом, развиваются в негативной динамике (обязательства не исполняются, или исполняются ненадлежащим образом). В таком случае из проблемы статуса физического лица как предпринимателя (или не предпринимателя, субъекта иной экономической деятельности) она становится проблемой подведомственности споров с их участием, то есть будет ли спор рассматриваться в системе арбитражных судов или судов общей юрисдикции.

В соответствии со ст.247 АПК РФ арбитражные суды Российской Федерации рассматривают дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением

предпринимательской и иной экономической деятельности с участием иностранных граждан, лиц без гражданства, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность. При принятии дел к рассмотрению суд исходит прежде всего не из регистрации в качестве предпринимателя, а из наличия признаков предпринимательской деятельности иностранного гражданина (Постановление 7ААС от 03.06.2014 по делу № А67-4533/2013, Решение АС Краснодарского края от 14.06.2016 по делу № А32-37726/2015).

Если стороной по делу является лицо, личным законом которого является право иностранного государства к исковому заявлению прилагается документ, в соответствии с законодательством государства личного закона лица подтверждающий его регистрацию в соответствующем государстве, предпринимательскую правоспособность, его организационно-правовую форму, а также содержащий сведения о лицах, имеющих право совершать юридически значимые действия от имени лица, в том числе право приобретать гражданские права и нести гражданские обязанности. В случае непредставления в суд, перечисленных документов, заявление оставляется без движения до устранения соответствующих недостатков (п. 21 Постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»).

По одному из дел Судебная коллегия Верховного Суда РФ (Определение № 305-ЭС20-5778) отменила решение суда первой инстанции о прекращении производства по делу по причине неверного определения статуса ответчика – архитектурного бюро, которое по законодательству Германии является не юридическим лицом, а частной практикой, а его владелец – представителем свободных профессий по Закону ФРГ о подоходном налоге от 16.10.1934 г.). Деятельность лиц свободных профессий считается самостоятельной экономической деятельностью. В Торговом реестре они не регистрируются. К лицам свободных профессий относятся лица, осуществляющие самостоятельно экономическую деятельность научную, художественную, литературную, образовательную и воспитательную, врачебную, ветеринарную, юридическую, нотариальную, инженерную архитектурную, бухгалтерскую, журналистскую, фотографов, переводчиков и других подобных профессий.

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Право на осуществление экономической деятельности представляет собой фундаментальное экономическое право человека,
2. Содержание этого права составляет возможность физических лиц осуществлять трансграничную экономическую деятельность,
3. Экономическая деятельность физических лиц подразделяется на самостоятельную (участие в юридическом лице, предпринимательская деятельность, самозанятость) и несамостоятельную (трудовую),
4. Физическое лицо, осуществляющее трансграничную экономическую деятельность находится под двойным действием закона. Правовой статус физического лица определяется видом осуществляемой деятельности и способом определения личного закона в зависимости от национальности и страны регистрации в качестве предпринимателя.
5. Личный статут физического лица в российском частном праве расщепляется по вопросу общей праводееспособности и специальной предпринимательской праводееспособности. Вопросы участия в юридическом лице определяются личным статутом юридического лица.
6. Специальные коллизионные правила регулирования вопросов самозанятости в российском международном частном праве отсутствуют
7. Рассмотрение споров с участием физических лиц, осуществляющих трансграничную экономическую деятельность в судах арбитражной системы напрямую зависит от представления подтверждения статуса субъекта экономической деятельности в соответствии с личным законом.

Литература и источники

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2010 N 11-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации "О занятости населения в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Н.И. Гущина» // СЗ РФ. 07.06.2010. N 23. ст. 2934.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2012 № 10-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого 2 Закона Российской Федерации "О занятости населения в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданки Е.Н. Эрлих» // СЗ РФ. 07.05.2012. № 19. ст. 2519.

3. Гражданские и торговые кодексы зарубежных стран. / Под ред. С.Н. Медведева. Ставрополь, 1999.

4. Торговое уложение Германии. Закон об акционерных обществах. Закон об обществах с ограниченной ответственностью. Закон о производственных и хозяйственных кооперативах. / Сост. В. Бергманн; пер. с нем. Е. А. Дубовицкая; науч. ред. Т. Ф. Яковлева. М.: Волтерс Клувер, 2009.

References and Sources

1. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 25.05.2010 N 11-P «Po delu o proverke konstitucionnosti abzaca desyatogo stat'i 2 Zakona Rossijskoj Federacii "O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii" v svyazi s zhaloboj grazhdanina N.I. Gushchina» // SZ RF. 07.06.2010. N 23. st. 2934.
2. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 23.04.2012 № 10-P «Po delu o proverke konstitucionnosti abzaca desyatogo 2 Zakona Rossijskoj Federacii "O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii" v svyazi s zhaloboj grazhdanki E.N. Erlih» // SZ RF. 07.05.2012. № 19. st. 2519.
3. Grazhdanskie i torgovye kodeksy zarubezhnyh stran. / Pod red. S.N. Medvedeva. Stavropol', 1999.
4. Torgovoe ulozhenie Germanii. Zakon ob akcionernyh obshchestvah. Zakon ob obshchestvah s ogranichennoj otvetstvennost'yu. Zakon o proizvodstvennyh i hozyajstvennyh kooperativah. / Sost. V. Bergmann; per. s nem. E. A. Dubovickaya; nauch. red. T. F. YAkovleva. M.: Volters Kluver, 2009.

ШАПСУГОВА МАРИЕТТА ДАМИРОВНА - старший научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права Российской академии наук (shapsugova@gmail.com)
SHAPSUGOVA, MARIETTA D. - Senior Researcher in the Business and Corporate Law Sector, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (shapsugova@gmail.com).

УДК 347.918.2 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-214-218

КОРШАКОВА К.В., ДОЛЯ М.А.
О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ

Ключевые слова: процедура медиации, посредничество, медиатор, медиативное соглашение, гражданско-правовая сделка, гражданско-правовой договор, частное и публичное право.

В статье проведен анализ положений законодательства о процедуре медиации (посредничества) в части регламентации вопросов, связанных с медиативным соглашением. Исследованы теоретические и законодательные аспекты относительно правовой природы медиативного соглашения. В ходе работы установлены отдельные спорные аспекты правовой природы медиативного соглашения. Обоснован вывод о том, что медиативное соглашение по своей правовой природе является гражданско-правовой сделкой, в том случае, если спорное правоотношения содержало частноправовой предмет. Однако если предшествующее заключению медиативного соглашения спорное правоотношение являлось не гражданско-правовым, то правовая природа медиативного соглашения является гражданско-правовой в силу общих положений о медиативном соглашении, регламентированных в ФЗ о медиации (посредничестве), хотя и с соответствующими изъятиями, которые обусловлены спецификой того или иного спорного правоотношения, которое не является частноправовым.

KORSHAKOVA, K.V., DOLYA, M.A.
ABOUT THE LEGAL NATURE OF THE MEDIATIVE AGREEMENT

Key words: mediation procedure, mediation, mediator, mediation agreement, civil law transaction, civil contract, private and public law.

This article analyzes the provisions of the legislation on the mediation (mediation) procedure in terms of the regulation of issues related to the mediation agreement. The theoretical and legislative aspects of the legal nature of the mediation agreement are investigated. In the course of the work, certain controversial aspects of the legal nature of the mediation agreement were established. It is substantiated the conclusion that a mediation agreement, by its legal nature, is a civil law transaction, in the event that the disputed legal relationship contained a private law subject. However, if the disputed legal relationship preceding the conclusion of the mediation agreement was not civil, then the legal nature of the mediation agreement is civil by virtue of the general provisions on the mediation agreement regulated in the Federal Law on mediation (mediation), albeit with corresponding exceptions, which are due to the specifics of that or any other controversial legal relationship that is not private law.

Процедура медиации является относительно новым правовым институтом для отечественной правовой системы. С принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (далее - ФЗ о медиации (посредничестве)) началось развитие рассматриваемой примирительной процедуры в российском законодательстве. Однако, как отмечают различные авторы, законодатель не реализовал значительную часть потенциала процедуры медиации, что негативно сказывается на распространении медиативных практик [1].

Сущностью медиации является урегулирование споров посредством обращения к независимому субъекту, что способствует достижению оптимального результата для сторон спорного правоотношения. Правовым итогом процедуры медиации является заключение медиативного соглашения. В соответствии с положениями ч 7 ст. 2 ФЗ о медиации (посредничестве), медиативным соглашением является то соглашение, которое достигается сторонами по итогам проведения процедуры медиации (посредничества) и заключенное в письменной форме. Таким образом, медиативное соглашение является таким документом, заключаемым при проведении процедуры медиации, который обладает юридически значимыми последствиями.

Согласно положениям ст. 12 ФЗ о медиации (посредничестве), исполнение медиативного соглашения основано на реализации сторонами спорного правоотношения принципов добросовестности и добровольности. Кроме того, положения ст. 12 ФЗ о медиации (посредничестве) регламентируют основные требования, которым должно отвечать медиативное соглашение. Медиативное соглашение, во-первых, должно быть оформлено в письменном виде. Во-вторых, оно должно содержать предмет спорного правоотношения относительного которого проводилась соответствующая процедура медиации (посредничества). В-третьих, в нем отражаются сведения о субъектах процедуры медиации – сторонах спорного правоотношения и медиаторе. В-четвертых, в медиативном соглашении в обязательном порядке подлежат отражению обязательства, которые были согласованы сторонами при проведении процедуры медиации, а также сроки и условиях их последующего исполнения. Таким образом, представляется возможным говорить о том, что положения ст. 12 ФЗ о медиации (посредничестве) регламентируют существенные условия медиативного соглашения. Такой вывод следует из системного толкования ч. 1 ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и ч. 1 ст. 12 ФЗ о медиации (посредничестве) [2]. Положения ч. 1 ст. 432 ГК РФ, определяющие существенные условия договора, содержат схожие по своему содержанию требования относительно тех требований, которые предъявляются законодателем к содержанию медиативного соглашения в соответствии со ст. 12 ФЗ о медиации (посредничестве).

По мнению ряда авторов, медиативное соглашение по своей сути и содержанию является гражданско-правовым договором. В подтверждение данного тезиса, сторонники рассматриваемого подхода указывают на факт того, что медиативное соглашение включает в себя комплекс субъективных прав и обязанностей, к определению которых в медиативном соглашению стороны подошли по результатам проведения медиативной процедуры. Так, Фуртак А.А. предлагает рассматривать медиативное соглашение как один из множества подинститутов договорного права. Кроме того, данный автор отмечает, что сама процедура медиации является частноправовой категорией и, следовательно, медиативное соглашение, как результат проведения процедуры медиации, не выходит за рамки сущности и правовой природы самой процедуры медиации [3].

В данном контексте необходимо отметить и другую позицию, согласно которой медиативное соглашение по своей сути и содержанию является гражданско-правовым договором. По мнению Юрьева С.С., медиативное соглашения, исходя из его содержания, субъектного состава, а также целей его заключения, не следует рассматривать шире, чем гражданско-правовой договор [4, с. 34]. На наш взгляд, позиция Юрьева С.С. является обоснованной, поскольку как ранее было отмечено, исходя из системного толкования положений о медиативном соглашении в законодательстве о медиации и положений о гражданско-правовом договоре следует, что медиативное соглашение и гражданско-правовой договор по своим обязательным элементам являются схожими правовыми категориями. Исходя из целей и медиативного соглашения, а также отдельных его особенностей, представляется возможным сделать вывод о том, что медиативное соглашения является частным случаем гражданско-правового договора, является одним из его видов.

Рассматривая вопросы, связанные с правовой природой медиативного соглашения, необходимо отметить некоторые терминологические аспекты данной правовой категории. Так, на сегодняшний день, в отечественном законодательстве не представлена легальная дефиниция такой правовой категории, как «соглашение». Кроме того, как отмечают некоторые исследователи, содержание таких правовых категорий, как соглашение и договор, не является равнозначным, данные категории соотносятся как общее и частное.

В соответствии с положениями гражданского законодательства, соглашение обуславливает развитие правоотношения в гражданском праве. Кроме того, соглашение представляет собой одну из форм гражданско-правовых сделок. Таким образом, не все гражданско-правовые соглашения представляется возможным рассматривать в качестве гражданско-правового договора.

В данном контексте необходимо отметить и позицию тех авторов, которые отмечают, что стороны медиативного соглашения обладают большим объемом субъективных прав, в отличие от гражданско-правового договора или гражданско-правовой сделки, поскольку в медиативном

соглашение могут содержаться такие условия, которые по своему содержанию не являются правовыми [5].

В юридической науке особую актуальность приобрели вопросы, связанные с рассмотрением и изучением положений ч. 4 ст. 12 ФЗ о медиации (посредничестве). Так, в соответствии вышеуказанной нормой, медиативное соглашение, которые было заключено по итогам проведения процедуры медиации относительного спорного правоотношения, которое по своему содержанию являлось гражданско-правовым и при условии, если соответствующее спорное правоотношение не было передано для судебного рассмотрения, является гражданско-правовой сделкой.

Положения ч. 4 ст. 12 ФЗ о медиации (посредничестве) содержат правовой пробел относительно регламентации содержания и правовой природы тех медиативных соглашений, которые были заключены по итогам проведения процедуры медиации относительно спорных правоотношений, которые не являются гражданско-правовыми и которые также не было переданы для судебного рассмотрения. Например, исходя из положений ч. 4 ст. 12 ФЗ о медиации (посредничестве), остается не решенным вопрос о квалификации такого медитативного соглашения, которые было заключено сторонами по итогам урегулирования спора, возникшего в сфере труда.

Медиативное соглашение, которое было заключено по итогам рассмотрения спора, который возник в сфере трудовых правоотношений, и при условии, если такой спор не был передан для судебного рассмотрения, не может являться гражданско-правовой сделкой в силу следующих причин. Так, в ч. 4 ст. 12 ФЗ о медиации (посредничестве) законодатель акцентирует внимание на том, что гражданско-правовой сделкой может являться только такое медиативное соглашение, которое заключено по итогам урегулирования именно гражданско-правового спора, подобный подход обусловлен тем, что гражданско-правовые отношения основаны на таких принципах, как равенство и автономия воли участвующих субъектов, что также характерно и для тех принципов, на основании которых функционирует институт медиации.

Однако, для трудовых отношений подобные принципы не характерны, поскольку субъекты соответствующих правоотношений находится в заранее неравных условиях. Следовательно, остается не решенным вопрос о правовой природе медиативных соглашений, которые заключатся по итогам урегулирования спорных правоотношений, которые не являются гражданско-правовыми.

Применение в данной ситуации аналогии права в целях устранения рассматриваемого правового пробела не представляется возможным в силу существенного изменения первоначального смысла и содержания положений ФЗ о медиации (посредничестве) о медиативном соглашении. Решением данной проблемы, на наш взгляд, является конкретизация в ст. 12 ФЗ о медиации (посредничестве) положений о правовой природе и квалификации медиативных соглашений в зависимости от вида того спорного правоотношения, по итогам которого заключено соответствующее медиативное соглашение.

Правовая природа процедуры медиации обуславливает и подход законодателя при регламентации данного института в отечественной правовой системе, исходя из системного анализа и буквального толкования ФЗ о медиации (посредничестве), можно сделать вывод о частно-правовой ориентации процедуры медиации.

Положения ФЗ о медиации (посредничестве) регламентируют и определяют субъектный состав процедуры медиации. Субъектный состав процедуры медиации составляют стороны и медиатор (медиаторы), других субъектов процедуры медиации в отечественном законодательстве не предусмотрено. Сторонами процедуры медиации являются те субъекты спорного правоотношения, которые изъявили желание разрешить спор посредством использования процедуры медиации. Медиатором является независимое лицо, которое осуществляет содействие сторонами процедуры медиации в вопросах, связанным с урегулированием спора.

Рассматривая положения ФЗ о медиации (посредничестве), необходимо отметить, что с точки зрения юридико-технических аспектов, регламентация института медиации имеет процессуально-правовые черты, это отчетливо проявляется в определении сроков осуществления процедуры медиации. По общему правилу, срок осуществления процедуры медиации устанавливается сторонами в соглашении о проведении процедуры медиации, однако данный срок

не должен превышать 60 дней. Однако, ч. 2 ст. 13 ФЗ о медиации (посредничестве) предусматривает возможность продления срока проведения процедуры медиации за пределами шестидесятидневного срока, продление данного срока возможно в связи с фактической сложностью спорного правоотношения, а также необходимостью производства отдельных мероприятий, которые направлены на разрешение спора.

Однако, исходя из буквального толкования положений ФЗ о медиации (посредничестве), представляется возможным сделать вывод о том, что стороны по результатам проведения процедуры медиации могут заключить такое медиативного соглашение, которое по своей правовой природе и признакам не будет иметь гражданско-правовой характер. Таким образом, медиативное соглашение может быть заключено по результатам разрешения спорного правоотношения, которое следовало из трудового или семейного законодательств. Однако, если медиативное соглашение не будет являться гражданско-правовой сделкой, то она должна соответствовать тем требованиям, которые следуют из положений того законодательство, которое формировало предмет спорного правоотношения между сторонами процедуры медиации.

Еще одним признаком, согласно которому процедуру медиации представляется возможным отнести к процессуальному правовому институту, являются положения ФЗ о медиации (посредничестве) об оплате деятельности, связанной с осуществлением процедуры медиации (посредничества).

В соответствии со ст. 10 ФЗ о медиации (посредничестве) существует два возможных варианта решения вопроса, связанного оплатой издержек при проведении процедуры медиации. Так, если иное не установлено сторонами, издержки, связанные с проведением процедуры медиации подлежат оплате сторонами процедуры медиации в равном объеме. В другом случае стороны вправе самостоятельно договориться относительно оплаты деятельности, связанной с осуществлением процедуры медиации (посредничества). Подводя итог законодательной основе процедуры медиации в отечественной правовой системе, представляется возможным сделать следующие выводы. Система источников правового регулирования процедуры медиации (посредничества) регламентируют ключевые аспекты проведения процедуры медиации (посредничества).

Систему источников правового регулирования процедуры медиации в отечественной правовой системе составляют три уровня: международные источники, Конституция Российской Федерации, федеральное законодательство. Рассматривая вопросы, связанные с источниками правового регулирования процедуры медиации (посредничества), нельзя ограничиваться лишь использованием ФЗ о медиации (посредничестве), поскольку уже на сегодняшнем этапе развития процедуры медиации в отечественном законодательстве представляется возможным говорить о том, что процедура медиации является сложным правовым институтом, отдельные вопросы которого регламентируются различными правовыми источниками, как это было ранее проиллюстрировано в данном параграфе.

Исходя из анализа структуры и содержания ФЗ о медиации (посредничестве), представляется возможным говорить о том, что законодатель институт медиации (посредничества) определяет, как процессуальный правовой институт поскольку правовой институт медиации (посредничества) в том виде в котором, он регламентирован в ФЗ о медиации (посредничестве) обладает рядом следующих признаков, которые характерны для процессуальных правовых институтов.

Во-первых, ФЗ о медиации (посредничестве) упорядочивает и систематизирует юридический процесс для достижения определённых целей. Во-вторых, ФЗ о медиации (посредничестве) обладает единым предметом правового регулирования, что обуславливает направленность деятельности участвующих субъектов соответствующих правоотношений на достижение определённого результата. В-третьих, процедура медиации обладает специфическим, характерным только для соответствующих правоотношений субъектным составом (медиатор, стороны). В-четвертых, процедура медиации обладает наборов принципов, которые характерны и для других процессуальных институтов (равноправие сторон, беспристрастность и независимость одного из субъектов правоотношений (медиатора).

Таким образом, исходя из проведенного анализа в данной работе теоретических и законодательных аспектов относительно вопросов, связанных с медиативным соглашением,

представляется возможным сделать вывод о том, что медиативное соглашение по своей правовой природе является гражданско-правовой сделкой, в том случае, если спорное правоотношения содержало частноправовой предмет. Однако если предшествующее заключению медиативного соглашения спорное правоотношение являлось не гражданско-правовым, то правовая природа медиативного соглашения является гражданско-правовой в силу общих положений о медиативном соглашении, регламентированных в ФЗ о медиации (посредничестве), хотя и с соответствующими изъятиями, которые обусловлены спецификой того или иного спорного правоотношения, которое не является частноправовым.

Литература и источники

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Российская газета. 30.07.2010. № 168.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32, ст. 3301.
3. Фуртак А.А. К вопросу о возможности изменения и расторжения медиативного соглашения // Российский судья. 2014. № 7. С. 12–15.
4. Юрьев С.С. Правовой статус общественных объединений: монография. М.: Инженер, 1995.
5. Гатауллин А.Г., Жуковская И.В. Особенности досудебного урегулирования споров с участием посредника // Вестник Казанского юридического института Министерства внутренних дел России. 2015. № 1 (19). С. 97-99.

References and Sources

1. Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii): Federal'nyj zakon ot 27.07.2010 N 193-FZ (red. ot 26.07.2019) // Rossijskaya gazeta. 30.07.2010. № 168.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 28.06.2021, s izm. ot 26.10.2021) // SZ RF. 05.12.1994, № 32, st. 3301.
3. Furtak, A. A. K voprosu o vozmozhnosti izmeneniya i rastorzheniya mediativnogo soglasheniya // Rossijskij sud'ya. 2014. № 7. S. 12–15.
4. Yuriev, S. S. Pravovoj status obshchestvennyh ob"edinenij: monografiya. M.: Inzhener, 1995.
5. Gataullin, A.G., Zhukovskaya I.V. Osobennosti dosudebnogo uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii. 2015. № 1 (19). S. 97-99.

КОРШАКОВА КАТАРИНА ВИКТОРОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия.
ДОЛЯ МАРИНА АЛЕКСАДРОВНА - магистрант Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия.
KORSHAKOVA, KATARINA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil and Administrative Justice of the North-Caucasian Branch of the Russian State University of Justice (katarina_krr@mail.ru)
DOLYA, MARINA A. – Master Student of the North-Caucasian Branch of the Russian State University of Justice (margoshechka76@mail.ru)

УДК 347.918.2 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-218-222

ДОЛЯ М.А.
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА МЕДИАТОРА

Ключевые слова: процедура медиации, посредничество, медиатор, посредник, профессиональная медиация, правовой статус медиатора (посредника), принципы медиации.

В статье проведен анализ современного состояния регламентации правового статуса медиатора в отечественном законодательстве. В ходе анализа выявлены существенные проблемы, связанные с действующим подходом законодателя к решению вопросов, связанных с правовым статусом медиатора. Исходя из системного толкования положений о процедуре медиации, а также исходя из правоприменительных аспектов, предложены конкретные способы решения выявленных в ходе исследования проблем, связанных с правовым статусом медиатора. В частности, предложено исключить из действующей редакции ФЗ о медиации (посредничестве) положений п. 2 ч. 6 ст. 15, поскольку они противоречат практическим аспектам процедуры медиации, а также существенным образом ограничивают функции медиатора, как субъекта процедуры медиации.

DOLYA, M.A.
ABOUT SOME PROBLEM ASPECTS OF REGULATION OF THE LEGAL STATUS OF A MEDIATOR

Key words: mediation procedure, mediation, mediator, professional mediation, legal status of a mediator, principles of mediation.

The article analyzes the current state of regulation of the legal status of a mediator in the domestic legislation on the mediation procedure. The analysis revealed significant problems associated with the current approach of the legislator to solving issues related to the legal status of a mediator. Based on the systemic interpretation of the provisions on the mediation procedure, as well as on the basis of law enforcement aspects, specific ways of solving the problems identified in the course of the study related to the legal status of the mediator are proposed. In particular, it is proposed to exclude the provisions of clause 2 of part 6 of Art. 15 of Federal Law on mediation, since they contradict the practical aspects of the mediation procedure, and also significantly limit the functions of the mediator as a subject of the mediation procedure.

Медиация является одним из альтернативных способов разрешения споров. Данная примирительная процедура получила свое активное развитие и распространение во многих

национальных правопорядках, что свидетельствует о ее востребованности и практической значимости для защиты прав и законных интересов граждан. Исключением из вышеуказанной тенденции не является и Российская Федерация. С принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (далее - ФЗ о медиации (посредничестве)) в отечественной правовой системе начал свое развитие правовой институт медиации (посредничества) [1]. Однако в данном контексте необходимо отметить, что в сравнении с рядом зарубежных правопорядков, институт медиации для отечественной правовой системы является сравнительно новым правовым явлением (в ряде англосаксонских стран, данный правовой институт начал свое активное распространение уже с 80-х годов прошлого века) [2].

За десятилетнюю историю существования института медиации в оформленном правовом виде в отечественной правовой системе, законодателем вносились изменения по некоторым практически значимым вопросам рассматриваемого правового института. Однако, проведя анализ доктринальных воззрений по вопросу развития процедуры медиации в отечественном законодательстве, а также правоприменительных аспектов данной примирительной процедуры, к сожалению, необходимо констатировать, что ряд существенных проблем правовой регламентации медиации (посредничества) не решен, что крайне негативно сказывает на распространении медиативных практик в практической деятельности и делает данный альтернативных способ разрешения споров невостребованным.

Одной из наиболее значимых проблем в правовой регламентации института медиации (посредничества) в отечественной правовой системе является определение правового статуса медиатора (посредника). В действующей редакции ФЗ о медиации (посредничестве) отсутствуют нормы, предметно регламентирующие правовой статус медиатора, что влечет ряд негативных последствий как для теории, так и правоприменения.

Несовершенство правого регулирования правового статуса медиатора при проведении процедуры медиации, в частности, создает правовую неопределённость относительно объёма и содержания полномочий медиатора, как субъекта процедуры медиации [3]. С одной стороны, в соответствии с положениями п. 2 ч. 6 ст. 15 ФЗ о медиации (посредничестве), медиатор при проведении процедуры медиации не вправе оказывать какую-либо помощь сторонам спорного правоотношения. Следовательно, рассматривая процедуру медиации, как процессуальный правовой институт, мы видим, что один из центральных процессуальных субъектов – медиатор не обладает юридически значимыми процессуальными полномочиями и функциями, которые бы он мог реализовать в рамках проведения медиативной процедуры. На наш взгляд, решением вышеуказанной проблемы является конкретизация тех форм помощи, которые медиатор не вправе оказывать сторонами спорного правоотношения при проведении процедуры медиации. Изменение редакции п. 2 ч. 6 ст. 15 ФЗ о медиации (посредничестве) может способствовать устранению правовой неопределённости относительно правового статуса медиатора при проведении процедуры медиации.

Правовая неопределённость, связанная с процессуальными функциями и полномочиями медиатора при проведении процедуры медиации, порождает невостребованность осуществления процедуры медиации медиатором на профессиональной основе. Неопределенность правового статуса и его функций при проведении процедуры медиации негативно сказывается и на профессиональной подготовке медиаторов. В отсутствие надлежащего правового регулирования правового статуса медиатора профессиональная подготовка медиатора является юридической фикцией, поскольку медиатор при прохождении профессиональной подготовки не может получить действительно значимых профессиональных компетенций с правовой точки зрения.

Другой, актуальной в последние годы проблемой, связанной с правовой регламентацией процедуры медиации в отечественной правовой системе, является вопрос об ответственности медиатора за раскрытие последним информации, полученной от сторон спорного правоотношения в ходе медиативной процедуры [4]. Принцип конфиденциальности, в соответствии с положениями ст. 3 ФЗ о медиации (посредничестве), является одним из центральных и основных принципов процедуры медиации. Сущность данного принципа заключается в наличии запрета для медиатора разглашать какие-либо сведения, полученные от сторон в ходе процедуры медиации без согласия последних. Однако действующее законодательство о медиации не содержит каких-либо

положений, регламентирующих вопросы, связанные с правовым механизмом наступления и реализации ответственности медиатора за разглашение конфиденциальных данных, полученных от сторон при проведении процедуры медиации. Таким образом, на деле должная защита конфиденциальной информации участников процедуры медиации отсутствует, поскольку медиатор, разгласивший соответствующую информацию, не несет установленной законодательством ответственности. Таким образом, принцип конфиденциальности, к сожалению, с практической очки зрения является юридической фикций. Решением вышеуказанной проблемы является внесение в положение ФЗ о медиации (посредничестве) норм, регламентирующих вопросы ответственности медиатора за разглашение медиатором конфиденциальной информации, полученной в ходе проведения процедуры медиации.

На наш взгляд, вопросы, связанные с определением правового статуса медиатора, имеют не только теоретическое, но существенное практическое значение. Рассмотрение правовой природы и сущности медиатора при осуществлении процедуры медиации, с точки зрения материально-правовых положений, является некорректным поскольку у медиатора, который является субъектом процедуры медиации, есть процессуально-правовая связь с другими процессуальными субъектами – сторонами процедуры медиации. Медиатор осуществляет свою деятельность в качестве процессуального субъекта исключительно во взаимосвязи с другими процессуальными субъектами и с учетом процессуально-правовых норм, которые определяют его правовой статус при осуществлении процедуры медиации как юридического процесса. Кроме того, исходя из анализа действующего законодательства, регламентирующего вопросы процедуры медиации, заметим, что, в отличие от цивилистических видов судопроизводств, процедура медиации не предусматривает наличие такого субъекта как третья сторона. Отсутствуют и такие субъекты, которые бы могли своими юридически значимыми действиями заявить о своей правовой связи с предметом спорного правоотношения.

Законодательством о медиации закреплены положения, согласно которым процедуру медиации медиатор вправе осуществлять как на непрофессиональной, так и на профессиональной основе. Однако законодателем не установлены те или иные ограничения или особенности при проведении процедуры медиации непрофессиональным медиатором. Таким образом, ФЗ о медиации (посредничестве) содержит еще одну норму, правовая регламентация которой носит исключительно формальный характер, а содержание является юридической фикцией. Подобная ситуация также негативно отражается на правоприменительных аспектах процедуры медиации. Так, у сторон спорного правоотношения, которые намерены разрешить и урегулировать спор посредством использования процедуры медиации, может возникнуть неопределённость относительно вопросов, связанных с привлечением к участию в процедуре медиации того или иного медиатора, поскольку у сторон нет понимания о преимуществах и недостатках профессионального или непрофессионального медиатора.

На наш взгляд, вышеизложенную проблему представляется устранить двумя способами. Во-первых, в силу отсутствия практического значения, из ФЗ о медиации (посредничестве) можно исключить положения о делении медиаторов на тех, кто занимается примирительной процедурой на профессиональной основе и тех, кто является непрофессионалом. Юридически значимые последствия от выбора медиатора профессионала или медиатора-непрофессионала при проведении процедуры медиации и урегулировании спорного правоотношения не наступают, следовательно, разницы с точки зрения формально-логического подхода к рассматриваемым вопросам не существует.

Во-вторых, рассматриваемую проблему представляется возможным разрешить посредством деления споров по категориям, которые могут решаться при участии профессионального или непрофессионального медиатора [5]. Категории спорных правоотношений, которые обладают повышенной фактической сложностью и большой социальной значимостью (трудовые, семейные, вытекающие из административных и иных публичных правоотношений и т.д.) возможно закрепить только за профессиональным медиатором. Другие категории споров могут быть медиабельны как для профессиональных, так и для непрофессиональных медиаторов. В данном контексте возможно использовать законодательные наработки, используемые в уголовно-процессуальном законодательстве, а именно в части подследственности уголовных дел. Например, в уголовно-процессуальном

законодательстве существует институт альтернативной подследственности, в рамках которого, отдельные категории уголовных дел могут при определенных условиях расследоваться тем или иным органом предварительного расследования [6].

Таким образом, в ФЗ о медиации (посредничестве) необходимо регламентировать институт подведомственности дел медиаторам на основании деления медиаторов на тех, кто осуществляет свою деятельность на профессиональной или непрофессиональной основе.

Одно из наиболее спорных положений ст. 15 ФЗ о медиации (посредничестве) содержится в ч. 6 ст. 15 настоящего закона. В соответствии с его положениями, медиатор при проведении процедуры медиации не вправе предоставлять юридические услуги или оказывать соответствующую помощь консультативного характера сторонам спорного правоотношения. Кроме того, в соответствии с п. 2 ч. 6 ст. 15 ФЗ о медиации (посредничестве), медиатор не вправе оказывать сторонами спорного правоотношения иную помощь. Вышеизложенные положения о правовом статусе медиатора в рамках процедуры медиации являются предметом многочисленных дискуссий в юридической науке, которые ведутся с момента действия рассматриваемых норм. При этом значительное число исследователей в области медиации и альтернативных способов разрешения споров указывают на практическую невыполнимость положений п. 2 ч. 6 ст. 15 ФЗ о медиации (посредничестве).

Исходя из системного толкования положений о процедуре медиации в отечественной правовой системе, а также ее правовой природы следует признать, что основной целью медиатора при проведении процедуры медиации является содействие сторонам в достижении оптимального для них результата, который, как правило, должен обладать определёнными юридическими последствиями. Иное означало бы невозможность оказание медиатором предметной помощи участниками спорного правоотношения и, как следствие, практическую ненадобность медиатора в качестве участника процедуры медиации.

На наш взгляд, ситуация, сложившееся в связи с запретом медиатору на оказание юридической помощи сторонам спорного правоотношения при проведении процедуры медиации, свидетельствует о поверхностном отношении законодателя к регламентации ключевых аспектов процедуры медиации. Любые проблемы в правовой регламентации правового статуса медиатора создают правовою неопределённость в правоприменительной деятельности.

В соответствии с положениями ч. 5 ст. 11 ФЗ о медиации (посредничестве), при условии отсутствия соответствующих договоренностей между сторонами спорного правоотношения, медиатор не имеет правовой возможности предлагать возможные варианты урегулирования спорного правоотношения, однако, если сторонами спорного правоотношения такая возможность предусмотрена, то у медиатора нет ограничений относительно предложений о возможном урегулировании конфликта.

Представляется возможным сделать вывод о том, что положения ч. 5 ст. 11 ФЗ о медиации (посредничестве), исходя из системного и буквального толкования норм ФЗ о медиации (посредничестве), противоречат требованиям, отраженным в положениях п. 2 ч. 6 ст. 15 ФЗ о медиации (посредничестве), которые регламентируют ограничения для медиатора при проведении процедуры медиации, которые заключаются в запрете для медиатора на оказание им юридической помощи сторонам спорного правоотношения. Таким образом, медиатор вправе оказывать помощь сторонам в форме внесения предложения о возможном способе урегулирования спорного правоотношения, с одной стороны, и, в тоже время, медиатор не вправе оказывать сторонам юридическую и иные формы помощи сторонам спорного правоотношения - с другой стороны.

Подобное формально-логическое противоречие положений п. 2 ч. 6 ст. 15 и ч. 5 ст. 11 ФЗ о медиации (посредничестве) создает правовую неопределённость для все субъектов процедуры медиации, что может являться одним из факторов снижения распространённости и популярности медиативных процедур в практической деятельность. Кроме того, практически любая деятельность медиатора, которая реализуется в тех или иных формах, необходима для проведения процедуры медиации. Как ранее уже было отмечено, в соответствии с положениями п. 2 ч. 6 ст. 15 ФЗ о медиации (посредничестве), медиатор не вправе оказывать помощь какой-либо из сторон спорного правоотношения. В то же время, в ФЗ о медиации (посредничестве) не указано, может ли медиатор оказывать помощь обеим сторонам одновременно в одинаковом объёме и содержании. Исходя из буквального толкования 2 ч. 6 ст. 15 ФЗ о медиации (посредничестве),

следует что медиатор не вправе оказывать помощь как одной из сторон процедуры медиации, так и всем сторонам одновременно в равнозначном объёме, форме и содержании, что также подтверждает тезис о противоречии содержания положений п. 2 ч. 6 ст. 15 и ч. 5 ст. 11 ФЗ о медиации (посредничестве). На наш взгляд, решением вышеизложенных проблем является исключение из действующей редакции ФЗ о медиации (посредничестве) положений п. 2 ч. 6 ст. 15, поскольку они противоречат практическим потребностям процедуры медиации, а также существенным образом ограничивают функции медиатора, как субъекта процедуры медиации. Кроме того, данные положения противоречат и положениям 5 ст. 11 ФЗ о медиации (посредничестве), поскольку внесение предложений об урегулирования спора, исходя из буквального и системного толкования законодательства о медиации, также является одной из форм помощи, которую медиатор оказывает сторонам спорного правоотношения в рамках процедуры медиации.

Литература и источники

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Российская газета. 30.07.2010. № 168.
2. Каратаев И.А. Актуальные проблемы процедуры медиации в России и пути их решения // Актуальные проблемы права: Материалы V Междунар. научн. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). М.: Буки-Веди, 2016. С. 74-77.
3. Абакумова О.А. К вопросу о возможности применения института медиации в налоговых спорах // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 4. С. 198-203
4. Сухова Н.В., Сухов И.В. Современные тенденции развития примирительных процедур: Российский и сравнительный контексты // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. №1. С.21-22.
5. Коршакова К.В., Работа Е.О. Сущность, классификация, этапы медиации // Очерки новейшей камералистики. 2020. №1. С.43-45.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // Российская газета. 22.12.2001. № 249.

References and Sources

1. Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii): Federal'nyj zakon ot 27.07.2010 N 193-FZ (red. ot 26.07.2019) // Rossijskaya gazeta. 30.07.2010. № 168.
2. Karataev, I.A. Aktual'nye problemy procedury mediacii v Rossii i puti ih resheniya // Aktual'nye problemy prava: Materialy V Mezhdunar. nauchn. konf. (g. Moskva, dekabr' 2016 g.). M.: Buki-Vedi, 2016. S. 74-77.
3. Abakumova, O.A. K voprosu o vozmozhnosti primeneniya instituta mediacii v nalogovyh sporah // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2015. № 4. S. 198-203
4. Suhova, N.V., Suhov, I.V. Sovremennye tendencii razvitiya primiritel'nyh procedur: Rossijskij i sravnitel'nyj konteksty // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2019. №1 S.21-22.
5. Korshakova, K.V., Rabota, E.O. Sushchnost', klassifikaciya, etapy mediacii // Ocherki novejshej kameralistiki. 2020. №1. S.43-45.
6. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 01.07.2021, s izm. ot 23.09.2021) // Rossijskaya gazeta. 22.12.2001. № 249.

ДОЛЯ МАРИНА АЛЕКСАДРОВНА – магистрант Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (margoshechka76@mail.ru)
DOLYA, MARINA A. – Master Student of the North-Caucasian Branch of the Russian State University of Justice.

УДК 349.1 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-222-230

НОВИКОВА Н.В.
СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА К ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРИФИРМЕННОЙ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ РАБОТНИКОВ

Ключевые слова: профессиональное обучение, профессиональное образование, ученический договор, образовательная деятельность, образовательные программы, наставничество.

Образование в течение всей жизни работника является одним из главных условий эффективности труда, профессиональной мобильности, а также гармоничного развития личности. Работник имеет возможность получать образование, совмещая работу, в образовательных организациях, а также у работодателя. Российское законодательство предъявляет особые требования к организации внутрифирменного обучения работников, в частности, к соотношению организационно-правовой формы работодателя и виду образовательных программ, которые могут осуществлять эти работодатели, условиям лицензирования и налогообложения. Автором статьи отмечаются противоречия, сдерживающие успешное развитие системы внутрифирменного обучения работников, раскрываются проблемы трудового законодательства в части регулирования труда наставников, реализации ученического договора. В статье рассматриваются также положительные моменты изменения требований к организации обучения работников, которые при дальнейшем развитии позволять выстроить эффективный механизм организации системы внутрифирменного обучения работников.

NOVIKOVA, N.V.

MODERN LEGISLATION REQUIREMENTS TO THE ORGANIZATION OF THE INTERNAL EMPLOYEE TRAINING SYSTEM

Key words: professional training, professional education, apprenticeship agreement, educational activities, educational programs, mentoring.

Life-long education of an employee is one of the main conditions for labor efficiency, professional mobility, as well as harmonious personal development. The employee has the opportunity to receive education, combining work, in educational organizations, as well as from the employer. Russian legislation imposes special requirements on the organization of in-house training for employees, in particular, on the ratio of the organizational and legal form of the employer and the type of educational programs that these employers can carry out, the conditions of licensing and taxation. The author of the article notes the contradictions that hinder the successful development of the system of in-house training of employees, reveals the problems of labor legislation in terms of regulating the labor of mentors, the implementation of the apprenticeship agreement. The article also considers the positive aspects of changing the requirements for the organization of employee training, which, with further development, will allow to build an effective mechanism for organizing the system of in-house employee training.

Исторически сложилось так, что подготовку работников для работодателя на его производственной базе и за его счет принято считать ученичеством, то есть обучением, не связанным с получением профессионального образования того или иного уровня. Ученичество, как способ передачи профессиональных знаний от мастера к подмастерью (ученику), известно еще Древнему Риму [1, с. 330]. В новейшее время отношения по подготовке и дополнительному профессиональному образованию работников у работодателя постепенно вошли в предмет трудового права, о чем, в частности, свидетельствует ст. 1 и раздел IX Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ). При этом они приобрели межотраслевой характер в части соблюдения работодателями требований законодательства об образовании по вопросам организации процесса обучения. Следует отметить, что само понятие «подготовка работника» стало использоваться значительно шире, чем ученичество, поскольку в ч. 1 ст. 196 ТК РФ в скобках уточняется, что это профессиональное обучение и профессиональное образование.

В соответствии с п. 12 и п. 13 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ), под профессиональным обучением понимается «вид образования, который направлен на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенции, необходимых для выполнения определенных трудовых, служебных функций (определенных видов трудовой, служебной деятельности, профессий)»; под профессиональным образованием – «вид образования, который направлен на приобретение обучающимися в процессе освоения основных профессиональных образовательных программ знаний, умений, навыков и формирование компетенции определенных уровня и объема, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретным профессии или специальности» [2]. При этом основные профессиональные образовательные программы делятся на образовательные программы среднего профессионального и высшего образования (пп.2 п.3 ст. 12 Федерального закона № 273-ФЗ). Получается, что историческое понятие «ученичество» по своему смыслу совпадает только с современным понятием «профессиональное обучение», но, исходя из содержания ст. 198 ТК РФ во взаимосвязи со ст. 1 и 196 ТК РФ, следует, что предметом ученического договора является получение работником или лицом, ищущим работу, образования, то есть профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования. Возникает вопрос: вправе ли работодатель заниматься образовательной деятельностью для получения его работниками указанных видов образования?

В п. 1 ст. 21 Федерального закона № 273-ФЗ определен перечень субъектов образовательной деятельности. Это могут быть как образовательные организации, так и другие лица: организации, осуществляющими обучение, а также индивидуальные предприниматели. Однако закон ограничивает перечень образовательных программ, которые вправе реализовывать указанные иные субъекты образовательной деятельности. Так, в соответствии с п. 5 ст. 31 во взаимосвязи с п. 4 ст. 12 Федерального закона № 273-ФЗ, организации, осуществляющие обучение (юридические лица), вправе реализовывать программы профессионального обучения и дополнительные образовательные программы (программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки). Индивидуальные предприниматели вправе реализовывать программы профессионального обучения (п. 3 ст. 32 Федерального закона № 273-ФЗ). Таким образом, благодаря Федеральному закону № 273-ФЗ работодатели (юридические лица и индивидуальные предприниматели) получили легальный статус субъекта образовательной деятельности (организации, осуществляющей обучение) с правом разработки образовательных программ, проведением аттестации обучающихся (работников), выдачи им документов о квалификации или об обучении в зависимости от освоенной образовательной программы.

Реализовывать программы среднего профессионального и высшего образования вправе только те работодатели, которые по своей организационно-правовой форме являются образовательными организациями при наличии соответствующих лицензий.

Реализация образовательных программ является образовательной деятельностью (п.17 ст. 2 Федерального закона № 273-ФЗ). Следовательно, работодатели, ее осуществляющие, обязаны соблюдать следующие условия:

1. Образовательная деятельность в соответствии с п. 40 ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (далее – Федеральный закон №99-ФЗ) подлежит лицензированию [3]. Порядок проведения лицензирования регламентируется ст. 91 Федерального закона № 273-ФЗ, а также постановлением Правительства РФ от 18.09.2020 № 1490 (ред. от 28.07.2021) [4]. К соискателям лицензии предъявляются лицензионные требования о наличии зданий, строений, сооружений, помещений и территорий, необходимых для реализации образовательных программ; материально-технического обеспечения, оборудования; санитарно-эпидемиологического заключения о соответствии санитарным правилам зданий, строений, сооружений, помещений, оборудования и иного имущества, которые предполагается использовать для осуществления образовательной деятельности; наличие разработанных и утвержденных образовательных программ.

Некоторые лицензионные требования не предъявляются в случае реализации работодателями образовательных программ в форме практической подготовки. Опираясь на п. 2 Положения о практической подготовке обучающихся, утвержденного совместно Минобрнауки и Минпросвещения России 05.08.2020, отметим что под практической подготовкой понимается форма организации образовательной деятельности при освоении образовательной программы в условиях выполнения обучающимися определенных видов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью и направленных на формирование, закрепление, развитие практических навыков и компетенций по профилю соответствующей образовательной программы [5].

Осуществление образовательной деятельности без лицензии является административным правонарушением, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 14.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (КоАП РФ), если осуществляемая деятельность признается предпринимательской; ч. 1 ст. 19.20 КоАП РФ, если осуществляемая деятельность не связана с извлечением прибыли. Из анализа указанных норм следует, что, если работодатель проводит обучение работников в форме тематических лекций, тренингов, семинаров, то есть не реализует образовательные программы в целях подготовки и дополнительного профессионального образования работников, то получать лицензию не нужно, и административная ответственность за такую деятельность не наступает.

2. В соответствии с ч. 6 ст. 31 Федерального закона № 273-ФЗ, для ведения работодателем образовательной деятельности необходимо создать специализированное структурное подразделение (например, отдел по подготовке и дополнительному профессиональному образованию, учебный центр и др.). Деятельность такого подразделения должна регулироваться положением, разрабатываемым и утверждаемым работодателем в качестве локального нормативного акта, принимаемого по правилам, установленным ТК РФ.

3. Реализация программ профессионального обучения должна соответствовать требованиям ст. 73, 74 Федерального закона № 273-ФЗ, приказу Минобрнауки России от 26.08.2020 № 438 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным программам профессионального обучения» [6], которыми определены порядок их разработки и утверждения, порядок проведения итоговой аттестации, выдачи документов и др. Перечень профессий рабочих, должностей служащих, по которым осуществляется профессиональное обучение, утвержден приказом Минобрнауки РФ от 02.07.2013 № 513 [7].

Реализация программ дополнительного профессионального образования (повышения квалификации и профессиональной переподготовки) должна соответствовать требованиям ст. 76 Федерального закона № 273-ФЗ, приказу Минобрнауки России от 01.07.2013 № 499 (ред. от 15.11.2013) «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам» [8].

Таким образом, деятельность работодателей по реализации образовательных программ профессионального обучения и дополнительного профессионального образования на своей учебно-производственной базе является образовательной деятельностью, которая должна осуществляться с учетом требований законодательства об образовании.

Необходимо отметить, что с принятием Федерального закона № 273-ФЗ и при соблюдении вышеуказанных условий работодатели получили возможность обучать не только своих работников, но и работников других работодателей, то есть образовательная деятельность позволяет работодателям получать дополнительный доход (прибыль) за счет оказания образовательных услуг. Не случайно специалисты отмечают, что «установление обязательного лицензирования образовательной деятельности обусловлено стремлением государства унифицировать требования к осуществляющим ее субъектам, обеспечить сопоставимый уровень образовательных программ и, в конечном счете, повысить качество образовательных услуг» [9, с. 209]. Вместе с тем, если работодатели проводят обучение своих работников в форме тематических лекций, семинаров, тренингов, не связанных с реализацией образовательных программ, но необходимых для более качественного выполнения работниками трудовых функций, то, как уже отмечалось, лицензировать такую деятельность не нужно. Следовательно, в зависимости от наличия у работодателя лицензии на право осуществления образовательной деятельности можно выделить две организационно-правовые модели обучения работников у данного работодателя:

1) «формальное образование» – обучение только своих работников (инвестиционная модель) и работников других работодателей (коммерческая модель) с выдачей документов об образовании и (или) квалификации, признаваемых государством;

2) «неформально образование» – обучение своих работников без реализации образовательных программ.

Преимущества первой модели заключаются в легализации образования работников, выдачи им документов об образовании и (или) о квалификации, которые признаются на рынке труда; в возможности получения дополнительного источника доходов работодателя; в возможности взыскать с работников расходы на образование в порядке, предусмотренном ст.249 ТК РФ. Недостатки связаны с дополнительными финансовыми и организационными нагрузками на работодателя, ответственностью за нарушение законодательства об образовании.

Преимущества второй модели заключаются в свободе от требований к реализации образовательных программ; в снижении материальной и организационной нагрузки на работодателя; отсутствии у него юридической ответственности за результаты обучения. Недостатки отмечаются в том, что документы об обучении (например, сертификат или свидетельство) не будут обладать юридической силой, легитимностью; работникам не присваивается и не подтверждается какая-либо квалификация; работодатели не смогут взыскать с работников расходы на обучение по правилам ст. 249 ТК РФ.

Несмотря на то, что законодательство об образовании положительно повлияло на изменение института ученичества в трудовом праве, расширило указанные выше возможности работодателей, остался ряд пробелов и противоречий, которые сдерживают дальнейшее развитие системы внутрифирменного обучения работников. Отметим их.

1. Индивидуальные предприниматели вправе осуществлять образовательную деятельность самостоятельно или с привлечением педагогических работников по образовательным программам профессионального обучения с учетом положений ч.1 и 3 ст. 32 Федерального закона № 273-ФЗ и нуждаются в квалифицированных работниках не меньше, чем юридические лица. Однако в соответствии со ст. 198 ТК РФ ученический договор могут заключать только юридические лица (организации), но не индивидуальные предприниматели. Полагаю, что это необоснованное ограничение.

2. Содержание ст. 198 ТК РФ несколько раз менялось, в результате, как справедливо отметила Е.Р. Брюхина, оно перестало соответствовать названию статьи [10, с. 21]. Исходя из анализа действующей редакции рассматриваемой статьи, следует, что предметом ученического договора является получение работником или лицом, ищущим работу, *образования.* Однако не ясно, какой именно вид образования из закрепленных в ст. 10 Федерального закона № 273-ФЗ может получать работник у работодателя? Не отвечает на этот вопрос и ст. 199 ТК РФ, определяющая содержание ученического договора. В этой статье одним из обязательных условий

ученического договора является указание на квалификацию, которую приобретет ученик, а не получение им какого-либо вида образования. Под квалификацией понимается уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника (ст. 195.1 ТК РФ). Но квалификация сама по себе не может являться предметом договора. Квалификация – это всегда результат освоения обучающимся (работником) той или иной образовательной программы. Если проанализировать виды образования, содержащиеся в п. 2 ст.10, а также в гл. 8, 9, 10 Федерального закона № 273-ФЗ, то представляется, что предметом ученического договора является получение работником или лицом, ищущим работу, образования по трем видам программ профессионального обучения: программы профессиональной подготовки по профессиям рабочих и должностям служащих; повышения квалификации рабочих и служащих; переподготовки рабочих и служащих. Обучение по программам профессионального образования и дополнительного профессионального образования (повышения квалификации и переподготовки в порядке ст. 76 Федерального закона № 273-ФЗ) у данного работодателя не должны регулироваться ученическим договором. Во-первых, в связи с тем, что основные программы профессионального образования, как было отмечено выше, вправе реализовывать только образовательные организации. Понятие и типы образовательных организаций определены п. 18 ст. 2 и ст. 23 Федерального закона № 273-ФЗ. Во-вторых, цели дополнительного профессионального образования, определенные Федеральным законом № 273-ФЗ, не соответствуют целям ученического договора, вытекающим из содержания ст. 199 и 204 ТК РФ. Ученые в области трудового права не раз высказывали суждения о том, что отношения по повышению квалификации и профессиональной переподготовке не совсем удачно оформлять ученическим договором. Например, С.М. Кудрин доказывал в диссертации наличие самостоятельного вида договора – договора о повышении квалификации [11, с. 103, 112]. К.Н. Гусов сформулировал на доктринальном уровне понятие этого договора и отделил его от ученического договора [12, с. 39, 41]. Е.Р. Брюхина считает, что право на профессиональную переподготовку может осуществляться не только путем заключения ученического договора, не исключается наличие иного вида договора об обучении [13, с. 18].

3. Современное трудовое законодательство не содержит ни одного упоминания о работниках, которые могут привлекаться работодателем к реализации программ профессионального обучения. В советское время их называли наставниками или консультантами, правовой статус определялся локальными актами предприятий. Сегодня активно возрождается система наставничества во всех отраслях экономики, на государственной и муниципальной службе [14]. О важности данного института свидетельствует действующая государственная наградная политика. Так, Указом Президента РФ учреждена государственная награда – знак отличия «За наставничество» [15]. Награда вручается наиболее квалифицированным работникам, которые на протяжении не менее пяти лет оказывают содействие молодым рабочим, специалистам и служащим в успешном освоении профессиональных знаний, формировании практических умений и навыков, совершенствовании форм и методов работы, воспитанию молодежи, повышению ее общественной активности и гражданской позиции. Приказом Минтруда России от 13.06.2018 № 382 утверждены методические рекомендации по внедрению ведомственных (отраслевых) знаков отличия «Почетный наставник» [16].

Однако в трудовом законодательстве в части правового регулирования труда наставников остаются пробелы.

Во-первых, нет легального понятия наставничества. В широком смысле под ним понимают не только процесс обучения профессии лиц, которые не имеют профессионального образования, но и адаптацию принятых на работу специалистов, не имеющим опыта работы, руководство практикой студентов.

Во-вторых, нет ответа на вопрос, как следует оформлять выполнение обязанностей наставника: как совмещение профессий (должностей) по правилам ст. 60.2 и ст. 151 ТК РФ, как внутреннее совместительство (ст. 282, 284, 285 ТК РФ) или как основную работу по педагогической должности (преподаватель, мастер производственного обучения)? В некоторых отраслевых актах социального партнерства и в коллективных договорах предусматривается система профессионального наставничества, в соответствии с которой более опытные и высококвалифицированные работники выполняют обязанности инструкторов или преподавателей [17, 18]. Там же определяется порядок оплаты труда таких лиц, но, он, как правило,

символический. Одной из причин невысокой оплаты является отсутствие финансирования оплаты труда наставников в бюджете государственных муниципальных учреждений, которые могут оплачивать наставничество за счет внебюджетных средств. Вместе с тем, по справедливому замечанию А. М. Лушникова и М. В. Лушниковой, передача наставником своего профессионального мастерства ученику возлагает на него большую моральную ответственность за результаты обучения и за безопасность ученика в условиях производства, поэтому ученые предлагают закрепить в ст. 151 ТК РФ 10%-ную надбавку от тарифной ставки (оклада) наставника по его основной работе за каждого ученика [19, с. 351]. Полностью разделяем такое предложение, хотя требуется дополнительное финансовое или правовое обоснование этой величины. При этом предлагаем закрепить на уровне ТК РФ право выбора работодателем способа оформления отношений с работниками, привлекаемыми к учебному (образовательному) процессу в зависимости от выбранной работодателем модели подготовки и дополнительного профессионального образования работников на своей базе («формальное» или «неформальное» образование).

Если работодатель создает структурное подразделение и лицензирует образовательную деятельность, то есть легализует ее с вытекающими правовыми последствиями по выдаче работникам документов об образовании и (или) о квалификации, по взысканию расходов на обучение в тех случаях, когда работник не исполнит обязанности по отработке согласованного срока работы у работодателя после обучения, то в штатном расписании должны быть предусмотрены должности преподавателей и (или) мастеров производственного обучения. Квалификационные требования к работникам, которые ведут обучение, определены Приказом Минтруда России от 08.09.2015 № 608н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования», Приказом Минздравсоцразвития РФ от 26.08.2010 № 761н (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования»[20]. При этом работодатель обязан учитывать особенности правового регулирования труда педагогических работников, предусмотренные гл. 52 ТК РФ. Особенности будут связаны с приемом на работу педагогических работников, их рабочим временем, временем отдыха и другими условиями труда. Наличие в штате педагогических работников, которые будут использованы при ведении работодателем образовательной деятельности, является обязательным лицензионным условием.

Если же работодатель не планирует вести образовательную деятельность, но занимается, например, адаптацией новых сотрудников к работе, то с наставником может оформляться соглашение о выполнении дополнительной работы по правилам ст. 60.2, 151 ТК РФ. В данном случае наставник – это не должность, не профессия. Это дополнительные обязанности наиболее опытного и квалифицированного работника по оказанию новому работнику помощи по адаптации к рабочему месту, коллективу, конкретным требованиям работодателя по должности, профессии, виду поручаемой работы. Данный вывод подтверждается материалами судебной практики, которые проанализированы в литературе. Так, решением Дзержинского городского суда Нижегородской области от 31.07.2012 по делу № 2-2194/2012 были признаны правомерными требования истца о зачете спорного периода в специальный стаж в связи с тем, что присвоение звания наставника не свидетельствует об изменении наименования его должности, а из имеющихся приказов, свидетельствующих о наставничестве истца, не следует, что истец не работал самостоятельно в своей должности, поскольку истцу начислялась заработная плата, включающая плату за осуществление трудовой функции и наставничество [21]. Следует отметить также, что в номенклатуре должностей педагогических работников отсутствует такая должность, как наставник [22].

Вместе с тем желательно закрепить правовой статус наставников в трудовых отношениях, поскольку институт наставничества не утратил своей актуальности. Кроме закрепления в ст. 151 ТК РФ надбавки за наставничество, предлагаем ввести ст. 60.2.1 «Выполнение дополнительных обязанностей по наставничеству», изложив ее в следующей редакции:

«Наставничество – это выполнение наиболее квалифицированным работником дополнительных обязанностей по обучению работников и (или) лиц, заключивших с

работодателем ученический договор, которые не имеют опыта работы по определенной должности, профессии, специальности, виду поручаемой работы, в том числе по руководству производственной практикой обучающихся. Соглашение о выполнении наряду с работой, определенной трудовым договором, указанных дополнительных обязанностей работника заключается в письменной форме на условиях, определенными локальным нормативным актом и (или) коллективным договором».

Несмотря на высказанные замечания к содержанию норм трудового законодательства, имеется и положительный эффект от изменения требований к организации обучения работников у данного работодателя на современном этапе развития соответствующего института трудового права России. Придание работодателям легального правового статуса субъектов образовательной деятельности позволяет им самостоятельно определять содержание образовательных программ; доводить квалификацию работников до необходимого работодателю уровня; экономить на оплате услуг образовательных организаций и на предоставлении работникам материальных гарантий, предусмотренных ТК РФ, в случае направления их на обучение; на поиске, подборе и найме «готовых» специалистов. Ни одна образовательная организация не способна подготовить кадры, удовлетворяющие потребности всех без исключения работодателей. В этой ситуации работодателям выгодно вводить систему внутрифирменного обучения, чтобы снизить недостатки существующей системы образования, быстрее адаптировать работников к решению производственных задач.

Вместе с тем, создание системы внутрифирменного обучения может себе позволить чаще всего крупный бизнес, хоть это и налагает на него дополнительную ответственность за соблюдение законодательства об образовании. Государственные и муниципальные организации, небольшие коммерческие организации, индивидуальные предприниматели вряд ли имеют такую возможность без дополнительной финансовой поддержки со стороны государства.

К сожалению, налоговое законодательство нашей страны не в полной мере способствует стимулированию инвестиций в человеческие ресурсы. Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) предусматривает возможность налогоплательщикам уменьшать налог на прибыль за счет исключения из налогооблагаемой базы затрат на обучение работников, в том числе будущих, по основным и дополнительным профессиональным программам в соответствии с договорами с российскими образовательными организациями, научными организациями, иностранными образовательными организациями, имеющими право на ведение образовательной деятельности, то есть только при обучении работников не у работодателя, а в образовательных организациях (подп. 23 п. 1 и п. 3 ст. 264 НК РФ). Выплата работодателями стипендий ученикам по ученическим договорам также не стимулируется государством, поскольку «соискатели-учащиеся не являются сотрудниками организации-работодателя на основании трудовых договоров, затраты на выплату им стипендии не могут быть учтены в составе расходов на оплату труда, да и вообще не могут быть учтены. Иначе говоря, компания просто подарила деньги посторонним лицам» [23, с. 176].

Если государство видит в работодателях партнера по выполнению социальных функций, связанных с концепцией образования в течение всей жизни человека и всестороннего развития личности, обеспечения занятости и профессиональной мобильности работников в условиях курса на создание инновационной и цифровой экономики, то необходимо внести соответствующие дополнения в НК РФ, предусмотреть систему софинансирования образовательной деятельности работодателей.

Все вышеперечисленные положительные изменения и отмеченные недостатки в образовательном и трудовом законодательстве позволяют утверждать, что система внутрифирменного обучения работников находится на этапе своего дальнейшего развития. Задача науки трудового права заключается в поиске эффективного механизма правового регулирования отношений по подготовке и дополнительному профессиональному образованию работников, основанного на межотраслевых связях, обеспечении баланса интересов субъектов трудового права, соблюдении международного принципа образования в течение всей жизни работника.

Литература и источники

1. Лушников А.М., Лушникова М.В. Договоры о профессиональной подготовке работника (ученические договоры): исторический экскурс и проблемы теории // Социальные договоры в праве: монография. М.: Проспект, 2017.

2. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Российская газета. 2012. 31 декабря. № 303.
3. О лицензировании отдельных видов деятельности: федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.
4. О лицензировании образовательной деятельности (вместе с «Положением о лицензировании образовательной деятельности»): постановление Правительства Российской Федерации от 18.09.2020 № 1490 (ред. от 28.07.2021) // СЗ РФ. 2020. № 39. Ст. 6067.
5. О практической подготовке обучающихся (вместе с «Положением о практической подготовке обучающихся»): приказ Минобрнауки России № 885, Минпросвещения России № 390 от 05.08.2020 (ред. 18.11.2020) // Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru, 11.09.2020.
6. Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным программам профессионального обучения: приказ Минпросвещения России от 26.08.2020 № 438 // Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru, 11.09.2020.
7. Об утверждении перечня профессий рабочих, должностей служащих, по которым осуществляется профессиональное обучение: приказ Минобрнауки РФ от 02.07.2013 № 513 (ред. от 01.06.2021) // Российская газета. 2013. 21 августа. № 184.
8. Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам: Приказ Министерства образования и науки РФ от 01.07.2013 г. № 499 // Российская газета. 2013. 28 августа. № 190.
9. Коробченко В.В. Проблемы правового регулирования отношений в сфере профессионального обучения и дополнительного профессионального образования // Трудовое право, право социального обеспечения и рыночная экономика: проблемы взаимодействия (Вторые Гусовские чтения): матер. междунар. науч.-практ. конф. М., 2017.
10. Брюхина Е.Р. К вопросу о проблемах правового регулирования ученического договора // Парадигма трудового и социального права в эпоху построения постиндустриального общества: сб. науч. трудов по итогам III Междунар.науч.-практ. конф., 23–24 окт. 2015 г. / ред.кол. К. Л. Томашевсский (гл.ред.) и др. Минск: Междунар.ун-т «МИТСО», 2015.
11. Кудрин С.М. Обеспечение прогресса научно-технического творчества средствами трудового права: дис. … канд. юр. наук. Пермь, 1998.
12. Гусов К.Н. Договоры о труде в трудовом праве при формировании рыночной экономики: автореф. дис. …док. юр. наук. М., 1993.
13. Брюхина Е.Р. Право на труд и право на образование: регулирование отношений по профессиональной переподготовке работников в России: автореф. дис. … канд. юр. наук. Пермь, 2007.
14. Городничева Н.А., Шаповалова Л.Д. Документирование института наставничества в кадровых службах // Делопроизводство. 2017. №1. С. 70-87.
15. Об учреждении знака отличия «За наставничество» (вместе с Положением о знаке отличия «За наставничество»): указ Президента РФ от 02.03.2018 № 94 // Собрание законодательства РФ. 05.03.2018. №10. Ст. 1478.
16. Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению ведомственных (отраслевых) знаков отличия «Почетный наставник»: пр. Минтруда России от 13.06.18 №382// Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2018. № 6.
17. Отраслевое тарифное соглашение в жилищно-коммунальном хозяйстве Российской Федерации на 2017-2019 годы (утв. Общероссийским отраслевым объединением работодателей «Союз коммунальных предприятий», Общероссийским профсоюзом работников жизнеобеспечения 16.03.2017) (ред. от 07.12.2018); п. 6.8.2 // Режим доступа: https://rosmintrud.ru.
18. Отраслевое соглашение по агропромышленному комплексу РФ на 2018-2020 годы (утв. Союзом работодателей «Общероссийское агропромышленное объединение работодателей «Агропромышленный союз России», Ассоциацией крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России, Профсоюзом работников агропромышленного комплекса РФ, Минсельхозом России, Россельхознадзором 06.03.2018) // Режим доступа: http://www.rosmintrud.ru
19. Лушников А.М., Лушникова М.В. Договорные основы подготовки и дополнительного профессионального образования работников: современное состояние и перспективы. Договоры о результатах интеллектуальной деятельности // Социальные договоры в праве: монография. М.: Проспект, 2017.
20. Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования»: приказ Минздравсоцразвития РФ от 26.08.2010 № 761н (ред. от 31.05.2011) // Российская газета. № 237. 2010.
21. Литвиненко Н. Способы оформления наставничества и их правовые последствия // Трудовое право. 2015. № 8. С. 61-70.
22. Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, руководителей образовательных организаций: постановление Правительства РФ от 08.08.2013 № 678 // СЗ РФ. 19.08.2013. № 33. Ст. 4381.
23. Анищенко А.В. Социальные расходы фирмы: лечение, обучение и отдых персонала. М.: Редакция «Российской газеты», 2016. Вып. 6.

References and Sources

1. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Dogovory o professional'noj podgotovke rabotnika (uchenicheskie dogovory): istoricheskij ekskurs i problemy teorii // Social'nye dogovory v prave: monografiya. M.: Prospekt, 2017.
2. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii: federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. 2.07.2021)// Rossijskaya gazeta. 2012. 31 dekabrya. № 303.
3. O licenzirovanii otdel'nyh vidov deyatel'nosti: federal'nyj zakon ot 04.05.2011 № 99-FZ (red. ot 02.07.2021) // SZ RF. 2011. № 19. St. 2716.
4. O licenzirovanii obrazovatel'noj deyatel'nosti (vmeste s «Polozheniem o licenzirovanii obrazovatel'noj deyatel'nosti»): postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 18.09.2020 № 1490 (red. ot 28.07.2021) // SZ RF. 2020. № 39. St. 6067.
5. O prakticheskoj podgotovke obuchayushchihsya (vmeste s «Polozheniem o prakticheskoj podgotovke obuchayushchihsya»): prikaz Minobrnauki Rossii № 885, Minprosveshcheniya Rossii № 390 ot 05.08.2020 (red. 18.11.2020) // Rezhim dostupa: http://www.pravo.gov.ru, 11.09.2020.
6. Ob utverzhdenii Poryadka organizacii i osushchestvleniya obrazovatel'noj deyatel'nosti po osnovnym programmam professional'nogo obucheniya: prikaz Minprosveshcheniya Rossii ot 26.08.2020 № 438 // Rezhim dostupa: http://www.pravo.gov.ru, 11.09.2020.
7. Ob utverzhdenii perechnya professij rabochih, dolzhnostej sluzhashchih, po kotorym osushchestvlyaetsya professional'noe obuchenie: prikaz Minobrnauki RF ot 02.07.2013 № 513 (red. ot 01.06.2021) // Rossijskaya gazeta. 2013. 21 avgusta. № 184.
8. Ob utverzhdenii Poryadka organizacii i osushchestvleniya obrazovatel'noj deyatel'nosti po dopolnitel'nym professional'nym programmam: Prikaz Ministerstva obrazovaniya i nauki RF ot 01.07.2013 g. № 499 // Rossijskaya gazeta. 2013. 28 avgusta. № 190.

9. Korobchenko V.V. Problemy pravovogo regulirovaniya otnoshenij v sfere professional'nogo obucheniya i dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya // Trudovoe pravo, pravo social'nogo obespecheniya i rynochnaya ekonomika: problemy vzaimodejstviya (Vtorye Gusovskie chteniya): mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2017.
10. Bryuhina E.R. K voprosu o problemah pravovogo regulirovaniya uchenicheskogo dogovora // Paradigma trudovogo i social'nogo prava v epohu postroeniya postindustrial'nogo obshchestva: sb. nauch. trudov po itogam III Mezhdunar.nauch.-prakt. konf., 23–24 okt. 2015 g. / red.kol. K. L. Tomashevsskij (gl.red.) i dr. Minsk: Mezhdunar.un-t «MITSO», 2015.
11. Kudrin S.M. Obespechenie progressa nauchno-tekhnicheskogo tvorchestva sredstvami trudovogo prava: dis. … kand. yur. nauk. Perm', 1998.
12. Gusov K.N. Dogovory o trude v trudovom prave pri formirovanii rynochnoj ekonomiki: avtoref. dis. …dok. yur. nauk. M., 1993.
13. Bryuhina E.R. Pravo na trud i pravo na obrazovanie: regulirovanie otnoshenij po professional'noj perepodgotovke rabotnikov v Rossii: avtoref. dis. … kand. yur. nauk. Perm', 2007.
14. Gorodnicheva N.A., SHapovalova L.D. Dokumentirovanie instituta nastavnichestva v kadrovyh sluzhbah // Deloproizvodstvo. 2017. №1. S. 70-87.
15. Ob uchrezhdenii znaka otlichiya «Za nastavnichestvo» (vmeste s Polozheniem o znake otlichiya «Za nastavnichestvo»): ukaz Prezidenta RF ot 02.03.2018 № 94 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 05.03.2018. №10. St. 1478.
16. Ob utverzhdenii Metodicheskih rekomendacij po vnedreniyu vedomstvennyh (otraslevyh) znakov otlichiya «Pochetnyj nastavnik»: prikaz Mintruda Rossii ot 13.06.2018 № 382 // Byulleten' trudovogo i social'nogo zakonodatel'stva RF. 2018. № 6.
17. Otraslevoe tarifnoe soglashenie v zhilishchno-kommunal'nom hozyajstve Rossijskoj Federacii na 2017-2019 gody (utv. Obshcherossijskim otraslevym ob"edineniem rabotodatelej «Soyuz kommunal'nyh predpriyatij», Obshcherossijskim profsoyuzom rabotnikov zhizneobespecheniya 16.03.2017) (red. ot 07.12.2018); p. 6.8.2 // Rezhim dostupa: https://rosmintrud.ru.
18. Otraslevoe soglashenie po agropromyshlennomu kompleksu RF na 2018-2020 gody (utv. Soyuzom rabotodatelej «Obshcherossijskoe agropromyshlennoe ob"edinenie rabotodatelej «Agropromyshlennyj soyuz Rossii», Associaciej krest'yanskih (fermerskih) hozyajstv i sel'skohozyajstvennyh kooperativov Rossii, Profsoyuzom rabotnikov agropromyshlennogo kompleksa RF, Minsel'hozom Rossii, Rossel'hoznadzorom 06.03.2018) // Rezhim dostupa: http://www.rosmintrud.ru
19. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Dogovornye osnovy podgotovki i dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya rabotnikov: sovremennoe sostoyanie i perspektivy. Dogovory o rezul'tatah intellektual'noj deyatel'nosti // Social'nye dogovory v prave: monografiya. M.: Prospekt, 2017.
20. Ob utverzhdenii Edinogo kvalifikacionnogo spravochnika dolzhnostej rukovoditelej, specialistov i sluzhashchih, razdel «Kvalifikacionnye harakteristiki dolzhnostej rabotnikov obrazovaniya»: prikaz Minzdravsocrazvitiya RF ot 26.08.2010 № 761n (red. ot 31.05.2011) // Rossijskaya gazeta. № 237. 2010.
21. Litvinenko N. Sposoby oformleniya nastavnichestva i ih pravovye posledstviya // Trudovoe pravo. 2015. № 8. S. 61-70.
22. Ob utverzhdenii nomenklatury dolzhnostej pedagogicheskih rabotnikov organizacij, osushchestvlyayushchih obrazovatel'nuyu deyatel'nost', rukovoditelej obrazovatel'nyh organizacij: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 08.08.2013 № 678 // SZ RF. 19.08.2013. № 33. St. 4381.
23. Anishchenko A.V. Social'nye raskhody firmy: lechenie, obuchenie i otdyh personala. M.: Redakciya «Rossijskoj gazety», 2016. Vyp. 6.

НОВИКОВА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА – кандидат юридических наук, доцент, кафедра трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета (nvnovikova@ag.permkrai.ru)
NOVIKOVA, NATALIA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Labor and International Law of the Perm State National Research University (nvnovikova@ag.permkrai.ru)

DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-230-233

АУБАКИРОВА И.У.
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
Орлова Е.Е. Гармонизация правового регулирования занятости населения государств-участников СНГ в контексте евразийской перспективы: монография. – Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО "ТГТУ", 2021. – 252 с.

ABUBAKIROVA, I.U.

MONOGRAPH REVIEW:

Orlova E.E. Harmonization of legal regulation of employment of the population of the CIS member states in the context of the Eurasian perspective: monograph. - Tambov: Publishing Center of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "TSTU", 2021. - 252 p.

Тематика монографического исследования Е.Е. Орловой несомненно носит своевременный и весьма актуальный характер. Она связана с поиском возможностей и способов сближения правового регулирования занятости населения государств- участников СНГ.

В настоящее время происходит масштабная перестройка основ не только всей системы национального права, но и государственных институтов управления, развитие которых все больше синхронизируется с «контекстом евразийской перспективы», о которой пишет автор в своей монографии. Совершенно очевидно, что такая синхронизация осуществляется на наиболее перспективных и актуальных для всех направлений сотрудничества, среди которых, конечно же, находится и проблема правового регулирования занятости населения. Межгосударственная гармонизация законодательства о занятости населения влияет на успешность решения целого ряда проблем: от регулирования миграционных потоков, до профилактики неформальной занятости и борьбы с безработицей.

Без разработки теории сближения права терялся бы весь смысл избранной автором темы, так как в современной юридической науке крайне мало исследований, посвященных этой проблематике. Другие ученые, как правило, упоминают формы сближения в контексте какой-либо отраслевой, сугубо практической проблемы. Такая теоретическая база и методология безусловно

недостаточны для заявленного уровня изучения проблемы, поэтому разработка автором теоретических вопросов сближения права является самостоятельным, но при этом органично связанным с проблематикой занятости населения исследованием.

Заявленная в работе научная тема также имеет значительное экономико-правовое измерение, связанное с текущим состоянием политико-правовых процессов, которые в настоящее время разворачиваются на постсоветском пространстве в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и внутри Содружества Независимых Государств (СНГ). Одним из главных смыслов существования данных объединений является формирование общего рынка труда, являющегося одновременно причиной и производной тех политических и правовых решений, которые на протяжении десятилетий последовательно принимаются государствами-участниками евразийской интеграции. Современное состояние межгосударственных экономических связей и степень развития общего рынка труда уже не просто ожидают, а требуют детального правового оформления, создания надежных механизмов преодоления правовых конфликтов, конкуренции, дублирования и противоречивости разрабатываемых документов и нормативных правовых актов в сфере занятости. Таким механизмом как раз и является гармонизация правового регулирования. В связи с этим, монографическое исследование Е.Е. Орловой представляет значительный научный и практический интерес для российских правоведов. Тем более, что весь представленный в монографии материал подкреплен ссылками на действующее законодательство не только Российской Федерации, но и всех остальных участников интеграции.

Автор скрупулезно рассматривает особенности и структуру национального законодательства в сфере занятости каждого государства-участника СНГ. Помимо глубокой теоретической части, посвященной как вопросам сближения права, так и проблеме правового регулирования занятости, в книге предлагаются конкретные шаги по сближению национальных механизмов правового регулирования в виде Концепции гармонизации и Модельного закона СНГ о занятости. В этом смысле книга выступает в виде универсального практического руководства не только по заявленной в исследовании проблематике, но и по другим направлениям внешней гармонизации действующего законодательства, представляющего общий интерес для государств-участников интеграционных объединений.

Отличительной особенностью монографии является не только логичность ее структуры и полнота раскрытия разделов, но и выбранный автором формат первой главы, довольно содержательный и фундаментальный по своему теоретическому содержанию. В данном подразделе Е.Е. Орлова подробно излагает собственное видение проблемы сближения права, выстраивает весь механизм гармонизации с учетом особенностей занятости населения как специфической сферы правового регулирования на национальном уровнях, с учетом перспективы евразийской интеграции.

Одним из теоретических достоинств работы стал анализ закономерностей и форм сближения права: синхронизации, гармонизации и унификации права. Автор сформулировала определение каждой из форм сближения, показала основные отличия друг от друга. В этом смысле представляется интересным определение гармонизации правового регулирования, которое определяет концепцию всей работы: «Гармонизация правового регулирования в сфере занятости населения государств-участников СНГ устанавливает сходное (сопоставимое): нормативное правовое регулирование на основе создания близких по содержанию механизмов правообразования; устанавливает сходные принципы и механизмы анализа и оценки правоприменительной практики в сфере занятости; устанавливает сходные институты и принципы их функционирования, обеспечивающих права граждан в сфере занятости». Также дается характеристики степеней интенсивности интеграционных процессов (начальная, промежуточная и окончательная) и их влияние на соотношение политических форм интеграции и форм сближения права.

Проведенное автором исследование законодательства о занятости государств-участников СНГ позволяет сделать вывод о наличии как принципиальных, так и частных различий, неодинаковой степени нормативной проработанности, дифференциации в правовом регулировании занятости населения. Поэтому нормы, установленные законодательством о занятости государств-участников СНГ, не во всем согласуются, а нередко и противоречат друг

другу, порой не соответствуют нормам международных правовых актов в сфере занятости населения.

С точки зрения практической значимости работы, автор делает совершенно справедливый вывод о том, что на современном этапе формирования единого правового пространства общего рынка труда уже давно требуется разработка Концепции гармонизации правового регулирования в сфере занятости населения государств-участников СНГ, а также обновление Типового (Модельного) закона о занятости населения, который включал бы в себя наиболее эффективно действующие нормы законодательства о занятости государств-участников СНГ. Проекты этих документов содержатся в приложениях монографии.

Автор уделила значительное внимание проблеме разработанности понятийного аппарата в сфере занятости населения. Было проанализировано содержание и внешние формы выражения, даны определения основополагающих категорий, таких как «занятость», «государственная политика в сфере содействия занятости населения», «правоотношения в сфере занятости населения», «социальная поддержка безработных» и др.

В третьей и четвертой главах монографии изложены результаты анализа эффективности правового регулирования занятости населения в государствах-участниках СНГ с позиций отраслевой принадлежности правовых норм в сфере занятости населения и их месте в системе права, выявлены и предложены меры по устранению несогласованности правовых норм, содержащихся в законодательстве государств-участников СНГ.

Трудно не согласиться с утверждением автора о том, что нормы о занятости населения в законодательстве государств-участников СНГ имеют наиболее очевидную и устойчивую связь с трудовым правом.

Не только в теоретическом, но и в практическом смысле представляется интересным разработанное автором определение понятия «преимущественные права граждан в сфере занятости». Автор предлагает выделить их в отдельную группу «прав в сфере занятости». Основанием такой классификации является особое правомочие в содержании (структуре) таких прав, которое определяется возможностью приоритетной реализации права перед другими лицами. Такое правомочие связанно с преимущественным (приоритетным) порядком осуществления субъективного права, которое носит организационный характер и направлено на обеспечение приоритетности реализации права в сфере занятости. В отличие от льгот, такое право не порождает каких-то дополнительных возможностей, оно утверждает примат обеспечения уже имеющегося у субъекта права в сфере занятости.

Еще одной частью работы, на которую следовало бы обратить внимание, является раздел, посвященный дифференциации в правовом регулировании занятости населения.

В работе доказано, что сущность и в каком-то смысле организационный смысл дифференциации в правовом регулировании занятости населения проявляется в установлении законодательством государств-участников СНГ различий, исключений, предпочтений, ограничений прав, обусловленных особой заботой государства о лицах, испытывающих трудности в поиске работы. Дифференциация в правовом регулировании занятости населения во многом представляет собой результат государственной политики в этой сфере, своеобразный показатель «социальности» публичной власти в стране.

Автором обоснованно были выделены критерии дифференциации: 1) в качестве субъекта установления (введения) дифференциации прав в сфере занятости выступает нормотворческий орган; 2) основаниями дифференциации могут выступать объективные, не зависящие от личности ищущего работу признаки (например, гражданство, федеративное устройство и др.) или субъективные признаки - характеризующие личность ищущего работу (возраст, состояние здоровья, семейные обязанности и т.п.); 3) дифференциация осуществляется посредством принятия норм-дополнений и норм-изъятий; 4) дифференциация является одним из факторов обеспечивающих единство правового регулирования отношений в сфере занятости в государствах-участниках СНГ, фактическое равенство прав субъектов отношений в сфере занятости; 5) дифференциация может иметь как «негативное», так и «позитивное» содержание.

В работе предпринята, полагаем, удачная попытка определения правовых гарантий реализации прав граждан в сфере занятости в государствах-участниках СНГ, проведена их классификация применительно к безработным гражданам. Проведено сравнительно-правовое

исследование правовых форм содействия занятости в государствах-участниках СНГ, также дана их классификация, выявлены основные направления их развития в контексте евразийской перспективы.

Думаю, книга будет полезна не только юристам, но и экономистам, политологам, социологам, финансистам, а также всем специалистам, имеющим отношение к обеспечению процессов евразийской интеграции. Содержание монографии демонстрирует высокий теоретический уровень. Полагаю, что монография Е.Е. Орловой «Гармонизация правового регулирования занятости населения государств-участников СНГ в контексте евразийской перспективы» внесет заметный вклад в развитие науки и всего общества.

АУБАКИРОВА И.У. – доктор юридических наук, профессор Высшей Школы Права Казахского гуманитарно-юридического университета имени М.С. Нарикбаева
ABUBAKIROVA, I.U. - Doctor of Law, Professor of the Higher School of Law of the Kazakh Humanitarian and Law University named after M.S. Narikbaev (abubakirova@mail.ru).

УДК 339.56(470+510) DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-234-241

РАУ, ИОГАНН
ИСТИНА И ЗАБЛУЖДЕНИЕ, ПРАВДА И ЛОЖЬ: ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ

Ключевые слова: заблуждение, истина, ложь, мудрость, правда, агрессия, вымысел, действительность, притворство, самообман, совесть, сомнение, справедливость.

В статье исследуется фундаментальная проблема истинного и ложного, ее корреляция с понятиями правды, вымысла, справедливости, совести, самообмана. Показано, что в народной культуре всех наций России слова «правда» и «совесть» встречаются рядом повсюду. Нормальных людей, не имеющих правды («своей правды») нет; как нет и людей бессовестных. В то же время, содержание слов и понятий «истина» и «правда» существенно отличаются друг от друга. Автор акцентирует внимание на сознательности настоящей лжи, на ее связь с самосознанием человека, в отличие от вымысла, обладающего высочайшей творческой интенцией, способностью обогащать чувства. Отмечено, что вечные истины с научной точки зрения, разумеется, существуют, но нет истин неизменных. Каждая истина может углубляться, уточняться, расширяться, сужаться и т.д. За границей каждой истины простирается океан непознанного.

RAU, JOHANNES

TRUTH AND DELUSION, TRUTH AND LIES: PHILOSOPHICAL NOTES

Key words: delusion, truth, lies, wisdom, truth, aggression, fiction, reality, pretense, self-deception, conscience, doubt, justice.

The article researched the fundamental problem of true and false, its correlation with the concepts of truth, fiction, justice, conscience, self-deception. It is shown that in the folk culture of all the nations of Russia, the words "truth" and "conscience" are found side by side everywhere. There are no normal people who do not have the truth ("their own truth"), like there are no shameless people. At the same time, the content of the words and concepts "truth" and "truth" differ significantly from each other. The author focuses on the conscientiousness of real lies, on its connection with the self-consciousness of a person, in contrast to fiction, which has the highest creative intention, the ability to enrich feelings. It is noted that eternal truths from a scientific point of view, of course, exist, but there are no immutable truths. Each truth can deepen, refine, expand, narrow, etc. Beyond the boundary of every truth, there is an ocean of the unknown.

1. Не верно рассматривать ложь как болезнь, отождествлять истину и правду, заблуждение и ложь.

Повод у нас был простой: при новом чтении «Анатомии человеческой деструктивности» Эриха Фромма мы заметили некоторые странности, если не сказать противоречия в толковании истины и правды этим, нами уважаемым, психоаналитиком и социальным психологом. В конце подпараграфа «Агрессия и сопротивление» он говорит о негативных последствиях сообщения людям правды, что это правда разрушает вежливость, одна из важнейших функций которой – тормозить агрессию. Выходит, что правда усиливает потенциал агрессивности в обществе? Далее Фромм пишет, что осознание истины, которая не соответствует вашим интересам, вызывает неприятие или ненависть не только к ней, но и к ее авторам, пусть вами давно уже обезвреженным [1, s. 231-232].

В другом месте [1, s. 446-486] этой же работы автор подробно представляет читателю Гитлера как абсолютного лжеца и самообманщика, не сказавшего за всю свою взрослую жизнь ни слова правды, ни о своих мыслях, чувствах, оценках и замыслах, ни о предстоящих своих действиях, в которые будут вовлечены сотни тысяч или миллионы людей. И лгал он перед всеми - родными и близкими людьми, друзьями и соратниками, перед политиками внутри и вне страны, перед детьми и животными, прикидываясь любящим их. Гитлер врал перед своими генералами, утверждая, что для него высшая ценность - красота и она, с его помощью, спасет мир. Он всегда, всюду и в любой ситуации жил не по правде, а по лжи или по самообману. Мы и до Фромма знали, что Гитлер был чудовищем, но нам с трудом верится, что он, десятилетия обманывая всех и наслаждаясь самообманом, мог добраться до вершины государственной власти и достичь до 1943 года выдающихся дипломатических и военных успехов. Лишь после сталинградского разгрома началась череда поражений Гитлера, завершившаяся его самоубийством.

Но Гитлер был не только абсолютный, закоренелый лжец. Он еще, пишет Фромм, был параноик, сексуальный извращенец (что довело многих его любовниц до самоубийства), безвольным существом, часто терявшим чувство реальности. К тому же он описывается автором на основе многих свидетельств как «нарцисс», садист, некрофил. Сам Гитлер считал себя гением, осужденным на пожизненное и послежизненное одиночество, пока человечество не поймет, наконец, глубину и правоту его идей о своем очищении. Не обошел Фромм и дарований и талантов Гитлера, но представил их как, скорее, недостатки, чем свойства, украшающие человека, или делающие его более сильным (рисовальный дар без художественного наполнения рисунков; гипнотизирующее многих выражение глаз, улыбки и улыбчивость похожие больше на ироническое или саркастическое подмигивание и у Гитлера: избегание близкого общения с

другими людьми; восприятие других людей не как личностей, а как полезных или бесполезных предметов и отношение к ним как таковым; отсутствие эмпатии, способности сопереживания другим людям, неспособность искренне сочувствовать [2, s. 687].

Гитлер был, среди крупных немецких политических фигур не первым и не последним, уличенным в явной беспардонной лжи. И вспоминается нам в целом уважаемый канцлер Германии Отто фон Бисмарк (Otto von Bismark), который оболгал в июне 1871 года Августа Бебеля, ненавидимого им, как и вся немецкая социал-демократия, которую он окрестил «партией красных». Обвинил он Бебеля в пользовании средствами из доходов бывшего короля Ганновера для покрытия расходов СПГ и своих личных. Социалисты были тогда представлены в парламенте всего двумя, вместе с Бебелем, депутатами. И, тем не менее, эта малая группа вызвала в Бисмарке такую ярость, что он ее окрестил «красной бандой» парламента и не постеснялся покрыть себя скоро доказанной ложью. Примечательно то, что при всей своей неприязни к социалистам, Бисмарк может считаться отцом основателем социального государства в Германии [2, b. 2, s. 674-675; 3, s. 78]. Но хватит с этим персонажем, его описаниями. Нас-то интересует понимание правды и лжи в мыслях, словах, поведении и действиях человека.

И решили мы обратиться к официальной российской философской мудрости – «Новой философской энциклопедии», замеченной Президентом России и отмеченной высокими государственными наградами [4, с. 304]. Заглянули мы в том 3 и нашли статью «Правдоподобные рассуждения». Однако статья «правда» там отсутствует. Нет «правды» и во всех остальных томах НФЭ. «Истина», «Заблуждение» и даже «Ложь» и «Совесть» имеются, а «правды» нет.

При этом к статье «Ложь» имеется ссылка на текст крупнейшего ныне российского философа А.А. Гусейнова «Красно поле рожью, а речь ложью» [4, с. 448]. А мы то думали, что речь хороша, красна красноречием, т.е. ясностью, краткостью и отчетливостью формулировки основных мыслей, их доступностью слушателям, включением в речь элементов юмора, иронии, сарказма, поговорок и пословиц, знакомых данной аудитории, выдумками, наконец. Но нам говорят – лги и речь будет «красна», то есть хороша. Нам представляется, что автор упомянутого текста переоценивает достоинства лжи.

Эти факты привели нас в недоумение: в народной культуре всех наций России слова «правда» и «совесть» встречаются рядом повсюду. Нормальных людей, не имеющих правды («своей правды») нет; как нет и людей бессовестных. Таких людей (бессовестных), нельзя было бы судить, как не судят быка, насмерть забодавшего человека. Иное дело, что совесть у всех разная - от «белой» до «черной».

У немцев «Wahrheit» – истина и «Wahrhaftigkeit» – правдивость различаются. У французов «verite» (истина) имеет другое значение чем «Lebensechtheit», то есть «соответствие правде жизни». У англичан «truth, fact» означает «истина», а «truthfulness, veracity» - правдивость [5, s. 939; 6, s. 252; 7; p.704, 1513, 1542].

Содержание слов и понятий «истина» и «правда» существенно отличаются друг от друга у всех славянских и тюркоязычных народов. От доказательств верности этого тезиса мы здесь воздержимся.

2. Ложь и правда.

Ложь – есть сознательное утверждение существования того, что лжец не считает существующим. Основные причины лжи – страх перед правдой, которую и лжец знает; стремление повысить свою признанность и извлечь из этого пользу; навредить другому; лицемерная вежливость; стремление выразить, якобы, уважение и др. Склонность к неоправданному вранью может перерасти, если врун перестал контролировать себя, в болезнь «псевдологии» («Pseudologie»).

Однако ложь не следует смешивать с любым вымыслом, фантазерством и притворством; она всегда фиксируется нашей собственной совестью, когда мы лжем. Об этом писал, в частности, русский поэт, филолог, академик Василий Кирович Тредиаковский (1703-1768) (наиболее известны два его сочинения: «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» и «Телемахида») [7]: «От сего, что есть творитель, вымыслитель и подражатель, не заключается, что он лживец. Ложь есть против разума и совести, то есть, когда разум или прямо не знает, так ли есть то, что язык говорит, или когда совесть точно известна, что то не так, как уста блядословят» («О … стихотворении Российском»). В этом тексте все верно, кроме отождествления заблуждения

(«когда разум... не знает») с ложью.

Со слов Р.Я. Соловьевовой – глубоко верующего мудрого православного человека: «Перед людьми без лицедейства не обойтись. Это грех не смертный. А вот перед самим собою и пред Богом лицедействовать - грех смертный, смертельный для собственной души».

Можно говорить о трех аспектах правдивости.

1. Я говорю правду (т.е. не вру, что чувствую, думаю, то и говорю).

2. Я говорю о том, что знаю, не скрывая чего-либо, не изменяя что-то в том, что я знаю.

3. В своих речах и делах не притворяюсь

Ложь многолика и имеет явно негативное значение, как обман, а лживость у всех считается пороком, в то время как вымысел почти у всех воспринимается как нечто, скрашивающее жизнь, положительно. Нередко и весьма умные люди отождествляют ложь с несправедливостью. Так Сальери у Пушкина, завидуя Моцарту, сетует «Все говорят – нет правды на Земле, но нет ее и выше». Сальери сетует на отсутствие справедливости: почему это Моцарта оценивают так высоко, а его не замечают. Он-то, как человек грамотный, знал, что правд на Земле столько же, сколько и людей. Но ложь действительно несправедлива, обвиняя безосновательно; человек оболган – всегда означает, что с ним поступили несправедливо. А кто никогда не был оболган, оклеветан, на кого никогда не возводили напраслины? Несправедливости много на Земле и в этом отношении.

Правдивость всеми восхваляема, а у невинного ребенка порою восхитительна. Но и дети, с появлением у них комплекса «Я», т. е. с их становлением личностью, начинают врать, т. е. лгать достаточно невинно еще, без желания причинить вред окружающим. Исследователи (Stanley Hall, например) указывают на такие наиболее распространенные причины детского вранья:

1. Из желания получить для себя что-либо желанное (эгоистическое вранье)

2. Из желания прикрыть нехорошее действие дружка (вранье в поддержку других)

3. Из преувеличенного изображения «хорошести» своего или своего дружка действия (героическое вранье)

Ясно, что с возрастом ребенка преобладание форм вранья и их причин меняется. Например, у детей приблизительно с 3 до 5 лет наблюдается часто так называемое «фантастическое вранье». Это естественно: каждый ребенок лишь постепенно научается различать между внутренним миром (субъективной реальностью) и внешним миром (объективной реальностью). С этим связана, отчасти, и необычная творческая активность детей, которая у большинства взрослых позже утрачивается.

У взрослых детское вранье чаще всего встречается у невротиков, психопатов, истериков и хвастунов, у которых самопохвальба нередко приобретает болезненные формы псевдологии (Pseudologie), трудно поддающейся излечению [8, s. 1706]. Бахвалятся и многие пьяные люди, отчасти потерявшие самоконтроль. Но сильно напившиеся, потерявшие чувство реальности, убедительно врать не могут. Этим пользовались агенты властей, специально подпаивая выдвиженцев на какой-либо пост. В трезвом состоянии врун старается смешивать ложь с правдой. Первая выглядит тогда убедительней.

И это не случайно. Нерасторжимая связь лжи и правды зафиксирована в парадоксе лжеца: «То, что я сейчас утверждаю, ложно». Он также известен как парадокс критянина Эпименида: «Все критяне лжецы». Независимо от того, считаем ли мы эти высказывания правдой или ложью, мы приходим к противоречию. Но оно кроется не в деле, а в самом говорящем.

Великий английский поэт Джон Мильтон утверждал, что ни человек, ни ангел не способны на первый взгляд распознать вранье профессионала (Мильтон и сам одно время был политиком), и что только Бог этот грех безошибочно распознает.

Denn weder Mensch noch Engel auch vermag
Die Heuchelei mit hellem Blick zu schauen,
Das einz`ge Laster- das nur Gott allein
Erkennen kann -
„Das verlorene Paradies“

Религиеведы-атеисты воспринимают религию как веру в фикции, совместную веру в эти фикции. Приведем, к примеру, определение фикции из «Современного толкового словаря русского языка»: «Нечто, не существующее в действительности, лишь видимость чего-либо» [9, с. 891]. С точки зрения социальной психологии нельзя отождествлять фикцию с вымыслом: фикцию,

как и мираж, никто не измышлял, они действуют, т.е. являются действительностью. Так «фикция» вера усиливает сплоченность общностей, малых и больших социальных групп. История религий показывают, что определенным частям общества, иногда абсолютному большинству его членов, вера приносила несомненную пользу и даже спасала, временами, само общество, его культуру от погибели. Вера играла и неоценимую роль при возникновении всех самых могущественных держав мира. Вера в то, что с точки зрения атеиста не существует, оказала сильнейшее влияние на ход мировой истории. Внешние проявления веры (религиозной или иной) – важный фактор идентификации и самоидентификации большинства населения Земли [10, s. 106-108].

Ложь у людей обычных, непрофессиональных лжецов, можно распознать, вернее – почувствовать, любому здоровому человеку на основе метаязыка общения (телодвижения, жесты, мимика, взгляды и др.), например, чересчур любезная улыбка, бегающий взгляд.

Правдивость, если она не противоречит здравому смыслу, награждается общественной приязнью. Здравомыслящие люди понимают, что правдивость во всем и всегда не только смешна, но порою и опасна, как для самого «правдивца», так и для окружающих. Умолчание правды или просто неправда принесли человечеству и много пользы. Можно себе представить, во что бы превратилась жизнь дряблых, неспособных трудиться стариков, некрасивых до уродства, больных людей без надежды на выздоровление или инвалидов с пожизненными ограничениями или просто недалеких, туповатых людей, если бы им говорили правду и только правду. Часто мы не можем, не решаемся говорить правду с тем, чтобы человек мог себя чувствовать здоровее, красивее, сильнее. Еще Анатоль Франц писал, что без лжи человечество погибнет от отчаяния: не так то мы уж и хороши [11, с. 54]. Правда у него речь идет скорее о самообмане, чем об обмане. Если бы не элементы неискренности, обмана и лжи людям было бы затруднительно придерживать хорошие отношения с окружающими. Любой контакт мог бы привести к спору и конфликту. Недаром народная мудрость говорит, что у каждого своя правда и нельзя выставлять ее на всеобщее обозрение полностью. Иных правд существует столько же, как и людей; и, слава Богу, что человеку дана возможность иметь свою правду и способность стоять на ней какова бы не была правда других. Не могут лгать многие люди, больные аутизмом и поэтому, в частности, им так трудно вписаться в общество, где элементы лжи повсеместны [12, с. 352].

«Правду говорить легко и приятно», – заметил один герой известного произведения М. Булгакова [13, с. 22]. Другой известный герой того же романа утверждал, что первый не знает, что есть истина. Но первый показал, что он знает, утверждая, что у второго ужасно болит голова, которая и действительно болела [13, с. 18].

Другой герой этого романа, редактор Берлиоз, ошибался, утверждая, что Христа то вовсе и не было на свете. В силу популярности этого романа считаем нужным прояснить этот вопрос. Такие, более авторитетные чем Берлиоз и Булгаков историки как Иосиф Фловий, Плиний Младший, Суэтон (C. S. Tranquillus, на немецком Sueton), Тацит (Tacitus Publius Kornelius) подтверждают существование Христа как реальной исторической личности. Тацит в «Анналах» (15.44) пишет, что Христос был казнен при правлении прокуратора Понтия Пилата (26 -36 н. Вр.). Христос характеризуется как реально существовавший законоучитель (Рабби) в иудейской Торе; как последний пред Мухаммедом пророк Иса в Коране (Суры 2, 87; 3.45 и далее; 4, 157); признается в индуизме как большой учитель (Гуру); в буддизме почитается как человек, который любовь к людям ценил выше собственной жизни (Ботхизаттва). Все эти религии признают Христа реальным человеком с выдающимися интеллектуальными и духовно моральными качествами, но не богом или сыном бога [14].

Отметим здесь, что некоторые, пусть и простейшие истины знают все и знают, что они их знают. Их обвинять в том, что они не знают истины, не серьезно. Что же касается правды, то ее говорить, не приукрашивая ее, не смягчая, всегда нелегко для людей обычных так и, в особенности, для людей гуманных и высокодуховных.

По случаю постов Евангелическая церковь Германии призвала верующих в эти дни не врать. Специалисты по социальной психологии в Гейдельбергском университете сошлись на том, что это невозможно даже во время поста. Если кто-либо говорил всегда, везде и по любому поводу правду, с ним перестали бы общаться, он был бы исключен из своего сообщества. В то же время исследования в этом университете показали, что человек, который хотя бы на время сознательно, большими волевыми усилиями избавляется от любых форм лжи, чувствует себя необычно хорошо,

лучше, здоровее, чем до этого [15, s. 52].

Ложь амбивалентна по своей сути – она несет в себе и созидание, и разрушение. От случая к случаю врут все без исключения. Если кто утверждает, что ложь ему совершенно чужда, то он лжет. Политики, священники, врачи, журналисты, разведчики, конкуренты, родители по отношению к детям и т.д. вынуждены порою, а то и постоянно, быть неискренними. Да и дети умеют, чуть ли не со времени рождения манипулируя бессознательно, а позже и сознательно нашими чувствами, легко добиваться своего, используя плач или крики.

Чарльз Форд, автор книги «Ложь! Ложь! Ложь! Психология обмана» утверждает: чтобы быть человеком – необходимо уметь врать. Желание соврать, ввести в заблуждение другого, совершенно естественно во многих жизненных ситуациях. Ричард Райт – автор книги «Моральное животное» доказывает, что человек единственное живое существо на планете, способное к вранью, хотя у животных, особенно домашних, можно встретить проявления, подобные лукавству (притворство, хитрость). Способность людей ко лжи неизмеримо возрастает с развитием общества. У первобытных людей было мало сознательной лжи; обманщика легко было вывести на чистую воду, да и наказания за сознательный обман были самые жестокие. Эрик Альтерман, автор книги «Когда врут президенты» и Бунджамин Гинсберг – автор книги «Американская ложь», показывают, что политики не могут быть полностью откровенными, когда речь идет о власти, статусе, интересе партии и больших капиталах [16].

Выше мы указывали на сознательность настоящей лжи, на ее связь с самосознанием человека. С самосознанием связан и вымысел, который нельзя определять как ложь. Основательно вымыслом занимались И. Бентам, Д. Юм, И. Кант, Г. Вайхингер, Л. Витгенштейн и, местами, Ф. Бэкон. Вымысел рассматривался Бэконом как психологическое удовлетворение человеческого ума при создании уверенности там, где «природа вещей ее отрицает» [17, p. 96]. Бентам ввел в теорию проблематику «вымышленных сущностей» как непреложных модальностей для понимания того, как реальность может быть нам дана в целом. Вайхингер этот подход систематизировал, возводя вымысел до основной инстанции конструирования реальности. Бентам полагал, что сможет различать «сущности вымышленные» и «реальные» на основе того, что «реальные сущности» даны, хотя и постижимы только через «вымышленную сущность» [18, p. 30, 49, 154]. Для Вайхингера фактически все было вымыслом кроме человеческих эмоций, которые, в конечном счете, понадобились в качестве реальности с тем, чтобы спасти мир от проваливания в фикцию [19, S.XII, 194-219].

Вымысел обладает высочайшей творческой интенцией, способностью обогащать чувства (важный источник творчества; «Над вымыслом слезами обольюсь», писал Пушкин), но он не во всех своих формах заслуживает доверия. Юм синономично говорит о «фантазии» (fantasy) и «воображении» (imagination) и видит в них разновидность загадочной душевной способности, которая хотя всегда наиболее совершенна в величайших гениях, да, собственно, и является тем, что мы зовем гением, однако необъяснима даже предельными усилиями человеческого понимания» [20, p. 24].

В философии Канта категория «как если бы» фигурирует в качестве квинтэссенции всего умопостигаемого и, следовательно, вымысел – это нечто такое, чему нет альтернативы. Из исследований Канта и Витгенштейна с очевидностью вытекает утверждение, что воображение – это не изолированная способность, что она существует только в комбинации с другими способностями. В то же время нет стабильного восприятия или запечатления объекта без добавки воображения. И в этом плане оно вездесуще. Как резюме к этой части статьи рискнем сделать следующее предположение: Никакая правда не может устоять против вымысла, который всех устраивает. Вымысел – сон может вызвать у отдельного человека бурю настоящих эмоций в реальной жизни (в приведенном ниже случае – тоски):

Бывают ночи: только лягу,
В Россию поплывет кровать;
И вот ведут меня к оврагу,
Ведут к оврагу убивать …
Но, сердце, как бы ты хотело,
Чтоб это правда было так:
Россия, звезды, ночь расстрела

И весь в черемухе овраг.

В.В. Набоков

Можно подумать, что в этой статье возносится панегирик лжи; на деле восхваляется только ложь во благо, «белая» ложь, которая действительно может оказать значительное облегчение жизни людей. Такой ложью врачей является, например, широко известный эффект плацебо [21, s. 108].

Нельзя быть воплощением только правдивости. Нужны и деликатность, и умолчание, и этикет, и желание не навредить правдой, тем, что вы чувствуете, думаете и знаете. Ваша правда всегда ограничена вашим опытом и не может быть безошибочным критерием оценки других. Человек не сводится к одной своей черте, с которой вы отождествляете всего человека (туп, жаден, бирюк и т.д.). Некоторые, вполне безвредные для окружающих привычки человека мы воспринимаем как унижающие его всего, делающие всего его неприятным. Не надо бы на основе отдельных недостатков наносить отрицательный вердикт о самом человеке. Кто из нас не имеет каких-либо недостатков?

Нередко слышишь о человеке «дурак». Когда имеется ввиду, что он слабо и медленно сообразителен или что его манеры поведения не очень привлекательны, или что его «одурачили», т.е. обманули при помощи простейшей хитрости. Если не одурачили, то кто из нас не совершал «дуростей»? Вопрос риторический. Даже великий рационалист Иммануил Кант утверждал, что дурость нападает временами на каждого, т.е. каждый временами, ситуативно может оказаться дураком, а затем снова превращаться в умного, прозорливого человека. Называют порою дураками людей из-за их честности, о чем писала в стихотворении «Дурак» русская поэтесса Римма Казакова:

«Живут на свете дураки,
Идут, бредут в своих веригах,
Невероятно далеки
От разных умников великих.
А умники за их спиной гогочут …
Видали вы растяпу ?!
Дурак, весь век с одной женой!
Дурак, не может сунуть в лапу!»

Итальянский историк Карло Каполла пишет в духе Канта, что дураков вокруг много больше, чем мы полагаем [22, s. 240]. «Естественно, что все ваши противника и враги – дураки, и к их реальным недостаткам мы с удовольствием присовокупляем еще и мифические …, что мешает верно оценить собеседника» [23, s. 7].

Надо бы не спешить с высказыванием своего окончательного мнения и, может быть, воздержаться на время от него. К правдивости относится и способность признать открыто ошибочность своего ранее высказанного мнения, несмотря на свой престиж, авторитет, пост.

Преимущество лжи – она проста, легко понятна и потому быстро распространяется, о чем писал современный русский поэт Вячеслав Сысоев:

Эк расчирикалось вранье.
Я слушаю вполуха,
И точно знаю, воронье
Поможет разлететься слухам.
Уж так давно заведено,
А по-другому как иначе?
Не верим лжи, но все равно
Внимаем толкам и судачим.

Не могут быть ни правдой, ни ложью, ни идеи, ни идеалы, в которые люди верят: нельзя же верить в собственную ложь. Не могут лгать и суждения; и когда говорят «ложные суждения» – это недоразумение. Лгать может только человек.

3. Истина и заблуждение.

Классическое определение истины реалистами – высказывание, соответствующее объективной действительности. Высказывание, соответствующее субъективной действительности – есть правда. Отметим с целью смягчить возможные возражения к этому определению. Под

высказыванием здесь понимается не только вербальное сообщение или математическая констатация, но и воздействие на эту действительность. Под соответствием понимается равенство в каком-либо (любом!) отношении.

Первое определение истины дополняется вторым – более узким: истина есть верное отражение объективной действительности. Отметим здесь, что «соответствие» и «отражение» – это понятия разного содержания. Отражение может и не соответствовать действительности, быть искажением ее до неузнаваемости. Одно из значений слова «верно» в русском языке есть «действительно», и получается в этом определении «действительное отражение действительности», т.е. тавтология.

В приведенных двух определениях используется словосочетание «объективная действительность», что резко сужает сферу применения понятия «истина»: в жизни человека и общества, в научных исследованиях огромную роль играет «субъективная действительность» и результаты, пророжденной ею активности. И эта действительность не менее независима от мыслящего «Я» чем «действительность объективная».

Определяется истина и как идеал знания, что нам представляется сомнительным: идеал, как известно, недостижим, а многие истины вполне достигнуты и используются на практике [4, с. 169]. Нам представляется более приемлемым первое из приведенных определений, но с оговоркой, что речь идет не только об «объективной действительности», а о всей действительности.

Вечные истины с научной точки зрения имеются, но нет истин неизменных. Каждая истина может углубляться, уточняться, расширяться, сужаться и т.д. За границей каждой истины простирается океан непознанного. И чем более мы знаем, тем шире этот океан. Отсюда и парадокс: чем более мы знаем, тем более мы не знаем, т.е. знаем о том, чего мы не знаем. И лишь ограниченные люди (дураки) полагают, что они знают все.

Понятия «истина» и «заблуждение» ограничены в своей правильной применимости. Их следовало бы не применять ни к практике, ни к мышлению. Практика может привести к проставленной цели или не привести. Если привела, то она себя оправдала, если нет – надо ее изменить с учетом негативных последствий предыдущей практики. Сама действительность, то, что на нас действует, не может быть ни истиной, ни заблуждением, ни ложью. Приведем строки А. С. Пушкина:

«Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой стал перед ним ходить
И лучше бы не мог он возразить»
(Цитата по памяти).
Мы, как педагоги, добавим:
«Зачем доказывать суетно,
Коль можно показать предметно».

Процесс мышления, т.е. появления, «творения» мыслей, сам по себе не является ни истиной, ни заблуждением. Он происходит независимо от нас: заблуждаться некому. Иное отдельные мысли, вербально оформленные или, в более общем плане в виде высказываний, могут быть оценены как истинные, так и заблуждения, но не ложью: последняя относится к сфере воли, а не мышления.

Заблуждение – это ошибочная интерпретация свойств предметов, событий или высказываний других людей. Оно базируется на свойстве личности больше верить самому себе, чем достоверно установленным фактам. Заблуждение трудно преодолеть, но еще труднее его осознать.

Заблуждение можно определить и как состояние псевдознания. Заблуждающийся искренне полагает, что знает истину, хотя на деле он ошибается. Заблуждение добросовестно и даже самое грубое из них должно оцениваться иначе, чем ложь. Имеется и деликатное определение заблуждения, как знания, как момента ограниченности любого знания или даже как достоинство, как «индивидуальное своеобразие» или как «отклонение мышления индивида от магистральной линии (что это? - Р.И)». На этих определениях основывают «право на заблуждение»! [4, с. 52]. Уточним, заблуждение по конкретному вопросу есть не ограниченное знание, а отсутствия такового. заблуждение исследователя не его право, как предлагает автор вышеуказанного источника, а, прежде всего, беда, приносящая много разочарований и затрат времени. Каждый

исследователь своеобразен и в достижении истин, и в заблуждениях. Для чего ему не надо какого-то особого права. Заблуждение – неизбежный попутчик, побочный временный продукт поисков истины. Нет таких исследователей, которые бы временами и местами не заблуждались, не ошибались. И что-то мы не припомним, кто из Просветителей отождествлял заблуждение с «невежеством» или с тривиальным обманом (утверждение автора вышеуказанного источника). К тому же Д. Дидро – одна из ведущих фигур Просвещения выявил множество «парадоксов» мышления (соотношение природных задатков в подрастающем человеке и воспитания; необходимости и свободы; причинности и случайности и др.). Он рассматривал сомнение как первый шаг к новой или обновленной истине. Недаром его называли «Новым Сократом» [4, т.1, с. 663]. Он же утверждал, что без авторитетов с педагогической точки зрения не обойтись. Но не надо преклоняться перед ними, иначе собственное мнение и сам творческий процесс не возникнут.

Бесспорных истин, т.е. таких, в которых не стоило бы сомневаться, мало, но они сплачивают человечество и любое сообщество людей. Их особенность – они одновременно и истина, и правда. Без них сообщества распадаются, а человечество может исчезнуть с лица Земли. Ряд таких истин явлены в мудрости, ее признаках, признаваемых всеми цивилизованными народами и их религиями. Ее почти все авторитеты и исследователи сводят к особому виду знания или к уму. Мудрец воплощает наиболее важное для людей знание и побуждает у человека стремление к такому знанию. Наделенность умом – важный, но недостаточный признак мудреца [24, s. 680, 682, 1021, 1290].

В российских изданиях мудрость отождествляется с высшим, глубоким знанием и пониманием, наличием у мудреца большого ума и жизненного опыта. В Новой Философской Энциклопедии мудрость определяется как вид знания высшего, целостного, духовно-практического в его ценностном выражении [4, с. 618].

Наиболее краткое и точное определение мудрости дал Л.Н. Толстой, указавший, что она есть знание не просто истин, не просто многознание, а знание истин вечных, приложимых к жизни любого человеческого сообщества. Такие истины совпадают и с положениями науки: человечество вымрет, если у людей не будет потомства; люди не в состоянии жить без других живых существ на Земле; жизнь любого живого организма конечна и т.д.

Литература и источники

1. Fromm E. Anatomie der menschlichen Destruktivität. Reinbek bei Hamburg 1997, Rowohlt Verlag
2. Till Hein. Das geheime Wissen der Erbsenzähler. In& Das Lexikon. Die Zeit. In 20 Bänden. Hamburg 2005. Band I.
3. Bismark`s Sozialstaat. Hrg. J. Machtan. Frankfurt am Main 1999.
4. Новая философская энциклопедия. В 4-х т. М.: Мысль, 2010. Т.2.
5. Großwörterbuch Deutsch-Russisch. Moskau, 2004.
6. Wörterbuch Französisch Dictionnaire Allemand. Geneva: Eurobuch, 1998.
7. Cassell`s German-English English-German Dictionary. London/New York 1978, Makmillan Publishing CO., Inc.
8. Herders Lexikon der Psychologie, Hreiburg 2007, Verlag HOHE, Bd. 2.
9. Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2001.
10. Dworschak M. Angriff auf die Wirklichkei // Der Spiegel. 8.12.2018.
11. См.: Себелев А. Апология лжи // Русская мысль (La pensee russe). 19.07.12.
12. Лесли Иэн. Прирожденные лжецы. Мы не можем жить без обмана. М.: РИПОЛ классик, 2012.
13. Булгаков М. Мастер и Маргарита. Алма-Ата 1987.
14. Cohn C. Der Prozess und Tot Jesu aus judischer Sicht. Frankfurt am Main 1997.
15. Können wir ohne Lügen, Herr Fiedler? // Der Spiegel.16.3.2019.
16. washprofile.org
17. Bacon Francis. The Advancement of Learning and New Atlantis. Ed. Thomas Case. London 1974.
18. Bentham`s Theory of Fictions. Ed. C.K.Ogden. New York 1959. Peterson.
19. Vaihinger Hans. Die Philosophie des Als-J,. Leipzig 1922.
20. Hume David. A Treatise of Human Natura. Ed. L.A. Selby-Bigge. Oxford 1968.
21. Henning Bek. Wie wirken Plazebos? // GEO 02.2018.
22. Capolla C. Die Prinzipien der menschlichen Dummheit. Berlin 2014. Dr. Köster Verlag,
23. Merkel W. Vom Reiz der Dummheit // Berliner Morgenpost, 8.11.2015.
24. Enzyklopädie Philosophie- Hamburg 1999, Meiner Verlag, Bd. 1-2.

РАУ ИОГАНН – доктор философии, профессор; Научный форум по международной безопасности при Академии штабных офицеров Бундесвера (Гамбург) и Академии защиты Отечества (Вена).
RAU, JOHANNES - Doctor of Philosophy, Professor; Scientific Forum on International Security at the Academy staff officers of the Bundeswehr (Hamburg) and the Academy of defending the Homeland (Vienna) (rau100@mail.ru).

УДК 141.155 (043.83) DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-242-246

ПОПОВ В.Б.
ПОСТНЕКЛАССИКА: ПОИСК НОВЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СИНТЕЗОВ

Ключевые слова: глобальный эволюционизм, социетальность, тоталлогия, многомерный подход, концептуальная сопряженность, эпистемологический континуум, антропосоциетальный универсум.

Автор анализирует современное состояние постнеклассической системы мировидения. Перспективы ее дальнейшего развития видятся ему в концептуальном сопряжении нескольких макропарадигм: глобального эволюционизма, развертывающегося по трем основным направлениям (естественнонаучное, историческое/социологическое, философское/социально-философское), находящимся в едином эпистемологическом континууме, тоталлогического и многомерного подходов. Показано, что Антропосоциетальный Универсум, как полнота человеческого миробытия, структурируется бинарными оппозициями, полюсами которых является Исторический континуум (трансформационное начало) и Социальный (воспроизводственное). Для изучения социальной целостности может быть задействован как системный, так и тоталлогический методы, дополняющих друг друга. Общество может рассматриваться и как совокупность упорядоченных элементов и как социетальное многоединство.

POPOV, V.B.

POST-NON-CLASSICS: SEARCH OF NEW CONCEPTUAL SYNTHESES

Key words: global evolutionism, societality, totalogy, multidimensional approach, conceptual conjugation, epistemological continuum, anthroposocial universe.

The author analyzes the current state of the post-non-classical vision system. The prospects for its further development are seen by him in the conceptual conjugation of several macro-paradigms: global evolutionism, unfolding in three main directions (natural science, historical / sociological, philosophical / socio-philosophical), located in a single epistemological continuum, totalogical and multidimensional approaches. It is shown that The Anthroposocial Universum, as the fullness of human life, is structured by binary oppositions, the poles of which are the Historical continuum (transformational beginning) and Social (reproductive). Both systemic and totalogical methods complementing each other can be used to study social integrity. Society can be considered both as a set of ordered elements and as a societal multi-unity.

К настоящему времени вполне отчетливо проявилась предельность деконструктивистской постмодернистской парадигмы, превратившей мироздание в бессвязный конгломерат замкнутых сегментов, закрывающих дорогу к новому уровню познания. В этой связи принципы плюрализма оказываются столь же беспомощны, как и догматы абсолютизированного детерминистического монизма. Все настоятельней сказывается необходимость в новой метанарративистике с соответствующим категориальным аппаратом, отражающим сущность многомерной и стохастичной Вселенной. Данный когнитивный феномен раскрывается нами через категории, «нелинейный концептуальный синтез», «концептуальная сопряженность»/ «связка»/ «имплементация» [1, с. 102-103]. Смысл нелинейного концептуального синтеза заключается в поиске зон соприкосновения различных методологем (трансконтинуумных когнитивных зон), где одна методология может переходить в другую, это некие переходные сферы, порталы различных научных теорий).

В качестве макрометодологических концептов, соответствующих новому глобальному потснеклассическому синтезу, нам видятся тоталлогический и многомерный подходы, которые, хотя и не получили однозначных оценок, однако, как нам представляется, обладают весьма серьезным эвристическим потенциалом, соединенные с принципами нелинейного эволюционизма [2, с.13-181]. Основной методологической проблемой здесь является соотношение субстанциональности с иерархичностью уровней мироздания. Бытие оказывается единично и множественно одновременно как совокупность сущностей. В этом плане вполне затребованной представляется парадигмальное направление, связанное с идеями Н.О. Лосского – Ж.Л. Нанси о единично-множественном бытии [3]. Основное возражение против концепта целостность/тотальность заключается в том, что он неприменим к безграничной Вселенной [4, с.77]. Однако, как нам представляется, подобное утверждение имеет смысл лишь к классическому холизму, а постклассический постулирует метатеоретический принцип горизонта, а не предела. Это саморасширяющаяся тотальность, сочетаемая с субстанциональностью всех ее уровней. В этой связи перспективным представляется развертывание тоталлогического подхода, заявленного В.В. Кизимой [5; 6], который мы не противопоставляем как неклассическому холизму в широком смысле слова [7], так и постнеклассическому [8, p. 428-429,443-444,485-486; 9, с. 105-110].

Значимость эволюционной теории видится в том, что это, по сути, единственная концептуализированная парадигма движения / изменения / развития, не имеющая сколь-нибудь серьезной научной альтернативы. Как глобальная регулятивная идея она позволяет соотнести мироздание и миробытие человека. При этом, специфической особенностью эволюционизма

является его дискретное сопряженное развертывание сразу в нескольких отраслях знания: естественнонаучном, социологическом/историологическом и философском. Здесь можно выделить два полярных подхода относительно данной теории. Первый (постмодернистский) в русле борьбы с тотализационными концепциями предлагает сдать ее в архив общественной мысли [10, с. 252-256, 264-275; 11, с. 234-241], другой же напротив дальнейшее развитие эволюционной парадигмы видит в новом макрометодологическом синтезе. Это и глобальный эволюционизм в его различных трактовках (например, [12; 13, 14]), о своих макроэволюционных потенциях заявляет синергетика [15, с. 75-90], в области теории социального познания также замечены тотализационные тенденции разного уровня обобщения [16; 17].

Не повторяя того, что уже было высказано, отметим только, что будущее эволюционизма нам видится именно в русле второй тенденции. Так, в биологической науке все более распространяются идеи экосферной / экосистемной эволюции (ЭТЭ) [12; 18]. Сходные моменты прослеживаются и в глобальном эволюционизме (Н.Н. Моисеев и др.), все же в своих базисных концептах опирающейся в первую очередь на биологический эволюционизм. В синергетике все настоятельней звучит мысль о необходимости имплементации в нее идей холизма, без чего исследование процессуальности быстро сведется к набору общих банальностей. Особые надежды здесь возлагаются на принцип аутопоэзиса/автогенеза [15, с. 31-33]. В философской мысли в качестве нового варианта холизма может быть рассмотрена тоталлогия, хотя В.В. Кизима противопоставляет ее как системному подходу, так и холизму [5, с. 39-40], что нам представляется недостаточно обоснованным. Также не бесспорно мнение исследователя о несовместимости эволюции и тоталлогии [5, с. 21-22,27]. В итоге, ему приходится прибегать к маловразумительным понятиям типа «обновление», используя образ Протея, а также «нус» Анаксагора [5, с. 3-4, 32, 37,], чья доказательность более чем сомнительна. В.В. Кизиме также не удалось обосновать концептуальные преимущества «обновления» перед эволюцией. По нашему мнению, эвристический потенциал тоталлогии в полной мере возможно раскрыть через его соединение с идеями постнеклассического холизма и глобального эволюционизма. К этому выводу склоняются Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов, говоря об эволюционном холизме синергетики [15, с. 75-76].

Исходя из всего этого, необходимым представляется параллельное изучение теории эволюции в ее основных направлениях (естественнонаучное, историко-социологическое и философское). Задачей подобного исследования будет не построение единой всеобъясняющей метатеории, базирующейся на неких универсальных законах в духе всеобщего эволюционизма Г.Спенсера (это видится невозможным в принципе), а парадигмальное осмысление круга общих проблем, с которыми в рамках того или иного дискурса сталкиваются данные направления. Это позволит соединить принципы направленности и закономерности эволюционного процесса на глобальном (онтологическом) уровне со стохастичностью протекания в его различных измерениях.

В концептуальном сопряжении с постнеклассическим эволюционизмом может быть задействован многомерный подход, правда, находящйся в стадии становления (решающие шаги в данном направлении проделаны В.Л. Алтуховым [19; 20], хотя его истоки отмечены еще в патристике). Многомерность понимается как сущностное качество сложноорганизованных процессов и явлений, вмещающее множество измерений. Тем самым именно измерение объявляется центральным понятием соответствующей теории, которое представляет собой определенный «срез» целого по определенному основанию, в котором обнаруживается его природа [19, с. 31]. При *этом оно* не есть часть целого, его подсистема или даже аспект. Измерения суть не сливающиеся природы целого, их ядра не смешиваются.

Многомерность как методологический концепт позволит отразить многобразие, безграничность мироздания через бесконечное множество измерений. Разработка общей теории многомерности является одним из ведущих направлений социально-философских исследований. Перспективным подходом здесь будет использование ипостасной модели. Последняя видится через взаимодействие различных типов социальной динамики (маятниковый, циклоидный, линейно-поступательный/формационный, сопряженный) в пространственно-временном континууме [2, с. 294-314]. На аналогичных принципах строится эволюционная морфология (А.Н. Северцов, И.И. Шмальгаузен, А.А. Парамонов, А.Л. Тахтаджан и др.), где в качестве

самостоятельных ветвей биологической эволюции выделены ароморфоз/арогенез, алломорфоз/аллогенез и катаморфоз [21, с. 184-224].

Применительно к социальной реальности может быть задействован концептуальный синтез понятий «социальная тотальность» / «социетальность». Последнее дает основания говорить уже о Мультиверсуме/Мультиверсе как базисном принципе организации Вселенной на всех ее уровнях [20, с. 37-39], однако данные измерения не являются изолированными и самодостаточными, что позволяет снять противоположности единого и многого в новом термине – «Унимультиверсум» (или «Мультиунивесум» ?), где «уни» и «мульти» есть лишь ипостаси многоединой реальности. Впрочем, данная категория («Унимультиверсум»), несмотря на всю свою привлекательность, должна стать предметом специального обоснования, что является делом будущего. В любом случае Универсум человеческого миробытия не конституируется неким Абсолютом как единым детерминистическим началом, а многомерен по своей природе.

Несомненной представляется концептуальная ценность континуальных подходов к социальной реальности (Антропосоциетальности). Континуум выступает как способ конституирования целостности, обеспечивая взаимосвязь части и целого, внутреннего и внешнего, общего и единичного. Модель поля видится здесь наиболее плодотворной. Континуум есть результат процесса общественной жизнедеятельности. В его сращенности со всей полнотой человеческого бытия он является Антропосоциетальным Универсумом, который зависимости от системы измерения предстает то как Социальный, то как Исторический континуум [2, с. 215-219, 223, 226-227]. Общество, с одной стороны, воспроизводит самое себя, с другой – находится в постоянном движении/развитии. Оно замыкается готовыми формами социальности в циклических процессах, но вместе с тем ежечасно разрывается в линейно-трансформационном измерении. Накопление преобразующего начала в деятельности людей приводит к прорыву социальной континуальности исторической, усилению историчности и ослаблению (но не исчезновению) социально-циклического, воспроизводственного момента. Отсюда исчерпание преобразующего импульса дает усиление воспроизводственного начала, смещая общественную динамику уже к Социальному континууму. Линейный (кумулятивный) аспект опосредуется циклическим (общественное воспроизводство). Историческое/трансформационное время здесь поглощается пространством, тем самым, превращая Социально-воспроизводственный континуум в топохрон. Исторический же континуум дает доминирование линейно-поступательного времени над стабилизационным пространством и, соответственно, может быть обозначен как хронотоп в узком смысле слова (в широком хронотоп оказывается синонимичен термину «континуум»). Нетождественность пространственно-временных отношений на каждом новом этапе движения общества создает закручивающийся момент, в результате которого возвращение в исходную точку невозможно даже в колебательных процессах.

Тотальность человеческого миробытия задана неразрывной связью с движением/развитием и деятельностной природой самого человека, что целокупно образует континуум его существования. Деятельность, тем самым, заполняя всю полноту данного поля, структурируется двумя полюсами: воспроизводственно-функциональным и трансформационным (инертная и тотально историализирующая практика/историческая тотализация в терминологии Ж.П. Сартра).

Структура Антропосоциетального Универсума может быть представлена в виде перекрещивающихся бинарных оппозиций, конституируемых вышеназванной полярной природой континуума [2, с. 228-233]. При этом связки-предикаты коренятся как в процессуальности (конвергенция – дивергенция, равномерность – неравномерность, синхронность – диахронность и т.д.), так и в структурности /целостности (глобальное – локальное, полнота – дискретность и т.д.). Поскольку процессуальность и структурность взаимообратимы, то связки–диады могут переходить из одного измерения в другое.

Дифференциация видов деятельности и формирование соответствующих общественных сфер дает очередные измерения структуризации и свои бинарные/дуалистические оппозиции. Общественные сферы, таким образом, приобретают полярную структуру по тем же основаниям (социализация/ воспроизводство – историализация/трансформация, синхронность – диахронность, топохрон – хронотоп). Взаимопроникновение общественных сфер, наложение друг на друга различных систем координат и дуальных связок образуют многомерные детерминационные

отношения, которые не могут быть однозначно соотнесены с какой-либо определенной сферой или уровнем структурной организации.

Для исследования Антропосоциетальности нам представляется явная недостаточность системного подхода, который до сих пор понимается как единственно возможный для этого концепт, хотя возражения против его абсолютизации видятся достаточно основательными [22, с. 33-34; 23, с. 30, 115; 24, с. 13]. Отсюда проблема соотношения социальной целостности и ее составляющих может быть исследована в двух измерениях: тоталлогическом и системном что, соответственно предполагает использование двух категорий: общественная сфера и общественная ситема/подсистема. В первом сфера – это не «часть», а измерение целого по определенному основанию, в качестве которого выступают различные виды общественной жизнедеятельности (экономическая, политическая, духовная, воспроизводство общественного человека). Во втором – общество видится в качестве суперсистемы, макроструктурными составляющими которой являются общественные системы.

Сфера, как эпистемологический континуум, шире понятия «система», поскольку объединяет в рамках того или иного вида деятельности комплекс самых различных явлений и отношений: идеальное и материальное, объективное и субъективное, системное и несистемное. Система же не может одновременно быть и несистемой.

Категории «сфера» и «система» могут использоваться по принципу дополнительности. Они касаются одного и того же объекта, но в разных измерениях. Когда мы применяем термин «система», то акцентируем внимание на институциональную сторону объекта с соответствующими связями и отношениями. Общество здесь – совокупность упорядоченных элементов. Сфера же есть воплощение социетального многоединства, где целое не существует помимо единичного, которое есть отражение целого. Здесь мы рассматриваем взаимное ограничение целого разными ипостасями совместного бытия людей.

В качестве тоталлогических макроструктур Антропосоциетальности выделяются институциональные (экономическая, политическая, духовная) и коммуникативная (социальная) сферы. Последняя как феномен вторичного, производного порядка представляется более сложным, интегральным явлением. Ее традиционные толкования, например, как область взаимодействия социальных общностей [25, с. 611], вызывает ряд резонных вопросов, а чем же она отличается от общества в целом, которое, в конечном счете, тоже представляет собой совокупность индивидов, объединенных в социальные общности совокупностью различных связей и отношений. Слова «общественный» и «социальный» в принципе синонимичны друг другу (лат. «socialis» значит общественный). Эта проблема уже была замечена, хотя предлагаемое разграничение понятий «общественная» и «социальная» система [26, с. 322-327] ее не снимает в полной мере. Н.И. Лапин разграничивает общество в «узком» и «широком» смысле. В первом случае это система социальных отношений между людьми (социум), во втором – общество как антропосоциетальное целое [27, с. 6].

Выход нам видится через применение многомерной/ипостасной трактовки к общественным макроструктурам. Тем самым, социальная сфера выступает и как срез Антропосоциетальности по линии субъект–объектных отношений, и как выражение природы общественного человека во всей его полноте. [28], [29]. Можно сказать, что она надстраивается, вырастает из взаимодействия сфер первого порядка. Как коммуникативная сфера, она заполняет весь континуум Антропосоциетальности, но в то же время взаимодействие/коммуникация не тождественна ей.

Литература и источники

1. Попов В.Б. Становление эволюционной теории: дискретность и классика концептуального сопряжения // Вестник Луганского национального университета им. Владимира Даля. 2017. № 4. Ч.1. С. 102-109.
2. Попов В.Б. Антропосоциетальный Универсум: многомерная эволюция. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2019. 426 с.
3. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Мн.: Логвинов, 2004. 272 с.
4. Гриффен Л.А. Общественный организм (введение в теоретическое обществоведение). К.: ЭКМО, 2005. 628 с.
5. Кизима В.В. Тоталлогия. К.: ПАРАПАН, 2005. 272 с.
6. Кизима В.В. Социум и бытие. К.: ПАРАПАН, 2007. 204 с.
7. Smuts J.C. Holism and evolution. N.-Y.: J.J.Little and Ives Company, 1927. 362 p.
8. Differentiation Theory and Social Change: comparative and historical perspectives. N-Y.; Oxford; Columbia Univ. Press, 1990. 532 p.
9. Луман Н. Эволюция. М.: Логос, 2005. 256 с.
10. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М.: Аспект–Пресс, 1998. 284 с.

11. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996. 417 с.
12. Чайковский Ю.В. Активный, связанный мир. М.: ТНИ КМК, 2008. 726 с.
13. Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм // Вопросы философии. 1991. № 8. С.3-28.
14. Моисеев Н.Н. Системная организация биосферы и концепция коэволюции // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 123-130.
15. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007. 272 с.
16. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформация мир-системы. М.: Либроком, 2009. 568 с.
17. Чешков М.А. Двойная спираль глобализации. М.: Изд–во ИМЭМО РАН, 2007. 178 с.
18. Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М.: КомКнига, 2005. 520 с.
19. Алтухов В. Многомерный мир третьего тысячелетия // Мировая экономика и международные отношения. 2000. №7. С. 30-38.
20. Алтухов В.Л. Логика человеко– и мироустроения. М.: Компания Спутник, 2003. 97 с.
21. Северцов А.С. Направленность эволюции. М.: Изд–во МГУ, 1990. 272 с.
22. Адорно Т.В. Негативная диалектика. М.: Академический Проект, 2011. 538 с.
23. Атоян А.И. Социомаргиналистика. Луганск: РИО ЛИВД, 1999. 456 с.
24. Останина О.А. Историческое бытие как целостность: к постановке проблемы // Целостность в мире философии и социально–гуманитарного знания. Липецк: Изд–во ЛГТУ, 2011. С. 13-16.
25. Философский энциклопедический словарь / глав. ред. Л.Ф.Ильичев. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
26. Социальная философия / под общей ред. В.П.Андрущенко. Киев; Харьков: ИЦ Единорог, 2002. 736 с.
27. Лапин Н.И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социс. 2018. № 3. С.3-13.
28. Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум как форма целостности культуры: к постановке проблемы // В диапазоне гуманитарного знания. Сб. к 80-летию профессора М.С. Кагана. "Серия «Мыслители»". СПб., 2001. С. 165-182.
29. Баркова Э.В. К исследованию мировоззренческих оснований экофилософии // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 1 (30). С. 180-186.

References and Sources

1. Popov V.B. Stanovlenie evolyucionnoj teorii: diskretnost' i klassika konceptual'nogo sopryazheniya // Vestnik Luganskogo nacional'nogo universiteta im. Vladimira Dalya. 2017. № 4. CH.1. S. 102-109.
2. Popov V.B. Antroposocietal'nyj Universum: mnogomernaya evolyuciya. Rostov-na-Donu: Fond nauki i obrazovaniya, 2019. 426 s.
3. Nansi Zh.-L. Bytie edinichnoe mnozhestvennoe. Mn.: Logvinov, 2004. 272 s.
4. Griffen L.A. Obshchestvennyj organizm (vvedenie v teoreticheskoe obshchestvovedenie). K.: EKMO, 2005. 628 s.
5. Kizima V.V. Totallogiya. K.: PARAPAN, 2005. 272 s.
6. Kizima V.V. Socium i bytie. K.: PARAPAN, 2007. 204 s.
7. Smuts J.C. Holism and evolution. N.-Y.: J.J.Little and Ives Company, 1927. 362 p.
8. Differentiation Theory and Social Change: comparative and historical perspectives. N-Y.; Oxford; Columbia Univ. Press, 1990. 532 p.
9. Luman N. Evolyuciya. M.: Logos, 2005. 256 s.
10. Budon R. Mesto besporyadka. Kritika teorij social'nogo izmeneniya. M.: Aspekt–Press, 1998. 284 s.
11. Shtompka P. Sociologiya social'nyh izmenenij. M.: Aspekt-Press, 1996. 417 s.
12. Chajkovskij Yu.V. Aktivnyj, svyazannyj mir. M.: TNI KMK, 2008. 726 s.
13. Moiseev N.N. Universal'nyj evolyucionizm // Voprosy filosofii. 1991. № 8. S.3-28.
14. Moiseev N.N. Sistemnaya organizaciya biosfery i koncepciya koevolyucii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2000. № 2. S. 123-130.
15. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Sinergetika: Nelinejnost' vremeni i landshafty koevolyucii. M.: KomKniga, 2007. 272 s.
16. Grinin L.E., Korotaev A.V. Social'naya makroevolyuciya. Genezis i transformaciya mir-sistemy. M.: Librokom, 2009. 568 s.
17. Cheshkov M.A. Dvojnaya spiral' globalizacii. M.: Izd–vo IMEMO RAN, 2007. 178 s.
18. Nazarov V.I. Evolyuciya ne po Darvinu: smena evolyucionnoj modeli. M.: KomKniga, 2005. 520 s.
19. Altuhov V. Mnogomernyj mir tret'ego tysyacheletiya // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2000. № 7. S. 30-38.
20. Altuhov V.L. Logika cheloveko–i miroustroeniya. M.: Kompaniya Sputnik, 2003. 97 s.
21. Severcov A.S. Napravlennost' evolyucii. M.: Izd–vo MGU, 1990. 272 s.
22. Adorno T.V. Negativnaya dialektika. M.: Akademicheskij Proekt, 2011. 538 s.
23. Atoyan A.I. Sociomarginalistika. Lugansk: RIO LIVD, 1999. 456 s.
24. Ostanina O.A. Istoricheskoe bytie kak celostnost': k postanovke problemy // Celostnost' v mire filosofii i social'no–gumanitarnogo znaniya. Lipeck: Izd–vo LGTU, 2011. S. 13-16.
25. Filosofskij enciklopedicheskij slovar' / glav. red. L.F.Il'ichev. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1983. 840 s.
26. Social'naya filosofiya / pod obshchej red. V.P.Andrushchenko. Kiev; Har'kov: IC Edinorog, 2002. 736 s.
27. Lapin N.I. Antroposociokul'turnyj evolyucionizm – metateoreticheskij princip izucheniya soobshchestv lyudej // Socis. 2018. № 3. S.3-13.
28. Barkova E.V. Prostranstvenno-vremennoj kontinuum kak forma celostnosti kul'tury: k postanovke problemy // V diapazone gumanitarnogo znaniya. Sb. k 80-letiyu professora M.S. Kagana. "Seriya «Mysliteli»". SPb., 2001. S. 165-182.
29. Barkova E.V. K issledovaniyu mirovozzrencheskih osnovanij ekofilosofii // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya. 2013. № 1 (30). S. 180-186.

ПОПОВ ВАСИЛИЙ БОРИСОВИЧ – доктор философских наук, доцент кафедры философии Луганского государственного педагогического университета (kdhs 0828@ g.mail.com).
POPOV, VASILY B. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Chair of Philosophy, Lugansk State Pedagogical University

УДК 316:236.9 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-246-252

ФОМЕНКО М.В., МАРМАЗОВА Т.И., ХИЖНАЯ А.В.
ВЛИЯНИЕ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОГО АРХЕТИПА НА ФОРМИРОВАНИЯ АПОКАЛИПТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Ключевые слова: эсхатология, эсхатологический архетип, архетипический образ, символ, эсхатологическое сознание, экологическое сознание, экологический эсхатологизм

На основе древних мифологических и религиозных учений происходит формирование эсхатологического архетипа, который, становясь неизменной составляющей коллективного мировоззрения, влияет на остальные формы общественного сознания. Особенно наблюдается воздействие на содержание современного экологического сознания: укоренилась установка неизбежности экологического «конца», приближения «последних времен», связанных с нарушением баланса экосистемы. Современная эсхатология чаще всего связывается с экологической проблематикой.

FOMENKO, M.V., MARMAZOVA, T.I., KHIZHNAYA, A.V.

THE INFLUENCE OF THE ESCHATOLOGICAL ARCHETYPE ON THE FORMATION OF APOCALYPTIC ATTITUDES OF ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS

Key words: eschatology, eschatological archetype, archetypal image, symbol, eschatological consciousness, ecological consciousness, ecological eschatology

Based on ancient mythological and religious teachings, an eschatological archetype is being formed, which, becoming an invariable component of the collective worldview, affects other forms of social consciousness. The impact on the content of modern ecological consciousness is especially observed: the installation of the inevitability of the ecological "end", the approach of the "last times" associated with the imbalance of the ecosystem has taken root. Today, eschatology is most often associated with environmental issues.

Современный этап развития общества связан с необходимостью преодоления новых вызовов, ставящих его на грань выживания. При сохранении «старых» глобальных проблем, сегодня появляются все новые, с которыми справиться весьма непросто, несмотря на значительный прогресс науки, достижения в развитии технологий, освоение все больших областей действительности и попытки проникновения в глубинные пласты мироздания. Среди последних значительных потрясений, выпавших на долю человечества, можно выделить следующие: пандемия Covid-19, охватившая практически всю планету, трудно поддающаяся преодолению даже самыми технологически развитыми странами; бушующие на разных континентах лесные пожары, уничтожающие все живое, встречающееся на пути; наводнения, разрушающие результаты достижений передовых цивилизаций; психическая неустойчивость и психологическая уязвимость индивидов, обнажившая всю слабость при столкновении с трудностями – возросло число суицидов, смертность стабильно превышает рождаемость в передовых государствах, повысилась всеобщая агрессивность, процветает духовная деградация, продолжается переоценка ценностей в пользу материального. Все это происходит на фоне прежних проблем: в мире также бушуют войны, интенсивно загрязняется и уничтожается среда обитания, необдуманно исчерпываются ресурсы, нарушается экологический баланс и т.д.

Названные проблемы передовые умы связывают с неразумной деятельностью человека, с чрезмерным потребительским отношением к природной среде, с алчностью и недальновидностью, с несформировонностью экологического мышления, отсутствием экологической мудрости. Поэтому в массовом сознании современного общества с новой силой вспыхивают апокалипсические картины ожидания приближающегося конца, скорой гибели, смерти существующей цивилизации. На это в своих работах обращали внимание многие авторы: Д. Медоуз, Дж. Форрестер, Ф. Лазарев, В. Кутырев, Н. Моисеев, М. Жутиков, Е. Иноземцева, Н. Маркова и др. Но, по большому счету, эсхатологические ожидания не являются атрибутом исключительно настоящего времени. При более тщательном рассмотрении обнаруживаем, что испокон веков они составляли содержание разнообразных дискурсов. По сути, каждый исторический период жизни общества без исключения рассматривался его участниками как трагический, катастрофический, последний, завершающий. Все это нашло отражение в эсхатологии**,** зародившейся в недрах древних мифологических и религиозных доктрин, и представляющей собой «учение о конечных судьбах человеческой личности и всего сущего в “вечности”, … за пределами истории, биографии, вообще “этого” мира» [1, с. 467].

Передаваясь из поколения в поколение, эсхатологические ожидания являлись неотъемлемой социально-психологической составляющей, которая постепенно трансформировалась в эсхатологический архетип, под которым понимается часть психики, еще не подвергшаяся никакой сознательной обработке и поэтому представляющая собой непосредственную психическую данность. «Архетип представляет собой бессознательное содержание, которое изменяется в результате осознания и восприятия…» [2, с. 250]. Эсхатологический архетип, как зафиксированный коллективным бессознательным культурный стереотип, влияет на поведение человека и на историю человечества, указывая на конечность их существования и на то, что за этим последует [3, с. 48-55].

Идею об архетипических основаниях духовной культуры в своих трудах использовали М. Элиаде, Дж. Фрейзер, Л. Ванд, А. Муратова, С. Гроф, В. Ильин, А. Бычко, Э. Афонин, А. Мартынов и многие другие. В частности, в своих работах М.Элиаде стремился докопаться до почти неосознаваемых оснований объективно выраженной культуры и собственной души. Дж. Фрейзер, Л. Ванд, А. Муратова рассматривали проблему влияния мифа, мифологической реальности на современность. С. Гроф занимался изучением измененных состояний сознания и склонялся к идее о мифологеме переселения душ.

В данной статье предпринята попытка показать, как сформированный в древних мифологических и религиозных учениях эсхатологический архетип влияет на становление и функционирование современного экологического сознания, вырабатывая установку экологического эсхатологизма, вкрапляя в массовое сознание идеи «последних времен».

Содержательное представление об архетипе мы находим в работах известного швейцарского психиатра К.Г. Юнга, который разводил понятия архетип и архетипический образ. Архетип понимается как психическая структура, определяющая содержание коллективного бессознательного: схемы образов, фантазий, сформировавшихся ещё в доисторические времена и являющихся общими для всех народов. Архетипический образ выступает наглядно-чувственной формой присутствия архетипа в сознании, способной трансформировать его в символ, соединив образ и рационально невыраженный смысл [2, с. 248 – 290]. Символ - это порождающая модель набора значений. Архетипические образы предшествуют любым формам логического мышления и являются условиями человеческого опыта: интуитивное понимание архетипа направляет работу инстинкта, а сознание направляет волевые акты. Из этого следует, что внешний и внутренний опыт организован в соответствии с архетипическими формами, которые могут подвергаться сознательной обработке, превращаясь в символы, или оставаться на уровне предсознания, воспринимаясь как образы, приходящие извне (из глубин бессознательного). Чем ближе символ к архетипу, тем он более нуминозен, то есть подобен священному.

Ядро духовной жизни, отраженное в идее священного, формируется в каждом человеке на уровне структур коллективного бессознательного [4]. На этом фундаменте строятся отношения между индивидом и обществом, духовная традиция складывается на основе опыта священного, она хранит, транслирует, воспроизводит представления о священном. Когнитивные системы создаются в рамках культурных систем и изначально представляют собой инверсию рационализированных и архаичных слоев сознания. Эти особые состояния сознания трансформируются в культуре главным образом через антропоморфные формы жизнедеятельности на уровне традиций, повседневных и теургических практик, в формах духовной жизни. История, следовательно, является творческим процессом, в основе которого лежит механизм созвездия архетипов: «Тот, кто разговаривает первообразами, говорит тысячью голосами; он постигает, преодолевает и вместе с тем возводит обозначаемое им из единичного и преходящего до сферы вечно сущего, он возвышает личную судьбу до судьбы человечества» [5, с. 59]. К.Г.Юнг определяет направление духовного процесса как установку, а системы установок являются архетипами [5, с.136].

Рождение архетипических образов, по мнению Л.Ванд и А.Муратовой, происходит в так называемой «креативной реальности» [6], которая основана на многотысячелетнем опыте, включающем различного рода ритуалы, произведения искусства, молитвы, медитации, различные массовые акции, таинства и т.д. Ознакомлению с такой «креативной реальности» способствует специфическое мироощущение, свойственное первобытным племенам. Л.Леви-Брюль назвал это мироощущение мистическим участием (партиципацией) [7].

Таким образом, появление эсхатологической составляющей в общественном сознании происходит довольно рано, практически с самого зарождения человечества, и в последующем ее присутствие трансформируется, укрепляясь и распространяясь на новые духовные области функционирования общества. Что касается эсхатологического архетипа, то он, зарожденный в недрах древней мифологии, далее транслируется в религиозно-мировоззренческие доктрины, которые со временем вызревают в монотеистические, мировые религии, и этот парадигмальный процесс продолжается, распространяя и внедряя свои идеи в различные сферы жизни общества: искусство, философию, науку и т.д., культуру в целом.

Главными источниками, запечатлевшими эсхатологические архетипы, были Священные Книги, тексты, писания, предания, которые имеются во всех религиях. Например, для христианства таким ключевым источником является Библия, содержащая множество пророчеств, подробное описание Второго Пришествия Иисуса Христа и вершение Страшного Суда в конце времен (книга «Откровение» Иоанна Богослова), а также это молитвы, указывающие на конечность существования и на воскресение праведников. Способом передачи пророческого Откровения выступает таинственная образность. «Целью образа является не приближение значения его к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание „виденья“ его, а не „узнаванья“». Более того: «Религиозная поэзия почти всех народов написана на полупонятном языке» [8].

Другими важными источниками эсхатологических архетипов выступают культовые здания (храмы, соборы, мечети, синагоги и т.д.), выполняющие функцию связующего звена между мирами: в них осуществляются богослужения, возносятся молитвы, обращенные к Богу и святым, пребывающим в «высшем мире» - совершенном, божественном, чтобы они облегчили земную жизнь людей и помогли им в мире загробном. Также религиозные предметы, утварь, росписи, иконы, наполняющие и украшающие религиозные здания, часто несут в себе эсхатологическое содержание. К примеру, главным эсхатологическим символом христиан является крест, поклонение которому равносильно поклонению образу Христа. Защитные силы креста, хоругвей, надвратных икон в крепостях и монастырях, домах, по убеждениям людей Древней Руси, играли в войнах не меньшую роль, чем пушки, мечи или физическая телесная сила. Крест был источником страданий Спасителя, поэтому он способен победить любые страдания.

Примером архетипического знака и «астрономического пророчества» является календарь: «какая-нибудь заметная дата по ее прошествии не исчезала навсегда, а каждый раз сохраняла свое содержание, когда поступь годового кружения вновь о нее спотыкалась» [9]. В христианском календаре отражены священные даты: дни почитания Бога, Богородицы, святых, праздников, порядок богослужений. При этом главным праздником выступает Пасха, которая вместе с Вознесением и днем Святой Троицы, как бы завершает календарь. Ожидание Пасхи, Воскресения Христа, а «следом и всей твари» - в этом основной смысл проживания каждого дня в своей мистической глубине. Так от кругового хода времени христианство приводит к иному его измерению – линейному, выпрямленному движению вперед, к запредельному концу.

Яркое проявление эсхатологического архетипа обнаруживается и в обрядовых действиях, главной прафеноменальной функцией которых являлось общение всех членов рода, как живущих в данный момент, так и давно умерших. Именно ушедшие предки выступали опекунами и защитниками данного сообщества. Обряд осуществлял «вертикальную» связь с «запороговыми» обитателями и ее реальностью – реальностью наиболее действенной. Проводниками, соединяющими миры, выступали специально подготовленные «пороговые» персонажи: шаманы, прорицатели, старейшины, цари, священники и др. Со временем накапливался богатый опыт перехода, который сохранялся в фольклоре, сказке, искусстве, пластике, танцах, пении, в священных текстах, иконописи и т.д. Например, типичный переходный обряд – суд, который как бы открывает врата неба и преисподней. С решением суда все должны согласиться, и в первую очередь осужденный. Последний суд – это Страшный суд, отношение к которому весьма парадоксально: его ждут, его боятся, он безвозвратно отделит зло от Божественного добра.

Одной из важнейших целей ритуальных «вертикальных переходных» действий является осознание возможности преодоления смерти. В массовой культуре главной ценностью было сохранение семьи и народа, что хорошо отражено в сказках, эпосах, героических мифах, где герой олицетворяет весь народ. Как правило, ключевой персонаж должен пройти через другой мир, преодолеть смерть и в результате получить еще большую силу и навыки. Главной мифологемой культуры предков является передача жизненной силы от предков к потомкам, что также означает преодоление смерти.

Паранормальный опыт, изученный С. Грофом, также коррелирует с прохождением через другой мир [10]. Напитки, которые дают человеку сверхъестественное понимание, давно известны, например, сок красного мухомора, индийская сома, сок кактуса и т.д. Люди оказываются в особом состоянии после длительного поста, трансовых ритуальных танцев, пыток, бессонницы, наркотического опьянения. Изучая подобные состояния у добровольцев с помощью психотехники,

С.Гроф заметил, что они обычно проходят (последовательно или с пропуском) несколько стадий: ощущение невесомости, безопасности, космического единства; чувство опасности, отсутствие выхода, погружение в царство мертвых; отождествление с жертвой и жертвователем; переживание смерти и возрождения.

Итак, эти примеры проявления эсхатологических архетипов убедительно показывают наличие в глубинных структурах социальной психики устойчивого отношения к конечности человеческого бытия. Ясно видно, что древние эсхатологические настроения повлияли на развитие определенных форм общественного сознания: религию, философию, искусство, науку, экологию и др. формы. Наряду с политическим, экономическим, этическим и другими типами сознания сформировалось эсхатологическое сознание, которое понимается как смысловая установка, имеющая социальную природу и отражающая осознание субъектом конечности собственного существования (индивидуальная смерть), а также предполагающая возможность завершения исторического времени, бытия, мироздания, т.е. всеобщую гибель сущего в вечности [3].

Стоит отметить, что эсхатологическое сознание оказало влияние на созревание в глубинах экологического сознания установок на пессимистические прогнозы будущего человечества. Безусловно, это вызвано рядом проблем в системе «человек-природа» и необходимостью осмысления вопросов по предотвращению экологического коллапса, экологического конца, назревающего в результате активной техногенной деятельности человека. Под экологическим сознанием понимается форма общественного сознания, ориентированная на сохранение жизненного пространства человека и общества, направляющая их деятельность на поддержку природного равновесия, защиту среды обитания, заботу по соблюдению баланса при эксплуатации природных ресурсов. Экологическое сознание, как совокупность идей, представлений, убеждений, стереотипов и других духовных образований, отражает и регулирует взаимоотношения человека с окружающей средой [11].

Экологический пессимизм современного массового сознания в основном связан с пониманием проблемы конечности Земли. Сама природа устанавливает пределы роста: все вещи имеют свою собственную меру. Утопические надежды на вечную земную жизнь разрушают реальность того, что существует в данный момент. Не обязательно освобождать будущее от прошлого: если было рождение, то должна быть и смерть. Мы должны стремиться сохранить все формы бытия, где в центре внимания находится настоящее. Это требует устойчивого и стабильного развития, динамичного и постоянно меняющегося равновесия с центром вокруг человека при сохранении его идентичности, что сегодня становится в ряд глобальных задач. Нам грозит вырождение естественного, эмоционального, общительного, нравственного человека, который принимает во внимание законы природы [12]. Повсеместная технократизация превращает его из Homo sapiens в Homo ratio, Homo economicus, человекообразного робота – техногенного, компьютерного, мультипликационного человека. В межличностных отношениях он следует принципу полезности и выгоды. Но ведь люди должны быть с людьми и людьми, именно в этом их отличие. «Если прогресс и техника переступают через человека, то предпочтительнее остаться с человеком, а не с техникой» [13].

Так какое же будущее нас ожидает? В связи с нарастанием экологических проблем во второй половине XX в. в мировом научном сообществе появилось множество разнообразных футурологических организаций, которые были призваны заниматься научно-техническим и социальным предвидением. Так сложилось направление, представители которого (К.Боулдинг, Б.Коммонер, Д.Медоуз, Дж.Форрестер, Б.Уорд и др.) попытались обрисовать перспективы текущей экологической ситуации. В свое время прогнозы, сделанные под эгидой Римского клуба, вызвали большой общественный резонанс. Например, согласно модели «Медоуз-Форрестер», в которой используются современные математические методы, человечество ожидала довольно мрачная перспектива, угрожающая экологическим концом света.

Справедливости ради следует отметить, что не все ученые были согласны с достаточно поверхностными выводами группы Д.Медоуз. Например, П. Бьюкенен резко критиковал мрачные прогнозы Римского клуба [14, с. 41]. Академик Н.Н.Моисеев считал, что доклад Д.Медоуз «Пределы Роста» на первой конференции ЮНЕСКО в Венеции (1972) был встречен излишне восторженно. Ученый писал: «Пожалуй, только я был его единственным оппонентом. Дело в том, что к этому времени у нас уже были продуманы свои принципы будущей работы, имевшей целью

построение вычислительной системы, имитирующей функционирование биосферы. И те элементарные подходы, которые рекламировались Медоуз и которые в своей основе имели методы системной динамики Форрестера, с моей точки зрения, никак не соответствовали сложности задачи» [15, с. 6].

Но, так или иначе, сегодня состояние биосферы Земли подорвано антропным воздействием. На это указывает профессор Ф.В. Лазарев: «…история подошла к такой точке своего течения, когда мы должны отнестись к будущему по-новому, ибо впервые перед нами такое будущее, которого может не быть... Первой критической точкой ближайшего будущего станет такой момент, когда земная цивилизация войдет в стадию неотвратимости катастрофы... По грубым расчетам, мы приблизимся к первой точке – если человечество резко не изменит используемые стратегии жизнедеятельности – через 7-10 лет» [16, с. 7].

Экологическое состояние Земли М. Жутиков сравнивает с процессами поражения здорового организма природы опухолевым образованием, где «опухолевая клетка, и ячейка технологическая используют окружающее живое вещество как материал для своего строительства, … прорастая в него и замещая его собою, питаясь его соками и надвигаясь на него» [17]. Это наблюдается в нарушении естественных кругооборотов; гибели почвенных и водных микроорганизмов; выпадении кислотных дождей, которые угнетают жизнь всего живого; в перерождении облученных особей и т. д. [18; 19] Катастрофы, связанные с деятельностью человека, начинают преобладать над естественными и все чаще провоцировать естественные. Поэтому не случайно умонастроением современного массового сознания все в большей степени овладевает экологический эсхатологизм, под которым понимается учение о конечности существования человечества и всего живого на Земле вследствие предпринимаемых техногенных воздействий на окружающую среду обитания, результатом чего является уничтожение природы, нарушение экологического баланса, усугубление положения человека [11]. Однако, хочется верить, что человечеству хватит мудрости изменить свое отношение и влияние на природу.

Таким образом, все вышесказанное позволяет лучше понять современные массовые ожидания и умонастроения. Многие богословы и даже ученые считают, что мы уже вступили в фазу реализации эсхатологического сценария. Подтверждениями тому служат наводнения, пожары, неизлечимые болезни, «нашествия» различных насекомых, войны, глобальное потепление и т.д. Люди, испытавшие на себе непосредственно подобные бедствия, описывают события не иначе как «конец света». И такое настроение охватывает огромные массы, являясь стойкой установкой в общественном сознании, рожденной в недрах коллективного бессознательного. Поэтому исторически и культурно сформированный эсхатологический архетип стал неотъемлемой частью нашей жизни, особенно проявляя себя в периоды обострения глубоких социальных потрясений. Сегодня целая армия ученых, философов, экологов, активистов пытаются достучаться и предупредить о нависшей экологической катастрофе, о выработке гуманного отношения к природе, о необходимости поиска путей разрешения нависших проблем для сохранения жизни на планете.

Литература и источники

1. Аверин С.С. Эсхатология // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т.4. М.: Мысль, 2001.
2. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание: Сб. М.: «Олимп»; ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1997. С. 248-290.
3. Фоменко М.В. Происхождение и смысл эсхатологического архетипа // Ноосфера і цивілізація. 2006. № 3 (6). С. 48-55.
4. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемости. СПб.: Алетейя, 1998. 249 с.
5. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, Универс, 1994. 336 с.
6. Ванд Л.Э., Муратова А.С. Насколько реальна мифологическая реальность? // Мир психологии. 2003. № 3. С. 47-56.
7. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. 608 с.
8. Шкловский В.Б. Избранное: в 2-х т. Т.1. М.: Художлит, 1983. 639с.
9. Ванд Л.Э., Муратова А.С. Генеалогия культуры и веры: зримое и тайное. М.: «Рудомино», 2000. 523 с.
10. Гроф С. За пределами мозга. Пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1993. 504с.
11. Фоменко М.В. Об эсхатологических установках современного экологического сознания // Ноосфера і цивілізація. 2005. № 2 (5). С. 129-135.
12. Иноземцева Е.А., Самсонова В.И. Экологический кризис как мировоззренческая проблема // Актуальные вопросы повышения качества жизни населения России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 73-78.
13. Кутырев В.А. Бытие человека в постчеловеческом мире (пролегомены к философии феноменологического субстанциализма) // Философия и культура. 2017. № 4. С. 104–122.
14. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада / Пер. с англ. А.Башкиров. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
15. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. 480 с.

16. Лазарев Ф.В. Антропологический манифест. Проект. Симферополь: Международный Центр мониторинга качества жизни, 2005.
17. Жутиков М. Доброкачественна ли цивилизация? // Москва. 2000. №3.
18. Маркова Н.М. Экологический кризис как отражение кризиса духовного с позиции русской православной церкви // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 1. С. 79-83.
19. Кочеров С.Н. В чем различие между философскими идеями и понятиями? // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9. № 4 (37).

References and Sources

1. Averin S.S. Eskhatologiya // Novaya filosofskaya enciklopediya. V 4-h t. T.4. M.: Mysl', 2001.
2. Yung K.G. Ob arhetipah kollektivnogo bessoznatel'nogo // Bozhestvennyj rebenok: Analiticheskaya psihologiya i vospitanie: Sb. M.: «Olimp»; OOO «Izd-vo AST-LTD», 1997. S. 248-290.
3. Fomenko M.V. Proiskhozhdenie i smysl eskhatologicheskogo arhetipa // Noosfera i civilizaciya. 2006. № 3 (6). S. 48-55.
4. Eliade M. Mif o vechnom vozvrashchenii. Arhetipy i povtoryaemosti. SPb.: Aletejya, 1998. 249 s.
5. Yung K.G. Problemy dushi nashego vremeni. M.: Progress, Univers, 1994. 336 s.
6. Vand L.E., Muratova A.S. Naskol'ko real'na mifologicheskaya real'nost'? // Mir psihologii. 2003. № 3. S. 47-56.
7. Levi-Bryul' L. Sverh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii. M., 1994. 608 s.
8. Shklovskij V.B. Izbrannoe: v 2-h t. T.1. M.: Hudozhlit, 1983. 639s.
9. Vand L.E., Muratova A.S. Genealogiya kul'tury i very: zrimoe i tajnoe. M.: «Rudomino», 2000. 523 s.
10. Grof S. Za predelami mozga. Per. s angl. 2-e izd. M.: Izd-vo Transpersonal'nogo Instituta, 1993. 504s.
11. Fomenko M.V. Ob eskhatologicheskih ustanovkah sovremennogo ekologicheskogo soznaniya // Noosfera i civilizaciya. 2005. № 2 (5). S. 129-135.
12. Inozemceva E.A., Samsonova V.I. Ekologicheskij krizis kak mirovozzrencheskaya problema // Aktual'nye voprosy povysheniya kachestva zhizni naseleniya Rossii. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2017. S. 73-78.
13. Kutyrev V.A. Bytie cheloveka v postchelovecheskom mire (prolegomeny k filosofii fenomenologicheskogo substancializma) // Filosofiya i kul'tura. 2017. № 4. S. 104–122.
14. B'yukenen P.Dzh. Smert' Zapada / Per. s angl. A.Bashkirov. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2004.
15. Moiseev N.N. Rasstavanie s prostotoj. M.: Agraf, 1998. 480 s.
16. Lazarev F.V. Antropologicheskij manifest. Proekt. Simferopol': Mezhdunarodnyj Centr monitoringa kachestva zhizni, 2005.
17. Zhutikov M. Dobrokachestvenna li civilizaciya? // Moskva. 2000. №3.
18. Markova N.M. Ekologicheskij krizis kak otrazhenie krizisa duhovnogo s pozicii russkoj pravoslavnoj cerkvi // Social'no-politicheskie nauki. 2020. T. 10. № 1. S. 79-83.
19. Kocherov S.N. V chem razlichie mezhdu filosofskimi ideyami i ponyatiyami? // Vestnik Mininskogo universiteta. 2021. T. 9. № 4 (37).

ФОМЕНКО МАРИНА ВИКТОРОВНА – кандидат философских наук, доцент, кафедра истории и философии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (maryfom@mail.ru).
МАРМАЗОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА – доктор политических наук, профессор, кафедра истории и философии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (t.i.marmazova@yandex.ru).
ХИЖНАЯ АННА ВЛАДИМИРОВНА - кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Профессионального образования и управления образовательными системами», Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина.
FOMENKO, MARINA V. – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University (maryfom@mail.ru).
MARMAZOVA, TATIANA I. - Doctor of Political Sciences, Professor, Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University (t.i.marmazova@yandex.ru).
KHIZHNAYA, ANNA V. - Ph.D. in Pedagogics, Associate Professor, Department of Professional Education and Management of Educational Systems, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (xannann@yandex.ru).

УДК 37.01 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-252-256

ГАГАЕВ П.А., ОСЬМУШИНА А.А., ГАГАЕВ А.А. О КОНКУРЕНЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: образование, воспитание, конкуренция, педагог, иррациональное, рациональное, ценовые отношения, услуга, нравственное, вред.

В статье рассматривается проблема конкуренции в сфере образования. Конкуренция трактуется как реалия, не совместимая с природой воспитания. Иррациональность природы воспитания (воздействия одного человека на другого) противоположна рациональным (ценовым) отношениям в сфере предпринимательства. Конкуренция вытесняет органические для воспитания отношения между педагогом и воспитуемым (отношения, не сводимые ни к каким формальным параметрам). Происходит редукция духовной жизни воспитанника к измеримым реалиям. Сужается потенциал его включенности в социальной бытие. Делается вывод об общем вреде конкурентных отношений в сфере среднего образования.

GAGAEV, P.A., OSMUSHINA, A.A., GAGAEV, A.A.
ABOUT COMPETITION IN THE FIELD OF EDUCATION

Key words: education, upbringing, competition, teacher, irrational, rational, price relations, service, moral, harm.

The article considers problem of competition in the field of education. Competition is interpreted as a reality that is incompatible with the nature of upbringing. The irrationality of the nature of upbringing (the impact of one person on another) is the opposite of rational (price) relations in the field of entrepreneurship. Competition supplants the relationship between the teacher and the educated, organic for education (relations that cannot be reduced to any formal parameters). There is a reduction in the spiritual life of the pupil to measurable realities. The potential of its involvement in social life is narrowing. It is concluded about the general harm of competitive relations in the sphere of secondary education.

Недопустимость ограничения или устранения конкуренции в сфере образования, - так формулируется один из принципов государственной политики в сфере образования в Российской Федерации [ст.3 Закона «Об образовании в Российской Федерации», пункт 1, положение 11; 1, с. 7]. Полагаем, более спорного (граничащего с безответственным) в истории отечественной школы в области ее законодательства, чем эта норма, не было. Постараемся аргументировать обозначенное.

Литература по обозначенной проблеме достаточна обширна. Общее ее содержание - признание реалии конкуренции в образовании *ресурсом* для образовательных организаций, регионов и всей системы отечественного образования [2, с. 18]. Критика проблемы если и существует, то не по существу вопроса (развивать или остановить), а в отношении недолжной оперативности органов управления в принятии решений в искомой сфере (создания условий для конкуренции) и возникающих в процессе введения конкурентных реалий в образование проблем (неравные условия состязательности организаций, оценка деятельности организаций не по качеству обучения, субъективность оценки качества обучения, воспитания, начисления заработной платы педагогов и пр.).

Опираться в работе будем на субстратную рефлексию А.А. Гагаева, согласно которой в предмете познания удерживается его едино-множественная основа и характерное для него стремление к персонификации и отвечанию на обращение к себе со стороны познающего [3].

Конкуренция.

Конкуренция - есть движущая сила того или иного общественного процесса. Людям и их объединениям свойственно искать и добиваться одних и тех же целей. Соперничество, причем весьма и весьма жестокое, в этом случае неизбежно. Соперничество в обретении определенного ресурса (средств, материалов и пр.), его использования, развития полученного преимущества и т.д. В какие бы цивилизационные рамки это соперничество ни вводилось, природа его остается неизменной: есть победители, и есть побежденные. Первые, лучше используя имеющиеся возможности, преуспевают, развиваются, крепнут, захватывают жизненное пространство. Вторые попадают на периферию общественного развития, чахнут и уходят в небытие.

Соперничество в достижении одной цели, так или иначе организованное (или не организованное вовсе), и есть конкуренция (думаем, что сформулированное нами не противоречит определениям этой реалии, данным М. Вебером и другими признанными социологами).

Наиболее отчетливо конкуренция представлена в хозяйственно-экономической сфере. Соперничество в производстве и сбыте того или иного товара - основа и движущая сила предпринимательской деятельности в социуме. Конкуренция в хозяйственно-экономической сфере тесным образом связана с коммерциализацией происходящего со всеми участниками той или иной конкретной деятельности (производителями, потребителями, прочими).

Конкуренция, как неотъемлемая черта социального бытия, придает последнему как положительные, так и отрицательные черты. Положительное связано с поддержанием в социуме и у отдельных его представителей таких черт, как энергичность, предприимчивость, способность к риску в решении значимых вопросов жизни, стремление обрести необходимые для жизни и деятельности знания и пр. Отрицательное находит свое выражение в вытеснении на периферию общества тех, кто менее энергичен, инициативен, образован и пр. Конкуренция поддерживает сильного и делает еще более слабым слабого, хотя и слабый есть тот, без кого социум не может состояться как *сообщество людей*.

Конкуренция – и в этом ее главная уязвимость, как социальной реалии – ориентирована на видение в другом человеке того, кого следует победить, вытеснить из совместной деятельности, опередить в обретении желаемого результата, заставить отказаться от участия в каком-либо предприятии и пр. Конкуренция, выступая как форма развития тех или иных процессов в человеческом социуме, сберегает и приумножает в человеке онтологически свойственную ему *жестокость и агрессивность*.

Будучи ориентированной на достижение рационально формулируемых реалий (достижение конкретной цели) конкуренция подвигает человека и к сведению полноты своего бытия к некоей его *редукции.* Конкуренция бывает там, где некое выступает *как общее* для многих. Например, пространство жизни, тот или иной продукт, возможность осуществлять ту или иную деятельность и пр. Люди (собрания людей, общественные институты и пр.) *соперничают* в обладании

названными общими реалиями. Соперничая в достижении желаемого, люди *поверяют* свое бытие этим желаемым, *как общим* (теми, что может быть формализовано в том или ином определении или той или иной стоимости). Люди поверяют указанными свое бытие и в этом становятся тем, чем они поверяют себя, то есть чем-то исчерпывающе определимым.

Конкуренция, иными словами, *губит* человеческое в человеке.

Гуманная конкуренция.

Возможна ли гуманная конкуренция? М. Вебер писал *о мирных попытках установления контроля* над осуществлением конкурентных взаимодействий [4]. Укажем на то, что ученый обратился к слову «попытки». Уже это говорит о том, что и у него были сомнения относительно того, может ли быть конкуренция мирной. Наше мнение таково, что конкуренция, если исходить из приведенных ранее определений, не может быть гуманной, мирной и пр. Она предполагает достижение цели, каковую ищут несколько субъектов. Как они ее могут разделить между собою? – Никак. Достижение ее – удел того, кто опередит других, безжалостно и бесповоротно.

Жестокость конкуренции может быть смягчена лишь общими правилами ведения той иной общественной деятельности. Но и они, правила, подчеркнем, поддерживают сильного. Уже в Древней Греции философ Фразимах замечал, что равные условия, или справедливость, есть не что иное, как поддержание сильного [5, с. 127]. Сильный в равных условиях, конечно же, опередит слабого и воспользуется своими естественными преимуществами. Воспользуется и вытеснит слабого с арены состязания. Равные условия не меняют восприятие людьми друг друга, как своих противников. Конкуренция всегда остается выражением жестокости жизни вообще и жизни человеческого сообщества в частности.

Образование и конкуренция.

Конкуренция в образовании, исходя из приведенного, способствует поддержанию инициатив, предприимчивости, профессионального роста и разумных рисков в деле обучения и воспитания подрастающего поколения. Конкуренция в образовании находит свое выражение в обретении ее субъектами (образовательными организациями и педагогами) лучших возможностей в сфере организационной, управленческой, финансовой, кадровой, информационной и пр.

В образовании формируется конкурентная среда, в условиях которой на конкурсной основе (в идеале) тот или иной субъект образовательного процесса (образовательная организация, педагог, преподаватель) формирует *собственный статус* в педагогическом процессе, добиваясь, с одной стороны, лучших результатов в обучении и воспитании, а с другой - обретая лучшие для себя условия труда, включая оплату или финансирование своей педагогической деятельности. Создание конкурентной среды в образовательной сфере связывается с введением новой системы оплаты труда учителей, нормативным подушевым финансированием, развитием системы оценки качества образования, расширением общественного участия в управлении школой.

Критика.

Полагаем, осуществляемое ныне в сфере образования приносит больше вреда, чем пользы, всем основным участникам педагогического процесса. Философия конкуренции в образовании та же, что и в сфере хозяйственно-экономической. Оплата труда учителя (по формально описываемому результату), подушевое финансирование, проведение конкурсных мероприятий с целью получения финансовых преференций, система оценки качества труда педагога, предполагающая сведение его деятельности к чему-то последовательно стандартизированному, оптимизация системы образования с учетом приведенных реалий - все это не что иное, как привнесение *ценовой - коммерческо-товарной* - природы в воспитание и обучение подрастающего поколения. Конкуренция в образовании, как бы она ни ограничивалась, строго соотносится с обретением участниками педагогического процесса с преференциями в сфере монетизации труда педагога и в этом превращения его *в коммерческую* деятельность. Не замечающий этого, а не замечает этого прежде всего законодатель (государство), следует страусиной политике, что непозволительно для субъектов, определяющих будущее страны.

Природа воспитания, во всяком случае, в его прочтении русской философией человека, *иррациональна*, как иррациональна человеческая духовность. Формализовать воспитательный процесс, т.е. привести его к некоей стандартизированной форме, невозможно. Следовательно, увязывать оплату труда педагога, а это срединное в процессах создания конкурентной среды в образовании, с формальным результатом его труда *и глупо, и безответственно.*

Учитель (педагог, преподаватель), стремясь занять выгодное для себя с точки зрения конкурентной борьбы место, перестает быть собою, перестает быть тем, кто может, как отец и мать, обратиться к личности маленького человека (открыться ей в своей иррациональности и комплиментарности) и поддержать последнюю в ее добрых начинаниях. Учитель, ищущий *выгоды* для себя в воспитательном процессе (а в этом интенция конкурентной среды), и себя, и ученика, и все другое в воспитании сводит к некой редукции (убогости), каковая находит свое отчетливое выражение в материальном вознаграждении (оплата по труду и пр.). Воспитание в его русском прочтении в этом случае исчезает – возникает *образовательная услуга*, реалия, от каковой старается откреститься официальная педагогика и что ей не удается осуществить.

Конкуренция в образовании последовательно и бесповоротно преобразует процесс воспитания в предоставление тех или иных образовательных услуг. Разница между воспитанием и образовательной услугой не огромна, а отсутствует вообще. Это разные реалии. Воспитание – есть поддержание высокого в человеке, как естественного для него. А (образовательная) услуга - предоставление возможности человеку овладеть каким-либо умением в деятельности и поведении, и не более того. Педагог (преподаватель) в условиях конкурентной среды подвергается соблазну культивировать в себе такую интенцию, как стремление *заработать* - не получать достойную заработную плату в осуществлении принимаемого социумом труде, а извлекать для себя выгоду в труде, который *онтологически* не соотносится с реалией зарабатывания денежных средств. Появление указанного стремления у педагога губительно сказывается на всем его нравственном облике (реалия, каковая архиважна для всей его профессиональной деятельности). Агрессивность, зависть, потеря комплиментарности к коллегам, видение в предмете своей деятельности (ученике) средства разрешения своих профессиональных задач – эти и другие отвратительные черты уже свойственны многим молодым педагогам школы России.

Укажем и на то, что де-факто условия обучения в школах становятся разными. Разными с точки зрения кадрового состава педагогов, оснащенности кабинетов, финансирования образовательной организации и др. Полагаем, это прямое нарушение положений Закона об образовании в Российской Федерации.

Конкуренция отрицательно влияет и на детей (обучающихся). Ребенку психологически трудно выдержать напряжение и не всегда положительные результаты конкретного состязания [6, с. 249]. И в родительской среде справедливо присутствуют скептические настроения о конкуренции в школьной среде [Сайт профессиональных психологов: https://www.b17.ru/psiholog].

В западной образовательной традиции образовательная услуга и конкуренция, как форма ее реализации, – реалии, исторически выверенные и принимаемые субъектами общественной жизни. Европеец, полагаем, легко принимает себя и своих близких, как того, кто готов жить измеримыми – *товарными* – ценностями. В России, как стране, исторически искавшей и ищущей высокого идеала (об этом свидетельствует и текст Закона «Об образовании в Российской Федерации»), воспитание по-прежнему большинством населения воспринимается как некое сакральное, как то, что не может быть сведено к формально описываемым действиям педагога (стандарту) и должно в максимальной степени поддерживаться государством и обществом (оплачиваться высоко и в разумной форме).

Заметим и то, что конкуренция в образовании, как в сфере не производственной, строго не связанной с осуществлением тех или иных классических услуг (всего того, что поддается *измерению* в широком значении этого слова), протекает объективно с большими издержками. Выбор критериев оценки качества образования, принцип финансирования образовательных организаций, методы стимулирования успешности в осуществлении педагогической деятельности, определение самой успешности – это и другое крайне трудно выверить применительно к реальному педагогическому процессу (укажем, к примеру, на издержки привнесения конкуренции в высшее образование в России, фиксируемые в статье Ю.Б. Рубина [2, с. 17-30]).

Что делать?

Простого и исчерпывающего ответа для себя на этот вопрос не видим. Позволим высказать следующие положения.

Для средней общеобразовательной школы конкуренция безусловно *вредна.* Детство, во всяком случае, в русском прочтении этой реалии, – нечто безмерно далекое от прагматико-

рациональных стратегий решения социально значимых проблем [7, с. 88-89]. В профессиональном образовании (среднем и высшем) конкуренция допустима в минимальной степени. Допустима в виде, до минимума снимающем *ценовую* основу обсуждаемой реалии (в профессиональном образовании педагог, преподаватель должны остаться теми, кого отечественная философия образования ставит в один ряд с отцом и матерью воспитанника).

История советской школы свидетельствует о том, что образование может быть конкурентным (в значении – сопоставимым с лучшими образцами человеческой цивилизации), даже если оно базируется на сакральной (иррациональной) основе. Некое – некое *ценностное* – должно быть поддержано государственно-общественными институтами в социуме, дабы педагог и образовательная организация на комплиментарно-состязательной (неконкурентной) основе искали перспективных путей улучшения воспитательно-образовательного процесса.

Заключение.

Конкуренция – реалия, чуждая началам отечественного воспитания (образования). В качестве таковой она, если и может быть привнесена в практику обучения и воспитания, то лишь в максимально измененном для нее виде. В каком? – Об этом да задумаются те, кто от государства и народа получает средства за свою теоретико-образовательную и управленческую деятельность.

Литература и источники

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по состоянию на 2017 год. М.: ЭКСМО, 2017.
2. Рубин Ю.Б. Конкуренция в российском образовании: теории и противоречивые реалии. Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т.25. № 5.
3. Гагаев А.А. Теория и методология субстратного подхода в научном познании. Саранск: МГУ имени Н.П. Огарева, 1994.
4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. / Макс Вебер ; [пер. с нем.] ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. I. Социология.
5. История философии. В кратком изложении / Пер. с чешского И.И. Богута. М.: Мысль, 1991.
6. Бернс Р. Развитие я-концепции и воспитание / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986.
7. Ушинский К.Д. Собрание сочинений. М.-Л.: АПН РСФСР, 1988.

References and Sources

1. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» po sostoyaniyu na 2017 god. M.: EKSMO, 2017.
2. Rubin Yu.B. Konkurenciya v rossijskom obrazovanii: teorii i protivorechivye realii. Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2017. T.25. № 5.
3. Gagaev A.A. Teoriya i metodologiya substratnogo podhoda v nauchnom poznanii. Saransk: MGU imeni N.P. Ogareva, 1994.
4. Veber M. Hozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sociologii. V 4 t. / Maks Veber ; [per. s nem.] ; sost., obshch. red. i predisl. L. G. Ionina; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2016. T. I. Sociologiya.
5. Istoriya filosofii. V kratkom izlozhenii / Per. s cheshskogo I.I. Boguta. M.: Mysl', 1991.
6. Berns R. Razvitie ya-koncepcii i vospitanie / Per. s angl. M.: Progress, 1986.
7. Ushinskij K.D. Sobranie sochinenij. M.-L.: APN RSFSR, 1988.

ГАГАЕВ ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ - доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Пензенского государственного университета (gagaep@mail.ru).

ОСЬМУШИНА АНАСТАСИЯ АНДРЕЕВНА - кандидат философских наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева (98761985@mail.ru).

ГАГАЕВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

- доктор философских наук, профессор.

GAGAEV, PAVEL A. - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Penza State University.

OSMUSHINA, ANASTASIA A. – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of English for Professional Communication, N.P. Ogarev Mordovian State University

GAGAEV, ANDREY A. - Doctor of Philosophy, Professor.

УДК 1(091):177.9 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-256-261

КОСТИН П.А.

ФИЛОСОФИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИЙ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: ответственность, экология, среда обитания, бизнес, общество, народ, патриотизм, мировоззрение, Россия.

Экологическая ответственность бизнеса рассматривается в качестве одного из важнейших видов социальной ответственности. Экологическая ответственность предпринимателя – это показатель подлинного уровня его патриотизма. Освещены основные аспекты социально безответственной деятельности значительной части влиятельных представителей современного российского делового сообщества в экологической сфере. Поставлен вопрос об основаниях деструкций в сфере экологической ответственности бизнеса в постсоветской России. Сделан вывод о необходимости мер, повышающих социальный статус патриотизма бизнеса, следствием чего стало бы, в том числе, совершенствование культуры и уровня экологической ответственности России как субъекта деловых коммуникаций.

KOSTIN, P.A.

PHILOSOPHY OF ENVIRONMENTAL RESPONSIBILITY IN THE SPACE OF BUSINESS COMMUNICATIONS: AXIOLOGICAL ASPECT

Key words: responsibility, ecology, environment, business, society, people, patriotism, worldview, Russia.

The environmental responsibility of business is seen as one of the most important types of social responsibility. The environmental responsibility of an entrepreneur is an indicator of the true level of his patriotism. The main aspects of socially irresponsible activities of a significant part of influential representatives of the modern Russian business community in the environmental sphere are highlighted. The question about the grounds for destructions in the field of environmental responsibility of business in post-Soviet Russia is raised. It is concluded about the necessity for measures to increase the social status of business patriotism, which would result in, among other things, improving the culture and level of environmental responsibility of Russia as a subject of business communications.

Проблемы философии экологической ответственности сегодня являются объектом всестороннего исследования в современных социально-гуманитарных науках. Это объясняется, в частности, тем, что среда бытия и развития человека в современной России сегодня находится в предельно рискогенном пространстве. Факторы, с которыми связано нарушение норм здоровой жизни человека в современной России, многообразны. Не случайно, поэтому, анализ проблем философии экологической ответственности в пространстве бизнес-коммуникаций осуществляется в многообразных аспектах. Так, прежде всего, среди специальных философских аспектов рассмотрения проблемы экологической ответственности отметим такие аспекты, как онтологический [3, 4, 9, 10], гносеологический, философско-методологический [7], философско-экономический [1, 17, 21], религиозно-философский, этический [22], философско-политический [16, 20], культурно-исторический [12, 26], культурологический [15, 24, 27], информационно-коммуникационный [5, 8, 18] и другие.

Но особое значение и актуальность в постсоветской России имеет проблема экологической ответственности бизнеса. По своей значимости экологическая ответственность бизнеса вышла на передний план, прежде всего, после передачи значительной части государственных средств производства, материальных, финансовых и других ресурсов в частные руки. Отметим, что при решении вопросов экологической ответственности новому российскому бизнесу мог помочь зарубежный опыт наиболее развитых стран мира. Здесь едва ли можно было использовать дореволюционный опыт отечественных предпринимателей, хотя бы потому, что возможности частного бизнеса прошлого как позитивно, так и негативно влиять на среду обитания были намного, практически несопоставимо, меньше, чем возможности предпринимателей конца XX в.

В своих книгах, статьях, интервью, воспоминаниях и т.п. не только выгодо-получатели, но и многие другие, «незаинтересованные» современники процесса приватизации признают: они полагали, что приватизация позволит резко улучшить положение дел на нашей Родине в целом, в том числе, ситуацию в экологической сфере. Закреплению этого взгляда в общественном сознании рубежа 1980-х-90-х гг. способствовало и то, что на протяжении, приблизительно, последних 5-6 лет существования Советского Союза, средства массовой информации были переполнены сообщениями о разнообразных экологических бедствиях, обрушившихся на нашу страну, в том числе, по воле государства. Телевизионные передачи, радиоэфиры, публикации в печати свидетельствовали о нанесенном колоссальном ущербе среде обитания, общенародному богатству, которое как бы никому не принадлежало. Предполагалось, что частные предприниматели наведут порядок в сфере природопользования, охраны природы, будут способствовать облагораживанию среды обитания в целом.

После распада СССР в декабре 1991 г. у Российского государства не нашлось средств на проведение позитивной экологической политики, которая была бы направлена на сбережение и развитие среды обитания. Вопреки ожиданиям, абсолютное большинство представителей бизнеса в 1990-е гг. так и не приняло на себя те социальные обязательства, в том числе, в экологической сфере, которые фактически сложило с себя государство. Большинство рядовых граждан оказалось на грани выживания, едва сводило концы с концами. Мы оказались в ситуации, когда, в частности, за состояние среды обитания, по существу, отвечать стало почти некому, за исключением относительно небольшого числа подвижников-энтузиастов. В эти годы берет начало новый виток кризиса в экологической сфере жизни российского общества.

Экологический кризис – одно из следствий и проявлений кризиса патриотической парадигмы в общественном сознании и бытии постсоветской России. Кризис патриотической парадигмы негативно повлиял на экологическое сознание и бытие многих членов российского делового сообщества, в частности, на их представления о собственной экологической ответственности перед Родиной и на их деятельность в экологической сфере. Многими социально

безответственными предпринимателями нанесен колоссальный ущерб среде обитания граждан России.

Начиная с середины 2000-х гг. идет процесс восстановления и «легализации» патриотической парадигмы в общественном сознании и бытии. Восстановление патриотической парадигмы осуществляется с огромным трудом. Такие качества, как любовь к своему Отечеству, стремление действовать на благо Родины, служить своему народу и государству, пронесенные значительной частью народа через немыслимые испытания революционной эпохи, Великой Отечественной войны, ельцинское лихолетье и теперь подвергаются непрерывным ожесточенным атакам.

Разрушительные, нигилистические, античеловеческие, антинародные, антигосударственные, антироссийские тенденции сегодня, как правило, цинично маскируются псевдопатриотической, псевдогосударственнической демагогией. Зачастую, ныне лицемерно разглагольствуют о «патриотизме», «совести», «справедливости», «долге», проповедуют «верность традициям» и т.д. те же ораторы, которые совсем недавно демонстративно, публично презрительно отзывались о России, героических страницах ее истории и ее культуре, издевались над людьми труда, вещали об идеалах «либерализма», «демократии», мифических «правах и свободах человека». Вчерашние атеисты, глумившиеся над верой в Бога и Церковью, адепты вульгарно понимаемых «практик», пропагандировавшие всевозможные пороки, широко использовавшие нецензурную брань и т.д., сегодня осмеливаются учить «религиозности», «духовности», «смирению», основам семейной жизни. Однако за новыми риторическими фигурами по-прежнему скрываются корыстолюбие, жажда власти, аморализм, звериный агрессивный эгоизм, бескультурье, ненависть к добродетели и, конечно, ненависть к России. Подлинному патриотизму сегодня приходится защищаться не только от открытых врагов России, но и от врагов, прикрывающихся лжепатриотизмом, чья разрушительная, антисоциальная, дезорганизующая страну деятельность, зачастую, щедро оплачивается из государственного бюджета. Происходящее отражается и на состоянии экологических компонентов патриотической парадигмы.

Насколько за минувшее тридцатилетие изменились экологическое сознание и бытие России в экологическом аспекте? Принято считать, что экологическое сознание россиян изменилось к лучшему. В какой степени соответствуют действительности заявления о том, что «экологически ответственных людей по всей стране становится все больше!» [23, с.6] и о том, что «забота о природе постепенно становится одним из приоритетов россиян» [23, с.6]? Можно ли безоговорочно верить деловым изданиям, которые заверяют читателя, что и у российского бизнеса «сегодня в приоритете – социальные и экологические проекты» [2, с.8]?

Если характеристика положительных тенденций в экологическом сознании рядовых граждан России представляется близкой к истине, то слова об изменившихся социальных и экологических приоритетах бизнеса вызывают обоснованные сомнения. Да, эти слова теоретически могли бы соответствовать действительности. В самом деле, не только обычные граждане, но и предприниматели должны были бы быть заинтересованы в благополучии среды своего обитания. Однако положение дел в действительности отличается от того, что сообщается в приведенной выше цитате. В особенности, если речь заходит о том, что касается реальных проявлений экологической ответственности бизнеса.

Многие предприниматели сегодня уже готовы рассуждать о экологической ответственности, но не готовы предпринимать реальные, в особенности, крупномасштабные, действия, направленные на сохранение и улучшение среды обитания в России. Зачастую, имеет место имитация экологически ответственного поведения предпринимателями. Трудно отнестись иначе, к примеру, к утверждениям, что «одним из важнейших направлений КСО (корпоративной социальной ответственности – авт.) стала тема изменения климата» [2, с.8]. Остается только догадываться, сколько средств может быть списано на «борьбу» с изменениями климата.

Многие предприниматели, на словах выступающие, в том числе, за компенсацию вреда, который наносит среде обитания их деятельность, не вкладывают средства в решение конкретных экологических проблем, в сбережение и улучшение окружающей среды, поскольку в реальности не ставят перед собой таких задач. «Когда-то ими по бросовым ценам были скуплены, а то и просто отобраны шахты, заводы, фабрики, колхозы, которые строила вся страна. Нам обещали: частный

хозяин поднимет производство на невиданную высоту… Но. Вор никогда не почувствует себя действительно законным хозяином. Он всегда будет стремиться выжать из наворованного как можно больше, прямо сейчас, не вкладываясь. Потому что знает, что он вор и боится, что за ним придут» [19, с.3]. Такого делового человека интересует состояние среды обитания, но не в России, а в той стране, в которой, как правило, давно пребывают его близкие и где он сам окажется после добровольного или вынужденного отъезда из нашей страны.

Каковы реальные результаты того, к примеру, что частные «предприятия инвестируют миллиарды рублей в улучшение экологии уральских городов [23, с.6]»? Можно ли подтвердить фактами, что частные «промышленники считают себя частью города и формируют тренд ответственного отношения к окружающей среде [23, с.6]»? Реальные результаты следующие. В списке 10 российских городов с наибольшим загрязнением воздуха – уральские города Магнитогорск, Нижний Тагил, Челябинск. Список российских городов с наибольшим загрязнением воздуха возглавляют «Братск, Красноярск, Липецк, Магнитогорск, Медногорск, Нижний Тагил, Новокузнецк, Норильск, Омск, Челябинск, Череповец и Чита» [23, с.6]. Автомобили загрязняют воздух, прежде всего, Москвы и Санкт-Петербурга. В других регионах страны положение дел также далеко от нормального. Улучшения, если они есть, нередко, минимальны. Так, например, в одном из городов с наиболее загрязненным воздухом, Норильске, за 2017 – 2021 гг. частным предпринимателям, владельцам предприятий удалось сократить выбросы вредных веществ всего «на 5,7 тонны» [23, с.6] в год при их общем количестве более 1,5 млн. тонн в год. «Совокупный объем выбросов в Братске, к примеру, снизился только на 4,3% к уровню 2017 года» [23, с.6].

Ведущий научный сотрудник Института географии имени В.Б. Сочавы СО РАН (Иркутск) Т. Калихман отмечает: «Пышным цветом расцвела нелегальная рубка леса. А она тесно связана еще с одной бедой – лесными пожарами, которые провоцируют в том числе и «черные лесорубы», чтобы скрыть следы преступления. Все меньше становится пригородных лесов… При этом в состав пригородных включают уже другие участки леса… Фактически зеленая зона уменьшается» [11, с.4], вместо бульваров, парков и скверов, появляются бетонные джунгли. «Опустошенные просторы ряда районов стали видны на космических снимках и попали в интернет. Картина страшная!..» [14, с.5]. 1 января 2022 года вводится запрет на вывоз леса. Но «где деньги, которые потеряла страна?.. В роскошных квартирах?.. В зарубежных счетах и лондонских особняках?» [14, с.5].

Притчей во языцех является вопрос о сверхприбылях частных компаний, занимающихся утилизацией отходов. Переработка отходов, в основном, остается на низком уровне, средства на нее если и выделяются, то, преимущественно, «растворяются» в неизвестности. «Сейчас в России накоплено, по разным оценкам, от 40 до 93 млрд. тонн бытового мусора. И это только на санкционированных полигонах ТБО. Каждый год прибавляется по 58 млн. тонн. По другим данным, в России в год производится до 70 млн. тонн отходов. Территория, которую занимают только официальные полигоны – почти 50 тыс. гектаров… В экологически неблагополучных районах живут более 17 млн. человек» [25, с.6]. «Свалки в России занимают 4 млн. га, что сопоставимо с площадью Швейцарии» [6, с.32]. К примеру, процесс рекультивации челябинской свалки начался только, когда ее площадь достигла 74,5 га (высота свалки составляла 40 м), она содержала более 17 млн. тонн отходов. Между тем, за последние годы в стране «отходов производится все больше – в среднем их объемы растут на 3-5% в год» [6, с.32].

Большой экологический вред наносят частные предприятия теплоснабжения и энергетики. Например, утечка дизельного топлива на ТЭЦ в Норильске 29.05.2020г. привела, по данным ТАСС, к тому, что «предельно допустимая концентрация вредных веществ в воде реки Амбарной превысила норму в 10000 раз». «Теплоснабжение и электроэнергетика – это словно черная дыра. Поэтому эти сферы столь привлекательны для частного бизнеса. В мутной воде рыба очень хорошо ловится, а вся прибыль потом благополучно выводится в офшоры» [13, с.7], - сообщает координатор Центра ОНФ по мониторингу благоустройства городской среды С. Калинина. Типичной является ситуация, когда выясняется, что «поставщики тепла (а это частный бизнес) опять плохо сделали свою работу» [13, с.7].

Где же выход из создавшегося положения? Вероятно, выход в том, что, как указывает д.э.н., проф. А.В. Бузгалин, «в нашей стране, 30 лет назад, казалось бы, отказавшейся от

социалистического созидания, все же сохраняются многие черты прежней системы. Фрагментарно, в деформированном виде, но сохраняются – главным образом, в низовых практиках. В том, что немалое (хотя и все сокращающееся) количество людей все еще стремится, выбирая работу, быть там, где твой труд будет приносить пользу людям, а не только обогащать себя любимого. В том, что мы еще готовы к взаимопомощи и солидарности… В том, что мы еще не разучились думать о Родине…» [7, с.3].

Решение проблемы экологической ответственности бизнеса связано с положительными тенденциями в решении проблем обеспечения духовной безопасности [3] России, профессионального образования и воспитания в традициях патриотизма, коллективизма [22], укрепления нравственности, уважения к культурно-историческому наследию, поддержки семьи как патриотически ориентированной ячейки российского общества и пр. Система ценностей российского предпринимателя должна прийти в соответствие с системой ценностей гражданина-патриота.

Литература и источники

1. Абрамова А.В. Система выгод и затрат в экономике как признание этико-экологических принципов // Вестник ГОУ ДПО ТО «ИПК и ППРО ТО», Тульское образовательное пространство. 2020. №3. С.79-81.
2. Балабошина Д. Люди как новый акцент корпоративной социальной ответственности // РБК+ Корпоративная социальная ответственность. Тематическое приложение к ежедневной деловой газете РБК / РБК. 2021. 28 апреля. №61(3350).
3. Баркова Э.В Экофилософское измерение модели экономики счастья // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 5 (387). С. 38-43.
4. Баркова Э.В. К исследованию мировоззренческих оснований экофилософии// Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 1 (30). С. 180-186.
5. Безвесельная З.В. Некоторые направления и задачи развития философской мысли на пороге экологического кризиса // Право и практика. 2020. №1. С.190-194.
6. Беляева М. Нет отходов – есть сырье // Аргументы и факты. 2021. 24 - 30 ноября. №47.
7. Бузгалин А. Гарант стагнации // Московский комсомолец. 2021. 27 октября. №28654.
8. Гусейнов Ф.И. Сознание человека информационного общества // Личность в условиях глобальных социокультурных трансформаций цифрового информационного общества: сборник статей по итогам Международной научной конференции 2 декабря 2020 года; сборник статей / кол. авторов М.: РУСАЙНС, 2021. С. 46-49.
9. Ивлева М.И. Концепция онтологического статуса субъекта в университетской философии в России в конце XIX – начале XX в.в. // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2012. №8. С.28-35.
10. Ивлева М.И. О спиритуалистической концепции свободы личности // Социально-гуманитарные знания. 2008. №6. С.317-323.
11. Калихман Т. Нужно ли отдавать леса под застройку? // Аргументы и факты. 2021. 1 -7 декабря. №48.
12. Киндзерская М.А., Ахмедова М.М., Конова Е.Ю. Комплекс мер по сохранению культурно-исторического наследия в современной России // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2011. №3. С.15-16.
13. Калинина С. Нужна перестройка ЖКХ. И как можно быстрее // Аргументы и факты. 2021. 29 сентября – 5 октября. №39.
14. Костиков В. Когда снимаешь розовые очки // Аргументы и факты. 2021. 1 – 7 декабря. №48.
15. Малахова Е.В. Проблема личной и социальной ответственности в информационном обществе // Личность в условиях глобальных социокультурных трансформаций цифрового информационного общества: сборник статей по итогам Международной научной конференции 2 декабря 2020 года; сборник статей / кол. авторов М.: РУСАЙНС, 2021. С. 139-144.
16. Мармазова Т.И. Философско-политический анализ функций политики сквозь призму цивилизационного дискурса // Право и практика. 2020. №1. С.179-184.
17. Новикова Е.Ю., Галухин А.В. Экономический патриотизм как мировоззрение // Социально-гуманитарные знания. 2020. №5. С.171-175.
18. Понизовкина И.Ф. Информационная революция: достижения и противоречия в науке // Социально-гуманитарные знания. 2018. №9. С.26-32.
19. Попов Д. Выгодная смерть // Московский комсомолец. 2021. 1 - 7 декабря. №224 (542).
20. Рузанов С.А., Соколов М.В. К вопросу истории общественно-политического движения в Российской Федерации в 1991 – 1999 гг. // Социально-гуманитарные знания. 2020. №5. С.164-170.
21. Самсин А.И., Пономарев М.А. Философия управления: учебное пособие / под ред. М.Н. Кулапова. М.: РУСАЙНС, 2017.
22. Скатерщикова А.В. Индивидуализм в современном обществе: традиции и перспективы // Социально-гуманитарные знания. 2019. №9. С.58-64.
23. Тоцкая Ю. Дышать свободно: как в России решается проблема «черного неба»» // Московский комсомолец. 2021. 24 – 30 ноября. №219 (541).
24. Фоменко М.В. Место толерантности в системе ценностей формирующейся личности // Российская идентичность: социокультурный контекст: сборник научных статей по итогам Международной научной конференции 15 ноября 2019 г. / кол. авторов. М.: РУСАЙНС, 2019. С.243-246.
25. Чуйков А. Плач природы // Аргументы недели. 2020. 22 июля. №28 (722).
26. Яблочкина И.В., Рузанов С.А. Отечественная история: учебник / под общ. ред. И.В. Яблочкиной. М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2017.
27. Баркова Э.В. Ценность жизни, гуманитарное знание и духовная безопасность // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. 2018. С. 332-339.

References and Sources

1. Abramova A.V. Sistema vygod i zatrat v ekonomike kak priznanie etiko-ekologicheskih principov // Vestnik GOU DPO TO «IPK i PPRO TO», Tul'skoe obrazovatel'noe prostranstvo. 2020. №3. S.79-81.

2. Balaboshina D. Lyudi kak novyj akcent korporativnoj social'noj otvetstvennosti // RBK+ Korporativnaya social'naya otvetstvennost'. Tematicheskoe prilozhenie k ezhednevnoj delovoj gazete RBK / RBK. 2021. 28 aprelya. №61(3350).
3. Barkova E.V Ekofilosofskoe izmerenie modeli ekonomiki schast'ya // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 5 (387). S. 38-43.
4. Barkova E.V. K issledovaniyu mirovozzrencheskih osnovanij ekofilosofii//
Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya. 2013. № 1 (30). S. 180-186.
5. Bezvesel'naya Z.V. Nekotorye napravleniya i zadachi razvitiya filosofskoj mysli na poroge ekologicheskogo krizisa // Pravo i praktika. 2020. №1. S.190-194.
6. Belyaeva M. Net othodov – est' syr'e // Argumenty i fakty. 2021. 24 - 30 noyabrya. №47.
7. Buzgalin A. Garant stagnacii // Moskovskij komsomolec. 2021. 27 oktyabrya. №28654.
8. Gusejnov F.I. Soznanie cheloveka informacionnogo obshchestva // Lichnost' v usloviyah global'nyh sociokul'turnyh transformacij cifrovogo informacionnogo obshchestva: sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 2 dekabrya 2020 goda; sbornik statej / kol. avtorov M.: RUSAJNS, 2021. S. 46-49.
9. Ivleva M.I. Koncepciya ontologicheskogo statusa sub''ekta v universitetskoj filosofii v Rossii v konce HIH – nachale HKH v.v. // Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova. 2012. №8. S.28-35.
10. Ivleva M.I. O spiritualisticheskoj koncepcii svobody lichnosti // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2008. №6. S.317-323.
11. Kalihman T. Nuzhno li otdavat' lesa pod zastrojku? // Argumenty i fakty. 2021. 1 -7 dekabrya. №48.
12. Kindzerskaya M.A., Ahmedova M.M., Konova E.YU. Kompleks mer po sohraneniyu kul'turno-istoricheskogo naslediya v sovremennoj Rossii // Sovremennye fundamental'nye i prikladnye issledovaniya. 2011. №3. S.15-16.
13. Kalinina S. Nuzhna perestrojka ZHKKH. I kak mozhno bystree // Argumenty i fakty. 2021. 29 sentyabrya – 5 oktyabrya. №39.
14. Kostikov V. Kogda snimaesh' rozovye ochki // Argumenty i fakty. 2021. 1 – 7 dekabrya. №48.
15. Malahova E.V. Problema lichnoj i social'noj otvetstvennosti v informacionnom obshchestve // Lichnost' v usloviyah global'nyh sociokul'turnyh transformacij cifrovogo informacionnogo obshchestva: sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 2 dekabrya 2020 goda; sbornik statej / kol. avtorov M.: RUSAJNS, 2021. S. 139-144.
16. Marmazova T.I. Filosofsko-politicheskij analiz funkcij politiki skvoz' prizmu civilizacionnogo diskursa // Pravo i praktika. 2020. №1. S.179-184.
17.Novikova E.YU., Galuhin A.V. Ekonomicheskij patriotizm kak mirovozzrenie // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2020. №5. S.171-175.
18. Ponizovkina I.F. Informacionnaya revolyuciya: dostizheniya i protivorechiya v nauke // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2018. №9. S.26-32.
19. Popov D. Vygodnaya smert' // Moskovskij komsomolec. 2021. 1 - 7 dekabrya. №224 (542).
20. Ruzanov S.A., Sokolov M.V. K voprosu istorii obshchestvenno-politicheskogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii v 1991 – 1999 gg. // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2020. №5. S.164-170.
21. Samsin A.I., Ponomarev M.A. Filosofiya upravleniya: uchebnoe posobie / pod red. M.N. Kulapova. M.: RUSAJNS, 2017.
22. Skatershchikova A.V. Individualizm v sovremennom obshchestve: tradicii i perspektivy // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2019. №9. S.58-64.
23. Tockaya Yu. Dyshat' svobodno: kak v Rossii reshaetsya problema «chernogo neba»» // Moskovskij komsomolec. 2021. 24 – 30 noyabrya. №219 (541).
24. Fomenko M.V. Mesto tolerantnosti v sisteme cennostej formiruyushchejsya lichnosti // Rossijskaya identichnost': sociokul'turnyj kontekst: sbornik nauchnyh statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 15 noyabrya 2019 g. / kol. avtorov. M.: RUSAJNS, 2019. S.243-246.
25. Chujkov A. Plach prirody // Argumenty nedeli. 2020. 22 iyulya. №28 (722).
26. Yablochkina I.V., Ruzanov S.A. Otechestvennaya istoriya: uchebnik / pod obshch. red. I.V. Yablochkinoj. M.: FGBOU VO «REU im. G.V. Plekhanova», 2017.
27. Barkova E.V. Cennost' zhizni, gumanitarnoe znanie i duhovnaya bezopasnost' // Gumanitarnoe znanie i duhovnaya bezopasnost'. Sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2018. S. 332-339.

КОСТИН ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ – старший преподаватель кафедры истории и философии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (pkostin5@mail.ru).
KOSTIN, PETR A. – senior lecturer, Department of history and philosophy, Plekhanov Russian University.

УДК 372.8 DOI: 10.24412/2411-2275-2021-4-262-265

КАЗАРЯН Ш.Е., ГРИГОРЯН А.Э.
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКУ

Ключевые слова: метафорическая модель, когнитивный процесс, обучение, концептуальная метафора, язык, мышление.

Статья посвящена рассмотрению образовательного потенциала метафоры в процессе обучения и специфических свойств концептуальной метафоры, как средства познания и как инструмента организации опыта. Особое внимание уделяется тому, как понимание некоторых концептуальных метафор, встречающихся в типологически разных языках, может способствовать процессу преподавания.

KAZARYAN, SH.Y., GRIGORYAN, A.E.

CONCEPTUAL METAPHOR IN LANGUAGE TEACHING

Key words: metaphorical model, cognitive process, learning, conceptual metaphor, language, thinking.

The article deals with the educational potential of metaphor in the learning process and the specific properties of conceptual metaphor as a means of cognition and as a tool for organizing experience. This article gives special attention to how the understanding of some conceptual metaphors which are found in typologically different languages can contribute to the process of teaching.

Преподавание иностранных языков с позиций теории познания и когнитивной лингвистики ведёт к повышению эффективности обучения и намечает новые приёмы в лингводидактике. Не зря в настоящее время происходит рост интереса педагогов к проблемам организации знаний и способам их представления в языке посредством метафорических проекций. Статья посвящена изучению когнитивных процессов в языке и ставит своей целью рассмотрение механизмов метафорической концептуализации и метафорического мышления, как инструмента познания, использование которого в учебной практике способно развить когнитивные способности обучающихся.

Теория концептуальной метафоры проходила в своём развитии разные этапы. Когнитивная лингвистика, как одно из наиболее перспективных направлений современного языкознания, внесла новое в разработку различных лингвистических понятий. В рамках этого направления, ориентированного на постижение когнитивных механизмов познания, получила новую трактовку и метафора. Возникло понятие концептуальной метафоры, которую в современной когнитивной лингвистике трактуют как «ментальную операцию над концептуальными структурами (доменами, фреймами, гештальтами, ментальными пространствами и др.), как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [2, с. 13]. Концептуальные метафоры воспринимаются как отражённые в языке процессы человеческого сознания, как инструменты осмысления человеком мира и взаимосвязи его явлений. Теория концептуальной метафоры находит применение в исследовании динамики значения и полисемии на разных языковых уровнях, соотношения первичных, конкретных значений языковой единицы с ее образными значениями и способности языковых единиц использоваться в нетипичных для них контекстах. Исследование многозначной лексики исходит из тезиса о том, что все значения слова связаны между собой цепочкой метафорических переносов, а развитие семантики слова в целом определяется законами человеческого мышления.

В классических теориях метафора рассматривается как «языковое выражение, в котором слово или несколько слов, обозначающих понятие, используются вне своего обыденного значения с целью выразить другое, сходное понятие» [13, p. 223]. Метафора, как перенос значения на основании отношений подобия, традиционно считалась чисто языковым феноменом и рассматривалась, как правило, применительно к языку художественной литературы, поэтому проблема метафоры рассматривалась больше в литературоведческом аспекте. Однако такое понимание не объясняет, каким образом происходит перенос одного понятия в сферу другого: «Традиционная теория... заставляла рассматривать метафору только как языковое средство, как результат замены слов или контекстовых сдвигов, в то время как в основе метафоры лежит заимствование и взаимодействие идей (*thoughts*), и смена контекста» [8, p. 47].

Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша повседневная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути. Общепринятые абстрактные понятия, такие, как время, состояние, изменение, причина, цель оказываются во многом метафоричными. Таким

образом, становиться понятным, почему в последнее время «центр тяжести в изучении метафоры переместился из филологии..., в которой превалировали анализ и оценка поэтической метафоры, в область изучения практической речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, к концептуальным системам» [1, с. 5].

Одних лингвистических фактов недостаточно для анализа механизмов, с помощью которых осуществляется проекция одних концептуальных сфер на другие. И в этом смысле метафора – это концептуальная проекция, используемая не только в литературно-художественном, но и в повседневном языке. В имеющейся литературе, вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, эти сферы называются соответственно областью-источником (*source domain*) и областью-мишенью/целью (*target domain*) [12]; в иной терминологии – донорской и реципиентной зонами (*donor domain and recipient domain*) [11], сферой-источником и сферой-магнитом и т.п. [10]. Соответственно, в когнитивной лингвистике метафора определяется как понимание одной концептуальной сферы в терминах другой концептуальной сферы. При этом проекция сферы-источника на сферу-цель характеризуется принципом инвариантности. Область-источник, проецируемая в область-мишень, является более известной и понятной в силу своей конкретности, доступности непосредственному чувственному восприятию, тогда как область-мишень характеризуется абстрактностью и недоступностью непосредственному сенсорному восприятию. С точки зрения Д. Лакоффа, одним из важных следствий принципа инвариантности является зависимость абстрактного мышления от метафоризации [13].

Таким образом, метафора признается основным механизмом абстрактного мышления. В связи с этим Х. Ортега-и-Гассет отмечал: «Метафора нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли. Метафора не только средство выражения, метафора еще и важное орудие мышления». И в этом смысле метафора – это концептуальная проекция, используемая не только в литературно-художественном, но и в повседневном языке [9].

«Метафорическое использование языковых конструкций позволяет мысленно разорвать жесткую связь конкретного свойства и конкретного объекта, считать данное свойство общим для разнотипных объектов, на этой основе строить более широкие классы понятий, объединять их в единую систему» [3, с. 256].

Одна из важних практических возможностей концептуальной метафоры заключается в ее применении в области преподавания языка. Так, в ходе работы с языковым материалом, студентам были предложены задания, в которых предполагалось определить прямое и переносное значение глагольних единиц в контексте, а затем самостоятельно определить значение концептуальной метафоры и соотнести ее с соотвествующей метафорической моделю. Материалом исследования являлся массив глагольной лексики со значением передвижения в английском и испанском языках.

Студентам были предложены несколько образных метафорических моделей: *ментальная деятельность → передвижение в пространстве; время → передвижение в пространстве; эмоциональное состояние → передвижение в пространстве; положительное изменение → передвижение вверх; отрицательное изменение → передвижение вниз.* Их задача заключалась в заполнении представленных моделей соответствующими глагольными единицам.

Примеры, представленные в рамках метафорической модели, *ментальная деятельность → передвижение в пространстве* описывают пространственное состояние мыслительных процессов самостоятельных сущностей, а также могут метафорически представлять интеллектуальную деятельность как положение субъекта в определенном мыслительном пространстве *(his mind is walking up and down; se acerca a mí percibo una incomodidad).* В ментальном, мыслимом пространстве глагольные единицы указывают на то, что действие идет к завершению, что оно закончится достижением цели, конечной точки, или преодолением препятствия. Таким образом, указывают на мыслимое перемещение, продвижение вперед, а также на постижение чего-либо при всеобъемлющем рассмотрении явления в ментальном пространстве. Работа мысли может рассматриваться языком как (поступательное) передвижение к постижению чего–то. Обретенное в результате понимание мыслится как достижение цели *(the news took a long time to sink in; no la traté lo bastante para penetrar su pensamiento).*

В рамках метафорической модели *время → передвижение в пространстве* в сознании складывается образ времени как антропоморфного живого существа, обладающего неограниченной властью над жизнью человека, отличительным свойством которого является способность к передвижению (*the days passed in an uneventful round of pleasures; cuando llegó el anochecer del día indicado).* Возможны также случаи употребление и статической схемы, где время представляется как путь линейной протяженности, по которому перемещается человек из прошлого через настоящее в будущее (*we're approaching the end of the year; ya iba yo columbrando una cierta satisfacción de llegar a la vejez sana y ágil).*

Из анализа философских воззрений следует, что пространство и время связаны настолько тесно, что изначально могли быть человеком недифференцированы. М.В. Никитин отмечает, что «ход времени передают через сравнение с перемещением человека (стертые метафоры). Но недискретность времени, каким оно представляется обыденному сознанию, плавность, незаметность его хода, требуют выйти за рамки антропоцентрических аналогий: время течет, летит, мчится и т.п.» [6, с. 290].

Метафорическое использование глагольных единиц передвижения в двух языках особенно продуктивно для передачи различных эмоциональных состояний и представляется моделью *эмоциональное состояние → передвижение в пространстве (a look of pain came across him; por otra parte, pesaba un sentimiento de frustración que le venía).* В языке находит отражение стремление человека познать и упорядочить не только внешний мир, но и внутренний, психологический – мир чувств и эмоций, которые недоступны для непосредственного наблюдения. Пространственная метафора относится к числу самых распространенных для выражения эмоций, возникновение которых часто метафорически уподобляется перемещению в пространстве.

Оппозиция верх – низ является наиболее значимой для большинства культур, Уже Д. Лакофф и М. Джонсон указали, что «ориентационные противопоставления проистекают из того, что наше тело обладает определенными свойствами и функционирует определенным образом в окружающем нас физическом мире» [5, с. 387].

Особая значимость вертикальной оси обусловлена строением человека: именно его тело структурирует пространство. В частности, человек, в отличие от большинства живых существ, обладает вертикальным положением тела. Именно благодаря этим особенностям анатомического строения человек отдает предпочтение вертикальной оси пространства. По справедливому замечанию О.П. Ермаковой, метафорическое употребление единиц пространственной номинации вверх-низ изначально связано с религиозными представлениями (на небе – Бог, в бездне - преисподняя) и может иметь физико-физиологическое обоснование [4, с. 289].

Так, положительные физические состояния обусловлены вертикальным положением живых существ в этом состоянии и, следовательно, верхней ориентацией, а отрицательное физическое состояние связано с необходимостью лежать, т.е. находиться в нижнем положении.

Таким образом, можно заключить, что общим основанием для образного переноса в таких метафорических именах являются закрепленные в языке архетипические представления о пространственной вертикали. Метафорические проекции, объективирующие пространственную вертикаль т.е. *положительное изменение → передвижение вверх; отрицательное изменение → передвижение вниз* также достаточно ярко представлены в двух языках и студентам удалось заполнить данные концептуальные слоты (*rose near the happiness; she had fallen into an attitude of indolent abandonment; subirse por sus propios pasos al último escalón; bajar a su chabola para dejarlos luego en el mismo estado que estaban.* В приведенных примерах передвижение представлено метафорически. Нечто положительное ассоциируется с передвижением вверх, а нечто отрицательное ассоциируется с передвижением вниз.

Приведенные примеры свидетельствуют о широком распространении метафорического представления передвижения как в английской, так и в испанской лингвокультурах, где носители языка стремятся осмыслить абстрактное в понятиях физического, основанного на сенсомоторном опыте человека. Как показал проведенный анализ, концептуальные метафоры, представленные глагольной лексикой в значительной степени универсальны, о чем свидетельствует наличие идентичных метафорических проекций в двух языках. Примечательным является тот факт, что они, в своем большинстве, по-разному вербализуются в зависимости от собственно лингвистических и культурологических факторов, что следует учитывать при обучении студентов.

Методика использования концептуальных метафор в процессе обучения подразумевает обучение студентов процессу проецирования уже имеющихся знаний на новую, незнакомую информацию с целью ее более глубокого понимания. Способность студентов анализировать языковой материал посредством метафорических проекций позволяет расширить их познавательный потенциал, активно воздействует на воображение, формирование эмоций, подсознательные мыслительные процессы учащихся, а также способствует успешному осмыслению языковых явлений. Следует отметить, что для студентов, которые изучают два иностранных языка, знакомство с метафоричекскими моделями становится особенно актуальным. В условиях изучения двух и более языков возможен сопоставительный анализ проекций, который позволит проследить многообразие способов вербализации и концептуализации языковых явлений в сознании представителей разных культур.

Литература и источники

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
2. Будаев Э. В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 21 с.
3. Веряева Ю.А. Метафоризация как инструмент обеспечения личностно ориентированного образования // Вестник Томского государственного университета. 2007. №299. С. 158-162.
4. Ермакова О.П. Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 289-298.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. Общ. Ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 387-415.
6. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1997. 757 с.
7. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С.68-81.
8. Ричарде А. Философия риторики // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 44-67.
9. Симоненко М.А. Метафора как научная категория и как механизм когниции (на примере архитектурной метафоры) // Типы категорий языка. Серия Когнитивные исследования языка: Вып. VII. М.: Институт языкознания РАН, 2010. - №7. С. 226-232.
10. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-т., 2003. 248 с.
11. Kittay E., Lehrer A. Semantic field and the structure of metaphor // Studies in language. 1981, № 5. Pp. 31-63.
12. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 354 p.
13. Lakoff G. The contemporary theory of metaphore / Metaphor and Thought. Ed-d by Ortony A. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 202-251.

References and Sources

1. Arutyunova N.D. Metafora i diskurs // Teoriya metafory. M.: Progress, 1990. S. 5-32.
2. Budaev E.V. Metaforicheskoe modelirovanie postsovetskoj dejstvitel'nosti v rossijskom i britanskom politicheskom diskurse: avtoref. diss. … kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2006. 21 s.
3. Veryaeva Yu.A. Metaforizaciya kak instrument obespecheniya lichnostno orientirovannogo obrazovaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. №299. S. 158-162.
4. Ermakova O.P. Prostranstvennye metafory v russkom yazyke // Logicheskij analiz yazyka. Yazyki prostranstv. M., 2000. S. 289-298.
5. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem // Teoriya metafory. Obshch. Red. N.D. Arutyunovoj i M.A. Zhurinskoj. M.: Progress, 1990. S. 387-415.
6. Nikitin M.V. Kurs lingvisticheskoj semantiki. SPb.: Nauch. centr problem dialoga, 1997. 757 s.
7. Ortega-i-Gasset X. Dve velikie metafory // Teoriya metafory. M.: Progress, 1990. S.68-81.
8. Richarde A. Filosofiya ritoriki // Teoriya metafory. M.: Progress, 1990. S. 44-67.
9. Simonenko M.A. Metafora kak nauchnaya kategoriya i kak mekhanizm kognicii (na primere arhitekturnoj metafory) // Tipy kategorij yazyka. Seriya Kognitivnye issledovaniya yazyka: Vyp. VII. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2010. - №7. S. 226-232.
10. Chudinov A.P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoj kommunikacii. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. ped. un-t., 2003. 248 s.
11. Kittay E., Lehrer A. Semantic field and the structure of metaphor // Studies in language. 1981, № 5. Rp. 31-63.
12. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 354 p.
13. Lakoff G. The contemporary theory of metaphore / Metaphor and Thought. Ed-d by Ortony A. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. Pp. 202-251.

КАЗАРЯН ШУШАНИК ЕРВАНДОВНА – доцент кафедры иностранных языков №2 РЭУ имени Г.В. Плеханова.
ГРИГОРЯН АРМИНЕ ЭДУАРДОВНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков №2 РЭУ имени Г.В. Плеханова.
KAZARYAN, SHUSHANIK Ye. - Associate Professor of the Department of Foreign Languages №2 of the PRUE named after G.V. Plekhanov (suzy24.10@mail.ru)
GRIGORYAN, ARMINE E. - Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages No. 2 of the PRUE named after G.V. Plekhanov (grigarm7@yandex.ru)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПРАВО И ПРАКТИКА

Ежеквартальное издание

Учредители:

АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права»
НО «Кубанская коллегия адвокатов адвокатской палаты Краснодарского края»

Издательство
АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права»
119192, Москва, Мичуринский проспект, 16, к.267
E-mail:info@helri.com. Официальный сайт: www.helri.com
Тел. +7 (495) 227-24-13
Подписано в печать 24.12.2021г.
Формат 64х92/8 Тираж 500 экз. Заказ № 10